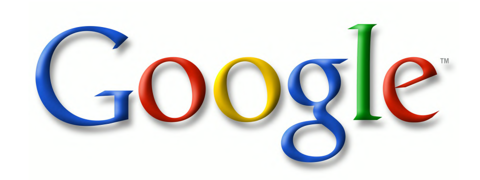

Severnyi vestnik

СѢВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ

1898.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

Іюнь—Іюль № 6—7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1898.

Отъ редакціи.

Въ виду поздняго выхода майской книжки «Сѣвернаго Вѣстника», іюньскій и іюльскій нумера соединены вмѣстѣ.

СОДЕРЖАНІЕ

№ 6—7 „Сѣвернаго Вѣстника“ 1898 г

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

См. 3-ю стр. обложки.

СѢВЕРНЫЙ
ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Іюнь—Іюль № 6—7.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева), Невскій просп., 8.
1898.

Отъ редакціи.

Въ виду поздняго выхода майской книжки «Сѣвернаго Вѣстника», іюньскій и іюльскій нумера соединены вмѣстѣ.

СОДЕРЖАНІЕ
№ 6—7 „Сѣвернаго Вѣстника" 1898 г.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

См. на оборотѣ.

СТРАН.

Не повѣрили.

(*Окончаніе*).

XI.

Только у себя дома Лида вполнѣ почувствовала, до какой степени ее потрясло свиданіе съ Мартой. Тамъ отрывочныя впечатлѣнія сыпались на нервы, точно градъ внезапныхъ ударовъ и острыхъ уколовъ, не сливаясь въ ясную, цѣльную картину. Мысль была вся захвачена напряженнымъ ощущеніемъ ожиданія, полнымъ темнаго страха: точно тутъ-же на ея глазахъ что-то ужасное могло случиться.

И Лида спорила, убѣждала, требовала, отъ инстинктивной потребности защищаться и отражать удары, въ усиліи найти какой нибудь исходъ.

Теперь она забыла, что она говорила тогда Мартѣ. Она снова и совсѣмъ иначе всматривалась въ встававшую передъ ней картину.

Неотступно она видѣла передъ собой эту большую нарядную комнату съ игрушкой-роялемъ, съ букетами ароматныхъ цвѣтовъ и съ отпечаткомъ на всемъ едва уловимаго безпорядка.

Около кровати, на креслѣ брошена соболья ротонда. На столѣ передъ диваномъ подносъ съ двумя бутылками и какой-то ѣдой, на роялѣ большая раскрытая бонбоньерка съ конфектами; она ее замѣтила потому, что Марта положила рядомъ ея шапочку. На стулѣ около самой двери бросился въ глаза большой не развязанный пакетъ въ синей бумагѣ, какъ приносятъ изъ магазина.

Въ пестрой комнатѣ, слишкомъ ярко освѣщенной, слишкомъ жарко натопленной, мечется тоненькая хрупкая фигура въ падающихъ бѣлыхъ складкахъ, съ спустившимся на спину узломъ черныхъ косъ, живописная и страшная, со своими напряженными, яркими глазами на худомъ бѣломъ лицѣ, съ порывисто жестикулирующими руками, тонкими, какъ у двѣнадцати-лѣтней дѣвочки.

Въ тѣлѣ Лиды осталось ощущеніе безпокойныхъ прикосновеній этихъ нервныхъ рукъ и тяжести маленькой головки, бившейся въ слезахъ на ея колѣняхъ. Она точно чувствовала горячіе поцѣлуи на своихъ рукахъ.

Она напрасно старалась собраться съ мыслями, какъ-нибудь успокоиться: Константинъ Петровичъ скоро долженъ вернуться изъ Гатчино.

Все равно, ни одна посторонняя мысль не могла удержаться въ ея умѣ. Мысли вспыхивали и сейчасъ-же потухали, уплывали куда-то. Опять и опять на нее смотрѣли изъ воздуха расширенные зрачки, пронизанные красноватымъ свѣтомъ. Смѣхъ не прежній, русалочій, а короткій и грубый—смѣхъ по привычкѣ, хриплымъ, надорваннымъ звукомъ.

«Она больна, она совсѣмъ больна!»—говорила себѣ Лида съ тоской.

Увѣренія Марты, что она сойдетъ съ ума, насильно тѣснились въ памяти, хоть она не хотѣла знать этихъ безразсудныхъ словъ. Тяжелый страхъ вползалъ ей въ душу. Какъ запахъ изъ цвѣтовъ, страхъ выдѣлялся изъ всѣхъ этихъ видѣній, изъ безпорядочныхъ признаній и восклицаній Марты, носившихся отрывочно въ ея памяти.

Лида чувствовала, что она должна что нибудь сдѣлать—это неизбѣжно и неотложно,—но что-же, что дѣлать?..

Бервиль пріѣхалъ изъ Гатчины въ десять часовъ. Онъ сейчасъ-же рѣшилъ, что Лидочка больна: она пряталась въ неосвѣщенной комнатѣ, неохотно говорила. Мужъ уложилъ ее въ постель, найдя, что у нея горячая голова и холодныя руки, и положилъ ей на голову компрессъ.

Лида покорно лежала съ закрытыми глазами, тогда какъ ей нужно было двигаться, хотѣлось бѣгать быстро взадъ и впередъ по комнатамъ, какъ она всегда дѣлала въ минуты душевной тревоги.

Мужъ уходилъ въ другія комнаты и приходилъ опять неслышными нѣжными шагами. Окуталъ ей ноги теплымъ пледомъ, принесъ для ночи стаканъ чая съ лимономъ, собственноручно зажегъ ночникъ съ маленькимъ розовымъ шарикомъ. Мѣняя компрессъ, онъ каждый разъ осторожно касался губами ея щеки и слегка щекоталъ ее своими мягкими усами.

Странныя мысли кружились въ распаленномъ воображеніи молодой женщины.

— «Вотъ другое дѣло, еслибъ я попала сразу въ законныя содержанки, еслибъ я именовалась теперь M-me Пронская! О, тогда мнѣ всѣ охотно вѣрили-бы!»—говоритъ увѣренный и саркастическій голосъ Марты.

Копыловъ—«дѣдушка»—потихоньку нанялъ для Марты красивую дорогую комнату и распорядился, чтобы кто-то безъ ея вѣдома перевезъ туда ея вещи, чтобы она все застала уже готовымъ и разложеннымъ, и прислалъ ей чудный рояль, букеты, конфекты, цвѣты...

Еслибъ все это сдѣлалъ для Лидіи Васильевны ея Костя—это было-бы совершенно естественно, и всѣ находили-бы это трогательнымъ?

Но тогда, когда она такъ любила Костю, когда они такъ быстро и страстно влюбились другъ въ друга—что̀, еслибъ тогда оказалось, что Костя женатъ... что жена давно ушла отъ него, какъ жена Пронскаго или какъ жена Григорія Петровича? Вѣдь это могло быть, въ этомъ нѣтъ еще ничего невозможнаго! Что-бы сдѣлала тогда благоразумная и безупречная Лидія Васильевна? Какъ поступила-бы тогда влюбленная, неопытная Лида?

Новая волна набѣгала.

Она несла въ себѣ всѣ отраженія пережитаго счастія, всѣ отголоски извѣданнаго блаженства. Первые дни, недѣли, мѣсяцы въ этой уютной розовой комнаткѣ. И такъ еще недавно тамъ, въ Москвѣ, среди цѣлой толпы чужихъ людей: безпорядочная жизнь въ новомъ мѣстѣ, гдѣ эти чужіе отнимали все время, но они все-таки чувствовали себя такими близкими, такъ тѣсно слитыми, такъ несокрушимо счастливыми.

Волна, несшая въ себѣ отраженія всего ея счастія, влилась въ сердце, расширила, раскрыла его до самаго дна: ей казалось, что на днѣ лежитъ отвѣтъ на ея вопросъ.

Ей казалось теперь, что она не могла-бы отказаться отъ такого счастія. У нея не хватило-бы силъ. Она любила Бервиля горячо и преданно. Неужели она побоялась-бы чего-нибудь?—отступила-бы передъ препятствіями?..

Нѣтъ, она можетъ быть ничего не побоялась-бы, какъ не боялась Марта, безпечно усаживаясь въ вагонъ заграничнаго поѣзда.

На днѣ собственнаго сердца Лида не видѣла такой ужъ существенной разницы. Теперь она знаетъ жизнь чуточку ближе: она уже понимаетъ, что неизвѣстный молодой человѣкъ, въ котораго она внезапно пылко влюбилась, очень легко могъ-бы оказаться не ея честнымъ и любящимъ Костей, а совсѣмъ, совсѣмъ инымъ...

И что-бы тогда было съ нею?

И какимъ именемъ заклеймили-бы люди ея искреннюю и чистую любовь?

«Ахъ, почему такъ страшно важно, эта-ли комната или другая! Все это такія глупости!»—говоритъ съ нетерпѣливой тоской Марта. Но и все, что окружаетъ Лиду здѣсь, въ ея новомъ домѣ—весь этотъ комфортъ—не ея собственность. У нея тоже рѣшительно ничего нѣтъ своего—ничего, кромѣ нѣсколькихъ модныхъ платьевъ. Она вѣдь не собирается работать. Она ничего не умѣетъ дѣлать, даже не умѣетъ пѣть. Конечно, у нея будутъ дѣти. Но у Марты тоже могутъ быть дѣти. Это будетъ еще ужаснѣе, ужаснѣе всего, что было до сихъ поръ.

«Я совсѣмъ больше не умѣю объ этомъ думать,—такая ужасная, безпросвѣтная путаница!»—жалуется, вся нервно содрогаясь, несчастная Марта.

И Лида чувствуетъ, какъ та-же мучительная путаница водворяется и въ ея собственномъ умѣ; чувствуетъ, какъ смѣшиваются въ какой-то тяжелый хаосъ всѣ общепризнанныя истины и готовыя сужденія.

«Хороводъ кружится, кружится... Нельзя вырваться изъ середины! Я ихъ собственность»,—долетаетъ до нея, точно изъ другого міра, полный отчаянія голосъ Марты.

— Полегче-ли тебѣ теперь?—спрашивалъ заботливо голосъ Кости изъ-за щекочущихъ мягкихъ усовъ.

О, нѣтъ, не легче! Путаница все разросталась, все сильнѣе давила мозгъ.

Въ молодой душѣ росло тревожное и неясное, какъ догадка, сознаніе какой-то громадной, необъятной лжи, установившейся въ жизни, созданной и узаконенной всѣми этими умными, властными людьми, этими старшими, чьи сужденія обязательны для неопытной двадцатилѣтней женщины. Случайно и благодаря совершенно исключительнымъ условіямъ, до невинныхъ ушей молоденькой М-me Бервиль донеслись вопли послѣдней агоніи одного изъ обреченныхъ существъ.

Лида чувствовала себя несчастной, несмотря на свое полное счастіе. Чувствовала себя жутко, точно и ее захватывала въ себя ледяная тѣнь, падающая отъ громадной лжи, разросшейся надъ міромъ.

Въ тревожномъ ощущеніи пропадало прежнее безмятежное чувство собственной безупречности. Всегда казалось, что грѣхъ, ложь, зло гдѣ-то тамъ, совсѣмъ отдѣльно отъ нея, въ жизни, въ мірѣ. Она—хорошенькая счастливая женщина, она имѣетъ право радоваться и гордиться тѣмъ самымъ, чѣмъ другія, несчастныя женщины должны терзаться—терзаться до погибели. Она имѣетъ право быть счастливой, безупречной и безпощадной. Это право признано цѣлымъ свѣтомъ.

Быть счастливой—ея право.

Быть безпощадной—ея обязанность. Иначе и для нея самой все можетъ тоже омрачиться.

Но поздно. Она уже не можетъ вырвать изъ своего ума, изъ своего сердца, изъ своихъ нервовъ всѣхъ воспринятыхъ жуткихъ и горестныхъ впечатлѣній. Ея взбудораженныя чувства, ея обостренныя мысли сливались въ одно глубокое и ѣдкое ощущеніе жалости. Ее томилъ суевѣрный страхъ.

Она ушла. Она опять оставила Марту одну. Одну въ той нарядной комнатѣ, гдѣ ей приходятъ на умъ такія отчаянныя мысли.

Заснула Лида только подъ утро, съ тяжелой распаленной головой. На другой день она проснулась рано, какъ будто отъ какого-то внутренняго толчка.

Должна что-то придумать, нельзя, нельзя бездѣйствовать!

Разбудила эта мысль, ясная и трезвая, какими бываютъ всѣ мысли утромъ, въ какомъ-бы хаосѣ ни засталъ насъ сонъ. Лидія Васильевна раскрыла глаза, не чувствуя ни малѣйшей потребности досыпать свою привычную порцію; и сейчасъ-же она начала напряженно вслушиваться въ то, что ей точно подсказывала какая-то таинственная внутренняя работа.

Пока она спала, совершенно выбившись изъ силъ, безсознательная работа мысли продолжала безъ помѣхи распутывать за нее роковую загадку: Боже мой, какъ просто! и отчего-же вчера это не пришло ей въ голову, когда она такъ терзалась?

Есть спасеніе—Марта должна уѣхать! Какъ можно скорѣе, куда-нибудь подальше, гдѣ никто не будетъ знать ея прошлаго, никто не смѣетъ ее преслѣдовать.

Дальше мысль понеслась уже крупными скачками, расталкивая препятствія и разгоняя мракъ, все окутывавшій вчера.

Во многихъ большихъ городахъ есть русская опера, но, конечно, прежде всего надо постараться устроить ее въ Москвѣ, надо, чтобы дирекція перевела изъ Петербурга въ Москву.—Это казалось такъ возможно!

Поднять на ноги всѣхъ московскихъ дядюшекъ и кузеновъ!.. Всѣ они за Лидіей Васильевной ухаживали и разсыпались въ родственныхъ чувствахъ—вотъ теперь и не угодно-ли будетъ преподнести ей эти чувства на дѣлѣ!

Глазки Лидіи Васильевны блестѣли, на щекахъ заиграла теплая краска, по всему ея существу разливалось блаженное ощущеніе успокоенія, благополучнаго выхода изъ грозившей бѣды...

Это всегда похоже на чудное ощущеніе теплоты, разливающейся по окоченѣлымъ членамъ назябшагося человѣка передъ пылающимъ каминомъ, похоже на свѣтъ, забрезжившій въ ненастную черную ночь въ чужомъ мѣстѣ, полную невѣдомыхъ опасностей.

Ей показалось, что выходъ найденъ. Попала-же Марта на сцену здѣсь и даже безъ всякой протекціи: просто только обратилась къ Копылову! Теперь за нее будетъ просить сама Лидія Васильевна Бервиль чрезъ важную московскую родню своего мужа.

Лида поспѣшно одѣвалась, охваченная взрывомъ радостной энергіи. Полуодѣтая, выскочила она въ гостинную, чтобы взглянуть на афиши, лежащія на роялѣ.

Сейчасъ-же ей бросилось въ глаза: «Фрейшюцъ», отпечатанное крупнымъ шрифтомъ. Розыскала въ спискѣ участвующихъ фамилію г-жи Ва—ской, и это еще подняло ея бодрость.

Необходимо послушать «Фрейшюца», она даже понятія не имѣетъ, какой у Марты голосъ.

Ей казалось теперь, что Марта все страшно преувеличиваетъ. Вчера она просто загипнотизировала ее своимъ мрачнымъ волненіемъ. Измучена—что мудренаго? ни вчера, ни мѣсяцъ, ни два—а цѣлыхъ три года безумія... Какъ-бы то ни было, теперь Марта—артистка императорской сцены, и нужно всего-то, чтобы ее перевели изъ Петербурга въ Москву!

Лида подумала, не попросить-ли объ этомъ того-же Копылова? Онъ—добрѣйшій, сдѣлаетъ для Марты и это, когда пойметъ, какъ для нея важно. Особенно, если они съ Костей будутъ на этомъ настаивать.

Страшный узелъ вдругъ началъ распутываться самъ собою. Лида встрѣчала радостно каждую новую мысль. Она знала, что и мужъ охотно согласится хлопотать объ этомъ.

Напившись кофе, Лидія Васильевна написала Мартѣ горячее письмо. Письмо должно теперь-же успокоить и пріободрить ее. Она обѣщала немедленно начать хлопотать объ ея переводѣ въ Москву, почти ручалась за своего мужа и совѣтовала теперь-же подготовить со своей стороны Копылова, на котораго она намѣрена подѣйствовать. Она утѣшала Марту, что это можетъ быть только временной мѣрой, и онѣ будутъ переписываться.

Когда Бервиль пріѣхалъ со службы, его поразила происшедшая въ женѣ перемѣна: вчера была совсѣмъ больная, а сегодня веселехонька!

Лида показала афишу и сказала, что непремѣнно хочетъ слышать «Фрейшюца».

— Кстати, Марта поетъ. Послушаемъ. Вѣдь я даже не знаю, какъ она поетъ теперь!

Константинъ Петровичъ внутренно обезпокоился, однако отказать не нашелъ возможнымъ.

Вечеръ супруги провели на Кабинетской по случаю какого-то рожденія. И тамъ давно уже не видали Лиду такой цвѣтущей и оживленной.

Надежда Матвѣевна приписывала все московской поѣздкѣ и своими нескончаемыми разговорами на эту тему легко расшевелила въ ихъ душахъ недавнія, сладкія воспоминанія.

Казалось, теперь исчезнетъ послѣднее препятствіе, мѣшающее чувствовать полностью все свое счастіе. Она получала на него внутреннее разрѣшеніе—разрѣшеніе того загадочнаго голоса, который одинъ имѣетъ власть водворять блаженную тишину въ человѣческой душѣ или наполнять ее смутными, часто и для насъ самихъ темными, отголосками. Но какъ-бы ни были они смутны — подобно тонкому туману, они заслоняютъ солнце нашего счастія и не даютъ ему засіять полнымъ блескомъ.

— Я что-то скажу тебѣ потомъ!—шепнула Лида, не выдержавъ, мужу среди общаго разговора. И скользнула по немъ блестящимъ и горячимъ взглядомъ.

Съ возвращенія въ Петербургъ такой минуты еще не было. Имъ овладѣло страстное желаніе скорѣе—сейчасъ-же удостовѣриться, что и дома все будетъ такъ-же, какъ въ Москвѣ.

Вырвавшись на лѣстницу, Константинъ Петровичъ нагналъ Лиду и прижалъ ее къ чугунной рѣшеткѣ.

— Сейчасъ, сейчасъ говори—понимаешь? Я не хочу ждать!—зашепталъ онъ взволнованно.

Она по его лицу видѣла, что онъ вообразилъ себѣ что-то совершенно неподходящее. Въ тревогѣ, чтобы не пришлось потомъ его разочаровывать, Лида тутъ-же заговорила о своемъ прекрасномъ планѣ спасти Марту.

Прелестное лицо ея горѣло подъ темной мѣховой шапочкой, прозрачные глаза смотрѣли на него съ страстной мольбой.

— Костя, Бога ради, помоги мнѣ, я не могу иначе, это опять намъ жить мѣшаетъ! Я боюсь за нее... Я страшно боюсь!..

Лицо мужа разомъ потухло. Онъ спросилъ, чего Лида боится—что случилось?

Тогда, все такъ-же близко глядя ему въ лицо молящими глазами, Лида созналась, что она уже видѣлась съ Мартой и нашла ее въ ужасномъ состояніи. Въ эту минуту она не побоялась сознаться, что обманула его вчера. Безошибочный инстинктъ подсказалъ ей, что это такая минута, когда онъ все проститъ ей и на все согласится.

И дѣйствительно, тутъ-же, на чужой лѣстницѣ, Костя поцѣловалъ ея трепетавшія губки, хоть и клялся при этомъ, что ее слѣдовало-бы серьезно наказать за такую безразсудную выходку.

Ну, да ужъ, такъ и быть, благо сошло съ рукъ благополучно! Это ей за то, что она придумала такую умную штуку. Но всего лучше, что онъ и самъ еще раньше (когда они въ вагонѣ поссорились) уже думалъ о переводѣ въ Москву! Да, да, это нужно непремѣнно устроить, онъ все сдѣлаетъ.

Бервиль былъ очень доволенъ. Онъ, напротивъ, боялся, что ему придется выдерживать новую борьбу съ Лидой изъ-за Москвы.

Но когда мы молоды и счастливы и когда дѣло идетъ о чужой судьбѣ—тогда и самая смутная надежда такъ легко превращается въ успокоительную увѣренность!

Когда мы молоды и счастливы, мы безсознательно выбираемъ то, что обѣщаетъ всего скорѣе водворить въ нашей совѣсти нарушенное равновѣсіе.

Пусть, пусть, эта злополучная Марта успокоится и «начинаетъ новую жизнь», какъ увѣряетъ Лида. Онъ ничего не имѣлъ противъ этого, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что совершится это гдѣ-нибудь какъ можно дальше отъ его собственнаго семейнаго благополучія.

Константинъ Петровичъ больше не спорилъ и ни въ чемъ не разочаровывалъ Лиду. Онъ обѣщалъ взять билетъ на «Фрейшюца» и хотѣлъ завтра-же заѣхать къ Мартѣ Михайловнѣ, чтобы переговорить объ этомъ дѣлѣ.

Костя началъ звать Марту Мартой Михайловной.

XII.

Совершенно неожиданно Марта сама явилась на другой день въ двѣнадцать часовъ.

— Константинъ Петровичъ еще не былъ у тебя? Ты не видала Костю?—ошеломила ее Лида своими вопросами.

Въ сущности она прекрасно знала, что мужъ еще не могъ успѣть заѣхать, но было неизъяснимо пріятно задавать этотъ вопросъ Мартѣ, какъ задала-бы она его всякой другой знакомой дамѣ.

Глаза ея при этомъ радостно сіяли, и она крѣпко, крѣпко цѣловала блѣдныя и холодныя щеки Марты.

— Константинъ Петровичъ? съ какой стати?—не понимаю!

Марта вяло пожала плечами. Лицо ея не просіяло при такомъ сенсаціонномъ извѣстіи, какъ будто она вовсе не почуяла въ этомъ своего превращенія въ настоящую даму.

— Но все по тому-же дѣлу!—воскликнула разочарованная Лида.— Ты, надѣюсь, вѣдь получила мое письмо?

Марта опять совершенно равнодушно качнула головой и опустилась въ кресло.

— Что это какая ты странная сегодня? Неужели мое письмо не обрадовало тебя?

Лида не садилась и продолжала стоять надъ нею, возбужденная и безотчетно уже встревоженная.

Марта крѣпко стиснула себѣ одной рукой виски, точно унимала боль или хотѣла удержать мысли. Потомъ подняла огромные мутные глаза и слабо улыбнулась сухими губами.

— Я пришла поблагодарить тебя за него,—сказала она монотоннымъ голосомъ.

Въ голосѣ не было ни радости, ни благодарности.

— Нѣтъ, ты-же совсѣмъ не рада—вѣдь я вижу это! Костя надѣется, что это можно устроить. Я, конечно, не могу ручаться, но у него тамъ столько родныхъ... очень важный двоюродный дѣдъ...

Меня всѣ полюбили... Только не знаю,—ты можетъ быть сама не захочешь?

Марта притянула ее за руки и заставила сѣсть около себя.

— Это ничего... я, кажется, больна сегодня. Мнѣ все равно. Видишь-ли, родная моя—не стоитъ хлопотать ни о чемъ! Я рада, что твой мужъ не застанетъ меня. Поблагодари его сама за меня. Это очень, очень мило съ его стороны.

— Но, Бога ради, почему-же все равно, когда сама ты разсказываешь всякіе ужасы? Ну, вотъ, хороводъ твой, какъ ты называешь. Сама говоришь: «нельзя вырваться» — и вдругъ теперь все равно... О Боже мой, ты, наконецъ, и меня сведешь съ ума всѣмъ этимъ!

Лида закончила отчаяннымъ восклицаніемъ, въ которомъ прорвалось все ея нежданное разочарованіе.

Она мечтала, что ея каждое обѣщаніе будетъ восхищать Марту, будетъ поднимать магически ея бодрость, вернетъ ей сразу всѣ надежды. Конечно, сама она не могла-бы формулировать сколько-нибудь ясно, на что именно съ этой минуты слѣдовало надѣяться. Она ждала услышать это отъ Марты. Но вотъ, какъ будто отхлынула высокая волна—изъ подъ нея выглядываютъ прежніе смутные страхи.

Въ отвѣтъ на ея жалобу, Марта начала по своей привычкѣ цѣловать ея руки и тихо повторяла два слова:

— Прости меня... Прости меня...

— Что простить? Съ какой стати я могу тебя прощать? Марта, не цѣлуй, пожалуйста, моихъ рукъ, не надо! Что-нибудь опять случилось? Отчего сегодня ты такая убитая!

Марта горько усмѣхнулась. Въ мутныхъ глазахъ появился блескъ.

— Убитая? да, вѣрное слово! Отъ меня и въ самомъ дѣлѣ ничего не осталось... Прежняго не осталось. А развѣ возможно вложить въ себя что-то новое? Лида, подумай минуточку. Только серьезно, очень серьезно подумай.

Марта задаетъ какой-то глубокомысленный вопросъ и ждетъ жадно на него отвѣта. Это было такъ непривычно!

Но Лида ничуть не смутилась. Она обняла ее за шею, прижалась своей розовой щекой къ ея худенькой щекѣ и сейчасъ же принялась добросовѣстно рѣшать задачу.

Разумѣется, возможно—какое же въ этомъ можетъ быть сомнѣніе! Двадцать два года—вѣдь это самая лучшая молодость! Она говоритъ: «ничего не осталось...» Оставаться-то было нечему — вотъ что худо. Было одно легкомысліе и кокетство ея проклятое. Туда и дорога, и слава Богу, что не осталось стараго! Все равно, этимъ нельзя жить. Теперь все будетъ по новому. Живой человѣкъ всегда впередъ идетъ.

И очень довольная собственной мудростью, Ледокъ принялась еще горячѣе цѣловать ее. Рѣсницы у Марты были мокрыя подъ ея поцѣлуями.

— Удивительно, что это за умненькій младенецъ! — сказала она, посмѣиваясь и качая головой. — Вижу, что ты до конца останешься младенцемъ. Жаль, что я нарушила такъ грубо твой безмятежный покой. Пользы для тебя изъ этого никакой не вышло! Но мнѣ... о, да, мнѣ было такъ невыразимо отрадно найти тебя.

Голосъ прервался въ слезахъ.

— Найти тебя! Убѣдиться, что ты не забыла меня, не разлюбила даже такую... такую несчастную. Ледокъ мой — спасибо тебѣ! Можетъ быть, когда-нибудь ты поймешь, какъ я благодарю тебя. А теперь ты не понимаешь—нѣтъ, ты не понимаешь меня!

Она откинулась назадъ и горестно развела надъ нею своими тонкими руками. Потомъ занесла ихъ себѣ на лицо.

Лида не сразу отвѣтила.

Въ маленькой квартиркѣ стояла унылая тишина. И она слышала, какъ стучитъ ея собственное сердце—рѣдко и сильно, передъ темной, надвигающейся бѣдой.

Она сдѣлала попытку высвободиться изъ-подъ смутнаго гнета.

— Марта, ты опять нервничаешь и меня тоже заражаешь. Это ужасно какъ заразительно! Съ тобой я точно ничего не понимаю. А потомъ, одна, соберусь съ силами и вижу, что ты ужасно все преувеличиваешь. Вѣдь ты и всегда преувеличивала, у тебя ужъ фантазія такая! Ну, хорошо, не будемъ вовсе говорить пока о Москвѣ. Въ другой разъ ты будешь бодрѣе, это успѣется! Скажи, что твой Фрейшюцъ? Очень сердился твой профессоръ на то, что тогда ты изъ-за меня не явилась на урокъ?

Лида говорила, какъ развлекаютъ больныхъ или дѣтей. Но собственныя слова сейчасъ же подѣйствовали на нее успокоительно. Грозная тѣнь отодвинулась.

Марта сидѣла, опустивъ голову на руки, и, кажется, вовсе не слышала, что она говоритъ. Молчаніе пугало.

— Марта! — позвала она безпокойно.

Та встрепенулась и медленно потянула къ себѣ ея руку.

— Ну, повтори... повтори мнѣ еще разъ, Ледокъ мой: вѣдь ты вѣришь, что я могла бы жить иначе—да? вѣришь? Ты въ самомъ дѣлѣ вѣришь, а не только утѣшить меня хочешь?

Лидія Васильевна даже разсердилась: что за вопросы! Точно Марта сама не знаетъ, какъ она вѣритъ ей!

— И всегда вѣрила, вѣдь правда? Съ перваго дня,—вѣдь, да? Ну! ты видишь сама... все-таки ничего нельзя! Но это ужъ не отъ меня—

право же, это не моя вина. Боже мой, зачѣмъ нужно, чтобы прошлое, точно камень, тянуло назадъ—кому, кому это нужно? Наказаніе. Да... Я не знаю! Но какъ же сдѣлать? Какъ доказать, если никто, никто не хочетъ повѣрить?

Лида изо всѣхъ силъ тискала ея руки и повторяла отчаянно и безсмысленно:

— Этого не можетъ быть! Не можетъ быть! Этого не можетъ быть!..

Марта посмотрѣла сурово ей въ глаза.

— Я тоже думала, что не можетъ быть. Вотъ для меня все уже кончено. Это вѣдь не жизнь, то, что я знаю. До сихъ поръ ничего не было серьезнаго.—Никогда! Сразу попала въ какую-то преисподнюю. Люди тоже не настоящіе,—не такіе, какіе они въ собственной, серьезной жизни. Твой Костя—что ты воображаешь?—конечно будетъ со мной точно такой же, какъ и всѣ! Такой-же будетъ и у него милый, распущенный тонъ съ кондачка, точно на свѣтѣ и нѣтъ ничего, кромѣ набитыхъ бумажниковъ, хорошенькихъ женщинъ, кутежа. Господи, такъ вѣдь для нихъ это на минуту, до тѣхъ поръ, пока они сами хотятъ, а намъ ничего другого... Всегда, всегда, всегда!

Она схватила себя за голову и все тише, протяжнѣе твердила «всегда»!

— Ледокъ, я тоже думала, что этого не можетъ быть. Какъ я ликовала, когда удалось съ Копыловымъ! Вотъ въ тотъ вечеръ, когда я комнату искала—точно я снова на свѣтъ родилась! Вообразила, что такъ вотъ все сразу и отпадетъ, какъ сношенное платье.

Глаза ея засвѣтились мягче отъ одного воспоминанія о томъ вечерѣ. Она тяжело поднялась на ноги.

— Я не знала еще тогда, что я ихъ собственность навсегда.

— Марта!—взмолилась Лида, вся дрожа.

Марта отчаянно взмахнула руками.

— Ну, что-жъ, въ этомъ ужъ я не виновата! Но зачѣмъ люди столько лгутъ? Говорятъ о любви, о милосердіи, о раскаяніи. Пишутъ, проповѣдуютъ и сами-же, сами мѣшаютъ!

Она судорожно крутила свои пальцы, такъ что было слышно, какъ они щелкаютъ. Вдругъ руки точно разорвались, и она договорила задыхающейся скороговоркой:

— Понятно! не такъ они глупы, чтобы такъ легко выпускать на волю своихъ плѣнницъ! Хорошенькая женщина обязана ихъ веселить. Рѣшительно никакихъ обязанностей! Не надо быть ни умнымъ, ни честнымъ, ни приличнымъ. Все, все сойдетъ, что бы ни взбрело на умъ. Ха, ха, ха! А вернулся домой и сразу превратился въ степеннаго, всѣми уважаемаго отца семейства, въ жениха — все равно! Не

дурно! Ловко все это придумано! Имъ есть куда вернуться... На волю выпустить? А кто-же тогда будетъ забавлять ихъ, раззорять, помыкать? О, все что угодно, лишь-бы было весело!

Лида лежала ничкомъ на диванѣ, лицомъ въ атласную подушку. Только плечи ея вздрагивали.

А Марта кружилась по комнатѣ, закинувъ обѣ руки за голову и глядя въ потолокъ блуждающимъ взоромъ.

— Они не вѣрятъ... Зачѣмъ бѣжать? Они вѣдь такъ любезны, снисходительны, такъ щедры! По ихъ мнѣнію, все дѣло въ томъ, что баронъ былъ не человѣкъ, а деревянная кукла на пружинахъ. Копыловъ не молодъ, не красивъ: будь у милѣйшаго дѣдушки римскій носъ, а не такое прозаическое брюшко, и я бы блаженствовала! Одни его рысаки чего стоятъ!

Она вдругъ остановилась и заговорила совсѣмъ другимъ тономъ:

— Ахъ, знаешь, это правда, я обожаю быструю ѣзду! Зимой на островахъ такая прелесть! Знаешь, тишина, точно на кладбищѣ: тихая красота! Мы каждый день катаемся. Еслибъ тамъ не было проклятыхъ кабаковъ, гдѣ надо завтракать или ужинать. Еслибъ рысакъ этотъ былъ мой, мой собственный... Что-жъ! Стоитъ слово сказать, и Копыловъ сію минуту подаритъ хоть пару. Тогда могу кататься одна, съ собственнымъ кучеромъ.

Лидія Васильевна съ усиліемъ поднялась на ноги и двинулась къ двери машинально,—только уйти, чтобы не слышать ничего больше.

Марта не пустила ее. Брови ея нетерпѣливо сдвинулись.

— Ахъ, не будь-же такимъ ребенкомъ, какъ это скучно! А еще хочешь меня учить—спасать! Нѣтъ, ты одно только можешь: повѣрить мнѣ. Ты одна... какъ страшно мало! И можетъ быть только оттого, что младенецъ? Поумнѣешь и перестанешь вѣрить. Что, если это правда?..

Лида молча вытирала платкомъ набѣгавшія слезы.

— Ледокъ, отчего ты молчишь?

— Зачѣмъ же говорить, если я ничего не понимаю. Младенецъ...

Марта нѣжно засмѣялась и поцѣловала ее.

— Ну, да—ангелъ! ты ангелъ... Неужели тебѣ мало этого?

Она положила голову ей на плечо. Тонкія руки обвились вокругъ нея, какъ змѣи.

— Ледокъ, ты вѣришь?

Она-то всегда вѣрила, она только ей и твердитъ о новой жизни, а вотъ сама Марта не вѣритъ.

И Лида начала горячо убѣждать про Москву. Новые люди, ни одна душа не будетъ знать... Отъ нея будетъ зависѣть, какъ себя поставить. Жалованье вѣрно увеличится со временемъ, объ этомъ тоже можно будетъ похлопотать. Заранѣе найти квартирку, чтобы было де-

шевле,—въ гостинницахъ такъ дорого. Она знаетъ даже, кому это поручить.

Тутъ Лидія Васильевна слегка запнулась: въ воображеніи ея мелькнулъ, было, образъ самаго молоденькаго изъ московскихъ кузеновъ. Но она сейчасъ же досказала скороговоркой:

— Зоя Ивановна! Милѣйшая московская толстушка—всеобщая тетушка, страшно добрая и услужливая.

Марта насмѣшливо сощурила глаза.

— Родственница Бервиля? Что-жъ, ты пошлешь ей предварительно біографію артистки Ва—ской или обманешь ее? Она пригласитъ меня къ себѣ, обласкаетъ... Москвичи такъ радушны! А потомъ все обнаружится... Ха, ха, ха!

— Хорошо. Я ничего больше не стану говорить.

— Ты обидѣлась? Но развѣ это не правда? Москва!.. Чтожъ, по твоему, это монастырь, что-ли? Нѣтъ тамъ ни теноровъ, ни баритоновъ, ни режиссеровъ—всѣхъ, съ кѣмъ во что-бы ни стало надо ладить, кому надо угодить, для того, чтобы не вылетѣть сейчасъ-же, съ моими-то талантами! Вотъ послушала-бы ты хоть одинъ разъ, какъ Гаминскій говоритъ: «пре-евосходно, пре-евосходно, M-lle Марта!» —и какъ нагло онъ при этомъ усмѣхается! Красавецъ Рауль, тотъ по крайней мѣрѣ прямо говоритъ: «слабовато, голубушка. Да не все-ли вамъ равно, коли васъ и при этомъ умѣютъ цѣнить?» Ты говоришь, никто не будетъ знать... Господи, развѣ я объ этомъ забочусь? Что мнѣ до прошлаго, если въ настоящемъ, сейчасъ, шагу ступить некуда! Всѣ, всѣ толкаютъ въ одну сторону.

Марта подошла къ зеркалу и стала приводить въ порядокъ свою шляпку. Въ зеркалѣ ей видно, какъ Лида стоитъ у окна и теребитъ свой носовой платокъ. Она иронически усмѣхнулась.

— Или вотъ еще твоя остроумная идея просить объ этомъ переводѣ Копылова—ну какъ-же ты не младенецъ послѣ этого? Ты обижаешься... Да вѣдь я же не виновата, что ты можешь говорить подобныя глупости! Супругъ поддакиваетъ—я ужъ не знаю зачѣмъ. Чтобы утѣшить, чтобы отдѣлаться—почемъ я знаю! Просить Копылова перевести меня въ Москву! Ха! Гаминскаго вѣдь тоже пришлось бы просить объ этомъ... Есть какая-то басня знаменитая на эту тему — ну, да ужъ Богъ тебя прости!

Лидія Васильевна смотрѣла на улицу, ничего не видя.

Все рухнуло. Марта отталкиваетъ протянутую руку. Опять въ душу ей влилось ѣдкое чувство, съ которымъ нельзя жить спокойно.

Невозможно сговориться! Марта во всемъ прежде всего видитъ что-то неизвѣстное ей, чего Лида не видитъ, и потому не можетъ судить, права она или нѣтъ. То, что говоритъ Марта, всегда не вполнѣ

ясно, не до конца понятно и оттого еще сильнѣе волнуетъ и... отталкиваетъ.

...«Все зависитъ отъ того, какъ женщина держитъ себя: мужчина беретъ тотъ тонъ, какой ему позволяютъ взять»,—сказалъ ей вчера мужъ своимъ раздражительнымъ авторитетнымъ тономъ.

А Марта кричитъ съ мукой, надрывающей душу: «но какъ-же доказать, если никто, никто не хочетъ повѣрить? Шагу ступить некуда, всѣ толкаютъ въ одну сторону».

Ясная сентенція мужа для Лиды несравненно понятнѣе. Она каждый разъ думаетъ тоже самое: все зависитъ отъ того, какъ женщина держитъ себя.

А Марта говоритъ:

«Если-бъ ты хоть одинъ только разъ видѣла, какъ онъ при этомъ усмѣхается! Приводитъ чьи-то циничныя слова».

Все, на что Марта только намекаетъ, не договаривая, бросая небрежные штрихи,—все это само-собою сливается въ туманные контуры чудовищной картины, гдѣ все неясно и еще болѣе страшно своей недосказанностью.

Чего-то она не понимаетъ до конца въ исторіи быстраго поступленія Марты на сцену и въ странной неопредѣленности ея отношеній съ режиссеромъ и съ Копыловымъ.

«Есть какая-то знаменитая басня—ну, да ужь Богъ тебя прости!»—смѣется Марта.

Надъ ея непониманіемъ Марта смѣется, а сама ничего не объясняетъ понятными словами... И Лида, не понимая, не смѣетъ задавать прямыхъ вопросовъ. Что-то мѣшаетъ, чего-то страшно, чего-то стыдно. Хоть она чувствуетъ все живѣе — не понимая чувствуетъ, — что Марта погружается безвозвратно въ ту бездну, отъ которой она хочетъ спасти ее.

Можно-ли спасти, стоя на краю, въ страхѣ отворачивая свое лицо и только наудачу протягивая свою слабую руку?

Можно-ли спасти, не принеся ни одной жертвы и не принявъ на себя хотя-бы частицу зла?..

Для Лидіи Васильевны еще не настала пора задавать себѣ эти вопросы.

Марта готова.—Уходить пора.

Ей жаль теперь, что она еще разъ пришла сюда мучить эту бѣдненькую Лиду. Слишкомъ много она плакала и терзалась изъ-за нея.

Зачѣмъ?

Да, она знала зачѣмъ: чтобы еще разъ услышать изъ этихъ наивныхъ устъ, что она вѣритъ ей. Только за этимъ. Это можетъ дать ей единственное живое существо—вотъ эта маленькая сестричка, бьющаяся съ завязанными глазами въ хаосѣ, куда она толкнула ее.

Любила ее одну во всемъ свѣтѣ и не пожалѣла...

Въ первый разъ приходила теперь эта мысль. Что-то, какъ будто, отдѣляло уже ее отъ собственныхъ страданій: какая-то ледяная струйка безжизненнаго равнодушія, равнодушія къ своей судьбѣ, къ незаслуженной обидѣ такой доли, къ неизжитой молодой жизни. Оттого и могла теперь придти забота о комъ-нибудь другомъ. О бѣдняжкѣ Лидѣ, которая написала ей только что свое восхищенное, дѣтски нелѣпое письмо. И думала, что спасла ее!..

Вонъ она стоитъ на томъ-же мѣстѣ у окна... И плачетъ, и молчитъ. Она не знаетъ больше, что сказать. Все, что она съумѣла придумать хорошаго и умнаго, движимая своимъ великодушнымъ чувствомъ, все это Марта сама безжалостно разбила, разбила небрежно, не выказавъ даже простой благодарности, чтобы сколько-нибудь вознаградить ее.

«Я кажусь ей неблагодарной»—пришло ей въ голову.

Но на душѣ ледянымъ гнетомъ лежала смертельная усталость и не дала ожить великодушному порыву. Лида точно отодвинулась отъ нея.

Она почувствовала, что больше она не придетъ сюда.

. . . .

Весь этотъ день Лида проплакала, не осушая глазъ, и потому никакъ нельзя было скрыть визита Марты. Впрочемъ, на этотъ разъ и не хотѣлось ничего скрывать: ей оставалось теперь только плакать, а плакать можно открыто.

Бервиль вспылилъ.

О, да! — если Марта Михайловна отказывается отъ перевода въ Москву, тогда они ничего больше не могутъ сдѣлать для нея.

«Тамъ будетъ то-же самое» — что собственно Лида хочетъ этимъ сказать?

Если это значитъ, что и въ Москвѣ всѣ мужчины будутъ навязывать себя ей въ любовники (Марта, повидимому, именно такъ это изображаетъ ей!)—то онъ, со своей стороны, долженъ сказать ей, что въ дѣйствительности это дѣлается совершенно иначе. Приличные люди входятъ не стучась только въ раскрытыя двери.

Лида принимаетъ за чистую монету всѣ мелодрамы, какія разыгрываетъ передъ ней такая психопатка,—но надо-же положить этому какой-нибудь конецъ!

Чего, собственно, Лида такъ страшно боится? Психопатки и всегда кричатъ о смерти, но никогда не бываютъ способны на рѣшительный шагъ. Она забываетъ, что психопатія—это прежде всего отсутствіе воли. Но имъ надо всегда рисоваться, пугать другихъ, держать ихъ въ постоянномъ напряженіи своими угрозами. Они не выносятъ здоровой атмосферы и спокойныхъ людей...

Лида умоляла мужа все-таки побывать еще разъ у Марты. Не надо обращать вниманія на то, что она говоритъ теперь! Она упала духомъ. Ее надо разувѣрить, надо доказать ей, что все зависитъ отъ нея самой. Пусть это сдѣлаетъ мужчина. У Константина Петровича найдутся болѣе дѣйствительные доводы, онъ будетъ иначе говорить съ ней, ему Марта не можетъ отвѣчать каждую минуту, что онъ «младенецъ» и ничего не понимаетъ.

Бервиль не отказался. У него быстро сложился свой собственный планъ дѣйствія. Пора подѣйствовать на великодушіе Марты. Какая-бы она ни была, но въ ея горячей привязанности къ Лидѣ даже и ея мужъ не могъ сомнѣваться.

Должна-же Марта понять, наконецъ, до какой степени все это терзаетъ Лиду совершенно незаслуженно! И что всего хуже — безъ малѣйшей пользы и для нея самой.

Константинъ Петровичъ обѣщалъ съѣздить къ Мартѣ на этихъ дняхъ, но подъ условіемъ, что Лида не будетъ разстраивать себя этимъ до такой степени.

XIII.

. . . .

— Марта, дорогая—бросьте, я васъ умоляю! Вы простудитесь... Вы охрипните... Схватите ангину... Этого вамъ угодно?

— Не троньте!.. Не смѣйте!.. Я хочу знать, какой онъ холодный. И въ землѣ вѣдь такъ-же холодно?

— Напротивъ, въ землѣ тепло... Ну, вы уже узнали теперь, какой онъ холодный—перестаньте-же наконецъ, я васъ прошу!

— Почему вы знаете, что въ землѣ тепло? ахъ, Господи, какъ глупо!.. ха, ха, ха!.. ну, конечно, конечно тепло, это-же всякій знаетъ! Я забыла. Я думала, что гораздо холоднѣе... Очень вамъ будетъ жалко, когда я умру? Схвачу воспаленіе легкихъ... Лучше, если-бъ и въ землѣ было холодно.

Марта стояла въ распахнувшейся ротондѣ и ѣла изъ горсти чистенькій снѣгъ, забавно забирая его вытянутыми губами.

Губы и подбородокъ стали мокрыя, на щекахъ горѣлъ морозный румянецъ. Глаза безпрестанно мѣняли выраженіе. Они то вспыхивали острымъ блескомъ, то туманились. Въ нихъ проносилось что-то смутное, точно отраженіе внутренней боли.

Голосъ то звенѣлъ, то звучалъ нечисто.

— Радуйтесь—вы уже готовы! вы уже простужены! Слышите, какъ вы хрипите?—волновался ея кавалеръ.

Арсеній Павловичъ замѣтно осунулся за это время. Или, можетъ быть, такъ казалось отъ появившейся въ лицѣ тревожной напряженности.

Розовый лобъ, сбиравшійся въ пухлыя жирныя складки, когда Копыловъ заливался своимъ раскатистымъ хохотомъ, обнаживъ двѣ дуги мелкихъ съѣденныхъ зубовъ—теперь этотъ добродушный лобъ озабоченно хмурился. Заплывшіе глаза, искрившіеся бывало игривымъ остроуміемъ, взирали на Марту съ выраженіемъ сантиментальной грусти, которое окончательно не шло къ нимъ. Стало виднѣе, что они тускло вылинялаго сѣраго цвѣта, съ узкимъ зрачкомъ и нечистыми бѣлками. Морщины стали гораздо замѣтнѣе—точно онѣ постарѣли съ тѣхъ поръ, какъ они не вызывались смѣхомъ и юмористической игрой физіономіи.

Никогда еще бѣдный Арсеній Павловичъ не былъ такъ мало авантаженъ, какъ теперь.

Нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что онъ похудѣлъ: онъ, можно сказать, не зналъ покоя ни днемъ, ни ночью.

Ночью ломалъ голову надъ различными способами прирученія дикаго птенчика, а днемъ летѣлъ провѣрять свои способы на дѣлѣ. И претерпѣвалъ мгновенное и эффектнѣйшее пораженіе.

Пригрѣтый птенчикъ не шелъ ни на какія приманки. Онъ продолжалъ размахивать поломанными крыльями, пытаясь взлетѣть, и терзалъ любвеобильное сердце Арсенія Павловича то жалобнымъ пискомъ, то рѣзкими криками боли. А въ промежутки надувалъ пестрое горлышко и выводилъ присущія ему звонкія рулады, какъ-бы дразня: показывая, какая могла-бы выйти изъ него блестящая пѣвчая птичка.

Арсеній Павловичъ весь исклеванъ острымъ носикомъ и исцарапанъ слабыми лапками, но было совершенно очевидно, что изъ неподатливаго птенчика не выровняется хищнаго ястреба. И Арсеній Павловичъ все больше и больше уходилъ весь въ раздражающее, мучительное желаніе: залечитъ невидимыя раны и заслушаться беззаботныхъ птичьихъ пѣсенъ въ роскошнѣйшей клѣткѣ, какую онъ готовился соорудить для своей находки.

— Ну, баста—Не стоитъ!

Наконецъ-то Марта вытряхнула изъ горсти остатки снѣга. Она похлопала одну объ другую покраснѣвшими ладонями, вытерла ихъ въ шелковый платокъ, поданный Копыловымъ, запахнула ротонду и пошла по дорогѣ.

— Назяблись? Очень холодно?—допрашивалъ Копыловъ, безпокойно заглядывая въ ея опущенное лицо, красивое и странное, съ яркимъ румянцемъ на худыхъ щекахъ, съ влажнымъ блескомъ въ мрачныхъ глазахъ.

— Какъ вы мнѣ надоѣли! Что у васъ за привычка приставать съ однимъ и тѣмъ-же... холодно, холодно, холодно!.. Ужъ сказано, что вовсе не холодно! Теперь даже жарко въ груди.

— И очень скверно! Вы точно забыли, что завтра вы поете! — не могъ все таки уняться нѣжный опекунъ.

— Ну, не бѣда. Споетъ и кто-нибудь другой! — усмѣхнулась небрежно Марта и остановилась у края дороги.

По сторонамъ наѣзженой аллеи небольшія снѣжныя полянки разстилались мягко волнующимися контурами.

— А что тамъ? — Удержитъ меня, какъ вы думаете? — спросила Марта.

Она шагнула въ небольшое углубленіе, отдѣлявшее полянку отъ дороги. Одну ногу поставила, — потомъ другую, любопытно расширивъ глаза.

Снѣгъ хрустнулъ и слегка подался. Марта легонько вскрикнула и отскочила назадъ на дорогу.

— Тамъ канава! Вы провалитесь, снѣгъ попадетъ въ калоши, — волновался Копыловъ.

— Да, конечно, не стоитъ схватить насморкъ.

Арсеній Павловичъ нетерпѣливо помоталъ головой.

— Ну, что это значитъ — «не стоитъ»? Какъ вы меня сегодня сердите, Марта! Вы точно нарочно хотите простудиться. Оцѣните по крайней мѣрѣ мое безкорыстіе: вѣдь если вы заболѣете, такъ ухаживать за вами все равно некому, кромѣ меня.

Марта не отвѣтила. Только по губамъ пробѣжала загадочная усмѣшка.

Она шла по дорогѣ маленькими неровными шагами — утомительной и несцорой походкой женщинъ, непривыкшихъ къ ходьбѣ. Теперь ей становилось холодно. Румянецъ пропалъ на щекахъ.

Вороной рысакъ Копылова шелъ шагомъ далеко впереди, въ концѣ аллеи.

Мартѣ Михайловнѣ пришла сегодня фантазія выйти изъ саней и пройтись пѣшкомъ. Они долго сидѣли на скамейкѣ передъ унылой картиной затянутаго льдомъ взморья, пока не начали зябнуть ноги, и «приставанія» Копылова сдѣлались совершенно невыносимы.

Сказать правду, Арсенію Павловичу порядкомъ надоѣли ежедневныя прогулки на острова. Онъ рѣшительно не могъ понять, почему Марта такъ пристрастилась къ островамъ.

Это перестало походить на случайную фантазію. Прогулки становились все длиннѣе съ каждымъ днемъ и доставляли ей какое-то странное наслажденіе. Чтобы отвѣтить какъ-нибудь на его вопросы, Марта сказала:

— Сама не знаю. Тутъ такъ тихо! Можетъ быть, потому такъ нравится, что я никогда не жила въ деревнѣ. Вѣдь, неправда-ли, это похоже на деревню?

Этотъ отвѣтъ послужилъ Арсенію Павловичу поводомъ для того, чтобы тутъ-же развить цѣлый планъ лѣтняго отдыха въ одномъ изъ его богатыхъ имѣній. Онъ нѣсколько дней носился съ этимъ планомъ, но такъ и не понялъ, какое-же въ сущности впечатлѣніе это сдѣлало на Марту.

Она нехотя отшучивалась.

Во время этихъ прогулокъ Марта была всегда молчалива и задумчива. A la longue это становилось скучно. Но за то она была въ это время необыкновенно кротка. Она не капризничала, не придиралась къ нему и выслушивала терпѣливо всѣ его нѣжныя изліянія (еслибъ только можно было быть увѣреннымъ, что она всегда ихъ слышитъ!).

Случалось, что она не слыхала и половины изъ того, что онъ съ жаромъ излагалъ ей. Если это случайно выходило наружу, Марта откровенно смѣялась и въ награду соглашалась заѣхать «обогрѣться» въ какой нибудь ресторанъ. Но тутъ ужъ всегда видъ у нея былъ до того нетерпѣливо-скучающій, что Арсеній Павловичъ все рѣже и рѣже звалъ ее обогрѣться.

— Вы устали... не крикнуть-ли Петру, чтобы подавалъ?—спросилъ Копыловъ, замѣтивъ сейчасъ-же перемѣну въ ея лицѣ.

— Нѣтъ, еще немножко. Ѣхать будетъ холодно,—отвѣтила Марта запыхавшимся голосомъ.

— Ага, уже холодно? Все равно идти вы не можете. Вонъ какъ вы дышите!

— Какъ паровозъ?.. ха, ха, ха!.. Да и неловко идти въ ротондѣ и въ калошахъ. Это вѣдь ваша выдумка — калоши! Я ихъ отъ роду не носила. Ну и какой толкъ?.. Все-таки-бррр... какъ холодно!

— Вамъ вѣдь хотѣлось, чтобы было холодно!

— Надо знать.

— Вы не знали? Вамъ именно сегодня понадобилось простудиться?

— Ахъ, Господи, все-то вы ворчите! Ну, что-ли, въ Аркадію поѣхать—утѣшьтесь коньячкомъ.

Къ удивленію Марты, неожиданная милость не произвела эффекта: Арсеній Павловичъ взглянулъ на часы и нашелъ, что слишкомъ поздно. Они уже больше двухъ часовъ блуждаютъ по Островамъ. Теперь ѣхать скорѣе домой напиться чаю.

Вороной рысакъ дѣлалъ красивый заѣздъ, высоко вскидывая тонкими ногами и выгибая крутую шею.

Марта опять подошла къ канавѣ.

— Мягкая постелька... Чистенькая... Холодно только сначала, пока зябнутъ — когда замерзаютъ, больше не холодно... Всѣ говорятъ. Только спать хочется... Не больно... Тихо, тихо... И внутри будетъ затихать все больше, больше... Не больно. Вотъ когда засыпаешь—лѣ-

ниво, едва, едва думаешь... И будешь такъ думать о жизни равнодушно... засыпая... Уйти отъ нихъ!..

— Марта Михайловна, садитесь. Поѣдемъ! — позвалъ отъ саней Копыловъ...

«Ночью будутъ звѣзды... будутъ-ли звѣзды?»...

Марта закинула голову и посмотрѣла въ высокое безцвѣтное небо. На немъ не было ни одного облачка.

О, какое оно теперь ясное, строгое и далекое!..

... Нѣтъ, тогда оно будетъ ближе! будетъ живое, когда будутъ смотрѣть оттуда миріады свѣтлыхъ очей. Смотрѣть, какъ она уходитъ отъ нихъ.

Не знаютъ, не знаютъ!.. Афиша «Фрейшюца» въ цѣлый аршинъ! Горло охрипло...

Откуда-то издали доносился слабый звонъ бубенчиковъ и ухорскія вскрикиванія ямщика.

Вечеромъ тутъ много троекъ. Только всѣ ѣдутъ по одной дорогѣ. Есть другія дороги. Вонъ убѣгаетъ влѣво узенькая тропинка, протоптанная по снѣгу. Должно быть, ходятъ каждый день изъ той большой дачи. Сторожа вѣрно... Утромъ проходятъ...

— Марта, да что вы тамъ разглядываете?

Восклицаніе Копылова раздалось внезапно за ея плечомъ. Она вся судорожно вздрогнула. Не слыхала, какъ онъ подходилъ.

— Фу, какъ испугали! Смотрю. Эта дорога куда ведетъ?

— Какъ куда?—да мы же были тамъ сейчасъ—Стрѣлка!

— А-а-а!.. Ночью тамъ нечего дѣлать—вѣдь правда?

Она вглядывалась вдаль сощуренными глазами. Онъ прекрасно видѣлъ, что она прячетъ отъ него свои глаза. Лицо было теперь совсѣмъ безкровное.

— Вотъ женщины! Мы съ вами тутъ все исколесили вдоль и поперекъ десятки разъ, а вы и до сихъ поръ не запомнили мѣстности! А еще вамъ такъ нравится здѣсь.

Въ первый разъ еще Арсенія Павловича брала настоящая досада на Марту. Что-то совсѣмъ непонятное, безтолковое и смутно волнующее было въ ней сегодня. Ему хотѣлось скорѣе увезти ее отсюда. Онъ былъ почти увѣренъ, что все это разрѣшится болѣзнью. Съ «Фрейшюцемъ» выйдетъ скандалъ.

Бубенчики между тѣмъ звенѣли все ближе. По дорогѣ шумно пронеслись, одна за другой, двѣ тройки, биткомъ набитыя народомъ.

Молодой человѣкъ въ разстегнутой шинели и въ цилиндрѣ что-то крикнулъ имъ и долго размахивалъ рукой въ длинномъ рукавѣ, весь перевѣсившись изъ саней. Куча дамъ держали его, спорили и высовывались, чтобы видѣть. Отъ этой суматохи ихъ казалось тамъ еще боль-

ше. Большой оранжевый бантъ на одной шляпкѣ рдѣлъ, точно огромный лѣтній цвѣтокъ въ безжизненномъ колоритѣ зимняго дня.

Во второй тройкѣ мужской голосъ запѣлъ, сфальшивилъ и потонулъ въ хорѣ визгливыхъ возгласовъ. Вдругъ оттуда вылетѣлъ комъ апельсинныхъ корокъ и упалъ въ снѣжную канавку.

Марта отшатнулась и почти побѣжала въ противоположную сторону. Брови ея судорожно сжимались, лицо все дрожало. Въ груди жгла острая боль...

Такъ грубо, точно нарушили чудную тишину!

За тишиной тянетъ сюда!.. Ни звука... Ворона, пролетая, прокаркаетъ медленно и важно...

Тишина поможетъ, придастъ силы. Тишина захватываетъ... точно покрываетъ... увлекаетъ... Прочь, прочь!..

Подальше, дальше забраться—гдѣ-бы не могло быть отвратительныхъ троекъ... Хороводъ кружится... вездѣ преслѣдуетъ! До конца... Ворвется послѣднимъ земнымъ звукомъ... навстрѣчу смерти...

Она больше не могла выдержать. Слезы теплыми струями хлынули изъ глазъ. Имъ не будетъ конца, надо дать имъ литься, литься...

Арсеній Павловичъ догналъ ее, остановилъ, обнялъ и усадилъ въ сани. Марта не сопротивлялась. Голова ея безсильно поникла на его плечо.

XIV.

Константинъ Петровичъ Бервиль велѣлъ извощику ждать и вошелъ въ подъѣздъ большого дома.

Швейцара не оказалось на мѣстѣ. Онъ попался ему на площадкѣ лѣстницы и на вопросъ, гдѣ квартира артистки Ва—ской, молча показалъ рукой на полуоткрытую дверь этажемъ выше.

Открытая дверь удивила Бервиля. Въ темной прихожей тоже никого не было, пришлось самому снимать шубу. Онъ двинулся на удачу на голоса; они слышались изъ-за двери въ концѣ недлиннаго коридора. Эта дверь тоже была только притворена, и сейчасъ-же высокая фигура въ военной формѣ заслонила ему дорогу.

— Кого вамъ угодно?

Вопросъ прозвучалъ строго-офиціально.

— Марта Михайловна Ва—ская?.. Позвольте мнѣ пройти!

Константинъ Петровичъ безсознательно повысилъ тонъ, какъ человѣкъ, котораго физически удерживаютъ, но сейчасъ-же разглядѣлъ полицейскую форму, и въ груди шевельнулось леденящее ощущеніе испуга. Онъ шагнулъ въ комнату.

За круглымъ столомъ, выдвинутымъ отъ пестраго дивана на середину комнаты, сидѣли два человѣка въ черныхъ сюртукахъ. Одинъ

изъ нихъ, съ большой лысиной, писалъ, пригнувшись близорукими глазами низко къ листу и слегка въ бокъ.

Противъ стола въ креслѣ Бервиль увидѣлъ Копылова, въ томъ неуловимо растерзанномъ видѣ, какой придаетъ человѣку сильное смятеніе. Кажется, одѣтъ человѣкъ въ свое обыкновенное платье, и нѣтъ ни въ чемъ явнаго безпорядка, но въ то-же время въ немъ все рѣшительно иначе, чѣмъ должно быть.

Арсеній Павловичъ оглянулся, вскочилъ и кинулся ему навстрѣчу.

— Ну, вотъ, братецъ... ну, вотъ! Что теперь твоя Лидочка скажетъ? Все кончено. На зарѣ... Докторъ такъ написалъ, будто на зарѣ... Какъ можно знать теперь! Вотъ онъ, снѣгъ-то... Не даромъ я, братецъ, возненавидѣлъ все это.

Голосъ дребезжалъ точно надтреснутое стекло. Слова путались.

— Отравилась?—спросилъ, сдвигая брови, Бервиль и, минуя мятущуюся фигуру Копылова, взглянулъ на господина съ оффиціальнымъ лицомъ.

— Найдена безъ признаковъ жизни на снѣгу на Елагиномъ островѣ,—произнесъ отчетливо чей-то суровый голосъ слѣва.

Официальный господинъ поднялъ руку и медленно потеръ себѣ лобъ надъ бровями.

Кто-то всхлипнулъ одинъ разъ, точно женскимъ голосомъ.

Марта лежала на кровати въ своемъ бѣломъ фланелевомъ пеньюарѣ обшитомъ кружевомъ, теперь затоптанномъ и оборванномъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Распустившуюся, спутанную косу откинули на одну сторону, и она сбѣгала до самаго пола черной волной. Руки распались по сторонамъ. Голыя ноги, худыя и маленькія, вытянулись изъ-подъ отброшенныхъ складокъ подола, и тутъ-же рядомъ еще лежала щетка и бутылка съ кипяткомъ.

Докторъ только-что ушелъ, удостовѣривъ смерть. Его приходъ прервалъ безпорядочныя попытки привести въ чувство.

Платье на груди разстегнуто и залито водой. Мокрые волосы откинуты со лба; весь открытый лобъ удлиняетъ лицо, и точно это придаетъ ему строгость.

Темныя впадины глазъ кажутся несоразмѣрно большими.

Бѣлыя губы легко сложены, точно сейчасъ онѣ разомкнутся и заговорятъ о тишинѣ и о звѣздахъ.

Были-ли ночью звѣзды?

Ей хотѣлось, чтобы хоть звѣзды смотрѣли съ высоты на то, какъ будетъ она совсѣмъ одна уходить отъ людей...

Потому что они ей не повѣрили.

Ни въ карманѣ бѣлаго платья, ни въ квартирѣ не оказалось никакой записки.

Арсеній Павловичъ пріѣхалъ утромъ раньше обыкновеннаго.

Марта тревожила его. Онъ боялся, что она серьезно простудилась на вчерашнемъ катаньѣ. Ея тоску, слезы и странныя рѣчи—все это Арсеній Павловичъ объяснялъ нервнымъ разстройствомъ и начинающейся лихорадкой. Онъ уже привыкъ къ ея странностямъ, но предвидѣлъ, что сегодня ему не миновать крайне непріятныхъ для него объясненій съ Гаминскимъ. Отношенія двухъ пріятелей замѣтно портились съ каждымъ днемъ.

При первыхъ-же словахъ квартирной хозяйки, что Марта Михайловна вчера поздно вечеромъ куда-то уѣхала одна и съ тѣхъ поръ не возвращалась, Арсеній Павловичъ почему-то сразу все угадалъ. Онъ полетѣлъ на острова.

Лидія Васильевна тоже поняла все, что теперь не могло уже принести никакой пользы. Когда ей сказали, что Марта умерла, стало совершенно очевидно, что̀ именно слѣдовало сдѣлать для того, чтобы Марта могла жить.

— Нѣтъ, Бога ради, не говорите, что я что-то дѣлала для нея—кричала Лида внѣ себя—потому только, что я возмущалась, когда вы требовали, чтобы и я отшатнулась отъ нея, какъ отъ прокаженной!.. Ей осталось только умереть. Я виновата,—вѣдь мнѣ стоило только взять ее на время къ себѣ! Пріютить, защитить до тѣхъ поръ, пока что нибудь могло-бы устроиться. Ей двадцать-два года! Она была-бы жива. Отчего же теперь я понимаю это такъ ясно, когда уже поздно, когда ничего больше нельзя! Господи... Я ее ночевать не оставила въ тотъ вечеръ—пока живу на свѣтѣ, я никогда не забуду этого стыда! Ей нездоровилось... Заснула тутъ, вотъ здѣсь, на моей кушеткѣ. Она не рѣшилась сказать... Я боялась тебя, мамы, Лизы... О, да, я даже своей горничной боялась! И это мой домъ! Не увѣряйте меня, что я не виновата. Я одна знала, что все правда! Я видѣла, какъ она мучилась, мнѣ было страшно. Я не должна была слушаться васъ всѣхъ! Вы ей не вѣрили. Можетъ быть вы меньше виноваты, чѣмъ я.

Константину Петровичу Бервиль пришлось пережить нѣсколько дней, которыхъ онъ, навѣрное, не забудетъ, пока онъ живъ.

Марту похоронили, какъ близкую родственницу.

Сейчасъ послѣ похоронъ Лидію Васильевну увезли заграницу. Ее нужно было лечить послѣ всѣхъ вынесенныхъ ею потрясеній.

А тѣмъ временемъ въ обществѣ успѣютъ улечься темные слухи, вызванные этой тяжелой исторіей. Благодаря нѣкоторой прикосновенности Марты къ театру, загадочная драма облетѣла весь городъ.

XV.

Въ ясный сентябрьскій день на кладбищѣ Александро-Невской Лавры отслужили панихиду.

Могучій басъ красавца-дьякона призвалъ на безвѣстную могилу всегдашнюю мечту людей: «вѣчную память» катящейся въ вѣчность живой волны.

Дѣтскіе голоса, чистые, безстрастно-звонкіе, долго повторяли на всѣ лады. И вдругъ стало совсѣмъ тихо.

Старикъ-священникъ перекрестился въ послѣдній разъ, устремивъ взоръ въ обращенное къ нему печальное лицо бѣлаго мраморнаго ангела. Панихида отслужена по случаю постановки памятника, только-что привезеннаго изъ-за границы.

Священникъ повернулся къ двумъ молящимся, стоявшимъ рядомъ около рѣшетки сосѣдняго памятника.

— Прекрасное изваяніе, прекрасное!—сказалъ онъ, милостиво склоняя голову въ сторону Арсенія Павловича Копылова.—Сейчасъ можно видѣть, что не здѣшняго изготовленія. Изъ Италіи, мы слышали?

— Изъ Милана. Это было желаніе покойной, чтобы надъ нею былъ ангелъ—пояснилъ для чего-то Арсеній Павловичъ.

— Да, да, да—легонько вздохнулъ старикъ.—Чтожъ, невинное желаніе... Церковью не возбраняется... по малодушеству нашему. Однако, я такъ считаю, что для православнаго христіанина простой крестъ Господа нашего болѣе приличествуетъ. Въ семъ послѣднемъ убѣжищѣ меньше-бы различія между неимущими и богатыми. На порогѣ нивы Божіей оставлять ихъ подобало-бы.

Онъ говорилъ съ улыбкой, какъ-бы желая смягчить слова.

— О, нѣтъ, батюшка, это совсѣмъ не для пышности, я могу васъ завѣрить въ этомъ!—отвѣтилъ ему съ волненіемъ женскій голосъ.

Старикъ взглянулъ на хорошенькую молодую даму съ заплаканнымъ лицомъ.

— Охотно повѣрю, сударыня. И я отнюдь не имѣлъ намѣренія, такъ сказать, уличить въ суетности. Я, признаюсь, всегда это думаю, когда у насъ воздвигается какой нибудь пышный мавзолей. Много ихъ тутъ! Всякій свои мысли имѣетъ.

Онъ отдалъ степенный, задержанный поклонъ столичнаго священника, неожидающаго, чтобы интеллигентные люди могли по старинному попросить у него пастырскаго благословенія и не спѣша отошелъ по деревяннымъ мосткамъ.

Лида приблизилась къ бѣлому ангелу. Съ минуту она гладила рукой, точно ласкала живую, красивую, холодную ногу, наступившую на пальмовые листы.

Арсеній Павловичъ, все еще продолжая держать въ рукахъ свою шляпу, обошелъ вокругъ памятника. Онъ озабоченно приглядывался къ только что задѣланному высокому фундаменту изъ тесанныхъ плитъ. Рѣшетку еще не успѣли поставить. Ему не хотѣлось ждать съ панихидой.

Два вѣнка свѣжихъ цвѣтовъ лежали, прислоненные къ пьедесталу, на мраморной доскѣ, вдѣланной въ уровень съ плитами. На ней виднѣлась лаконическая надпись:

«Марта».

14-го февраля 189*.

Лидія Васильевна охотно согласилась съ желаніемъ Арсенія Павловича не писать на памятникѣ фамиліи.

Кромѣ ихъ двоихъ, ни для кого на свѣтѣ не существуетъ эта могила. Но на нее будутъ заглядываться чужіе люди, какъ на памятникъ рѣдкой красоты. Лидѣ было отрадно подумать это. Пусть, пусть какъ можно больше людей проходятъ мимо и останавливаются передъ бѣлымъ ангеломъ. Они поймутъ только, что это могила молодой женщины, что ей рано было умирать.

Арсеній Павловичъ глубоко вздохнулъ и, наконецъ, надѣлъ свою шляпу. Онъ остановился внизу противъ Лиды. Она опустилась на одно колѣно и бережно выправляла завернувшіеся листочки вѣнка.

— Я не могла вѣдь сказать ему, что Марта боялась крестовъ!— проговорила она, думая о словахъ стараго священника.

— Съ рѣшеткой не поспѣли, замѣтилъ свое Копыловъ. — Мнѣ хотѣлось панихиду скорѣе. Теперь это настоящій ангелъ! — пошутилъ онъ добродушно.—А то мужичье всякое мазало его своими лапами. Хватаютъ прямо за лицо.

— Чудный ангелъ!—выговорила съ восхищеніемъ Лида.

Въ безчисленный разъ въ ея памяти прозвучали ребячески боязливыя слова Марты. Они ее волновали теперь до глубины души именно своимъ ребячествомъ.

— Да, ужъ надо сознаться, только они тамъ и умѣютъ такъ сдѣлать,—выговорилъ съ чувствомъ Арсеній Павловичъ.—Вы посмотрите, какая легкость и сколько движенія въ позѣ: сейчасъ только спустился и сталъ на это мѣсто.

Они еще разъ, любуясь, медленно обошли со всѣхъ сторонъ памятникъ. Онъ весь купался въ солнечныхъ лучахъ. Теплый свѣтъ проникалъ въ его мягкую бѣлизну и придавалъ ей что-то напоминающее эластичность живыхъ тканей,—то, что отличаетъ хорошій мраморъ отъ всякаго другого камня.

— Авось теперь и на душѣ будетъ полегче — сказалъ тихо Копыловъ.

Они съ Лидіей Васильевной быстро сдружились послѣ смерти Марты. Встрѣтила его Лида чуть что не съ ненавистью, но была сразу обезоружена искренностью его горя. И потомъ она убѣдилась, какъ онъ былъ далекъ отъ вѣрнаго пониманія натуры Марты и всего, что она переживала. И его глубокое сокрушеніе о всѣхъ роковыхъ ошибкахъ не могло не примирить съ нимъ. Сближало общее горе и то, что они ни въ комъ больше не могли встрѣтить искренняго сочувствія.

Семья Лидіи Васильевны находила ея отчаяніе изъ рукъ вонъ эксцентричнымъ. Бервиль приходилъ къ убѣжденію, что Марта и послѣ смерти будетъ продолжать портить ему жизнь.

— Арсеній Павловичъ, знаете, мнѣ надо поговорить съ вами. Это очень серьезно,—добавила Лида, и ея голосъ сразу измѣнился; въ немъ какъ-будто появилась строгая нотка.

Копыловъ безпокойно посмотрѣлъ на нее.

— Всегда радъ, Лидія Васильевна. Къ вамъ поѣдемъ?

— Н... нѣтъ, нѣтъ, не у насъ. Который часъ теперь?—Два? ну, вотъ и прекрасно... Время есть. Погода чудная, отчего намъ не переговорить сейчасъ? Здѣсь для того и самое мѣсто! — кончила она медленно и вѣско.

— Вы устали стоять... Эхъ, вотъ скамеечки-то у насъ нѣтъ своей! Хотите, вонъ у той часовенки посидимъ?

Лида сѣла на каменную ступеньку и пригласила его рукой.

— Зачѣмъ, когда намъ и тутъ чудесно. Сегодня совсѣмъ сухо.

— Нѣтъ, кузиночка, напрасно вы это! На камнѣ никогда сидѣть не слѣдуетъ. Дайте я хоть пальто мое вамъ подстелю.

Она удержала его рукой. Они говорили лишнія слова, какъ это часто дѣлаешь, приготовляясь къ чему-нибудь важному.

— Вотъ вы сейчасъ сказали: «авось и на душѣ будетъ полегче»— заговорила Лида грустно.—Милый Арсеній Павловичъ, вы такой хорошій человѣкъ, что совсѣмъ легко вамъ не будетъ... Развѣ очень, очень не скоро!

— И не надо, я вовсе и не хочу. Это вѣдь значитъ забыть... ну, а мнѣ поздно уже забывать, Лидія Васильевна! Что будетъ очень, очень не скоро, о томъ намъ и вовсе думать не приходится.

Она выслушала его почтительно, глядя ему въ лицо своими серьезными глазами, и отвѣтила спокойно, какъ человѣкъ, у котораго впередъ все обдумано.

— Нѣтъ, не забыть, Арсеній Павловичъ. Но терзаться тѣмъ, чего нельзя поправить—ужасно! Вѣдь мнѣ совершенно все равно, какъ объ этомъ судятъ другіе. Цѣлый свѣтъ можетъ увѣрять меня, что сдѣлать ничего нельзя. Я сама знаю, что помѣшать ея смерти въ то время

могла только я одна, и этого я не сдѣлала! Я никогда не буду думать, что нельзя иначе.

Арсеній Павловичъ осторожно коснулся ея нервно сжимавшихся рукъ.

— Кузиночка, не начинайте вы только опять травить себя этимъ.

Лида кивнула ему головой и справилась со своимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не бойтесь! Стараго перебирать не для чего. И сказать новаго мы другъ другу ничего не можемъ. Но жить съ этимъ тяжело!

Она оглянулась на памятникъ. Глаза ея засвѣтились лаской.

— Какъ я рада, что вы достали этого ангела! Я вамъ ужасно, ужасно благодарна за него!—воскликнула она какъ-то совсѣмъ по-дѣтски и протянула ему руку.

Арсеній Павловичъ сдернулъ съ головы шляпу и долго, горячо цѣловалъ ее.

— Я и сама думала, тогда, сейчасъ-же. Но я-бы не могла истратить на это такую пропасть денегъ, и ничего хорошаго не могло быть.

— Мы совсѣмъ точно дѣти утѣшаемся этимъ!

Арсеній Павловичъ не то засмѣялся, не то всхлипнулъ надъ собой.

— Ну, и пусть какъ дѣти,—отвѣтила Лида съ убѣжденіемъ.— Не нужно еще другое утѣшеніе, Арсеній Павловичъ,—настоящее. Нужно дѣло такое, которое-бы исправляло ту ошибку. Не для нея уже. Что-же человѣкъ можетъ противъ этого? Все равно—зло одно и люди одни. И знаете, если очень, очень отвлеченно обо всемъ подумать съ послѣдней высоты—тогда это непремѣнно должно дать и за нее хоть нѣкоторое утѣшеніе...

Она искала глазами его взгляда со страхомъ, что можетъ не найти въ немъ сейчасъ-же того отвѣта, какой ей нуженъ.

Маленькіе глазки Арсенія Павловича точно зажглись изнутри. И всѣ некрасивыя морщины его некрасиваго лица будто просіяли.

— Вижу, вижу ужъ родная моя, что задумали вы самое настоящее! Вотъ она—молодость! Вонъ я способенъ только погружаться въ свою тоску... даже любо ковырять себѣ душу. Какой въ томъ прокъ? Ну, говорите дальше, говорите что вы такое придумали, философъ мой?

Лида смотрѣла въ пространство потемнѣвшими глазами.

— Вотъ чего захотѣли! Что я вдругъ могу придумать сама? Я пока только одно знаю: это то дѣло, для котораго хочу работать всю жизнь, сколько только будетъ у меня средствъ и умѣнія. И съ этого меня никто уже не собьетъ! Я теперь знаю—вовсе не нужны для этого золотыя горы и геройскія жертвы: не надо только и стыдно намъ считать жертвами свой каждый шагъ—такіе пустяки, о которыхъ право и думать не стоитъ! О, только вспомнить, чѣмъ меня мучили, изъ-за чего я должа была сражаться или обманывать! И какъ мало

надо было, чтобы сдѣлать ее счастливѣе! Арсеній Павловичъ, я думаю, что надо только одно: чтобы никто изъ счастливыхъ не смѣлъ считать, что всѣ сбившіеся съ пути, сразу перестаютъ быть людьми, а мы ни съ того ни съ сего становимся ихъ судьями.

Копыловъ усмѣхнулся и покачалъ головой.

— Вотъ уже въ чемъ я не грѣшенъ, такъ нѣтъ, кузиночка! Я себя судьей ни надъ кѣмъ не ставилъ и никого не презиралъ. И такъ называемыхъ жертвъ не боялся. А толку все-таки немного выходило!

Лида задумалась на минуту и сейчасъ-же нашла отвѣтъ.

— Это оттого, милый дѣдушка, что вы до сихъ поръ дѣлали въ сущности для себя. Не обижайтесь! Я вѣдь знаю, какой вы добрый и великодушный. Но все-таки вѣдь это-же правда? Сейчасъ у васъ являлись собственныя цѣли и надежды,—ну и выходило, что дѣлали вы... совсѣмъ не то что надо, а какъ разъ обратное!

Копыловъ даже разсмѣялся отъ удовольствія, какъ это дѣвочка угадывала его.

— Для себя, для себя—сущая эта правда, кузиночка! Какъ будто и добрыя дѣла дѣлалъ—а выходитъ, что и ихъ тоже замаливать надо. Ну, а какже съ другими-то, съ недобрыми нашими дѣлами? Да, да! вы мнѣ въ самую душу попали.

Арсеній Павловичъ снялъ шляпу и смотрѣлъ на бѣлаго ангела отуманенными глазами.

— Правда ваша. Пусть-бы каждый изъ насъ, кѣмъ создалось зло, считалъ долгомъ совѣсти хоть одной несчастной помочь не для себя.—Много-бы набралось! Вѣрно, вѣрно... Будемъ работать, Лидія Васильевна! Это вы вѣрно поняли, кого вамъ надо позвать себѣ въ помощники!

— Арсеній Павловичъ, вы не забывайте, пожалуйста, главнаго: что съ вами говоритъ двадцати-двухлѣтняя дама—и другого такого положенія нѣтъ на свѣтѣ! Даже дѣвушкамъ легче, потому что, коли на то пошло, легче не послушаться отца съ матерью, чѣмъ мужа, котораго любишь.

Лида въ волненіи провела рукой по лицу.

— Вѣдь у меня такое чувство бывало, точно я человѣка убила... близкаго, родного человѣка. А кругомъ всѣ стыдятъ, что мнѣ неприлично разсуждать о такихъ вещахъ!.. непозволительно было-бы спасти собственную сестру. И каждымъ своимъ шагомъ я могу повредить не только себѣ, а и своему мужу. И теперь, послѣ всего, что случилось, никто не сталъ судить иначе—вотъ что меня всего больше поражаетъ! Мама такъ прямо и говоритъ: «все къ лучшему». А о главномъ—о самомъ-то ужасѣ—больше ужъ и не думаютъ... Да, что тамъ! Они именно того и не могутъ простить Мартѣ, что она за-

ставляла думать. Пусть всѣ знаютъ, что этотъ ужасъ существуетъ— всякій только сторонится. Условились молчать, не видѣть, не думать. Коли умираютъ добровольно—къ лучшему! Пожалуй и второй разъ не повѣрили-бы... Нѣтъ, нѣтъ, не могу! — Лида закрыла лицо руками и долго молчала.

Копыловъ, понуривъ голову, прохаживался передъ нею маленькими шажками по настланнымъ доскамъ. Онъ хорошо зналъ, что Лиду нельзя ни утѣшать, ни уговаривать: надо ждать, пока она сама съ собой справится.

Она вынула изъ кармана платокъ и обмахнула имъ глаза. Слезъ въ нихъ не было.

— Ну, такъ вотъ... Говорить объ этомъ лишнее, да и я не могу! У меня тоже, какъ у Марты, все въ головѣ начинаетъ путаться...

— Бросьте, голубушка. Вы уже себя этимъ полгода терзаете.

— Нѣтъ, я только къ тому говорю, что для меня другого такого дѣла въ жизни не можетъ быть. Сейчасъ гдѣ-нибудь еще многія бьются, какъ Марта, и имъ тоже никто не хочетъ вѣрить! А женщинамъ и въ голову не приходитъ, что вѣдь они, въ сущности, съ чужихъ словъ судятъ. Ну, вотъ Марта все говорила: хороводъ кружится, кружится... Вы сами лучше меня знаете, Арсеній Павловичъ, рѣшайте—хотите, будемъ вмѣстѣ помогать спастись, кому придется? Я думаю, что тутъ женщина даже больше можетъ сдѣлать, вамъ труднѣе— вѣдь правда? Она была такъ ужасно озлоблена противъ всѣхъ мужчинъ. Вѣдь ей нужно было только, чтобы ей повѣрили, а не... толкали назадъ!..

Лида спрыгнула съ камня и повернулась лицомъ ка памятнику.

— И каждый разъ мы будемъ знать, что это Марта. Не наша... Можетъ быть, она будетъ страдать не такъ горячо... все будетъ гораздо проще. Но развѣ это не все равно? Мнѣ теперь кажется, что для женщинъ не существуетъ другого дѣла, равнаго этому. Для меня это прямая обязанность. У васъ много денегъ, Арсеній Павловичъ?

Копыловъ усмѣхнулся и помоталъ головой.

— Для такого дѣла ни у кого нѣтъ много денегъ, Лидія Васильевна. Но сколько бы ни было— всѣ пригодятся. Ахъ вы философъ, философъ! Вотъ вы какое мѣсто нашли для моихъ безпутныхъ денегъ. И отчего-же я, болванъ эдакій, самъ не могъ придумать этого?

— И придумали-бы, это такъ ясно! — отвѣтила увѣренно Лидія Васильевна.—А я не могу, я должна сейчасъ начать что-нибудь дѣлать, отчего мнѣ легче будетъ. Ну, я молода, глупа была, мнѣ трудно бороться со всѣми. Да вѣдь она-то умерла изъ-за этого! Я не могу ждать до тѣхъ поръ, пока я состарюсь. Ахъ, хоть-бы дожить до того, что будешь просто молодой, а не «молоденькой» женщиной! Право, я

равнодушно слышать этого слова не могу. Это значитъ — не человѣкъ, а кукла.

Арсеній Павловичъ разсмѣялся и смотрѣлъ на нее восхищенными глазами.

Лида нахмурилась.

— Нѣтъ, Арсеній Павловичъ, вы всего и представить себѣ не можете! Такъ и знайте, что я въ этомъ дѣлѣ безъ рукъ, безъ ногъ и безъ голоса. Завидный товарищъ, нечего сказать! Тамъ дальше видно будетъ, а пока не могу-же я сразу свести съ ума моего Костю! Надо понемножку, шагъ за шагомъ отвоевывать. И молчать побольше — споры ровно ни къ чему не ведутъ. Хуже только. Лавировать, прятаться... Ну, не знаю, не знаю сколько я все это выдержу! — кончила она внезапно рѣзко и махнула рукой.

— Барынька, барынька, вы такъ не горячитесь! — остановилъ ее серьезно Копыловъ. — Дѣло дѣломъ, а жизнь все-таки должна идти своимъ путемъ.

— Ахъ уже этого-то можете и не говорить мнѣ! Стало быть, все рѣшено, Арсеній Павловичъ? Вы будете дѣлать для меня, чего я сама не могу... Будете? Коли вы не захотите, тогда не знаю...

— Какъ не захочу? Это я-то не захочу?

Лида улыбнулась. На щекахъ ея быстро разгорался румянецъ. Губы горѣли. Она протянула Копылову руку и сжала сколько было силъ.

— Довольно пока — домой теперь надо ѣхать! Пріѣзжайте завтра ко мнѣ завтракать, мы поговоримъ. Я вѣдь давно уже съ этимъ ношусь!

Они подошли еще разъ къ памятнику. Лида оторвала отъ вѣнка двѣ блѣдныхъ розы. Она приласкала ими тонкую руку ангела и потомъ бѣлыя буквы «Марта» у его ногъ. И все это серьезно и растроганно, какъ дѣлаются самыя безсмысленыя вещи, когда въ нихъ рвется наружу искреннее чувство.

Одну розу Лида отдала Копылову. Онъ поднялъ ея руку вмѣстѣ съ цвѣткомъ къ своимъ губамъ. И ему тоже казалось очень серьезно и очень хорошо, что она дѣлала.

Арсеній Павловичъ усадилъ Лидію Васильевну въ свою колясочку. И помчалъ ихъ вороной рысакъ — тотъ самый, который полгода назадъ каждый день мчалъ на острова легкія саночки.

Бѣлый Ангелъ сторожитъ Марту. Его печальное лицо обращено къ звѣздамъ.

Ольга Шапиръ.

Хозяйственный бытъ сицильянскаго простонародья.

Островъ Сицилія, по населенію (болѣе $3^1/_2$ мил. жит.) и по пространству (29,000 кв. верстъ), превосходитъ Данію, Сербію, Румынію, Болгарію, Норвегію, Грецію и нѣкоторыя другія самостоятельныя европейскія политическія единицы. Климатъ ея, благодаря обширнымъ, достаточно плоскимъ центральнымъ возвышенностямъ и омывающему островъ морю, во многихъ мѣстностяхъ умѣренный, допускающій культуру самыхъ разнообразныхъ растеній. Въ общемъ онъ обладаетъ достоинствами сѣверо-африканскаго, безъ характерныхъ неудобствъ послѣдняго: непосредственнаго сосѣдства безплодныхъ пустынь и рѣзкой разницы между дневной и ночной температурой. Почва острова отличается рѣдкимъ плодородіемъ. Въ древнія времена Сицилія считалась справедливо житницей всей Римской имперіи, всего прибрежья Средиземнаго моря, и еще донынѣ, не взирая на тысячелѣтнее хищническое хозяйство, на первобытные земледѣльческіе пріемы, на болѣе чѣмъ неудовлетворительное, аграрное устройство, на безпечное отношеніе къ землѣ владѣльцевъ, на жалкую безпомощность и темноту земледѣльцевъ, все-таки остается плодороднѣйшей частью Италіи. Это доказываютъ цифры. Зерноваго хлѣба Сицилія производитъ почти столько же, сколько вся континентальная Италія, по пространству и населенію превосходящая Сицилію болѣе, чѣмъ въ 8 разъ, а именно [1]) $7^1/_2$ милліоновъ гектолитровъ пшеницы и $1^1/_2$ милл. гектл. ячменя. Вина весьма высокаго качества она даетъ $6^1/_2$ милл. гектолитровъ, т. е. въ шесть разъ болѣе всей Ломбардіи, въ десять разъ болѣе всей венеціанской области. Безъ малаго четвертую часть всего оливковаго масла, добываемаго въ Италіи, даетъ Сицилія-же. Апельсины, лимоны, померанцы и, доставляемые ихъ обработкой, продукты составляютъ одну изъ круп-

---

[1]) Statistiche del ministere dell'agricultura.

ныхъ доходныхъ статей Италіи. Три четверти общаго количества родитъ Сицилія. Приблизительно тоже можно сказать объ овощахъ. Нѣдра земли представляютъ тоже неистощимый источникъ минеральныхъ богатствъ. Сицильянская сѣра считалась и считается повсюду наилучшей, а сбытъ сѣры (частью благодаря усиленнымъ вооруженіямъ Европы, частью благодаря ежегодно возрастающему въ европейской заводской промышленности спросу на сѣрную кислоту) всегда обезпеченъ.

Однако, всего этого оказалось недостаточно для того, чтобы предотвратить прогрессивное разореніе страны и обѣднѣніе населенія. Въ настоящее время Сицилія переживаетъ острый хозяйственный кризисъ. Не имѣя пропитанія, населеніе волнуется, но это, конечно, не можетъ пособить горю. Въ результатѣ десятки и сотни людей расплачиваются за свое недовольство свободой и жизнью, а положеніе населенія нисколько не улучшается. Вся Италія находится теперь точно въ такомъ-же состояніи: вездѣ нужда, вездѣ волненія, вездѣ застой и упадокъ хозяйства. Одинаковыя явленія заставляютъ предположить, что тутъ дѣйствуютъ одинаковыя причины. И дѣйствительно, ихъ не трудно найти.

I.

Главнѣйшая причина тяжкаго и опаснаго экономическаго положенія Сициліи заключается въ томъ, что народъ, во имя и ради блага котораго было совершено въ 50-хъ и 60-хъ годахъ освобожденіе Италіи отъ феодальнаго режима, обновленіе и объединеніе ея, былъ забытъ фактически въ теченіи 35 лѣтъ, забытъ какъ цѣлымъ рядомъ министерствъ, такъ и парламентскими партіями, занятыми борьбой изъ-за вопросовъ сравнительно маловажныхъ. Проекты надѣленія землей сельскихъ рабочихъ не дали никакихъ осязательныхъ результатовъ. Стремленія и усилія министерствъ были направлены, по преимуществу, къ политическому возвеличенію государства, несоразмѣрному съ экономическими силами націи (хотя-бы абиссинская кампанія). Нужды рабочаго класса и его бѣдственное положеніе были давно разслѣдованы и извѣстны, но не вызывали никакихъ коренныхъ реформъ, направленныхъ къ усиленію производительности имуществъ и труда. Великодержавная, часто рискованная политика слишкомъ еще молодого королевства требовала новыхъ матеріальныхъ жертвъ и, слѣдовательно, увеличенія налоговъ. Послѣдніе отягощали и безъ того обездоленныхъ рабочихъ, главнымъ образомъ земледѣльцевъ и собственниковъ также. Мѣстные правящіе классы, т. е., мѣстная интеллигенція, призванная къ самоуправленію провинціей, была одержима мѣстной мегаломаніей и удовлетворяла ее, украшая города насчетъ того-же земледѣльца, ибо огромное большинство земледѣльческаго населенія живетъ въ городахъ, но права на участіе въ

общественномъ управленіи не имѣетъ. Такое положеніе дѣлъ не могло не отразиться пагубно и на самихъ землевладѣльцахъ. Оно породило цѣлый классъ паразитовъ, которые, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ собственника и бѣдственнымъ рабочаго, пытались при помощи спекуляцій высасывать сокъ изъ тѣхъ и другихъ, иногда, правда, разоряясь въ концѣ концовъ сами и разоряя финансовыя предпріятія, въ началѣ казавшіяся благодѣтельными и несокрушимыми. Все это до такой степени ухудшило положеніе всѣхъ слоевъ населенія, соприкасающихся съ землей, что между этими классами теперь трудно найти человѣка, не ропщущаго болѣе или менѣе основательно на свое экономическое положеніе. Въ Сициліи недовольны всѣ, начиная отъ феодаловъ-землевладѣльцевъ и кончая юными рабами (de facto), несчастными карузи, мальчиками, таскающими сѣру изъ шахтъ.

За послѣднія 25 лѣтъ налоги въ Сициліи болѣе чѣмъ удвоились, количество-же скота уменьшилось на цѣлую треть, производительность и безъ того истощенныхъ полей, вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, упала; пространство интенсивно культивированныхъ земель сократилось; значительно упала цѣна на главные земледѣльческіе продукты; уменьшилась, разумѣется, и *платежная* способность острова. Въ 1892 г., по исчисленію министерства финансовъ, общая валовая доходность съ земель Сициліи (служащая основаніемъ для размѣра обложенія) дошла до небывалаго minimum'а — она оказалась ниже ближайшихъ лѣтъ на 200 мил. фр. и ниже десятилѣтней средней на 137 мил. фр. слишкомъ. Увеличилась только всеобщая нужда, усилилось недовольство и возрасла эмиграція.

Конечно, всего болѣе пострадалъ при этомъ самый многочисленный классъ, классъ земледѣльческій. Вотъ какъ, напр., маркизъ Санъ-Джуліано живописуетъ положеніе этихъ двухъ третей плодороднѣйшаго, благодатнаго острова въ Европѣ:

Необозримыя поля пустынны и безлюдны, опасны для здоровья; воды нѣтъ; владѣльцы живутъ въ большихъ городахъ, ихъ поземельная собственность весьма пространна, но они почти всегда безъ денегъ и часто обременены долгами. Земледѣльцы живутъ, скучившись въ крупныхъ центрахъ, подъ гнетомъ мѣстнаго самоуправленія, т. е. алчной и эгоистичной мѣстной буржуазіи, которая при помощи налоговъ и сборовъ съ очаговъ, со скота, съ муки и еще при помощи ростовщичества, грабитъ и моритъ голодомъ этихъ земледѣльцевъ. Послѣдніе, къ какому-бы разряду они ни принадлежали (поденщики, наниматели земли, или половинщики), всѣ сплошь пролетаріи — у нихъ нѣтъ ни пяди земли. Чтобы существовать, чтобы сѣять, имъ необходимо занимать зерно либо у землевладѣльца, либо у его съемщика (gabelotto), либо у мѣстнаго ростовщика. Условія этого займа всегда тягостны, часто разорительны. Обра-

ботывать поля имъ приходится очень далеко отъ дому, на переходы затрачивается много силъ и времени. Въ нѣкоторыя времена года они вынуждены проводить ночи въ дышащихъ міазмами поляхъ; хорошо еще, если можно пріютиться въ какой пещерѣ или въ шалашѣ изъ сухихъ вѣтвей. Таково положеніе земледѣльца; такъ онъ живетъ изъ вѣка въ вѣкъ. Такъ было въ 1876 г., когда сицильянскихъ землевладѣльцевъ описывали Франкетти и Сонино. Въ такомъ положеніи ихъ застало и національное объединеніе Италіи, и новое гражданское уложеніе. Въ такомъ положеніи ихъ застала и въ такомъ-же оставила великая эпоха законодательныхъ реформъ [1]).

Вообще реформы «великой эпохи» не оставили по себѣ особенно глубокихъ слѣдовъ. Даже маффія [2]), притихшая, было, въ 90-хъ годахъ, теперь процвѣтаетъ почти такъ-же, какъ и 50 лѣтъ тому назадъ. Благодаря ей въ странѣ пустило прочные корни разбойничество. Мѣстное самоуправленіе, въ которое было введено выборное начало, фактически находится по прежнему въ рукахъ феодаловъ или ихъ ставленниковъ и даже зачастую членовъ маффіи. Полиція и администрація, какъ утверждаютъ сами представители власти, должны вступать въ союзъ съ тѣми или другими. Въ противномъ случаѣ они осуждаютъ себя на бездѣйствіе.

II.

Къ сожалѣнію, за послѣднія 25 лѣтъ не имѣется достаточно достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ касательно распредѣленія поземельной собственности въ Сициліи. Соннино [3]) и Колайани [4]), руководятся исчисленіемъ проф. Базиле, доведеннымъ только до 1872 г. Изъ этихъ исчисленій усматривается, что поземельныхъ собственниковъ въ Сициліи было въ 1851 г., за 10 лѣтъ до присоединенія ея къ Итальянскому

---

[1]) *«Le Condizioni presenti della Sicilia»*, сочиненіе Marchese San Giuliano—Deputato al Parlamento. 1896, Milano, стр. 18.

[2]) Маффія—старинное тайное (отнюдь не политическое) общество, основная цѣль котораго бороться противъ несправедливости властей и законовъ. На самомъ же дѣлѣ она давно обратилась въ опасный союзъ злонамѣренныхъ людей, преслѣдующихъ болѣе или менѣе личныя цѣли. Маффія довольно тѣсно связана съ разбойничествомъ; но это только одна (и не главная) сторона зла. Маффія въ Сициліи распространена не только средь низшихъ, но и высшихъ классовъ населенія. Послѣднее, вообще говоря, распадается тамъ на двѣ половины—одни сами принадлежатъ къ Маффіи, другіе трепещутъ ея. Ей удается доселѣ парализовать справедливыя и благодѣтельныя мѣропріятія законныхъ властей, скрывать преступленія и даже вліять на свидѣтелей и присяжныхъ въ судахъ. Хотя она не занимается вообще политикой, но нерѣдко вліяетъ на выборы, особенно—мѣстно-административные.

[3]) Sonnino. *Contadini in Sicilia.*

[4]) Colajani. *In Sicilia.*

королевству, 608.601, въ 1878 г., черезъ 10 лѣтъ послѣ присоединенія, 549.957.

Соннино полагаетъ, что послѣдняя цифра значительно даже превосходитъ дѣйствительную, что поземельныхъ собственниковъ за двадцатилѣтній (съ 1872 по 1893) періодъ стало еще меньше, другими словами,—что крупныя владѣнія стали еще крупнѣе, а мелкія и среднія постепенно исчезаютъ. Большая часть острова, говоритъ Соннино, раздѣлена на относительно ничтожное число владѣній: «Поземельной собственности малыхъ и среднихъ размѣровъ вовсе не существуетъ (особенно во всей средней и южной Сициліи); есть владѣльцы, обладающіе нѣсколькими тысячами гектаровъ, и есть собственники какихъ-нибудь десятковъ квадратныхъ саженей. Между этими предѣлами нѣтъ переходовъ, а лежитъ пропасть». Въ рѣдкой общинѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ тысячъ семействъ, найдется три, четыре собственника, владѣющихъ каждый болѣе одной или двухъ десятинъ. Кто имѣетъ 3 или 4 десятины, считается уже богачемъ. Особенно знаменательно, что сокращеніе числа землевладѣльцевъ произошло въ періодъ обновленія Италіи—съ 1860 г. (изгнаніе Бурбоновъ) по 1872 г., и, какъ мы увидимъ, процессъ этотъ продолжается доселѣ. Явленіе это какъ разъ обратно тому, къ чему стремились въ 1860 г. освободитель Сициліи Гарибальди и либеральныя партіи и дѣятели 60-хъ годовъ. Они желали, чтобы большинство земледѣльческаго населенія вышло изъ подъ феодально-экономической зависимости отъ крупной собственности, чтобы земледѣльцы сами обратились въ собственниковъ, чтобы сельскія общины расширили свои поземельныя владѣнія для надѣленія ими земледѣльцевъ. Для достиженія такой цѣли предполагалось воспользоваться: а) церковными и монастырскими землями, подвергнутыми послѣ 1860 г. экспропріаціи, б) лежащими втунѣ землями государственными и удѣльными, в) значительными пространствами земли, уже принадлежавшими самимъ общинамъ. Эти предположенія казались тѣмъ осуществимѣе, что почти четверть всего воздѣлываемаго пространства земли принадлежала тогда монастырямъ, государственныхъ же и общинныхъ земель числилось по документамъ (по низкой оцѣнкѣ) на сумму до 133 милл. фр. Эти источники, очевидно, могли дать возможность обратить огромное большинство земледѣльцевъ-пролетаріевъ въ собственниковъ, даже оставляя неприкосновеннымъ крупное частное землевладѣніе.—Между тѣмъ, на дѣлѣ совершилось иное. Всѣ монастырскія и церковныя земли были проданы въ началѣ 60-хъ гг. въ частныя руки очень крупными участками, равно какъ и значительная часть государственныхъ. Дабы вознаградить земледѣльческіе города, закономъ 7-го іюля 1866 г. было постановлено, что четвертая часть (по продажной стоимости) монастырскихъ земель будетъ роздана общинамъ. Однако, оцѣнка земель была произведена неосновательно низкая (что увеличивало вы-

году мѣстныхъ крупныхъ скупщиковъ). На часть цѣны, долженствовавшую поступить въ распоряженіе общинъ, было наложено столько вычетовъ въ государственное казначейство (по преимуществу на погашеніе долговъ, сдѣланныхъ Италіей ранѣе для веденія освободительныхъ войнъ въ Ломбардіи; частью на пенсіоны лицамъ духовныхъ корпорацій, у которыхъ были секвестрованы земли), что не только единичные земледѣльцы, но даже общины во всей своей совокупности не извлекли почти никакой пользы изъ продажи монастырскихъ имуществъ.

Собственно же общинныя земли также ускользнули отъ раздѣла на участки между земледѣльцами. Большая часть ихъ, числившаяся за общинами, въ 1860 г. оказалась фактически въ частныхъ рукахъ. Въ концѣ прошлаго и первой половинѣ настоящаго столѣтія ее постепенно, при всякомъ удобномъ случаѣ, захватывали мѣстные вліятельные дѣльцы, общинные головы, совѣтники, ихъ ближніе и фавориты [1]).

Мало того, что земли захватывались безвозмездно, часто общины уплачивали государственный налогъ за похищенныя у нихъ земли, похитители же никакихъ поземельныхъ сборовъ, ни государственныхъ, ни мѣстныхъ, съ этихъ земель не платили. Такъ, напр., община Мелила (подобно многимъ другимъ), съ оставшихся въ ея распоряженіи и пользованіи земель, получала только всего 1,200 фр. дохода, а государственнаго налога за общинныя земли не далѣе, какъ въ 1893 г., платила 3,000 фр. (т. е. на 1,800 франковъ больше, чѣмъ получала), потому что за общиной числились оффиціально всѣ угодья, давно захваченныя частными лицами. Конечно, главная часть этихъ несправедливыхъ сборовъ опять таки ложилась на тѣхъ же земледѣльцевъ, ибо они, не имѣя, по безграмотности, возможности участвовать въ общинномъ управленіи, не могли и протестовать ни противъ захвата угодій, ни противъ уплаты за нихъ сборовъ общиной. Есть и другія важныя, доселѣ дѣйствующія причины, къ которымъ мы вернемся впослѣдствіи.

Надо замѣтить, что не только правительство, обновленное подъ правленіемъ короля Виктора Эммануила, но еще и старое бурбонское усердно боролись противъ этихъ злоупотребленій. Бурбонскіе короли, до и послѣ революціоннаго періода начала XIX вѣка, издавали строгіе декреты, предписывавшіе мѣстнымъ властямъ принять мѣры къ возвращенію общинамъ захваченныхъ у нихъ частными вліятельными лицами земель и не дозволять дальнѣйшихъ захватовъ. Судамъ-же наказывалось немедленно разрѣшать дѣла, возникавшія по иску нѣкоторыхъ общинъ, рѣшившихся тягаться съ мощными похитителями. Во время господства наполеоновскаго режима, въ Италіи было прямо и строго предписано мѣстнымъ властямъ возстановить права общинъ на землю *«безъ замедле-*

---

[1]) Вообще необходимость жить въ крупныхъ городахъ и всюду проникающая *маффія* сильно содѣйствуютъ бѣдственному положенію сельскихъ рабочихъ.

нія». Позднѣе Гарибальди, во время своей краткой диктатуры 1860 года, дѣйствовалъ въ томъ же духѣ. Новое правительство Виктора Эммануила назначало особыя комиссіи и комиссаровъ (какъ министерскихъ, такъ и парламентскихъ) для разслѣдованія сути дѣла, для содѣйствія общинамъ возстановить ихъ права ближайшимъ путемъ — административнымъ или судебнымъ, смотря по обстоятельствамъ. Министры юстиціи въ теченіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ, постоянно подтверждали настоянія, обращенныя къ судамъ, о скорѣйшемъ рѣшеніи дѣлъ этой категоріи. И все-таки доселѣ около 4/5 этихъ земель остаются въ рукахъ похитителей или ихъ наслѣдниковъ. Въ настоящую минуту еще продолжаютъ тянуться тяжбы, начатыя въ 30-хъ и 40-хъ гг. (есть и старѣйшія). Документы, завѣдомо существовавшіе, исчезаютъ въ архивахъ, въ судахъ и на почтѣ. Во многихъ случаяхъ правительству (съ 1893 по конецъ 1896 г.) удалось возстановить эти документы тщательными розысками въ разныхъ архивахъ; но до сихъ поръ всѣ эти усилія не привели ни къ какому благопріятному фактическому результату.

Словомъ, земледѣльцы послѣ 1860 г. по настоящее время (т. е. въ теченіи 37 лѣтъ) не могли, за самыми неощутительными исключеніями, получить надѣловъ ни изъ секуляризованныхъ монастырскихъ земель, ни изъ государственныхъ [1]), ни изъ общественно-городскихъ. Не имѣя своей земли, они могутъ существовать только обрабатывая участки, нанимаемые у крупныхъ владѣльцевъ.

Аграрный строй Сициліи характеризуется въ настоящее время слѣдующими особенностями:

а) Мелкая собственность составляетъ ничтожное исключеніе; крупная преобладаетъ.

б) Крупные землевладѣльцы не занимаются сами эксплоатированіемъ своихъ земель; они даже не входятъ лично въ соглашенія съ нанимающими землю крестьянами. Каждый владѣлецъ сдаетъ всю свою землю огуломъ посредникамъ-арендаторамъ на откупъ. Посредники-арендаторы (gabelotti) тоже сами вообще не эксплоатируютъ земли, а, разбивъ ее на мелкіе участки, отдаютъ въ наемъ крестьянамъ.

в) Контракты, какъ между собственниками и габелотто, такъ и между послѣднимъ и крестьянами, краткосрочные (на годъ или на два много на 6 лѣтъ); владѣльцы не могутъ (или не желаютъ) затрачивать капиталъ на бонификацію принадлежащихъ имъ земель; у габелоттовъ для этого обыкновенно капиталовъ нѣтъ, да если и есть, то при кратко-

---

[1]) Въ 1894 году былъ вновь возбужденъ въ палатѣ вопросъ о надѣленіи крестьянъ участками изъ государственныхъ земель. Но оказалось, что этотъ источникъ иссякъ съ 1860 г. Тогда этихъ земель числилось на сумму до 133 слишк. милл. фр., но въ теченіи 34 лѣтъ земли были распроданы частнымъ капиталистамъ; ихъ осталось самое ничтожное количество, и то мало удобныхъ для надѣловъ пространствъ.

срочности контракта имъ не разсчетъ вкладывать его въ чужую землю.

г) Земледѣльцы, — почти сплошь пролетаріи, — самый наемъ земли оплачиваютъ не деньгами, а продуктами. Прежде повсюду оплачивалась половина; за послѣдніе годы, отчасти вслѣдствіе истощенія почвы, отчасти вслѣдствіе возвышенія поземельныхъ налоговъ, нерѣдко уплачиваются двѣ трети въ пользу габелотта.

д) Обработка земли первобытная; преобладаетъ трехпольная система съ ничтожнымъ количествомъ удобренія. Пастбищъ, мало и они скудны.

е) Земледѣльцы не живутъ на обрабатываемыхъ участкахъ, а скучиваются въ болѣе или менѣе крупныхъ городахъ, отдаленныхъ отъ нанимаемыхъ угодій. Какъ лица, не имѣющія собственности, они не могутъ принимать участія въ общинномъ и городскомъ управленіи, но платятъ значительные общественные городскіе сборы и налоги (на удовлетвореніе расходовъ, для нихъ собственно не производительныхъ).

ж) На обработку нанятыхъ участковъ уходитъ немного болѣе 4-хъ мѣсяцевъ въ годъ, остальное время люди остаются безъ заработка. Въ Сициліи заводской и фабричной дѣятельности почти не существуетъ.

III.

Въ Сициліи существуютъ два различныхъ способа эксплуатированія земли: *интенсивный* и *экстенсивный*. Первый заключается въ воздѣлываніи виноградной лозы и фруктовыхъ деревьевъ. Второй исключительно направленъ на производство зерноваго хлѣба. Первый, вообще говоря, выгоденъ и во всякомъ случаѣ выгоднѣе второго. Распространенъ онъ главнымъ образомъ по сѣверо-восточному прибрежью: около Палермо, Катаніи, Мессины и нѣкоторыхъ другихъ наиболѣе значительныхъ городовъ. Путешественники, заглядывающіе въ Сицилію, посѣщаютъ преимущественно эти части острова и составляютъ себѣ нерѣдко превратное понятіе о состояніи мѣстнаго земледѣлія. Сицилія имъ представляется вѣчно цвѣтущимъ, душистымъ, благодатнымъ раемъ, весьма легко вознаграждающимъ человѣческій трудъ. Между тѣмъ, даже и на этой недавно блестящей системѣ интенсивной культуры накопились за послѣднія 15—18 лѣтъ зловѣщія темныя пятна. Доходность ея убавилась, и пространственно она сокращается изъ году въ годъ, къ величайшей невыгодѣ рабочаго класса и государственныхъ финансовъ.

Что касается до экстенсивной системы, то она постоянно (въ зависимости отъ прироста населенія) расширяется пространственно насчетъ интенсивной.

Нѣкоторые изслѣдователи Сициліи утверждаютъ, что въ большей части острова только экстенсивная культура (т. е. производство зерно-

вого хлѣба, пшеницы и частію ячменя) и возможна, ибо «народъ крайне невѣжественъ и способенъ только къ грубо рутиннымъ пріемамъ обработки земли». Противъ мнѣнія о неспособности земледѣльца (даже при настоящей его одичалости) возстаютъ, однако, всѣ серьезные писатели разнообразныхъ политическихъ и экономическихъ лагерей,

Виллари (бывшій министръ) доказываетъ фактами, что крестьяне бѣдствуютъ въ областяхъ экстенсивной культуры не потому, что неспособны къ интенсивной, а потому, что послѣдняя для нихъ экономически недоступна; тамъ же, гдѣ она становится доступной или была имъ доступна, они прекрасно умѣютъ справляться съ нею. Самый излюбленный крестьянами способъ найма земли для интенсивной культуры таковъ: нанимается небольшой участокъ, годный для зернового хлѣба и въ то-же время для плодовыхъ деревьевъ, а главное для виноградника. При кортомѣ этого рода, называемой inquilinaggio, главнымъ образомъ подъ виноградники, контракты долгосрочны (отъ 15 до 29 лѣтъ). Наниматель обязуется подготовить землю, посадить, выростить и эксплоатировать виноградную лозу. Вино (а иногда прямо самый виноградъ или выжимки) дѣлится между землевладѣльцемъ и нанимателемъ, въ пропорціяхъ, зависящихъ отъ почвы, мѣстности, породы винограда и т. д. По истеченіи контрактнаго срока, вся возрощенная нанимателемъ лоза поступаетъ въ полную собственность землевладѣльца. Конечно, это послѣднее условіе невыгодно для нанимателя. Болѣзнь винограда можетъ разорить и ранѣе, до окончанія аренды, но все-таки этотъ способъ найма не безъ основанія предпочитается земледѣльцемъ остальнымъ. Во-первыхъ, потому, что онъ обезпеченъ землей на относительно продолжительный срокъ; во-вторыхъ, рабочіе и семья арендатора могутъ постоянно жить, если не при самомъ участкѣ, то вблизи его (такая система практикуется преимущественно около городовъ и вообще въ мѣстностяхъ наиболѣе населенныхъ). Въ-третьихъ, рабочіе и нѣкоторые члены семьи имѣютъ занятіе круглый годъ, ибо земля между лозой засаживается разными полезными растеніями почти безъ перерыва и при хорошо удобренной почвѣ даетъ хорошіе урожаи.

Вообще говоря, этотъ способъ найма даетъ нанимателю вдвое болѣе дохода, чѣмъ обычная кортома зерновыхъ полей въ латифундіяхъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Если воздѣлыватель участка въ тоже время и собственникъ, то чистый доходъ его при нормальныхъ условіяхъ превышаетъ 10%. Въ 60-хъ годахъ винодѣліе и плодоводство въ Сициліи было столь выгодно, что не только всѣ мелкіе собственники подходящихъ земель поправились, но нѣкоторые изъ пролетаріевъ-нанимателей умудрились обратиться въ скромныхъ, однако обезпеченныхъ (при нормальныхъ обстоятельствахъ) собственниковъ. Въ то время покупали земли подъ виноградники небольшими участками не одни земледѣльцы, а люди раз-

ныхъ профессій: горожане, интеллигенты. Быстрое развитіе кредитныхъ учрежденій, приспособленныхъ къ развитію этого рода земледѣльческой промышленности, очень быстро двинуло ее впередъ. Это было особенно замѣтно около большихъ городовъ, по всей широкой полосѣ между подошвой Этны и моремъ на сѣверо-востокѣ. Пышный расцвѣтъ культуры винограда и плодовъ особенно бросается въ глаза въ области Катаніи. «Кто ѣдетъ по желѣзной дорогѣ между Мессиной и Катаніей,—пишетъ маркизъ Санъ-Джуліано,—или по любой изъ многочисленныхъ удобныхъ экипажныхъ дорогъ, которыми исчерчены подошва Этны и просторныя долины, образуемыя ею, тотъ не можетъ не залюбоваться высокой земледѣльческой культурой мѣстности. Каждый камень оплодотворенъ человѣческимъ трудомъ и капиталомъ. Изъ каждой борозды извлекается выгода. Всѣ препятствія устранены, всѣ враждебныя земледѣлію силы природы подчинены человѣку. На всемъ этомъ огромномъ пространствѣ нѣтъ ни одного ручейка, почти никогда не бываетъ дождя, а между тѣмъ вы видите, что вода, извлеченная искусственно изъ глубокихъ нѣдръ земли, распредѣлена окрестъ разумно и обильно. На вулканической почвѣ, на лавѣ, тщательно измельченной заступомъ или порохомъ, зеленѣютъ миндальныя, апельсинныя, лимонныя деревья и виноградная лоза. Густо раскиданные городки и села имѣютъ зажиточный, отрадный и даже щегольской видъ; кромѣ нихъ, множество одинокихъ, но столь-же привлекательныхъ виллъ, фермъ, домиковъ — это большею частью жилища мѣстныхъ земледѣльцевъ, крестьянъ. Всюду веселые виды, всюду внѣшніе признаки благосостоянія, распредѣленнаго равномѣрно среди населенія. Вамъ кажется, что вы попали въ благословенный край, гдѣ царятъ спокойствіе и прочное довольство. На самомъ же дѣлѣ это совершенно не такъ. Это кажущееся богатство и составляетъ истинную причину настоящей бѣдности [1]). Всѣ эти поразительные аграрные успѣхи, совершившіеся въ теченіи весьма немногихъ лѣтъ, добыты цѣною матеріальныхъ пожертвованій, превышающихъ соотвѣтственныя силы тѣхъ, кто ихъ добивался; на нихъ затрачены деньги, взятыя взаймы за ростовщическіе проценты, которые, казалось, легко будетъ оплачивать, ибо, когда ихъ брали, цѣны на соотвѣтственные продукты улучшаемыхъ земель стояли очень высокія, и всѣ работали въ увѣренности, что онѣ никогда не понизятся. Эти надежды были, однако, жестоко обмануты. Отъ неожиданнаго разоренія, которое, однако, можно было предвидѣть, потерпѣли всѣ классы населенія. Въ городѣ Катаніи и во всей ея обширной области нѣтъ ни одного человѣка, отъ милліонера до послѣдняго бѣдняка, благосостояніе котораго не понизилось бы, которому не пришлось бы подвергнуться тѣмъ или другимъ лишеніямъ въ

[1]) Въ Апуліи случилось почти тоже самое одновременно. См. наши статьи въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1892 г.

обыденной жизни, которому не приходилось-бы бороться съ матеріальными затрудненіями, ранѣе ему незнакомыми. Причины, создавшія такое положеніе вещей, были какъ мѣстныя, такъ и общія. Пагубнѣе всего подѣйствовало быстрое пониженіе цѣнъ на земледѣльческіе продукты, особенно на апельсины, лимоны и вино, а также на сѣру [1]).

Мѣстныя кредитныя учрежденія, которыя дѣйствовали неосмотрительно съ самаго своего основанія, поощряя легко доступнымъ кредитомъ неосмотрительныя спекуляціи и увлеченія, вынуждены были ликвидировать свои дѣла. Понятно, что цѣнность кредита тогда возросла. Деньги стали несравненно дороже, ибо часть свободныхъ капиталовъ погибла, а другая, опасаясь той же участи, стала недовѣрчива и почти недоступна. Налоги между тѣмъ возрастали и становились чувствительнѣе. Сбереженія, необходимыя и для государства, и для провинцій, и для общинъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, подъ вліяніемъ кризиса сократились и продолжаютъ таять доселѣ. Какъ въ городахъ, такъ и въ сельскихъ мѣстностяхъ возросло и продолжаетъ возрастать число рабочихъ безъ занятій. Вмѣстѣ со спросомъ на работу упала и заработная плата.

Понятно, что всѣ эти обстоятельства, въ особенности упадокъ цѣнъ на вино и плоды съ одной стороны и непосильное обложеніе ихъ городскими и общественными сборами—съ другой, не могли не уменьшить дохода земледѣльцевъ, которые и до спекулятивнаго періода занимались воздѣлываніемъ виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ. Уменьшеніе это въ мѣстностяхъ мало-мальски отдаленныхъ отъ крупныхъ торговыхъ и портовыхъ центровъ такъ чувствительно, что заставляетъ многихъ покидать интенсивную культуру и переходить къ экстенсивной.

Что касается до культуры экстенсивной, то она буквально охватываетъ васъ, когда вы выйдете изъ только что описанной очарованной области, золотой раковины Палермо [2]), окрестностей Мессины и Катаніи и т. д. Вы словно въ иной міръ попадете. Жалкіе проселки тянутся на 60-70 верстъ среди необозримыхъ, безлюдныхъ внѣ рабочаго времени, полей, подъ паромъ, зерновымъ хлѣбомъ или бобами. Попадется городокъ, въ которомъ кучатся земледѣльцы, около городка опять нѣсколько клочковъ тщательно обрабатываемыхъ виноградниковъ и фруктовыхъ садовъ и опять печальныя поля безъ границъ. Такой характеръ имѣетъ вся внутренняя часть острова, двѣ трети всего его пространства. Эти унылыя, однообразныя поля суть настоящіе представители мѣстной крупной поземельной собственности; ихъ зовутъ латифундіями или ex-feudo (быв-

---

[1]) Добываніемъ сѣры изъ нѣдръ земли живутъ около 100.000 семействъ.

[2]) Conca d'oro, обширная прибрежная долина, окружающая Палермо. При восходѣ и заходѣ солнца она бываетъ вся какъ бы залита прозрачнымъ, румяно-золотистымъ свѣтомъ.

шія феодальныя земли). На этихъ огромныхъ пространствахъ господствуетъ «*сугубое*» крупное землевладѣніе, хроническая черезполосица[1]), первобытные пріемы обработки земли и истощающая ее трехпольная система.

Мы сказали «сугубое» крупное землевладѣніе. вѣрнѣе сказать—утроенное. Объяснимся. Владѣльцы этихъ земель такъ мало занимаются ими, что избѣгаютъ малѣйшихъ расходовъ на ея раздѣлъ при переходѣ по наслѣдству или по продажѣ. Часто случается, что огромная латифундія въ 4—6,000 десятинъ и болѣе принадлежитъ не одному, а пяти, шести владѣльцамъ. Но управленіе сосредоточено въ одномъ пунктѣ, въ одномъ мѣстѣ. Если раздѣлить это владѣніе на пять, на шесть частей, то пришлось бы имѣть дѣло съ соотвѣтственнымъ числомъ арендаторовъ, заводить хотя бы весьма дешевыя и элементарныя хозяйственныя постройки въ пяти, шести пунктахъ. Кромѣ того, недостатокъ воды въ латифундіяхъ такъ ощутителенъ, что на пространство въ 4—5,000 десятинъ приходится часто какой-либо одинъ источникъ. Собственникъ клочка земли, на которомъ этотъ источникъ находится, въ случаѣ раздѣла латифундіи, можетъ притѣснять сосѣдей по своему произволу.

Почва этихъ земель сама по себѣ плодородная, благодатная. Даже теперь, когда она истощена буквально тысячелѣтнимъ хищническимъ хозяйствомъ, она при мало-мальски заботливомъ уходѣ, самомъ скромномъ удобреніи, при поверхностномъ распахиваніи примитивнымъ плугомъ виргиліевскаго образца, *можетъ давать* самъ 8, самъ 9—то, что даютъ, напр., тосканскія земли при весьма обильномъ удобреніи, при тщательнѣйшей обработкѣ и усовершенствованныхъ хозяйственныхъ системахъ. Однако, сицильянскія земли, въ общемъ, уже давно не даютъ въ среднемъ даже и самъ-третей, ибо онѣ вовсе не удобряются, обработываются коекакъ и никакимъ меліоративнымъ процессамъ не подвергаются. Печальнѣе всего, что малородіе усиливается изъ году въ годъ. Еще на памяти живущаго поколѣнія немалая часть латифундій не только давала изрядные урожаи зерна, но и подвергалась мѣстами интенсивной обработкѣ, преимущественно подъ виноградъ. Филоксера, съ которой не умѣли, не хотѣли или не могли бороться, въ связи съ прекращеніемъ (по политическимъ причинамъ) вывоза сицильянскаго вина и винограда во Францію въ огромныхъ размѣрахъ, побудила обратить виноградники въ полевыя угодья. «Сицильянская латифундія, замѣчаетъ Виллари, въ настоящее время представляетъ явленіе безпримѣрное. Она—естественное послѣдствіе извѣстныхъ условій, которыя кроются не столько въ особенностяхъ климата и почвы, сколько *въ общественныхъ условіяхъ и низкомъ уровнѣ мѣстной цивилизаціи*. Попробуйте измѣнить эта два фактора, и вредъ, наносимый

---

[1]) Не между землевладѣльцами, а между земледѣльцами—наемниками земли.

латифундіями въ ихъ настоящемъ видѣ земледѣльцу, землевладѣльцу, обществу и государству, исчезнетъ» [1]).

Недостатокъ воды, помимо всѣхъ другихъ обстоятельствъ, приноситъ огромный вредъ и землѣ, и ея продуктамъ, и ея воздѣлывателямъ. Надо видѣть своими глазами работающихъ въ латифундіяхъ лѣтомъ, чтобы понять весь ужасъ, все зло сицильянской безводной страды.

А чтобы видѣть, надо самому подвергнуться относительно ничтожнымъ, но для нашего брата, отвлеченно мыслящаго о необозримыхъ, безлюдныхъ, безводныхъ пространствахъ, на которыхъ нѣтъ жилья, а деревья или кустарники рѣдкость — все-таки существеннымъ страданіямъ. Центръ этихъ эксъ-феудовъ обыкновенно отстоитъ на 30, 40 верстъ отъ сельскихъ городовъ. Вы берете мула и ѣдете нѣсколько часовъ по пылающей равнинѣ, исполосованной созрѣвшей жатвой и сгорѣвшей отъ зноя поскотиной, обратившейся въ площади бѣлой пыли. Рука, держащая поводья, словно изжарена солнцемъ; голова горитъ; глаза почти слѣпнутъ и отъ яркаго свѣта съ неба, и отъ бѣлаго отраженія его земной поверхностью. А между тѣмъ, вы видите сотни, иногда тысячи жнецовъ, разбросанныхъ группами по необозримому пространству. Они тутъ работаютъ съ утра до ночи.—Это все мужчины, съ повязанными по-бабьи бумажными платками на головахъ. Согнувшись, они подвигаются впередъ рядами, срѣзывая серпами хлѣбъ. Глаза ихъ постоянно устремлены на ослѣпительно сіяющую массу стеблей и колосьевъ. Приложите руку къ землѣ,—земля васъ почти обожжетъ. На томъ разстояніи отъ нея, на которомъ находятся лица жнецовъ въ теченіи цѣлаго дня, она еще словно пылаетъ. А вѣтру въ страдное время, обыкновенно, ни струйки.—Лица рабочихъ багроваго цвѣта, жилы на лбу напряженно вздуты, дыханіе тяжелое. Этотъ жаръ начинается въ лѣтніе мѣсяцы съ восходомъ солнца и едва смягчается къ ночи. Около-же полудня для непривычнаго человѣка, даже сицильянца, зной совершенно невыносимъ. — Между тѣмъ жнецы позволяютъ себѣ очень краткій отдыхъ даже въ полдень. Хлѣбъ не ждетъ, и домъ жнецовъ далеко. Отдыхъ ихъ мало освѣжаетъ, ибо негдѣ укрыться отъ зноя, даже нигдѣ нѣтъ тѣни, и ночью земля почти горячая. Ѣдятъ они довольно часто, разъ 5—6 въ день, но спѣшно, и собственно подкрѣпляются основательно только разъ въ день, вечеромъ, передъ сномъ. Главную трапезу составляетъ нѣчто въ родѣ лапши: грубые, тонкіе куски тѣста, сваренные въ водѣ и приправленные немного оливковымъ масломъ. Въ теченіе-же дня они съѣдаютъ кое-какъ по ломтю хлѣба съ солеными оливками, либо съ творогомъ.

Сжатый хлѣбъ молотится тутъ-же въ поляхъ, на импровизированныхъ, открытыхъ палящему солнцу, токахъ. А едва-ли молотьба многимъ легче жнитва.

[1]) La Sicilia e Socialismo.

Если вы будете читать въ итальянскихъ книжкахъ, въ этнографическихъ сборникахъ изслѣдователей народнаго быта (которыми такъ любятъ пользоваться итальянцы, пишущіе объ Италіи и континентальные итальянцы, незнающіе Сициліи), что, работая въ поляхъ, эти люди весело распѣваютъ пѣсни и даже пляшутъ, окончивъ свой дневной трудъ, покуда варится лапша, если вамъ это будутъ разсказывать мѣстные патріоты, желая похвалиться веселонравіемъ и выносливостью народа и разсчитывая, что вы, пробывъ на островѣ какой-либо мѣсяцъ или два, не успѣете ознакомиться съ настоящей правдой, не вѣрьте ни патріотамъ, ни книжкамъ. Иной разъ, можетъ быть, и найдется терпкій весельчакъ, который затянетъ пѣсню послѣ работы, но это рѣдкое исключеніе. Измученнымъ рабочимъ не до пѣсенъ. Въ этомъ мы имѣли случай и сами убѣдиться неоднократно, и слышать это отъ мѣстныхъ образованныхъ жителей, не считавшихъ нужнымъ иллюминовать мѣстные нравы небывалыми веселенькими красками.

Рабочимъ въ страду не только не до пѣсенъ, но, что еще удивительнѣе (не только для сицильянскаго, но и всякаго иного европейскаго мужика), имъ не до ругани и не до крупнословныхъ междометій. И съ другой стороны надо замѣтить, что они, принимаясь за ѣду, никогда не забываютъ прочитать нараспѣвъ весьма распространенную, своеобразную молитву.

Sia ludatu e ringraziatu
Supra ogni cosa, ogni mumentu
La santissima Sacramentu [1]).

Особенно аккуратно поютъ они эту молитву около полудня, когда по повѣрьямъ (еще до христіанскимъ, слѣды которыхъ сохранились и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи) по землѣ носятся, особенно злые до людей полуденные дьяволы.

Однако, какъ все это ни тяжко видѣть, адскій зной, засуха и отсутствіе воды въ страду—явленіе все-таки періодическое, обычное, неизбѣжное, какъ неизбѣжны въ этотъ періодъ уборка хлѣба и мучительное физическое состояніе убирающихъ его. Это «forza maggiore», на которую никто не жалуется, понимая, что сѣтованья безплодны. «Что и жалѣть, коли нечѣмъ помочь». Но, къ сожалѣнію, кромѣ того, отсутствіе воды внѣ страдного времени, засуха вскорѣ послѣ посѣва, нерѣдко уничтожаетъ его, вызываетъ серьезныя бѣдствія, иногда голодъ цѣлыхъ провинцій. А съ другой стороны тѣ-же источники, изсяканіе которыхъ не во время такъ опасно, разливаясь послѣ дождей, не во время, или хотя во время, но черезъ мѣру, могутъ иногда наносить

[1]) Восхвалимъ и возблагодаримъ
На всякій часъ, и на всякій мигъ
Святое Христово причастіе.

неменьшій вредъ обиліемъ воды. Большая часть латифундій, вообще говоря, плоскія, но всѣ онѣ имѣютъ незначительный естественный склонъ. Кромѣ того, есть не мало пространствъ, лежащихъ вблизи гористыхъ мѣстностей, около частичныхъ водораздѣловъ. Въ обыкновенное время и сами горы прокалены до крайней сухости. Но вслѣдствіе повсемѣстнаго безлѣсія, каждый крупный, обильный дождь мгновенно порождаетъ множество ручьевъ и потоковъ. Продолжительные-же ливни образуютъ сѣти изъ множества быстро несущихся рѣченокъ, изрывающихъ землю въ разныхъ направленіяхъ, часто сносящихъ посѣвы и всходы съ большихъ пространствъ. И вотъ опять неурожай и голодъ. Конечно, эту случайную излишнюю воду можно было-бы утилизировать, скоплять въ прудахъ, канавахъ, устроить дренажъ, арыки, однако, никто объ этомъ не заботится.

Владѣлецъ сдаетъ огуломъ всю землю арендаторамъ, габелотто. Габелотто—настоящій откупщикъ. Онъ обязывается уплачивать извѣстную арендную плату владѣльцу и беретъ на себя всѣ заботы по эксплоатаціи земли, въ томъ числѣ и уплату податей и налоговъ. Но имѣя въ виду краткосрочность арендныхъ контрактовъ (3-6, очень рѣдко 9 лѣтъ), арендаторъ, какъ и самъ землевладѣлецъ, если и располагаетъ капиталомъ, никогда не употребляетъ его на радикальное улучшеніе угодій. Это ему невыгодно (ему даже выгоднѣе возможно больше истощить землю), такъ какъ по окончаніи срока контракта земля можетъ попасть въ другія руки, да и землевладѣлецъ не постѣснится запросить съ него въ такомъ случаѣ больше.

Обыкновенно такъ и случается: конкуренція между габелотто, все болѣе и болѣе многочисленными, годъ отъ году усиливается. Эта конкуренція, въ свою очередь, составляетъ одну изъ причинъ краткосрочности контрактовъ: владѣлецъ всегда надѣется, что черезъ 5, 6 лѣтъ онъ будетъ имѣть возможность заключить болѣе выгодныя условія, что цѣны на хлѣбъ къ тому времени подымутся, либо налоги понизятся и т. д. Надежды эти, впрочемъ, не оправдываются, вотъ уже въ теченіи многихъ десятковъ лѣтъ; онѣ только вредятъ успѣхамъ земледѣлія и землевладѣнія. Наиболѣе зажиточные габелотто снимаютъ у землевладѣльцевъ всю принадлежащую имъ въ данной мѣстности землю —до 6,000 и болѣе десятинъ, и нерѣдко (избѣгая дальнѣйшихъ личныхъ хлопотъ) раздѣляютъ ее на 2 или 3 большихъ участка, которые и переарендовываютъ подгабелотто (sub-gabelotto), менѣе богатымъ, чѣмъ они сами, откупщикамъ. Понятно, что выгоды, получаемыя первымъ арендаторомъ, являющимся въ такомъ случаѣ настоящимъ земельнымъ паразитомъ, умаляютъ какъ доходы владѣльца, такъ и рабочихъ.

Преобладающая система обработки всѣхъ этихъ земель, какъ сказано, трехпольная: пшеница, пастбища и паренина. Нерѣдко, впрочемъ,

сѣвооборотъ четырехъ и даже пятилѣтній, но поля все такъ-же раздѣляются на три части. Сообразно этому традиціонному порядку каждая латифундія испоконъ вѣковъ распадается на три соотвѣтственныхъ огромныхъ поля. Арендаторъ (или подъ-арендаторъ) раздѣляетъ каждое поле на нѣсколько мелкихъ участковъ (отсюда практическая черезполосица для нанимателей земледѣльцевъ). Иногда габелотто самъ эксплоатируетъ нѣкоторую долю; но чаще сдаетъ всѣ участки земледѣльцамъ. Каждая земледѣльческая семья снимаетъ столько, сколько въ силахъ обработать поля, предназначеннаго подъ зерновой хлѣбъ. Условія съ крестьянами заключаются чаще всего на два, рѣже на три года. Они бываютъ довольно разнообразны въ подробностяхъ, но по преимуществу сводятся на испольщину. Испольщина признается всѣми итальянскими писателями, занимавшимися этимъ предметомъ и всѣми интеллигентными, безпристрастными практиками за самую выгодную (конечно относительно, при существующихъ обстоятельствахъ) для земледѣльцевъ систему найма. Послѣ сицильянскихъ волненій 1893—1894 года въ различныхъ пунктахъ Сициліи устраивались съѣзды землевладѣльцевъ, арендаторовъ и представителей земледѣльцевъ, совокупно. Къ послѣдней катогоріи примыкали многіе интеллигентные поборники улучшенія быта рабочихъ и либеральные члены парламента. Цѣль этихъ съѣздовъ была – рѣшить непосредственно практическій вопросъ, что именно (въ ожиданіи органическихъ обще-государственныхъ реформъ) необходимо измѣнить въ аграрномъ устройствѣ острова для возможнаго успѣшнѣйшаго устраненія бѣдствій земледѣльческаго класса и для успокоенія взволнованныхъ цѣлымъ рядомъ неурожайныхъ годовъ земледѣльческихъ округовъ. Земледѣльцы единодушно на этотъ вопросъ отвѣчали весьма скромнымъ требованіемъ. Они просили только, чтобы участки земли отдавались имъ въ наймы постоянно изъ полу, чтобы вошедшая за послѣдніе годы въ употребленіе отдача ихъ за $^2/_3$ была отмѣнена. На это требованіе, въ виду его справедливости, сдались всѣ крупные землевладѣльцы, присутствовавшіе на съѣздѣ, а также арендаторы отсутствующихъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время, въ концѣ XIX в., какъ и въ старину, въ XVIII столѣтіи, въ Сициліи наиболѣе распространенъ испольный наемъ земли, который признается, при данныхъ обстоятельствахъ, наивыгоднѣйшимъ для рабочихъ, а многими наивыгоднѣйшимъ и для обѣихъ сторонъ.

Основной типъ этой формы аренды таковъ: земля нанимается на 2 или на 3 года земледѣльцемъ; онъ ее пашетъ, засѣваетъ, снимаетъ жатву, молотитъ, затѣмъ отдаетъ тому, у кого нанималъ землю, половину снятаго зерна и, въ большинствѣ случаевъ, занятое для посѣва количество сѣмянъ. Собственно на обработку обычныхъ размѣровъ участка и выполненіе всѣхъ работъ достаточно 120—150 рабочихъ дней въ годъ. Съ такого участка при хорошемъ урожаѣ на долю земледѣльца приходится зерна

на сумму около 300—350 франковъ, и, слѣдовательно, рабочій день оплачивается 3-мя и даже болѣе франками. Заработокъ для южной Италіи и особенно Сициліи не маловажный. Однако, какъ ни скромны житейскія требованія сицильянскаго земледѣльца, на 300—350 фр. онъ не можетъ содержать всю семью въ теченіи цѣлаго года уже и потому, что вынужденъ жить въ городѣ, нанимать тамъ квартиру, оплачивать городскимъ сборомъ привозимые домой съ полей съѣстные припасы и т. д. Иные же заработки для крестьянина здѣсь достать очень трудно; работы около дома, живя въ городѣ, онъ тоже не имѣетъ; ремесленное и фабричное дѣло вовсе не развиты. Работы въ сѣрныхъ копяхъ доступны только относительно ограниченному числу лицъ, и могутъ быть приравнены къ каторжнымъ. Но этотъ недохватъ еще далеко не единственная темная сторона испольщины. При неурожаѣ (который въ среднемъ случается каждыя 6 — 7 лѣтъ) земледѣлецъ получаетъ гораздо менѣе 300 фр., а иногда весь его трудъ пропадаетъ.

Да и безъ неурожая на рукахъ у крестьянина почти никогда не остается постоянно половины зерна. Во-первыхъ, по сплошной безграмотности земледѣльческаго населенія въ Сициліи, самыя условія пишутся неясно; оставляется значительный произволъ на сторонѣ отдающаго землю въ наймы. При дѣлежѣ урожая крестьянину фактически приходится отдавать гораздо болѣе половины зерна, потому что онъ обязуется по контракту удѣлить изъ своей части по «tumulo» съ каждой salma земли для священника, пріѣзжающаго изъ города освящать поля, по $^3/_4$ tumulo съ salma добавки къ половинѣ, причитающейся землевладѣльцу (на раструшку и разсыпку зерна при насыпаніи, перевозкѣ и т. д.), нѣкоторую часть для полевого сторожа, на galetto и т. д. Всѣ эти вычеты, освященные обычаемъ, — остатки временъ феодальныхъ, какъ доказываютъ историческіе документы. При полученіи сѣмянъ, выданныхъ на посѣвъ, и своей половины урожая, габелотто принимаетъ зерно изъ уплотненныхъ постукиваніемъ о землю и насыпанныхъ съ верхомъ мѣръ, а земледѣлецъ получаетъ, какъ сѣмена при посѣвѣ, такъ и свою половину зерна послѣ умолота изъ рыхло-насыпанныхъ и сбритыхъ мѣръ (rasata). Сверхъ того вездѣ, гдѣ существуетъ испольщина, существуетъ однообразная такса, почти ростовщическая, на займы зерномъ, дѣлаемые рабочимъ у землевладѣльца (или вѣрнѣе у габелотто), для обсѣмененія полей или для пищи, когда своего зерна на прокормленіе семьи не хватаетъ. А именно, за 13 мѣръ занятаго зерна рабочій обязанъ уплачивать 17 мѣръ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, кромѣ того, зерно на сѣмена выдается смоченное (дабы не загнивало) растворомъ мѣднаго купороса, а возвращается владѣльцу послѣ умолота, обязательно въ сухомъ видѣ. Словомъ,

наичестнѣйшіе собственники выручаютъ на ссудахъ отъ 15 до 20% въ годъ. Министръ Соннино въ своемъ сочиненіи: «*Крестьяне въ Сициліи*» сообщаетъ, что при заключеніи контрактовъ на обработку земли изъ-полу ставится непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ случаѣ нужды испольщикъ-земледѣлецъ ни къ кому, кромѣ владѣльца (или арендатора) обрабатываемой имъ земли, не обращался за ссудою или «*пособіемъ*», какъ это въ Сициліи называется. Д-ръ Колайани утверждаетъ, впрочемъ, что обычай вносить подобное обязательство въ контракты за послѣдніе годы выводится. Но, во всякомъ случаѣ, всѣ кредиторы земледѣльца являются за долгомъ въ моментъ дѣлежа урожая. Ясно, что въ плохой годъ наличный остатокъ зерна, причитающійся земледѣльцу, бываетъ ничтоженъ и случается—сводится почти на нуль.

Одинъ изъ офицеровъ войска, стоявшаго въ Сициліи въ 1894 г., говорилъ А. Росси (корреспонденту римской газеты «*Tribuna*», автору весьма интересной книги о современномъ положеніи Сициліи), между прочимъ, слѣдующее:

— «Надо долго пожить здѣсь, какъ живу я, надо быть свидѣтелемъ сценъ, отъ которыхъ сердцу больно, чтобы понять всю необходимость улучшенія здѣшней аграрной системы. Недавно, напр., въ очень жаркій день прошлаго іюля, я дѣлалъ съ моими солдатами довольно длинный переходъ и далъ имъ отдохнуть на гумнѣ какого-то крестьянина. Въ это самое время тамъ перемѣривали хлѣбъ и дѣлили его между земледѣльцемъ и арендаторомъ землевладѣльца (gabelotto). Я поинтересовался процессомъ и результатомъ дѣлежа; оказалось, что изъ всего годичнаго урожая крестьянину осталось только tumulo пшеницы, около 4-хъ четвериковъ. Все остальное отошло къ габелотто. Крестьянинъ стоялъ, словно окаменѣлый, передъ этой жалкой грудкой золотистаго зерна, изъ-за которой гнула цѣлый годъ спину вся его семья. Онъ тупо, жалостливо взглядывалъ на стоявшихъ въ сторонѣ жену и пятерыхъ дѣтей.—Я видѣлъ, что въ его глазахъ стояли горькія слезы... Покуда я живъ, не забуду этой нѣмой трагической сцены».—«И замѣтьте, — добавилъ офицеръ, — что послѣ такого дѣлежа нѣкоторые хлѣбопашцы остаются не только безъ ничего, но и съ долгомъ деревенскимъ ростовщикамъ или габелотто на шеѣ»...

Понятно, что тамъ, гдѣ примѣняются указанные нами вычеты,—а они примѣняются въ большей половинѣ острова,—изъ подлежащихъ раздѣлу продуктовъ, испольщику зачастую и въ изрядно урожайный годъ не хватаетъ заработаннаго, для того, чтобы прожить до новаго хлѣба. Недохваты бываютъ еще чувствительнѣе, если габелотто воспрещаютъ семьѣ рабочаго собирать колосья со сжатаго поля и убираютъ въ свою пользу огрѣшныя зерна, оставшіяся на току, въ соломѣ послѣ молотьбы. Словомъ, и эта, наивыгоднѣйшая сравнительно для земледѣльца, система — испольная — сводится на практикѣ къ разоренію.

Син. Аланджи[1]) въ своей книгѣ о Сициліи говоритъ· «Самое названіе «испольная система» (mezzadria), если не заключаетъ въ себѣ жестокой ироніи, то, во всякомъ случаѣ,—явный *обманъ*. Это просто законодательный терминъ, подъ прикрытіемъ котораго совершается самое наглое нарушеніе закона и въ нравственномъ, и въ юридическомъ смыслѣ». Подобное же мнѣніе выражаютъ Виллари, Санъ-Джуліано, Соннино, Рудини д-ръ Колайани и др.

Къ испольщинѣ земледѣльцы прибѣгаютъ по безвыходности своего положенія, избѣгая системы *третной* (terzeria). Mezzadria, дѣйствительно, за послѣдніе годы обращается въ terzeria, также признаваемый закономъ и нынче довольно распространенный способъ воздѣлыванія земли, при которомъ земледѣлецъ получаетъ уже не половину, а всего треть продуктовъ. Этотъ способъ (terzeria), впрочемъ, примѣняется преимущественно къ землямъ, отдыхавшимъ по меньшей мѣрѣ годъ и вновь хорошо удобреннымъ скотомъ самого владѣльца или арендатора. (Нѣчто въ родѣ нашей паренины, съ годъ служившей поскотиной или толокой).

Иногда испольщина перемежается съ обработкой «a terratico». Формы «*terratico*» тоже разнообразны. Типичная-же черта ея заключается въ томъ, что за кортомленную на годъ землю земледѣлецъ уплачиваетъ собственнику не деньгами и не опредѣленной долей урожая, а извѣстнымъ, заранѣе опредѣленнымъ, количествомъ продуктовъ, независимымъ отъ размѣровъ урожая. Обыкновенно за кортому каждаго гектара уплачивается, смотря по качеству почвы, отъ 3-хъ до 6-ти гектолитровъ пшеничнаго зерна. При этомъ способѣ уплата обязательно должна быть произведена, хотя-бы на кортомленныхъ поляхъ вовсе ничего не уродилось вслѣдствіе какихъ-либо бѣдствій — засухи, града, размыва посѣвовъ и т. п. Иногда испольщики, имѣющіе основаніе разсчитывать на избытокъ свободнаго времени, принимаютъ участокъ a terratico въ надлежащую рабочую пору. И вообще этотъ способъ, не взирая на его рискованность, излюбленъ менѣе бѣдными хлѣбопашцами, ибо придаетъ ихъ труду нѣкоторую долю независимости.

Понятно, что земледѣлецъ, работа котораго при благопріятныхъ обстоятельствахъ длится только 4—5 мѣсяцевъ и не обезпечиваетъ его годовыхъ житейскихъ потребностей, ищетъ заработка на остальное время года. Скотоводство, конечно, тѣсно связано съ земледѣліемъ, и въ немъ ближе всего искать рессурсовъ. Къ сожалѣнію, едва половина сицильянскихъ земледѣльцевъ (какъ усматриваемъ изъ данныхъ оффиціальной статистики), имѣетъ скотъ и то въ весьма ограниченныхъ количествахъ. Это обусловливается преимущественно тѣмъ, что земледѣльческій классъ вынужденъ жить въ городахъ. Корова въ крестьянской семьѣ рѣдкость;

[1]) Занимавшій въ Сициліи много лѣтъ постъ въ родѣ исправника.

чаще держатъ козъ, иногда овецъ. Число тѣхъ и другихъ доходитъ до нѣсколькихъ десятковъ, но по преимуществу ограничивается 5—7 штуками. Живя въ городахъ, земледѣльцы и такого ограниченнаго количества скота не могутъ держать вблизи своихъ жилищъ. Пастбищъ около городовъ, вообще говоря, не бываетъ; животныхъ можно пасти только въ латифундіяхъ или лѣтомъ въ отдаленныхъ гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ и мелкія стада, и ихъ одинокіе пастыри подвергаются разнороднымъ опасностямъ (стихіи, дикіе звѣри, злонамѣренные люди). Кромѣ того, почти всѣ земли, на которыхъ можно пасти скотъ, такъ истощены, что надо часто перекочевывать съ одного мѣста на другое, а такъ какъ у крестьянъ собственной земли нѣтъ, то пришлось-бы ее кортомить. А это при маленькомъ стадѣ и затруднительно, и совсѣмъ невыгодно.

И вотъ, тутъ опять является на помощь главнымъ образомъ габелотто. Габелотто, хоть и наживаются по преимуществу тѣмъ, что истощаютъ арендуемыя ими большія площади земель, но они понимаютъ, что вовсе безъ удобренія земли обойтись не могутъ. Поэтому нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ болѣе или менѣе значительныя стада, которыя нѣкоторую часть года пасутся на латифундіяхъ, удобряя ихъ такимъ способомъ и сами по себѣ принося нѣкоторый доходъ собственнику. Иногда владѣльцемъ такихъ стадъ является средней руки земледѣлецъ или разжившійся обыватель, часто бывшій (или будущій) габелотто. Эти господа самолично пастьбой не занимаются; довѣрять-же скотъ, подверженный столькимъ случайностямъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ, исключительно наемникамъ они не безъ основанія считаютъ весьма рискованнымъ. И поэтому относительно крупные стадовладѣльцы организуютъ довольно своеобразныя артели, привлекая къ участію въ нихъ, въ качествѣ членовъ, и тѣхъ крестьянъ, которые обладаютъ каждый нѣсколькими головами скота. Артель эта называется *маннара*.

V.

Маннара [1]) въ Сициліи собственно значитъ «стадо». Но подъ этимъ словомъ подразумѣваются на практикѣ совокупно какъ хозяйственныя постройки для скота, такъ и занимающіеся уходомъ за нимъ люди. А именно: загородка, въ которую животныя загоняются на ночь, сыроварня, пастухи и ихъ убогія жилища. Загонъ и жалкія зданія маннары располагаются обыкновенно въ низинахъ, прислоненныя къ какой-нибудь небольшой возвышенности, защищающей отъ холодныхъ вѣтровъ. Впрочемъ, зданій обыкновенно всего одно: кой-какъ сколоченный сарай, имѣющій назначеніе молочной и сыроварни, съ самыми первобытными

[1]) Испорченное сицильянскимъ діалектомъ итальянское слово *Mandria* — стадо, табунъ.

приспособленіями. Въ этомъ же сараѣ, въ повалку на землѣ, спятъ пастухи, сыродѣлы, подпаски и проч. Часто для всѣхъ нихъ не хватаетъ мѣста: нѣкоторые располагаются на ночь между животными подъ открытымъ небомъ. Навѣсовъ никакихъ ни для людей, ни для скота. Стѣна, охватывающая загонъ, прочно сложена изъ камня, она немного выше половины человѣческаго роста, а чтобы животныя черезъ нее не перескакивали, она плотно утыкана вѣтвями очень колючаго дерева-аластра. Единственные ворота тоже сколочены изъ аластра.

Маннара представляетъ очень рѣдкостное въ Италіи, даже въ этомъ блѣдномъ видѣ, артельное, «общинное» учрежденіе. Артель или общество—«*societa*», какъ ее здѣсь называютъ, формируется обыкновенно осенью, когда пересчитываются козы и овцы, пасущіяся круглый годъ безъ всякой провѣрки. Нѣсколько пастуховъ, имѣющихъ небольшія стада, входятъ въ соглашеніе между собою и съ собственникомъ (часто габелотто) какого-либо крупнаго стада. Крупный собственникъ не вноситъ своего личнаго труда, мелкіе же товарищи фактически суть его пастухи и слуги; но пастбища и загоны состоятъ въ общемъ пользованіи. Срокъ соглашенія обыкновенно совпадаетъ съ срокомъ найма артелью пастбищныхъ земель у крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ или у габелотто. Условія между членами артели заключаются на словахъ и на вѣру. Они бываютъ довольно разнообразны. Преобладаютъ, однако, два артельныхъ типа: 1) артель съ «comunesinu» и 2) артель «съ опредѣленными расходами», («a spesi soputi»). Въ первомъ случаѣ каждый собственникъ пасомыхъ животныхъ участвуетъ въ расходахъ (наемъ пастбища, устройство загоновъ и проч.) пропорціонально численности своего собственнаго стада; счеты сводятся въ концѣ года. Второй типъ распространенъ болѣе перваго. *Spese saputi* буквально значитъ: *расходы извѣстные*. Здѣсь пастухи мелкіе собственники уплачиваютъ главному, не участвующему лично въ работѣ, собственнику, разъ на все время установленную словеснымъ контрактомъ сумму на общіе расходы. Эта плата характерно зовется *fida—вѣра*, довѣріе. Главный собственникъ распоряжается деньгами на нужды стада; онъ же избираетъ прикащиковъ, сыроваровъ и проч., но обязательно изъ членовъ артели, изъ пастуховъ, имѣющихъ въ стадѣ опредѣленное число своихъ животныхъ. Каждый хозяинъ, вступая въ артель, отмѣчаетъ своихъ животныхъ особой мѣткой: вырѣзкой на ихъ ушахъ. Мѣтка называется mercha: обыкновенно говорятъ: «въ артелѣ 15 или 20 мѣтокъ», вмѣсто того, чтобы сказать «15 или 20 членовъ». Доходъ извлекается сыромъ и творогомъ, шерстью овецъ и козлятъ, а также продажею молодыхъ животныхъ. 15% прироста оставляется при стадѣ на пополненіе естественной годичной убыли; остальная его часть продается. При этомъ шерсть, ягнята и козлята составляютъ частную прибыль, околѣвающія животныя—частный убытокъ ихъ

хозяина. При заключеніи годовыхъ расчетовъ самые молочные продукты дѣлятся между членами артели пропорціонально количеству молока, доставленнаго ихъ стадами. Счеты ведутся очень тщательно (при полномъ отсутствіи грамотности среди сельскаго населенія Сициліи) зарубками на олеандровыхъ палкахъ и дубинкахъ.

Въ составъ каждой *mannara* входятъ не только члены артели, собственники мелкихъ и крупныхъ стадъ, но и пастухи съ подпасками. Житье всѣхъ ихъ незавидное. Въ каждой группѣ (численность которой иногда превышаетъ сотню человѣкъ), живется хорошо, и часто даже очень хорошо, одному *curatolo*—старшему прикащику. Правда, чтобы достичь завидной власти и благосостоянія куратоло, человѣкъ долженъ пройти всѣ степени бѣдственнаго положенія пастуха, начиная съ подпаска. Но за то званіе куратоло вознаграждаетъ за цѣлыя полъ-жизни проголоди и униженій. Жалованье его колеблется въ зависимости, отъ численности стада, между 60-ю и 110-ю руб. въ годъ [1]). Но кромѣ того онъ имѣетъ право держать на артельномъ пастбищѣ безплатно двухъ, трехъ и даже четырехъ жеребчиковъ — муловъ. А обыкновенно стоимость годовой выкормки жеребчика равняется 17—18 р. Будучи почти всегда самымъ крупнымъ (послѣ хозяина—«padrone») скотовладѣльцемъ въ артели (иногда онъ имѣетъ до 200 овецъ или козъ), куратоло съ ея молочныхъ продуктовъ получаетъ хорошій доходъ. Случается, что особенно крупная артель, имѣющая многочисленное и быстро приростающее стадо, принанимаетъ, сверхъ первоначальнаго пастбища, болѣе или менѣе значительныя полныя угодья, на которыхъ можно воздѣлывать хлѣбныя растенія, по преимуществу—пшеницу. Въ такомъ случаѣ принанимаются также особые земледѣльцы-рабочіе, въ артели, впрочемъ, на правахъ членовъ не участвующіе. Доходы же съ земли распредѣляются между членами артели, причемъ куратоло получаетъ опять таки значительныя выгоды. Словомъ, годовой доходъ этого прикащика достигаетъ иногда 380 и даже 500 руб. въ годъ. Каждая овца или коза приноситъ годоваго доходу около 1 р. 70 к., а 150 головъ около 250 р.; каждый выкормленный жеребенокъ продается за 100 и болѣе руб., а если ихъ было 2, то вотъ уже 200 р.; все это, вмѣстѣ съ жалованьемъ, представляетъ около 500 руб., даже не считая дохода съ особо арендуемыхъ пашенъ. Затѣмъ у куратоло, какъ у всякаго старшаго, особенно въ странѣ, населенной темнымъ безграмотнымъ людомъ, есть доходы неуловимые, такъ называемые безгрѣшные. Куратоло—богачъ и капиталистъ среди пастуховъ; бываетъ, что онъ становится даже собственникомъ изряднаго клочка земли: это для сицильянскаго простолюдина уже блестящая и очень рѣдкая карьера; онъ кандидатъ въ габелотто. Положеніе же всѣхъ

[1]) Мы приводимъ цифры въ русскихъ рубляхъ и копѣйкахъ, принимая, что итальянская лира (франкъ) равна 35 копѣйкамъ.

остальныхъ служащихъ и работающихъ при маннарѣ очень плохое. Лучше остальныхъ оплачиваются обязанности lammataro, который приготовляетъ сыръ и творогъ. Его годовое жалованье около 50 руб.; онъ тоже имѣетъ право пасти со стадомъ жеребенка, но особо оплачиваетъ, хотя и ниже настоящей стоимости, это право. Козъ же или овецъ ему дозволяется безплатно пасти не болѣе 50, такъ что вообще въ годъ (если ему удается вскормить жеребца) онъ получаетъ до 200—230 р. *Vardunara*, членъ артели, на обязанности котораго лежитъ перевозка молочныхъ продуктовъ съ пастбища (обыкновенно весьма отдаленнаго отъ жилья) въ городской складъ, получаетъ въ годъ около 150 р. (жалованье, доходъ со своихъ 50 козъ и выкормка жеребчика). *Lattumari*, (нѣчто вродѣ посыльнаго при артели, занимающійся также заготовкой необходимаго топлива)—имѣетъ около 35 руб. жалованья и 50 козъ въ артели; всего зарабатываетъ около 70 руб. въ годъ.

Всѣ эти лица въ извѣстной степени штабные аристократы артели. Настоящіе же паріи—это пастухи, которые проводятъ со стадомъ дни, а часто и ночи на пастбищѣ, подвергаются всяческимъ стихійнымъ невзгодамъ и опасностямъ. Овчари и козлятники чаще имѣютъ возможность укрываться ночью въ молочной или въ загонѣ. Bovari-же (т. е. пасущіе коровъ и быковъ) обыкновенно на наиболѣе отдаленныхъ, возвышенныхъ пастбищахъ и этого удобства не имѣютъ. Зимой одѣтые въ звѣриныя шкуры шерстью наружу, они напоминаютъ доисторическихъ людей. Эти шкуры — ихъ единственная охрана отъ холода и дождя; она замѣняетъ и постель, и одѣяло. Лѣтомъ же ихъ съ утра до ночи жжетъ безжалостное quasi-африканское солнце, и они счастливы, если имъ удается найти тѣнистое дерево. Хлѣбъ и творогъ ихъ обычная пища. На ихъ же обязанности лежитъ доеніе коровъ, но молокомъ пользоваться, по артельнымъ обычаямъ, имъ строго воспрещается. Похлебки варить не изъ чего, кромѣ развѣ изъ дико растущихъ съѣдобныхъ травъ, которыми они и пользуются, когда могутъ развести огонь. Мясо ѣдятъ только тогда, когда *околѣваетъ* (sic) отъ какой бы то ни было причины одно изъ пасущихся животныхъ. Ихъ годовое жалованье 18 — 26 руб. Объ одеждѣ, весьма примитивной, они должны заботиться сами. Своихъ собственныхъ козъ или овецъ такой пастухъ въ отдѣльномъ стадѣ можетъ пасти не болѣе 30. Кромѣ этихъ пастуховъ, членовъ артели, при стадѣ бываютъ еще подпаски-мальчики, по преимуществу сыновья или родственники членовъ, получающіе самое ничтожное вознагражденіе.

Вообще говоря, крупный рогатый скотъ рѣже, чѣмъ мелкій, пасется артельно. И даже при организаціи артели, преобладаніе крупнаго собственника ощутительнѣе, ибо сицильянскихъ простолюдиновъ, которые имѣютъ коровъ или быковъ, можно чуть не по пальцамъ пересчитать. Пастухи—(bovari), если они не члены артели, получаютъ жалованья не болѣе 35 р.

въ годъ и пищу, указанную выше. Ихъ положеніе все-таки лучше пастуховъ и подпасковъ поденщиковъ, никогда не увѣренныхъ въ завтрашнемъ днѣ. Ихъ непрочный заработокъ составляетъ около 17—18 коп. въ день.

Обработка молочныхъ продуктовъ въ Сициліи самая примитивная. Простолюдины не знаютъ ничего лучшаго, крупные собственники и габелотто, составляющіе интеллигентный классъ, не хотятъ ничего знать, ибо и при этой грубой системѣ они выручаютъ, по ихъ понятіямъ, достаточно и опасаются рисковать капиталомъ на улучшенія. Въ Сициліи никто не умѣетъ приготовить хорошаго сыра. Сами сицильянцы сложили даже пѣсни, осмѣивающія приготовляемый здѣсь сыръ. Нѣтъ ни одного заведенія, ни одной фермы, ни частной, ни общественной, ни государственной, въ которой обучали-бы практически сыродѣлію и вообще раціональной обработкѣ молочныхъ продуктовъ. Впрочемъ, тоже самое можно сказать и о винодѣліи и приготовленіи оливковаго масла, хотя въ Италіи, какъ мы видѣли выше, едва-ли найдется область, производящая болѣе (принимая въ соображеніе пространство и населеніе), оливокъ и винограда отмѣннаго качества, чѣмъ Сицилія.

Искусственныхъ пастбищъ не существуетъ. Стада кочуютъ, какъ кочевали стада библейскихъ патріарховъ — лѣтомъ на возвышенностяхъ, осенью, зимой и весной по преимуществу въ низинахъ; для мелкаго скота по крайней мѣрѣ устраиваются загоны, для крупнаго и того нѣтъ; только для телятъ сооружаютъ навѣсъ при сыроварнѣ. Сыръ приготовляется самаго низшаго качества, типа, распространеннаго въ южной Италіи, *лошадинаго сыра* (caccio cavallo): прѣсный, твердый, трудноваримый, не имѣющій себѣ сбыта дальше Неаполитанской области и Калабріи. Да и туда его вывозятъ самое ничтожное количество, потому что въ южной части полуострова тотъ-же родъ сыра приготовляется несравненно лучше, чѣмъ въ Сициліи. Скотоводство нынѣ даетъ владѣльцамъ стадъ менѣе, чѣмъ давало четверть вѣка тому назадъ. Помимо всѣхъ другихъ причинъ, это легко объясняется хищнической системой хозяйства вообще. Кормовыхъ травъ вовсе не сѣютъ, а естественныя пастбища и полевыя угодья истощаются. Скотъ, и прежде плохо питавшійся, мельчаетъ и тощаетъ. Между тѣмъ, наемная плата за пастбища возрастаетъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе возрастанія налоговъ и государственныхъ, и мѣстныхъ, а также вслѣдствіе постоянно возрастающей численности, алчности и конкуренціи посредниковъ—габелотто. Лѣтъ 20 тому назадъ годовая аренда (пространства пастбищной земли, способнаго прокормить въ теченіи года 10 коровъ или 100 овецъ) не достигала 100 руб., нынче она превышаетъ 200 руб. При этомъ, благодаря хищническому хозяйству, трава на пастбищахъ хуже, чѣмъ прежде, а почва латифундій, единственнымъ удобреніемъ которыхъ служитъ кратковременная пастьба

на нихъ скота, по мѣрѣ убыли и мельчанія послѣдняго становится все менѣе плодородною. Это, разумѣется, неблагопріятно отражается и на урожайности латифундій. Количество самого скота за послѣднія 20 лѣтъ уменьшилось чуть не на половину. Прежде Сицилія славилась мясомъ, а теперь туда везутъ мясо изъ континента, потому что на постоянно истощающихся пастбищахъ скотъ не отъѣдается, какъ слѣдуетъ. Такое положеніе дѣла, понятно, отражается неблагопріятно на экономическомъ бытѣ весьма значительной части населенія, ибо артельщики—пастухи обыкновенно главные работники и кормильцы семьи. Они зачастую содержатъ при себѣ въ артели подростковъ сыновей (въ качествѣ наемныхъ подпасковъ), и въ семьѣ, дома, остаются только женщины и мало способные къ работѣ— ребятишки да старики.

Заработокъ женщины въ Сициліи весьма ограниченъ и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи. Въ сельскихъ работахъ и уходѣ за скотомъ женщина,—по обычаю, ведущему свое начало отъ владычества на островѣ мусульманъ,—не принимаетъ почти никакого участія. Когда мужчины трудятся въ отдаленныхъ ex-feud'ахъ и пасутъ скотъ въ горахъ, женщины безвыѣздно живутъ въ своихъ городахъ, гдѣ выборъ занятій для нихъ крайне ограниченъ. Женщина прядетъ, шьетъ, стираетъ бѣлье, продаетъ яйца, которыя несутъ ея немногочисленныя и весьма дорого цѣнимыя ею куры—часто ея единственная собственность. Дороже всего для сицильянской бабы ея поросенокъ. Съ гарпагоновской скупостью копитъ она деньги, вырученныя за пряжу или яйца, для пріобрѣтенія поросенка, а пріобрѣтя, воспитываетъ его съ материнскою нѣжностью. Пока онъ не разростется и не разжирѣетъ до того, что оказывается возможнымъ держать его въ какой-либо досчатой загородкѣ, на задворкахъ, гдѣ онъ лежитъ, не шевелясь, на одномъ боку по цѣлымъ недѣлямъ, хозяйка его держитъ около себя, чешетъ, холитъ, ласкаетъ, укладываетъ спать подъ своей кроватью. Для него тщательно собираются всѣ съѣдобные остатки скуднаго хозяйства, выпрашиваются у зажиточныхъ сосѣдей попорченные или сгнившіе овощи, плоды, подбираются съѣстные отбросы на улицѣ, а иногда даже варится особая похлебка.

Когда предметъ столькихъ нѣжныхъ заботъ вполнѣ созрѣетъ, его, конечно, убиваютъ. День убоя—семейный праздникъ. Голова, печенка, ножки съѣдаются семьей, которая, вообще говоря, мясной пищей не избалована. Сгущенная свиная кровь въ Сициліи заготовляется въ прокъ очень искусно и идетъ на разныя потребы, начиная съ грубыхъ деревенскихъ сосисокъ и кончая гастрономическими шоколадными лакомствами, продающимися въ лучшихъ кондитерскихъ большихъ городовъ. Этой кровью добрая хозяйка надѣляетъ сосѣдокъ и наполняетъ всѣ свои собственные свободные сосуды. Остальная часть туши продается ближайшему мяснику за 11—16 рублей, что составляетъ существенное подспорье для семьи на

цѣлый годъ. Впрочемъ, за послѣдніе годы и этотъ источникъ начинаетъ изсякать. Держать свиней (а также и куръ), особенно на улицахъ городовъ, воспрещено; муниципальные сторожа ихъ преслѣдуютъ.

Въ заключеніе очерка приведемъ вкратцѣ характеристику быта сицильянскихъ пастуховъ изъ работъ г. Монино, одного изъ наиболѣе добросовѣстныхъ писателей о Сициліи и наиболѣе знающихъ ее.

Въ теченіи 4—5 зимнихъ мѣсяцевъ пастухи всѣхъ разрядовъ, члены артелей (кромѣ, разумѣется, куратоло), наемные работники и подпаски, живутъ почти постоянно подъ открытымъ небомъ. Изрѣдка имъ удается самимъ устроить шалашъ изъ сучьевъ,—сооруженіе, при господствующихъ зимой вѣтрахъ очень ненадежное. Питаются они преимущественно въ сухомятку, хлѣбомъ съ лукомъ или сушеными оливками; рѣдко представляется возможность приготовить что-либо горячее; вина достать трудно. Они подвергаются безпрестаннымъ опасностямъ; домой они не имѣютъ времени заглянуть и даже ничего о семьѣ не знаютъ за все это время. Въ остальное время года ихъ лишенія менѣе тяжелы, и домой они могутъ ходить разъ или два въ мѣсяцъ. Разумѣется, пастухи привыкаютъ къ этой жизни, закаляются, почти не сознаютъ лишеній. Но зато плохо сознаютъ и различіе между добромъ и зломъ. Въ уголовной статистикѣ пастухи играютъ почти главенствующую роль, и ими-же коплектуются ряды разбойниковъ. Жизнь сицильянскаго разбойника преисполнена постоянныхъ лишеній и опасностей, а постушество хорошая для нея школа. Конечно, далеко не всякій пастухъ обращается въ разбойника, но рѣдкій пастухъ не сочувствуетъ разбойнику и при случаѣ не прикрываетъ, разбойничьихъ подвиговъ. Да и какъ имъ устоять противу соблазна преступленія? «Постоянная почти оторванность отъ дома атрофируетъ ихъ семейныя чувства; житейскія радости и любовь имъ недоступны; глубоко невѣжественные, обнищалые, одичалые отъ своего образа жизни, они озлобляются противъ тѣхъ, кому живется лучше ихъ, покуда не отупѣютъ до невозможности даже ненавидѣть».

Л. Рускинъ.

Въ отставку!

(Разсказъ).

I.

Догоравшій зимній день тускло смотрѣлъ въ окна квартиры учителя математики Николая Семеновича Рузавина, и печальные сумерки уже висѣли въ комнатахъ. Эти сумерки, казалось, были сотканы изъ невидимыхъ нитокъ скуки, вялости и апатіи, проникавшихъ собою все окружающее, начиная съ самого хозяина квартиры, который стоялъ у окна и флегматично, тупо смотрѣлъ на улицу, и кончая старинными стѣнными часами съ кукушкой, какъ-то кисло смотрѣвшими со стѣны своимъ потертымъ и пожелтѣвшимъ циферблатомъ. Казалось, эти часы и Николай Семеновичъ Рузавинъ отлично понимали другъ друга и теперь совершенно одинаково чувствовали,—чувствовали утомленіе жизнью, отсутствіе интереса къ ней и полную безнадежность впереди...

Да... Было время, когда часы были новы, щеголяли бѣлизною и свѣжестью своего циферблата, имѣли отличный ходъ съ тенденціей скорѣе забѣгать впередъ, чѣмъ отставать. Тогда они безостановочно шли впередъ, словно разсчитывали дойти, наконецъ, до какой-то цѣли, до чего-то новаго, неизвѣданнаго и заманчиваго...

Тогда они такъ бодро и весело постукивали маятникомъ, а кукушка такъ проворно выскакивала въ дверку и такъ мелодично куковала... Но прошло много лѣтъ, часы, что называется, пожили, и это отразилось и на циферблатѣ, который теперь смотритъ угрюмо, тоскливо, и на постукиваніи маятника, слабомъ и лѣнивомъ, и на кукушкѣ, которая, хотя попрежнему ежечасно выскакиваетъ въ свою дверку, но кукуетъ уже хрипло, съ шипѣніемъ... Казалось, часы поняли, наконецъ, что, въ сущности, они вовсе не идутъ впередъ, а топчутся на мѣстѣ, какъ топта-

лись уже много лѣтъ въ счастливомъ невѣдѣніи, и что новаго, неизвѣданнаго и заманчиваго ждать не приходится: впереди все то-же, что и позади, т.-е безцѣльный круговоротъ, неизвѣстно кому нужный и по какой причинѣ происходящій.

Циферблатъ Николая Семеновича Рузавина былъ тоже въ достаточной степени потертъ и тоже смотрѣлъ кисло, съ оттѣнкомъ томящей скуки и апатіи, съ выраженіемъ какого-то деревяннаго отупѣнія во взорѣ. Николай Семеновичъ смотрѣлъ на улицу съ такимъ безучастіемъ, словно онъ уже много лѣтъ стоитъ здѣсь, у этого именно окна, видитъ въ теченіе этихъ лѣтъ все одно и то-же и не разсчитываетъ усмотрѣть что-нибудь новое, хотя немного интересное, достойное вниманія...

Все одно и то-же. Все тотъ-же красный кирпичный домъ, съ вереницами оконъ, мозолитъ глаза своими золочеными вывѣсками: «Чай, сахаръ и кофе, табакъ, папиросы и сигары», «Ренсковой погребъ». Все тѣ-же ваньки плетутся на своихъ заморенныхъ клячахъ; тѣ-же барыни въ ротондахъ и бабы въ кацавейкахъ, божьи старушки въ салопахъ, отставные военные съ красными носами, субъекты въ цилиндрахъ и субъекты въ опорышкахъ, приземистые купчики и бравые сыны Марса. На углу неизмѣнный усатый будочникъ торчитъ, какъ пень...

Все одно и то же! Жизнь такъ утомительно-монотонна; дни текутъ возмутительно однообразно, и, если-бы не было понедѣльниковъ, вторниковъ и т. д., такъ, пожалуй, и различать ихъ не представлялось-бы возможности. Живешь, какъ заведенная машина, какъ эти часы съ кукушкой. По двадцатымъ числамъ тебя заводятъ,—выдаютъ жалованье— и опять до двадцатаго! Въ этотъ промежутокъ времени совершаешь обязательныя суточныя круговращенія... И впереди — ничего интереснаго... Для другихъ еще имѣется цѣль: попасть въ инспектора или получить въ петлицу, а для Николая Семеновича и этого нѣтъ: полный индифферентизмъ къ служебной карьерѣ лишилъ его и этихъ свѣтлыхъ точекъ на сѣромъ фонѣ чиновничьей жизни.

Сегодня Николаю Семеновичу особенно скверно чувствуется. Всталъ онъ съ постели вялый, развинченный, дряблый. День выдался сѣренькій, тусклый, и еще болѣе содѣйствовалъ пессимистическому состоянію духа. Какая-то грусть, не то досада непріятно скребла ему сердце; онъ на кого-то сердился, чѣмъ-то былъ недоволенъ и на всѣхъ смотрѣлъ крайне непріязненно... Даже больная мать раздражала его своимъ оханьемъ и подвязанными зубами: два торчавшихъ на головѣ старушки кончика платка, которымъ она подвязала себѣ щеку, просто злили Николая Семеновича:

— Ну, что вы, мамаша, поете тутъ надъ душой?

— Опять зубы, Колюшка... Охъ!..

— У васъ, кажется, и зубовъ-то нѣтъ совсѣмъ... раздраженно

замѣтилъ онъ матери, словно не вѣрилъ, что старуха охаетъ отъ зубной боли.

— Дровъ у насъ нѣтъ, Колюшка... Надо-бы купить!..

— Что вы, съ хлѣбомъ, что-ли, ѣдите эти дрова? Кажется, еще и двухъ недѣль нѣтъ, какъ привезли сажень?

Николай Семеновичъ машинально натянулъ на себя форменный фракъ и, какъ автоматъ, безъ всякаго желанія и удовольствія, а просто по привычкѣ, выпилъ стаканъ чаю. Потомъ взялъ онъ свой портфель съ тетрадками ученическихъ работъ и пошелъ. Пошелъ медленно, лѣниво, словно ему хотѣлось подольше идти и подольше не приходить. Куда? Разумѣется, — служить... Какое это скверное слово придумали: не работать, а «служить». Да оно, въ сущности, и вѣрно: именно служить, служить не дѣлу, какъ когда-то думалось или, вѣрнѣе, мечталось, а — непосредственному начальству. Дѣло отодвигается куда то на задній планъ, а впередъ выдвигаются личныя отношенія, на почвѣ которыхъ и происходитъ вся эта сутолока, именуемая службой. Всѣмъ хочется заполучить побольше уроковъ, хочется монополизировать благосклонность начальства, хочется опередить товарищей, отличиться, обратить вниманіе «округа», заявить себя наипреданнѣйшимъ чиновникомъ, готовымъ не только исполнять, но даже предупреждать всѣ мѣропріятія, какъ умѣютъ салопные кавалеры предупреждать желанія своихъ милыхъ дамъ. Всѣ притворяются, что поглощены заботами о воспитаніи подростающаго поколѣнія, а, въ сущности, всѣмъ имъ наплевать на всякое воспитаніе, а главное это — «двадцатое число». Чтобы дожить до него надо изо-дня въ день задавать, спрашивать; сердиться, ставить двойки и т. д. У всѣхъ нихъ — двѣ дамы, вокругъ которыхъ и увиваются всѣ кавалеры: директоръ и инспекторъ. Эти кавалеры не прочь иногда выдвинуться на счетъ репутаціи своихъ сотоварищей, т.-е., попросту говоря, напакостить коллегѣ, подставить ему ножку. И изъ живого и великаго дѣла воспитанія молодого поколѣнія выходитъ, въ концѣ концовъ, какая-то жалкая и смѣшная канитель, или служба.

Такъ думалъ Николай Семеновичъ, лѣниво шагая въ гимназію. Онъ живо представлялъ себѣ, какъ войдетъ въ учительскую комнату, какъ встрѣтится съ сослуживцами и съ директоромъ. Здѣсь Николая Семеновича не долюбливаютъ, вѣроятно, за то, что на засѣданіяхъ педагогическаго совѣта онъ прежде всегда оставался «при особомъ мнѣніи», которое рѣшительно никому не было интересно и только задерживало плавность этихъ собраній и портило настроеніе директору, а за нимъ и всѣмъ другимъ педагогамъ. За глаза Николая Семеновича такъ и называли: «особое мнѣніе».

Директоръ при встрѣчѣ, по обыкновенію, состроитъ недовольную физіономію и, словно изъ милости, ткнетъ Николаю Семеновичу свои

два-три пальца. Директоръ, конечно, убѣжденъ, что пожать его три пальца—величайшее удовольствіе.

Въ гимназіи съ Николаемъ Семеновичемъ стряслась цѣлая исторія. Поводъ этой исторіи былъ пустъ и ничтоженъ, но тѣмъ не менѣе, повелъ къ серьезнымъ послѣдствіямъ.

Въ большую перемѣну, послѣ звонка, Николай Семеновичъ проходилъ въ учительскую комнату чрезъ рекреаціонный залъ. Здѣсь было, сверхъ обыкновенія, тихо и торжественно. По гладкому паркету чинно расхаживали, а не бѣгали, сломя голову, гимназисты и скромно бесѣдовали, а не кричали; другіе сидѣли по стульямъ съ книжками и съ булками и, повторяя уроки, закусывали. Причиной столь необыкновенной тишины и торжественности былъ тучный низенькій старичекъ съ гладко выбритымъ подбородкомъ и съ серебрянною звѣздою на груди, скромно выглядывавшею изъ-за борта фрака. Этотъ господинъ со звѣздою медленно шагалъ по залѣ съ директоромъ, который, почтительно нагибаясь, что-то пояснялъ ему. Николай Семеновичъ хотѣлъ миновать встрѣчи и разговора съ начальствомъ, но сдѣлать этого не удалось: директоръ и господинъ со звѣздою отрѣзали ему отступленіе. Пришлось раскланяться, остановиться, представиться и поговорить объ успѣхахъ учащихся. Во время этой краткой бесѣды директоръ почему-то краснѣлъ, сурово поводилъ бѣлками глазъ и вообще выказывалъ сильное неудовольствіе. Тогда Николай Семеновичъ не могъ понять, почему директоръ пыхтитъ, краснѣетъ, морщитъ лобъ, но скоро дѣло объяснилось.

По окончаніи уроковъ помощникъ класснаго наставника, надзиратель Куропаткинъ, поймавъ Николая Семеновича въ швейцарской, робко сообщилъ, что «директоръ просятъ къ себѣ на квартиру».

— Зачѣмъ?..

— Богъ знаетъ,—пожавъ плечами, отвѣтилъ Куропаткинъ, но по его физіономіи было видно, что знаетъ это не одинъ только Богъ, а даже и онъ, Куропаткинъ.

Притворяется, гадина,—мысленно произнесъ Николай Семеновичъ; и пошелъ.

— Что-же это вы, батюшка, со мною дѣлаете? У меня, вѣдь, не двѣ головы, а одна!—встрѣтилъ Николая Семеновича директоръ и не предложилъ даже стула—садиться.

Николая Семеновича сильно огорошило такое патетическое вступленіе, ибо оно было произнесено такимъ отчаяннымъ негодующимъ тономъ, словно Николай Семеновичъ дѣйствительно погубилъ своего начальника и его единственную голову.

— Что такое, Юліанъ Михайловичъ? Ей-Богу, не понимаю,—неувѣренно отвѣтилъ Николай Семеновичъ, перебирая въ головѣ все, что

хотя косвенно могло-бы послужить поводомъ къ такому отчаянію начальника.

— Какъ-же вы не понимаете? А это, милостивый государь что?.. Это-съ?

— Директоръ показалъ рукою куда-то внизъ.

Сперва Николай Семеновичъ опѣшилъ, но обозрѣвъ себя, согласно указанію директорскаго пальца, сейчасъ-же догадался: на немъ были не форменныя брюки, а какія-то клѣтчатыя, коричневаго цвѣта, съ темными полосками и желтоватыми лампасами.

— Виноватъ, Юліанъ Михайловичъ! Совершенно машинально надѣлъ... по разсѣянности...—заговорилъ Николай Семеновичъ, постукивая свернутымъ въ трубочку классным журналомъ по своимъ клѣтчатымъ брюкамъ; на лицѣ его скользнула невольная улыбка, отчасти виноватая улыбка, и отчасти вызванная комичностью этой исторіи.

Эта улыбка только подлила масла въ огонь.

У директора покраснѣла шея,—вѣрный признакъ вспыхнувшаго въ сердцѣ гнѣва,—и дрогнула нижняя губа.

— Что вы говорите: виноватъ, по разсѣянности?.. Вы по разсѣянности въ халатѣ придете и будете мнѣ говорить, что виноватъ! Въ какое положеніе, сударь, вы поставили меня?

— Позвольте, Юліанъ Михайловичъ...

— Нечего тутъ позволять... Не позволю-съ. Не позволю въ халатѣ ходить! Если желаете со мной служить... До свиданія!

Юліанъ Михайловичъ, невѣжливо повернувшись, ушелъ въ глубь комнатъ, а Николай Семеновичъ остался на мѣстѣ, смущенный и растерянный. Постоявъ нѣсколько мгновеній неподвижно, онъ вышелъ изъ директорской квартиры; на лицѣ его горѣли красныя пятна, а на лбу сидѣли крупныя капли пота, словно послѣ долгой и тяжкой работы.

Если желаете служить, то... Что-же? не надѣвать клѣтчатыхъ брюкъ?—мысленно иронизировалъ Николай Семеновичъ, направляясь къ швейцарской.

Швейцаръ, отставной унтеръ-офицеръ съ бакенбардами генералъ-маіора и съ завѣшанною бронзовыми и серебрянными медалями грудью, уже смекнулъ, что Николаю Семеновичу «нагорѣло» отъ его превосходительства. По крайней мѣрѣ, онъ подалъ Рузавину шубу со вздохомъ и сочувственно-кроткимъ тономъ произнесъ, подавая ему галоши:

— Калошки, ваше благородіе...

И опять вздохнулъ.

II.

Раздраженный вернулся домой Рузавинъ. Описанный казусъ, къ которому, какъ убѣждалъ себя Николай Семеновичъ, онъ могъ отнестись только, какъ къ юмористической характерной сценкѣ, послужилъ причиною довольно непріятнаго разговора съ домашними. Накипѣвшее скрытое раздраженіе цѣликомъ вылилось на голову старухи-матери и брата-гимназиста:

— Изъ-за васъ опять непріятности!—рѣзко заявилъ Николай Семеновичъ, усаживаясь за столъ обѣдать.

— Какія непріятности, Коленька?—тревожно спросила мать.

— Зачѣмъ вы подсунули мнѣ эти чичиковскіе штаны? Вы знаете, что я всегда хожу въ форменныхъ, а изъ-за вашей скаредности подсовываете эту пакость.

— Что ты, Богъ съ тобой! Я хотѣла форменные почпнить, ну и думаю: пусть одинъ разъ въ отцовскихъ сходитъ.

— Вѣчная исторія... Прошу впередъ спрашивать!

— Да что ты кричишь-то?

— Я не кричу,—дѣйствительно кричалъ Николай Семеновичъ,—а говорю! Изъ-за васъ опять выговоры и непріятности. Сегодня у насъ былъ помощникъ попечителя, а я—въ вашихъ допотопныхъ брюкахъ... Ну, и не пеняйте, если выгонятъ!

Братъ, жизнерадостный бѣлокурый юноша, подсаживаясь къ стулу и уловивъ только часть разговора о брюкахъ, не замедлилъ съострить погимназически:

— Пифагоровы штаны для рѣшенья намъ даны...

Это окончательно взбѣсило Николая Семеновича. Онъ вспыхнулъ, глаза его сверкнули гнѣвомъ, вздрогнулъ на лицѣ мускулъ.

— Ты, молокососъ, оставь свои шутки! Не пристало тебѣ это издѣвательство надъ человѣкомъ, который... которому ты обязанъ всѣмъ.

Съ этими словами Николай Семеновичъ сердито бросилъ на столъ серебрянную ложку, вскочилъ со стула и удалился протестующей и негодующей походкою въ свой кабинетъ, оставивши мать и брата въ полномъ недоумѣніи. За столомъ водворилась тишина. И мать, и братъ сидѣли надъ тарелками и не ѣли. Издали слышались шаги Николая Семеновича по комнатѣ и его сердитое откашливаніе. Только спустя минутъ десять старуха заговорила шепотомъ:

— Развѣ, Петя, хорошо надъ старшимъ братомъ шутить?.. Ты видишь, Коля разстроенъ... Онъ тебѣ, вѣдь, за отца родного... Не хорошо!..

— Но что-же я сдѣлалъ?—воскликнулъ юноша и со слезами въ глазахъ тоже выскочилъ изъ-за стола и скрылся.

Николай Семеновичъ долго ходилъ въ своемъ кабинетѣ изъ угла въ уголъ и размышлялъ; гнѣвъ мало-по-малу прошелъ, раздраженіе поулеглось.

— Изъ-за какихъ-то, прости Господи, старыхъ штановъ я поднялъ цѣлый скандалъ,—думалъ онъ, и ему стало жаль матери, брата и поруганной изъ-за брюкъ справедливости. Теперь ясно, что все это вышло случайно, что никто здѣсь не виноватъ, и что шутка брата вовсе не была оскорбительной.

— За что я накинулся и на мать, и на брата?—Приливъ нѣжности смѣнилъ раздраженіе. Николай Семеновичъ почувствовалъ себя вдругъ виноватымъ, готовымъ просить прощенія... Если-бы не глупое самолюбіе, онъ сейчасъ-же пошелъ-бы къ матери, поцѣловалъ ее, попросилъ простить ему глупую выходку, виной которой были одни только его больные нервы и проклятая служба. Николай Семеновичъ вспомнилъ, что когда-то, давно-давно, онъ былъ точно такимъ-же жизнерадостнымъ юношей, какъ и братъ, любилъ пошутить, побалагурить, носилъ въ себѣ такой-же восторгъ, избытокъ силъ и вѣры въ людей и свою будущность, полную заманчивыхъ перспективъ и упованій. Въ этомъ юношѣ Николай Семеновичъ увидѣлъ вдругъ свое прошлое, повтореніе своего «я», и ему стало жаль брата и жаль своей улетѣвшей юности.

За послѣдніе два года они съ братомъ какъ-то отдѣлились другъ отъ друга, перестали интересоваться другъ другомъ, перестали говорить о жизни, о своихъ планахъ, дѣлиться впечатлѣніями повседневной жизни. Петръ уже не идетъ къ нему со своими «вопросами», не проситъ его совѣтовъ, помощи разрѣшать эти «вопросы». А онъ, Николай Семеновичъ, словно и доволенъ всѣмъ этимъ, словно это такъ и быть должно. Почему?.. Было горячее желаніе сдѣлать изъ брата что-то особенное, оригинальное, было желаніе слѣдить за процессомъ развитія его духовныхъ силъ и духовныхъ потребностей, а теперь вся забота—сшить мундиръ, купить учебниковъ, внести за право ученія деньги и только... Почему и какъ все это вышло? Вышло незамѣтно, но быстро.

Николай Семеновичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и думалъ, какъ все это вышло, съ чего началось охлажденіе и что было причиной.

Когда-то они съ братомъ были большими друзьями. А теперь?

Теперь словно стало что-то между ними... Пробудившаяся жажда знаній и потребность въ общеніи удовлетворяются юношей самостоятельно или съ помощью товарищей, а Николай Семеновичъ, когда-то страстно желавшій играть первенствующую роль въ духовной жизни любимаго брата, теперь самъ отстранился, отошелъ въ сторонку... Правда, онъ не препятствуетъ, сочувствуетъ, но... и только...

Почему такъ? Неужели онъ окончательно уже зачерствѣлъ въ своей казенной скорлупкѣ, и всѣ лучшія стороны души успѣли въ немъ атрофироваться?..

— Кто-то постучалъ въ дверь.

— Можно—тихо произнесъ Николай Семеновичъ.

Дверь отворилась: вошелъ Петръ. Лицо его было блѣдно, онъ смотрѣлъ нѣсколько сконфуженно и, видимо, переживалъ сильное волненіе.

— Я пришелъ, Коля, сказать тебѣ нѣсколько словъ, — потупившись, заговорилъ онъ.

— Ну, скажи, скажи! — мягко отвѣтилъ Николай Семеновичъ, обвивъ правой рукою талію брата.

Нѣкоторое время они ходили по комнатѣ молча. Петръ нѣсколько разъ откашливался, собираясь заговорить, но языкъ не повиновался ему.

— Ну, о чемъ-же, другъ, ты хотѣлъ поговорить?

— Ты знаешь... Ты напрасно разсердился... Я тебя совершенно не хотѣлъ оскорблять... Я просто... глупо съострилъ... Извини, если...

Голосъ Петра звучалъ съ каждымъ словомъ глуше и, наконецъ, оборвался...

— Ну, полно, полно!—началъ успокаивать Николай Семеновичъ, замѣтивъ выступившія на глазахъ брата слезы.—Все это пустяки, и я нисколько не сержусь... Я просто разстроенъ и... и... Ну, перестань, братецъ!.. Не стоитъ!.. Забудемъ!..

Петръ тяжело вздохнулъ, подавляя готовыя хлынуть рыданія...

— Ты, Коля, вообще, измѣнился ко мнѣ, — заговорилъ онъ, немного успокоившись.—Наши дружескія отношенія какъ-то не выходятъ... Ты, напримѣръ, упрекнулъ меня давеча въ томъ, что я...

Николай Семеновичъ растерянно стоялъ передъ братомъ и бормоталъ:

— Ну, полно, полно! Все это такъ... пустяки!.. Не стоитъ... Забудемъ...

Стряхнувъ рукавомъ блузы слезы, Петръ бросился вдругъ на шею брата...

— Ну, полно!.. Будемъ, какъ прежде, друзьями... — растроганно шепталъ Николай Семеновичъ, — и братья долго сжимали другъ друга въ объятіяхъ...

Когда руки разнялись, братья молча зашагали по комнатѣ. Обоимъ имъ было какъ-то не по себѣ, неловко, словно они стыдились только что происшедшей чувствительной сцены.

— Ты скажи матери, что я виноватъ, — произнесъ Николай Семеновичъ.

— Ты самъ это сдѣлай.

— Ну, ладно.

Опять помолчали.

— Какъ ваши «чтенія» подвигаются?—освѣдомился Николай Семеновичъ, желая проявить чѣмъ-нибудь свое вниманіе къ брату. Однако, чуткое сердце юноши уловило здѣсь неискренность:

— Ничего, читаемъ,—сказалъ Петръ.—Надо идти...

— Петя! Ты, братецъ, распоряжайся моей библіотекой, какъ тебѣ вздумается. Ключъ отъ шкафа постоянно на стѣнкѣ, знаешь гдѣ?— неизвѣстно зачѣмъ крикнулъ Николай Семеновичъ вслѣдъ удалявшемуся брату.

Когда Николай Семеновичъ остался одинъ, онъ сѣлъ въ кресло и сталъ думать о происшедшей сценѣ, о себѣ...

«И тутъ свою пошлость проявилъ»,—думалъ онъ, вспомнивъ о книгахъ и чтеніи:—«поспѣшилъ высказать неожиданно проснувшуюся заботу объ умственной пищѣ...» И какую-то гадливость къ самому себѣ почувствовалъ Николай Семеновичъ, даже поморщился... Чувство апатіи и пустоты овладѣло имъ вдругъ, и опять ему перестало быть грустно, перестало быть стыдно и жалко. Опять сдѣлалось все сѣрымъ и безразличнымъ.

Долго ходилъ онъ по комнатѣ, мѣряя ее своими безцѣльными машинальными шагами, что-то насвистывалъ и, наконецъ, остановился у окна и сталъ тупо смотрѣть туда.

Уже смеркалось. На углу красноватымъ пламенемъ вспыхнулъ фонарь. Окна магазиновъ угрюмаго дома противоположной стороны выбросили слабыя еще полосы свѣта на улицу.

А Николай Семеновичъ все стоялъ и смотрѣлъ...

III.

Рузавинъ поступилъ въ университетъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. Первые два года университетской жизни онъ всецѣло отдалъ различнымъ увлеченіямъ благороднаго характера: читалъ въ кружкахъ, писалъ рефераты, былъ депутатомъ, судьей, библіотекаремъ, словомъ— служилъ по всѣмъ выборнымъ должностямъ и участвовалъ во всѣхъ представительныхъ собраніяхъ. Но со смертью отца, убогаго провинціальнаго чиновника, дѣло приняло другой оборотъ. Средствъ послѣ отца никакихъ не осталось, и молодой студентъ Рузавинъ долженъ былъ принять на себя роль главы семейства, состоявшаго изъ матери, бабушки и гимназиста-братишки. Вся семья переселилась въ Н—скъ, чтобы «жить вмѣстѣ съ Колюшкой,»—и съ тѣхъ поръ Рузавинъ уподобился вьючному животному. Пришлось оставить всякія «представительства» и заняться исключительно бѣганьемъ по дешевымъ урокамъ, перепиской лекцій, ремесломъ пѣвчаго на клиросѣ и, вообще, посвятить себя охотѣ на хлѣбъ для четырехъ голодныхъ ртовъ. Вѣчная нужда, постоянная тре-

вога за завтрашній день сильно повліяли на характеръ и настроеніе молодого Рузавина: изъ области широкихъ общихъ вопросовъ теоріи и науки пришлось съ головой окунуться вдругъ въ область самыхъ узкихъ и мелочныхъ практическихъ интересовъ повседневной жизни. Отъ своихъ товарищей Рузавинъ началъ понемногу отставать, ибо сама жизнь толкала его въ другую сторону. Ярмо главы семейства сильно поубавило въ немъ жару и пискариное благоразуміе стало исподоволь, незамѣтно, водворяться на мѣстѣ прежней беззавѣтной отваги и жажды подвига. Рузавинъ старался быть въ курсѣ студенческихъ интересовъ, но прямого участія здѣсь уже не принималъ и позволялъ себѣ поговорить или обсуждать «вопросъ» съ точки зрѣнія посторонняго наблюдателя. Получаемая Рузавинымъ стипендія и боязнь лишиться ея держали въ какомъ-то намордникѣ всѣ его чувства, порывы и пріучали къ скрытности, двойственности, къ такъ называемой «выдержкѣ».

На четвертомъ курсѣ въ аудиторіяхъ нерѣдко обсуждался уже среди сотоварищей Рузавина вопросъ о будущей практической дѣятельности, горячились, спорили, гремѣли молодые громы, — Рузавинъ сосредоточенно молчалъ, не вмѣшивался, сторонился.

— Какъ-же ты полагаешь, вообще, о себѣ и своей дѣятельности?— спросилъ его однажды одинъ изъ его немногихъ друзей, съ которымъ Рузавинъ остался искреннимъ.

Они сидѣли тогда въ биръ-галле, и вели душевные разговоры за стаканомъ пива.

— Жизнь, братецъ, сложилась скверно. Приходится брать отъ этой жизни то, что въ силахъ взять я.

— Поясни!

— Я думаю, что быть честнымъ человѣкомъ и скромнымъ работникомъ можетъ всякій изъ насъ...

— Нельзя-ли точнѣе, опредѣленнѣе?—перебилъ Рузавина товарищъ, мрачно уставившись въ кружку съ пивомъ. Что-же ты намѣренъ дѣлать?

— Что дѣлать? Буду сѣять доброе сѣмя въ качествѣ педагога, дѣлиться свѣтомъ знанія съ маленькими человѣчками, честно работать, т. е. сознавать, что на избранномъ поприщѣ ты дѣлаешь все, что можешь...

— Ну, а затѣмъ?

— Затѣмъ, часть своего труда отдать тѣсному семейному кругу: матери, брату, быть можетъ,—любимой женщинѣ...

Товарищъ молчалъ. Низко опустивъ надъ кружкою пива свою лохматую голову, онъ смотрѣлъ внизъ, потомъ тихо, вполголоса замурлыкалъ отрывокъ изъ оперы «Евгеній Онѣгинъ»: «Когда-бы жизнь домашнимъ кругомъ я ограничить захотѣлъ...»

— Въ этой безхитростной программѣ—началъ снова Рузавинъ—только и есть, что быть честнымъ, порядочнымъ человѣкомъ, безкорыстнымъ труженикомъ общества. Гигантскихъ силъ не потребуется.

— Гм... да. Это только задача на всѣ четыре дѣйствія съ дробями —загадочно промычалъ товарищъ и грозно крикнулъ:

— Человѣкъ! Кружку пива!

Спустя годъ Рузавинъ былъ учителемъ математики въ Н—ской классической гимназіи, а его другъ довольствовался званіемъ «бывшаго студента». Въ началѣ своей безхитростной дѣятельности молодой учитель горячо принялся за выполненіе своей безхитростной программы, но его на первыхъ-же порахъ охладили:

— Вы совершенно выходите изъ рамокъ возложенныхъ на васъ обязанностей. При чемъ тутъ Лапласъ, когда мальчишки не знаютъ дробей?

Затѣмъ послѣдовалъ совѣтъ не обращаться съ учениками за-панибрата, внимательнѣе относиться къ циркулярамъ и вообще не мудрить.

Николай Семеновичъ вздыхалъ, хмурился и мало-по-малу начиналъ пріучаться къ воздержанію отъ мудрствованій. Онъ уходилъ въ себя, сторонился педагоговъ, своихъ сотоварищей, оставилъ свою прежнюю задушевную общительность съ учениками и плюнулъ на свои «особыя мнѣнія». На педагогическихъ совѣтахъ онъ садился куда-нибудь въ уголъ и молчалъ, не подавая рѣшительно никакого мнѣнія. За то съ тѣмъ большимъ рвеніемъ Николай Семеновичъ началъ заниматься съ братомъ, который являлся теперь единственнымъ объектомъ, съ которымъ можно было позабывать о рамкахъ, циркулярахъ и всѣхъ совѣтахъ.

Петръ былъ уже въ пятомъ классѣ и своей страстью къ чтенію. своей жадной любознательностью рѣзко выдѣлялся изъ среды своихъ сверстниковъ. Подъ руководствомъ старшаго брата Петръ читалъ запоемъ книги, прекрасно учился, но былъ страшнымъ озоремъ и потому не внушалъ довѣрія своимъ наставникамъ.

По субботамъ Петръ собиралъ къ себѣ товарищей, и это давало возможность Николаю Семеновичу увеличивать количество своихъ объектовъ. На этихъ субботахъ онъ демонстрировалъ предъ своей молодой аудиторіей физическіе аппараты и модели машинъ, читалъ о кислородѣ съ водородомъ, а иногда просто бесѣдовалъ по поводу прочитанныхъ ими книгъ и авторовъ. Однако, и это продолжалось не долго и кончилось самымъ неожиданнымъ и непріятнѣйшимъ образомъ.

Дѣло было въ одну изъ такихъ субботъ. Только что кончили чтеніе «Темнаго царства» изъ Добролюбова и вели самые горячіе дебаты, какъ вдругъ въ передней дрогнулъ звонокъ. Старуха-мать отперла дверь

и, увидѣвши передъ собою неизвѣстнаго господина, встрѣтила гостя очень сухо:

— Вамъ, вѣрно, не сюда, а наверхъ слѣдуетъ?

— Николай Семеновичъ у себя?

— А вы кто такой будете?

— Директоръ гимназіи.

Старушка такъ и присѣла. Въ ея глазахъ директоръ стоялъ не ниже губернатора, а какъ начальникъ сына, даже казался болѣе значительнымъ и важнымъ.

— Ахъ, батюшка! А я-то, дура... Проходите, ваше превосходительство,—торопливо зашамкала она своимъ беззубымъ ртомъ и, кажется, была готова собственноручно снять съ директора грязныя галоши.

— Кто пришелъ? — громко спросилъ Николай Семеновичъ изъ другой комнаты, полагая, что пришелъ какой-нибудь запоздавшій объектъ.

Въ это мгновеніе на порогѣ показалась старуха и, жестикулируя костлявыми руками, испуганнымъ, задыхающимся шепотомъ сообщила:

— Самъ дилекторъ! Колюша, ты никакъ въ клѣтчатыхъ брюкахъ-то? Ахъ, господи!

Николай Семеновичъ вытаращилъ глаза, гимназисты шарахнулись въ стороны, охваченные какимъ-то паническимъ ужасомъ.

Насворо оправивъ костюмъ, Николай Семеновичъ съ нѣкоторой робостью вышелъ въ залъ, гдѣ сидѣлъ директоръ. Директоръ заговорилъ сперва о погодѣ, потомъ о своемъ ревматизмѣ и только въ концѣ уже легонько коснулся сути дѣла:

— А у васъ, кажется, сегодня домашняя лекція? Молодежь?

Пришлось сказать вообще о субботахъ: Директоръ какъ будто-бы и одобрилъ, но какъ будто-бы и не одобрилъ. Отъ чая онъ не отказался, пожелалъ видѣть молодежь, посмотрѣлъ на забытую на столѣ въ переполохѣ книгу и слегка поморщился.

— Критика! Слишкомъ рано... да и не слѣдуетъ еще имъ критиковать. Сами потомъ не рады будете... Да... Да и книга эта...

Директоръ не окончилъ фразы, а только какъ-то хлопнулъ глазами и отбросилъ въ сторону Добролюбова. Прощаясь, онъ сказалъ: «добраго здравія» и крякнулъ.

На другой день послѣ описаннаго визита, директоръ пригласилъ Николая Семеновича на чашку чая и убѣдилъ его оставить эту затѣю...

Николай Семеновичъ окончательно присмирѣлъ, бросилъ даже свои занятія съ братомъ. Потянулись скучные, однообразные дни и уроки, строго соотвѣтствовавшіе всякимъ совѣтамъ, циркулярамъ.

Прошло какихъ-нибудь три, четыре года и молодой учитель вылился въ шаблонную форму сухого педагога. Запасъ его энергіи истощился, а вмѣстѣ съ тѣмъ изсякъ и самый источникъ любви къ своей дѣятель-

ности. Николай Семеновичъ сталъ чувствовать усталость, утомленіе. И вдругъ ему сдѣлалось скучно. Скучно объяснять, скучно задавать, спрашивать, оставлять безъ обѣда и ставить пятерки и двойки.

Вскорѣ вышла еще новая исторія, послѣ которой самочувствіе Рузавина еще болѣе ухудшилось.

Петра сильно не долюбливалъ преподаватель греческаго языка, а съ тѣхъ поръ, какъ Николай Семеновичъ изъ-за чего-то повздорилъ съ нимъ на засѣданіи педагогическаго совѣта, грекъ сталъ вымещать эту ссору на Петрѣ Рузавинѣ. Однажды въ классѣ грекъ вызвалъ Петра и началъ съ помощью аориста вымещать на школьникѣ свою непріязнь къ коллегѣ. Горячій юноша не могъ сдержаться и наговорилъ учителю такъ называемыхъ дерзостей:

— Вы, Иннокентій Гаврилычъ, просто сбиваете меня и придираетесь. Я совсѣмъ не виноватъ, что вы поссорились съ моимъ братомъ,—сказалъ Петръ и сѣлъ, не желая отвѣчать.

Иннокентій Гаврилычъ закричалъ: вонъ! Сторожей!

— Не кричите, я и самъ уйду.

Разсвирѣпѣвшій учитель бросилъ классъ и побѣжалъ къ директору жаловаться. Петръ Рузавинъ сидѣлъ за дерзости въ карцерѣ, а Николай Семеновичъ получилъ снова приглашеніе на чашку чая, послѣ чего унтеръ опять вздыхалъ, провожая его изъ гимназіи и опять, подавая галоши, сказалъ:

— Калошки, ваше благородіе!

— Ты, братецъ, все-таки хватилъ черезъ край. Такъ нельзя,— замѣтилъ Николай Семеновичъ брату по поводу описанной исторіи.

— Правду сказалъ только,—отвѣтилъ Петръ.

— Не всякую правду можно, братецъ, говорить.

— Почему это?

— Неудобно иногда бываетъ... А главное, никогда не мѣшайся въ мои личныя отношенія!

— А если сказанное мною—правда?

— Это все равно. Мы живемъ въ обществѣ, гдѣ приходится ограничивать свою волю и желанія.

— И правду?

— Да, и правду.

— Что-то новое слышу отъ тебя.

Николай Семеновичъ вспыхнулъ и сердито отвѣтилъ:

— Да, новое! Для тебя впереди предстоитъ еще очень много новаго, ты слишкомъ еще молодъ.

— Я сказалъ правду, а различать ее по категоріямъ я еще не научился.

— Очень жаль.

— А я очень радъ.

Между братьями возникла неискренность отношеній и взаимное охлажденіе, которое хотя съ теченіемъ времени и сглаживалось, но лишь на поверхности, а въ глубинѣ, напротивъ, выростало и крѣпло. Прежнія добрыя братскія отношенія были осквернены взаимной подозрительностью, фальшью. Души ихъ закрылись другъ для друга. Тамъ, въ этихъ душахъ, пряталось что-то недосказанное, и это «что-то» сперва только чувствовалось, а затѣмъ и оформилось въ сознаніи.

Петръ не хотѣлъ знать никакихъ компромиссовъ; его логика по отношенію къ вопросамъ этики была прямолинейна и безапелляціонна, она знала только одинъ отвѣтъ: это добро, а это зло. Почему Николай, вмѣсто того, чтобы похвалить и ободрить, высказалъ неудовольствіе? Чего онъ испугался? Зачѣмъ поступаетъ иначе, чѣмъ говоритъ?

Николай Семеновичъ сознавалъ свое положеніе и хотя оправдывалъ себя мысленно «независящими обстоятельствами», но совѣсть его все-таки не могла на этомъ успокоиться. Особенно обезкураживало его отношеніе къ брату. Объяснять ему «все это» какъ-то неловко, да и не пойметъ онъ пока всѣхъ этихъ сложныхъ условностей, лавированій, не съумѣетъ понять и простить, ибо не знаетъ еще жизни съ ея пошлостью и грязью...

Петръ сталъ въ глухую молчаливую оппозицію къ брату и всегда былъ какъ-то на сторожѣ: всякія мелочи и пустяки, проходившіе прежде безъ всякаго съ его стороны вниманія, теперь бросались ему въ глаза. Онъ сталъ замѣчать, напримѣръ, что братъ говоритъ съ директоромъ какимъ-то приниженнымъ тономъ, что онъ боится пропустить урокъ и опоздать въ классъ.

А Николай Семеновичъ все глубже и глубже уходилъ въ себя. Онъ рѣдко выходилъ изъ дому и, возвратившись изъ гимназіи, молча обѣдалъ и удалялся въ свой кабинетъ; здѣсь онъ либо читалъ газету, либо похаживалъ изъ угла въ уголъ и напѣвалъ вполголоса грустные мотивы малороссійскихъ пѣсенъ, либо просто валялся на софѣ въ апатично вяломъ состояніи духа.

Время шло. Петръ былъ уже въ восьмомъ классѣ, возмужалъ, вытянулся и заговорилъ неровнымъ баскомъ приближавшейся зрѣлости, а Николай Семеновичъ похудѣлъ, пожелтѣлъ и хандрилъ, апатично плывя по теченію...

IV.

Вдова коллежскаго ассесора Анна Васильевна Свищева жила въ одной изъ отдаленнѣйшихъ частей города, тамъ, гдѣ по улицамъ свободно разгуливали, вмѣстѣ съ обывателями, коровы, а въ грязныхъ лужахъ и болотахъ купались, вмѣстѣ со свиньями, обывательскіе ребя-

тишки, гдѣ было мало домовъ, но много заборовъ, гдѣ были дешевы квартиры, но дороги извозчики.

Когда-то были лучшія времена,—Анна Васильевна жила на Дворянской улицѣ. Но это было такъ давно, что теперь кажется маловѣроятнымъ не только для знакомыхъ Анны Васильевны, но даже и для нея самой. Вотъ уже восемнадцать лѣтъ, какъ она живетъ въ Грязномъ проулкѣ, и двѣнадцать лѣтъ, какъ живетъ въ этомъ именно домикѣ съ палисадникомъ и съ крылечкомъ на бокъ. Анна Васильевна такъ сжилась и съ Грязнымъ проулкомъ, и со своей квартирой, что разстраивается на цѣлый день, если ей даже только приснится, что они переѣзжаютъ на новую квартиру.

Анна Васильевна была одна изъ тѣхъ увядшихъ дамъ, которыя, кажется, такъ и родятся вдовами. По крайней мѣрѣ, всѣ знакомые помнили ее вдовой съ тѣхъ поръ, какъ знали. Какъ всѣ подобныя вдовы, Анна Васильевна застыла въ своихъ привычкахъ, взглядахъ и жила по разъ навсегда установленному шаблону. Отъ коллежскаго ассесора остался грудной ребенокъ, который теперь уже «дозрѣвалъ», готовясь къ выпускному экзамену и къ вступленію въ университетъ.

Мать съ сыномъ жили въ небольшой, но чистенькой квартиркѣ, гдѣ можно было устроить и залъ, и столовую, и кабинетъ Михаилу Свищеву. Жили они очень скромно, но большой нужды все-таки не было: мать получала небольшую пенсію, сынъ прирабатывалъ уроками, платить въ гимназію не приходилось, — сына освобождали отъ платы.

Михаилъ Свищевъ—надежда и гордость вдовы коллежскаго ассесора.

У Анны Васильевны были двѣ слабости: во-первыхъ, она придавала особое значеніе тому обстоятельству, что она не просто вдова, а вдова коллежскаго ассесора, а во-вторыхъ, не менѣе она гордилась тѣмъ, что у нея сынъ кончаетъ гимназію и впослѣдствіи будетъ тоже коллежскимъ ассесоромъ. Эти два положенія составляли, какъ казалось Аннѣ Васильевнѣ, ея привилегію, ея преимущества предъ другими вдовами, и она при всякомъ удобномъ случаѣ старалась выставить эти преимущества на видъ.

Анна Васильевна была бѣдна, но горда, и бѣдность заставляла ее съ особенной заботливостью соблюдать всѣ обычныя церемоніи и приличія, которыя, такъ сказать, равняли ее съ «порядочными». Дѣлая визиты, напримѣръ, она требовала, чтобы ей оплачивали эти визиты не позднѣе трехъ дней, любила, чтобы ея Машка,—кухарка, горничная и все, что угодно,—непремѣнно докладывала ей объ обѣдѣ, о самоварѣ, о приходѣ гостя, и раньше доклада не выходила, хотя и знала, что идти надо. Сына своего она называла Мишелемъ, произнося это какъ-то въ носъ и черезъ зубы, и въ разговорѣ съ нимъ при постороннихъ употребляла весь свой запасъ французскихъ словъ и короткихъ фразъ.

У Анны Васильевны было одно черное шерстяное платье и шляпка временъ очаковскихъ, которыя надѣвались ею во всѣхъ торжественныхъ и важныхъ случаяхъ.

Насколько Анна Васильевна цѣнила и сознавала свое достоинство, можетъ показать такой случай.

Въ прошломъ году на Пасхѣ къ нимъ заявился съ визитомъ часа въ четыре вечера помощникъ надзирателя гимназіи, Куропаткинъ, бывшій сослуживецъ покойнаго мужа Анны Васильевны. Это былъ дрянной старикашка, выгнанный когда-то со службы за какія-то темныя дѣлишки и, по протекціи одной видной дамы-благотворительницы, попавшій теперь въ воспитатели молодого поколѣнія. На родителей школьниковъ онъ смотрѣлъ, какъ добрый попъ на своихъ прихожанъ, и на праздникахъ Пасхи, Рождества и на Новый годъ имѣлъ обыкновеніе ходить по своимъ прихожанамъ и брать натурою: гдѣ обѣдалъ, гдѣ закусывалъ, гдѣ угощался водочкой...

На сей разъ онъ включилъ въ число своихъ прихожанъ и Анну Васильевну и, сильно подвыпивши, ввалился къ ней съ визитомъ.

— Гость пришелъ,—доложила Машка.

— Кто такой?

— Пьяный какой-то. Кто его знаетъ...

Анна Васильевна наскоро облеклась въ свое черное платье и торжественно вышла въ залъ.

— Кто вы такой и что вамъ, милостивый государь, угодно,—выпрямившись, съ достоинствомъ спросила она Куропаткина, хотя отлично его знала давно уже.

— Какъ кто?.. Надзиратель... Начальникъ вашего сына-съ...

— Да вы куда, милостивый государь, пришли? Къ кому вы въ такомъ видѣ пожаловали? Я, милостивый государь,—вдова коллежскаго ассесора и не позволю...

— А-а-а... вотъ какъ?.. вдо-о-ва?...—началъ растягивать слова Куропаткинъ, упершись мутными посоловѣвшими глазами въ лицо Анны Васильевны.

— Вонъ! Сейчасъ-же, сударь, вонъ!..

— А-а-а... вотъ какъ?.. вонъ?.. Я—по дѣламъ службы... Гдѣ вашъ сынъ, Михаилъ Свищевъ-съ?.. Подайте мнѣ его сюда!..

— Вонъ!.. Машка!.. Проводи этого господина за дверь...

— Вотъ к-а-а-къ?.. Хара-а-шо-съ!.. Мы...м...мы уйдемъ, только... Хар-а-шо-съ!

Машка проводила г. Куропаткина:

— Ну, ступай, ступай!.. Надѣвай калоши-то!

Куропаткинъ ушелъ, и Анна Васильевна стала плакать, чувствуя глубокое оскорбленіе въ происшедшей сценѣ.

«Меня... вдову коллежскаго ассесора такъ унизить!»—шептали ея губы;—«я не какая-нибудь... Я не позволю»...

— Ну, плюньте, мама,—уговаривалъ Мишель.

— Какъ? Ты, мой сынъ, позволяешь безнаказанно третировать твою мать? Нѣтъ, не позволю!.. Сейчасъ-же поѣду къ директору. Это ему не пройдетъ даромъ...

Къ директору Анна Васильевна, впрочемъ, не поѣхала,—пожалѣла, негодяя, а то, конечно, его сейчасъ-же выгнали-бы изъ гимназіи и никуда уже болѣе не приняли...

Мать мечтала о томъ, какъ Мишель станетъ коллежскимъ ассесоромъ, а будущій коллежскій ассесоръ относился къ этимъ мечтамъ совершенно индифферентно. Въ дѣтствѣ онъ зачитывался сперва сказками Андерсена, потомъ Майнъ-Ридомъ и Вальтеръ-Скоттомъ. Въ четвертомъ классѣ онъ упивался Тургеневымъ и Гоголемъ, а теперь заучивалъ на память поэмы и стихи Некрасова. Мишель жилъ въ особомъ отъ матери мірѣ радостей и интересовъ и, не встрѣчая въ Аннѣ Васильевнѣ друга, единомышленника, долго жилъ внутреннею, замкнутою жизнью. Онъ трудно сходился съ товарищами и своей серьезностью, отсутствіемъ игривости и общительности какъ-то обособлялся въ классѣ. Учился Мишель не дурно, но и не слишкомъ хорошо. Единственно, въ чемъ онъ выдѣлялся, это — въ сочиненіяхъ по русскому языку. Въ этихъ сочиненіяхъ проглядывала всегда оригинальность мысли и оборотовъ рѣчи, что давало поводъ учителю всегда подозрѣвать несамостоятельность работы... «Написано недурно, но не самостоятельно»—писалъ онъ въ тетради и, рядомъ съ маленькой пятеркой въ скобкахъ, ставилъ громадную несуразную тройку безъ скобокъ.

Въ седьмомъ классѣ Мишель сошелся съ Петромъ Рузавинымъ. Связующимъ элементомъ явилась библіотека Николая Семеновича, которой они оба пользовались.

Теперь они были уже закадычными пріятелями, мечтали о поступленіи въ одинъ университетъ, о студенческой жизни и вообще о всемъ томъ, съ чѣмъ связывается въ головахъ отзывчиваго юношества понятіе объ университетѣ. То были весьма туманныя, но сладостныя мечты, полныя вѣры въ людей, въ науку, въ себя и свои силы, въ торжество правды надъ кривдою. Мечты эти бѣжали впередъ куда-то далеко-далеко, въ заманчивую даль, и, превращаясь въ легкія прозрачныя грезы, исчезали въ глубокомъ туманѣ утра молодой жизни.

V.

Былъ мартъ въ началѣ; стоялъ довольно теплый вечеръ, темный, вѣтряный; въ воздухѣ было сыро, пахло весенней оттепелью.

Петръ Рузавинъ пробирался къ своему Мишелю. Путь былъ дальній, надо было промѣрять по крайней мѣрѣ около двухъ верстъ, поэтому онъ шагалъ не быстро, но основательно... Походка его была дѣловито-серьезная, онъ ступалъ, не разбирая грязи, вдоль улицы, что, впрочемъ, было и безопаснѣе, такъ какъ въ этой части города уже начались безконечные заборы и деревянные тротуары съ прогнившими досками, фонари мигали только по угламъ, а собаки сердито ворчали изъ каждой подворотни. Небо было темное-темное... Вѣтеръ рябилъ воду въ лужахъ у фонарей; изрѣдка извощичьи клячи шлепали по рыхлому снѣгу съ навозомъ и ваньки предлагали «подвезти»... Но Рузавинъ шелъ молча, погруженный въ какія-то размышленія, и не обращалъ никакого вниманія ни на собакъ, ни на ванекъ.

Впереди его ждало серьезное дѣло. Теперь уже скоро девять часовъ, а назначили въ восемь... Вѣроятно, ругаются...

Но вотъ и знакомый домикъ съ палисадникомъ, гдѣ живетъ вдова коллежскаго ассесора. Рузавинъ круто свернулъ съ дороги и вбѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Ему отперла Машка. Она сердито сдернула съ него пальто и какъ-то бросила на вѣшалку... Машка недовольна: каждую субботу эти молодцы каталажатся, и ей приходится, во-первыхъ, ставить лишній самоваръ, и во-вторыхъ, не спать, дожидаясь, когда будетъ можно окончательно запереть крыльцо и храпѣть безъ тревоги.

— Собрались?—тревожно спросилъ Рузавинъ Машку.

— Тута!.. Тебя не хватало!.. — бросила Машка довольно непривѣтливо.

Рузавинъ прошелъ въ кабинетъ Мишеля.

— Ну, братъ, это свинство!—встрѣтили его товарищи.

Здѣсь было еще двое, кромѣ Мишеля.

Надъ зеленымъ абажуромъ лампы плавали облака табачнаго дыма. Въ полусумракѣ, по угламъ, гимназическіе мундиры блестѣли своими серебрянными пуговицами.

У стѣны, на комодѣ, пріютился самоварчикъ. Онъ уже давно сталъ пищать, а теперь скрипнулъ какъ-то раза два-три и совсѣмъ замолчалъ.

Рузавинъ подошелъ къ самовару, стукнулъ въ него пальцемъ и спросилъ:

— Выдудили?..

— Можно подогрѣть... Маша! Маша!

Прибѣжала Маша съ злой физіономіей и, не спрашивая что нужно, схватила самоваръ и, что-то проворчавъ, исчезла.

Немного помолчали...

— Надо приступать, — сказалъ Мишель и, ни къ кому не обращаясь, добавилъ:

— Къ намъ присоединяется Петровъ, господа... Такъ какъ онъ человѣкъ новый, то предварительно надо его ознакомить... какая цѣль, планъ... и вообще посвятить его...

— Да, я желалъ-бы!—послышался неувѣренный голосъ изъ дальняго угла.

— Ну, Рузавинъ,—ты!..

— Говори—ты!.. Все равно...

— Ну, вотъ!

Послѣ долгихъ взаимныхъ понуканій, Рузавинъ сѣлъ за столъ и покашлялъ. Взявъ въ руки карандашъ, онъ сталъ чертить имъ на бумагѣ и выпускать маленькія фразы и отдѣльныя слова.

— Собственно говоря, мы пришли къ заключенію. . убѣдились, что необходимо чтеніе... Чтеніе не однихъ романовъ... Необходимо читать серьезныя книги... И вотъ мы рѣшили... заняться серьезно... Читать безъ разбору не стоитъ, надо имѣть цѣль и планъ...

Рузавинъ прокашлялся, такъ какъ голосъ его дрожалъ и то чрезмѣрно слабѣлъ, то выкрикивалъ...

Въ комнатѣ царило глубокое молчаніе. Всѣ сидѣли по разнымъ угламъ и слушали; новичекъ Петровъ смотрѣлъ на красивый профиль оратора, на его тонко-очерченныя брови, на прямой носъ и на русыя волнистыя пряди волосъ, спадавшія на щеку, — смотрѣлъ и думалъ: «парень-башка!» А остальные съ увѣренностью за говорившаго товарища угрюмо пощипывали первый пушокъ на губѣ и подбородкѣ.

— Дѣло въ томъ, что наша гимназическая библіотека — началъ снова Рузавинъ—не того... не выдерживаетъ критики... Необходимо добывать книги на сторонѣ... А одному это очень трудно... Нужна, такъ сказать, взаимная помощь... Такимъ образомъ, мы пришли къ выводу о необходимости ассоціаціи саморазвитія. Наука доказала, что сперва люди жили въ одиночку и пребывали, такъ сказать, въ положеніи животныхъ; только со времени возникновенія ассоціацій, они вступили на путь культуры...

— И цивилизаціи!—торопливо добавилъ изъ угла Мишель.

— Да... совершенно вѣрно!.. Теперь вопросъ другой: что лучше читать?.. Это можно разрѣшить очень легко... Мы будущіе граждане и должны всего больше интересоваться своей родиной... Надо изучать русскую жизнь, общественную, соціальную... Учебники намъ этого не дадутъ.. Всѣ эти Иловайскіе наводятъ туманъ... Но такъ какъ изученіе родины можетъ быть безпредѣльно, то намъ надо остановиться... на одномъ какомъ-нибудь періодѣ... Достаточно будетъ начать съ крѣпостного права...

— А вы уже начали?—робко спросилъ Петровъ.

— Мы только выработали программу— бросилъ ораторъ и продолжалъ:

— Теперь о системѣ... По каждому вопросу можно найти много сочиненій. Прочитать ихъ всѣ одному трудно... И вотъ тутъ опять выступаетъ ассоціація труда: одинъ можетъ прочитать одну книгу, другой—другую, третій—третью... Каждый можетъ написать въ краткихъ словахъ суть дѣла и на общихъ собраніяхъ прочитывать. Могутъ быть споры, и вообще легче выяснять непонятное... Вотъ наша программа!

Съ этими словами Рузавинъ тряхнулъ головой и облегченно вздохнулъ... Нѣсколько капель пота стеръ онъ со лба рукою и кашлянулъ. Всѣ молчали. Было такъ торжественно и тихо. Машка сердито толкнула ногой въ дверь; дверь передъ ней растворилась, и впередъ просунулся самоваръ, а затѣмъ и сама она.

— Наливайтесь! — сердито сказала она, пхнувъ самоваръ на прежнее мѣсто и проворно удалилась.

Ассоціація расхохоталась.

Мишель напомнилъ о самоварѣ, и члены ассоціаціи, подходя къ комоду, одинъ за другимъ, наливали себѣ чай и отходили со стаканами прочь. Зашелъ общій разговоръ о гимназіи и учителяхъ. Много острили и смѣялись.

— Ну, а какъ Николай Семеновичъ? Доѣзжаютъ?..

— Кажется, доѣхали ужъ...—нахмурясь, отвѣтилъ Рузавинъ.

— Измѣнился онъ... Совершенно другой человѣкъ...

— Говорятъ, что ему досталось недавно за неформенныя брюки?

— Было!..

Всѣ расхохотались. Рузавинъ, вспомнивъ недавнюю ссору съ братомъ, сталъ ходить въ волненіи по комнатѣ.

Петровъ былъ нѣсколько смущенъ. Онъ сомнѣвался въ своихъ силахъ по части рефератовъ, но изъ самолюбія не высказалъ этого товарищамъ.

— Можно, господа, не писать рефератовъ?—произнесъ онъ несмѣло.

— А какъ-же?

— Читать будемъ вмѣстѣ и вмѣстѣ разсуждать...

Рузавинъ горячо возразилъ, что вся суть ассоціаціи въ этомъ именно и состоитъ. Читать—говорилъ онъ—можетъ всякій и самъ по себѣ, а дѣло въ томъ, чтобы достигнуть, при меньшей затратѣ времени, большихъ результатовъ. Говорилъ онъ такъ убѣжденно, что никто не могъ возражать. Еще Мишель могъ-бы быть достойнымъ оппонентомъ, но они съ Рузавинымъ всегда и во всемъ согласны. Мишель предложилъ прочитать вслухъ статью Писарева о Пушкинѣ,—всѣ согласились. Часовъ въ 11 вечера, когда чтеніе кончилось, Пушкинъ окончательно потерялъ уже свой престижъ въ квартирѣ вдовы коллежскаго ассесора.

— Ловко пишетъ! — говорилъ Мишель, покуривая папироску и побѣдоносно озирая публику.

— Да-а...

— Ты мнѣ дай эту книжицу денька на два!

— Можно,—отвѣтилъ Рузавинъ за Мишеля,—всѣ сочиненія его можно добыть. Кто не читалъ,—обязательно слѣдуетъ... развивать критическую мысль. А прогрессъ только и возможенъ при этомъ развитіи личности.

— Господа! Вы что-то сегодня заучились больно. Смотрите: проспите завтра,—вполголоса сказала Анна Васильевна, чрезъ слегка пріотворенную дверь.

— Готовимся, мама... нельзя!—отвѣтилъ Мишель.

Мать, вздохнувши, отошла прочь. Она пошла въ спальню и стала укладываться въ постель... Въ постели она долго думала, какъ трудно сдѣлаться человѣкомъ, сколько силъ и здоровья потратитъ ея Мишель, прежде чѣмъ сдѣлается коллежскимъ ассесоромъ.

Около 12 часовъ ночи члены ассоціаціи, крѣпко пожавши другъ другу руки, стали расходиться по домамъ. Машка, стоя у парадной двери, заспанная и сердитая, съ нетерпѣніемъ ожидала, когда «провалится послѣдній «емназистъ», потомъ крѣпко хлопнула дверью, заперла ее на крючекъ и отправилась на кухню спать.

— Шарамыжники!—ворчала она, укладываясь на печь,—вишь, до кой поры канителились! Нечего дѣлать-то...

Е. Чириковъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Въ бѣлую ночь.

Все спитъ иль дремлетъ въ легкомъ полуснѣ.
Но тусклый свѣтъ видѣнья гонитъ прочь.
Тоска растетъ и грудь сжимаетъ мнѣ,
И бѣлая меня тревожитъ ночь.

Смотрю въ окно. Унылый, жалкій видъ.
Двѣ чахлыя березки и заборъ.
Вдали поля.—Болитъ душа, болитъ,
И отдыха напрасно ищетъ взоръ.

Но не о томъ тоскую я теперь,
Что и вдвоемъ бывала я одна,
Что въ міръ чудесъ навѣкъ закрыта дверь,
И жизнь моя пуста и холодна.

Мнѣ тяжело, что близокъ скучный день,
Что деревцамъ густѣть не суждено,
Что покосился ветхій мой плетень
И тусклый свѣтъ глядитъ въ мое окно.

М. Лохвицкая.

Границы и область біологіи.

I.

Неопредѣленность границъ біологіи, какъ самостоятельной дисциплины естествознанія.—Крайнія точки зрѣнія на предметъ.—Историческій методъ рѣшенія вопроса о границахъ и области біологіи.

Нѣтъ дисциплины естествознанія, взгляды на область и границы которой представляли-бы собою такую пестроту и разнообразіе, какія мы встрѣчаемъ въ опредѣленіи біологіи. По мнѣнію однихъ, напр., задача этой науки исчерпывается описаніемъ нравовъ и образа жизни животныхъ. Но въ тоже время въ наукѣ приходится считаться съ воззрѣніемъ, что біологія есть ни болѣе, ни менѣе, какъ философія всей естественной исторіи организованныхъ тѣлъ.

Таково различіе воззрѣній на область и границы біологіи; таково-же различіе и во взглядахъ на ея значеніе. Въ то время какъ одни утверждаютъ, что біологія составляетъ вѣнецъ науки о живой природѣ, науки, уже способной служить базисомъ для рѣшенія сложныхъ вопросовъ соціальной жизни, другіе, отступая шагъ за шагомъ въ смыслѣ умаленія значенія этой науки, приходятъ, наконецъ, къ мнѣнію, что основной вопросъ біологіи, около котораго вращаются всѣ остальные—вопросъ о борьбѣ за существованіе и естественномъ отборѣ—представляетъ собою не болѣе, какъ сумму безплодныхъ разговоровъ, въ которыхъ произволъ царитъ въ полной силѣ. Придумать болѣе широкое различіе въ опредѣленіи границъ науки и ея значенія, очевидно, уже невозможно.

Легко понять изъ сказаннаго, что прежде, чѣмъ приступить къ изученію біологіи, необходимо разобраться въ этихъ противорѣчивыхъ, взаимно исключающихъ другъ друга мнѣніяхъ; необходимо потому, что, не опредѣливъ отношенія біологіи къ другимъ сосѣднимъ дисциплинамъ знанія, мы не будемъ имѣть возможности выяснить ни ея собственную область, ни ея границы, ни, наконецъ, значеніе ея, какъ науки.

Къ рѣшенію этой нелегкой задачи ведутъ нѣсколько путей. Можно, изучивъ разныя точки зрѣнія на предметъ, остановиться на одной изъ нихъ и выставить въ защиту этого избраннаго опредѣленія науки рядъ болѣе или менѣе оригинальныхъ и убѣдительныхъ соображеній. Можно также, не останавливаясь ни на одномъ изъ имѣющихся въ наукѣ опредѣленій области и границъ біологіи, дать свое новое. И тотъ и другой путь, однако, едва-ли способны устранить затрудненія.

Заявленія, вродѣ нижеслѣдующихъ: «Такъ *я* опредѣляю область біологіи и ея границы и предлагаю подраздѣлить ее на такія-то и такія-то части»; или: «такъ *я* понимаю задачи біологіи и въ этомъ смыслѣ буду разумѣть ихъ въ моемъ трактатѣ», — рѣдко бываютъ убѣдительными. Нуженъ другой путь, чтобы придти къ рѣшенію задачи, *для всѣхъ одинаково обязательному*, и таковымъ едва-ли можетъ быть иной, кромѣ *историческаго*. Его обычное неудобство — длиннота — въ нашемъ случаѣ является не особенно осязательнымъ, такъ какъ огромный періодъ времени, лежащій за рубежемъ XVIII вѣка, по нашему мнѣнію, имѣетъ для біологіи весьма спорное и, во всякомъ случаѣ, очень отдаленное значеніе, а попытка Осборна установить связь біологіи нашихъ дней съ ученіемъ мудрецовъ глубокой древности, на нашъ взглядъ, грѣшитъ совершенно очевидной искусственностью.

Прежде всего по поводу классической древности отмѣчу, что наши сужденія объ ученіи философовъ[1]), предшествующихъ Платону, строятся на основаніи весьма скудныхъ и не всегда достовѣрныхъ отрывковъ. Далѣе, даже и тогда, когда подлинность сочиненій не подлежитъ сомнѣнію, отрывки эти толкуются очень различно, такъ какъ имѣютъ различное значеніе въ связи съ предыдущимъ или послѣдующимъ, которое для насъ бываетъ не всегда извѣстно. Наконецъ, даже тогда, когда два указанныхъ затрудненія устранены и получается достовѣрный и законченный текстъ, то оказывается, что цитаты, въ которыхъ нѣкоторые историки науки хотятъ видѣть элементы эволюціонной теоріи, на самомъ дѣлѣ представляютъ собою лишь туманныя и неопредѣленныя догадки, едва-ли способныя служить доказательствомъ связи изреченій мудрецовъ древности съ современной намъ научной біологіей. «Мыслить вѣчность,—говоритъ одинъ изъ талантливѣйшихъ русскихъ біологовъ,—можно было также успѣшно подъ синимъ небомъ Эллады, какъ и подъ сѣренькимъ небомъ Берлина, но дать научное объясненіе самому ничтожному факту можно только тогда, когда для этого приспѣетъ время: наука—дѣло времени».

---

[1]) Я имѣю въ виду исключительно тѣ ихъ воззрѣнія, которыя стоятъ въ связи съ естественной исторіей организованныхъ тѣлъ.

Для біологіи оно, по нашему мнѣнію, приспѣло лишь къ началу XVIII вѣка, и мы, вслѣдствіе этого, обойдемъ молчаніемъ какъ періодъ классической древности, такъ и слѣдующій за Аристотелемъ періодъ исторіи науки вплоть до того времени, когда Линней создалъ свою знаменитую систему растительнаго и животнаго царствъ, а Бюффонъ, пользуясь матеріаломъ науки, поставилъ на очередь основные вопросы біологіи, исходя не изъ апріорныхъ началъ метафизики, не изъ сопоставленія и критики догадокъ классическихъ писателей, а на основаніи добытыхъ къ этому времени и прочно установленныхъ наукою фактовъ.

II.

Естественная исторія организованныхъ тѣлъ съ первой половины XVIII вѣка до 1809 г.—Бюффонъ.—Выдвинутые имъ на очередь вопросы естествознанія и данное имъ рѣшеніе. — Дальнѣйшее развитіе науки: Гребергъ, Палласъ, Эразмъ Дарвинъ. — Заключеніе.

Съ того момента, когда естествознаніе Западной Европы, окончивъ счеты съ перипатетиками и схоластикой, становится на путь самостоятельнаго изслѣдованія,—моментъ, который хронологически лишь очень приблизительно можно отнести къ XV—XVI вѣкамъ,—главное русло научнаго движенія составляется изъ работъ, задача которыхъ заключается въ описаніи новыхъ растеній и животныхъ, съ точки зрѣнія ихъ внѣшняго строенія. *Морфологія*, такимъ образомъ, является на исторической сценѣ первой по очереди. Нѣсколько позднѣе къ описанію внѣшнихъ признаковъ организаціи присоединяется описаніе внутреннихъ органовъ того или другого животнаго и ихъ дѣятельности. Это *анатомія и физіологія* животнаго царства [1]).

Когда начатыя изслѣдованія, годъ за годомъ пріобрѣтая новые факты, накопили такое количество матеріала, что пользованіе имъ становилось затруднительнымъ, на очередь выступаетъ новая задача, непосредственно вытекающая изъ сдѣланнаго ранѣе, задача такъ сгруппировать матеріалъ, чтобы доступно было имъ пользоваться съ возможною легкостію. Является рядъ болѣе или менѣе удовлетворяющихъ потребность классификацій. Огромный періодъ времени идетъ на эти работы, т. е. на собираніе матеріала и на усовершенствованіе способовъ его группировки; классификаціи, удовлетворявшія только удобству пользованія матеріаломъ, мало по малу начинаютъ уступать свое мѣсто классификаціямъ, которыя, распредѣляя матеріалъ на группы, руководились внутренней связью этихъ группъ между собою. Задачу эту рѣшаетъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, когда хорошо собраннаго научнаго матеріала

---

[1]) Анатомія и физіологія растеній явилась позднѣе.

накопляется очень много, знаменитый Линней. Заслуги его въ этомъ отношеніи достаточно извѣстны, и потому я ограничусь лишь немногими словами.

Необычайный успѣхъ въ описательной естественной исторіи, достигнутый Линнеемъ, заключается главнымъ образомъ въ томъ, что онъ предложилъ классификацію животныхъ и растеній, въ такой степени раціональную и логичную, что до сихъ поръ еще во многихъ отношеніяхъ она составляетъ *vade mecum* изучающихъ животныя и растительныя формы. Натуралисты до Линнея, теряясь въ безконечномъ хаосѣ собраннаго въ наукѣ матеріала, тщетно подыскивали номенклатуру и классификацію, которую Линнею удалось установить путемъ такъ называемой двучленной номенклатуры. Благодаря такому пріему, въ первый разъ получилась возможность классифицировать громадное количество формъ и обнять однимъ взглядомъ всю ихъ сумму, методически раздѣленную въ порядкѣ раціональной системы. Это дало возможность впервые выдвинуть цѣлый рядъ вопросовъ — въ ихъ числѣ вопросъ высочайшей важности: о видѣ и его происхожденіи—и приступить къ разработкѣ, ихъ на почвѣ фактовъ и наблюденій, хотя-бы очень незначительныхъ и неважныхъ. До этого времени, т. е. до начала XVIII вѣка, общіе вопросы естественной исторіи организованныхъ тѣлъ, т. е. все, что стояло за предѣлами простого описанія, составляло достояніе или *теологіи* или *метафизики*.

Итакъ, многолѣтнее накопленіе матеріала, обнимающее собою длинный періодъ лѣтъ, къ началу XVIII вѣка, благодаря трудамъ Линнея и его предшественниковъ, завершается естественной его группировкой, которая даетъ возможность перенести общіе вопросы естествознанія изъ области метафизики и теологіи на почву наблюденій и фактовъ.

Первымъ и центральнымъ изъ этихъ вопросовъ, около котораго группируются всѣ остальные, и разработка котораго, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, объединила въ одно характерное цѣлое плеяду натуралистовъ-философовъ, былъ вопросъ о видѣ и его происхожденіи. Какъ рѣшалъ эти вопросы самъ Линней, долго на нихъ однако не останавливавшійся, можно видѣть изъ слѣдующихъ соображеній его.

Различныхъ видовъ, говоритъ ученый, столько-же, сколько создано безконечнымъ Существомъ первоначально различныхъ формъ. («*Species tot sunt diversae, formas quot ab initio creavit infinitum Ens*»). Такимъ образомъ Линней совершенно ясно высказалъ идею о постоянствѣ вида, идею о томъ, что, разсматривая нынѣ живущія существа, мы имѣемъ передъ глазами тѣ-же формы, какія образовались при началѣ міра. Изъ положеній Линнея о томъ, что «Simile semper parit sui simile» и «nullae species novae hodienum producuntur; nullae dantur novae species»—вытекаетъ, что нынѣшніе виды преемственно произошли отъ первозданныхъ

и *вслѣдствіе полнаго наслѣдственнаго сходства повторяютъ* ихъ вполнѣ. Притомъ новыхъ видовъ не образовалось ни посредствомъ измѣненій первозданнаго типа, ни вслѣдствіе новаго творенія.

Линней не замѣтилъ, что собранный къ этому времени и имъ самимъ обработанный матеріалъ уже давалъ возможность нѣсколько иначе отнестись къ назрѣвавшему вопросу о видѣ, какъ основной единицы классификаціи; эта задача выпала на долю современника Линнея—Бюффона (1707—1788). Огромная заслуга этого безспорно геніальнаго человѣка передъ нашей наукой заключается въ томъ, что онъ не только поставилъ въ XVIII вѣкѣ тѣ вопросы, которые намѣчались научнымъ матеріаломъ того времени, но съумѣлъ понять ихъ капитальное значеніе и смѣло выставилъ ихъ, *какъ знамя новаго теченія науки*.

Это обстоятельство обязываетъ насъ остановиться на главнѣйшихъ изъ выводовъ этого ученаго съ тѣмъ большимъ вниманіемъ, что заслуга его передъ наукой признается далеко не всѣми одинаково. Рядомъ съ натуралистами, которые не находятъ словъ достаточно превознести геній ученаго, мы встрѣчаемъ другихъ, которые не признаютъ за нимъ заслугъ именно тамъ, гдѣ первые ихъ видятъ по преимуществу [1]).

Причинъ этого явленія, главнымъ образомъ, двѣ. Первая изъ нихъ заключается въ томъ, что Бюффонъ въ разные періоды жизни говорилъ не одно и тоже: другими словами, что онъ измѣнилъ свои теоретическія воззрѣнія. Вторая—въ томъ, что онъ брался, между прочимъ, за такіе вопросы, для рѣшенія которыхъ вовсе не имѣлъ фактическихъ данныхъ, вслѣдствіе чего являлся въ глазахъ натуралистовъ не ученымъ естествоиспытателемъ, а метафизикомъ.

---

[1]) Вотъ для образчика два рода такихъ оцѣнокъ натуралистовъ, уже сошедшихъ съ жизненной сцены.

Нельзя не признать того, что Бюффонъ *замедлилъ* истинные успѣхи естествовѣдѣнія тѣмъ презрѣніемъ, которое онъ внушилъ къ системамъ... Однако-же, нельзя отвергнуть и того, что онъ собралъ много интересныхъ и неизвѣстныхъ до того фактовъ. Эти слова высказаны были въ Introduction de actes de la Societé d'histoire naturelle de Paris. 1792 г., т. XII.

Предисловіе это носитъ заглавіе: Discours sur l'origine et les progrès de l'histoire naturelle en France, и написано секретаремъ Общества Millin. Замѣтимъ, что Общество имѣло цѣлію утвердить за Франціей то значеніе, которое «она должна имѣть въ естествовѣдѣніи», и которое уменьшилось черезъ Бюффона, по мнѣнію новаго поколѣнія, «рѣшившагося со смертію его» оставить старому его ошибки и предразсудки.

А вотъ другое, противоположное: «Считаю себя счастливымъ, что могу повторить со столькими другими то, что за шестнадцать лѣтъ тому назадъ я говорилъ почти одинъ: Бюффонъ столько-же великъ, какъ естествоиспытатель и мыслитель, сколько великъ, какъ писатель *Majestati naturae par in ingenium*. Если онъ является такимъ великимъ писателемъ, то это потому только, что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и великій мыслитель».

Что касается измѣнчивости его воззрѣній, то фактъ этотъ свидѣтельствуетъ лишь о ростѣ его міросозерцанія по мѣрѣ того, какъ онъ пріобрѣталъ все новыя и новыя знанія. Въ то время, напримѣръ, какъ въ первыхъ томахъ своего знаменитаго творенія Бюффонъ не только не слѣдуетъ какой-либо системѣ, но отвергаетъ возможность и пользу всякой классификаціи и описываетъ домашнихъ животныхъ даже въ умышленномъ безпорядкѣ, дикія четвероногія уже соединяются имъ въ родственныя группы; при описаніи птицъ, мы не только встрѣчаемъ семейства, но и самыя семейства эти расположены въ нѣкоторомъ порядкѣ. Въ послѣднихъ томахъ Бюффонъ говоритъ о видахъ, родахъ *и семействахъ, какъ о группахъ вполнѣ опредѣленныхъ.* Что касается до происхожденія видовъ, то съ одной стороны мы встрѣчаемъ у него цитаты, представляющія его единомышленникомъ Линнея, какъ слѣдующая напримѣръ: Les èspèces dans les animaux sont toutes séparées par un intervalle que la nature ne peut franchir («Histoire naturelle». T. V, p. 59, 1755), а съ другой—находимъ идеи совершенно иного порядка. Вотъ эти идеи, какъ мы находимъ ихъ въ изложеніи Ж. С. Илера [1]).

Въ то время, какъ Линней и его ближайшіе послѣдователи считали видъ за реально существующее явленіе въ природѣ, онъ даже тогда, когда пользовался услугами классификаціи животныхъ, постоянно утверждалъ, что всѣ систематическія единицы суть не болѣе, какъ изображеніе представленія человѣческаго ума, имѣющее назначеніемъ облегчить изученіе природы.

По вопросу объ измѣняемости видовъ Бюффонъ, вопреки утвержденію нѣкоторыхъ авторовъ, высказываетъ съ полною опредѣленностью, что, не имѣя возможности размножаться всюду, большинство животныхъ ограничены извѣстными климатическими условіями и даже извѣстными мѣстностями. Животныя одного материка не встрѣчаются на другомъ, а если и встрѣчаются, то тѣ уже переродились, уменьшились въ ростѣ, измѣнились до неузнаваемости.

Поворотъ въ мнѣніи Бюффона на измѣняемость формъ, повидимому, былъ вызванъ изученіемъ фауны Америки, гдѣ животныя, будучи въ общемъ сходными съ животными стараго свѣта, отличались отъ нихъ, однако, болѣе или менѣе существенно. Бюффонъ высказывается за то, что американскія животныя, въ сущности, тѣ-же, что и животныя стараго свѣта, и произошли отъ этихъ послѣднихъ, но, подвергнувшись дѣйствію новаго климата, измѣнились въ силу тѣхъ причинъ, вслѣдствіе которыхъ произошло и самое разобщеніе континентовъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы Бюффонъ понималъ измѣняемость видовъ такъ, какой мы понимаемъ ее въ настоящее время. До

---

[1]) «Общая Зоологія» стр. 78.

этого еще было далеко; въ какихъ границахъ именно онъ признавалъ ее — сказать трудно, потому что ученый не характеризуетъ различіе между родомъ и семействомъ; тѣмъ не менѣе, что измѣняемость онъ признавалъ въ той или иной формѣ, это съ полною очевидностью вытекаетъ изъ нижеслѣдующихъ цитатъ натуралиста. La forme constitutive de chaque animal s'est conservée la même et sans alteration des ses principales parties... Les individus de chaque genre representent aujourd'hui les formes de ceux des premiers siecles, surtout dans les èspèces majeurs; car les èspèces inférieurs ont éprouvé d'une maniere sensible tout les effets des differentes causes de dégénération. [1])

Высказавъ свой взглядъ на измѣняемость видовъ, Бюффонъ говоритъ затѣмъ, что виды, измѣняясь, совершенствуются и вырождаются (denaturer). Онъ указываетъ и на причины такихъ измѣненій, которыя заключаются въ измѣненіи окружающихъ условій. Климатъ, свойство пищи и (для домашнихъ животныхъ) гнетъ порабощенія—вотъ, говоритъ онъ, три причины вырожденій и измѣненій въ животныхъ (Loc. c. T. XIV, ст. 335).

Бюффонъ впервые отмѣчаетъ тотъ фактъ, ключъ къ пониманію котораго былъ данъ, почти сто лѣтъ спустя, Дарвиномъ. «Обычный ходъ природы»,—читаемъ мы у Бюффона,—«въ общемъ всегда тотъ-же, всегда постояненъ; его движеніе всегда правильное, опирается на два непоколебимыхъ пункта: одинъ—это безграничная плодовитость, которой одарены всѣ виды; другой, безчисленныя препятствія, которыя низводятъ эту плодовитость къ опредѣленной мѣрѣ, и дѣлаютъ то, что во всякое время количество особей одного и того-же вида приблизительно одно и тоже [2]). Ис. Ж. С. Илеръ, указывая на отмѣченныя нами заслуги Бюффона, говоритъ, что «онъ возвысился до сознанія единства плана въ твореніи животныхъ» (стр. 78).

Нижеслѣдующія строки Бюффона показываютъ, что въ указаніи Ис. Ж. С. Илера нѣтъ преувеличенія: «Если среди громаднаго разнообразія существъ, населяющихъ земной шаръ, мы выберемъ одно, напр., человѣка, какъ исходный базисъ нашихъ познаній, то мы найдемъ, что хотя всѣ животныя существуютъ вполнѣ независимо и варьируютъ постепенно до безконечности, все-таки существуетъ первичный и общій планъ, который можно прослѣдить очень далеко, и отступленія отъ котораго совершаются гораздо медленнѣе, чѣмъ измѣненія въ формѣ и другихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, ибо, не говоря уже объ органахъ пищеваренія, кровообращенія и воспроизведенія, которые свойственны всѣмъ животнымъ и безъ которыхъ животное перестало-бы быть таковымъ и не могло-бы ни существовать, ни размножаться, существуетъ

[1]) «Epoques de la nature», Suppl. T. V, p. 27.
[2]) Osborn. From the Greeks to Darwin. 1894, стр. 136 и сл.

даже и въ тѣхъ частяхъ, которыя обусловливаютъ наибольшее внѣшнее варьированье, чудесное сходство, напоминащее намъ идею общаго плана, подъ вліяніемъ котораго все зачато».

И далѣе: «творя животныхъ, Высшее Существо употребляло всегда одну только идею, заставляя ее варьировать всевозможными способами». Таковы нѣкоторыя изъ возрѣній Бюффона на тѣ общіе вопросы естественной исторіи, которые были выдвинуты къ тому времени собраннымъ матеріаломъ.

Подсказать ихъ Бюффону въ то время, когда его современники держались ученія Линнея, не допуская возможности какихъ-либо въ немъ поправокъ, могла необычайная его прозорливость и способность къ глубокому пониманію явленій природы. Принимая во вниманіе эти воззрѣнія, принимая во вниманіе, при какихъ условіяхъ они вырабатывались, едва-ли можно ставить ему въ упрекъ измѣнчивость его взглядовъ на тотъ или другой вопросъ: она несомнѣнно была, но свидѣтельствуетъ она не о поспѣшности заключеній, не о неустойчивости ума этого великаго натуралиста, а о чрезвычайной трудности прокладыванія новыхъ путей для рѣшенія назрѣвавшихъ проблемъ біологіи. Эта трудность и была, разумѣется, причиной того, что въ рѣшеніи многихъ вопросовъ онъ является уже не натуралистомъ и даже не философомъ, а чистымъ метафизикомъ.

Ис. Ж. С. Илеръ, касаясь этой стороны произведеній Бюффона, возражаетъ такимъ образомъ: «внезапное вдохновеніе часто уносило его за предѣлы своего вѣка и даже ставило впереди нашего».

Вотъ этотъ-то методъ рѣшать научные вопросы путемъ вдохновенія, путемъ, который Этьенъ, а за нимъ Исидоръ Ж. С. Илеръ, какъ сказано было выше, считаютъ вполнѣ умѣстнымъ въ наукѣ, и погубилъ значеніе работы Бюффона въ глазахъ его современниковъ, а въ значительной части и въ глазахъ потомковъ. Современники, говоря о его гипотезахъ, въ которыхъ не могли отдѣлить цѣннаго отъ ничего не стоющаго, огуломъ называли ихъ «фантастическими бреднями» [1]). Потомство говоритъ, что дѣльныя его гипотезы тонутъ въ морѣ разсужденій чистѣйшей метафизики, не имѣющей, *въ области естествознанія, никакой научной цѣнности*,—обстоятельство, которое, однако, не должно умалять огромныхъ заслугъ этого натуралиста-мыслителя передъ наукою.

Изъ сказаннаго о Бюффонѣ понятно, какъ далеко опередилъ онъ современниковъ въ своихъ воззрѣніяхъ на основные вопросы науки; само собою разумѣется, поэтому, что его взгляды не могли и, какъ мы знаемъ, дѣйствительно не встрѣтили сочувствія у огромнаго большинства натуралистовъ XVIII вѣка. Мало того:—они единодушно были признаны грубымъ и вреднымъ заблужденіемъ.

---

[1]) Ис. Ж. С. Илеръ, стр. 77.

Послѣ Линнея, какъ и до него, господствующимъ направленіемъ въ наукѣ было чисто эмпирическое. Въ этомъ насъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что имена самыхъ выдающихся дѣятелей въ исторіи нашей науки за разсматриваемый періодъ времени медленнаго накопленія научнаго матеріала и обработки его этимъ методомъ, слѣдуютъ одною непрерывною цѣпью отъ Линнея до Дарвина. Вокругъ этихъ именъ, передъ числомъ которыхъ представители, такъ называемаго, философскаго направленія составляютъ едва замѣтное меньшинство, группируется и главная масса рабочихъ рукъ [1]).

Открытый Бюффономъ путь изысканій, однако, не могъ, разумѣется, не найти послѣдователей и поднятые имъ вопросы въ связи съ вопросомъ о видѣ привлекаютъ все большее и большее вниманіе натуралистовъ.

Отмѣтимъ изслѣдованія нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Гребергъ въ своей диссертаціи «Fundamentum fructificationis» (1762), высказываетъ предположеніе, что всѣ виды одного рода составляли вначалѣ одинъ видъ. Онъ такъ же, какъ Бюффонъ и всѣ сторонники измѣняемости видовъ, даетъ свои объясненія причинъ этого явленія. Единственнымъ факторомъ ихъ порождающимъ, по мнѣнію Греберга, является *образованіе помѣсей*. Онъ говоритъ, что многіе виды одного и того же рода произошли отъ того, что самки первобытнаго вида помѣшались съ самцами другихъ первобытныхъ видовъ; слѣдовательно, Гребергъ считалъ нынѣшніе виды за происшедшихъ отъ помѣсей нѣсколькихъ первобытныхъ видовъ, сдѣлавшихся въ настоящее время родовыми типами, и эти-то типы онъ полагалъ существовавшими отъ начала; т. е. тѣмъ, за что Линней считалъ свои species.

Въ 1784 г. Палласъ [2]) высказалъ аналогичное мнѣніе по отношенію къ происхожденію домашнихъ животныхъ. Онъ предполагалъ, что мно-

---

[1]) C. Er. Baer: («Ueber Entwickelungsgeschichte der Thiere». Beobachtung und Reflexion»), Haeckel («Histoire de la création naturelle») и другіе смотрятъ на дѣло нѣсколько иначе. Они полагаютъ, что въ историческомъ развитіи біологіи съ эпохи, Линнея мы замѣчаемъ чередующееся преобладаніе, *то эмпирическаго* или точнаго метода, то философскаго или спекулятивнаго. Намъ этотъ взглядъ представляется не вполнѣ согласнымъ съ фактами. Если въ извѣстные моменты натурфилософское направленіе бросалось въ глаза съ особенною яркостью, такъ это потому лишь, что высказываемыя время отъ времени представителями этого направленія идеи обращали на себя общее вниманіе ученыхъ. Что господствующимъ методомъ во все это время, однако, дѣйствительно, былъ методъ эмпирическій—это, быть можетъ, всего нагляднѣе доказывается тѣмъ, что лишь въ 30-мъ году нашего столѣтія представители эмпиризма, въ лицѣ Кювье, сочли доктрины натурфилософовъ достигшими такого развитія, при которомъ съ ними сдѣлалось необходимымъ считаться. Результатъ спора Кювье съ Эт. Ж. С. Илеромъ, по тогдашней его оцѣнкѣ, наглядно убѣждаетъ насъ, въ какомъ изъ этихъ направленій была сила, и гдѣ лежало преобладаніе.

[2]) «Mémoire sur la variation des animaux». Mem. d. l'Ac. de St. Peters.

гочисленныя породы ихъ произошли отъ смѣшенія типическихъ видовъ домашнихъ съ различными видами дикихъ животныхъ.

Въ 1794 г. вышло въ свѣтъ сочиненіе Эразма Дарвина — дѣда знаменитаго автора «Происхожденія видовъ» — Zoonomia, въ которомъ многіе безъ основанія видятъ предшественника Ламарка. Эразмъ Дарвинъ приводитъ цѣлый рядъ доводовъ, которыми старается установить идею о томъ, что организованныя существа произошли отъ одного или нѣсколькихъ зародышей [1]).

Причинами измѣняемости являются, по его мнѣнію, во первыхъ факторы, доступные наблюденію, каковы, напримѣръ, климатическія условія, а во вторыхъ, факторы, недоступные наблюденію; такимъ факторомъ является стремленіе зародыша къ совершенствованію, вложенное въ него при самомъ его созданіи. Онъ говоритъ: «всѣ теплокровныя животныя произошли отъ одного живого волокна, которое *великая конечная причина* одарила животною жизнью, способностью пріобрѣтать новыя части, снабженныя новыми наклонностями, направляемыми возбужденіями, ощущеніями, хотѣніями и ассоціаціями, и которое; такимъ образомъ, было способно продолжать совершенствоваться въ силу своей собственной врожденной дѣятельности».

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, по мнѣнію Эразма Дарвина, стремленіе къ прогрессу представляется уже предопредѣленнымъ.

Въ этомъ именно пунктѣ воззрѣнія Эразма Дарвина совпадаютъ, какъ мы увидимъ, съ воззрѣніями Ламарка, и ихъ имѣлъ въ виду Чарльзъ Дарвинъ, когда писалъ: «любопытно, до какой степени мой дѣдъ — д-ръ Эразмъ Дарвинъ—предупредилъ Ламарка въ ошибочныхъ основаніяхъ его мысли и его взглядовъ».

Совпадаютъ воззрѣнія названныхъ ученыхъ и въ томъ отношеніи, что, по мнѣнію ихъ обоихъ, рядомъ съ первоначально вложеннымъ стремленіемъ къ прогрессу, они допускаютъ возможность измѣненія животныхъ путемъ процессовъ, порождаемыхъ ихъ собственными желаніями. Развитіе зародышей каждаго типа опредѣлялось какъ его свойствами, такъ и ощущеніями, испытываемыми ими въ опредѣленную стадію: *чувствомъ довольства* или страданія и, наконецъ, *его усиліями* продлить наслажденіе или избавиться отъ страданія. Эти чувства вытекаютъ изъ возможности или невозможности удовлетворить основнымъ, свойственнымъ зародышамъ всѣхъ типовъ, потребностямъ: размножаться, питаться и жить въ безопасности.

Я не буду останавливаться на разсмотрѣніи этихъ воззрѣній ученаго,

---

[1]) Подъ зародышемъ авторъ разумѣетъ «волокна» которыя, какъ онъ предполагаетъ, образовались «концомъ нервнаго волокна» и одарены частью личными свойствами, частью наслѣдственными, перешедшими къ нимъ вслѣдствіе того, что они составляютъ часть родительскаго организма.

такъ какъ мнѣ придется это сдѣлать, разбирая аналогичныя воззрѣнія Ламарка, который ихъ выразилъ съ несравненно большею опредѣленностью и научностью.

Далѣе, Э. Дарвинъ трактуетъ объ измѣненіяхъ внѣшнихъ условій, какъ о причинахъ видоизмѣненій организмовъ. Указывая на явственное сходство типовъ животныхъ, какъ на доказательство ихъ первоначальнаго родства, онъ принимаетъ ихъ уклоненія другъ отъ друга за результатъ различій въ образѣ жизни; причемъ такія различія произошли путемъ непосредственнаго приспособленія. Перечисливъ различныя приспособленія животныхъ для добыванія пищи, онъ говоритъ, что всѣ они, повидимому, «постепенно образовались въ продолженіи многихъ поколѣній, путемъ постоянныхъ усилій существъ удовлетворить потребности въ пищѣ, и передавались потомству, постоянно совершенствуясь для достиженія требуемыхъ цѣлей». Въ качествѣ примѣра измѣненій, вырабатываемыхъ измѣненіемъ условій, онъ приводитъ признаки, пріобрѣтенныя домашними животными.

Въ книгѣ Эразма Дарвина мы встрѣчаемъ, такимъ образомъ, цѣлый рядъ новыхъ догадокъ, которыя имѣютъ своей основой новыя фактическія данныя и новыя наблюденія. Стремленіе дать этимъ отрывочнымъ наблюденіямъ опредѣленное единство привело Эр. Дарвина, какъ въ свое время Бюффона, къ построенію гипотезъ совершенно метафизическаго характера. Иначе не могло и быть, разумѣется, принимая во вниманіе отрывочность наблюденій и исключительное число фактовъ.

Волокно—зародышъ, которое съ ростомъ получаетъ новыя способности, порождающія, по Эр. Дарвину, новыя привычки, въ сущности, представляетъ сплошную метафизику. Но цѣнность отдѣльныхъ наблюденій и заключеній на нихъ построенныхъ отъ этого, разумѣется, не уменьшается. Такъ мы находимъ у него рядомъ съ соображеніями, не имѣющими никакой цѣны, идею о томъ, наприм., что окраска животныхъ можетъ служить имъ средствомъ быть незамѣтными, что битвы самцовъ имѣютъ цѣлью обезпечить сохраненіе вида посредствомъ болѣе сильныхъ и активныхъ особей и т. п. Изслѣдованіями Эразма Дарвина мы закончимъ разсматриваемый періодъ исторіи нашей науки. Слѣдующій періодъ этой исторіи открывается двумя событіями огромной важности, возникновеніемъ идеи безграничной измѣняемости видовъ и накопленіемъ такого обильнаго матеріала на почвѣ общихъ вопросовъ естествознанія, которое привело къ обособленію извѣстной ихъ группы въ отдѣльную дисциплину науки, получившую названіе біологіи.

III.

Обособленіе біологіи, какъ новой дисциплины знанія. — Тревиракусъ. — Ламаркъ. — Основныя положенія гипотезы Ламарка.—Этьенъ Жоффруа-Сентъ-Илеръ; отличіе его ученія отъ гипотезы Ламарка. — Дальнѣйшее развитіе біологіи: «Слѣды творенія», Гофмейстеръ.—Исидоръ Жоффруа-Сентъ-Илеръ; основныя положенія его ученія, область біологіи или философія естественной исторіи органическихъ тѣлъ.—Заключеніе

Идея безграничной измѣняемости видовъ, какъ и многія другія научныя *идеи*, пришла въ голову, независимо другъ отъ друга, нѣсколькимъ выдающимся умамъ эпохи. Назрѣвшая мысль какъ-бы носилась въ воздухѣ; ей оставалось дать плоть и кровь. Совершенно опредѣленно она высказывается Ламаркомъ и Тревиракусомъ, независимо другъ отъ друга, въ 1809 г.; независимо-же другъ отъ друга на рубежѣ XIX вѣка ими устанавливается подъ названіемъ біологіи новая дисциплина науки, въ которую они включаютъ скопленный къ этому времени матеріалъ по вопросамъ о видѣ и его измѣненіи, т. е. тѣмъ общимъ вопросамъ науки, которые наканунѣ XVIII вѣка составляли достояніе теологіи и метафизики [1]).

Тревиракусъ трактуетъ слѣдующимъ образомъ о капитальномъ вопросѣ нашей теоріи, о происхожденіи органическихъ видовъ: «каждая живая форма можетъ быть произведена физическими силами двоякимъ образомъ: она можетъ произойти или отъ аморфной матеріи, или посредствомъ измѣненія отъ формы уже существующей. Въ послѣднемъ случаѣ первой причиной измѣненія можетъ быть либо вліяніе оплодотворяющаго вещества на зародышъ, либо вліяніе другихъ силъ, появляющихся лишь послѣ оплодотворенія. Каждая живая форма надѣлена способностью поддаваться многообразнымъ измѣненіямъ и приспособляться къ измѣненіямъ, совершающимся во внѣшнемъ мірѣ. Эта-то способность въ связи съ измѣненіями среды дала возможность простымъ зоофитамъ достичь все болѣе и болѣе высокихъ степеней организаціи и ввела въ живую природу безконечное разнообразіе». Зоофиты Тревиракуса суть организмы самаго низкаго порядка съ самой элементарной организаціей, особенно тѣ существа, которыя занимаютъ средину между животными и растеніями. Эти зоофиты,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—представляютъ примитивныя формы, отъ

---

[1]) Первый томъ «Biologie ou philosophie de la nature vivante» Тревиракуса появилсявъ 1803 г , т. е. въ томъ-же, въ которомъ Ламаркъ выступилъ со своею рѣчью о видѣ, а послѣдній въ 1805. Основнымъ вопросомъ изслѣдованія является, какъ сказано, вопросъ о происхожденіи видовъ.

Геккель («Histoire naturelle» p. 68) даетъ такую оцѣнку выводамъ названнаго ученаго: Тревиракусъ въ самомъ началѣ столѣтія въ первыхъ своихъ большихъ работахъ: въ его «Biologie ou philosophie de la nature vivante» выражалъ уже взгляды совершенно съ нами согласныя, на единство природы и генеологическую связь организмовъ.

которыхъ произошли всѣ организмы высшихъ классовъ путемъ постепеннаго развитія. Кромѣ того, мы полагаемъ, что каждый видъ, такъ-же, какъ и каждый индивидуумъ, проходитъ извѣстные періоды роста и смерти, но что смерть вида есть не разложеніе, какъ у индивидуума, а дегенерація. Подъ этимъ терминомъ Тревиракусъ разумѣетъ не то, что въ наше время подъ нимъ разумѣютъ вообще, но «дегенерація» есть то, что мы называемъ приспособленіемъ или измѣненіемъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ причинъ. Тревиракусъ объясняетъ метаморфозъ органическихъ видовъ приспособленіемъ, и ихъ сохраненіе наслѣдственностью. Многообразность органическихъ формъ онъ относитъ къ совокупному дѣйствію приспособленія и наслѣдственности, — это ясно вытекаетъ изъ нѣсколькихъ мѣстъ его книги. Насколько правильно Тревиракусъ понималъ взаимную зависимость всѣхъ живыхъ существъ другъ отъ друга, явствуетъ изъ слѣдующей выдержки его біологіи: «Живой индивидуумъ зависитъ отъ вида видъ—отъ рода, этотъ послѣд ній—отъ всей живущей природы, а живущая природа—отъ организма земли. Такимъ образомъ, индивидуумъ живетъ жизнью, которая ему свойственна, и въ этомъ отношеніи онъ составляетъ особенный міръ. Но въ силу того, что жизнь его ограничена, онъ составляетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, органъ въ общемъ организмѣ. Всякое живое тѣло существуетъ міромъ; но обоюдно и міръ существуетъ этимъ живымъ тѣломъ».

Таково было въ общихъ чертахъ ученіе Тревиракуса, съ которымъ натуралистъ выступилъ въ 1807 г. Въ 1809 появилось знаменитое изслѣдованіе Ламарка «Philosophie Zoologique», который высказалъ свои идеи о безконечной измѣняемости видовъ еще въ 1801 году, т. е. тремя годами раньше, чѣмъ это сдѣлалъ Тревиракусъ. Гипотеза Ламарка въ своихъ основныхъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ. Каждый видъ, *подъ вліяніемъ обстоятельствъ*, въ которыхъ онъ жилъ долгое время, пріобрѣлъ *привычки*, которыя, въ свою очередь, повліяли на организацію особей даннаго вида въ такой степени, что они измѣнили эти части и поставили ихъ въ соотвѣтствіе съ пріобрѣтенными привычками (l. c. стр. 53). Итакъ, первопричину измѣняемости видовъ, Ламаркъ видитъ въ измѣненіи внѣшнихъ условій,—обстоятельство, отмѣтимъ кстати, которое такъ часто упускается изъ виду современными критиками его ученія. Вотъ дословныя выраженія ученаго: «дѣйствія и привычки животнаго совершенно зависятъ отъ условій, въ которыхъ оно находится, и я постараюсь доказать, какъ велико то вліяніе, которое эти условія оказываютъ на общій видъ, состояніе частей и даже строеніе организмовъ». (Начало 7-й главы «Philos. Zool.»).

Эта точка зрѣнія выступаетъ еще съ большей опредѣленностью изъ нижеслѣдующаго положенія:

«*При помощи достаточнаго промежутка времени, при помощи об-*

стоятельствъ благопріятныхъ, при помощи измѣненій, послѣдовательно испытанныхъ каждою точкою земного шара, однимъ словомъ, при помощи того могущества, которымъ обладаютъ новыя положенія и новыя привычки для того, чтобы измѣнять органы одаренныхъ жизнью тѣлъ, всѣ живыя тѣла, нынѣ существующія, нечувствительно сдѣлались такими, какими мы ихъ видимъ».

На первомъ мѣстѣ, такимъ образомъ, стоятъ внѣшнія, вліяющія на жизнедѣятельность организма условія. Далѣе: «все, что животныя пріобрѣтаютъ или утрачиваютъ вслѣдствіе вліянія на нихъ внѣшнихъ условій, которымъ они подвергаются долгое время, а также вслѣдствіе усиленнаго упражненія или постояннаго неупотребленія органа, передается по наслѣдству потомкамъ, при условіи, что пріобрѣтенныя измѣненія были свойственны обоимъ поламъ, которые произвели это потомство.

Итакъ, сначала вліяніе среды, потомъ употребленіе или неупотребленіе органовъ—таковы факторы, измѣняющіе организмы.

Ламаркъ разъясняетъ это положеніе слѣдующимъ образомъ:

«Во первыхъ, всякое замѣтное вліяніе обстоятельствъ, въ которыхъ находится данная порода животныхъ, производитъ въ ней дѣйствительныя измѣненія въ потребностяхъ. «Вовторыхъ, всякое измѣненіе въ потребностяхъ животныхъ необходимо вызываетъ другія дѣйствія для удовлетворенія новымъ нуждамъ и, какъ слѣдствіе, другія привычки. «Въ третьихъ, всякая новая потребность, обусловливая новыя дѣйствія для ея удовлетворенія, требуетъ отъ животнаго, имѣющаго эту потребность, болѣе частаго употребленія тѣхъ его частей, которыя прежде имъ мало употреблялись, что значительно развиваетъ и увеличиваетъ эти части».

Если мы присоединимъ къ этому, что, по мнѣнію Ламарка, особи, находясь въ однихъ и тѣхъ-же условіяхъ, не пріобрѣтаютъ новыхъ потребностей, не измѣняютъ образа жизни, а потому и виды остаются неизмѣняемыми [1]), то для насъ сдѣлается вполнѣ ясною та роль, которую Ламаркъ приписывалъ *дѣйствію среды* на измѣняемость организмовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ становится совершенно очевидной и связь его ученія съ воззрѣніемъ Бюффона на причины измѣняемости видовъ.

---

[1]) Это заключеніе имѣетъ своимъ основаніемъ нижеслѣдующія строки «Philosophie zoologique»—стр. 235: «я вѣрю,—говоритъ Ламаркъ,—въ полное сходство животныхъ, мумифицированныхъ (найденныхъ въ египетскихъ пирамидахъ) съ тѣми, которыя встрѣчаются теперь въ Египтѣ: птицы, которыхъ египтяне бальзамировали двѣ или три тысячи лѣтъ тому назадъ, сходны съ тѣми, которыя живутъ въ этихъ странахъ и въ настоящее время.

Странно, если-бы это было иначе, такъ какъ положеніе Египта и его климатъ до сихъ поръ (за весьма малыми уклоненіями) тѣ-же, что были и въ ту эпоху, и птицы, теперь тамъ живущія, находясь въ тѣхъ-же обстоятельствахъ, въ какихъ находились тогда, не могли быть принуждены измѣнять свои привычки. (L. c. p. 70).

Правда, Бюффонъ признавалъ за средой непосредственную способность измѣнять формы организмовъ, а по ученію Ламарка среда вызываетъ лишь измѣненія привычекъ животнаго, то-есть вліяетъ на измѣненія животнаго не прямо, а косвенно. «Не органы животнаго вызываютъ его привычки,—говоритъ Ламаркъ,—а, наоборотъ, его привычки, его образъ жизни и условія, въ которыхъ находились его предки, въ теченіе времени опредѣляютъ число и состояніе его органовъ и его способностей».

Какъ именно представлялъ себѣ Ламаркъ роль указанныхъ факторовъ на измѣняемость животныхъ формъ—можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста его книги:

«Кто не знаетъ,—говоритъ онъ—что птица, воспитанная нами въ клѣткѣ, прожившая тамъ лѣтъ 5 или 6 сряду и послѣ этого выпущенная на свободу, уже не въ состояніи летать, какъ летаютъ ей подобныя птицы? Незначительное измѣненіе обстоятельствъ, правда, уменьшило только способность летанія и, конечно, не произвело никакого измѣненія въ формѣ частей птицы. Но если-бы многочисленный рядъ поколѣній особей одной и той-же породы (расы) содержался въ неволѣ въ теченіе значительнаго промежутка времени, то нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что самая форма частей этихъ особей мало-по-малу претерпѣла-бы значительныя измѣненія». (L. c. стр. 228).

Китъ и муравьѣдъ, по мнѣнію Ламарка, потеряли зубы, вслѣдствіе привычки не жевать пищу, при чемъ послѣдній потерялъ способность видѣть, потому что, живя въ темныхъ пещерахъ, потерялъ привычку глядѣть, и т. д.

Такова сущность ученія Ламарка по вопросу о происхожденіи видовъ, измѣняемость которыхъ онъ признавалъ безпредѣльной. Геккель (Hist. de la creat. natur. ст. 83), подводя итоги ученія Ламарка, опредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: ученіемъ Ламарка устанавливается, что систематическія раздѣленія, какъ-то: классы, порядки, семейства, роды и виды, такъ-же, какъ и ихъ названія, суть чисто искусственныя обозначенія человѣка. Далѣе, всѣ виды непостоянны; они произошли другъ отъ друга, и ихъ неизмѣняемость (fixité) только относительная и временная; разнообразіе порождаетъ виды. Различіе въ условіяхъ жизни, измѣняясь, вліяетъ на организацію, общую форму и органы животнаго, тоже можно сказать и объ употребленіи или неупотребленіи органовъ. Сначала были созданы самыя простыя животныя и растенія, а потомъ существа, надѣленныя болѣе сложной организаціей. Геологическая эволюція земного шара и его органическое населеніе совершалось непрерывно и не прерывалось бурными революціями».

Кромѣ указанныхъ факторовъ измѣняемости видовъ Ламаркъ признаетъ, однако, еще и другіе, а именно: «усилія внутренняго чувства

животныхъ», которыя могутъ привести къ образованію новыхъ частей (органовъ) (стр. 233) или, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, стремленіе организмовъ къ совершенствованію: «la progression evidente, qui existe dans la composition de l'organisation des animaux».

Мы уже познакомились въ общихъ чертахъ съ этими воззрѣніями у Эразма Дарвина.

Ученіе Ламарка, не смотря на множество цѣнныхъ идей, заключало въ себѣ,—собственно во 2-й части, въ которой онъ трактуетъ о причинахъ жизни, о происхожденіи жизни, воли и разума, о сущности организаціи, о произвольномъ зарожденіи и т. д.—слишкомъ много гадательнаго, безпочвеннаго, ненаучнаго, вслѣдствіе чего не было оцѣнено его современниками и не только не было принято учеными,—главнымъ образомъ представителями эмпирическаго направленія, — но было осмѣяно. Нѣтъ надобности говорить, конечно, что, однажды получивъ движеніе, идея эволюціи не заглохла, а продолжала укрѣпляться.

Ближайшимъ и наиболѣе талантливымъ представителемъ этого движенія въ разсматриваемый періодъ развитія нашей науки является Жоф. Сентъ-Илеръ. Въ первый разъ онъ опубликовалъ свои изслѣдованія по вопросу объ измѣнчивости видовъ въ 1828 году. Ученый этотъ допускаетъ, въ главномъ, теорію происхожденія Ламарка; но онъ предполагаетъ, что метаморфозъ животныхъ и растительныхъ видовъ произошелъ не столько отъ дѣятельности организма (привычки, упражненія, употребленія или неупотребленія органовъ), сколько подъ вліяніемъ «окружающаго міра», т. е. вѣчныхъ измѣненій внѣшняго міра и между прочимъ атмосферы. Такъ, напр., Ж. С. Илеръ полагаетъ, что фактъ уменьшенія въ атмосферѣ угольной кислоты былъ причиною того, что отъ пресмыкающихся, произошли птицы, ибо при большемъ количествѣ кислорода первыя сдѣлались болѣе живыми, энергичными, вслѣдствіе чего возвысилась температура ихъ крови, усилилась нервная и мускульная дѣятельность и чешуя съ теченіемъ времени замѣнилась перьями. Не трудно понять, разумѣется, что взглядъ С.-Илера на *вліяніе среды*, какъ основного фактора измѣняемости видовъ, представляетъ собою хотя и научную, но въ такой же степени одностороннюю теорію, какъ и взглядъ Ламарка на значеніе внутреннихъ силъ, на значеніе упражненія и неупражненія органовъ. Не трудно понять также, что такая односторонность ученія даже при наличности большаго матеріала, чѣмъ тотъ, которымъ располагалъ Ламаркъ, не могла служить прочнымъ оплотомъ его теоріи измѣняемости видовъ. Тѣмъ не менѣе, ученіе это по тому времени, о которомъ идетъ рѣчь, представляло собою уже въ такой степени богатую по фактическому матеріалу область знанія, что строгіе эмпирики не сочли возможнымъ игнорировать его дальше и выступили въ открытую борьбу по центральному вопросу школы натурфилософовъ — о происхож-

деніи видовъ. Достойнымъ противникомъ Этьена Жоффруа Сентъ-Илера выступилъ знаменитый Георгъ Кювье, который стоялъ къ нему приблизительно въ томъ же отношеніи, въ какомъ Линней стоялъ къ Бюффону [1]).

Извѣстное столкновеніе противниковъ въ стѣнахъ академіи имѣло мѣсто 22 февраля и 19 іюня 1830 г.

Жоффруа, въ качествѣ главы натурфилософіи во Франціи, защищая теорію естественной эволюціи и унитарное или монистическое зарожденіе природы, утверждалъ, что виды измѣняются, имѣютъ общее происхожденіе, и получили начало отъ одной прародительской формы; онъ говорилъ, сверхъ того, объ единствѣ организаціи или единствѣ плана строенія, по выраженію тогдашняго времени. Кювье былъ самымъ рѣшительнымъ противникомъ этихъ взглядовъ. Онъ старался доказать, что натурфилософы не имѣли никакого основанія выводить изъ научнаго матеріала, существовавшаго тогда, столь широкихъ заключеній; онъ отрицалъ предполагаемое единство организаціи или плана. Онъ защищалъ теологическое или дуалистическое зарожденіе природы и полагалъ, что неизмѣняемость видовъ составляла самое условіе существованія научной естественной исторіи.

Позднѣе силою фактовъ натуралисты-эмпирики были приведены къ признанію истины за положеніями С. Илера по вопросамъ о видѣ; примирившись съ этими положеніями, они, однако, вовсе не признали за нимъ побѣды въ вопросѣ о методѣ изслѣдованія вопросовъ науки и остаются до нашего времени болѣе или менѣе открытыми сторонниками Кювье. Къ сожалѣнію, нельзя не согласиться съ ними въ томъ, что для такого отношенія къ вопросу у нихъ имѣются нѣкоторыя основанія, вслѣдствіе которыхъ отрицательное отношеніе къ натурфилософіи вообще и сдѣлалось традиціоннымъ.

Въ чемъ состояло разногласіе противниковъ по вопросу о методѣ? Ис. Ж. С. Илеръ, выбравшій все, что относится къ разсматриваемому предмету и можетъ служить въ защиту мнѣній его отца Этьена Ж. С. Илера, говоритъ слѣдующее: «Наблюденія, анализъ неизбѣжны,

---

[1]) Нѣтъ надобности говорить, конечно, что между Кювье и Линнеемъ было совершенно такое-же различіе, какое было между положеніемъ наукъ временъ перваго и второго. Въ то время, какъ Линней при опредѣленіи видовъ, родовъ, порядковъ и классовъ чаще всего опирался на внѣшніе признаки, на особенности легко констатируемыя въ числѣ, величинѣ, положеніи и формѣ отдѣльныхъ частей тѣла, Кювье основывалъ классификацію на признакахъ внутренней организаціи; онъ сгруппировалъ семейства въ классы животныхъ на основаніи данныхъ сравнительной анатоміи этихъ классовъ, и такимъ образомъ далъ естественную систему, взамѣнъ искусственной—Линнея. Остается добавить, что Кювье, какъ и Линней, принималъ виды за формы, независимо другъ отъ друга созданныя и вполнѣ другъ отъ друга изолированныя».

но ихъ однихъ еще недостаточно: мышленіе, синтезъ имѣютъ свои права». Будемъ пользоваться органами внѣшнихъ чувствъ для наблюденія по возможности совершеннаго; но воспользуемся также вслѣдъ за наблюденіями *и тѣми самыми благороднѣйшими способностями нашими*, которыя присущи намъ, каковы мышленіе и *сравнительный методъ изслѣдованія. Станемъ добывать положительные факты*, но потомъ постараемся также вывести изъ нихъ научныя слѣдствія. «*Идеи должны непосредственно вытекать изъ точныхъ и очевидныхъ фактовъ*». Пока взглядъ Этьена Ж. С. Илера на методъ науки отличается отъ взгляда Кювье не принципіально, не качественно, а только количественно: Эт. Ж. С. Илеръ идетъ этимъ путемъ значительно смѣлѣе и дальше, чѣмъ это считалъ возможнымъ Кювье; вотъ и все. Но С. Илеръ на томъ не останавливается и къ опредѣленію метода науки, который только что былъ указанъ, и которому онъ слѣдовалъ въ своихъ изысканіяхъ, по скольку они были научны и оправданы позднѣйшими изслѣдованіями, присоединялъ такія дополненія, которыя уже категорически расходились съ воззрѣніями Кювье по этому предмету, и которыя для послѣдователей этого ученаго послужили поводомъ къ традиціонному и огульному отрицанію всякаго значенія за натурфилософіей. Вотъ эти дополненія. Изъ того требованія, говоритъ С. Илеръ, чтобы идеи натуралиста непосредственно вытекали изъ точныхъ и очевидныхъ фактовъ, не должно заключать, чтобы ученый всегда долженъ былъ ожидать непосредственно рожденія идеи и обобщеній изъ терпѣливо изученныхъ фактовъ.

Апріорныя построенія «по предчувствію», о которыхъ говоритъ далѣе, развивая свою идею, Эт. Ж. С. Илеръ, совершенно чужды научному методу Кювье, и приближаются къ возрѣніямъ Шеллинга [1]).

Что это дѣйствительно такъ, что Этьенъ Ж. С. Илеръ считаетъ свой методъ соединеніемъ, крайнихъ методовъ Кювье и Шеллинга—объ этомъ, свидѣтельствуетъ намъ и Ис. Ж. С. Илеръ, самъ раздѣляющій точку зрѣнія своего отца и полагающій, что ученики Кювье и Шеллинга будто-бы близки къ тому, чтобы подать другъ другу руку на нейтральной почвѣ, которую для нихъ создалъ Этьенъ Ж. С. Илеръ.

---

[1]) *Schelling*, Ideen zu einer Philosophie der Natur. Leipz. 1797. «Erster Entwurf eines Systems der Naturphilosophie». Iena und Leipz. 1799 и друг. Авторъ признавалъ источникомъ всякаго истиннаго знанія *мышленіе*, а *не факты*, содержаніемъ каждой науки, вполнѣ заслуживающей этого названія, онъ считалъ аксіомы, основныя положенія, которыя найдены въ ней, или созданы мышленіемъ. «Какое значеніе могутъ имѣть факты безъ теоріи?» спрашиваетъ Шеллингъ и отвѣчаетъ: «никакого». Онъ идетъ еще дальше. Онъ спрашиваетъ: «если теоріи необходимы для науки, то гдѣ должны мы искать ихъ источникъ?» Только та теорія, полагаетъ онъ, можетъ быть исключительно истинною, которая дознана или построена a priori.

Въ своей работѣ «Principes de philosophie zoologique» (стр. 189) онъ говоритъ: «извѣстная школа, злоупотребляющая методомъ a priori (т. е. метафизика въ естествознаніи), преимущественно состоитъ изъ мыслителей, вполнѣ довѣряющихъ своимъ предчувствіямъ и дѣлающихъ изъ этихъ предчувствій средство для объясненія и рѣшенія самыхъ возвышенныхъ и самыхъ трудныхъ вопросовъ природы... Другая требуетъ, чтобы мы придерживались уже черезъ-чуръ простого записыванія фактовъ... Выберемъ себѣ лучшій жребій: постараемся избѣжать обоихъ этихъ камней преткновенія... in medio stat virtus».

Кювье, какъ извѣстно, отрицаетъ существованіе этой спорной середины; «ея нѣтъ» говоритъ онъ, ибо середина есть точка, на которой каждый считаетъ себя находящимся, изъ чего слѣдуетъ, что вопросъ объ истинной серединѣ неразрѣшимъ». «Она есть, – отвѣчаетъ Эт. Ж. С. Илеръ, ибо представляетъ не точку, а тотъ промежутокъ, который находится между двумя крайними точками: исключительнымъ наблюденіемъ съ одной стороны и исключительнымъ апріорнымъ построеніемъ съ другой. Ж. С.-Илеръ былъ-бы правъ, еслибы предлагая держаться середины, за крайнія точки зрѣнія на методы изученія природы онъ призналъ эмпиризмъ Кювье съ одной стороны и смѣлыя гипотезы натурфилософской школы съ другой, совсѣмъ оставивъ въ сторонѣ апріорныя, построенныя на предчувствіи, догадки метафизиковъ, неимѣющія для естествознанія никакого значенія. Онъ этого, однако, не сдѣлалъ, и въ этомъ мы видимъ причину того, что его взгляды встрѣтили глубокое недовѣріе въ средѣ огромнаго большинства натуралистовъ, до сихъ поръ не только считающихъ точку зрѣнія Кювье болѣе близкой къ истинѣ, но вслѣдъ за нимъ относящихся либо съ недовѣріемъ, либо даже съ пренебреженіемъ къ тому, что называется натурфилософіей.

Впрочемъ, въ устахъ нѣкоторыхъ натуралистовъ такое отрицательное отношеніе къ натурфилософіи есть плодъ совершенно очевиднаго недоразумѣнія. Ученые, нестѣсняющіеся эпитетами по адресу натурфилософовъ стараго и новаго времени, повидимому, забыли, что всякое научное положеніе, прежде чѣмъ сдѣлаться таковымъ, переживаетъ стадію теоретическаго состоянія, которому предшествуетъ гипотетическое предположеніе. А что такое гипотеза, какъ не творчество философскаго ума, и, стало быть, не натурфилософія? Никто не споритъ, разумѣется, что гипотеза до тѣхъ лишь поръ можетъ считаться имѣющей значеніе для науки, пока она держится фактовъ, основана на фактахъ и служитъ связью этихъ фактовъ между собою и съ другими фактами, что если гипотеза не удовлетворяетъ этимъ требованіямъ, если она оторвана отъ фактовъ, не вытекаетъ изъ нихъ, какъ слѣдствіе изъ причины, то она не имѣетъ мѣста въ наукѣ и устраняется изъ нея, какъ несоотвѣтствующая ея требованіямъ. Но все это отнюдь не является возраженіемъ противъ натурфилософскаго мышленія.

Есть другіе пути, говоритъ одинъ изъ видныхъ біологовъ нашего времени, Вейсманъ, для доставленія принципіальныхъ воззрѣній и *помимо опыта,* и не всегда опытъ даетъ самое вѣрное рѣшеніе, хотя онъ на первыхъ порахъ и кажется вполнѣ доказательнымъ. Правда, Оскаръ Гертвигъ утверждалъ, что пути эти опасны, ибо авторъ можетъ опутать себя нитями своей собственной мыслительной работы, которая кажется ему такой логичной, такой несомнѣнной, что въ концѣ концовъ этой работѣ своего ума онъ довѣряетъ больше, чѣмъ самой природѣ, но какіе же пути не дѣлаются опасными, разъ только они заходятъ за предѣлы, опредѣляемые ихъ истинной природой. Развѣ эмпиризмъ не приводитъ къ такой односторонности, которая, наконецъ, отнимаетъ у него всякое значеніе?

И прежде, и теперь нѣкоторые натуралисты не придавали и не придаютъ никакого значенія гипотезамъ своего времени, останавливаясь лишь на тѣхъ, которыя; по обилію положеннаго въ ихъ основу фактическаго матеріала, успѣли получить прочность теоріи, а рядомъ съ ними были и есть другіе, которые самую науку видятъ только въ гипотезахъ! Такъ было, такъ есть и такъ продолжится еще неопредѣленно долгое время. Въ наши дни не только не меньше, а еще больше такихъ вопросовъ, для рѣшенія которыхъ на основаніи наблюденій и опыта еще не пришло время. Эмпирикъ говоритъ намъ, что съ этими вопросами наука и не имѣетъ дѣла, а ограничивается заявленіемъ: этого мы не знаемъ. Но,—возражаютъ на это натурфилософы,—развѣ можно сказать человѣческой мысли: подожди, ты узнаешь это полустолѣтіемъ или столѣтіемъ позднѣе!..

Кромѣ біологическихъ изслѣдованій Эт. Ж. С. Илера, за разсматриваемый періодъ исторіи біологіи извѣстны еще и другія, изъ которыхъ отмѣтимъ здѣсь слѣдующія:

Въ 1844 г. въ Англіи вышла книга «Слѣды творенія», о которой Ч. Дарвинъ упоминаетъ во введеніи къ только что названному его изслѣдованію. Это произведеніе безымяннаго автора. Мнѣ оно не знакомо, но судя по тѣмъ выдержкамъ, которыя Дарвинъ нашелъ нужнымъ привести въ своей книгѣ, оно не присоединяетъ ничего новаго къ тому, что уже было извѣстно до его появленія [1]), и если имѣло какое либо

---

[1]) Въ послѣднемъ, десятомъ изданіи, значительно улучшенномъ, безыменный авторъ говоритъ: «заключеніе, къ которому, по зрѣломъ обсужденіи, мы приходимъ, состоитъ въ томъ, что всѣ роды живыхъ существъ, отъ древнѣйшихъ и простѣйшихъ до новѣйшихъ и высшихъ, по произволенію Всевышняго, произошли, *во первыхъ*, отъ импульса, сообщеннаго жизненнымъ формамъ и подвигающаго ихъ, въ опредѣленныя времена, путемъ зарожденія, чрезъ разныя ступени развитія до формъ высшихъ двусѣмянодольныхъ и позвоночныхъ, при чемъ эти ступени малочисленны и вообще замѣчательны органическими различіями, весьма затрудняющими на практикѣ опредѣленіе средства; *во-вторыхъ*, отъ другого импульса, связаннаго съ жиз-

значеніе, то развѣ въ томъ смыслѣ, что еще разъ обратило вниманіе англичанъ на вопросъ о происхожденіи видовъ; я говорю «еще разъ» потому, что вопроса этого въ Англіи касался гораздо ранѣе дѣдъ Ч. Дарвина—Эразмъ Дарвинъ, какъ мы знаемъ, уже въ 1794 году высказывавшій воззрѣнія на происхожденіе видовъ, близкія къ воззрѣніямъ Ламарка.

За восемь лѣтъ до появленія изслѣдованія Дарвина появилась книга Гофмейстера, который указалъ на сродство между двумя большими отдѣлами растительнаго царства. Саксъ, въ своей исторіи ботаники, упоминая объ этомъ открытіи, говоритъ, что теоріи единства происхожденія организмовъ пришлось только признать то, что генетическая морфологія уже на дѣлѣ доказана.

Въ 50-хъ годахъ, т. е. уже къ концу второго періода, продолжателемъ ученія Этьена Ж. С.-Илера является его сынъ Исидоръ Ж. С.-Илеръ. Работая подъ руководствомъ своего отца, онъ еще при жизни послѣдняго освоился съ его идеями и большую часть своей ученой жизни употребилъ на то, чтобы сдѣлаться истолкователемъ и популяризаторомъ его ученій.

Свое ученое поприще онъ закончилъ большимъ сочиненіемъ «Histoire naturelle générale des règnes organiques», (1859), оставшимся неоконченнымъ.

Еще въ 1850 г. Исидоръ Жоффруа издалъ свои лекціи о видѣ, и эти-то лекціи (1847 г.) почти безъ измѣненій вошли во второй томъ его большого сочиненія, появившагося въ 1859 г. С.-Илеръ называетъ свое ученіе объ измѣняемости вида уже не гипотезою, а теоріею *ограниченной измѣняемости* видовъ. Самое заглавіе это указываетъ, что для измѣняемости ставятся предѣлы, а слѣдовательно Исидоръ Жоффруа подтверждаетъ мнѣніе своего отца.

Сущность ученія вытекаетъ изъ слѣдующихъ его положеній.

I. Признаки видовъ не абсолютно постоянны, но и не безпредѣльно измѣнчивы. Эти признаки постоянны для каждаго вида, пока онъ размножается среди тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ они образовались; они измѣняются, если окружающія условія измѣнились. (L. c. стр. 441).

II. Въ послѣднемъ случаѣ, новые признаки вида представляютъ собою равнодѣйствующую двухъ противоположныхъ силъ: одна—*измѣняющая*, есть вліяніе новыхъ окружающихъ условій, другая—*охраняющая* типъ, это—наслѣдственное стремленіе воспроизводить изъ поколѣнія въ поколѣніе тѣ же самые признаки. Изъ этого слѣдуетъ, что для того, чтобы

ненными силами и стремящагося въ теченіи поколѣній видоизмѣнять организмъ сообразно внѣшнимъ условіямъ, каковы: пища, мѣсто жительства и метеорическія условія; въ этомъ заключается «приспособленіе» естественнаго богословія». Авторъ повидимому полагаетъ, что организація совершенствуется внезапными скачками, но что дѣйствіе жизненныхъ условій постепенно: авторъ съ большою силою на общихъ основаніяхъ ратуетъ противъ неизмѣняемости вида». Дарвинъ. Происхожд. вид. ст. VII.)

вліяніе перваго фактора могло оказаться преобладающимъ надъ вліяніемъ второго фактора, нужно, чтобы видъ перешелъ изъ условій, въ которыхъ онъ жилъ, въ новыя условія, весьма отличныя отъ первыхъ.

III. Отсюда весьма тѣсные предѣлы измѣненій, замѣченныхъ у дикихъ животныхъ. Отсюда также крайняя измѣняемость животныхъ домашнихъ.

Въ IV-омъ положеніи Исид. Жоффруа, какъ и Ламаркъ, говоритъ, что животныя, оставаясь въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, не измѣняются. .

Не будемъ перечислять дальнѣйшихъ положеній: ихъ недостатки были указаны книгой Дарвина о происхожденіи видовъ, появившейся въ одинъ годъ съ упомянутой книгой И. Ж. С.-Илера; мы знаемъ теперь, что измѣненіе видовъ отнюдь не ограничивается типомъ семейства, какъ это утверждалъ вслѣдъ за своимъ отцомъ Исидоръ Жоффруа С.-Илеръ, дѣлая такимъ образомъ шагъ назадъ, сравнительно съ тѣмъ, что утверждалъ Ламаркъ, и причины этихъ измѣненій отнюдь не сводятся къ измѣненію лишь внѣшнихъ условій и вліянію человѣка.

Гораздо болѣе интереснымъ для насъ является взглядъ Ис. Ж. С.-Илера на область біологіи или философіи естественной исторіи органическихъ тѣлъ, какъ онъ называетъ ее. Вотъ нѣкоторые изъ вопросовъ, изслѣдованіе которыхъ составляетъ предметъ этой науки, какъ она представлялась Ис. Ж. С.-Илеру.

Первымъ и самымъ важнымъ, является вопросъ *о жизни особи* и *жизни вида.*

Ж. С.-Илеръ, такимъ образомъ, имѣлъ въ виду, прежде всего, тѣ-же стороны *жизненныхъ явленій* на земномъ шарѣ, которыя имѣлъ въ виду и Ламаркъ. Это была не жизнь органовъ, не жизнь частей организма, а жизнь самого организма, какъ цѣлаго. Изученіе ея начинается опредѣленіемъ того, что называется *недѣлимымъ* въ царствѣ животныхъ и растеній: простыхъ и сложныхъ, единичныхъ и составныхъ индивидовъ. Далѣе идетъ рѣчь о другомъ капитальномъ вопросѣ біологіи—измѣнчивости вида, о наслѣдственности и измѣняемости, о помѣсяхъ, объ уродствахъ, о домашнихъ животныхъ и культурныхъ растеніяхъ, ихъ происхожденіи, ихъ возвращеніи къ данному состоянію.

Еще далѣе разсматривается цѣлый рядъ отдѣльныхъ вопросовъ, стоящихъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ вопросомъ о жизни особи и вида и ихъ видоизмѣненіяхъ: явленія полиморфизма, гетерогенезъ, метаморфозъ; явленія паразитизма и т. д.

Цѣлая часть (четвертая) предназначалась для вопросовъ объ инстинктѣ и умѣ животныхъ, ихъ перемѣщеніи, формахъ общежитія и т. д. и т. д. Наконецъ, цѣлая-же особая часть посвящалась вопросамъ о географическомъ распространеніи животныхъ и растеній.

Не трудно видѣть, что вопросы, которые, по мнѣнію Ис. Ж. С. Илера, должны были входить въ составъ біологіи, по своему характеру,

являются тѣми-же, чѣмъ и у *Дарвина, и тѣми-же приблизительно, (принимая во вниманіе отдѣляющія ихъ другъ отъ друга пятьдесятъ лѣтъ), — что и у Ламарка.*

Во всѣхъ случаяхъ рѣчь идетъ о жизни особей и вида, какъ ближайшихъ объектовъ изслѣдованія.

Не буду перечислять другихъ работъ разсматриваемаго нами періода исторіи біологіи, работъ, въ которыхъ на основаніи большаго или меньшаго числа наблюденій дѣлались заключенія, ведшія къ современному намъ ученію о происхожденіи видовъ. Желающіе могутъ найти соотвѣтствующія указанія во введеніи къ книгѣ Дарвина «О происхожденіи видовъ», въ книгѣ Геккеля «Histoire de la création naturelle», въ книгѣ Осборна «From the Greeks to Darwin». Не представляя собою системы, эти отдѣльные трактаты, отдѣльныя мнѣнія, составляли, однако, цѣнный матеріалъ, который ждалъ только архитектора, чтобы превратиться въ стройное цѣлое.

На этомъ мы могли-бы закончить обзоръ разсматриваемаго періода, если-бы въ связи съ нимъ не стояли явленія нашей науки, которыя повели къ новымъ размежеваніямъ дисциплинъ естественной исторіи организованныхъ тѣлъ, а съ этимъ вмѣстѣ и къ новому опредѣленію границъ біологіи, болѣе или менѣе значительно отличающемуся отъ границъ, опредѣляемыхъ ея историческимъ развитіемъ.

Дѣло въ томъ, что начало XIX вѣка обогатило органическую физику цѣлымъ рядомъ наблюденій и открытій въ областяхъ сравнительной анатоміи, физіологіи, палеонтологіи и эмбріологіи, которыя внесли такъ много свѣта въ вопросы нашей науки, что у нѣкоторыхъ натуралистовъ явилась мысль объединить всѣ тѣ отдѣлы естествознанія, въ которыхъ разсматриваются вопросы «жизни», съ какой-бы стороны она не изслѣдовалась, въ одно цѣлое и это цѣлое именовать біологіей. Отсюда расширеніе области этой науки болѣе или менѣе далеко за предѣлы ея первоначальнаго значенія; отсюда разныя точки зрѣнія на ея границы; отсюда та неопредѣленность термина «біологіи», которая дѣлаетъ необходимымъ, по возможности, точно установить ея истинную область и границы.

Изложенныя соображенія дѣлаютъ излишними объясненія, вслѣдствіе которыхъ мы, прежде чѣмъ перейти къ слѣдующему періоду исторіи біологіи, считаемъ необходимымъ нѣсколько уклониться въ сторону и остановиться на указанной сторонѣ ея исторіи.

Н. Вагнеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Пѣсня.

Ты при жизни меня не простишь,
Мнѣ при жизни не нужно прощенья.
Ты ревниво страдаешь и мстишь,
Я боюсь и страданій, и мщенья.

Но меня разлюбить ты не могъ,
И твоей я любви не забыла.
Подружилъ насъ не случай, а Богъ,
Разведетъ не вражда, а могила.

О, тогда мнѣ прости и забудь
Свои долгія, тяжкія муки.
Ты цвѣтами укрась мою грудь,
Поцѣлуй мои блѣдныя руки.

Н. Минскій.

СТАРЫЕ ИДЕАЛЫ.

Повѣсть.

Никого не осталось у Натальи Петровны, кромѣ маленькой Али. Мужъ умеръ давнымъ давно, единственный сынъ убитъ мѣсяцъ тому назадъ подъ Севастополемъ, и вчера легла въ могилу его молодая жена, оставивъ на рукахъ бабушки крошечную Алю.

Наталья Петровна задумывается... Куда ни оглянешься — у всѣхъ горе въ жизни. Неужели и эта малютка обречена на существованіе только ради того, чтобы страдать за себя и за другихъ? Неужели и ей суждено испытывать горькія разочарованія, мучиться мыслью, что въ мірѣ милліоны несчастныхъ, которымъ она не можетъ помочь, видѣть вокругъ нищету и голодъ?.. Неужели нѣтъ никакого способа воспитать дѣвочку такъ, чтобы ложь, ревность, злость ея никогда не коснулись, и немыслимо создать для нея на землѣ уголокъ безусловнаго счастья?..

Наталья Петровна тщательно обдумываетъ вопросъ и находитъ способъ осуществить мечту, сразу ставшую цѣлью ея опустѣвшей жизни.

Она начинаетъ съ того, что продаетъ богатое имѣніе и, взявъ съ собой Алю, переѣзжаетъ въ Москву. Изъ прислуги съ нею отправляются только двое людей, не пожелавшихъ уйти никуда: старикъ садовникъ и пожилая дѣвушка Ирина, испытавшая собственное горе въ жизни и совершенно одинокая.

Переѣхавъ въ городъ, Наталья Петровна не спѣша выбираетъ мѣсто, гдѣ должна расти ея внучка. Почти за-городомъ она находитъ новый домъ-особнякъ, очевидно построенный кѣмъ-то для собственнаго спокойствія и удобства, но теперь продающійся по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ. Красивый одноэтажный домикъ отдѣленъ отъ улицы высокой чугунной рѣшеткой и чащей кустарника, а позади тянется садъ, такой большой, что даже въ деревнѣ былъ-бы впору. Запла-

тивъ большія деньги, Наталья Петровна велитъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, прежде чѣмъ переѣзжать съ ребенкомъ на новое мѣсто жительства. Черезъ мѣсяцъ садъ обнесенъ каменной оградой, со двора снесены конюшни, коровникъ, птичникъ; сторожевая собака отдана прежнему хозяину; комнаты заново убраны, и все смотритъ такъ уютно и весело, словно домъ отдѣлывала не пожилая, серьезная женщина, а молоденькая дѣвушка, обладающая художественнымъ вкусомъ.

Попавъ сюда, Аля не подозрѣваетъ, за какую исключительную задачу взялась ради нея бабушка. Здоровыя, маленькія ножки свободно бѣгаютъ по саду, рученки рвутъ сколько угодно цвѣтовъ, и счастливый дѣтскій лепетъ вызываетъ восторгъ старика Терентія, который не отходя слѣдитъ за ребенкомъ, пока Наталья Петровна съ помощью Ирины окончательно устраивается въ домѣ.

Между тѣмъ, у Натальи Петровны обдумана каждая мелочь обстановки и образа жизни, такъ какъ жизнь эта должна составить счастье Али; здѣсь, въ этомъ отдѣльномъ мірѣ, полномъ невѣдѣнія грѣха и зла, Аля навсегда должна остаться чистою и радостной.

Наталья Петровна вкладываетъ все свое вниманіе и чувство въ выполненіе задуманнаго плана. Всѣ знакомства безусловно прекращены. Ворота всегда на запорѣ, и только Ирина выходитъ по утрамъ за провизіей. Аля на улицѣ никогда не бываетъ; оставаясь въ саду цѣлыми днями, она сначала по-дѣтски, потомъ дѣйствительно помогаетъ старому садовнику ухаживать за безчисленнымъ количествомъ разнообразныхъ растеній, а зимой строитъ фантастическіе замки изъ снѣга и расчищаетъ дорожки. При такихъ простыхъ и здоровыхъ физическихъ условіяхъ дѣвочка растетъ безъ простудъ и нервныхъ капризовъ, и Наталья Петровна можетъ объяснить себѣ только наслѣдственностью ея тонкую, хрупкую па видъ фигурку и румянецъ, который никогда не доходитъ до вишнево-краснаго румянца деревенскихъ дѣтей, а остается мягкой, розовой тѣнью на нѣжно закругленныхъ щекахъ.

Раза два или три въ годъ Наталья Петровна нанимаетъ карету и ѣдетъ съ Алей въ одну изъ богатыхъ домовыхъ церквей; дѣлается это не столько ради религіозныхъ принциповъ, сколько ради того, чтобы Аля видѣла иногда людей. Въ церкви они не могутъ дать ей понятія о житейскомъ злѣ, хотя и привлекаютъ ея вниманіе — въ особенности дѣти — гораздо больше, чѣмъ мало понятныя для нея слова священника.

Во дворъ уединеннаго домика никогда не допускаются ни разнощики, ни нищіе, ни бродячіе музыканты; о собакахъ и говорить нечего: къ нимъ Наталья Петровна питаетъ глубокое презрѣніе.

Интересуютъ Алю облака на высокомъ небѣ, которое далеко видно изъ сада, звѣзды, цвѣты — и живые цвѣты и тѣ, которые она рисуетъ, прибавляя къ нимъ собственную фантазію, — весь окружающій ее, пол-

пый тишины и ласки міръ и міръ звуковъ. По вечерамъ Наталья Петровна играетъ сонаты Бетховена, и Аля засыпаетъ подъ ихъ удивительные звуки; утромъ она старается сыграть тоже самое, хотя оно рѣдко выходитъ у нея похоже. Полное отчужденіе отъ внѣшняго міра дѣйствуетъ на Алю именно такъ, какъ ожидала Наталья Петровна: ребенокъ растетъ искренній, счастливый и чистый, какъ утренняя роса.

Когда дѣвочку начинаетъ интересовать чтеніе, Наталья Петровна удваиваетъ осторожность. До сихъ поръ въ домѣ почти не было книгъ; теперь, отправляясь разъ въ мѣсяцъ въ городъ, она привозитъ съ собой нѣсколько экземпляровъ. Страннымъ показался бы выборъ этихъ книгъ другимъ воспитателямъ: это учебники ариѳметики, геометріи и астрономіи, грамматика и сказки. Бабушка частью объясняетъ ихъ Алѣ, а остальное предоставляетъ ей читать и понимать самой. Сказки поступаютъ во владѣніе Али не цѣликомъ: она въ дѣйствительности не имѣетъ понятія о бѣдности и хитрости и изъ книгъ не должна узнать о ихъ существованіи. Къ сказкамъ и учебникамъ Наталья Петровна прибавляетъ иногда вырѣзки изъ стихотвореній — исключительно описанія природы. Однажды, когда она нечаянно дала дѣвочкѣ страницу изъ хрестоматіи, на оборотѣ которой оказалось стихотвореніе «Вечеръ былъ, сверкали звѣзды»,—Аля первый разъ въ жизни взволновалась и разрыдалась. Наталья Петровна чуть совсѣмъ не упала духомъ: она думала, что сдѣлала непоправимый промахъ, и дѣвочка сразу догадается о существованіи въ мірѣ печали и одиночества. Но Аля, не зная, что такое ложь, чистымъ сердцемъ повѣрила бабушкѣ, когда та сказала, что на свѣтѣ былъ только одинъ безпріютный малютка, о которомъ и написано стихотвореніе, а всѣ остальные дѣти «живутъ какъ и всѣ люди—спокойно и весело».

— Вотъ какъ я, бабушка? Я вѣдь тоже сирота, а мы живемъ спокойно и весело, хотя ангелъ и взялъ тогда маму съ собой, когда принесъ меня. Да?

Бабушка отвѣтила «да», но вечеромъ серьезно говорила съ Ириной и Терентіемъ, повторяя имъ просьбу никогда не говорить дѣвочкѣ о сиротахъ, бѣдности и т. п. Старикъ признался, что нечаянно проговорился, назвалъ «голубушку—барышню» сиротой, и оба вновь обѣщали хранить Алю «какъ цвѣточекъ божій». Всѣ трое понимали, что столкновеніе съ жизнью дѣлается для нея все болѣе и болѣе опаснымъ.

Годы опять ровно потекли одинъ за другимъ. Жизнь Али полна, умъ занятъ, но не утомленъ, сердце полно любви къ тѣмъ, кого она знаетъ. Нѣтъ вокругъ нея злости, нѣтъ лжи, нѣтъ зависти, нѣтъ упрековъ, нѣтъ разочарованій; нѣтъ жалости—некого жалѣть.

Иногда Натальѣ Петровнѣ приходитъ въ голову, что она лишаетъ помощи многихъ несчастныхъ, которымъ Аля помогала-бы, если-бы

знала о нихъ. Но сейчасъ-же въ ней горячей волной подымается ужасъ при мысли, что въ такомъ случаѣ Алю поразило-бы мученіе, которое царитъ въ жизни.—«Нѣтъ, нѣтъ!» думаетъ Наталья Петровна. «Я хочу добиться, чтобы хотя одна душа прожила чистою и ушла-бы изъ нашего міра безъ единаго пятнышка грѣха, безъ единой раны, причиненной своимъ или чужимъ страданіемъ... Неужели то счастье, какимъ теперь свѣтится личико Али, не заслуживаетъ нѣсколькихъ жертвъ? Неужели это эгоизмъ, и я ввожу мою дѣвочку въ грѣхъ, доставляя ей все благо, которымъ она по законамъ человѣчества обязана дѣлиться съ другими?.. Нѣтъ, не можетъ этого быть! Мнѣ кажется, что дать человѣку радость,—только радость въ жизни—не можетъ быть дурнымъ дѣломъ».

Алѣ скоро шестнадцать лѣтъ, но ни бабушка, ни Ирина, ни Терентій не замѣчаютъ, какъ идетъ время и не перестаютъ считать ее ребенкомъ. Да и не похожа Аля съ виду на дѣвушку: маленькая головка совсѣмъ по дѣтски подымается, когда она разговариваетъ съ бабушкой; при узкихъ плечикахъ и очень тонкихъ рукахъ и ногахъ, ея стройная, небольшая фигурка кажется по-дѣтски худенькою; прямой взглядъ синихъ глазъ, оттѣненныхъ загнутыми вверхъ рѣсницами и темными бровями, открытый для улыбки ротикъ, спущенная ниже пояса коса пушистыхъ пепельныхъ волосъ и недлинный ежедневный голубой халатикъ, перехваченный бѣлымъ, широкимъ поясомъ—еще болѣе увеличиваютъ сходство Али съ ребенкомъ.

Незамѣтно проходитъ время, и плавно течетъ жизнь въ замкнутомъ уголкѣ, внѣ, суетнаго страдающаго міра. Но не бывало еще на землѣ, чтобы планы человѣка сбылись въ точности, безъ вмѣшательства самовластнаго случая.

Около полудня жаркаго весенняго дня набѣжала грозовая туча и покрыла тѣнью весь садъ; вѣтерокъ словно испугался, притихъ и пересталъ шелестить вѣтвями яблонь, липъ и густыхъ кустовъ сирени; лепестки яблочнаго и вишневаго цвѣта не такъ быстро закружились въ воздухѣ и скоро совсѣмъ перестали осыпаться; головки тюльпановъ, розъ, boulle de neige и пушистыя, уже поблѣднѣвшія кисти сирени, утомленныя душнымъ утромъ и назойливостью вѣтра, теперь опустились и задумались среди наступившей тишины.

Только изъ глубины сада, не боясь нарушить мягкую гармонію природы, во весь духъ бѣжала Аля, улыбаясь и говоря сама съ собой: «Гроза будетъ, какая прелесть!.. Бабушка обрадуется, что спадетъ жара. Надо подпереть бархатную розу подъ окномъ, на ней много цвѣта. И надо выставить ведерко, Ирина прошлый разъ жалѣла, что не было дождевой воды, чтобы вымыть мои волосы... А жасминъ, навѣрное, распустится послѣ грозы!..» Первый раскатъ грома загрохоталъ въ воздухѣ.

Когда Аля, раскраснѣвшаяся, съ полураспустившейся косой, подбѣгала къ дому, Терентій уже подставлялъ дощечки подъ пышный кустъ темно-красной розы, а Ирина ставила посреди дорожки бѣлыя ведра. Наталья Петровна сидѣла въ креслѣ у настежь раскрытаго окна и любовно смотрѣла на приближавшуюся дѣвочку. Аля прямо подбѣжала къ низкому окну и, потянувшись, обхватила руками шею бабушки.

— Бабушка, голубочка—радостно заговорила она среди поцѣлуевъ,— слышишь громъ? Гроза будетъ, сейчасъ воздухъ освѣжится, и дождь вымоетъ каждый листочекъ!.. А тутъ уже все готово? Такъ я побѣгу поскорѣе хоть парники открыть, дождь теплый будетъ!—и она опять шибко побѣжала въ глубину сада, догоняя Терентія. Но лишь только она поровнялась со старикомъ и закричала смѣясь: «Ну, Терентій, кто скорѣе!»—какъ грянулъ второй раскатъ грома и вмѣстѣ съ нимъ крупный ливень.

Засмѣявшись еще веселѣе, Аля повернула назадъ и тонкія ножки замелькали шибче прежняго. Вбѣжавъ въ комнату, она усѣлась на широкомъ подоконникѣ, вся розовая и забрызганная каплями дождя. Черезъ нѣсколько минутъ освѣженный воздухъ ворвался широкими струями во всѣ обращенныя въ садъ окна; Аля, сидя теперь неподвижно и лаская сѣдую голову прижавшейся къ ней бабушки, молча любовалась густой сѣткой дождя и тяжелыми каплями, которыя оставляли на пескѣ круглыя ямки, или, попавъ на камни, отлетали отъ нихъ мелкими брызгами. Потомъ она подняла голову и стала смотрѣть на тучу, уже разорванную въ нѣскольких мѣстахъ, и на послѣднія огненныя черточки молніи. Наталья Петровна не спрашивала, о чемъ задумалась дѣвочка; она знала мысли, доступныя прелестной головкѣ, и всею силой стараго, но глубокаго чувства наслаждалась счастьемъ, достигнутымъ по ея собственному плану.

Дождь переставалъ. Свѣтлѣло.

— Бабушка, ты говоришь, что гроза бываетъ отъ электричества, и громъ оттого гремитъ, что раскатывается воздухъ... Но я не понимаю, отчего раскатывается воздухъ, и какое это электричество?

— Воздухъ раскатывается оттого, что черезъ него пролетаетъ электрическая искра, но подробно я тебѣ объяснить не сумѣю, Аля; мнѣ никогда не говорили.

— Искра... отчего-же она не погаснетъ отъ дождя?

— Она, вѣроятно выше; за тучами.

— А вѣдь за тучами солнце все время свѣтитъ? Да? Ахъ, да вотъ оно! Посмотри, бабушка, оно мнѣ отвѣтило и послало лучь сквозь порванную тучу. Какъ красиво! Какой прозрачный, длинный лучъ!.. Милое солнышко!

Съ этими словами Аля, поцѣловавъ и мягко отклонивъ сѣдую голову, соскользнула съ окна прямо въ садъ и побѣжала по убитому песку дорожки, осматривая цвѣты и кусты, облитые искрящимися каплями, и по временамъ останавливаясь, чтобы окунуть лицо въ пышныя, мокрыя кисти сирени.

Наталья Петровна съ улыбкой прислушивалась къ словамъ «Солнышко пришло!», которыя Аля, удаляясь, напѣвала на разные лады, когда неожиданно раздался стукъ у воротъ. Ирина поспѣшно направилась къ улицѣ, чтобы отпустить нищаго или удалить назойливую торговку; но она не прошла еще всего цвѣтника, какъ стукъ повторился громче прежняго, послышалось фырканье лошадей и чей-то голосъ: «Нѣтъ, сударь этотъ домъ не брошенный: мы рядомъ живемъ и навѣрное знаемъ, что тутъ живетъ старая барыня, и у нихъ двое людей; а только у нихъ всегда заперто, и сама барыня рѣдко когда выѣзжаютъ».

Ирина, не отворяя воротъ, остановилась въ недоумѣніи. Новый мужской голосъ спросилъ:

— Здѣсь живетъ Наталья Петровна Муратова?

— Здѣсь, только онѣ никого не принимаютъ,—отвѣчала Ирина.

— Доложи, что Алексѣй Федоровичъ Добрынинъ пріѣхалъ. Да нельзя-ли впустить меня пока хоть во дворъ?

Подѣйствовалъ-ли на Ирину сильный и мягкій тонъ голоса, или то, что ей говорилъ, очевидно, «баринъ», чего она пятнадцать лѣтъ не слыхала — но только она отворила калитку. Добрынинъ вошелъ. Взглянувъ на его высокую фигуру и спокойное, красивое лицо, Ирина почувствовала къ нему неожиданное расположеніе и поспѣшила къ Натальѣ Петровнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ Наталья Петровна, полу-смущенная, полу-радостная, пытливо разсматривала и допытывала «Алешу», котораго двадцать лѣтъ не видала. Алеша былъ сирота, крестникъ ея мужа, и съ перваго года своей жизни до двадцатаго росъ и воспитывался въ домѣ Натальи Петровны вмѣстѣ съ ея покойнымъ сыномъ. Мальчикъ онъ былъ умный и ласковый и Наталья Петровна любила его не меньше своего собственнаго. Потомъ молодые люди переѣхали оба въ столицу заканчивать образованіе, и Алеша какъ-то зарылся въ науку, нашелъ себѣ работу, пересталъ писать и совсѣмъ исчезъ изъ вида, а сынъ Натальи Петровны вернулся въ имѣніе, женился, но скоро послѣ женитьбы пошелъ волонтеромъ на войну и остался на Малаховомъ курганѣ. Теперь Натальѣ Петровнѣ пятьдесятъ семь лѣтъ, Алешѣ сорокъ, но онъ движеніями, говоромъ и взглядомъ живо напоминаетъ ей симпатичнаго мальчика, выросшаго въ ея домѣ, и другого мальчика, тоже умнаго и добраго, но погибшаго потомъ за другихъ...

Не стараясь скрывать охватившаго ее волненія, Наталья Петровна отрывисто, спѣша, вспоминаетъ подробности давно минувшаго времени и разспрашиваетъ Алексѣя Федоровича о самостоятельно прожитыхъ имъ годахъ и его настоящемъ образѣ жизни. Она не теряетъ изъ вида своей главной задушевной мысли и старается рѣшить вопросъ: возможно-ли ввести этого человѣка въ созданный ею нетронутый уголокъ міра?

Основываясь больше на инстинктивномъ чувствѣ, чѣмъ на вопросахъ и отвѣтахъ, Наталья Петровна видитъ, что Добрынинъ попрежнему юнъ и чистъ душой; невольно начинаетъ она объяснять ему свою завѣтную цѣль и исключительный способъ воспитанія Али. Въ оживленномъ и мягкомъ взглядѣ черныхъ глазъ, опушенныхъ длинными рѣсницами, и во всей позѣ наклонившагося къ ней сильнаго и стройнаго человѣка, Наталья Петровна угадываетъ не удивленіе, не насмѣшку, а симпатію и увлеченіе ея собственной идеей и даже уваженіе къ тому, что подобная идея могла зародиться въ головѣ пожилой богатой женщины, ничего особеннаго въ жизни не видавшей и оставшейся съ единственной внучкой на рукахъ, которую она естественно могла-бы избаловать въ конецъ.

Вѣроятно Наталья Петровна сдержала бы свои оживленныя объясненія, еслибы передъ нею сидѣлъ молодой человѣкъ; но у Алексѣя Федоровича серебрится много сѣдыхъ волосъ, и отъ глазъ идутъ лучами частыя морщинки. Можетъ быть эти подробности причина того, что даже въ эту минуту у Натальи Петровны по прежнему не мелькаетъ ни одной мысли объ Алѣ, какъ о взрослой дѣвушкѣ, ни одной мысли о томъ, что въ ней можетъ скоро пробудиться инстинктъ женщины, и въ счастливой ровной жизни неожиданно предстанетъ вопросъ о замужествѣ.

Но новый человѣкъ, хотя бы отзывчивый и умный, попавшій сюда прямо изъ обыденной жизни, естественно взглянулъ на дѣло съ обыденной точки зрѣнія.

— Симпатичная идея, но ужасно странная! — говорилъ Алексѣй Федоровичъ, начиная оживленно ходить по комнатѣ, въ которую теперь врывались яркіе лучи солнца, освѣщая круглый, заваленный рисунками и красками столъ и большую группу латаній, со всѣхъ сторонъ протягивавшихъ громадные листья надъ раскрытымъ роялемъ. — Правда, у васъ есть полная возможность устроить образъ жизни по созданному плану; но все же, вѣдь это вызовъ не только складу общественной жизни—это вызовъ самой природѣ! Отъ лжи, бѣдности, злости еще можно запереться; но наука говоритъ, что человѣческое существо не можетъ прожить въ мірѣ, не заплативъ долга природѣ. Женщины, которымъ она сама отказала въ этомъ, дѣлаются больными, несчастными. Если дѣвушка ростетъ въ полномъ невѣдѣніи процесса жизни, въ ней

все-таки долженъ непроизвольно воспрянуть инстинктъ любви! Впрочемъ, признаюсь чистосердечно, что, не смотря на доводы науки, меня крайне привлекаетъ ваша идея. Я всегда искалъ въ жизни чего-нибудь безусловно чистаго, духовнаго—и не находилъ. Только одинъ разъ думалъ, что нашелъ, но горько ошибся... Я поэтому и не женатъ... Да! Если въ жизни—какъ она есть—немыслимо найти свѣтлую душу и безусловное счастье, то, дѣйствительно, отчего не попробовать создать ихъ? Я удивляюсь вашей энергіи, Наталья Петровна, мнѣ бы это никогда не пришло въ голову! Взяться покорить природу, опровергнуть науку...

— Постой, Алеша, ты загадываешь слишкомъ далеко, — слегка смутившись перебиваетъ Наталья Петровна. — Я еще никогда не думала объ Алѣ, какъ о женщинѣ. Да вотъ погоди, самъ ее увидишь и тоже забудешь всякіе доводы науки. Она вѣдь по истинѣ ребенокъ!.. А отъ природы съ ея гадкими законами я держу ее подальше. И все-таки, думаю, что въ концѣ-концовъ добьюсь своего: проживетъ она всю жизнь, свѣтлая, какъ утренняя заря. Пусть хоть одна душа предстанетъ передъ Богомъ, принеся съ собою съ земли *только* радость.

Натальѣ Петровнѣ еще не пришло въ голову описать наружность Али, а Алексѣй Федоровичъ слишкомъ заинтересовался отвлеченной стороной вопроса, чтобы выразить желаніе познакомиться съ дѣвушкой. Въ минуту самаго оживленнаго обмѣна мыслей съ обѣихъ сторонъ, въ комнатахъ, выходящихъ въ садъ, послышались быстрые, легкіе шаги и свѣжій голосъ:

— Куда ты забралась, бабушка? Пойдемъ скорѣе въ садъ. Какъ тамъ теперь пахнетъ, какъ блеститъ! И огурцы надо собирать послѣ дождя, Ирина непремѣнно просила!

При звукахъ дѣтскаго голоса, Алексѣй Федоровичъ поднялъ голову, очевидно въ первый разъ заинтересованный тѣмъ, какою онъ увидитъ эту шестнадацти-лѣтнюю дѣвушку.

Когда Аля, заглянувъ во всѣ комнаты, добѣжала до угловой и увидѣла у круглаго стола раскраснѣвшуюся бабушку, а у рояля неизвѣстнаго человѣка,—она въ изумленіи остановилась въ дверяхъ, опустивъ руки съ большимъ пучкомъ бѣлыхъ нарцисовъ и вѣткой яблочнаго цвѣта.

Алексѣй Федоровичъ невольно поклонился, но нѣсколько минутъ не могъ произнести ни слова и только смотрѣлъ на дѣтскіе, широкораскрытые синіе глаза, на чудный овалъ личика, почти распустившуюся косу и на всю маленькую тонкую фигурку съ бѣло-розовыми цвѣтами и каплями дождя на сбившихся прядяхъ волосъ на щекахъ, на рукахъ и на всемъ недлинномъ голубомъ халатикѣ.

Аля тоже оглядѣла Добрынина съ головы до ногъ, потомъ оста-

новила прямой взглядъ на умныхъ и ласковыхъ черныхъ глазахъ, улыбнулась и спокойно подошла къ Натальѣ Петровнѣ.

— Онъ хорошій, бабушка. Что онъ будетъ у насъ дѣлать?

— Прежде всего помогу вамъ собрать огурцы, Александра Сергѣевна, а потомъ...

— Полно, Алеша, какая она Александра Сергѣевна? Для тебя она такая-же Аля, какъ и для меня!—перебила Наталья Петровна. — А его зовутъ Алексѣй Федоровичъ, дитя мое; онъ будетъ приходить къ намъ и ты можешь спрашивать у него все, чего я не могу объяснить; онъ знаетъ.

— Неужели знаете? Бабушка, такъ вѣдь надо скорѣе! Я не знаю, отчего электрическая искра, и отчего у Сатурна кольцо, и отчего у негровъ черная кожа, и что это за корень квадратный!.. Я многаго не знаю... Ахъ, бабушка,—а огурцы? Вѣдь Ирина непремѣнно просила! Пойдемъ, Алексѣй Федоровичъ, можно взять съ собой и корзинку и книжки: я видѣла тамъ подъ липами совсѣмъ сухое мѣстечко.

И взявъ Добрынина за руку, Аля еще разъ подняла головку, посмотрѣла въ хорошіе глаза, засмѣялась, и оба поспѣшно отправились за книжками и огурцами.

Алексѣй Федоровичъ пріѣхалъ въ Москву изъ своего имѣнія частью по дѣламъ, частью оттого, что былъ артистъ душою, какими часто бываютъ художники-диллетанты, и любилъ отъ времени до времени проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ большомъ городѣ, чтобы запастись новыми художественными впечатлѣніями для рабочей жизни помѣщика. Но въ этотъ пріѣздъ, розыскавъ Наталью Петровну, онъ нашелъ въ ея домѣ больше умственныхъ интересовъ и эстетическихъ наслажденій, чѣмъ давали ему всѣ театры, концерты и картинныя галлереи.

Онъ вполнѣ проникся идеей Натальи Петровны и всей душой принялъ участіе въ воспитаніи Али. Это дѣлалось тѣмъ болѣе искренно, что при видѣ ея онъ дѣйствительно забывалъ «доводы науки и законы природы», и самъ постепенно отдавался вліянію страннаго маленькаго міра. Онъ испытывалъ никогда не вѣдомое прежде спокойное счастье каждый разъ, когда при входѣ въ домикъ видѣлъ привѣтливое лицо Натальи Петровны и слышалъ приближающійся топотъ быстрыхъ ножекъ и необыкновенную, сложившуюся въ честь его, пѣсню: «Солнышко пришло!..»

Немедленно ему сообщались всѣ садовыя новости, на сцену появлялись фантастическіе рисунки и задавалось множество вопросовъ. Теперь Аля во всемъ требовала совѣта Алексѣя Федоровича и серьезно занималась съ его помощью, хотя попрежнему — исключительно отвлеченными науками. Наталья Петровна сначала съ тревогой слѣдила, понялъ-

ли ее Алеша? Не проговорится-ли онъ о безконечномъ разнообразіи жизни, о которомъ Аля не имѣетъ понятія, о значеніи денегъ, о несправедливости и злости? Не прорвется-ли у него случайно жалость гуманнаго человѣка къ бѣдному люду?..

Нѣтъ, Алексѣй Федоровичъ не дѣлаетъ промаха. У него какъ-то само собой выходитъ, что въ домѣ Натальи Петровны для него совершенно исчезаетъ внѣшній міръ, и онъ безъ малѣйшаго обмана, даже безъ предосторожности разговариваетъ съ Алей по цѣлымъ часамъ. Наталья Петровна часто присутствуетъ при этихъ разговорахъ и убѣждается, что они вполнѣ сохранили характеръ своеобразныхъ интересовъ Али; только расширился кругъ математики и астрономіи, и прибавилось писанье стиховъ. Садовыя занятія тоже не прекращаются; Алексѣю Федоровичу все это знакомо, и онъ съ усердіемъ перекапываетъ вмѣстѣ съ Алей грядки, сажаетъ цвѣты и деревья, полетъ, поливаетъ и дѣлаетъ прививки. А послѣ работы они бѣгаютъ вдвоемъ по всему саду.

У Алексѣя Федоровича былъ хорошій голосъ, которымъ онъ свободно владѣлъ. Въ первый-же разъ, когда онъ сѣлъ за рояль и началъ напѣвать, Аля бросила рисованье, устроилась рядомъ на стулѣ и попросила пѣть «не про себя (словно Терентій!), а какъ слѣдуетъ». Подумавъ, Алексѣй Федоровичъ запѣлъ мягкимъ, густымъ баритономъ арію Руслана «О поле, поле»—только безъ словъ. Не успѣлъ онъ кончить, какъ Аля, не говоря ни слова, убѣжала и притащила, вся сіяющая, Наталью Петровну:

— Ты только послушай, бабушка! Я такъ и думала, что онъ все умѣетъ!

Алексѣй Федоровичъ улыбнулся, взялъ нѣсколько минорныхъ аккордовъ и запѣлъ извѣстную выходную арію Риголетто. Личико Али вытянулось и на немъ появилось выраженіе недоумѣнія и боли. Наталья Петровна, успѣвшая уже задуматься подъ давно слышанные звуки, не смотрѣла на Алю, но Алексѣй Федоровичъ, замѣтивъ новое выраженіе синихъ глазъ, перешелъ на веселый мотивъ народной пѣсни. Наталья Петровна съ удивленіемъ подняла голову, но увидя внимательный взглядъ, какимъ Алексѣй Федоровичъ глядѣлъ на Алю, оно поняла и стала наблюдать за ней.

— Это мнѣ не нравится, — тихо проговорила Аля. — Это что-то странное.

Послѣ этого случая Алексѣй Федоровичъ уже зналъ, какое пѣніе пріятно впечатлительному слуху дѣвочки. Онъ пѣлъ мелодичныя, но не грустные мотивы, подбирая къ нимъ слова, которые они выдумывали вдвоемъ съ Алей. Сонаты Бетховена Добрынинъ игралъ еще лучше бабушки, и ихъ Аля слушала по цѣлымъ часамъ, неподвижно сидя въ глубинѣ бабушкинаго кресла и не сводя глазъ съ Алексѣя Федоровича.

Проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ, наступила зима, а Добрынинъ не уѣзжалъ въ деревню. Ему даже трудно было представить себѣ, чтобы можно было не приходить къ Натальѣ Петровнѣ почти ежедневно. А она, зная, что онъ свободно распоряжается и временемъ и деньгами, тоже не находила въ этомъ ничего страннаго и съ удовольствіемъ замѣчала, какъ подъ его вліяніемъ развиваются умъ и способности Али, хотя она остается безусловно тѣмъ-же чистымъ ребенкомъ.

Между тѣмъ Алексѣй Федоровичъ начинаетъ понимать, что любитъ Алю, какъ ничего и никого не любилъ въ жизни, и въ то-же время искренно сознаетъ, что въ этой любви нѣтъ ни капли страсти къ женщинѣ: Аля для него и родное дитя, и безконечно-высшее существо— но только не женщина. Мало того, онъ начинаетъ смотрѣть не на одну Алю, а на весь міръ глазами Натальи Петровны, и «гадкіе законы природы» становятся гадкими и для него. Онъ или вовсе не вспоминаетъ о нихъ, или случайно вспомнивъ о своемъ первомъ разговорѣ съ Натальей Петровной и о своей жизни въ деревнѣ, краснѣетъ, какъ мальчикъ. У него одна жизнь, одна мысль: любить и охранять Алю, а о будущемъ и «доводахъ науки» онъ вовсе не думаетъ, безсознательно надѣясь, какъ и Наталья Петровна, что настоящее счастье продлится вѣчно. Чувство любви не волнуетъ его даже въ присутствіи самой Али; никто изъ нихъ не замѣчаетъ этого чувства: оно такъ естественно, такъ просто. Только изрѣдка у Алексѣя Федоровича, при видѣ синихъ глазъ, долго смотрящихъ на него изъ подъ темныхъ бровей, что-то подымается въ груди и не даетъ говорить. Но при этомъ чувствѣ Алексѣю Федоровичу дѣлается почему-то страшно, и онъ старается поскорѣе улыбнуться и отвѣтить на «очень важный вопросъ», на который ждутъ отвѣта синіе глаза.

Придя домой, онъ спрашиваетъ себя, отчего ему стало такъ страшно. Вѣдь это было счастливое, безконечно пріятное чувство?.. И онъ соображаетъ, что такой наплывъ чувства отдаляетъ его отъ Али: вѣдь она ничего подобнаго не испытываетъ и, значитъ, онъ въ такія минуты дѣлается непохожъ на нее. И это сознаніе отдаляетъ его отъ Али, какъ раньше не отдаляла ни серебристая сѣдина, ни годы. Но странное чувство повторяется все чаще и чаще; Алексѣй Федоровичъ не можетъ съ нимъ справиться и, наконецъ, приходитъ къ заключенію, что такъ, естественно, и должно быть; что это чувство безпредѣльной любви и не можетъ принести Алѣ никакого вреда. А онъ счастливъ: онъ видитъ Алю ежедневно, и больше ему ничего не надо. И чего еще желать, когда Аля, видимо, уже привязана къ нему всей душой?..

Канунъ Рождества. Въ глубинѣ сада Терентій вырубилъ красивую елку и принесъ ее въ любимую Алину комнату. Задолго до первой

звѣзды Алексѣй Федоровичъ и Аля начали убирать дерево. У дѣвочки каждый годъ бывала елка, но бабушка видитъ, что она никогда еще не доставляла Алѣ столько удовольствія. Прежде дерево украшалось только свѣчами, яблоками и домашними лакомствами; теперь же Алексѣй Федоровичъ привезъ съ собой большой пакетъ украшеній. Сначала Наталья Петровна съ сомнѣніемъ поглядывала, какъ Аля разбираетъ привезенныя вещи, но оказалось, что онѣ выбраны очень обдуманно. Восхищеніе дѣвочки было вполнѣ понятно: главная масса украшеній состояла изъ искусственныхъ розъ и художественно сдѣланныхъ фарфоровыхъ цвѣтовъ и фруктовъ; отдѣльная корзина оказалать до верху наполненной живыми ландышами, гіацинтами и бѣлыми нарцисами.

Такая необыкновенная елка, какая вечеромъ освѣщала сотнею восковыхъ свѣчей Алину комнатку, врядъ-ли бываетъ часто, и трудно сказать, кто былъ счастливѣе всѣхъ въ уединенномъ домикѣ.

Свѣчи уже догорали одна за другой, когда Аля, закинувъ головку, молча заглядѣлась на восковаго ангела, державшаго на верхушкѣ елки звѣзду. Наталья Петровна сидѣла задумавшись... Сколько еще такихъ зимъ увидитъ она?.. И первый разъ у нея является сомнѣніе: не рухнетъ-ли все созданное для Али счастье, если она останется одна?

Одна?..

Тутъ Наталья Петровна невольно взглядываетъ на Алексѣя Федоровича, который медленно ходитъ по комнатѣ, наклонивъ слегка голову и не отводя добраго взгляда отъ Али. У старушки выступаетъ на щекахъ яркій румянецъ и замираетъ старое сердце... Сердце замираетъ еще больше, когда среди тишины, нарушаемой только мягкими шагами и робкимъ трескомъ свѣчей, раздается ровный, но слегка печальный голосокъ:

— Я-бы хотѣла, чтобы ангелы и мнѣ принесли дѣтей!...

Аля продолжаетъ стоять, смотря на верхушку елки и заложивъ тонкія ручки за спину, но Алексѣй Федоровичъ вдругъ перестаетъ ходить, а бабушка подается впередъ въ глубокомъ креслѣ; оба смотрятъ другъ на друга съ выраженіемъ мучительнаго безпокойства въ глазахъ.

Слова Али остаются безъ отвѣта. Но она и не спрашиваетъ ничего. Догораютъ послѣднія восковыя свѣчки—надо зажигать обыкновенныя!..

Первый день праздника не похожъ на сочельникъ. Когда Ирина отворяетъ калитку, думая что пришелъ по обыкновенію Алексѣй Федоровичъ, въ цвѣтникъ неожиданно входитъ молодая, нарядная барыня и быстрыми шагами направляется прямо въ домъ, на ходу обращаясь къ безмолвной отъ изумленія Иринѣ:

— Наконецъ, нашла! Вотъ глушь-то! И хотя-бы дорогу по саду размели, чтобы лошади могли въѣхать въ конюшню... Видно, правду мнѣ говорили, что тетушка Наталья Петровна послѣ смерти сына совсѣмъ чудачкой стала. Да гдѣ-же она? Веди меня, милая, къ барынѣ.

Ирина старается обогнать непрошенную гостью, но та быстро проходитъ по всѣмъ комнатамъ, по дорогѣ снимая перчатки и вуаль и, въ свою очередь, оглядываясь съ изумленіемъ.

— Скажите пожалуйста! Да вѣдь это премило! Одинокая затворница и устроила себѣ такое изящное гнѣздышко!

И черезъ минуту надушенная и нарядная молодая женщина бросается на шею Натальѣ Петровнѣ.

— Тетенька! Наталья Петровна! Да неужто вы меня не узнаете? Вѣдь я совсѣмъ не измѣнилась, нисколько, нисколько! Правда, что вы меня видѣли послѣдній разъ пятнадцати-лѣтней дѣвочкой, но говорятъ, что я осталась совершенно такою-же... Неужели не узнаете? Вѣдь я Лидія, ваша родная племянница!

Наталья Петровна узнаетъ, хотя не спѣшитъ отвѣчать. Первое ея чувство при неожиданномъ набѣгѣ племянницы—испугъ. Жутко сжалось сердце отъ мірской суеты, какою пахнуло отъ этой свѣтской женщины, отъ ея прекраснаго наряда и пустыхъ словъ. Наталья Петровна чувствуетъ, что отъ племянницы легко не избавишься, но по крайней мѣрѣ пробуетъ сразу стать на опредѣленную почву. Серьезно и сдержанно обращается она, наконецъ, къ гостьѣ, которая, не смущаясь, бойко осматриваетъ каждую вещь въ комнатѣ.

— Я узнала тебя, но это ничего не значитъ. Я рѣшительно отказалась отъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, никуда не ѣзжу и никого не принимаю. Мы съ тобой люди разные, Лидія, и тебѣ не будетъ весело ко мнѣ ѣздить.

— Знаю, знаю, тетенька, что вы отшельница! Про васъ вся наша родня говоритъ. Всѣ сначала обижались, что вы ихъ знать не хотите, а теперь смѣются. Только никто хорошенько не знаетъ, какъ вы устроились, а вы, оказывается, умница, какъ и всегда были: ну, кто-бы догадался устроить себѣ *такой* отшельническій уголокъ?.. Меня вы всегда интересовали, а лишь только мы съ мужемъ переѣхали въ Москву, я сказала, что непремѣнно найду васъ и вытащу къ намъ—и нашла!

— Нашла, да; но не вытащишь... Чѣмъ ты занимаешься? Есть у тебя дѣти?

— Какъ-же, есть. Два крошечныхъ амурчика... Господи, да это кто-же такой?!—И Лидія, всплеснувъ граціозно руками, вскочила и подбѣжала къ вошедшей Алѣ.

— Тетенька, кто это? Развѣ у васъ осталась тогда внучка? И вы можете держать взаперти такое сокровище?!.. Вѣдь это красавица, вѣдь это-же роскошь! Вы не имѣете права прятать ее!..

Съ этими словами Лидія бросилась цѣловать и осматривать со всѣхъ сторонъ молчавшую и изумленную дѣвушку.

— Аля, другъ мой, пойди къ Иринѣ и помоги ей приготовить и подать чай,—спокойно обратилась Наталья Петровна къ Алѣ. Дѣвочка вопросительно посмотрѣла на бабушку и вышла изъ комнаты.

— Прежде всего, я попрошу тебя, Лидія,—вѣжливо, но настойчиво перебила Наталья Петровна племянницу, которая опять-было разсыпалась въ выраженіяхъ восторга,—не говорить при дѣвочкѣ ни слова о ней самой и не расхваливать ее съ такимъ азартомъ. Она не видала въ своей жизни никого, похожаго на тебя, и ты только напугаешь ее. Я серьезно прошу тебя успокоиться, не суетиться и не восторгаться.

У Лидіи презрительно дрогнула губа, но она поспѣшила улыбнуться, умѣло «успокоилась» и начала степенно разсказывать о дѣлахъ мужа и о своемъ семейномъ счастьи.

Вошла Ирина, неся подносъ съ чаемъ, а за нею Аля, съ бѣлымъ домашнимъ хлѣбомъ. Поставивъ тарелку на столъ, Аля серіозно обратилась къ Натальѣ Петровнѣ:

— Мнѣ нужно спросить двѣ вещи, бабушка.

— О чемъ это, голубчикъ?

— Какъ ты думаешь, отчего это солнышко не идетъ? Онъ хотѣлъ придти сегодня, а до сихъ поръ нѣтъ!

— Солнышко? Кто это?—не утерпѣла Лидія.

— Такъ Аля называетъ моего стараго знакомаго,—коротко отвѣтила Наталья Петровна.—Не знаю, Аля, вѣроятно ему некогда сегодня. А другой вопросъ?

— Это я у васъ хотѣла спросить,—и Аля съ застѣнчивой улыбкой посмотрѣла на Лидію.—Когда я входила, вы, кажется, говорили, что у васъ есть дѣти?

— Есть, душечка, есть! Прелестныя маленькія дѣтки. Ты ихъ навѣрное полюбишь, когда увидишь! Попроси бабушку, чтобы непремѣнно привезла тебя ко мнѣ, хорошо?..

Аля взглянула на Наталью Петровну, покраснѣла и проговорила:

— Бабушка, тамъ есть дѣти, пойдемъ туда!..

— Я еще не знаю, дитя мое; уйди пока отсюда, я подумаю— съ усиліемъ отвѣчала Наталья Петровна.

Аля заложила руки за спину и, нагнувъ головку, тихо пошла изъ комнаты.

Больно стало Натальѣ Петровнѣ: въ первый разъ Аля выразила желаніе, котораго она не можетъ исполнить. Понимаетъ старушка, что за первымъ выходомъ изъ замкнутаго міра послѣдуетъ второй, потомъ третій... Увидитъ Аля дѣтей, привяжется къ нимъ, но съ ними встрѣтитъ и взрослыхъ, увидитъ неестественность, мелочность, ложь, узнаетъ,

какъ бываютъ злы и бѣдны люди. И прощай все счастье, весь міръ невѣдѣнія и чистоты, вся цѣль жизни!..

Пока Наталья Петровна молчитъ, Лидія придумываетъ, какъ-бы устроить, чтобы привести Алю къ себѣ въ домъ и устроить гостямъ веселый сюрпризъ изъ ея красоты и явной наивности. Она спрашиваетъ Наталью Петровну, неужели просьба дѣвочки не будетъ исполнена? Неужели она такъ капризна, что ей нельзя позволить простого удовольствія поиграть съ маленькими дѣтьми?

У Натальи Петровны довольно разума, чтобы не возмутиться подобными вопросами, но у нея мелькаютъ новыя мысли: «Не зашла ли я слишкомъ далеко?.. Кажется, я напрасно не допускала въ домъ ни одного ребенка... Въ самомъ дѣлѣ, дѣвочкѣ хочется увидѣть маленькихъ, а отъ нихъ злу не научишься»... и Наталья Петровна начинаетъ колебаться. Но, не смотря на убѣдительныя просьбы племянницы, она не отпускаетъ съ нею Алю сейчасъ-же, а только беретъ съ Лидіи слово, что завтра среди дня у нея не будетъ никакихъ гостей: при такомъ условіи Аля, можетъ быть, и пріѣдетъ взглянуть на дѣтей, въ сопровожденіи Алексѣя Федоровича Добрынина.

— Ахъ, мы его знаемъ! Онъ у насъ когда-то бывалъ. Вотъ и отлично!—соглашается Лидія Борисовна. Она обѣщаетъ ничѣмъ не смущать дѣвочку, познакомить ее только со своимъ мужемъ и дѣтьми, и уѣзжаетъ, повторяя, что на слѣдующій день, около часу, пришлетъ своихъ лошадей.

Аля съ утра ходитъ въ волненіи по комнатамъ и поминутно обращается къ бабушкѣ:

— Вотъ жаль, что Алексѣя Федоровича до сихъ поръ нѣтъ! Вѣдь онъ еще ничего не знаетъ; какъ онъ будетъ доволенъ!.. А дѣти маленькія и хорошенькія, бабушка? Какъ тѣ, которыхъ мы видѣли въ церкви?.. Неужели и я была такая, и ты, и солнышко? Я не могу себѣ представить, какъ должно быть чудно въ томъ мѣстѣ, гдѣ они всѣ живутъ и откуда ихъ берутъ ангелы? .

Алексѣя Федоровича ждутъ, по обыкновенію, къ двѣнадцати часамъ, но его нѣтъ. Алино нетерпѣніе дождаться его и ѣхать къ дѣтямъ увеличивается съ минуты на минуту. Когда пріѣзжаетъ карета отъ Лидіи Борисовны, дѣвочка взволнована до такой степени, что первый разъ въ жизни разражается рыданіями. Наталья Петровна пробуетъ ее успокоить, уговариваетъ подождать, но, сама возбужденная не меньше Али, не имѣетъ силы отказать ей и, наконецъ, рѣшаетъ отпустить на одинъ часъ подъ охраной Ирины.

Личико Али проясняется. Она спѣшитъ одѣть шубку и садится со старухой въ карету, двадцать разъ цѣлуя бабушку и прося прислать Алексѣя Федоровича лишь только онъ придетъ, «чтобы доставить ему

удовольствіе». Въ дорогѣ синіе глаза начинаютъ блестѣть попрежнему; уже одна поѣздка рѣдкое событіе для Али, а предстоящая встрѣча съ дѣтьми заглушаетъ даже безпокойство относительно Алексѣя Федоровича.

Когда кучеръ остановилъ лошадей и лакей позвонилъ у подъѣзда, двери сейчасъ-же открыли, и въ переднюю вышла сама Лидія Борисовна. Шумъ голосовъ въ сосѣдней комнатѣ немедленно стихъ; тамъ будто прислушивались, что говоритъ Лидія Борисовна.

— Душечка, Аличка, да ты одна? Вотъ умница-то!

— Нѣтъ, я съ Ириной.

— Ахъ, да, съ Ириной... Ну, ты пройди, Иринушка, въ людскую; проводи ее, Семенъ.

— Гдѣ-же дѣти, въ людской?—серьозно спросила Аля, снимая шубку.

— Нѣтъ, нѣтъ, я тебя сейчасъ поведу къ нимъ,—отвѣчала Лидія Борисовна, и лишь только сконфузившуюся Ирину увели изъ передней, она взяла Алю за руку и, громко разсмѣявшись, вбѣжала съ нею въ гостиную.

Комната была полна народомъ. Предупрежденные о красавицѣ-дикаркѣ, всѣ окружили Алю со смѣхомъ, шумомъ и невольными восклицаніями. Дамы принялись ее цѣловать, приговаривая: «Мой Богъ, какая-же вы душечка! Что за глаза, что за волосы!.. А посмотрите на этотъ дѣтскій голубой халатикъ—вотъ умѣло придумано!.. Какъ она мило насъ разсматриваетъ!» Мужчины, поправляя pince nez, обступили дѣвушку со всѣхъ сторонъ, разглядывая ее молча или говоря что-то такое, чего Аля совсѣмъ не понимала. Она стояла не говоря ни слова, удивленная, но не испуганная, глядя на всѣхъ по очереди широко раскрытыми глазами. Шумъ вокругъ нее продолжался.

— А гдѣ-же дѣти? Тутъ всѣ большіе,—спросила Аля неожиданно.

Послышался смѣхъ; Лидія Борисовна, обнимая ее, отвѣчала вкрадчивымъ голосомъ:

— Дѣти теперь спятъ, моя прелесть, ты ихъ скоро увидишь, а теперь позволь намъ тобой полюбоваться... Господа, посмотрите! Я вамъ говорила, что ее безжалостно причесываютъ—развѣ не правда?

И Лидія Борисовна быстро расплела толстую косу, встряхнула ее, и пепельные волосы пушистыми волнами закрыли плечи и спину Али. Среди общаго восхищенія Лидія Борисовна, увлекшись, уже схватила откуда-то голубую ленту и хотѣла приколоть на головкѣ дѣвушки большой бантъ, какъ Аля отстранила ее и, спокойно начиная заплетать тонкими пальчиками косу, серьезно проговорила:

— Не нужно. Только послѣ купанья надо распускать волосы; тогда и бабушка распускаетъ.

Раздался взрывъ смѣха. Аля съ недоумѣніемъ подняла головку и взглянула на Лидію Борисовну.

— Господа, это удивительно! Это невозможно!—говорили со всѣхъ сторонъ.

— Вѣдь это бриллiантъ, но совершенно не отшлифованный!.. Скажите, душечка, сколько вамъ лѣтъ?

— Шестнадцать.

— И вы никуда еще не выѣзжали?

— Какъ-же, мы съ бабушкой уже нѣсколько разъ выѣзжали въ церковь.

Тутъ общее веселье достигло крайней степени. Аля изумленно оглядѣлась и спокойно направилась къ двери. Въ нее входилъ встревоженный Добрынинъ.

— Алексѣй Федоровичъ, поѣдемъ домой!—сказала Аля, беря его за руку.—Дѣтей мы все равно не увидимъ, они уже спятъ, а люди мнѣ здѣсь не нравятся.

Добрынинъ ничего не отвѣтилъ. Посмотрѣвъ на Лидiю Борисовну и на притихшихъ гостей, онъ вышелъ съ Алей изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ его крытыя сани мчались къ дому Натальи Петровны. Ирина качала головой и по временамъ вздыхала; Алексѣй Федоровичъ молчалъ, Аля тоже; потомъ она тряхнула головкой и спросила:

— Алеша, отчего ты такъ долго не приходилъ?

Добрынинъ вздрогнулъ отъ неожиданнаго, инстинктивно сказаннаго «ты».

— Я не могъ, Аля.

Онъ не объяснилъ, почему не могъ: онъ мучительно раздумывалъ надъ словами, сказанными Алей, когда догорала елка.

Не смотря на позднее сожалѣнiе Натальи Петровны, антипатiю Добрынина и разочарованiе самой Али, отъ Лидiи Борисовны отдѣлаться было не легко. Едва тихая жизнь снова вошла въ колею, и Аля стала забывать о «странныхъ людяхъ» и о своемъ вспыхнувшемъ желанiи увидѣть дѣтей, какъ племянница Натальи Петровны снова явилась въ уединенный домикъ съ визитомъ. Когда ее не приняли, она передала записку, наполненную любезностями и извиненiями въ томъ, что у нея тогда случайно собрались гости, и она не могла провести красавицу Алю незамѣченной въ дѣтскую.

Недѣлю спустя, вечеромъ, произошло настоящее вторженiе. Въ то время, какъ Наталья Петровна приготовляла чай, а Добрынинъ съ Алей тутъ-же занимались рисованiемъ, вдругъ послышался звонъ бубенчиковъ на тройкахъ, громкiй стукъ у воротъ, споръ съ Терентiемъ, упорный стукъ въ дверь, и въ ту минуту, когда Добрынинъ пошелъ передать рѣшительный отказъ Натальи Петровны впустить гостей, они цѣлой ватагой появились въ столовой, пройдя черезъ садовыя сѣни.

Комната наполнилась морознымъ воздухомъ, безсвязными восклицаніями и легкимъ запахомъ вина. Лидія Борисовна была во главѣ мужской компаніи.

— Что-же это такое, тетенька? Къ вамъ даже погрѣться не пускаютъ! Помилуйте, мы Богъ знаетъ какъ далеко катались, прозябли, и вдругъ приходится вламываться черезъ черный ходъ!.. Дайте-же мнѣ стаканъ чаю, и вотъ имъ тоже... А, впрочемъ, имъ не надо, не надо, тетенька! Мои кавалеры уже грѣются!—и Лидія Борисовна громко засмѣялась.

Ея кавалеры, не смущенные спьяна ни холодностью хозяйки, ни присутствіемъ Добрынина, такъ были очарованы красотой Али, что всѣ старались обратить на себя ея вниманіе. Лидія Борисовна, обращаясь къ Натальѣ Петровнѣ, начала съ восхищеніемъ разсказывать, «какъ прелестна была своею наивностью» Аля у нея въ домѣ. Между тѣмъ Аля спокойно прошла между разступившимися франтами и спросила Наталью Петровну:

— Чего они хотятъ, бабушка? Они уже согрѣлись,—посмотри какіе всѣ красные.

— Да, дитя мое, я тоже думаю, что имъ довольно грѣться... Они могутъ уѣзжать.

Вся нелѣпая сцена заняла не больше четырехъ-пяти минутъ, и это были первыя слова Натальи Петровны; но своею ясностью они отрезвили даже дерзкую компанію. Притворно шутя, направилась къ выходу Лидія Борисовна, а за нею, неловко кланяясь, кавалеры. Добрынинъ, молчавшій все время, заперъ дверь за послѣднимъ изъ нихъ и сѣлъ къ столу, положивъ на руки горячій лобъ.

У Натальи Петровны легла страшная тяжесть на сердце. «Насильно, насильно,—думала она,—разрушатъ люди созданное счастье!.. Жизнь не загрязнитъ Алю, я знаю, но поразитъ и оскорбитъ ее своимъ прикосновеніемъ... Даже прежде, чѣмъ она увидитъ горе и бѣдность, ей постараются показать нравственную грязь, начнутъ съ улыбками намекать на сладость, какую находятъ въ этой грязи!.. Нѣтъ-ли еще выхода?.. Если невозможно запереться отъ жизни, то, можетъ быть, возможна какая-нибудь разумная уступка, которая все уладитъ?»

Наталья Петровна подымаетъ голову и встрѣчаетъ взглядъ Добрынина. Долго смотрятъ другъ на друга двое людей, связанныхъ общей любовью, и читаютъ въ глазахъ одинаковую мысль.

Аля нарушаетъ молчаніе; она-было снова принялась рисовать, но кладетъ въ сторону кисть и печально говоритъ:

— Я больше не могу рисовать, бабушка... Вмѣсто цвѣтовъ вижу этихъ странныхъ людей, и мнѣ все кажется, что они еще здѣсь шумятъ... Испортили они нашъ домикъ!..

Добрынинъ встаетъ, подходитъ къ Алѣ и беретъ ея головку обѣими руками.

— Хочешь быть моей женой, Аля? Я устрою новый домикъ, куда не посмѣетъ войти никто изъ странныхъ людей.

Аля подымаетъ личико къ Алексѣю Федоровичу и говоритъ:

— Бабушка, знаешь, я думаю, что Алеша это отлично придумалъ. Если мы всегда будемъ жить съ нимъ, то у насъ опять станетъ тихо-тихо и весело... Правда?

— Да,—негромко отвѣчаетъ Наталья Петровна.

— Ахъ, только вотъ что!—и Аля быстрымъ движеніемъ освобождаетъ головку изъ рукъ Добрынина и встаетъ.—Если ужъ будешь устраивать новый домъ, Алеша, то пусть въ немъ будутъ дѣти! Хорошо? Бабушка, можно это?

Бабушка подходитъ, тихо улыбается и говоритъ увѣреннымъ голосомъ:

— Можно... Можно, Алеша.

— Ну, въ такомъ случаѣ я непремѣнно буду твоей женой!

Два мѣсяца, прошедшіе послѣ вторженія Лидіи Борисовны до дня вѣнчанія, были употреблены не на суету и не на шитье приданаго, а на устройство деревенскаго дома для будущей жизни. Добрынинъ работалъ собственноручно, вкладывая въ дѣло не только вниманіе, но всю душу. У него установились опредѣленныя намѣренія относительно образа жизни съ Алей; они зародились и окрѣпли подъ вліяніемъ исключительной обстановки, въ которой онъ почти жилъ цѣлый годъ. Сама Наталья Петровна не подозрѣвала о его сокровенныхъ планахъ. Отдавая Алю Добрынину, она полагалась на его чуткость, умъ и на несомнѣнную привязанность обоихъ другъ къ другу. Иногда ей приходилъ на память первый разговоръ съ Алексѣемъ Федоровичемъ: «Это вызовъ самой природѣ!»—говорилъ онъ тогда.—Что-же, можетъ быть природа и въ самомъ дѣлѣ должна прорваться, такъ пусть лучше любящій и любимый человѣкъ сдѣлаетъ первый шагъ для сближенія съ нею!»

Но Алексѣй Федоровичъ не спѣшитъ дѣлать перваго шага. Дни, которые онъ проводитъ у Натальи Петровны, наѣзжая впродолженіе двухъ мѣсяцевъ изъ деревни, проходятъ почти по прежнему. Лидія Борисовна исчезла съ горизонта. Все въ загородномъ домикѣ тихо и дружно, Алексѣй Федоровичъ съ прежней ровной лаской обращается съ Алей, Наталья Петровна относится къ обоимъ какъ всегда.

Въ Алѣ больше другихъ замѣтно приближеніе перемѣны. Ее сначала огорчало твердое рѣшеніе бабушки не ѣхать съ ними въ имѣніе

сейчасъ-же; она думала, что въ новый домъ немедленно переѣдутъ всѣ пятеро обитателей стараго. Но бабушка рѣшительно отказывается, она хочетъ остаться въ Москвѣ до лѣта, чтобы собрать всѣ вещи и продать домъ, а потомъ окончательно переѣхать въ деревню. Наталья Петровна искренно сознаетъ, что ея присутствіе было-бы лишнимъ въ первое время новой жизни Али. Мужъ долженъ стать и помощникомъ, и царемъ въ этой жизни, и одинъ онъ легче справится съ задачей. Алеша умный... Чувство подскажетъ ему какъ облегчить для Али переходъ отъ духовной дѣтской любви къ любви жены и матери. «Жизнь побѣждаетъ меня,—думаетъ Наталья Петровна,—такъ пусть-же природа поможетъ Алешѣ создать новый міръ, въ которомъ Аля, вѣроятно, найдетъ счастье въ любви къ нему и къ дѣтямъ».

А о дѣтяхъ Аля вспоминаетъ часто. Она надѣется получить ихъ скоро, скоро и давно придумала имъ имена и даже наружность.

— Знаешь, бабушка, наша старшая дочка должна быть непремѣнно на тебя похожа, ты такая славненькая! Потомъ мальчикъ—на Алешу, съ такими-же глазами и рѣсницами; другая дѣвочка — на меня... Ну, и чтобы не обидѣть Ирину и Терентія, я думаю надо, чтобы двое дѣтокъ были на нихъ похожи, правда?

Бабушка говоритъ Алѣ, что дѣти бываютъ похожи только на родныхъ, въ особенности на отца и мать.

— Да? Ну, въ такомъ случаѣ Терентій и Ирина не обидятся: они, вѣроятно, знаютъ, что такъ всегда бываетъ... Подумай, бабушка, какъ у насъ будетъ весело—человѣкъ десять!

Пока Аля мечтаетъ вслухъ, прижавшись къ бабушкѣ, Наталья Петровна цѣлуетъ бѣлый лобикъ и говоритъ, чуть-чуть краснѣя:

— Аля, теперь ты можешь, когда хочешь, поцѣловать Алешу... потому что будешь его женой... Онъ любитъ тебя и будетъ радъ твоей ласкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Это очень хорошо, мнѣ уже нѣсколько разъ хотѣлось. Такъ вотъ почему называется «жена»!.. Ну, теперь я всегда буду цѣловать его глаза, они мнѣ ужасно нравятся, такіе мягкіе, бархатные...

Когда въ сумеркахъ пріѣхалъ Добрынинъ, веселый и довольный, съ вѣстью, что все въ деревнѣ окончено, Аля тутъ-же, въ сѣняхъ, усадила его на стулъ и осыпала всю его голову поцѣлуями, повторяя:

— Солнышко, Алеша! Я твоя жена, я твоя жена!..

На Алексѣя Федоровича нахлынуло знакомое чувство, когда что-то захватываетъ духъ и не даетъ говорить. Онъ густо покраснѣлъ и ничего не понималъ, пока Аля тутъ-же не сообщила ему, что ей говорила бабушка. Весь остальной вечеръ Алексѣй Федоровичъ былъ очень оживленъ, но самъ Алю не начиналъ цѣловать, а занимался съ нею дѣ-

ломъ, объясняя какъ и въ какихъ работахъ она можетъ помогать ему въ деревнѣ.

Было начало апрѣля. Большіе сани подкатили по тающему, скользкому снѣгу къ крыльцу помѣщичьяго дома. Первый человѣкъ, встрѣтившій веселую, хотя слегка взволнованную Алю, была Ирина; она заранѣе переѣхала сюда, чтобы ея «ласточка» не была принуждена съ самого начала сталкиваться въ домѣ съ чужими лицами.

Расцѣловавшись съ Ириной и быстро взойдя по ступенькамъ, Аля, не снимая шубки, побѣжала по всѣмъ комнатамъ, съ любопытствомъ осматриваясь, улыбаясь и восклицая:

— Какой-же ты добрый, Алеша! Все, все устроилъ какъ у бабушки! Только здѣсь еще просторнѣе и еще больше свѣта... Вотъ и наша столовая, вотъ та комната, гдѣ мы съ тобой занимались... Ахъ, и рояль, и круглый столъ, и всѣ книжки здѣсь! Да еще сколько новыхъ, и альбомовъ, и красокъ!.. Вотъ бабушкина комната, — право, Алеша, ты отлично устроилъ, совсѣмъ похоже! Она будетъ очень рада. А это что? Ахъ, это моя комнатка, конечно... Ирина, Ирина, посмотри, тоже все бѣлое съ голубымъ... Только какъ здѣсь все воздушно! Сколько кружева, растеній, и какія чудныя картины... И какая у меня будетъ прелестная бѣленькая кроватка — она точно облачко на этомъ громадномъ голубомъ коврѣ!.. А потолокъ ты самъ расписывалъ, Алеша? Знаешь, кажется, будто ласточки въ самомъ дѣлѣ летаютъ. Мнѣ тоже захочется летать, когда я буду на нихъ смотрѣть... Ну, а гдѣ-же твоя комната?.. Какъ *эта*? Я такой еще никогда не видала!...

Комната Алексѣя Федоровича дѣйствительно рѣзко отличалась отъ прочихъ. Здѣсь не было ни ковровъ, ни цвѣтовъ, ничего свѣтлаго и «воздушнаго», какъ сказала Аля. Большіе столы были завалены чертежами и тетрадями; шкапы заставлены книгами, полки — химическими принадлежностями. Нигдѣ ни одного украшенія. Въ углу, за ширмой стояла узкая, простая кровать. Единственное, что смягчало суровые тона и линіи — были тяжелыя занавѣси синяго бархата, спускавшіяся отъ потолка до полу и красивая мраморная лампа на низкомъ пьедесталѣ, съ большимъ темнымъ абажуромъ, стоявшая на концѣ письменнаго стола. Посреди его возвышался большой портретъ Али, карандашомъ, на память нарисованный Добрынинымъ въ часы отдыха во время его деревенскихъ работъ передъ свадьбой. На этомъ портретѣ была выражена вся натура Али, и вылился взглядъ на нее самого художника какъ на безконечно-свѣтлую красоту, какъ на вдохновеніе.

— Это кто?—спросила Аля, увидавъ портретъ.—Неужели... я?

— Да... Я старался вспомнить твое лицо, когда былъ одинъ.

— Я рада, что я такая хорошая. А ты будешь пускать меня въ

эту комнату? Здѣсь у тебя какъ-то важно, важно, но мнѣ нравится; мнѣ хочется здѣсь учиться.

— Хорошо. Иногда можно учиться здѣсь вмѣстѣ, а по вечерамъ, когда ты уже будешь спать, я буду заниматься тутъ одинъ.

— Да, надо и тебѣ позаняться, Алеша... Тебѣ надо быть очень умнымъ, потому что я многаго не сумѣю сама объяснить нашимъ дѣтямъ.

— Мы съ тобой еще не поздоровались въ нашемъ новомъ домѣ, Аля, — здравствуй!

— Ну, здравствуй, милый!

Аля подбѣжала къ Алексѣю Федоровичу и, поднявшихъ на цыпочки, обняла его за шею. Онъ наклонился, взялъ за виски маленькую головку и серьозно, ласково поцѣловалъ ее въ глаза и губы.

Время шло. Снѣгъ давно стаялъ. Нагрѣлась земля, показались молодыя былинки травы, и распустились первые подснѣжники, фіалки и ландыши.

У Али множество занятій, хотя она и не ѣздитъ съ Алексѣемъ Федоровичемъ въ поле. Все утро она работаетъ въ саду и возится съ малютками-дѣвочками, которыхъ Ирина, по указанію Алексѣя Федоровича, приводитъ ежедневно изъ деревни и предоставляетъ въ распоряженіе Али, начисто вымывъ и одѣвъ ихъ въ своей комнатѣ. Аля играетъ и хлопочетъ съ ними безъ устали, и розовыя тѣни на ея личикѣ становятся гуще, губы ярче, и синіе глаза блестятъ больше прежняго.

Послѣ обѣда, когда Алексѣй Федоровичъ свободенъ, начинаются прежнія занятія, къ которымъ прибавилось новое — химія. Аля порядочно подготовлена по математикѣ, и новая наука захватываетъ молодой умъ. Въ комнатѣ Алексѣя Федоровича часто стоитъ запахъ отъ химическихъ опытовъ, и по столамъ разставлены банки со всевозможными веществами, прежде невѣдомыми Алѣ.

Стало совсѣмъ тепло. Окна и двери въ садъ открыты съ утра до вечера. Аля находитъ, что голосъ Алесѣя Федоровича звучитъ гораздо лучше «когда больше воздуха», хотя комната съ роялемъ, раздѣляющая двѣ спальни, достаточно велика и высока. Прежде, чѣмъ идти спать въ свою комнату, Аля часто проситъ Алексѣя Федоровича пѣть и слушаетъ, вся съежившись, въ креслѣ, не спуская съ него глазъ.

А голосъ Алексѣя Федоровича «звучитъ лучше» потому—что все существо его переполнено любовью, потому—что нѣтъ ей исхода: пѣсни надо пѣть безъ словъ; любить Алю—безъ словъ; онъ сознаетъ, что только при такихъ условіяхъ возможно честно выполнить задуманное, и чувствуетъ всей душой, что разъ прорвутся у него слова—прорвется

вмѣстѣ съ ними и накипѣвшая страсть, а этого онъ боится больше всего въ жизни: тогда и самой жизни конецъ.

Онъ увлекся идеей Натальи Петровны и понялъ ее глубже, чѣмъ она сама. Онъ знаетъ, что Алю нельзя было выдавать замужъ — и взялъ ее не какъ жену. Онъ взялъ ее съ твердымъ намѣреніемъ довести первоначальный планъ Натальи Петровны до конца, исправивъ въ немъ лишь нѣкоторыя погрѣшности.

Но трудное это дѣло. Какъ не страдать подъ его тяжестью, когда природа давитъ на человѣка, когда отъ окружающаго воздуха, отъ душистой зелени, отъ разлитой повсюду весенней нѣги мутится въ глазахъ, когда при видѣ Али сжимается горло, когда она спрашиваетъ чуть-ли не каждый день «когда у нихъ будутъ дѣти» и, уходя спать, цѣлуетъ его въ губы, глаза и шею, считая «до пятидесяти»...

Не помогаетъ множество начатой работы, строгость обстановки въ тиши кабинета; не помогаетъ узкая и жесткая постель. Не ложится въ нее Алексѣй Федоровичъ далеко за полночь.

Сегодня особенно тяжело... Поневолѣ обращаешь вниманіе на всѣ мелочи, точно радіусами сходящіяся къ общему, яркому, но немыслимому центру. А тутъ Ирина нѣсколько разъ взглядывала на него съ такимъ недоумѣніемъ, что онъ не зналъ куда смотрѣть; Аля передъ вечеромъ сбѣгала въ садъ и принесла букетъ первыхъ бархатныхъ розъ и послѣдній бѣлый нарцисъ, заставила его нюхать, а потомъ поставила въ стаканъ на письменномъ столѣ, «а то, говоритъ, слишкомъ сильно пахнетъ въ кабинетѣ сѣро-водородомъ»... Потомъ купалась въ своей комнатѣ и вышла къ чаю не въ обыкновенномъ голубомъ халатикѣ, а въ какомъ-то тонкомъ, бѣломъ, котораго онъ никогда еще не видалъ, и съ распущенной массой пепельныхъ волосъ. Въ такомъ видѣ сидѣла она на качалкѣ, возлѣ окна, въ которое вливался безсовѣстный весенній воздухъ, и все просила его пѣть, а у него готовъ былъ вмѣсто пѣнія вырваться крикъ отчаянія отъ взятой на себя тяжести, крикъ невысказанной любви, сердечной боли, страсти....

Вотъ и теперь: окна нельзя не открыть, душно,—и до письменнаго стола широкой волной долетаетъ то нѣжащая теплота ночи, то смолистый запахъ распускающихся тополей изъ сада, то струя чуть замѣтнаго вѣтерка колышетъ листокъ раскрытой книги. И со всѣмъ этимъ смѣшивается запахъ цвѣтовъ, которые Аля поставила въ стаканъ съ водой. Онъ стоитъ въ небольшомъ кругу яркаго свѣта лампы, и рядомъ съ окружающимъ сумракомъ розы кажутся темно-кроваваго цвѣта, смягченныя только съ тѣневой стороны синеватымъ, матовымъ тономъ. А надъ краемъ стакана поднимается на стройной ножкѣ и опустилъ изящные лепестки «послѣдній бѣлый нарцисъ»... Алексѣй Федоровичъ вспоминаетъ фигурку Али съ бѣлыми нарцисами и яблочнымъ цвѣтомъ, всю

забрызганную искрящимися каплями дождя, какою онъ видѣлъ ее въ первый разъ, годъ тому назадъ...

Какъ сильно пахнутъ розы!.. Но Алексѣй Федоровичъ не хочетъ убирать ихъ; онъ закрываетъ глаза, и онѣ словно смѣшиваются съ запахомъ распущенныхъ влажныхъ волосъ Али, которыми она покрыла его лицо, обнимая и цѣлуя передъ сномъ...

«Какое мѣткое названіе: «Вздохъ Вѣтра!»—вспоминаются вдругъ Алексѣю Федоровичу читанныя въ дѣтствѣ страницы Майнъ-Рида. «Вѣтеръ вѣроятно вздыхаетъ, заглядывая въ окно, какъ теперь, и видя такихъ... несчастныхъ, скованныхъ людей какъ я... Да, да — скованныхъ... Боже, Боже, что дѣлать?.. Вѣдь я хочу свободы, я хочу выхода, я хочу Алю!.. Я не могу больше уступать разуму и сознанію неизбѣжнаго горя... Я не могу больше бороться со своей низостью, я хочу, хочу, наконецъ, прижать къ себѣ это стройное, бѣлое тѣло, хочу цѣловать эти губы, которыхъ еще ни разу не цѣловалъ, какъ хотѣлъ!.. О, Боже мой, я хочу Алю... Что мнѣ дѣлать? Что?..»

Но Алексѣй Федоровичъ еще не теряетъ силы воли; онъ даже не встаетъ съ мѣста. Разстегнувъ воротъ, онъ опускаетъ на руки красивую голову, и въ безмолвіи ночи раздаются мучительныя, сдерживаемыя рыданія.

Аля просыпается въ своей постелькѣ. Поднявъ голову, которую тянетъ на подушки и молодой сонъ, и масса распущенныхъ волосъ, она прислушивается.

— Что это?.. Это Алеша плачетъ?.. Да, у него уже были сегодня какія-то странныя нотки, когда онъ пѣлъ... Господи, что это съ нимъ?!..

Аля въ темнотѣ всовываетъ въ туфли голыя ножки, выходитъ изъ своей спальни, пробѣгаетъ сосѣднюю комнату и распахиваетъ дверь въ кабинетъ. Видя Алексѣя Федоровича, она тихо притворяетъ за собою дверь, подходитъ къ нему и обнимаетъ бѣлыми, обнаженными руками.

— Алеша, бѣдный, что съ тобой?..

Голосъ Али дрожитъ отъ невѣдомаго страха. Она начинаетъ ласкать и цѣловать любимую голову. Алексѣй Федоровичъ вздрагиваетъ и, медленно повернувшись, черезъ силу говоритъ:

— Уйди...

— Уйди?..

При этомъ словѣ синіе глаза раскрываются широко-широко, пушистыя рѣсницы поднимаются, руки сжимаются на груди, и Аля съ ужасомъ повторяетъ:

— Уйти?.. Мнѣ?.. За что, Алеша?

Алексѣй Федоровичъ протягиваетъ руки, прижимаетъ къ себѣ гибкое, маленькое тѣло, больно цѣлуетъ лицо, губы, грудь — и дѣтскіе

глаза больше прежняго раскрываются отъ ужаса, когда Аля уже полусознательно шепчетъ: «Уйти?.. За что, Алеша?..»

. . . .

Солнце сейчасъ встанетъ. Окно все еще раскрыто. Вздыхая, въ него врывается предразсвѣтный вѣтерокъ и обдаетъ холодомъ блѣдное, безсмысленное лицо Добрынина и лежащее передъ нимъ въ тонкой сорочкѣ маленкое недвижное тѣло съ синими глазами, въ которыхъ остановился вопросъ:

«За что, Алеша?.. За что»?..

Н. Жаринцова.

Новый взглядъ на исторію нѣмецкаго крестьянства.

Передъ нами двѣ небольшихъ книжки, имѣющихъ характеръ сборниковъ [1]). Онѣ составились изъ прочитанныхъ въ разное время рѣчей и лекцій. Легко подумать поэтому, что содержаніе сборниковъ носитъ чисто случайный характеръ. Однако, при ближайшемъ ознакомленіи читателя поражаетъ именно единство мысли и цѣли, вложенныхъ въ эти разрозненные и на первый взглядъ бѣглые очерки. Тутъ подведены и использованы итоги цѣлаго ряда спеціальныхъ изслѣдованій, предпринятыхъ какъ самимъ Кнаппомъ, такъ и его многочисленными учениками. Обѣ книжки посвящены почти исключительно (если не считать приложенныхъ ко второму сборнику нѣсколькихъ біографій) историческому изученію различныхъ формъ организаціи сельско-хозяйственнаго труда, при чемъ главныя нити изслѣдованія сходятся, какъ-бы въ фокусѣ, на исторіи крестьянской реформы, рисующейся подъ перомъ Кнаппа въ совершенно иномъ освѣщеніи, чѣмъ мы привыкли встрѣчать въ произведеніяхъ историковъ, обращавшихъ вниманіе лишь на внѣшнюю сторону ея.

Выдвигая мимоходомъ наиболѣе существенныя черты новѣйшей аграрной исторіи Франціи, Россіи и Англіи, наибольшее вниманіе Кнаппъ удѣляетъ, однако-же, Германіи, въ особенности—восточной части ея. Въ этой наиболѣе цѣнной—части своихъ очерковъ онъ опирается на свое извѣстное сочиненіе объ освобожденіи крестьянъ въ старыхъ провинціяхъ Пруссіи. (Die Bauernbefreiung in den älteren Provinzen Preussens 1887) и потому мы сдѣлаемъ всего лучше, если будемъ разсматривать ее въ связи съ большой работой Кнаппа, которая пролила совершенно новый свѣтъ на исторію крестьянской реформы. Онъ ставитъ себѣ троякую цѣль: во-первыхъ, онъ считаетъ необходимымъ очистить ядро исторической истины отъ обильныхъ наслоеній гиперболы и легенды, для чего онъ,

[1]) G. F. Knapp. Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit, 1891. Недавно эта книжка вышла въ двухъ русск. переводахъ отдѣльн имъ изданіемъ ив сборникѣ «Исторія труда въ очень точномъ переводѣ В. Дена.—Grundherrschaft und Rittergut 1,897".

первымъ долгомъ, вводитъ въ кругъ своего изслѣдованія документальный историческій матеріалъ; во-вторыхъ, утвердившись на почвѣ удостовѣренныхъ фактовъ, онъ выясняетъ во всемъ ея объемѣ хозяйственно-бытовую основу крестьянской реформы, и, наконецъ, пытается также опредѣлить соціальное значеніе произведеннаго реформою переворота.

Что касается перваго пункта, то взятая Кнаппомъ на себя задача была нелегка. Приходилось распутать невыразимую путаницу противорѣчивыхъ понятій и представленій, нагроможденныхъ старательными историками крестьянской реформы; приходилось разрушить и традиціонное представленіе о ней, какъ о какомъ то мифологическомъ подвигѣ, искоренившемъ все зло міра. Дореформенный строй историки неизмѣнно изображали, какъ мрачный пережитокъ «средневѣковья», шедшій въ разрѣзъ не только съ идеальными потребностями человѣческой натуры, но и съ таблицей умноженія. Наоборотъ, новый порядокъ представлялся имъ верхомъ совершенства, иногда воплощеніемъ классической формулы: «Liberté, Egalité, Fraternité»! Подобное отношеніе къ эмансипаціи мы встрѣчаемъ у историковъ всѣхъ европейскихъ странъ. Но пальма первенства въ этомъ отношеніи принадлежитъ, какъ кажется, Германіи. До чего дошли въ своемъ, не столько, впрочемъ, освободительномъ, сколько слащаво-сантиментальномъ увлеченіи нѣмцы, можно судить потому, что, напримѣръ, для четырехъ первыхъ королей Пруссіи они отыскали три самостоятельныхъ освободительныхъ реформы, *три раза* заставивъ ихъ освобождать несчастное прусское крестьянство отъ ненавистнаго имъ крѣпостного права!

Съ формальной стороны аккуратнымъ нѣмецкимъ историкамъ едва-ли можно было сдѣлать въ этомъ отношеніи упрекъ, такъ какъ трое изъ четырехъ названныхъ королей (Фридрихъ-Вильгельмъ I, Фридрихъ II и Фридрихъ-Вильгельмъ II) дѣйствительно издавали за своею подписью и печатью соотвѣтствующіе освободительные акты. И всѣ они говорили въ этихъ актахъ о «крѣпостномъ правѣ или рабствѣ» (Leibeigenschaft oder Sklaverei), объявляя, что впредь оно не должно существовать. Слѣдовательно, тутъ было вполнѣ умѣстно напомнить о варварствѣ среднихъ вѣковъ и даже о несогласіи этого варварства съ таблицей умноженія, подтверждаемомъ—excusez du peu!—подписью четырехъ [1]) королей. Но, съ другой стороны, на сцену выступаетъ то щекотливое обстоятельство, что, несмотря на тщательные поиски, слѣдовъ крѣпостного права въ районѣ старо-прусскихъ провинцій, о которыхъ въ данномъ случаѣ только и могла идти рѣчь, почти не найдено. Мы говоримъ «почти». Во всякомъ случаѣ, есть нѣсколько указаній, что въ нѣкоторыхъ, весьма немногочисленныхъ провинціяхъ Пруссіи крестьянинъ превратился, мало-по-малу, въ настолько

[1]) Первый король Пруссіи, Фридрихъ I, тоже „серьезно думалъ“ объ отмѣнѣ крѣпостного права.

безправное существо, что его состояніе мало отличалось отъ полнаго закрѣпощенія. Но такія провинціи можно перечесть по пальцамъ, и, въ общемъ, ихъ несравненно меньше, чѣмъ тѣхъ, въ которыхъ прусскимъ королямъ посчастливилось произвести приписанную имъ историками реформу. Въ огромномъ-же большинствѣ провинцій существовалъ совершенно иной родъ крестьянской зависимости, извѣстный у германскихъ историковъ подъ именемъ наслѣдственнаго подданства. Послѣднее отличалось отъ крѣпостного права тѣмъ, что права помѣщика на личность и трудъ крестьянина при наслѣдственномъ подданствѣ были весьма ограниченными. Такъ, помѣщичьи права на личность исчерпывались въ этомъ случаѣ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ (glebae adscriptio) и властью давать или не давать свое согласіе на вступленіе крестьянина въ бракъ. Что-же касается правъ на крестьянскій трудъ, то наслѣдственное подданство формулировало ихъ въ томъ смыслѣ, что помѣщикъ могъ требовать отъ крестьянскихъ дѣтей въ теченіи опредѣленнаго срока, а иногда и безъ всякаго ограниченія, службы на господскомъ дворѣ. Помимо этого, всякій обязанный крестьянинъ, ведшій самостоятельное хозяйство, долженъ былъ отбывать на господина барщину, но послѣдняя уже не представляла результата наслѣдственнаго подданства an und für sich, а происходила изъ иныхъ источниковъ,—она считалась эквивалентомъ за пользованіе предоставленной крестьянину землей.

Такова была въ дѣйствительности крестьянская зависимость на востокѣ Германіи. Слѣдовательно, объ уничтоженіи крѣпостного права здѣсь можно было говорить развѣ только въ переносномъ смыслѣ. Но не будемъ настаивать на этомъ. Можетъ быть, прусскіе короли отмѣнили, по крайней мѣрѣ, наслѣдственное подданство? Дѣло не въ словахъ и не въ названіяхъ. Но нѣтъ—наслѣдственное подданство осталось и было отмѣнено лишь *пятымъ* изъ прусскихъ королей—Фридрихомъ-Вильгельмомъ III.

Отвергнувъ за прусскими королями притязанія на отмѣну несуществовавшаго крѣпостного права и указавъ на особенности наслѣдственнаго подданства, съ которымъ и приходилось считаться при освобожденіи крестьянъ, Кнаппъ сводитъ фактическое содержаніе крестьянской реформы къ слѣдующимъ четыремъ элементамъ: 1) къ уничтоженію самого наслѣдственнаго подданства; 2) къ отмѣнѣ барщины; 3) къ урегулированію крестьянскаго права владѣнія и 4) къ выкупу всѣхъ вообще повинностей, лежавшихъ на крестьянской землѣ [1]).

Для того, чтобы этотъ сухой скелетъ реформы облекся живою плотью, намъ необходимо ознакомиться съ тѣмъ строемъ, котораго она касалась и который она должна была измѣнить. Наслѣдственное подданство было

[1]) Ср. статью Bauernbefreiung въ Handwörterbuch der Staatswissenschaft.

только *одной* изъ составныхъ частей сложнаго экономическо-юридическаго отношенія, существовавшаго между крестьяниномъ и помѣщикомъ. Центромъ тяжести этого отношенія была барщина, достигавшая мѣстами въ XVIII вѣкѣ прямо-таки чудовищныхъ размѣровъ (до 7 дней въ недѣлю). Покуда барщинная работа существовала и была нужна помѣщику, онъ не имѣлъ ничего противъ того, чтобы крестьянинъ на своемъ участкѣ собиралъ хлѣбъ въ свою пользу, такъ какъ благодаря этому крестьянинъ могъ работать на помѣщика безвозмездно. Барщина же была нужна помѣщику потому, что при ея помощи помѣщикъ обрабатывалъ свое собственное имѣніе, урожай котораго предназначался главнымъ образомъ для сбыта на рынокъ. Тѣмъ не менѣе, крестьянскую землю помѣщикъ считалъ въ нѣкоторомъ родѣ своею собственностью. И потому, когда это казалось ему выгоднымъ, помѣщикъ нисколько не церемонился увеличивать свое собственное хозяйство на счетъ крестьянскихъ владѣній; для этого ему стоило только прогнать крестьянина съ земли. Правда, довольно значительная часть крестьянства, а именно такъ называемые наслѣдственные крестьяне, были болѣе или менѣе гарантированы отъ подобныхъ неожиданностей, такъ какъ помѣщикъ не могъ ни отбирать у нихъ землю, ни измѣнять условій владѣнія, но огромное большинство принадлежало къ другому разряду, пользуясь неопредѣленнымъ и ненаслѣдственнымъ правомъ владѣнія. Съ такими крестьянами помѣщикъ уже не церемонился. А земли ему нужно было все больше и больше. Цѣны на хлѣбъ поднимались. Помѣщикъ сталъ находить, что обрабатывать землю очень выгодно. Но барщина стала ему казаться чрезвычайно неудобнымъ и непроизводительнымъ видомъ труда. Другое дѣло, трудъ—рабочаго, которому нечего заботиться о своей землѣ и который отдаетъ всѣ свои силы господину. Правда, въ такомъ случаѣ приходилось обзавестись хозяйственнымъ инвентаремъ, но за то вѣдь можно было попользоваться крестьянской землей, а крестьянъ отпустить на всѣ четыре стороны или даже (случалось иногда и это) просто на-просто обратить ихъ въ своихъ же рабочихъ.

Кнаппъ называетъ помѣщичье хозяйство XVIII вѣка капиталистическимъ. Онъ говоритъ: «это слово означаетъ хозяйство, представляющееся противоположностью мелкаго и потому необходимо носящее въ себѣ признаки крупнаго производства. Сверхъ того, капиталистическое хозяйство противополагается натуральному; оно должно работать для рынка» [1]).

Несомнѣнно, что хозяйство прусскаго помѣщика обладало всѣми этими признаками. Однако же такое опредѣленіе капиталистическаго хозяйства нельзя не признать нѣсколько произвольнымъ. Кнаппъ забываетъ,

---

[1]) Die Landarbeiter in Knechtschaft und Freiheit. S. 45.

что одного крупнаго производства для сбыта еще недостаточно, чтобы придать хозяйству чисто капиталистическій характеръ. Для этого необходимо еще отдѣленіе труда отъ капитала, нужна спеціализація производительныхъ силъ. Между тѣмъ, этого-то именно мы и не видимъ въ дореформенномъ хозяйствѣ прусскаго помѣщика: здѣсь нѣтъ капиталиста, ибо даже орудія труда принадлежатъ часто не помѣщику, а крестьянину [1]), и нѣтъ здѣсь пролетарія, такъ какъ крестьянинъ трудится не ради заработной платы, а вслѣдствіе лежащаго на его землѣ обязательства. Капиталистическимъ въ точномъ смыслѣ слова хозяйство прусскаго помѣщика становилось, очевидно, лишь по мѣрѣ того, какъ крестьянина вытѣснялъ беземельный рабочій.

Невѣрное съ формальной стороны, только что изложенное воззрѣніе Кнаппа имѣетъ, однако-же, глубокую историческою основу. Дѣло въ томъ, что процессъ пролетаризированія крестьянскаго населенія шелъ настолько быстро впередъ, что въ него сочла необходимымъ вмѣшаться даже прусская администрація. Крестьянство буквально таяло. Не будучи вполнѣ сформировававшимся капиталистомъ, прусскій помѣщикъ былъ однако-же капиталистомъ in spe, капиталистомъ по своимъ чувствамъ и стремленіямъ. Въ этомъ онъ нѣсколько напоминаетъ французскаго буржуа революціонной эпохи, который точно также въ большинствѣ случаевъ не былъ еще настоящимъ капиталистомъ, а только умильно поглядывалъ на своихъ англійскихъ собратьевъ.

Всматриваясь въ картину аграрныхъ отношеній Пруссіи XVIII вѣка, изслѣдователь видитъ передъ собою всѣ признаки разложенія стараго хозяйственнаго строя; онъ видитъ, какъ врывается какой-то новый элементъ и какъ встревоженные короли пытаются заградить ему путь, вступаясь за обездоленное крестьянство и принимая его подъ свою защиту; но капиталистическаго хозяйства все еще нѣтъ. Оно придетъ лишь съ крестьянской реформой, съ такъ называемымъ «освобожденіемъ» крестьянъ не только отъ личной зависимости, но и отъ власти земли.

Характерная особенность аграрной исторіи Пруссіи заключается въ томъ, что освобожденію крестьянъ, какъ уже было сказано, тамъ предшествовало возникновеніе обширнаго охранительнаго законодательства, имѣвшаго назначеніемъ облегчить участь зависимыхъ крестьянъ и оградить ихъ самостоятельное хозяйственное существованіе. Высшей точки своего развитія это охранительное законодательство достигаетъ въ царствованіе Фридриха II. Относящіяся сюда мѣропріятія имѣютъ обыкновенно въ виду не отдѣльнаго крестьянина и не его спеціальныя нужды и тяготы, а предполагаютъ въ крестьянствѣ обособленный и имѣющій

[1]) Это зависѣло отъ того, какимъ правомъ на землю располагалъ крестьянинъ. Наслѣдственные крестьяне имѣли свой скотъ и свои орудія, ненаслѣдственные же работали съ инвентаремъ помѣщика.

особое хозяйственное и общественное назначеніе классъ. Такъ, напр., Фридрихъ Великій, запретивъ помѣщикамъ увеличивать свои владѣнія на счетъ крестьянскихъ владѣній, не счелъ возможнымъ безусловно воспрепятствовать выселенію отдѣльныхъ крестьянъ, разъ на ихъ участкахъ поселяются новые, равно какъ и въ томъ случаѣ, если на мѣсто уничтоженныхъ участковъ создаются другіе. Для сохраненія наличнаго числа крестьянскихъ владѣній запрещалось скупать по нѣскольку крестьянскихъ дворовъ и богатымъ крестьянамъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Фридрихъ не имѣлъ ничего противъ увеличенія числа безземельныхъ рабочихъ; онъ, напротивъ, самъ рекомендовалъ пользоваться ихъ услугами для облегченія крестьянской барщины. Подобной же тактики онъ придерживался и въ доменахъ. Любопытно то, что въ своей заботѣ объ увеличеніи народонаселенія Фридрихъ поселилъ на государственныхъ земляхъ десятки тысячъ крестьянскихъ семействъ, освободивъ ихъ отъ всякой личной зависимости; однако, не довольствуясь этимъ, онъ старался увеличить также по мѣрѣ возможности и число безземельныхъ рабочихъ, при чемъ послѣдніе оставались обязанными. Спрашивается, чѣмъ объяснить подобную непослѣдовательность? Но непослѣдовательность эта только кажущаяся. Дѣло въ томъ, что на крестьянина Фридрихъ смотрѣлъ, какъ на представителя самостоятельной хозяйственной единицы, тогда какъ безземельный или малоземельный рабочій ему представлялся лишь хозяйственной силой, которою нужно пользоваться насколько возможно лучше и которая имѣетъ своимъ назначеніемъ поддерживать крупное земледѣльческое хозяйство.

Охранительное законодательство затрогивало точно также и личную зависимость крестьянина, стремясь при этомъ обыкновенно къ выясненію обычая и устраненію превышенія власти и злоупотребленій ею со стороны помѣщика. То же самое можно сказать объ имущественной охранѣ крестьянства: улучшеніе положенія послѣдняго было не прямой цѣлью всѣхъ этихъ законовъ, а только косвенной. Охранительные законы опредѣляли нормы—и не всегда въ пользу крестьянства сравнительно съ дѣйствительнымъ обычаемъ—а затѣмъ установляли карательныя мѣры за нарушеніе этихъ нормъ. И этимъ они исчерпывались. Въ общемъ охранительное законодательство вовсе не имѣло реформаціоннаго значенія, а, напротивъ, являлось чрезвычайно консервативнымъ факторомъ. Но консерватизмъ его служилъ въ пользу крестьянству. Если ряды крестьянства и продолжали рѣдѣть, то все-же этотъ процессъ теперь совершался гораздо медленнѣе. Когда-же охранительное законодательство было отмѣнено—это случилось уже въ XIX вѣкѣ, послѣ отмѣны наслѣдственнаго подданства (1808—1810 г.),—то только наиболѣе зажиточные и сильные крестьяне сумѣли отстоять свое существованіе, мелкіе же, да отчасти и средніе, были поглощены крупнымъ землевладѣніемъ.

Подобное же охранительное законодательство развилось почти одновременно и въ прилегающихъ къ прусскимъ владѣніямъ сѣверо-западныхъ провинціяхъ Австріи — въ Силезіи (перешедшей къ Пруссіи въ царствованіе Фридриха II), Чехіи и Моравіи, поземельный строй которыхъ имѣетъ много общаго съ прусскимъ. Разница только въ томъ, что тогда какъ прусское законодательство особенно интересовалось неприкосновенностью крестьянскаго землевладѣнія, австрійскія мѣропріятія стремились главнымъ образомъ упорядочить личную зависимость крестьянъ и урегулировать барщину. Здѣсь чувствуется нѣкоторое различіе въ направленіи аграрной эволюціи. Повидимому, земля въ Австріи цѣнилась ниже, а трудъ—выше, чѣмъ въ Пруссіи. Личная зависимость въ Австріи еще въ теченіе XVIII вѣка исчезаетъ совершенно, но барщина остается вплоть до конца 40-хъ годовъ.

Вернемся теперь къ крестьянской реформѣ, основные элементы которой уже были указаны выше. Послѣ всего сказаннаго легко понять, что̀ она должна была измѣнить въ дореформенномъ строѣ и что̀ оставить не тронутымъ: она уничтожила установившуюся вѣками между помѣщикомъ и крестьяниномъ связь, но сохранила существовавшія ранѣе классовыя различія. Въ этомъ отношеніи творцы ея оказались настолько консервативны, что за потерю зависимыхъ крестьянъ и отмѣну барщины они постарались вознаградить помѣщика значительными соціальными преимуществами, которыя были предоставлены помѣщику въ ущербъ крестьянству. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Какъ только въ Пруссіи было отмѣнено наслѣдственное подданство, сейчасъ же пріостановили и дѣйствіе охранительнаго законодательства: помѣщикамъ было дозволено захватывать крестьянскія земли. Результатомъ было то, что значительное количество крестьянскихъ владѣній были поглощены помѣщичьимъ хозяйствомъ. Но это еще не все. Когда, наконецъ, былъ изданъ регламентъ о выкупѣ и урегулированіи крестьянскихъ владѣній (это было сдѣлано въ два пріема: первая попытка была произведена въ 1811 г., но вслѣдствіе вскорѣ начавшейся войны она не имѣла особеннаго значенія, а затѣмъ, въ 1816 г., было издано разъясненіе къ закону 1811 г.—въ сущности совершенно новый и гораздо менѣе благопріятный для крестьянъ законъ), то право выкупа было предоставлено всѣмъ крестьянамъ, которые обладають достаточнымъ количествомъ рабочаго скота и владѣнія которыхъ занесены въ кадастровыя записи и существують съ давняго времени. Да и для этихъ крестьянъ, являющихся въ своей средѣ аристократами, реформа не имѣла обязательнаго характера: она давала одну только *возможность* добиваться урегулированія и выкупа, но не дѣлала его обязательнымъ. Если прибавить къ этому, что по погашеніи всѣхъ своихъ обязательствъ къ помѣщику выкупающій свой участокъ крестьянинъ долженъ былъ уступить помѣщику въ качествѣ вознагражденія

одну треть своей земли при наслѣдственномъ правѣ владѣнія, и даже половину, если право владѣнія не было наслѣдственнымъ, или уплатить соотвѣтствующую выкупную сумму, то будетъ нисколько не удивительно, что крестьяне не торопились воспользоваться своимъ правомъ. Такъ дѣло тянулось до самаго 1848 г., когда приближающаяся революція уничтожила, наконецъ, послѣдніе слѣды крестьянской зависимости.

Результатомъ оказаннаго помѣщичьимъ интересамъ предпочтенія явилось слѣдующее. Крестьяне, не съумѣвшіе удержать землю въ своихъ рукахъ и не получившіе правъ на выкупъ, перешли почти поголовно въ низшій классъ сельскаго населенія, превратившись въ безлошадныхъ и надѣленныхъ лишь небольшимъ огородомъ бобылей, а то и прямо въ поденныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ были предоставлены въ распоряженіе помѣщика и необходимыя для разработки его расширенныхъ владѣній рабочія руки [1]).

Вотъ каково происхожденіе соціальнаго могущества прусскихъ юнкеровъ. Исторія крестьянской реформы является ключемъ для пониманія новѣйшихъ стремленій аграріевъ. Реформа дала имъ землю, снабдивъ ихъ и необходимымъ количествомъ рабочихъ рукъ, но она не могла гарантировать помѣщикамъ выгодный сбытъ сельско-хозяйственыхъ продуктовъ. А на сбытѣ построено все хозяйство прусскаго помѣщика.

Совершенно иной ходъ имѣла крестьянская реформа въ Австріи [2]). Попытка Іосифа II покончить съ дореформеннымъ строемъ въ XVIII в. оказалось неудачной. Единственнымъ ея результатомъ явилось уничтоженіе наслѣдственнаго подданства. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось вплоть до середины XIX в. Однако, австрійскій крестьянинъ въ теченіи всего этого времени пользовался гораздо большимъ покровительствомъ закона, чѣмъ прусскій. Австрійское крестьянство—мы говоримъ только о мѣстностяхъ съ тѣмъ же поземельнымъ строемъ, какъ и въ Пруссіи—пребывало въ теченіи первой половины XIX вѣка какъ бы на точкѣ замерзанія. Своимъ окончательнымъ освобожденіемъ оно обязано движенію 48 года. Призракъ революціи оказался благодѣтельнымъ для крестьянства. Оно получило экономическую свободу на чрезвычайно льготныхъ условіяхъ. Всѣ крестьянскія повинности были превращены въ денежную ренту, но крестьяне уплачивали только третью часть ея. Другую треть принимало на себя государство; послѣдняя же треть существовала только въ воображеніи законодателя, такъ какъ помѣщики получали вообще всего лишь двѣ трети установленнаго вознагражденія. При этомъ крестьяне сохраняли за собою всю свою землю (7 сентября 1848 г.).

---

[1]) Сельскіе рабочіе тоже нашли своего историка. Историкъ этотъ—Максъ Веберъ, давшій чрезвычайно наглядную картину ихъ быта и ихъ отношеній къ помѣщику. M. Weber, Verhältnisse der Landarbeiter im ostelbischen Deutschland. 1892.

[2]) Grünberg, Die Bauernbefreiung und die Aufhebung des gutsherrlich-bäuerlichen Verhältnisses in Böhmen, Mähren und Schlesien. 1893—94.

Крестьянство представляетъ продуктъ самаго ранняго періода средневѣковой исторіи, весьма почтенное количество вѣковъ насчитываетъ за собою и крестьянская зависимость. Но прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ выработалось гораздо позднѣе и имѣло огромное значеніе въ хозяйственной исторіи Европы. Только при его условіи могло развиться правильно организованное помѣщичье хозяйство, обнимающее все владѣніе помѣщика и сообразующееся съ размѣрами помѣстья. Такъ возникло крупное сельско-хозяйственное производство. Но прошло нѣсколько вѣковъ— и обязательный крестьянскій трудъ, вслѣдствіе уплотненія народонаселенія съ одной стороны и увеличенія цѣнности сельско-хозяйственныхъ продуктовъ съ другой, побуждавшаго болѣе дорожить хлѣбомъ и землей и менѣе—производительными затратами, пересталъ быть необходимымъ для помѣщичьяго хозяйства, и явилась потребность въ новой организаціи труда и хозяйства.

Крестьянская реформа образуетъ какъ бы пограничную межу между двумя эпохами: эпохой принудительной организаціи труда и эпохой экономической свободы. Конечно, до извѣстной степени межа эта призрачная: хозяйственный и политическій переворотъ, отмѣченный ею, совершался въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Тѣмъ не менѣе, всматриваясь въ прошлое европейскихъ государствъ, мы легко можемъ замѣтить, что въ исторіи каждаго изъ нихъ былъ періодъ, когда государству пришлось наложить свои руки на хозяйственно-правовыя отношенія. Это было какое-то конвульсивное движеніе, обозначившееся столкновеніемъ враждебныхъ теченій и ожесточенной борьбой представителей противоположныхъ интересовъ. Во Франціи оно привело къ революціи, которая была вызвана не только политической борьбой дворянства съ третьимъ сословіемъ, какъ утверждаютъ обыкновенно историки, но въ столь же значительной степени борьбой между крестьянствомъ и дворянствомъ изъ-за права на землю и ея продукты. Въ другихъ государствахъ континентальной Европы это было нѣсколько иначе. Тамъ революціи начинались не снизу, а сверху, и благодаря этому не могла обостриться до такой степени классовая борьба. Не имѣя возможности выразиться въ политическихъ формахъ, она сосредоточилась почти исключительно на экономической почвѣ. Понятно что, въ этихъ государствахъ открывался большой просторъ для вмѣшательства государственной власти и законодательства. Германія и Австрія принадлежатъ именно къ этой группѣ, сюда же принадлежитъ и Россія.

S.

Крестоносцы.

Историческая повѣсть Генрика Сенкевича.

Переводъ съ польскаго Нат. Арабажиной.

Збышко пришло въ голову взять оруженосца Чеха въ свидѣтели брака, но вспомнивъ, что онъ получилъ его отъ Ягенки, онъ отказался отъ этого намѣренія. Одно мгновеніе она стояла передъ нимъ, какъ живая, ему казалось, что онъ видитъ ея румяное лицо, ея заплаканные глаза, что онъ слышитъ ея умоляющій голосъ: «Не дѣлай мнѣ этого, не плати мнѣ зломъ за добро и горемъ за любовь мою»! И вдругъ его охватила страшная жалость къ ней, потому что онъ чувствовалъ, что для нея это будетъ тяжелое горе, отъ котораго не найдется ей утѣшенія, ни подъ родной кровлей, ни въ лѣсной чащѣ, ни въ чистомъ полѣ, ни въ подаркахъ аббата, ни въ сочувствіи Чтана и Волка. И онъ въ душѣ сказалъ ей: Пошли тебѣ Богъ все самое лучшее, но хоть я готовъ и небо склонить въ пользу тебя, ничего сдѣлать не могу». И дѣйствительно убѣжденіе, что это все не въ его власти, сейчасъ же доставило ему утѣшеніе и возвратило спокойствіе духа, такъ что онъ снова сталъ думать только о Данусѣ и о вѣнчаніи. Однако онъ не могъ обойтись безъ помощи Чеха, хотя и рѣшилъ смолчать передъ нимъ о томъ, что должно было произойти. Онъ велѣлъ позвать его и сказалъ:

— Я сегодня буду исповѣдываться и причащаться святыхъ тайнъ, а потому одѣнь меня какъ можно лучше, какъ будто я долженъ идти въ королевскіе покои.

Чехъ немного испугался и сталъ вглядываться въ его лицо. Збышко замѣтилъ это и сказалъ ему:

— Не бойся, люди готовятся не только къ смерти; тѣмъ больше, что приближаются праздники, на время которыхъ отецъ Вышонекъ

уѣдетъ съ княгиней въ Цѣханово, а ближайшій ксендзъ будетъ въ Пржаснышѣ.

— А ваша милость не поѣдетъ развѣ?—спросилъ оруженосецъ.

— Если выздоровѣю, то поѣду, но это въ рукахъ Господа.

Чехъ успокоился и пошелъ къ коробамъ, откуда досталъ извѣстную бѣлую куртку, вышитую золотомъ, которую рыцарь одѣвалъ обыкновенно въ торжественныхъ случаяхъ, и кромѣ того красивый коврикъ для того, чтобы покрытъ имъ ноги и постель. Потомъ приподнявъ Збышко при помощи двухъ турокъ, онъ умылъ его, расчесалъ его длинные волосы, обвязавъ ихъ красной лентой, потомъ облокотилъ его на красныя подушки и довольный своей работой сказалъ:

— Если бы только ваша милость могла танцовать, такъ хоть свадьбу справляй.

— Обошлась бы и безъ танцевъ,—съ усмѣшкой отвѣчалъ Збышко.

А тѣмъ временемъ княгиня въ своей комнатѣ раздумывала, какъ бы принарядить Данусю, потому что для ея женской натуры это казалось очень важнымъ дѣломъ, и она ни за что не допустила бы, чтобы ея воспитанница стояла подъ вѣнцомъ въ будничномъ платьѣ. Прислуга, которой было сказано, что дѣвушка одѣвается къ исповѣди въ цвѣта невинности, легко нашла въ сундукѣ бѣлое платье; но дѣло было въ томъ, какъ убрать голову. При мысли объ этомъ княгиню охватила какая-то грусть, такъ что она стала даже громко плакать.

— Гдѣ я тебѣ въ этомъ лѣсу, сиротинка,—говорила она,—достану вѣнокъ изъ руты. Нѣтъ здѣсь ни цвѣтика, ни листика, только одни мхи зеленѣютъ подъ снѣгомъ.

А Дануся, стоя съ распущенными волосами, тоже огорчилась при мысли объ этомъ, такъ какъ и ей этотъ вѣнокъ казался важнымъ; но черезъ минуту она указала на пучки безсмертниковъ, которые висѣли на стѣнахъ комнаты, и сказала:

— Хоть бы изъ нихъ свить вѣнокъ, потому что мы не найдемъ ничего другого, а Збышко возьметъ меня и въ такомъ вѣнкѣ.

Сначала княгиня не хотѣла соглашаться на это, страшась зловѣщаго предзнаменованія, но такъ какъ въ домѣ, въ который пріѣзжали только на время охоты, никакихъ другихъ цвѣтовъ не было, то она рѣшилась, наконецъ, взять и эти. А тѣмъ временемъ пришелъ ксендзъ Вышонекъ, который уже исповѣдалъ Збышко и теперь взялъ дѣвушку, а затѣмъ наступила глухая ночь. Прислужники, по приказанію княгини, пошли спать послѣ ужина. Посланные Юранда расположились одни въ людской, другіе рядомъ съ лошадьми, въ конюшнѣ. Скоро горящія головни покрылись пепломъ и погасли, и, наконецъ, въ лѣсномъ дворцѣ водворилась тишина, и только отъ времени до времени со стороны лѣса собаки лаяли на волковъ. Но у княгини, ксендза Вышонека и у Збышко

окна не переставали свѣтиться и бросали красноватый блескъ на снѣгъ, покрывающій дворъ. Они бодрствовали, прислушиваясь къ біенію собственнаго сердца, тревожные, охваченные торжественностью минуты, которая должна была наступить. Въ полночь княгиня взяла Данусю за руку и отвела ее въ комнату Збышко, гдѣ отецъ Вышонекъ уже ждалъ ихъ съ распятіемъ. Въ комнатѣ горѣлъ большой огонь въ очагѣ, и при его яркомъ, но неровномъ свѣтѣ Збышко увидѣлъ Данусю, немного поблѣднѣвшую отъ безсонницы, всю въ бѣломъ, съ вѣнкомъ безсмертниковъ на головѣ, одѣтую въ длинное платье, спадающее до самой земли. Глазки ея были опущены отъ волненія, ручки висѣли вдоль платья, и она напоминала какое-то церковное изображеніе. Збышко охватило изумленіе при видѣ ея, и ему показалось, что онъ беретъ себѣ въ жены какое-то неземное созданіе. Ему еще сильнѣе почудилось это, когда она, скрестивъ руки, стала на колѣни и, закинувъ назадъ голову, закрыла глаза. Онъ подумалъ, что она умерла, и невольно страхъ проникъ въ его сердце. Однако, это продолжалось недолго, потому что, услыхавъ слова ксендза: «Ecce Agnus Dei», онъ самъ углубился въ самого себя, и мысли его обратились къ Богу. Теперь въ комнатѣ слышенъ былъ только торжественный голосъ ксендза Вышонека: «Domine, non sum dignus», трескъ дровъ въ очагѣ, да безпрерывное пѣнье сверчка въ одной изъ щелей. За окнами дулъ вѣтеръ и шумѣлъ запорошенный снѣгомъ лѣсъ и вдругъ стихъ.

Збышко и Дануся нѣкоторое время молчали, ксендзъ Вышонекъ взялъ чашу и отнесъ ее въ придворную часовню. Черезъ минуту онъ возвратился, но уже не одинъ, а въ сопровожденіи де Лорхе и, увидавъ изумленіе на лицахъ присутствующихъ, приложилъ палецъ къ устамъ, какъ бы желая удержать неожиданный возгласъ, и сказалъ:

— Я подумалъ, что будетъ лучше, если при бракѣ будетъ двое свидѣтелей, и поэтому предупредилъ рыцаря де Лорхе, который поклялся мнѣ своею честью и реликвіями, что онъ сохранитъ тайну до тѣхъ поръ, пока это понадобится.

А рыцарь де Лорхе прежде всего преклонилъ колѣно передъ княгиней, затѣмъ передъ Данусей, потомъ поднялся и остановился въ молчаніи, одѣтый въ парадное вооруженіе, въ изгибахъ котораго отражался красноватый отблескъ огня; высокій, неподвижный, изумленный, такъ какъ и ему бѣлая дѣвушка съ вѣнкомъ безсмертниковъ на головѣ казалась ангеломъ, котораго онъ видѣлъ уже въ окнѣ готическаго храма. Ксендзъ поставилъ Данусю у самой постели Збышко и, набросивъ на ихъ руки эпитрахиль, началъ обрядъ. По лицу княгини текли обильныя слезы, но въ душѣ ея не было тревоги, потому что она была убѣждена, что поступаетъ хорошо, соединяя этихъ дѣтей, хорошихъ, невинныхъ дѣтей. Де Лорхе вторично преклонилъ колѣно и, опершись обѣими руками на

рукоятку меча, походилъ на человѣка, которому чудится видѣнье, а Збышко и Дануся повторяли слова ксендза. «Я... беру... тебя», и этимъ словамъ тихо и сладко вторили сверчки въ щеляхъ очага и трескъ огня. По окончаніи обряда Дануся упала къ ногамъ княгини, которая благословила ихъ обоихъ и, отдавъ ихъ подъ защиту Господа, сказала:

— Радуйтесь теперь, потому что она твоя и онъ твой.

Тогда Збышко здоровой рукой охватилъ Данусю, а она обѣими руками обняла его шею, и нѣкоторое время слышно было только, какъ они оба повторяли:

— Моя Дануся!

— Мой Збышко!

Но тутъ же Збышко потерялъ сознаніе, такъ такъ для него было ужъ слишкомъ много волненій и, откинувшись на подушки, сталъ тяжело дышать. Но онъ не переставалъ улыбаться Данусѣ, которая обтирала его лицо, облитое холоднымъ потомъ, и даже не пересталъ повторять: «моя Дануся», при чемъ она каждый разъ наклоняла свою головку. Все это взволновало де Лорхе, который заявилъ, что ни въ одной странѣ не приходилось ему видѣть такихъ нѣжныхъ сердецъ, и потому онъ торжественно клянется, что готовъ драться пѣшимъ или коннымъ съ каждымъ рыдаремъ, будь онъ чернокнижникъ или драконъ, который встанетъ на пути къ ихъ счастью. И онъ, дѣйствительно, тутъ же поклялся на рукояткѣ маленькаго меча, именуемаго мизерикордіей, имѣющей форму креста. Княгиня и ксендзъ Вышонекъ были призваны въ свидѣтели этой клятвы, но княгиня, которая не представляла себѣ брака безъ свадьбы, принесла вина, и всѣ выпили его. Часы проходили одинъ за другимъ. Збышко, пересиливъ слабость, снова прижалъ къ себѣ Данусю и сказалъ.

— Если Христосъ отдалъ мнѣ тебя, никто не отниметъ тебя у меня, но мнѣ такъ тяжело, что ты уѣзжаешь, мое яблочко.

— Мы пріѣдемъ въ Цѣханово съ Марусей,—отвѣчала Дануся.

— Лишь-бы ты не заболѣла, или... Да хранитъ тебя Богъ отъ несчастья... Ты должна поѣхать въ Спыхово... это я знаю!.. Эхъ! Благодаря Богу и милостивой княгинѣ, ты уже моя, потому что бракъ никакая человѣческая власть разорвать не можетъ. Но что этотъ бракъ произошелъ ночью, и что сейчасъ-же послѣ него должна была наступить разлука—все это было причиной того, что минутами какая-то странная печаль охватывала не только Збышко, но и всѣхъ остальныхъ. Огонь въ очагѣ понемногу угасалъ, и все погружалось во мракъ. Тогда ксендзъ Вышонекъ бросилъ на угли новыя бревна и когда они жалобно запищали, что часто бываетъ при сырыхъ дровахъ, сказалъ:

— Кающаяся душа, чего ты желаешь?

Ему отвѣчали сверчки, да разгорающееся пламя, которое освѣщало лица, отражалось на вооруженіи рыцаря де Лорхе и озаряло бѣлое платье Дануси и безсмертники на ея головкѣ.

Собаки на дворѣ залаяли снова, какъ лаютъ почуявъ волка.

И по мѣрѣ того, какъ проходили ночные часы, все чаще водворялось молчаніе; наконецъ княгиня сказала:

— Господи! Лучше-бы пойти спать, но такъ какъ намъ надо бодрствовать до самого утра, такъ сыграй намъ въ послѣдній разъ, цвѣтикъ, на лютнѣ, сыграй для меня и для Збышко.

Дануся, которой хотѣлось спать, рада была чѣмъ нибудь оживить себя, поэтому она побѣжала за лютней и, возвратившись черезъ минуту, снова сѣла рядомъ съ Збышко.

— Что-же мнѣ играть?—спросила она.

— Что?—сказала княгиня,—что-же, какъ не ту пѣснь, которую ты пѣла въ Тынцѣ, когда Збышко увидѣлъ тебя въ первый разъ.

— Эхъ!.. Я помню ее и не забуду до могилы, сказалъ Збышко.— Бывало, услышу гдѣ-нибудь эту пѣснь, такъ слезы и льются изъ глазъ.

— Такъ я спою!—сказала Дануся.

И она сейчасъ-же ударила по струнамъ лютни и, поднявъ по обыкновенію голову, начала:

„Gdybym to ja miała
Skrzydełka jak gąska
Poleciałabym ja
Za Jaśkiem do Śląska
Usiad Tabym ci ja
Ne ślązkowskiem płocie
Przypatrz sic Jasieńku
Ubogiej sierocie!..“

Но вдругъ голосъ ея прервался, губы затряслись, а изъ подъ спущенныхъ рѣсницъ слезы ручьемъ полились по щекамъ. Нѣкоторое время она пыталась удержать ихъ, но не сумѣла справиться и въ концѣ концовъ расплакалась громко, совсѣмъ какъ тогда, когда въ послѣдній разъ пѣла для Збышко эту пѣснь въ краковской тюрьмѣ.

— Дануся! Что съ тобой, Дануся?—спрашивалъ Збышко.

— Чего ты плачешь? Что это за свадьба?—воскликнула княгиня.

— Что съ тобой?

— Не знаю,—отвѣчала Дануся, рыдая:—мнѣ такъ грустно!.. такъ жалко... Збышко и васъ...

Всѣ обезпокоились и стали ее утѣшать, объяснять, что они разстаются не надолго, и что, навѣрное, еще на праздникахъ она съ Юрандомъ пріѣдетъ въ Цѣханово. Збышко снова обнялъ ее, прижалъ къ

груди и поцѣлуями своими осушилъ ея слезы, но чувство стѣсненія и печали осталось у всѣхъ, и такъ проходили часы.

Но вотъ на дворѣ раздался вдругъ такой громкій и рѣзкій крикъ, что всѣ вздрогнули. Княгиня, поднявшись со скамейки воскликнула.

— О, ей Богу. уже лошадей поятъ. А ксендзъ Вышонекъ выглянулъ въ окно, которое принимало сѣрую окраску, и сказалъ:

— Ночь бѣлѣетъ и день приближается. Ave Maria, gratias plena...

Потомъ онъ вышелъ изъ комнаты и, возвратившись черезъ нѣкоторое время, сказалъ:

— Свѣтаетъ, но день будетъ пасмурный. Это люди Юранда поятъ лошадей. Тебѣ уже пора въ дорогу собираться, бѣдняжка!..

Услышавъ эти слова, и Дануся, и княгиня громко заплакали, и обѣ онѣ, вмѣстѣ со Збышко, принялись причитать, какъ причитаетъ простонародье, когда имъ приходится разставаться; въ этомъ причитаньи было что-то обрядное и вмѣстѣ съ тѣмъ слышалось какое-то сильное чувство, какая-то пѣснь, которая переливается изъ переполненной души и идетъ по обычному пути, какъ слеза за слезой изъ очей.

«Эхъ! ничего не помогутъ и слезы!
Ужъ надо разставаться съ тобой, мой возлюбленный,
Слезы не помогутъ.
Разстаюсь я съ тобой, несчастный.
Прощай!..»

Збышко въ послѣдній разъ прижалъ Данусю къ своей груди и держалъ ее такъ до тѣхъ поръ, пока княгиня не оторвала ея отъ него и не повела одѣваться.

А тѣмъ временемъ разсвѣло окончательно. На дворѣ всѣ проснулись. Къ Збышко вошелъ Чехъ оруженосецъ, чтобы освѣдомиться о его здоровьѣ и узнать, не будетъ-ли какого-нибудь приказанія.

— Придвинь мою постель къ окну,—сказалъ ему Збышко.

Чехъ безъ затрудненія сдѣлалъ это, но очень удивился, когда Збышко приказалъ ему отворить окно, и онъ только накрылъ своего господина собственной одеждой, потому что на дворѣ было холодно, пасмурно и на землю падалъ густой, пушистый снѣгъ.

Збышко сталъ вглядываться на дворъ. Сквозь летящіе на землю снѣжные хлопья виднѣлись санки, а вокругъ нихъ верхомъ на шершавыхъ дымящихся лошадяхъ люди Юранда. Всѣ были въ вооруженіи, нѣкоторые были въ латахъ, въ которыхъ отражался блѣдный и пасмурный свѣтъ дня. Лѣсъ скрылся совсѣмъ за снѣжной пеленой. Не видно было ни коромысла, ни заборовъ. Дануся еще разъ вбѣжала въ комнату Збышко, уже закутанная въ тулупчикъ и лисью шубу, еще разъ бросилась къ нему на шею и еще разъ сказала на прощанье:

— Хоть я и уѣзжаю, но я твоя!

А онъ цѣловалъ ея руки, щеки, глаза, которые едва виднѣлись изъ-за лисьяго мѣха, и проговорилъ:

— Сохрани тебя Богъ! Моя ты, моя до смерти.

И когда ее снова оторвали отъ него, онъ поднялся насколько могъ, прислонилъ голову къ окну и сталъ глядѣть сквозь снѣжные хлопья, какъ сквозь завѣсу. Онъ увидѣлъ, какъ княгиня долго держала ее въ своихъ объятіяхъ, какъ придворныя цѣловали ее, какъ ксендзъ Вышонекъ благословлялъ и крестилъ ее на дорогу. Передъ самымъ отъѣздомъ она еще разъ повернулась къ Збышко и, протянувъ руки, крикнула:

— Богъ съ тобой, Збышко.

— Дай Богъ увидѣть тебя въ Цѣхановѣ...

Но снѣгъ падалъ такой густой, какъ будто желалъ заглушить все и все закрыть, и послѣднія слова достигли до нихъ такъ глухо и слабо, что имъ обоимъ показалось, будто они донеслись до нихъ уже издалека.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Послѣ обильныхъ снѣговъ наступили сильные морозы и ясные, сухіе дни. Днемъ лѣса сверкали въ лучахъ солнца, рѣки покрылись льдомъ и скрѣпились болота. Наступили свѣтлыя ночи, и тогда морозъ усиливался до такой степени, что деревья съ шумомъ трескались въ лѣсной чащѣ; птицы ютились ближе къ жилищамъ; дороги сдѣлались не безопасными изъ-за волковъ, которые начали собираться въ стада и нападали не только на одинокихъ путниковъ, но и на цѣлыя деревни. Но народъ радовался, сидя въ своихъ куриныхъ избахъ, у очаговъ, предвидя послѣ лютой зимы хорошій урожай, и весело поджидалъ праздниковъ, которые были уже близки. Лѣсной замокъ князя опустѣлъ, княгиня вмѣстѣ съ ксендзомъ Вышонекомъ выѣхала въ Цѣханово. Збышко, уже почти оправившійся, но еще не вполнѣ окрѣпшій, для того чтобы сѣсть на коня, остался въ замкѣ вмѣстѣ со своими людьми, съ Сандерусомъ, съ Чехомъ оруженосцемъ и съ мѣстной прислугой, за которой присматривала шляхтянка, исполнявшая обязанности хозяйки.

Но душа Збышко рвалась къ молодой женѣ. Правда, мысль, что Дануся принадлежитъ ему, и что никакая человѣческая сила не сможетъ отнять ее у него, была для него огромнымъ утѣшеніемъ, но, съ другой стороны, та же мысль увеличивала его огорченіе. Цѣлыми днями вздыхалъ онъ и призывалъ тотъ часъ, когда онъ будетъ имѣть возможность покинуть замокъ; онъ размышлялъ, что ему тогда дѣлать, куда ѣхать и какъ склонить на свою сторону Юранда. По временамъ онъ переживалъ

тяжелыя и тревожныя минуты, но, въ общемъ, будущее представлялось ему въ радостномъ свѣтѣ. Любить Данусю и разыскивать шлемы съ павлиньими перьями, вотъ въ чемъ должна состоять его жизнь. Не рѣдко имъ овладѣвала огромная охота потолковать обо всемъ этомъ съ Чехомъ, котораго онъ сильно полюбилъ, но онъ видѣлъ, что Чехъ всей душой былъ преданъ Ягенкѣ и съ неохотой разговаривалъ о Данусѣ, и кромѣ того онъ самъ, связанный тайной, не могъ разсказать ему всего, что произошло.

Однако здоровье его поправлялось съ каждымъ днемъ. За недѣлю до сочельника онъ въ первый разъ сѣлъ на лошадь, и хотя онъ почувствовалъ, что не могъ-бы сдѣлать того-же самаго, будучи въ вооруженіи, но, тѣмъ не менѣе, пріободрился, къ тому же онъ не предвидѣлъ въ ближайшемъ будущемъ надобности прибѣгать къ панцырю и шлему, но, въ крайнемъ случаѣ, онъ не терялъ надежды, что въ скоромъ времени у него хватитъ силъ и на это. Сидя дома, онъ, чтобы какъ нибудь убить время, пробовалъ подымать мечъ, и это ему удавалось довольно хорошо; только сѣкира оказалась слишкомъ тяжелой для него, но онъ всетаки думалъ, что, ухватившись обѣими руками за топорище, онъ ею съумѣетъ дѣйствовать.

Наконецъ, за два дня передъ сочельникомъ онъ приказалъ приготовить возы, осѣдлать лошадей и объявилъ Чеху, что они поѣдутъ въ Цѣханово. Вѣрный оруженосецъ встревожился нѣсколько, въ особенности въ виду того, что на дворѣ стояли трескучіе морозы, но Збышко сказалъ ему:

— Не твоя бѣда, Гловачъ [1]). Нечего намъ тутъ дѣлать въ этомъ замкѣ, а если-бы мнѣ пришлось заболѣть, то въ Цѣхановѣ не будетъ недостатка въ уходѣ. Къ тому-же я поѣду не верхомъ, а въ саняхъ, закутанный къ шкуры, и только подъ самымъ Цѣхановымъ пересяду на лошадь.

Такъ и случилось. Чехъ ужъ вполнѣ изучилъ своего молодого господина и зналъ, что нечего противорѣчить ему, а еще хуже—не исполнять тотчасъ его приказаній; поэтому, уже черезъ часъ они пустились въ путь. Передъ самымъ отъѣздомъ Збышко, увидавъ Сандеруса, пристраивающагося на санки вмѣстѣ со своими сундуками, сказалъ ему:

— А ты, чего ты прицѣпился ко мнѣ, какъ репейникъ къ овечьей шерсти?.. Ты-же говорилъ, что собираешься въ Пруссію?

— Да говорилъ, что собираюсь въ Пруссію, но какъ-же мнѣ туда одному идти въ такіе снѣга? Волки меня съѣдятъ, прежде чѣмъ взойдетъ первая звѣзда, а тутъ мнѣ также незачѣмъ оставаться. Лучше-же я буду въ городѣ научать людей благочестію и святыми товарами одарять ихъ, и отъ дьявольскихъ навожденій ихъ спасать, какъ я поклялся

[1]) Онъ называлъ его такъ, передѣлавъ по польски его имя.

въ Римѣ святому отцу всего христіанскаго міра. А кромѣ того я сильно полюбилъ вашу милость, а потому я не покину васъ до самаго моего отъѣзда въ Римъ, потому что, можетъ быть, мнѣ случиться оказать вамъ какую нибудь услугу.

— Онъ, господинъ, всегда готовъ выпить и съѣсть за васъ,—сказалъ Чехъ, услыхавъ это,—и такую услугу онъ въ особенности радъ оказать, но если въ Пржасоснышѣ на насъ нападетъ стая волковъ, такъ мы бросимъ его имъ на съѣденіе, потому что онъ ни на что лучшее не годится.

— А вы смотрите, чтобы грѣшныя слова къ усамъ не примерзли,—возразилъ Сандерусъ, — потому что такія сосульки только въ адскомъ огнѣ таютъ.

— Ну, да!—сказалъ Гловачъ, поглаживая рукавицей едва пробивающіеся усы,—сначала я на первомъ-же привалѣ попробую согрѣть пиво, но тебѣ я его не дамъ.

— А въ писаніи сказано: жаждущаго напоить! Вотъ и еще новый грѣхъ!

— Такъ я тебѣ дамъ ведро воды, а пока возьми то, что у меня есть подъ рукой!

И говоря это онъ набралъ снѣга, сколько могъ захватить обѣими руками, и бросилъ имъ въ бороду Сандеруса, но тотъ увернулся и сказалъ:

— Зачѣмъ вамъ въ Цѣханово ѣхать: тамъ уже есть ученый медвѣженокъ, который снѣгомъ бросается.

Такъ они пререкались между собой, но въ общемъ любили другъ друга. Однако, Збышко не запретилъ Сандерусу ѣхать съ собой, потому что этотъ человѣкъ занималъ его и вмѣстѣ съ тѣмъ казался, дѣйствительно привязаннымъ къ нему. Они выѣхали изъ лѣсного замка раннимъ яснымъ утромъ. Морозъ былъ такой сильный, что лошадей пришлось покрыть попонами. Вся окрестность была покрыта глубокимъ снѣгомъ. Изъ подъ него едва виднѣлись крыши избъ, а мѣстами казалось, что дымъ выходилъ прямо изъ голыхъ сугробовъ и поднимался къ небу, розовый отъ утренней зари, сначала прямымъ столбомъ, но расширяясь въ верху, на подобіе перьевъ на рыцарскихъ шлемахъ. Збышко ѣхалъ въ повозкѣ, во первыхъ—для того, чтобы сохранить силы, а во вторыхъ—по причинѣ сильнаго мороза, отъ котораго легче было укрыться въ повозкѣ, устланной сѣномъ и шкурами. Онъ приказалъ Гловачу присѣсть къ нему и имѣть на готовѣ лукъ для защиты отъ волковъ, а пока что, весело бесѣдовалъ съ нимъ:

— Въ Пржаснышѣ мы только лошадей покормимъ, согрѣемся сами и сейчасъ-же двинемся дальше.

— Въ Цѣханово?

— Сначала въ Цѣханово поклониться князю и княгинѣ и выслушать богослуженіе.

— А потомъ?—спросилъ Гловачъ.

Збышко усмѣхнулся и отвѣчалъ:

— Потомъ... кто знаетъ? Можетъ быть и въ Богданецъ.

Чехъ съ изумленіемъ взглянулъ на него. Въ головѣ у него мелькнула мысль, что, можетъ быть, молодой господинъ его отказался отъ дочери Юранда, и это показалось ему тѣмъ правдоподобнѣе, что молодая дочь Юранда уѣхала, и что до слуха Гловача дошло, будто Юрандъ не расположенъ къ молодому рыцарю. Оруженосецъ утѣшался этой мыслью потому, что онъ такъ любилъ Ягенку, что смотрѣлъ на нее, какъ на звѣзду небесную, и готовъ былъ собственной кровью купить ея счастье. Збышко онъ тоже полюбилъ и всей душой желалъ служить имъ обоимъ до самой смерти.

— Такъ, значитъ, ваша милость и останется въ имѣніи?—спросилъ онъ съ радостью.

— Какъ-же мнѣ тамъ остаться,—отвѣчалъ Збышко,—коли я долженъ вызвать на поединокъ рыцарей крестоносцевъ, а передъ тѣмъ еще Лихтенштейна. Де-Лорхе говорилъ, будто-бы магистръ собирается пригласить короля въ Торнъ, тогда я прицѣплюсь какъ нибудь къ королевской свитѣ,—и я такъ думаю, что въ Торнѣ Завиша изъ Горбова или Повало изъ Тачева выпросятъ у нашего господина разрѣшеніе на то, чтобы я могъ сразиться съ этими монахами. Они, навѣрное, выйдутъ съ оруженосцами, а потому и тебѣ найдется дѣло.

— Я-бы готовъ былъ самъ монахомъ сдѣлаться, если-бы этого не должно было случиться— сказалъ Чехъ.

Збышко одобрительно взглянулъ на него.

— Да, тому, кто на твое желѣзо попадетъ, не сдобровать. Христосъ надѣлилъ тебя порядочной силой, но было-бы не хорошо, если-бы ты ею слишкомъ хвастался, потому что истинному оруженосцу приличествуетъ скромность.

Чехъ утвердительно кивнулъ головой, въ знакъ того, что хвастаться онъ ею не будетъ, но на нѣмцевъ не поскупится, а Збышко продолжалъ усмѣхаться, только не оруженосцу, а собственнымъ мыслямъ.

— Старый господинъ будетъ радъ,—сказалъ черезъ минуту Гловачъ, и въ Згоржелицахъ тоже будутъ рады.

И вдругъ Збышко представилась Ягенка, да такъ ясно, какъ будто она находилась передъ нимъ въ саняхъ. Это бывало всегда, когда онъ нечаянно вспоминалъ о ней.

— «Нѣтъ!—говорилъ онъ себѣ.—она не будетъ рада, потому что если я возвращусь въ Богданецъ, такъ это будетъ съ Данусей, а она пусть беретъ себѣ другого...». Тутъ передъ его глазами мелькнули Волкъ

изъ Бржотовой и молодой Чтанъ изъ Рогова, и ему вдругъ сдѣлалось грустно при мысли, что дѣвушка можетъ попасть въ руки одного изъ нихъ: «Лучше было бы, если-бъ она нашла кого нибудь третьяго,—думалъ онъ про себя,—вѣдь это пьяницы и мошенники, а дѣвушка хорошая». Онъ подумалъ также о томъ, что дядѣ его, когда онъ узнаетъ о всемъ, что произошло, будетъ не совсѣмъ по себѣ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ утѣшался при мысли, что для Мацько главное было происхожденіе и богатство, которое могло бы увеличить достоинство ихъ собственной силы; правда, Ягенка была ближе, за межей, но зато Юрандъ былъ болѣе значительный помѣщикъ, чѣмъ Зыхъ изъ Згоржелицъ, а поэтому можно легко предвидѣть, что Мацько не долго будетъ сердиться на это родство, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ о любви племянника и о томъ, сколькимъ онъ обязанъ Данусѣ... Поворчитъ немного, а потомъ будетъ радъ и полюбитъ Данусю, какъ собственнаго ребенка... И вдругъ Збышко почувствовалъ необыкновенную тоску по этомъ дядѣ, который, не смотря на то, что былъ человѣкъ суровый, любилъ его и берегъ, какъ зеницу ока: въ битвахъ онъ охранялъ его больше, чѣмъ самого себя, ради него захватывалъ добычу, ради него хлопоталъ объ имуществѣ. Вѣдь ихъ было всего двое на всемъ свѣтѣ! Родственниковъ у нихъ не было, развѣ какіе нибудь отдаленные, вродѣ аббата, а потому, когда имъ по временамъ приходилось разлучаться, они не знали за что приняться другъ безъ друга, въ особенности старикъ, который уже ничего не желалъ для самого себя.

— Да! онъ будетъ радъ, онъ будетъ радъ!—повторялъ Збышко,—и одного только желалъ-бы я, чтобы и Юрандъ принялъ меня такъ, какъ тотъ меня приметъ.

И онъ началъ представлять себѣ, что скажетъ и какъ поступитъ Юрандъ, когда узнаетъ объ ихъ бракѣ. Въ этихъ мысляхъ было нѣкоторое безпокойство, но не слишкомъ сильное, потому что вѣдь все ужъ было кончено.

На поединокъ Юранду неудобно было вызывать его; а если-бы онъ слишкомъ противился, то Збышко могъ такъ сказать ему: «Согласитесь лучше, пока я прошу, потому что ваши права на Данусю—человѣческія, а мои—Божескія, и теперь она уже не ваша, а моя». Онъ какъ-то слышалъ однажды отъ клирика, знающаго толкъ въ Священномъ Писаніи, что женщина должна покинуть отца и мать и пойти за мужемъ, и потому онъ чувствовалъ себя болѣе сильнымъ. Онъ не допускалъ, чтобы между нимъ и Юрандомъ дѣло могло-бы дойти до лютой вражды, потому что онъ слѣпо разсчитывалъ на просьбы Дануси и столь-же слѣпо, если еще не болѣе, на вмѣшательство князя, которому Юрандъ былъ подвластенъ, и княгини, которую онъ любилъ, какъ воспитательницу своего ребенка.

Въ Пржаснышѣ имъ совѣтовали остаться переночевать, предостерегая ихъ отъ волковъ, которые, по случаю сильныхъ морозовъ, собирались въ такія огромныя стаи, что нападали даже на цѣлые обозы. Но Збышко не хотѣлъ обращать на это вниманія, потому что въ трактирѣ они встрѣтились съ нѣсколькими рыцарями мазовецкими, которые со свитами ѣхали также къ князю въ Цѣханово, и нѣсколькими вооруженными купцами цѣхановскими съ нагруженными въ Пруссіи возами. Ѣхать въ такомъ большомъ числѣ не представляло опасности, а поэтому всѣ двинулись въ путь передъ ночью, не смотря на то, что подъ вечеръ поднялся страшный вѣтеръ, нагнавшій тучи, и началась мятель.

Они ѣхали, держась близко одинъ другого, но такъ медленно, что Збышко начиналъ думать, что они не поспѣютъ пріѣхать къ сочельнику. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приходилось раскапывать сугробы, потому что лошади совершенно не могли пройти. Къ счастью, дорога шла лѣсомъ, и заблудиться было трудно. Но, какъ-бы то ни было, почти совершенно темнѣло, когда они увидали Цѣханово.

Быть можетъ, имъ долго пришлось-бы плутать вокругъ города, среди снѣжной мглы и свиста бури, не догадываясь о томъ, что они уже пріѣхали, если-бы не огни, пылавшіе на возвышенности, на которой строился новый замокъ. Никто хорошенько не зналъ, ради чего зажигались эти огни въ сочельникъ: ради-ли гостей или по какому нибудь стародавнему обычаю, но теперь никто изъ сотоварищей Збышко не думалъ объ этомъ, потому что всѣ какъ можно скорѣе хотѣли добраться до города. А тѣмъ временемъ мятель все усиливалась и усиливалась. Рѣзкій и холодный вѣтеръ несъ цѣлыя тучи снѣга, гнулъ деревья, ревѣлъ, безумствовалъ, срывалъ цѣлые сугробы, поднималъ ихъ на воздухъ, крутилъ ими, обращалъ ихъ въ пыль и осыпалъ ими возы, лошадей, билъ въ лицо путешественниковъ, какъ-бы острымъ пескомъ, захватывалъ ихъ дыханіе и не давалъ говорить. Бубенчиковъ, привязанныхъ къ дышлу, совсѣмъ не было слышно, зато въ завываніи и въ свистѣ мятели слышались какіе-то жалобные голоса, не то волковъ, не то отдаленное конское ржаніе, не то полные ужаса человѣческіе крики и мольбы о спасеніи. Измученныя лошади жались другъ къ другу и все больше замедляли ходъ.

— Эхъ! вотъ мятель, такъ мятель,—сказалъ задыхающимся голосомъ Чехъ.—Счастье наше, господинъ, что мы уже у самаго города и что огни горятъ, иначе плохо-бы намъ пришлось!

— Кто теперь въ полѣ, тому—смерть!—отвѣчалъ Збышко,—но вотъ уже и огней невидно.

— Мгла такая, что и огонь не пробьется. А, можетъ быть, вѣтеръ разметалъ дрова и уголь; на другихъ саняхъ купцы и рыцари также бесѣдовали о томъ, что если кого нибудь мятель захватитъ вдали отъ

людского жилья, тому завтра не придется слышать звона колоколовъ. Но вдругъ Збышко встревожился и сказалъ:

— Не дай Богъ, чтобы Юрандъ былъ въ дорогѣ.

Хотя Чехъ и былъ всецѣло занятъ наблюденіемъ за огнями, но, услыхавъ слова Збышко, повернулъ къ нему голову и спросилъ:

— Такъ господинъ изъ Спыхова тоже собирался пріѣхать?

— Собирался.

— Съ молодой госпожей?

— А вѣдь огня-то, правда, не видно,—отвѣчалъ Збышко.

— И дѣйствительно, огонь потухъ, но вмѣсто того на дорогѣ, рядомъ съ санями и лошадьми, появилось нѣсколько всадниковъ.

— Чего напираешь?—закричалъ чуткій чехъ, хватаясь за лукъ.— Кто вы?

— Княжескіе люди, высланные на помощь путникамъ.

— Да будетъ прославлено имя Господа нашего Іисуса Христа.

— Во вѣки вѣковъ.

— Проводите насъ въ городъ!—откликнулся Збышко.

— Никто изъ васъ не отсталъ!

— Никто!

— Откуда вы ѣдете?

— Изъ Пржасныша.

— А другихъ путниковъ вы на дорогѣ не видали?

— Не видали. Но, можетъ быть, есть на другихъ дорогахъ.

— Люди разосланы повсюду. Поѣзжайте съ нами. Вы свернули съ дороги! Направо!

И они повернули лошадей. Нѣкоторое время слышенъ былъ только вой бури.

— Много гостей въ старомъ замкѣ?—спросилъ Збышко, помолчавъ немного.

Ближайшій всадникъ, не разслышавъ, наклонился къ нему.

— Что вы говорите, господинъ?

— Я спрашиваю, много-ли гостей у князя?

— Какъ всегда: довольно!

— А рыцаря изъ Спыхова нѣтъ?

— Нѣтъ, но его ждутъ. Къ нему навстрѣчу тоже поѣхали люди.

— Съ факелами?

— Куда тамъ? Развѣ въ такой вѣтеръ можно.

Но они не могли продолжать разговоръ, потому что вой бури еще усилился.

— Настоящая дьявольская свадьба!—откликнулся Чехъ.

Но Збышко приказалъ ему молчать и не называть нечистаго имени.

— Развѣ ты не знаешь,—сказалъ онъ, — что въ такіе дни дьявольская сила слабѣетъ, и что черти прячутся въ проруби? Однажды въ сочельникъ въ Сандалири рыбаки въ неводѣ выволокли одного изъ нихъ; онъ держалъ въ пасти щуку, но когда до его слуха достигъ звонъ колоколовъ, такъ онъ сейчасъ же потерялъ сознаніе, а рыбаки до самой вечерни колотили его палками. Да! вьюга-таки страшная, но это по соизволенію Господа нашего Іисуса Христа, который, очевидно, хочетъ, чтобы завтрашній день былъ тѣмъ болѣе радостный.

— Да! вотъ мы были тутъ же у самаго города, а все-таки, если бы не эти люди, мы, можетъ быть, блуждали бы до самой полуночи, потому что мы съ дороги даже свернули,—сказалъ Гловачъ.

— Потому что огни загасли.

Тѣмъ временемъ они дѣйствительно въѣхали въ городъ. Снѣжные сугробы на улицахъ были такіе большіе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти закрывали окна, вотъ почему путники, блуждая у города, не могли увидѣть свѣта. Но за то здѣсь вѣтеръ давалъ себя меньше знать. Улицы были пусты, жители сидѣли уже за ужиномъ. Передъ нѣкоторыми домами мальчики колядовали съ вертепомъ и козой, несмотря на мятель. На рынкѣ встрѣчались люди, обвитые въ гороховую солому и изображавшіе медвѣдей, но въ общемъ было пусто. Купцы, которые сопровождали Збышко, остались въ городѣ, а онъ и другіе рыцари поѣхали дальше, къ старому замку, въ которомъ жилъ князь и стеклянныя окна котораго весело свѣтились, не смотря на мятель.

Подъемный мостъ былъ опущенъ, потому что времена литовскихъ нападеній уже миновали, а крестоносцы, предвидя войну съ польскимъ королемъ, сами искали дружбы князя мазовецкаго. Одинъ изъ людей князя затрубилъ въ рогъ, и ворота сейчасъ же отворились. У воротъ было человѣкъ десять стрѣльцовъ, но ни на стѣнахъ, ни на палисадахъ ни одной живой души, потому что князь позволилъ всей стражѣ сойти. Навстрѣчу гостямъ вышелъ старый Мрокота, который пріѣхалъ два дня тому назадъ и, привѣтствовавъ ихъ отъ имени князя, провелъ ихъ въ комнаты, гдѣ они могли переодѣться къ столу.

Збышко тотчасъ же началъ разспрашивать его объ Юрандѣ изъ Спыхова, но тотъ отвѣчалъ, что его еще нѣтъ, но что его ждутъ, потому что вѣдь онъ обѣщалъ пріѣхать, а еслибы онъ сильнѣе захворалъ, то, навѣрное, далъ бы знать. Навстрѣчу ему выслали человѣкъ десять всадниковъ, потому что такой мятели и старики не запомнятъ.

— Такъ, можетъ быть, они скоро пріѣдутъ сюда?

— Должно быть, скоро. Княгиня приказала поставить для нихъ приборъ за общимъ столомъ.

Хотя Збышко всегда немного боялся Юранда, но обрадовался и сказалъ себѣ: «пусть себѣ дѣлаетъ, что хочетъ, но этого измѣнить онъ

не можетъ: она моя жена, моя милая Дануся!» и, повторяя про себя эти слова, онъ едва могъ повѣрить собственному счастью. Потомъ онъ подумалъ, что, можетъ быть, она во всемъ призналась ему, можетъ быть—убѣдила и упросила, чтобы онъ сейчасъ же отдалъ ее. «По правдѣ сказать, что же ему остается дѣлать? Юрандъ человѣкъ умный и знаетъ, что какъ бы онъ ни удерживалъ, я все-таки возьму ее, потому что мои права на нее больше».

А тѣмъ временемъ онъ одѣвался и разговаривалъ съ Мрокотой, разспрашивая о здоровьѣ князя и, въ особенности, о здоровьѣ княгини, которую онъ, еще во время пребыванія въ Краковѣ, полюбилъ, какъ родную мать. Онъ обрадовался, узнавъ, что во дворцѣ всѣ здоровы и веселы, хотя княгиня очень тоскуетъ по своей милой пѣвуньѣ. Теперь на лютнѣ играетъ Ягенка, которую княгиня очень любитъ, но все-таки не такъ, какъ Данусю.

— Какая Ягенка?—спросилъ Збышко съ изумленіемъ.

— Ягенка изъ Вельголяса, внучка стараго рыцаря. Славная дѣвка, Лотарингецъ уже влюбился въ нее.

— Такъ рыцарь де Лорхе тоже здѣсь?

— А гдѣ же ему быть? Пріѣхалъ сюда изъ лѣсного замка, да и сидитъ здѣсь, потому что ему хорошо. У нашего князя никогда нѣтъ недостатка въ гостяхъ.

— Я радъ увидѣться съ нимъ, потому что этого рыцаря ни въ чемъ нельзя упрекнуть.

— И онъ тоже любитъ васъ. Но идемъ, потому что князь и княгиня уже садятся за столъ.

И они пошли. Въ столовой, въ двухъ очагахъ, пылали огромные огни, за которыми присматривали мальчики, и вся комната была уже полна гостями и придворными. Князь вошелъ первый въ сопровожденіи воеводы и нѣсколькихъ приближенныхъ. Збышко поклонился ему въ ноги и поцѣловалъ его руку.

А князь обнялъ его голову и, отведя его въ сторону, сказалъ:

— Я ужъ все знаю. Сначала мнѣ было очень досадно, что вы сдѣлали это безъ моего разрѣшенія, но, дѣйствительно, времени было мало, потому что въ то время я былъ въ Варшавѣ, гдѣ собирался и праздникъ провести. Впрочемъ, вѣдь извѣстное дѣло: коли женщина захочетъ что-нибудь, такъ и не противься этому, потому что все равно ни къ чему не придешь. Княгиня любитъ васъ, какъ мать, а я всегда хочу скорѣе угодить ей, чѣмъ спорить съ ней, чтобы не заставлять ее огорчаться и плакать.

Збышко еще разъ наклонился къ ногамъ князя.

— Дай Богъ чѣмъ-нибудь отслужить вашей княжеской милости.

— Хвала имени его зато, что ты уже здоровъ. Разскажи же княгинѣ, какъ я ласково встрѣтилъ тебя; она этому обрадуется. Ей Богу! ея радость—моя радость. Юранду я за тебя тоже доброе слово замолвлю, и я думаю, что онъ дастъ позволеніе, потому что тоже любитъ княгиню.

— А если бы онъ и не захотѣлъ его дать, такъ мое право все-таки сильнѣе.

— Твое право сильнѣе, и ему придется согласиться, но благословенія онъ можетъ васъ лишить. Этого силой его не заставишь дать, а безъ родительскаго благословенія нѣтъ и Божьяго.

Закручинился Збышко, услыхавъ эти слова, потому что до той поры онъ не думалъ объ этомъ. Но въ ту минуту въ комнату вошла княгиня съ Ягенкой изъ Вельголяса и другими придворными дѣвушками, и Збышко подскочилъ, чтобы поклониться княгинѣ, а она привѣтствовала его еще ласковѣе, чѣмъ князь, и сейчасъ же стала говорить съ нимъ о предстоящемъ пріѣздѣ Юранда. Вотъ для нихъ и приборы поставлены, и люди высланы, чтобы они не заблудились въ эту мятель. Но съ ужиномъ дольше ждать ужъ неудобно, потому что «господинъ» не любитъ этого, они, навѣрное, подъѣдутъ, прежде чѣмъ кончится ужинъ.

— Что касается Юранда, — сказала княгиня, — то на все воля Божья. Я ему скажу все или сегодня, или завтра послѣ службы, а князь тоже пообѣщалъ и свое слово замолвить. Юрандъ суровъ, но не съ тѣми, кого онъ любитъ или кому онъ обязанъ.

Тутъ она стала объяснять Збышко, какъ онъ долженъ держать себя съ тестемъ, чтобы его, Боже сохрани, не обидѣть или не разсердить. Въ общемъ, она разсчитывала, что все обойдется, но тотъ, кто лучше зналъ людей и былъ болѣе проницателенъ, чѣмъ Збышко, легко замѣтилъ бы въ ея словахъ безпокойство. Можетъ быть, это было оттого, что Юрандъ изъ Спыхова не былъ вообще мягкимъ человѣкомъ, а, можетъ быть, она начинала безпокоиться тѣмъ, что ихъ такъ долго не видно было. Мятель все усиливалась, и всѣ говорили, что тотъ, кого она застанетъ въ чистомъ полѣ, можетъ на немъ и остаться; но княгинѣ приходили въ голову и другія соображенія: можетъ быть, Дануся призналась отцу, что она уже повѣнчана со Збышко, а онъ, оскорбившись, рѣшилъ совсѣмъ не пріѣзжать въ Цѣханово. Но княгиня не хотѣла повѣрить Збышко этихъ мыслей, да и времени на это не было, потому что слуги начали приносить яства и ставить ихъ на столы. Збышко успѣлъ еще поклониться ей въ ноги и спросить:

— А если они пріѣдутъ, какъ же тогда будетъ, милостивая госпожа? Мрокота говорилъ мнѣ, что для Юранда приготовлена особая комната, тамъ же найдется и сѣно на подстилку для его оруженосцевъ. Такъ какъ же будетъ?..

А княгиня засмѣялась и, слегка ударивъ его перчаткой по лицу, сказала:

— Тише! Это еще что? Смотрите какой!

И она отошла къ князю, которому слуги его уже выдвинули кресло, чтобы онъ могъ сѣсть на немъ. Но, еще передъ тѣмъ, одинъ изъ нихъ подалъ ему плоскую миску, наполненную мелко нарѣзаннымъ сладкимъ хлѣбомъ и облатками, которыя князь долженъ былъ роздать гостямъ, придворнымъ и прислугѣ. Другую миску для княгини держалъ красивый подростокъ, сынъ сохачевскаго кастеляна. Съ другой стороны стола стоялъ ксендзъ Вышонекъ, который долженъ былъ благословить ужинъ, уставленный на душистомъ сѣнѣ.

Въ эту минуту въ дверяхъ показался человѣкъ, весь покрытый снѣгомъ, и громко сказалъ:

— Милостивый господинъ!

— Чего тебѣ?—сказалъ князь, недовольный порерывомъ обряда.

— На Радзановской дорогѣ совсѣмъ занесло какихъ-то путниковъ. Намъ нужно больше людей, чтобы откопать ихъ.

Испугались всѣ, услышавъ это, встревожился князь и, обратившись къ сохачевскому кастеляну, закричалъ:

— Верховыхъ съ лопатами живо!—и снова обратившись къ вѣстнику: много занесенныхъ?

— Мы не могли сосчитать. Мететъ страшно. Тамъ есть и лошадь и возы. Свита большая.

— Не знаете, чьи?

— Люди говорятъ: господинъ изъ Спыхова.

II.

Услыхавъ печальное извѣстіе, Збышко, не испросивъ даже позволенія князя, побѣжалъ въ конюшни и приказалъ сѣдлать лошадей. Чехъ, который, какъ оруженосецъ-дворянинъ, тоже находился въ столовой, едва успѣлъ забѣжать въ комнату и принести лисью шубу; онъ и не пробовалъ удержать молодого человѣка, такъ какъ, имѣя отъ природы умную голову, зналъ хорошо, что никакіе уговоры ни къ чему не приведутъ, а всякая проволочка можетъ оказаться пагубной. Вскочивъ на другую лошадь, онъ у воротъ схватилъ еще нѣсколько факеловъ у привратника и вмѣстѣ съ княжескими людьми, которыхъ быстро собралъ старый кастелянъ, двинулся въ путь. За воротами ихъ охватила непроглядная темнота, но мятель, казалось, уменьшилась. Они, можетъ быть, и заблудились-бы за городомъ, если-бы не тотъ человѣкъ, который первый сообщилъ имъ о несчастьи и который теперь служилъ имъ хорошимъ проводникомъ, тѣмъ болѣе, что имѣлъ при себѣ собаку и уже раньше

ознакомился съ дорогой. На открытомъ полѣ вихрь снова сталъ рѣзать лицо, тѣмъ сильнѣе, что они скакали во весь опоръ. Дорога была вся завалена снѣгомъ, такъ что мѣстами приходилось ѣхать медленнѣе, потому что лошади проваливались въ снѣгъ по самое брюхо. Княжескіе люди зажгли факелы и ѣхали, окруженные дымомъ и пламенемъ, которое вѣтеръ раздувалъ съ такой силой, какъ будто хотѣлъ оторвать его отъ смоляныхъ щепъ и вынести на поля и въ лѣсъ. Дорога была не близкая; они уже миновали ближайшія къ Цѣханову селенія, проѣхали Нѣдзбожъ, потомъ повернули въ сторону Радзанова. Но за Нѣдзбожомъ мятель начала замѣтно стихать. Порывы вѣтра сдѣлались слабѣе и не несли уже съ собой цѣлыхъ тучъ снѣжной пыли. Небо прояснилось. Снѣгъ еще падалъ, но и тотъ вскорѣ перестаалъ. Потомъ, тамъ и сямъ, сквозь тучи показались и звѣзды. Кони начали фыркать, всадники стали свободнѣе дышать. Звѣздъ показывалось все больше, и морозъ усиливался. Вскорѣ все стихло.

Рыцарь де-Лорхе, который ѣхалъ рядомъ съ Збышко, принялся его утѣшать, говоря, что Юрандъ въ минуту опасности, конечно, прежде всего подумалъ о спасеніи дочери, и если-бы даже всѣхъ откопали мертвыми, ее найдутъ конечно живой, а, можетъ быть, и спящей подъ шкурами. Но Збышко мало его понималъ, да къ тому-же не имѣлъ времени его слушать, потому что проводникъ, ѣхавшій впереди нихъ, вскорѣ свернулъ съ дороги.

— Отчего мы сворачиваемъ?

— Оттого, что ихъ занесло не на дорогѣ, а вонъ тамъ! Видите господинъ, этотъ ольшанникъ?

Говоря это, онъ указалъ рукой на темнѣющую вдалекѣ полоску лѣса, которая ясно виднѣлась на бѣлой снѣжной пеленѣ, потому что луна выглянула изъ-за тучъ. Ночь совершенно прояснилась.

— Они, очевидно, сбились съ дороги.

— Да, сбились и все время кружились около рѣки. Во время вьюги и мятели это легко можетъ случиться. Ѣхали, ѣхали, пока лошади не стали.

— Какъ-же ихъ нашли?

— Собака привела.

— По близости нѣтъ никакого жилья?

— Есть, по ту сторону рѣки. Тутъ сейчасъ-же Вкра.

— Погоняй лошадей! воскликнулъ Збышко.

Но легче было дать приказаніе, чѣмъ исполнить его, потому что хотя морозъ усиливался, на полѣ лежалъ еще не замерзшій глубокій снѣгъ, въ которомъ лошади проваливались выше колѣнъ; поэтому двигаться впередъ пришлось медленно. Вдругъ они услыхали лай собаки

прямо передъ ними выросъ толстый ивовый пень, надъ которымъ при свѣтѣ мѣсяца блестѣлъ цѣлый пучекъ вѣтвей.

— Тѣ дальше,—сказалъ проводникъ, — вблизи ольшанника, но и здѣсь тоже что-то должно быть.

Нѣсколько человѣкъ изъ княжескихъ людей сошли съ лошадей и стали свѣтить факелами, и вскорѣ одинъ изъ нихъ закричалъ:

— Человѣкъ подъ снѣгомъ. Видно голову, вотъ здѣсь.

— И лошадь!—закричалъ другой.

— Откопать!

Лопаты стали погружаться въ снѣгъ и разбрасывать его въ разныя стороны.

Черезъ мгновеніе подъ деревомъ можно было различить сидящую фигуру, съ склоненной на грудь головой и шапкой сдвинутой на лицо. Одна рука держала поводья лошади, которая лежала рядомъ, зарывъ морду въ снѣгъ. Очевидно, человѣкъ этотъ отъѣхалъ отъ всего поѣзда: можетъ быть, для того, чтобы скорѣе проѣхать къ людскому жилью и прислать помощь, а когда лошадь его пала, онъ спрятался подъ ивой, на противоположной отъ вѣтра сторонѣ—и тамъ замерзъ.

— Посвѣти! закричалъ Збышко. Слуга приблизилъ факелъ къ лицу замерзшаго, но черты его трудно было разобрать сразу, изъ груди всѣхъ вырвался одинъ крикъ:

— Юрандъ изъ Спыхова!

Збышко велѣлъ двумъ слугамъ поднять его и какъ можно скорѣе нести въ ближайшую избу, а самъ, не теряя ни минуты, полетѣлъ съ оставшимися слугами на спасенье остальныхъ. Дорогой онъ думалъ, что найдетъ тамъ Данусю, свою жену, можетъ быть уже мертвую, и онъ напрягалъ послѣднія силы своей лошади, которая погружалась въ снѣгъ по самую грудь. Къ счастью, было недалеко. Изъ темноты послышались голоса: «Сюда!»—Это звали люди, которые раньше остались у занесенныхъ снѣгомъ. Збышко соскочилъ съ лошади:

— За лопаты!

Двое саней было уже откопано тѣми, которые остались сторожить. Лошади и люди, находившіеся въ нихъ, замерзли, для нихъ не было спасенія. Гдѣ находились другія запряжки, можно было догадаться по снѣжнымъ холмикамъ, хотя не всѣ сани были покрыты снѣгомъ, рядомъ съ нѣкоторыми виднѣлись лошади, брюхомъ упиравшіяся въ сугробы, какъ-бы готовыя скакнуть, онѣмѣвшія въ послѣднемъ усиліи. У одной пары стоялъ человѣкъ съ копьемъ въ рукѣ, по поясъ въ снѣгу, неподвижный какъ столбъ; у нѣкоторыхъ другихъ саней люди замерзли, ухвативъ лошадей за уздечку. Смерть очевидно настигла ихъ въ ту минуту, когда они хотѣли вытащить лошадей изъ подъ снѣжныхъ заваловъ. Одна запряжка, въ концѣ обоза, оказалась совсѣмъ не занесен-

ной. Возница, съежившись, и зажавъ руками уши, сидѣлъ на козлахъ, а позади него лежало еще двое людей: длинныя полосы снѣга, навѣянныя поперекъ ихъ груди, прикрывали ихъ, точно одѣяла, а они, казалось, спали тихо и спокойно. Другіе погибли, до послѣдней минуты борясь съ мятелью, потому что замерзли въ положеніи, полномъ напряженія; нѣсколько саней опрокинулись, у нѣкоторыхъ были поломаны дышла. Лопаты то и дѣло отрывали конскія спины, напряженныя, какъ тетива у лука, или морды, утонувшія въ снѣгу, людей въ саняхъ или около нихъ, — но нигдѣ не было найдено ни единой женщины. Збышко работалъ лопатой такъ, что потъ лилъ съ него ручьемъ, по временамъ освѣщалъ факеломъ лица замерзшихъ съ бьющимся сердцемъ, не увидитъ-ли онъ между ними любимаго лица — но все напрасно! Пламя факеловъ освѣщало только грозныя лица спыховскихъ забіякъ, но ни Дануси, ни какой-нибудь другой женщины не было.

— Что это значитъ? — съ изумленіемъ спрашивалъ себя молодой рыцарь.

И онъ окликалъ людей, работавшихъ поодаль, спрашивая, не нашли-ли они кого-нибудь; но тѣ находили только однихъ мужчинъ. Наконецъ, работа была окончена. Слуги запрягли въ сани своихъ лошадей и, сѣвъ на козлы, двинулись съ трупами въ путь къ Нѣдзбожу чтобы тамъ въ теплѣ еще разъ попробовать, нельзя ли возвратить къ жизни кого нибудь изъ замерзшихъ. Збышко съ чехомъ и двумя слугами еще оставался, ему пришло въ голову, что, можетъ быть, сани съ Данусей отдѣлились отъ остальныхъ. Можетъ быть, Юрандъ, если, что весьма вѣроятно, въ нихъ были запряжены лучшія лошади, велѣлъ имъ ѣхать впередъ, а, можетъ быть, онъ оставилъ ее гдѣ нибудь по дорогѣ у избы. Збышко самъ не зналъ, что ему дѣлать; во всякомъ случаѣ онъ еще разъ хотѣлъ осмотрѣть ближайшіе сугробы, ольшанникъ, а потомъ вернуться и искать по дорогѣ.

Но въ сугробахъ не нашлось ничего. Въ ольшанникѣ нѣсколько разъ блеснули передъ ними волчьи глаза, но нигдѣ не встрѣтили они слѣдовъ человѣка или лошади. Поле между ольшанникомъ и дорогой сверкало теперь при свѣтѣ мѣсяца, и на бѣлой, печальной поверхности его виднѣлось тамъ и сямъ нѣсколько темныхъ пятенъ, но это были также волки, которые, чуя приближеніе людей, быстро убѣгали.

— Ваша милость! — сказалъ наконецъ Чехъ: мы напрасно здѣсь ѣздимъ и ищемъ, потому что молодой госпожи изъ Спыхова съ ними не было.

— На дорогу!—отвѣчалъ Збышко.

— Мы и на дорогѣ не найдемъ ее!—Я хорошо смотрѣлъ, не было-ли на какихъ-нибудь саняхъ сундуковъ съ женскими нарядами,—ничего не было. Молодая госпожа осталась въ Спыховѣ.

Збышко поразила мѣткость этого сужденія, и онъ отвѣчалъ:

— Дай Богъ, чтобы было такъ, какъ ты говоришь.

А Чехъ еще глубже полѣзъ въ свою голову за умомъ:

— Если бы она была гдѣ нибудь въ саняхъ, старый господинъ не отъѣхалъ-бы отъ нея, или, отъѣхавъ, взялъ-бы ее къ себѣ на лошадь, и мы нашли-бы ее рядомъ съ нимъ.

— Поѣдемъ еще разъ туда! — сказалъ Збышко, встревоженнымъ голосомъ.

Ему пришло на умъ, что все такъ и было, какъ говорилъ Чехъ. Что, если они искали не достаточно тщательно? Что если Юрандъ взялъ Данусю къ себѣ на лошадь, а потомъ, когда лошадь пала, Дануся отошла отъ отца, желая отыскать для него какую-нибудь помощь? Въ такомъ случаѣ она могла находиться гдѣ нибудь по близости.

Но Гловачъ, какъ-бы отгадавъ его мысли, повторилъ:

— Въ такомъ случаѣ на саняхъ мы нашли бы наряды, потому что не пошла-бы она ко двору въ той же одеждѣ, въ которой была въ дорогѣ.

Не смотря на справедливость этого замѣчанія, они еще разъ поѣхали къ вербѣ, но ни подъ ней, ни по близости отъ нея не нашли ничего.

Юранда уже забрали княжескіе люди въ Нѣдзбожъ, и вокругъ было совершенно пусто. Чехъ замѣтилъ еще, что собака, которая отыскала Юранда, отыскала бы и Данусю. Тогда Збышко вздохнулъ свободнѣе, потому что почти убѣдился въ томъ, что Дануся осталась дома. Онъ даже съумѣлъ объяснить самому себѣ, почему такъ случилось: очевидно, Дануся призналась во всемъ отцу, а этотъ послѣдній, не соглашаясь на ея замужество, нарочно оставилъ ее дома, а самъ пріѣхалъ къ князю, чтобы высказать ему свою жалобу и искать его заступничества передъ епископомъ. При мысли объ этомъ Збышко не могъ воздержаться отъ чувства нѣкотораго облегченія и даже радости, такъ какъ со смертью Юранда исчезали всѣ преграды. Юрандъ не хотѣлъ, но Христосъ хочетъ—говорилъ себѣ молодой рыцарь,—а воля Господня всегда сильнѣе». Теперь ему надо было только ѣхать въ Спыхово и взять Данусю, какъ свою собственность, а потомъ только исполнить свой обѣтъ, который легче было выполнить на самой границѣ, чѣмъ въ далекомъ Богданцѣ. «Воля Господня, воля Господня!»—повторялъ онъ про себя, но, вдругъ онъ устыдился своей быстрой радости и, обратившись къ Чеху, сказалъ:

— Мнѣ, право, очень жаль его, и я говорю это громко.

— Люди говорятъ, что нѣмцы боялись его хуже смерти, — отвѣчалъ оруженосецъ.—Мы теперь возвратимся въ замокъ? спросилъ онъ, помолчавъ.

— Черезъ Нѣдзбожъ—отвѣчалъ Збышко.

Въ Нѣдзбожъ они заѣхали къ старому помѣщику Желеху. Юранда они ужъ не нашли тамъ, но Желехъ сообщилъ имъ хорошую вѣсть:

— Его тутъ растирали снѣгомъ и вливали ему въ ротъ вино, а потомъ парили его въ банѣ, и онъ, наконецъ, сталъ дышать.

— Живъ?—воскликнулъ съ радостью Збышко, который, услышавъ эту новость, забылъ о своихъ собственныхъ дѣлахъ.

— Живъ, но Богъ знаетъ — выживетъ-ли, потому что душа неохотно возвращается съ полдороги.

— Такъ зачѣмъ-же его увезли?

— Прислали отъ князя. Собрали сколько было перинъ въ домѣ, всѣми покрыли его и повезли.

— Онъ ничего не говорилъ о дочери?

— Онъ едва началъ дышать; рѣчь еще не возвращалась къ нему.

— А другіе?

— А другіе уже у Бога за печкой. Ужъ не будутъ бѣдняги у обѣдни, развѣ у той, которую для нихъ самъ Христосъ на небѣ отслужитъ.

— Ни одинъ не ожилъ?

— Ни одинъ. Войдите въ комнату, вмѣсто того, чтобы въ сѣняхъ разговаривать. А если вы хотите ихъ видѣть, такъ они лежатъ въ людской, у огня. Пойдемъ въ комнату.

Но они спѣшили и не хотѣли войти, хотя старый Желехъ тянулъ ихъ, потому что радъ былъ при каждомъ удобномъ случаѣ поболтать съ человѣкомъ. Отъ Нѣдзбожа до Цѣханова было еще довольно далеко, и Збышко горѣлъ, какъ въ огнѣ, желая возможно скорѣе увидѣть Юранда и разузнать отъ него, что можно.

Поэтому они ѣхали какъ можно скорѣе по занесенной дорогѣ. Когда они пріѣхали было уже больше полуночи, и служба въ дворцовой часовнѣ уже кончилась. До слуха Збышко долетѣло мычанье воловъ и блеяніе козъ: эти звуки издавали набожные люди въ память того, что Христосъ родился въ ясляхъ. Послѣ обѣдни къ Збышко пришла княгиня съ опечаленнымъ лицомъ и стала разспрашивать:

— А Дануся?

— Ея нѣтъ. Развѣ Юрандъ еще не началъ говорить? Я слышалъ, что онъ живъ.

— Іисусъ милосердный!.. покаралъ насъ Господь, горе намъ! Юрандъ еще не началъ говорить и лежитъ пластомъ.

— Не бойтесь, милостивая госпожа, Дануся осталась въ Спыховѣ.

— Откуда ты это знаешь?

— Ни въ однихъ саняхъ нѣтъ и слѣда женскихъ нарядовъ. Вѣдь не везъ-же онъ ее въ одномъ полушубкѣ.

— Это правда, какъ Богъ Святъ, это правда!

И глаза ея радостно блеснули, и немного погодя она воскликнула:

— О, Іисусъ, родившійся сегодня, видно не гнѣвъ Твой надъ нами, а благословеніе.

Но тѣмъ не менѣе пріѣздъ Юранда безъ дочери изумлялъ ее, и поэтому она продолжала разспросы:

— Зачѣмъ-же оставилъ онъ ее дома?

— Збышко передалъ ей свои соображенія. Они показались ей справедливыми и не внушили ей опасенія.

— Теперь Юрандъ будетъ намъ обязанъ жизнью,—сказала она,— по правдѣ сказать, и тебѣ тоже, потому что ты тоже ѣздилъ откапывать его. Вмѣсто сердца у него былъ бы камень, еслибы онъ продолжалъ упорствовать. Въ этомъ видно и предостереженіе Господа, пусть не воюетъ со Святымъ Таинствомъ! Какъ только онъ очнется и заговоритъ, я сейчасъ-же скажу ему это.

— Надо, чтобъ онъ раньше очнулся, потому что еще вѣдь неизвѣстно, зачѣмъ онъ не взялъ Данусю. А вдругъ она больна?

— Не говори пустяковъ! Мнѣ и такъ жутко, что ея нѣтъ. Еслибы она была больна, такъ онъ не оставилъ-бы ее одну.

— Правда!—сказалъ Збышко, и они пошли къ Юранду. Въ комнатѣ было жарко, какъ въ банѣ, и совершенно свѣтло, такъ какъ въ очагѣ пылали огромныя сосновыя колоды.

Ксендзъ Вышонекъ сидѣлъ у больного, который лежалъ на постели, подъ медвѣжьими шкурами, съ блѣднымъ лицомъ, съ слипшимися отъ пота волосами и съ закрытыми глазами. Ротъ его былъ открытъ, и онъ тяжело дышалъ, но такъ сильно, что даже шкуры, которыми онъ былъ покрытъ, подымались и опускались отъ его дыханія.

— Ну, что съ нимъ?

— Я влилъ ему въ ротъ жбанъ согрѣтаго вина,—отвѣчалъ ксендзъ Вышонекъ,—и онъ спотѣлъ.

— Спитъ онъ или не спитъ?

— Можетъ быть и не спитъ, потому что очень тяжело дышетъ.

— А пробовали вы говорить съ нимъ?

— Пробовалъ, но онъ ничего не отвѣчаетъ, и я думаю, что до утра онъ не заговоритъ.

— Будемъ ждать утра—отвѣтила княгиня.

Ксендзъ Вышонекъ настаивалъ, чтобы она пошла спать, но она не хотѣла его слушать. Она старалась сравняться въ христіанской добродѣтели, въ умѣніи ухаживать за больными, съ королевой Ядвигой и этимъ надѣялась искупить грѣхи отца своего; поэтому она не упускала ни одного случая, чтобы въ этой христіанской странѣ проявить свое усердіе и тѣмъ заставить забыть, что она родилась въ язычествѣ.

Кромѣ того она горѣла нетерпѣніемъ узнать отъ Юранда хоть что

нибудь о Данусѣ, потому что она не была вполнѣ покойна на ея счетъ. Поэтому, усѣвшись около больного, она стала было читать молитвы, но скоро уснула. Збышко, который не былъ еще вполнѣ здоровъ и кромѣ того черезъ мѣру утомился въ продолженіе прошедшей ночи, скоро послѣдовалъ ея примѣру, и по прошествіи часа они оба спали такъ крѣпко, что не проснулись бы и до утра, если-бы на разсвѣтѣ они не были разбужены звономъ колокола въ дворцовой часовнѣ.

Но этотъ звонъ разбудилъ и Юранда, который открылъ глаза, сѣлъ вдругъ на своей постели и сталъ моргая оглядываться вокругъ.

— Слава Господу нашему Іисусу Христу!.. Какъ вы себя теперь чувствуете?—спросила княгиня. Но онъ, очевидно, еще не вполнѣ пришелъ въ себя, потому что глядѣлъ на нее, какъ будто не узнавая, и черезъ минуту закричалъ:

— Сюда! сюда! раскопать сугробъ!

— Богъ съ вами! Вы уже въ Цѣхановѣ!—снова заговорила княгиня.

Юрандъ нахмурилъ лобъ, какъ человѣкъ, который съ трудомъ собирается съ мыслями, и отвѣчалъ:

— Въ Цѣхановѣ?.. Дочка ждетъ и... князь съ княгиней... Дануся! Дануся!..

И вдругъ, закрывъ глаза, онъ снова упалъ на изголовье. Збышко и княгиня испугались, не умеръ-ли онъ, но въ ту-же минуту грудь его стала высоко подыматься, какъ у человѣка, который погрузился въ глубокій сонъ.

Отецъ Вышонекъ приложилъ палецъ къ губамъ и, сдѣлавъ знакъ рукой, чтобы его не будили, прошепталъ:

— Можетъ быть, онъ проспитъ такъ цѣлый день.

— Хорошо, но что онъ говорилъ? спросила княгиня.

— Говорилъ, что дочь ждетъ его въ Цѣхановѣ,—отвѣчалъ Збышко.

— Онъ не пришелъ еще въ себя—пояснилъ ксендзъ.

III.

Отецъ Вышонекъ боялся даже, что бредъ не покинетъ Юранда и послѣ второго пробужденія. А тѣмъ временемъ онъ обѣщалъ княгинѣ и Збышко, что дастъ имъ знать, когда заговоритъ старый рыцарь, и послѣ ихъ ухода самъ отправился на отдыхъ. И дѣйствительно, Юрандъ очнулся на второй день праздника передъ самымъ полуднемъ, но зато въ полной памяти. Княгиня и Збышко были при немъ; Юрандъ сѣлъ на постель, взглянулъ на княгиню, узналъ и сказалъ:

— Милостивая госпожа!.. ради Бога... я въ Цѣхановѣ?

— Да! и проспали праздникъ.—Отвѣчала княгиня.

— Меня снѣгомъ засыпало. Кто меня спасъ?

— Вотъ этотъ рыцарь: Збышко изъ Богданца. Помните въ Краковѣ..

А Юрандъ взглянулъ своимъ единственнымъ глазомъ на юношу и сказалъ:

— Помню... А гдѣ Дануся?

— Значитъ она не съ вами ѣхала?—съ безпокойствомъ спросила княгиня.

— Какъ-же она могла ѣхать со мной, когда я къ ней ѣхалъ?

Збышко и княгиня переглянулись, полагая, что онъ говоритъ это еще въ бреду.

— Опомнитесь, ради Бога! Вѣдь дочери-же не было съ вами?

Дочери? со мной?—съ изумленіемъ спросилъ Юрандъ.

— Всѣ ваши люди погибли, но ее не нашли между ними. Зачѣмъ вы оставили ее въ Спыховѣ?

А Юрандъ повторилъ еще разъ, но уже съ волненіемъ въ голосѣ:

— Въ Спыховѣ? Да вѣдь она при васъ, милостивая госпожа, а не при мнѣ!

— Вы-же прислали за ней въ лѣсной дворецъ письмо и людей.

— Во имя Отца и Сына! отвѣчалъ Юрандъ,—я совсѣмъ не посылалъ за нею!

Княгиня поблѣднѣла.

— Что это значитъ?—сказала она.—Вы увѣрены, что говорите въ полной памяти?

— Ради Бога! гдѣ моя дочь?—закричалъ Юрандъ, вскакивая съ постели.

Отецъ Вышонекъ, услыхавъ это, поспѣшно вышелъ изъ комнаты, а княгиня продолжала:

— Слушайте: во дворецъ пріѣхали вооруженные люди съ письмомъ отъ васъ за Данусей. Въ письмѣ говорилось, что васъ придавило балкой на пожарѣ... что вы почти ослѣпли и хотите видѣть дочь; они взяли Данусю и поѣхали...

— Горе!.. закричалъ Юрандъ.—Какъ Богъ святъ, никакого и огня въ Спыховѣ не было, и я за ней не посылалъ.

Въ эту минуту въ комнату возвратился ксендзъ Вышонекъ съ письмомъ и спросилъ:

— Это почеркъ вашего ксендза?

— Не знаю.

— А печать?

— Печать моя. Что написано въ письмѣ?

Отецъ Вышонекъ прочиталъ письмо; Юрандъ выслушалъ и схватилъ себя за волосы.

— Письмо вымышленное!.. печать поддѣлана! горе мнѣ! похитили моего ребенка, погубятъ его!

— Кто?

— Крестоносцы!

— Язвы Христовы! Надо разсказать князю. Пусть пошлетъ пословъ къ магистру!—закричала княгиня. Спаситель милосердный, спаси ее, помоги ей...

И сказавъ это, она съ крикомъ выбѣжала изъ комнаты. Юрандъ соскочилъ съ постели и съ лихорадочной поспѣшностью началъ натягивать одежды на свое могучее тѣло. Збышко сидѣлъ, какъ-бы окаменѣвшій, и лишь по временамъ его стиснутые зубы зловѣще скрежетали.

— Откуда вы знаете, что крестоносцы похитили ее? — спросилъ ксендзъ Вышонекъ.

— Клянусь мученіями Христа.

— Подождите!.. Можетъ быть... Они проѣзжали въ лѣсной дворецъ жаловаться на васъ... они хотѣли вамъ отомстить...

— И они похитили ее!—вдругъ закричалъ Збышко.

Сказавъ это, онъ выбѣжалъ изъ комнаты, побѣжалъ въ конюшни и приказалъ запрягать возы и сѣдлать лошадей, не зная самъ, зачѣмъ онъ все это дѣлаетъ. Онъ понималъ только, что надо идти спасать Данусю, не медлить съ этимъ, идти хотя-бы въ самую Пруссію и тамъ вырвать ее изъ вражьихъ рукъ, или погибнуть.

Потомъ онъ возвратился, чтобы сообщить Юранду, что оружіе и лошади будутъ сейчасъ готовы. Онъ былъ увѣренъ, что Юрандъ поѣдетъ съ нимъ. Въ его сердцѣ кипѣли гнѣвъ, боль и горе, но тѣмъ не менѣе онъ не терялъ надежды; ему казалось, что вдвоемъ съ могучимъ рыцаремъ изъ Спыхова они добьются всего и могутъ напасть даже на всѣхъ крестоносцевъ.

Въ комнатѣ Збышко, кромѣ Юранда, отца Вышонека и княгини, засталъ еще князя и рыцаря де Лорхе, вмѣстѣ съ старымъ Николаемъ изъ Длуголяса, котораго князь, узнавъ обо всемъ дѣлѣ, также позвалъ на совѣщаніе, такъ какъ онъ былъ очень уменъ и хорошо зналъ крестоносцевъ, у которыхъ много лѣтъ провелъ въ неволѣ.

— Надо все обдумать и обсудить, чтобы не испортить дѣло запальчивостью и не погубить дѣвушку,—сказалъ Николай изъ Длуголяса.— Магистру надо сейчасъ же пожаловаться, и если ваша княжеская милость дастъ къ нему письмо, такъ я поѣду.

— Письмо я дамъ, и вы съ нимъ поѣдете,—сказалъ князь.—Мы не дадимъ ребенку погибнуть, и да поможетъ намъ въ этомъ Богъ и святой крестъ. Магистръ боится войны съ польскимъ королемъ, и ему важно, что-бы я и братъ мой Семко были на его сторонѣ... Навѣрное ее похитили не по его приказанію—и онъ прикажетъ отдать ее.

— А если по его приказанію?—спросилъ ксендзъ Вышонекъ.

— Хотя онъ тоже крестоносецъ, но порядочности въ немъ больше,

чѣмъ въ другихъ,—отвѣчалъ князь,—и, какъ я уже говорилъ вамъ, онъ скорѣе хотѣлъ-бы угодить мнѣ, чѣмъ разсердить меня. Могущество Ягеллы вѣдь не шутка!.. Эхъ! Драли они съ насъ шкуру, пока могли, но нынче одумались, а если и мы, Мазуры, поможемъ Ягеллѣ, то совсѣмъ плохо будетъ...

Тутъ заговорилъ рыцарь изъ Длуголяса:

— Да, это правда. Крестоносцы ничего не дѣлаютъ понапрасну; я тоже думаю, что они похитили дѣвушку только затѣмъ, чтобы вырвать мечъ изъ рукъ Юранда и либо выкупъ взять, либо обмѣняться...

Тутъ онъ обратился къ Юранду:

— Кто у васъ теперь изъ военноплѣнныхъ?

— Де Берговъ—отвѣчалъ Юрандъ.

— Онъ знатный?

— Кажется, знатный.

Рыцарь де Лорхе, услыхавъ имя де-Бергова, сталъ распрашивать о немъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, сказалъ:

— Это родственникъ графа Гельдернскаго, большого пріятеля Ордена, и изъ заслуженнаго рода.

— Да!—сказалъ рыцарь Николай изъ Длуголяса, когда перевелъ всѣмъ присутствующимъ слова де Лорхе.—Семья де Берговъ занимала важныя мѣста въ орденѣ.

— Вотъ почему Дансфельдтъ и де Леве постоянно упоминали о немъ,—сказалъ князь.—Стоило одному изъ нихъ ротъ открыть, чтобы мы услышали, что де Берговъ долженъ быть освобожденъ. Клянусь Богомъ, что они дѣвушку и похитили затѣмъ, чтобы де Бергова освободить.

— Значитъ и отдадутъ ее за него,—сказалъ князь.

— Но намъ лучше-бы узнать, гдѣ она,—сказалъ рыцарь изъ Длуголяса.—Потому что можетъ случиться, что магистръ спроситъ: кому я долженъ приказать отдать ее? Что я ему тогда скажу?

— Гдѣ она?—сказалъ глухо Юрандъ.—Они, навѣрно, держатъ ее не у самой границы, изъ опасенія, чтобы я не отбилъ, а, навѣрное, увезли въ далекіе привислянскіе или прилитовскіе края.

— Мы отыщемъ ее и отобьемъ!—сказалъ Збышко.

Но вдругъ у князя вырвался долго сдерживаемый гнѣвъ:

— Изъ дворца моего, песье отродье, украли ее, а значитъ и меня оскорбили, я этого имъ не прощу, пока живъ. Довольно съ меня ихъ измѣнъ, довольно нападеній. Лучше съ оборотнями въ сосѣдствѣ жить! Но теперь магистръ долженъ этихъ комтуровъ наказать и дѣвушку возвратить, а ко мнѣ прислать пословъ съ извиненіями. Иначе я «вици [1])» разошлю.

---

[1]) *Вици*—высокая жердь, на которой несли письма съ королевской печатью; этими письмами шляхту созывали на войну.

Онъ ударилъ по столу кулакомъ и прибавилъ:

— Ого! Братъ изъ Плоцка пойдетъ со мной, и Витольдъ и вся сила короля Ягелла! Довольно снисхожденія! И у святого терпѣніе лопнуло-бы. Съ меня довольно!

Всѣ смолкли, не приступая къ совѣщаніямъ, пока не пройдетъ его вспышка; Анна Данура утѣшалась, что князь такъ близко принимаетъ къ сердцу дѣло Дануси; она знала, что онъ очень терпѣливъ, но и настойчивъ и что если онъ что-нибудь предприметъ, такъ ужъ не броситъ, пока не поставитъ на своемъ.

Потомъ заговорилъ ксендзъ Вышонекъ.—Когда-то въ орденѣ господствовало послушаніе,—сказалъ онъ—и ни одинъ комтуръ безъ позволенія капитула и магистра не смѣлъ ничего предпринимать на свою отвѣтственность. Поэтому Богъ отдалъ въ ихъ руки такъ много земель, что возвысилъ ихъ чуть-ли не надъ всѣми государствами. Но теперь нѣтъ среди нихъ ни послушанія, ни правды, ни совѣсти, ни вѣры, ничего, кромѣ жадности и такой злобы, какъ будто они волки, а не люди. Какъ-же имъ слушаться приказаній магистра или капитула, коли они и божескихъ не слушаютъ! Каждый сидитъ въ своемъ замкѣ, какъ удѣльный князь, и одинъ другому во всякомъ зломъ дѣлѣ помогаетъ. Мы пожалуемся магистру, а они отрекутся. Магистръ прикажетъ отдать дѣвушку, а они не отдадутъ, или скажутъ: «Ее у насъ нѣтъ, потому что мы не похищали ее». Онъ велитъ имъ поклясться, они поклянутся; что намъ тогда дѣлать?

— Что дѣлать?—сказалъ рыцарь изъ Длуголяса.—Пусть Юрандъ ѣдетъ въ Спыхово. Если ее похитили для выкупа, или для того, чтобы обмѣнить ее на де Бергова,—они должны дать знать, и не дадутъ никому другому, какъ Юранду.

— Ее похитили тѣ, которые пріѣзжали въ лѣсной дворецъ,—сказалъ ксендзъ.

— Такъ магистръ отдастъ ихъ подъ судъ или прикажетъ выступить съ Юрандомъ на поединокъ.

— На поединокъ,—закричалъ Збышко,—на поединокъ они должны раньше со мной выйти, потому что я прежде вызвалъ ихъ.

А Юрандъ отнялъ руки отъ лица и спросилъ:

— Кто-же былъ въ лѣсномъ дворцѣ?

— Былъ Дансфельдтъ и старикъ де-Леве и братья Готфридъ и Ротгеръ, — отвѣчалъ ксендзъ. — Они пріѣзжали жаловаться и хотѣли, чтобы князь приказалъ вамъ выпустить изъ неволи де-Бергова. Но князь узналъ отъ Фурси, что нѣмцы первые напали на васъ, разсердился на нихъ и отправилъ ихъ ни съ чѣмъ.

— Поѣзжайте въ Спыхово!—сказалъ князь, потому что они навѣрное туда явятся, они до сихъ поръ не сдѣлали этого, потому что этотъ

молодой оруженосецъ сломалъ Данефельду руку, когда возилъ имъ вызовъ. Поѣзжайте въ Спыхово, и когда они туда явятся — дайте мнѣ знать. Они отошлютъ вамъ дочь за де Бергова; но я не откажусь отъ своей мести, потому что они и меня оскорбили, выкравъ ее изъ моего дворца.

Гнѣвъ снова сталъ овладѣвать имъ, потому что дѣйствительно крестоносцы истощили его терпѣніе.

— Дули они, дули на огонь,—сказалъ онъ,—пока въ концѣ концовъ не опалили себѣ морды.

— Они отопрутся!—повторилъ ксендзъ Вышонекъ.

— Если они увѣдомятъ Юранда, что дѣвушка у нихъ, такъ имъ ужъ нельзя будетъ отпереться,—съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ сказалъ Николай изъ Длуголяса. — Я тоже думаю, что они не держатъ ее у границы, и, какъ совершенно справедливо разсудилъ Юрандъ, они увезли ее въ болѣе далекіе замки, или на морское побережье. Но когда будетъ доказательство, что это сдѣлали они, такъ отказаться передъ магистромъ имъ будетъ невозможно.

А Юрандъ началъ повторять какимъ-то страннымъ и страшнымъ голосомъ:

— Данефельдтъ, Леве, Готфридъ и Ротгеръ.

Николай изъ Длуголяса посовѣтывалъ еще выслать въ Пруссію опытныхъ, бывалыхъ людей, для того, чтобы развѣдать въ Изирнѣ и въ Инсборкѣ, нѣтъ-ли тамъ дочери Юранда, а если нѣтъ, то куда ее отвезли; потомъ князь взялъ посохъ и вышелъ, чтобы сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія, а княгиня обратилась къ Юранду, желая подкрѣпить его добрымъ словомъ:

— Ну, какъ вы теперь?—спросила она.

Юрандъ нѣсколько мгновеній ничего не отвѣчалъ, какъ будто не слышалъ вопроса, а потомъ вдругъ сказалъ:

— Меня точно кто-то по старой ранѣ ножомъ рѣзнулъ.

— Надѣйтесь на милосердіе Божіе: они возвратятъДанусю, отдайте имъ только де Бергова.

— Я бы собственной крови не пожалѣлъ.

Княгиня колебалась, не разсказать-ли ему сейчасъ-же о бракѣ, но, подумавъ немного, рѣшила, что не зачѣмъ прибавлять ему новаго горя къ его и безъ того уже тяжелому несчастью и, кромѣ того, ее охватилъ какъ-бы какой-то страхъ: «они будутъ розыскивать ее вмѣстѣ со Збышко, пусть самъ Збышко и разскажетъ ему при случаѣ, — думала она, — а теперь у него въ головѣ могло бы помутиться». Поэтому она заговорила съ нимъ о другомъ.

— Вы насъ не вините,—сказала она,—пріѣхали люди съ письмомъ отъ васъ съ вашей печатью; тамъ говорилось, что вы заболѣли, что

вы слѣпнете и хотите еще разъ посмотрѣть на своего ребенка. Какъже мы могли воспротивиться и не исполнить воли отца?

Юрандъ склонился къ ея ногамъ.

— Я никого не виню, милостивая госпожа.

— И знайте, что Богъ возвратитъ вамъ ее, такъ какъ око Его обращено къ ней. Онъ спасетъ ее, какъ спасъ ее во время послѣдней охоты, когда страшный туръ бросился на насъ, а Христосъ вдохновилъ Збышко, чтобы онъ защитилъ насъ. Онъ самъ чуть не лишился жизни и долго хворалъ послѣ того, но онъ спасъ и Данусю, и меня, за что князь наградилъ его поясомъ и шпорами. Видите!.. Десница Господа надъ нею. Конечно, жаль дѣвочку. Мнѣ самой жаль. Я думала, что она пріѣдетъ вмѣстѣ съ вами, что я увижу мою дорогую, а оказалось...

И голосъ ея дрогнулъ, и потекли слезы изъ глазъ. Отчаяніе, которое Юрандъ до сихъ поръ сдерживалъ, разразилось вдругъ страшное, какъ вихрь. Онъ схватилъ руками свои длинные волосы и сталъ биться головой о стѣнку, рыдая и хрипло повторяя:

— Іисусе, Іисусе, Іисусе!

Но Збышко подскочилъ къ нему и, встряхнувъ его со всей силы, закричалъ:

— Намъ пора въ путь! Въ Спыхово!

IV.

— Чья это свита?—спросилъ вдругъ Юрандъ, очнувшись отъ своего забытья.

— Моя—отвѣтилъ Збышко.

— А мои люди всѣ погибли?

— Я всѣхъ ихъ видѣлъ мертвыми въ Нѣдзбожѣ.

— Нѣтъ моихъ старыхъ товарищей!

Збышко ничего не отвѣчалъ и продолжалъ молча и быстро ѣхать, потому что они хотѣли возможно скорѣе пріѣхать въ Спыхово, надѣясь, что тамъ, можетъ быть, уже застанутъ какихъ-нибудь пословъ отъ крестоносцевъ. На ихъ счастье снова наступили морозы, и дороги были гладкія, такъ что они имѣли возможность спѣшить. Подъ вечеръ Юрандъ снова началъ разговоръ и снова сталъ разспрашивать о братьяхъ изъ Ордена, которые были въ лѣсномъ дворцѣ, а Збышко все ему разсказалъ,—и объ ихъ жалобахъ, и объ отъѣздѣ, и о смерти рыцаря де Фурси, и о поступкѣ своего оруженосца, который сломалъ руку Дансфельдту, и во время его разсказа ему вдругъ вспомнилось одно обстоятельство—это присутствіе въ лѣсномъ дворцѣ той женщины, которая привезла отъ Дансфельдта цѣлебный бальзамъ. Поэтому во время оста-

новки онъ обратился съ разспросами о ней къ Чеху и Сандерусу, — но оба они хорошенько не знали, что съ ней сдѣлалось. Ему казалось, что она или уѣхала вмѣстѣ съ тѣми людьми, которые пріѣхали за Данусей, или же сейчасъ послѣ нихъ. Теперь Збышко пришло въ голову, что она была послана съ той цѣлью, чтобы предостеречь ихъ, если бы вдругъ оказалось, что Юрандъ собственной особой находится во дворцѣ. Въ такомъ случаѣ они не выдавали бы себя за людей изъ Спыхова, а, поэтому, могли имѣть приготовленнымъ какое-нибудь другое письмо, которое-бы и отдали княгинѣ вмѣсто вымышленнаго письма отъ Юранда. Все это было обставлено съ адской ловкостью, и молодой рыцарь, который до сихъ поръ зналъ крестоносцевъ только на войнѣ, въ первый разъ подумалъ, что мало имѣть на нихъ здоровый кулакъ, а надо быть и умнѣе ихъ. Эта мысль огорчала его, потому что его несчастье пробудило въ немъ прежде всего жажду борьбы и крови. Спасеніе Дануси представлялось ему въ видѣ цѣлаго ряда битвъ и поединковъ; а теперь онъ увидѣлъ, что жажду мести надо пріудержать и искать совершенно новые пути къ спасенію Дануси. Думая обо всемъ этомъ, онъ жалѣлъ, что нѣтъ съ нимъ Мацько. Потому что Мацько былъ столь же хитеръ, сколь и силенъ. Но онъ и самъ порѣшилъ выслать Сандеруса въ Изгрно, чтобы онъ розыскалъ ту женщину и постарался отъ нея вывѣдать, что стало съ Данусей. Онъ говорилъ себѣ, если бы даже Сандерусъ захотѣлъ измѣнить ему, такъ онъ не слишкомъ повредитъ всему дѣлу, а въ противномъ случаѣ можетъ оказать значительныя услуги, потому что его ремесло давало ему доступъ повсюду.

Но Збышко прежде хотѣлъ посовѣтоваться съ Юрандомъ и отложилъ все это до пріѣзда въ Спыхово, тѣмъ болѣе, что наступила ночь, и ему казалось, что Юрандъ, сидя на высокомъ рыцарскомъ сѣдлѣ, уснулъ отъ усталости и тяжелаго горя. Но Юрандъ ѣхалъ съ опущенной головой только потому, что склонило ее несчастье. Онъ думалъ постоянно о своемъ горѣ, и сердце его было полно страха.

— Лучше бы я умеръ подъ Нѣдзбожемъ! Это ты откопалъ меня?— сказалъ онъ наконецъ.

— Я, вмѣстѣ съ другими.

— А на той охотѣ это ты спасъ моего ребенка?

— Какъ же я могъ иначе поступить.

— И теперь тоже поможешь мнѣ?

Въ Збышко вдругъ вспыхнула вся нѣжность его къ Данусѣ и ненависть къ крестоносцамъ, такъ что онъ даже приподнялся на сѣдлѣ и заговорилъ сквозь стиснутыя зубы, какъ бы съ трудомъ:

— Послушайте, что я вамъ скажу: еслибы мнѣ пришлось зубами грызть прусскіе замки, такъ я все-таки разгрызу ихъ, а ее достану.

И наступила минута молчанія. Мстительная и невыдержанная натура Юранда отозвалась на слова юноши, онъ заскрежеталъ зубами и снова сталъ повторять:

— Данфельдтъ, Леве, Ротгеръ и Готфридъ.

И въ душѣ онъ думалъ, что если они захотятъ, чтобы онъ отдалъ имъ де Бергова, онъ отдастъ, если потребуютъ, чтобы онъ заплатилъ, онъ заплатитъ, хотя бы ему пришлось отказаться отъ своего Спыхова, но потомъ горе тѣмъ, кто поднялъ руку на его единственнаго ребенка!

Цѣлую ночь онъ ни на мгновеніе не сомкнулъ глазъ. Рано утромъ они едва узнали другъ друга, такъ измѣнились ихъ лица за одну эту ночь. Наконецъ Юранда тронуло страданіе Збышко и онъ сказалъ:

— Она накрыла тебя покрываломъ и спасла тебя отъ смерти, — это я знаю. Но ты тоже любишь ее?

Збышко взглянулъ ему прямо въ глаза съ почти дерзкимъ лицомъ и отвѣчалъ:

— Она—жена моя.

Юрандъ остановилъ лошадь и съ изумленіемъ взглянулъ на Збышко:

— Что ты говоришь?—спросилъ онъ.

— Я говорю, что она жена моя, а я мужъ ея.

Рыцарь изъ Спыхова прикрылъ перчаткой глаза, какъ будто ослѣпъ отъ яркой молніи, ничего не отвѣчалъ, но черезъ мгновеніе погналъ быстрѣе лошадь и выѣхавъ, впередъ всего поѣзда, молча продолжалъ ѣхать впередъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ исторіи борьбы за женское равноправіе.

I.

Кто болѣе или менѣе знакомъ съ обширной литературой по женскому вопросу и исторіей развитія его, тотъ, несомнѣнно, встрѣчался съ установившимся у многихъ лицъ взглядомъ, будто вся суть современнаго женскаго движенія въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ заключается лишь въ томъ, что въ наше время средній уровень общаго образованія женщинъ значительно ниже средняго уровня образованія мужчинъ, и будто главная задача женскаго движенія (и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ крупнѣйшихъ задачъ нашего времени)—это повышеніе уровня женскаго образованія до уровня мужского. Конечно, низкій, сравнительно, уровень женскаго образованія фактъ самъ по себѣ неоспоримый, и трудно что либо возразить противъ требованія объ уравновѣшеніи женскаго образованія съ мужскимъ. Но совершенно невѣрно то мнѣніе, будто одно только подобное уравновѣшеніе—главная цѣль женскаго движенія; невѣрно и утвержденіе, будто рѣзкое различіе уровня женскаго образованія отъ уровня мужского стало чувствоваться лишь въ наше время. Наоборотъ, подобное явленіе было уже зарегистровано современниками и въ прошломъ, и въ семнадцатомъ вѣкѣ. Тогда же нашлись и люди, возстававшія противъ него. Мы можемъ, наконецъ, даже указать еще болѣе раннюю эпоху, когда—правда лишь среди избраннаго и ограниченнаго круга—было достигнуто почти полное равновѣсіе мужского и женскаго образованія.

Яковъ Буркгардтъ разсказываетъ въ своей интересной книгѣ «Die Cultur der Rennaissance in Italien», что въ упомянутую эпоху уровень образованія женщинъ высшаго круга былъ вполнѣ равенъ уровню образованія мужчинъ того-же круга. Знатный итальянецъ охотно обучалъ тогда своихъ дочерей, наравнѣ съ сыновьями, филологіи или литературѣ. Даже дочери князей достигали иногда виртуозности въ рѣчи и письмѣ на латинскомъ языкѣ. Беттина, дочь знаменитаго юриста Іоанна Андреа, настолько хорошо знала юриспруденцію, что, выйдя замужъ за про-

фессора Іоанна де-Грегоріо, она часто читала студентамъ лекціи вмѣсто своего мужа. Синьора Балтидисія Гоуердина получила при университетѣ въ Болоньѣ не только степень доктора юридическихъ наукъ, но и профессуру. Лукреція Пископія сдавала 25-го іюня 1678 г. въ соборѣ въ Падуѣ экзаменъ на степень доктора и получила таковую. Столь-же ученая, какъ и красивая Тарквинія Мольза, почетная гражданка г. Рима, знала не только превосходно древніе языки, но и математику и реторику, умѣла диспутировать по самымъ труднымъ научнымъ вопросамъ и обладала къ тому-же выдающимся музыкальнымъ талантомъ. Итальянскія женщины той эпохи не только горячо интересовались поэзіей и нео-античной культурой, но и сами оставили замѣтный слѣдъ въ итальянской литературѣ своего времени. Я назову имя венеціанки Кассандры Феделе или считающееся въ Италіи безсмертнымъ имя маркизы Витторіи Колонны, автора «Rime». Характерная черта этой женской поэзіи та, что всюду въ ней замѣчается мужской тонъ. Какъ любовные сонеты, такъ и стихи религіознаго содержанія выказываютъ опредѣленное, цѣльное міросозерцаніе, рѣшительность характера и энергію ихъ авторовъ. Витторіи Колоннѣ, какъ и цѣлому ряду другихъ дамъ-поэтессъ, были чужды нѣжная мечтательность, туманность и все диллетантское, столь свойственное, вообще, женской поэзіи. Объ опредѣленной, сознательной эмансипаціи въ ту эпоху и рѣчи не было; это понималось само собою. Лучшей похвалой себѣ считала тогда знатная итальянка слова о томъ, что она обладаетъ вполнѣ «мужскимъ умомъ», «мужскимъ духомъ» и «мужскими чувствами». Итальянская женщина высшаго круга считала тогда своимъ долгомъ стремиться, наряду съ мужчиной, къ выработкѣ цѣльнаго міросозерцанія, стремиться къ тому, чтобы быть человѣкомъ вполнѣ опредѣленнаго законченнаго характера. И если иногда имъ, женщинамъ даннаго круга,—передаетъ тотъ-же, названный выше авторъ,—приходилось бывать въ веселомъ обществѣ мужчинъ, онѣ не только не нарушали общаго веселья своимъ присутствіемъ, но даже невозмутимо выслушивали новеллы Боккачіо или Маттеа Банделло, этого веселаго и распущеннаго новеллиста, занимавшаго епископское кресло въ Агенѣ, во Франціи.

Совсѣмъ иначе было въ Германіи или, вообще, въ другихъ странахъ внѣ Италіи, и не только въ ту эпоху, но даже и въ послѣдующія столѣтія. Итальянское Возрожденье, выдвинувшее такъ много высоко-образованныхъ женщинъ, нашло лишь слабый отзвукъ въ странѣ германцевъ. Въ общемъ, нѣмецкія женщины не имѣли никакихъ духовныхъ интересовъ; онѣ росли и выростали уединенно, въ замкнутыхъ стѣнахъ родного дома, не имѣя другихъ интересовъ, кромѣ домашнихъ. Ихъ родители мало или почти не заботились о ихъ воспитаніи и образованіи. Въ средніе вѣка въ Германіи были женскіе монастыри, въ которыхъ

получали воспитаніе только богатыя дѣвушки; ихъ обучали катехизису, формуламъ молитвъ, церковному пѣснопѣнію, отрывкамъ изъ библейской исторіи и нѣкоторымъ изящнымъ родамъ женскаго рукодѣлія. Ихъ воспитательницы, обыкновенно, сами больше не знали, и только нѣкоторыя монахини въ тѣ-же средніе вѣка подымались на болѣе высокую степень образованности, напр. Гербирга, настоятельница саксонскаго монастыря «Gondersheim». Ея ученица Гротсвита не только свободно читала въ подлинникѣ великихъ римскихъ писателей, но и сама недурно писала по латыни. Исторія сохранила цѣлый рядъ ея произведеній: исторію возникновенія монастыря «Gondersheim», 6 комедій, 5 легендъ и хвалебную оду въ честь Оттона I.

Въ эпоху господствованія въ Германіи Оттоновъ даже среди родственниковъ королевскаго дома извѣстны были нѣкоторыя высоко-образованныя (сравнительно, конечно), женщины, и между ними выдавалась умомъ и знаніями Гедвига фонъ-Швабенъ, сестра упомянутой настоятельницы Гербирги. Что-же касается массы нѣмецкихъ женщинъ, то уровень ихъ образованія былъ значительно ниже уровня образованія мужчинъ, хотя въ ту эпоху даже крупные дѣятели, герои-правители были не особенно сильны въ искусствахъ чтенія и писанія, а иные не знали ни того, ни другого.

Только въ концѣ семнадцатаго вѣка Даніэль Дефо, авторъ безсмертной книги «Life and strange surprising adventures of Robinson Crusoe of York», обратилъ вниманіе на низкій уровень образованія женщины своего времени и высказалъ открыто, что виноваты въ томъ лишь мужчины. Въ своей брошюрѣ «Essay on projects», полной свѣтлыхъ мыслей о новыхъ реформахъ и экономическихъ предпріятіяхъ, Даніэль Дефо предлагалъ учредить «Академію для женщинъ» и обосновывалъ необходимость ея слѣдующими словами: «Мнѣ часто кажется вполнѣ варварскимъ обычаемъ то, что мы, утверждая, что живемъ въ цивилизованной и христіанской странѣ, не даемъ женскому полу возможности пользоваться преимуществами, даваемыми ученіемъ. Мы ежедневно упрекаемъ женщинъ въ глупости, въ то время, какъ онѣ, если-бы пользовались благами воспитанія, одинаковаго съ получаемымъ мужскимъ поломъ, все-же меньше заслужили-бы этого упрека, нежели мужчины. Да, должно даже скорѣе удивляться, сколь многаго достигаютъ женщины съ тѣмъ немногимъ, чему онѣ учатся. Въ ихъ молодые годы учатъ ихъ несложнымъ рукодѣліямъ, потомъ немного чтенію; если онѣ умѣютъ писать свое имя, то это считается вершиной образованія женщинъ. А я хотѣлъ-бы задать всѣмъ тѣмъ мужчинамъ, которые смотрятъ на женскій умъ словно сверху внизъ, одинъ вопросъ: что-же могъ-бы проявить мужчина, который учился бы не большему?.. Если-бы знаніе и пониманіе были для женскаго пола нѣчто лишнее, то Богъ-бы не далъ ему и способности къ тому. Если

мы вспомнимъ отдѣльные примѣры женскаго ума, примѣры, которые извѣстны въ наше время и которые подвергаютъ насъ, мужчинъ, подозрѣнію, будто мы не даемъ женщинамъ преимуществъ образованія изъ опасенія соперничества, для насъ станетъ ясно, чего могли-бы достигнуть женщины благодаря образованію»....

Одновременно съ брошюрой Даніэля Дефо появилась въ Англіи еще одна работа, написанная дамой Mari Astell и изданная сначала анонимно. Эта маленькая книга, полное заглавіе которой: «A Serious Proposal to the Ladies for the advancement of their true and greatest interest», имѣетъ общаго съ брошюрой Даніэля Дефо лишь немного, именно исходную точку зрѣнія. Что-же касается предлагаемыхъ авторомъ реформъ женскаго образованія, то онѣ совершенно другія. Прежде чѣмъ я перейду къ изложенію содержанія этой книги, я упомяну, что она была посвящена авторомъ «ея королевскому высочеству принцессѣ Аннѣ Датской» и выдержала нѣсколько изданій. Первое изданіе появилось въ въ 1694 г.; въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ хранится экземпляръ изданія 1695 г. и другой, изданія 1697 г., дополненнаго и выпущеннаго въ двухъ частяхъ. На этомъ изданіи напечатано: Part I, 4-th edition, 1701; Part II, 1697»...

«Если-бы мужчинами столь-же пренебрегали, пишетъ Мэри Астелль: если-бы объ ихъ образованіи заботились такъ-же мало, какъ объ образованіи женщинъ, они были-бы, можетъ быть, весьма далеки отъ превосходства надъ тѣми, которыхъ они теперь презираютъ до того, что сами впадаютъ въ величайшую грубость и глупость». Затѣмъ Мэри Астелль призываетъ женскій полъ культивировать не только тѣло, но и душу. Причину всѣхъ золъ, изъ-за которыхъ женщины страдаютъ, она видитъ въ недостаткахъ воспитанія, получаемаго женщинами. Почва, въ сущности, хороша и при хорошей обработкѣ дала-бы благородную жатву. Съ дѣтства женщину лишаютъ насильно тѣхъ преимуществъ, недостатокъ въ которыхъ позже ставятъ ей-же въ упрекъ. Если молодую женщину учили придавать значеніе лишь своимъ платьямъ, если она всегда слышитъ, что она уже достаточно образована, разъ только она умѣетъ хорошо одѣваться, кто-же можетъ ее потомъ упрекать въ томъ, что она употребляетъ все свое прилежаніе и всѣ свои деньги, часто сверхъ мѣры, именно на то, что отъ нея требуютъ? А отъ нея требуютъ лишь, чтобы она нравилась мужу, которому одному принадлежитъ право получать образованіе и знанія... Я часто смѣялась, говоритъ Мэри Астелль въ другомъ мѣстѣ своей книги: я часто смѣялась, когда слышала, съ какой глубокой серьезностью женщины говорятъ о какомъ-либо мелкомъ недосмотрѣ своей шляпочницы или портного, словно рѣчь идетъ о важнѣйшихъ ея интересахъ. Перемѣните тему разговора и вы увидите, что женщины станутъ столь-же холодны и нѣмы, какъ прежде онѣ были раз-

говорчивы и горячи. А сколь долго продолжается великолѣпіе? Благоговѣніе предъ женщиной исчезаетъ также скоро, какъ и ея красота; объятая ужасомъ при одномъ имени «старой дѣвы», имени, которымъ могутъ упрекать женщину только дураки и котораго опасаются только дуры, объятая ужасомъ женщина видитъ послѣднее мѣсто спасенія въ бракѣ, даже самомъ неблагоразумномъ...

Въ заключеніе, Мэри Астелль предлагаетъ устроить для женщинъ «религіозное убѣжище отъ суетности міра». Въ этомъ убѣжищѣ будутъ получать воспитаніе дѣвушки изъ высшихъ классовъ; въ немъ-же наиболѣе зрѣлыя и серьезныя женщины изъ тѣхъ-же классовъ, въ особенности тѣ, которыя не имѣютъ собственной семьи, будутъ находить призваніе къ серьезнымъ занятіямъ на всю жизнь. «Весь міръ, говоритъ Мэри Астель, долженъ быть семьей одинокой женщины, потому что тѣсныя обязательства не ограничиваютъ свободы духа».

Эта маленькая книга имѣла въ свое время большой успѣхъ. Одна дама, занимавшая весьма высокое положеніе въ англійскомъ обществѣ (неизвѣстно, принцесса-ли Анна Датская или Елизавета Гастингсъ) даже возымѣла желаніе пожертвовать 10.000 фунтовъ стерлинговъ для созданія, по мысли Мэри Астелль, «религіознаго убѣжища отъ суетности міра», убѣжища, въ которомъ-бы заботились о воспитаніи и подъемѣ духа женскаго пола. Когда этотъ планъ сталъ извѣстнымъ, къ «высокой» дамѣ явился епископъ Бернетъ и указалъ ей опасность этого плана, носящаго характеръ введенія снова папскаго ордена или монастыря, населеннаго монахинями. Слова епископа оказали свое вліяніе; «религіозное убѣжище» не было основано. Но это искаженіе эпископомъ характера «убѣжища» повело, однако, къ вящему успѣху маленькой книги, которая была не разъ и забрасываема грязью. Мысль Мэри Астелль объ основаніи «убѣжища» была вышучена въ распространенной тогда газетѣ «Tatler», въ которой помѣщали свои статьи Свифтъ и Адиссонъ. «Tatler» разсказывалъ своимъ читателямъ написанную не безъ остроумія исторію о томъ, какъ группа мужчинъ посѣщаетъ якобы устроенное уже по плану Мэри Астелль «религіозное убѣжище отъ суетности міра» и какъ, послѣ цѣлаго ряда недоразумѣній и приключеній, всѣ воспитанницы «убѣжища» выходятъ замужъ за посѣтителей его... «Послѣ долгихъ размышленій Мадонелла (такъ въ шутку называлъ «Tatler» иниціаторшу «убѣжища») пришла къ глубокомысленному заключенію, что тѣ женщины, которымъ еще въ ихъ нѣжномъ возрастѣ не вбили въ голову идей о законахъ движенія и матеріи, не смогутъ уже никогда понять жизнь законовъ, не смотря на то, что ихъ понимаютъ даже дѣти. И чтобы уничтожить это зло, Мадонелла предлагаетъ устроить для молодыхъ дѣвушекъ женскій колледжъ, въ которомъ мѣсто ножницъ и иголокъ займутъ компасы, квадранты, книги и манускрипты, и въ которомъ

все время будетъ заполнено изученіемъ греческаго, латинскаго и еврейскаго языковъ»... Такъ шутилъ тогда-же «Tatler». Но оставлю шутки и насмѣшки «Tatler'а» и перейду къ третьей книгѣ, которая появилась почти одновременно съ работами Даніэля Дефо и Мэри Астелль, также анонимно. Но анонимъ автора не былъ раскрытъ, хотя несомнѣнно, что книга эта была написана дамой. Англійскій библіографъ Карлъ Бюльбрингъ пытался доказать, что и эта книга написана той-же Мэри Астелль, такъ какъ во 1) и она посвящена той-же принцессѣ Аннѣ Датской и во 2) въ посвященіи, между прочимъ, сказано: «...я надѣюсь, поэтому, найти оправданіе, если я, словно заботливая мать, стараюсь содѣйствовать успѣху *моей первой книги*, отдавая ее заблаговременно на службу вашему высочеству». Карлъ Бюльбрингъ полагаетъ, что «моя первая книга» и есть упомянутая работа Мэри Астелль, изданная впервые въ 1694 г. Руставъ Конъ, профессоръ геттингенскаго университета, доказываетъ, наоборотъ, что «моя первая книга» есть появившаяся въ 1696 г. анонимная работа «An essay in defense of the female Sex»... Въ защиту своего мнѣнія профессоръ Густавъ Конъ говоритъ о различіи слоговъ обоихъ авторовъ; наконецъ, въ анонимной работѣ нѣтъ и слѣда того религіознаго тона, который столь свойственъ книгѣ Мэри Астелль.

«Нашъ полъ отъ природы очень нѣженъ къ своимъ дѣтямъ и долженъ проявить еще болѣе нѣжности къ своимъ духовнымъ дѣтищамъ, нежели къ другимъ, потому что духовныхъ дѣтищъ у насъ мало и они встрѣчаютъ уже при первомъ выходѣ въ свѣтъ столь много враговъ...» Такъ писалъ въ упомянутомъ уже посвященіи анонимный авторъ «Сочиненія въ защиту женскаго пола». Дѣйствительно, эта книга нашла себѣ многочисленныхъ враговъ среди мужчинъ, которымъ, конечно, не могла понравиться довольно зло написанная сатира на мужской полъ. Авторъ выводитъ рядъ характерныхъ мужскихъ типовъ: виртуоза, сельскаго дворянина, бездарнаго поэта, педанта, тщеславнаго фата и др. и старается показать, что тѣ недостатки, въ которыхъ упрекаютъ женщинъ, имѣются и у мужчинъ, да еще въ большей степени. «Они навязываютъ намъ большой списокъ недостатковъ, пишетъ въ одномъ мѣстѣ тотъ-же авторъ, но въ сущности изготовили каталогъ своихъ собственныхъ глупостей и пороковъ, не для того, однако, чтобы исправиться, но чтобы имѣть возможность свалить упрекъ на насъ»...

Словомъ, тенденція автора совершенно иная, нежели та, съ которою мы встрѣчались, когда разсматривали работы Даніеля Дефо и Мэри Астелль. Но и эта работа служитъ, какъ и двѣ первыя, доказательствомъ того, что съ одной стороны уже въ концѣ 17-го вѣка въ Англіи много

[1]) Не желая испестрять статью ссылками и выносками, я называю главнѣйшіе источники въ концѣ статьи. Читателямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, дается краткій каталогъ лучшихъ и наиболѣе интересныхъ книгъ по исторіи развитія женскаго вопроса. *М. С.*

говорилось о «женскомъ полѣ», а съ другой стороны неравновѣсіе между мужскимъ и женскимъ образованіемъ существовало уже и тогда и было подмѣчено и разобрано выдающимся мужчиной и двумя женщинами, въ свое время, несомнѣнно, выдававшимися среди англійскихъ женщинъ.

Въ началѣ 18-го столѣтія въ нѣмецкихъ журналахъ также разбирался, и довольно часто, вопросъ объ учрежденіи «Jungfer-Akademie». Тогда писали: «мы почему-то думаемъ, что науки не идутъ въ пользу женщинѣ и что она будетъ, благодаря прирожденнымъ слабостямъ, злоупотреблять ими; потому мы прилежно стараемся, чтобы наши дочери выростали въ грубомъ невѣжествѣ»... А Людвигъ фонъ Секкендорфъ жаловался «на большую и безотвѣтственную нерадивость, благодаря которой такъ мало заботятся объ образованіи и хорошемъ воспитаніи женскаго пола». Дѣлались предложенія о реформахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя напоминали собою предложенія Даніэля Дефо или Мэри Астелль. Доротея Христина Эркслебенъ опубликовала даже большой трудъ объ образованіи женщинъ: «Подробное изслѣдованіе причинъ, которыя воздерживаютъ женскій полъ отъ ученія, а потому указаніе на ихъ незначительность и обстоятельное изложеніе того, какъ возможно, необходимо и полезно было-бы, если-бы этотъ полъ предался съ прилежаніемъ ученію». Авторомъ этого труда была дочь врача, лично руководившаго ея юношескимъ воспитаніемъ и медицинскимъ образованіемъ, впослѣдствіи жена діакона въ Кведлинбургѣ. Семь лѣтъ спустя по опубликованіи своего перваго труда, она издала одновременно въ Лейпцигѣ и Франкфуртѣ, новую работу: «Разумныя мысли объ образованіи прекраснаго пола» (1749 г.). Вскорѣ по опубликованіи этой работы Доротея Христина Эркслебенъ получила отъ короля разрѣшеніе сдать экзаменъ на степень доктора, а 12 іюня 1754 г. она уже была признана, по постановленію медицинскаго факультета университета въ Галле, докторомъ медицины. Она давала свои отвѣты экзаменаторамъ на латинскомъ языкѣ, и вотъ что писалъ о ней одинъ изъ ея современниковъ: «Она отвѣчала съ такимъ основательнымъ знаніемъ предмета и съ такимъ врожденнымъ краснорѣчіемъ, что всѣ присутствовавшіе испытывали полнѣйшее удовольствіе». Во второй половинѣ семнадцатаго и въ теченіи восемнадцатаго вѣка народился въ Германіи не особенно выдающійся типъ «ученой хозяйки» (gelehrtes Frauenzimmer), съ образованіемъ, не превосходившимъ, обыкновенно, средняго образованія мужчинъ въ теченіи двухъ названныхъ вѣковъ. Минерва Саксонія, жена фонъ-Лезера, каммеръ-рата саксонскаго курфюрста (умерла въ 1690 г.), прошла курсъ всѣхъ четырехъ факультетовъ. Анна Марія фонъ Шурманъ (1607—1678) считалась въ свое время «чудомъ вѣка», такъ какъ знала 14 языковъ, имѣла обширныя познанія по математикѣ, астрономіи, философіи и теологіи, побѣждала много ученѣйшихъ мужчинъ на

диспутахъ и, кромѣ того, недурно пѣла и рисовала. Госпожа Готтшедъ, жившая въ восемнадцатомъ вѣкѣ, также диспутировала публично со своимъ образованнымъ мужемъ, а Анна Христина Балтазаръ, «баккалавръ всемірной мудрости», опубликовала свою работу по реторикѣ. Я назову еще имя Доротеи Шлецеръ, получившей въ томъ-же вѣкѣ титулъ доктора философіи при Геттингенскомъ университетѣ. Но всѣ эти имена не болѣе, какъ симпатичныя, но рѣдкія исключенія изъ общаго правила. Въ Германіи въ прошломъ вѣкѣ, какъ и въ наше время, уровень образованія женщинъ былъ значительно ниже уровня образованія мужчинъ. То-же самое и въ остальныхъ странахъ Западной Европы. Почему-же въ прошломъ вѣкѣ въ Европѣ не знали «женскаго вопроса», почему тогда не существовало этой напряженной борьбы за уравновѣшеніе средняго уровня образованія мужчинъ и женщинъ, борьбы, которую мы теперь называемъ «женскимъ движеніемъ?» Неужели это зло, несомнѣнно существовавшее и раньше, приняло теперь болѣе широкіе размѣры? Нѣтъ, это не такъ. Если взять общій уровень образованія въ «просвѣщенномъ» восемнадцатомъ вѣкѣ и уровень образованія въ наше время, то легко понять, что *относительно* размѣры названнаго зла не увеличились. Но люди сами стали гораздо болѣе воспріимчивы по отношенію къ тому или иному существующему соціальному злу. Поэтому и вопросъ о равновѣсіи женскаго образованія съ мужскимъ сталъ въ настоящее время «жгучимъ вопросомъ», близкаго разрѣшенія котораго теперь ужъ невозможно миновать. Наконецъ, все то сложное явленіе, которое человѣчество называетъ прогрессомъ и которымъ оно гордится, требуетъ отъ человѣчества болѣе крупныхъ, нежели прежде, шаговъ впередъ. Въ наше время элементарное образованіе во всѣхъ почти европейскихъ странахъ дается женщинамъ наравнѣ съ мужчинами; во многихъ странахъ женщинамъ открытъ свободный доступъ и къ среднему образованію. Но параллельно съ ростомъ прогресса сильно возросли и требованія женщинъ: онѣ добиваются теперь свободнаго доступа къ высшему образованію, добиваются независимаго и самостоятельнаго положенія въ обществѣ.

II.

Мы уже видѣли выше, что двѣсти лѣтъ назадъ въ англійской литературѣ уже стали раздаваться голоса, отрицавшіе справедливость господствовавшаго тогда мнѣнія, будто женскій полъ стоитъ ниже мужского какъ въ умственномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи. Наоборотъ, немногочисленные тогда піонеры въ борьбѣ за равноправіе женщинъ смѣло утверждали, что причина умственной и нравственной отсталости женскаго пола заключается не въ природѣ его, но въ различіи воспитанія и образованія, даваемыхъ мужчинамъ и женщинамъ; они даже высказывали

то мнѣніе, что отсталость женщинъ существуетъ только въ воображеніи мужчинъ, которые постоянно упрекаютъ женщинъ въ присущихъ имъ самимъ многочисленныхъ недостаткахъ. Были-ли они правы, эти немногочисленные смѣлые новаторы? Нужно-ли искать причину умственной отсталости женщины въ природѣ ея или въ недостаткахъ полученнаго ею образованія?

Человѣчество занялось разрѣшеніемъ этого вопроса въ концѣ восемнадцатаго вѣка, въ эпоху великой французской революціи, въ эпоху могучей апелляціи къ естественнымъ правамъ человѣка, могучаго призыва къ возвращенію къ природѣ. Замѣчательно не только то, что этимъ вопросомъ и попытками разрѣшить его занимались въ то смутное время довольно часто и съ большимъ интересомъ, но главнымъ образомъ то, что бродившія во многихъ умахъ идеи нашли себѣ одновременно во Франціи, Германіи и Англіи яркихъ выразителей, которые выступили въ литературѣ со своими отвѣтами на поставленный временемъ, интересовавшій всѣхъ вопросъ,—отвѣтами, данными вполнѣ въ духѣ того времени.

Во Франціи занялся разсмотрѣніемъ вопроса о природѣ женскаго пола знаменитый публицистъ Кондорсе. Высшей идеей прогресса онъ считаетъ равенство всѣхъ людей. Наши надежды на будущую общественную организацію человѣческаго рода, говоритъ Кондорсе въ своей книгѣ «Esquisse d'un tableau historique des progrés de l'esprit humain», могутъ быть выражены слѣдующими тремя требованіями: уничтоженіе неравенства между націями, прогрессъ идеи равенства между членами каждаго народа и, наконецъ, истинная выработка цѣльнаго человѣка. А въ другой своей книгѣ, въ «Mémoires sur l'instruction publique», Кондорсе говоритъ: «если законъ и сдѣлалъ всѣхъ людей равными, то все-же у насъ существуетъ распредѣленіе ихъ на нѣсколько классовъ; причиною этого распредѣленія является полученное людьми воспитаніе... Поэтому обязанность общества состоитъ въ томъ, что оно должно заботиться объ образованіи каждаго отдѣльнаго человѣка, дабы онъ могъ воспринять, понять и выполнить одинаковыя для всѣхъ обязанности человѣка, отца семейства и гражданина... И только въ своей статьѣ «Sur l'admission des femmes au droit de cité», напечатанной во дни революціи въ «Journal de la Société» (1789 г. № 5), Кондорсе впервые открыто требуетъ дарованія женщинамъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Люди привыкли уже къ тому, что у нихъ насильно отнимаютъ ихъ естественныя права,—писалъ Кондорсе,—отнимаютъ-же у нихъ эти права настолько осторожно, что никто изъ лишенныхъ данныхъ правъ не замѣчаетъ своего лишенія и не думаетъ о томъ, чтобы потребовать себѣ этихъ правъ обратно. Даже философы и законодатели не замѣтили, что люди лишены насильно нѣкоторыхъ своихъ естественныхъ правъ... Развѣ всѣ они не осквернили

принципа равноправія, исключивъ женщинъ изъ числа людей, которымъ принадлежитъ равное для всѣхъ право участія въ законодательствѣ, развѣ они этимъ не отняли насильно естественныя права у цѣлой половины рода человѣческаго? Подобное насильственное исключеніе есть своего рода тираннія; вѣдь, надо еще доказать, что естественныя права женщинъ не тѣ же естественныя права мужчинъ, и доказать также, что женщины не способны пользоваться этими естественными правами. Права людей есть логическое слѣдствіе того факта, что они разумныя существа; такъ какъ женщины также разумныя существа, то онѣ нуждаются въ естественныхъ правахъ, какъ и мужчины. Въ видѣ доказательства указываютъ намъ на то, что ни одна женщина не сдѣлала значительнаго открытія въ наукахъ, что ни одна женщина не выказала признаковъ генія ни въ искусствѣ, ни въ литературѣ. Но вѣдь никто не захочетъ утверждать, что гражданскія права даны только геніальнымъ мужчинамъ. Или еще утверждаютъ, будто въ умѣ или въ сердцѣ женщины имѣются характерныя особенности, которыя не даютъ женщинамъ возможности пользоваться гражданскими правами. Надо въ этомъ случаѣ справиться съ фактами. Англійская королева Елизавета, Марія Терезія, русскія императрицы Екатерина I и Екатерина II доказали, что у женщинъ нѣтъ недостатка ни въ силѣ души, ни въ смѣлости ума. Или еще говорятъ, что женщинами никогда не руководитъ разумъ. Это утвержденіе фальшиво. Справедливо лишь то, что женщинами никогда не руководитъ разумъ мужчинъ, но ихъ собственный разумъ. Ихъ интересы не тѣ, что мужскіе. Поэтому женщины могутъ руководиться другими принципами, но это еще не доказываетъ, что онѣ руководятся неразумными принципами. Женщинѣ кажется столь-же разумнымъ заниматься прелестью своей фигуры, какъ Демосѳену казалось весьма разумнымъ заботиться о своемъ голосѣ и о своихъ жестахъ. Еще полагаютъ, будто женщины не имѣютъ чувства справедливости. Это утвержденіе правильнѣе, нежели другія, но оно ничего не доказываетъ, потому что причина этого лежитъ не въ природѣ женщины, но въ ея воспитаніи и въ ея соціальномъ положеніи. И то, и другое пріучило женщину раньше всего спрашивать не о томъ, что справедливо, но о томъ, что прилично. Далѣе, доказываютъ, что если дать женщинамъ политическія права, придется опасаться сильнаго вліянія женщинъ на мужчинъ. Мы на это отвѣтимъ, говоритъ Кондорсе, что это вліяніе гораздо опаснѣе, когда оно тайно, нежели, когда оно будетъ открытое. Наконецъ, говорятъ, что дарованіе женщинамъ политическихъ правъ ихъ удалятъ отъ выполненія обязанностей, которыя, на нихъ возложила природа. Это имѣетъ свою хорошую сторону,—возражаетъ и на это Кондорсе,—въ настоящее время, при современной стадіи цивилизаціи только маленькое число гражданъ сможетъ дѣйствительно заниматься общественными дѣлами...

Чрезъ три года послѣ появленія въ свѣтъ цитированной статьи Кондорсе, лондонскій издатель Джонсонъ выпустилъ книгу «Vindication of the Rights of Woman: with strictures on political and moral subjects», авторомъ которой была Мэри Уольстонекрафтъ. Разойдясь со своимъ первымъ мужемъ, которымъ она увлеклась въ возрастѣ уже 34-лѣтъ и совмѣстная жизнь съ которымъ оказалась ей не въ моготу, она вышла замужъ за Уильяма Годуина, знаменитаго соціалистическаго мыслителя, противъ котораго Робертъ Мальтусъ направилъ свою извѣстную работу о принципѣ прироста населенія. Свою книгу, написанную ею послѣ цѣлаго ряда литературныхъ работъ еще до перваго брака, она посвятила епископу Таллейрану-Перигору и въ своемъ посвященіи обращается къ нему со слѣдующими словами: «Если вы хотите исключить женщинъ отъ участія въ пользованіи естественными правами человѣка, то докажите раньше,—если только вы желаете избѣжать упрека въ несправедливости и непослѣдовательности,—что женщины лишены разума. Иначе останется навсегда пятно на вашемъ новомъ государственномъ устройствѣ, первомъ, которое, какъ говорятъ, основывается на разумности; это пятно будетъ вѣчно показывать, что мужчины *должны* поступать тираннически въ какой-либо формѣ. А тираннія всегда губитъ нравственность, въ какой-бы части общества она (тираннія) не подымала-бы своего мѣднаго лба».

Мэри Уольстонкрафтъ борется въ своей книгѣ со взглядами Руссо на природу и естественныя права женщины, съ тѣмъ взглядами, которые, какъ извѣстно, были отчасти внесены его послѣдователями въ государственное устройство первой республики. О мнѣніи Руссо, высказанномъ имъ въ «Эмилѣ», относительно отношенія обоихъ половъ, она писала: «это философія сладострастія». Одинъ изъ законовъ природы, существующій и для людей, есть тотъ, что мужскому полу дана большая физическая сила, говоритъ Мери Уольстонкрафтъ. Однако, мужчины, недовольные еще этимъ естественнымъ преимуществомъ, пытаются придавить насъ (женщинъ) еще глубже, чтобы сдѣлать насъ притягательными на моментъ объектами; а женщины это сносятъ. Повсюду раздражены противъ «эмансипированныхъ» женщинъ, но гдѣ ихъ можно найти? Если подъ этимъ именемъ надо понимать тѣхъ женщинъ, которыя принимаютъ участіе въ охотѣ, то я понимаю это раздраженіе; если же подъ этимъ именемъ подразумѣвается подражаніе мужскимъ добродѣтелямъ или, правильнѣе говоря, стараніе достичь всего того, что облагораживаетъ человѣческій (мужской или женскій, все равно) характеръ, то всѣ мыслящіе люди должны пожелать вмѣстѣ со мною, чтобы женщины становились изо-дня въ день все болѣе и болѣе «эмансипированными»... Въ послѣднее время говорили о женскомъ образованіи и воспитаніи гораздо больше, нежели прежде; но что говорили? Всѣ признаютъ, что женщины, большей частью, употребляютъ свои юные годы на то, чтобы

украсить и окружить себя мишурой и чтобы легкомысленно пожертвовать крѣпостью тѣла и духа въ пользу неправильныхъ понятій о красотѣ; цѣлью всего этого онѣ считаютъ выходъ замужъ, какъ единственное средство обезпечить себя. Признаютъ и то, что всѣ эти женщины даже тогда, когда сами имѣютъ дѣтей, ведутъ себя словно дѣти, красятся, наряжаются и т. п. Разумъ и опытъ убѣждаютъ меня въ томъ— говоритъ Мэри Уольстонкрафтъ — что единственный методъ руководства женщинами состоитъ въ дарованіи имъ свободнаго пользованія естественными правами человѣка. Сдѣлайте женщинъ свободными, и онѣ быстро станутъ, наравнѣ съ мужчинами, мудрыми и добродѣтельными, потому что прогрессъ одного пола долженъ влiять на прогрессъ другого и обратно. Въ противномъ случаѣ, если вы не сдѣлаете женщинъ свободными, та несправедливость, благодаря которой половина рода человѣческаго подчинена другой половинѣ, не измѣнитъ существующихъ обстоятельствъ, при которыхъ въ добродѣтели мужчины можетъ сомнѣваться даже насѣкомое, которое онъ давитъ ногою...

Годуинъ, мужъ Мери Уольстонкрафтъ, передавалъ, что цитированная бурная книга была написана ею въ теченіи какихъ-нибудь шести недѣль. Въ Англіи встрѣтили появленіе этой книги, какъ выкидыша эпохи великой революціи, съ насмѣшками и съ выраженіями презрѣнія. Томасъ Чальмерсъ, шотландскій теологъ, будущій основатель свободной церкви въ Шотландіи, писалъ о книгѣ Мэри Уольстонкрафтъ, что она создана авторомъ лишь для того, чтобы возбудить въ читателяхъ удивленіе, сожалѣніе и возмущеніе, и что эта книга развиваетъ какія-то дикія теоріи о характерѣ женщины и ея обязанностяхъ. Книга Мэри Уольстонкрафтъ была такъ же скоро забыта, какъ и написана. Только позже, когда ненависть ко всему, что носило характеръ идей великой революціи, значительно стихла и когда тѣ же идеи стали глубже проникать въ сознаніе англійскаго народа, вспомнили снова объ этой превосходно и страстно написанной книгѣ. Въ 1844 г. вышло третье изданіе «Vindication of the Rights of Woman»; въ предисловіи къ этому изданію было указано на тотъ благопріятный фактъ, что въ то время въ Англіи вышло цѣлыхъ пять книгъ, въ которыхъ выражены идеи, сходныя съ идеями Мэри Уольстонкрафтъ. Четвертое и пятое изданіе книги вышли въ 1891 и 1892 годахъ.

Въ томъ же 1792 г., когда типографія Джонсона выпустила книгу Мэри Уольстонкрафтъ, берлинское книгоиздательство Фосса напечатало вышедшую сначала анонимно книгу «Ueber die bürgerliche Verbesserung der Weiber», авторомъ которой былъ кенигсбергскій уроженецъ Т. Г. фонъ-Гиппель. Почему этотъ талантливый писатель-юмористъ, рядъ сочиненій котораго имѣлъ значительный успѣхъ у публики, выпустилъ свою упомянутую замѣчательную, написанную вполнѣ въ духѣ двухъ

названныхъ западно-европейскихъ писателей и въ духѣ эпохи великой революціи, книгу анонимно—остается тайной. Но такъ или иначе, книга фонъ-Гиппеля, въ сравненіи съ работами Кондорсе и Мэри Уольстонкрафтъ, самая интересная, содержательная и разносторонняя. Кондорсе ограничилъ свою задачу тѣмъ, что указалъ современникамъ на ихъ непослѣдовательность, которая выразилась въ томъ, что, проповѣдуя принципъ общаго равноправія, они тотчасъ же сами отступили отъ него, не давъ женщинамъ гражданскихъ правъ. Отвѣтъ на интересовавшій тогда его, какъ и многихъ другихъ, вопросъ Кондорсе далъ въ одной журнальной статьѣ. Мэри Уольстонкрафтъ, правда, написала книгу подобныхъ же размѣровъ, что и фонъ-Гиппель; но ея книга лишь шумный и, какъ я уже сказалъ, страстный протестъ противъ несправедливаго угнетенія женскаго пола мужскимъ. Фонъ-Гиппель охватываетъ весь «женскій вопросъ» конца прошлаго вѣка, разсматриваетъ его всесторонне и при этомъ со свойственнымъ ему юморомъ передаетъ многое имъ пережитое, слышанное отъ другихъ и вычитанное изъ книгъ. Написано все это безпорядочно, безъ какого-либо метода, и неудачная форма книги скрадываетъ часть наслажденія, получаемаго при чтеніи содержанія ея.

Фонъ-Гиппель начинаетъ съ разслѣдованія того, существуютъ-ли между мужчиной и женщиной еще какія-либо различія, кромѣ природнаго различія пола; затѣмъ, фонъ-Гиппель переходитъ къ историческому изслѣдованію положенія женщины въ старое и въ новѣйшее время и пытается установить, что, собственно, послужило причиною господства мужского пола надъ женскимъ. Наконецъ, фонъ-Гиппель предлагаетъ рядъ реформъ по вопросу о положеніи женщины, причемъ впереди другихъ онъ выставляетъ требованіе о дарованіи женщинѣ всѣхъ господствующихъ правъ. Точь въ точь, какъ поборники полной женской эмансипаціи въ концѣ девятнадцатаго вѣка, такъ и фонъ-Гиппель смѣло высказываетъ свои требованія и твердо надѣется, что послѣдствія выполненія этихъ требованій будутъ для всего человѣчества счастливыми и благопріятными. Требованія, поставленныя фонъ-Гиппелемъ, далеко не всѣ выполнены еще и теперь, чрезъ сто лѣтъ послѣ преждевременной его смерти. Но кое-какія изъ этихъ требованій, подтвержденныя и поддержанныя многочисленными фактическими данными, вынудили уже у человѣчества признаніе насущной необходимости выполненія ихъ; нѣкоторыя же другія требованія близки къ выполненію, благодаря могуче разросшемуся женскому движенію. А такъ какъ фонъ-Гиппель, точно такъ-же какъ и современные вожаки женскаго движенія, не разграничиваетъ своихъ смѣлыхъ требованій ни для страны, пережившей великую революцію, ни для своей родины и другихъ странъ, лишь отчасти и значительно позже воспринявшихъ идеи 1789 г., то я нахожу, что нѣтъ

учшаго источника для сравненія стадіи женскаго движенія сто лѣтъ назадъ и женскаго движенія въ концѣ XIX-го вѣка, нежели разбираемая книга фонъ-Гиппеля.

Неужели женскій полъ и теперь останется въ томъ же положеніи, что прежде?—спрашиваетъ фонъ Гиппель въ одномъ мѣстѣ своей книги. Неужели для него (для женскаго пола) навсегда потеряны человѣческія права, отнятыя у него насильно, и гражданскія права, которыхъ ему до сихъ поръ столь несправедливо не давали? Неужели женскій полъ никогда не будетъ имѣть въ государствѣ и для государства абсолютной цѣнности, но представлять только относительную?.. Въ другомъ мѣстѣ фонъ-Гиппель говоритъ, что новая французская конституція заслужила его упреки, такъ какъ она нашла возможнымъ совершенно забыть о цѣлой половинѣ націи. Мы ошибаемся, если полагаемъ или даемъ себя уговорить, будто женщины не имѣютъ стремленія къ борьбѣ съ произволомъ за свободу, этому честнѣйшему роду борьбы. Женщины имѣютъ, несомнѣнно, призваніе къ государственной службѣ, то призваніе, котораго недостаетъ многимъ бездарностямъ, занимающимъ посты высшихъ государственныхъ чиновниковъ... Не зная силъ половины человѣческаго рода, не оцѣнивъ и не испытавъ ихъ, люди, однако, оставляютъ ихъ въ бездѣйствіи—развѣ же это не непростительная ошибка?.. Въ каждомъ обществѣ, въ которомъ бываютъ женщины, распространяются принципы приличія; почему бы не уподобить этому обществу всего государства? Развѣ страна не выиграла бы, если бы женщины имѣли доступъ къ государственной службѣ и тѣмъ внесли свѣтъ и оживленіе во всѣ государственныя дѣла?.. Все болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе въ томъ, что люди могутъ судить только равноправныхъ, если слово «право» не есть, вообще, одинъ мертвый звукъ. Но женщинамъ не даютъ права быть судьями—развѣ же это не явная несправедливость?..

Фонъ-Гиппель далѣе требуетъ равнаго для мужчинъ и женщинъ образованія и равной подготовки ихъ къ выполненію обязанностей, налагаемыхъ государствомъ. Весьма характерно его предложеніе объ учрежденіи спеціально для женщинъ государственныхъ школъ, въ которыхъ женщины должны были бы изучать способы приготовленія вкусныхъ и питательныхъ напитковъ и кушаній и въ которыхъ подвергалось бы изслѣдованію все то, что можетъ служить для питанія и поддержки здоровья гражданъ. Этимъ всѣмъ были бы въ будущемъ опеспечены ихъ жизнь и здоровье. Государство опять-таки выиграло бы, еслибы женщинамъ было разрѣшено заниматься врачебной практикой. Фонъ-Гиппель не сомнѣвается въ томъ, что женщины — врачи, несомнѣнно, пользовались бы полнѣйшимъ довѣріемъ со стороны своихъ паціентокъ. Развѣ дѣвушки не скрываютъ изъ стыдливости своихъ болѣзней до тѣхъ поръ, пока болѣзни не принимаютъ опаснаго характера? Да и вообще,

общественная нравственность нисколько не пострадала бы, если бы женщинамъ разрѣшена была врачебная практика; наоборотъ, она еще несомнѣнно выиграла бы отъ этого. Фонъ-Гиппель указываетъ на кое-что другое, практикующееся въ обыденной жизни и, по его мнѣнію, опасное въ нравственномъ отношеніи. Онъ требуетъ, чтобы женщины не пользовались услугами танцмейстеровъ, учителей пѣнія, портныхъ и сапожниковъ. «Женское платье должно быть изготовлено женщинами и примѣряемо только при помощи женщинъ!»—такъ восклицалъ въ концѣ прошлаго столѣтія фонъ-Гиппель.

Но, кажется, я привелъ уже достаточно цитатъ изъ его интересной книги, написанной—повторяю это снова — вполнѣ въ духѣ своего времени и заставляющей насъ удивляться одновременно абстрактному теченію мыслей автора, его краснорѣчію и его юмору. Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти (фонъ-Гиппель умеръ въ 1796 г.) вышла отдѣльнымъ изданіемъ брошюра: «Nachlass über weibliche Bildung von T. G. von Hippel», Berlin, Voss, 1801. Въ эту брошюру вошло все написанное фонъ-Гиппелемъ въ дополненіе къ его книгѣ «Ueber die bürgerliche Verbesserung der Weiber» и долженствовавшее войти во второе изданіе ея. Въ предисловіи къ этой брошюрѣ издатель ея говоритъ, что первое изданіе книги фонъ-Гиппеля *далеко еще не разошлось* и что, поэтому, добавленія автора выпускаются пока въ свѣтъ отдѣльно. Новое полное изданіе книги фонъ-Гиппеля появилось лишь въ 1842 г.

III.

Отъ трехъ яркихъ выразителей идей великой французской революціи я перехожу непосредственно къ знаменитому англійскому философу и политико-эконому Джону Стюарту Миллю и его извѣстной книгѣ «The Subjection of Women», изданной впервые въ 1869 г. Законная подчиненность одного пола другому, говоритъ Милль въ названной книгѣ, это принципъ, которымъ регулируются существующія соціальныя отношенія между обоими полами, но принципъ самъ по себѣ фальшивый. А такъ какъ этотъ принципъ въ настоящее время является однимъ изъ крупнѣйшихъ препятствій на пути человѣческаго прогресса, то онъ долженъ быть замѣненъ другимъ принципомъ, не дающимъ исключительныхъ правъ одному полу и не допускающимъ правовой подчиненности другого пола, т. е. принципомъ полнѣйшаго равенства половъ. По Миллю, соціальная подчиненность женскаго пола при современномъ государственномъ и общественномъ строѣ есть какое-то изолированное явленіе, нарушеніе фундаментальнаго принципа этого строя, какой-то пережитокъ стараго міросозерцанія. Главное отличіе современнаго міросозерцанія отъ таковаго во всѣ прошлые вѣка есть то, что теперь люди уже не занимаютъ

того или иного положенія въ обществѣ смотря по своему происхожденію; наоборотъ, всѣмъ людямъ предоставлена одинаковая, полнѣйшая возможность выказывать свои способности и пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы занять въ обществѣ то положеніе, которое имъ самимъ кажется наиболѣе желательнымъ. Современное правовое положеніе женскаго пола — это рѣзкое исключеніе изданнаго основного правила. Женщины, на основаніи только факта рожденія ихъ таковыми, подвергаются цѣлому ряду ограниченій и урѣзокъ въ правахъ, каковыхъ для другого пола совершенно не существуетъ. Милль развиваетъ далѣе свои взгляды на существующее въ Англіи, неудовлетворительное, какъ и въ другихъ странахъ, брачное право и переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію требованій женщинъ и ихъ способности быть вполнѣ равноправными съ мужчинами въ дѣлѣ выбора призванія или постояннаго занятія. Милль указываетъ на то, что современное подчиненное положеніе женщинъ пытаются оправдать ссылкой на имѣющійся у человѣчества многовѣковой опытъ; по его мнѣнію, ссылка эта фальшива въ самомъ основаніи своемъ. Невозможно, вѣдь, ссылаться на опытъ человѣчества, которое изъ двухъ существовавшихъ путей испробовало лишь одинъ и продолжетъ держаться его. Изъ имѣющагося многовѣкового опыта можно вывести лишь то заключеніе, что человѣчество при существовавшихъ условіяхъ могло жить, развиваться и достичь всего того, чего оно достигло. Но имѣющійся опытъ не можетъ еще разрѣшить вопроса о томъ, было ли бы достигнутое человѣчествомъ столь же велико или еще больше, если-бы человѣчество пошло по совершенно иному пути? Между тѣмъ, опытъ говоритъ, что съ каждымъ прогрессивнымъ шагомъ всего человѣчества все болѣе и болѣе возвышалось и соціальное положеніе женщины. Милль считаетъ фальшивой и другую ссылку, которою желаютъ оправдать современное соціальное положеніе женщины, ссылку на природу женскаго пола. Но то, что теперь называютъ природой женскаго пола,—продолжаетъ Милль,—есть нѣчто весьма искусственно и разнообразно созданное; это историческій продуктъ цѣлыхъ тысячелѣтій, продуктъ, достигнутый человѣчествомъ лишь на томъ одностороннемъ пути, котораго оно держится до сихъ поръ. О естестественныхъ способностяхъ женщины и о естественныхъ способностяхъ человѣка, вообще, слѣдовало-бы лишь въ томъ случаѣ говорить съ увѣренностью, если-бы уже были закончены до сихъ поръ лишь начатыя изслѣдованія о психологическихъ законахъ развитія характера. Наименьшее право смѣло утверждать, что это естественно, а то неестественно, имѣютъ англичане, потому что ни въ одной другой странѣ человѣческая натура не выказываетъ столь мало коренныхъ, первоначальныхъ чертъ. Англійскій народъ, болѣе чѣмъ какой-либо другой, есть продуктъ цивилизаціи. Англія—страна, въ которой наиболѣе широко расцвѣла соціальная

дисциплина, подавившая все то, что ей противустояло. Въ Англіи въ большинствѣ случаевъ обычай замѣняетъ естественность; большая часть жизни англичанъ уходитъ не на слѣдованіе своимъ естественнымъ стремленіямъ подъ контролемъ обычаевъ, но, наоборотъ, они не знаютъ другого стремленія, какъ только слѣдовать обычаямъ. Говорятъ и доказываютъ, продолжаетъ Милль, будто анатомически уже удостовѣрено, что умственныя способности женщинъ ниже умственныхъ способностей мужчинъ, такъ какъ вѣсъ мозга у женщины меньше вѣса мужского мозга. Милль оспариваетъ правдоподобность этого мнѣнія. Если различіе вѣса мужского мозга и женскаго является слѣдствіемъ строенія головы, то эта теорія должна была-бы оправдаться и на нѣкоторыхъ индивидуумахъ мужского пола. Къ тому-же установлено, что нѣкоторыя женщины имѣютъ столь-же большой и такого-же вѣса мозгъ, какъ и мужчины. Одинъ изслѣдователь взвѣсилъ большой рядъ человѣческихъ мозговъ и нашелъ, что самый тяжелый изъ нихъ принадлежалъ женщинѣ. Далеко не доказано еще самое главное, будто только величина и вѣсъ мозга являются главнымъ мѣриломъ умственныхъ способностей человѣка.

Въ другомъ мѣстѣ своей книги Милль разсматриваетъ исторію Индіи и говоритъ, что у индусовъ регентство выпадало довольно часто на долю матерей малолѣтнихъ наслѣдниковъ престола. Сколь часто мощь того или иного государства индусовъ была велика, сколь часто порядокъ въ государствѣ сохранялся безъ примѣненія особенно сильнаго гнета сильныхъ на слабыхъ, сколь часто данная страна процвѣтала, а культурность ея возвышалась — въ трехъ случаяхъ изъ четырехъ правленіе въ эту эпоху въ данной странѣ было въ рукахъ женщины. Изъ этого Милль выводитъ, что историческій опытъ указываетъ намъ на несомнѣнныя права и способность женщинъ выбирать себѣ, равноправно съ мужчинами, жизненное призваніе; онъ подкрѣпляетъ свой выводъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ изъ исторіи Европы.—Развѣ это разумно, спрашиваетъ онъ: думать, будто тѣ, которыя способны къ разрѣшенію высшихъ задачъ политики, неспособны къ рѣшенію низшихъ?..

Въ болѣе раннихъ своихъ произведеніяхъ, въ своихъ «Основахъ политической экономіи» и въ своей, посвященной имъ своей женѣ (о которой послѣ ея смерти Милль выразился, что ей принадлежатъ всѣ его работы столько-же, сколько и ему самому, и которая въ 1851 г. опубликовала въ «Westminster Review» свою самостоятельную работу о дарованіи женщинамъ права голоса), книгѣ «О свободѣ» Милль также высказывался страстно за полное равноправіе женщинъ. Нѣсколько горячо написанныхъ строкъ находимъ мы и въ его очеркахъ «О представительномъ правленіи». Рѣчь идетъ здѣсь о правѣ голоса для женщинъ. Милль говоритъ: человѣчество уже давно не утверждаетъ настойчиво того, что женщины совершенно не должны имѣть права голоса; никто теперь и не

думаетъ, что женщины должны находиться всегда въ подчиненности мужчинамъ. Признано теперь вполнѣ естественнымъ то, что женщины мыслятъ, преподаютъ и выступаютъ въ литературѣ; на какомъ-же основанiи имъ отказываютъ въ политическихъ правахъ?.. Если мы даже допустимъ, что женщины должны быть подчинены мужчинамъ, то и въ томъ случаѣ онѣ весьма нуждаются въ правѣ голоса и выборовъ, чтобы быть въ состоянiи ограждать себя противъ всякаго рода злоупотребленiй со стороны мужчинъ... Никто теперь не думаетъ, что женщины будутъ злоупотреблять правомъ голоса, если получатъ его; высказываютъ лишь опасенiе, что женщины будутъ подавать свои голоса не самостоятельно, но подъ влiянiемъ мужчинъ. И въ этомъ нѣтъ бѣды, говоритъ Милль: если женщины будутъ голосовать самостоятельно, то получится несомнѣнная польза; если же онѣ будутъ поступать не самостоятельно, то отъ этого вреда никакого не будетъ... Дайте женщинѣ право голоса, и вы увидите, что она почувствуетъ свою солидарность съ вами въ вопросахъ политической чести. Противодѣйствовать косвенному влiянiю женщины, какъ силѣ вредной, можно лишь путемъ превращенiя его въ прямое... Въ заключенiе Милль напоминаетъ, что Англiя управляется женщиной и что самою славною правительницей той же страны была также женщина.

Какъ были встрѣчены эти, изложенныя мною идеи Джона Стюарта Милля его современниками? Господствующiе классы Англiи встрѣтили ихъ съ насмѣшками и проклятiями. Я приведу здѣсь лишь характерный отзывъ о книгѣ Милля «О подчиненности женщины», напечатанный въ журналѣ «Edinburgh Review»: «Мы опровергаемъ совершенно гипотезу Милля, будто женщина—это тотъ-же мужчина, только въ юбкѣ; что не такъ: это никогда не было такъ, и мы твердо надѣемся, что это никогда не будетъ такъ»... (1869 г., т. 130, стр. 602). Никогда не будетъ такъ?.. Со времени появленiя въ печати цитированныхъ строкъ, какъ и книги Милля, прошо почти тридцать лѣтъ. За этотъ срокъ Англiя сдѣлала новый шагъ впередъ по пути прогресса. Если-бы Джонъ Стюартъ Милль былъ живъ, если-бы онъ зналъ, какимъ почетомъ пользуется его имя въ Англiи и сколь часто читается повсюду его замѣчательная книга, если-бы онъ могъ сравнить Англiю конца девятнадцатаго вѣка съ Англiей шестидесятыхъ годовъ, онъ имѣлъ бы больше основанiй быть довольнымъ, нежели тѣ лица, выразителемъ мнѣнiй которыхъ былъ авторъ цитированныхъ мною изъ эдинбургскаго журнала строкъ. Въ Англiи женщины допущены къ участiю въ школьномъ управленiи, въ Англiи нѣсколько лѣтъ назадъ нѣкоторыя выдающiяся дамы назначены фабричными инспектрисами, въ Англiи же въ прошломъ году въ палатѣ разбирался билль о допущенiи женщинъ къ участiю въ выборахъ депутатовъ, въ то время, какъ въ англiйской колонiи Новой Зеландiи женщины уже получили право голоса. Можно-ли ожидать въ ближайшемъ будущемъ дальнѣйшихъ

расширеній правъ англійскихъ женщинъ? На этотъ вопросъ я отвѣчу утвердительно [1]).

Нѣкоторые опыты, какъ мы видѣли выше, оказались вполнѣ успѣшными; если таковыми будутъ и дальнѣйшіе, то въ недалекомъ будущемъ въ Англіи дарованы будутъ общественныя и политическія права и женщинамъ. За это ручается историческій опытъ Англіи. А другимъ европейскимъ странамъ придется догонять ее на безконечномъ пути прогресса.

Источники и литература.

Gustav Cohn. Die deutsche Frauenbewegung. Berlin, 1896.

Iacob Burchhardt. Die Cultur der Renaissance in Italien. Basel, 1860.

Karl Weinhold. Die deutschen Frauen in dem Mittelalter. Wien, 1882.

Georg Steinhausen. Das gelehrte Frauenzimmer. «Nord und Süd», 1895. XI.

Karl Bücher. Die Frauenfrage im Mittelalter. «Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft». Tübingen, 18:2.

A. Bebel. Die Frau und der Sozialismus. Stuttgart, 1897.

Daniel Defoe. Essay on projects. London, 1697.

(Mary Astell). A serious Proposal to the Ladies for the advancement of their true and greatest interest. By a Lover of her Sex. London Printed for R. Wilkin at the Kings Head in St. Paul,s Churchyard, 1694.

«Astell (Mary)» Dictionary of National Biography, edited by Leslie Stephen, Vol. II. London, 1885.

«The Tatler.» By Isaac Bicherstaff Esq. 1709.

Karl D. Bülbring. Mary Astell, an advocate of woman's Rights 200 years ago. «The journal of Education' a monthly Record and Review. London, 1891 IV — V.

An Essay in defence of the female Sex... in a letter to a Lady, written by a Lady. London, for A. Roper and F. Wilkinson, Fleetstreet, 1696.

Dorothea Christine Erxleben. Gründiche Untersuchung der Ursachen, die das weibliche Geschlecht vom Studium abhalten, darin deren Unerheblichkeit gezeiget, und wie möglich, nöthig und nützlich es sei, dass dieses Geschlecht der Gelahrtheit sich befleissige, umständlich dargelegt wird. Berlin, 1742.

Dorothea Christine Erxleben. Wernünftige Gedanken vom Studiren des schönen Geschlechts. Frankfurt und Leipzig. 1749.

М. Сукенниковъ.

---

[1]) Въ Англіи существуютъ три общества, добивающихся права голоса и выборовъ для женщинъ: 1) Central National Society for Women's Suffrage; 2) National Society for Women's Suffrage и 3) The Women's Franchise League, главный секретарь котораго Mrs. Iacob Bright. Литература по этому вопросу и о дѣятельности обществъ: «Women's Suffrage» by Ashton Dilke ond Woodall и «British Freewomen», by Charlotte Carmichael Stopes.

Θульская королева.

Разсказъ Принца **Шенаихъ-Каролата.**

Переводъ Н. Г. Варшавской.

Мы сидѣли въ обитомъ желтымъ штофомъ будуарѣ баронессы Р. Собрался небольшой кружокъ интимныхъ знакомыхъ: мужчины—въ томъ числѣ двѣ-три знаменитости—и женщины, среди которыхъ блистала красотой хозяйка дома. Мы пили чай и поглощены были интересной бесѣдой; баронесса мастерски умѣла направить собесѣдника на занимательную тему, умѣла пользоваться всякимъ случайно брошеннымъ словомъ, чтобы придать бесѣдѣ интересный и оригинальный оборотъ. Благодаря ей, разговоръ, вначалѣ живой и легкій, становился все глубже и серьезнѣе, перекрестныя шутки прекратились, не всѣ уже принимали участіе въ разговорѣ, и, наконецъ, воцарилось глубокое молчаніе. Эта минута затишья, создавшая поговорку объ ангелѣ, пролетѣвшемъ среди присутствующихъ, обыкновенно не лестна для общества, свидѣтельствуя объ умственной его скудости, о полномъ отсутствіи матеріала для бесѣды; въ данномъ случаѣ это была пауза, доказывающая, что были сказаны слова, вызвавшія серьезныя размышленія и побудившія присутствующихъ призадуматься.

— Не споете-ли вы намъ что-нибудь, баронесса?—обратился одинъ изъ насъ къ хозяйкѣ дома.

Баронесса была чужда всякаго ломанья, да она въ немъ и не нуждалась. Она откинула со лба непослушную прядь мягкихъ черныхъ волось и сѣла за рояль. Раздалось нѣсколько глубокихъ минорныхъ аккордовъ, и вслѣдъ затѣмъ по комнатѣ пронеслись звуки чуднаго голоса:

«Въ Θулѣ жилъ да былъ король...»

У баронессы была своеобразная манера пѣть: она избѣгала всякаго движенія тѣломъ, глаза принимали особое, несвойственное имъ выра-

женіе, и вся она блѣднѣла, какъ бы страдая подъ властью передаваемой ею мелодіи. Сегодня она пѣла прекраснѣе, чѣмъ когда-либо, и на всемъ ея исполненіи лежалъ отпечатокъ истиннаго драматизма. Строфы о кубкѣ, брошенномъ королемъ въ воду, заставили всѣхъ насъ вздрогнуть. Еще одинъ короткій заключительный аккордъ, и она поднялась со стула. Длинный сверкающій шлейфъ ея свѣтлаго шелковаго платья извивался за ней по ковру, огни отражались тысячами лучей въ украшавшихъ ее драгоцѣнныхъ камняхъ и сверкали дрожащими, искрящимися нитями въ ея темныхъ волосахъ; казалось, будто золотой королевскій вѣнецъ покоился на ея прекрасномъ челѣ. Отъ всего ея существа вѣяло чѣмъ-то средневѣковымъ: предъ нами было лицо, прямо выхваченное изъ баллады

— Ѳульская королева,—услышали мы, и никто не могъ сказать, кто произнесъ эти слова.

— Ѳульская королева,—воскликнула маленькая графиня и захлопала въ ладоши;—какъ это красиво, романтично! какъ это поэтично!

— А въ самомъ дѣлѣ, это странно: «Королева Ѳульская»—весь свѣтъ знаетъ стараго короля изъ Ѳулы, но мысль о королевѣ никому не приходила въ голову, ни одинъ пѣвецъ не воспѣлъ ее. Какъ это случилось? Вѣдь это было бы такъ естественно. Какъ должна была выглядѣть королева? Ея наружность? Ея фигура?..

— Я представляю ее себѣ, въ pendant къ гиганской фигурѣ короля въ видѣ статной женщины, столь же мужественной и суровой, какъ, и онъ, со свѣтлыми, волнистыми волосами.

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Это было нѣжное, робкое созданіе. Вспомните одно изъ лучшихъ мѣстъ изъ «Замка Бонкуръ». Вы знаете, о какомъ замкѣ я говорю... «На терассѣ замка стоялъ старый король» и затѣмъ: «Тутъ пришла его *нѣжная* возлюбленная»...

— Возможно; во всякомъ случаѣ, если это не она, то въ германскихъ сагахъ есть у нея сестра, которая воспѣта во многихъ пѣсняхъ. Вспомните ту, которую любилъ Карлъ Великій, ту, которая, умирая, дала ему кольцо «черное съ краснымъ» и которую онъ всю жизнь свою не могъ забыть.

— Въ самомъ дѣлѣ, это та-же легенда, только на христіанской почвѣ она кажется блѣднѣе и сантиментальнѣе, и отъ нея вѣетъ ладаномъ. Мнѣ больше по душѣ образъ языческой королевы; онъ выдѣляется рельефнѣе изъ мрака сѣдой старины. Потомъ особую прелесть придаетъ ей то, что о женщинѣ, которую король любилъ и которую онъ потерялъ, пѣснь умалчиваетъ. Она не воспѣта, потому что ни одинъ поэтъ, ни одинъ пѣвецъ не отважился прикоснуться къ больной ранѣ короля. Она умерла, и больше о ней никто ничего не знаетъ. А намъ не возбраняется оживить ее, окружить и украсить всѣми чарами, всей поэзіей, въ какой она намъ представляется.

— Да, она несомнѣнно была чудно хороша и достойна вѣрности короля.

— Конечно, потому что она сама была ему вѣрна,—замѣтила хозяйка дома.

— Нѣтъ,—сказалъ Гунтеръ Штормекъ, который сидѣлъ вдали отъ всѣхъ и во весь вечеръ не проронилъ ни слова.

Всѣ сразу обернулись къ его сторону.

— Королева Ѳульская была невѣрна!—воскликнули всѣ дамы въ одинъ голосъ,—вотъ странная мысль! Почему такъ?

— Она не была ему вѣрна,—повторилъ Штормекъ спокойно.—Если-бы она была ему вѣрна, король бы не оплакивалъ ее всю свою жизнь. Только женщину, которую мы рано потеряли, которая причинила намъ сильную боль,—только такую женщину любимъ мы до самой смерти.

— А вы знали Ѳульскую королеву? — спросила насмѣшливо баронесса.

Штормекъ бросилъ на нее загадочный взоръ.

— Да, конечно,—произнесъ онъ протяжно.

— У васъ возмутительный апломбъ, г. Штормекъ,—воскликнула маленькая графиня, съ шумомъ складывая свой вѣеръ.—Весь вечеръ вы просидѣли въ своемъ углу, и изъ васъ нельзя было выжать словечка, а теперь вы изволите издѣваться надъ нами. Если вы желаете хоть нѣсколько загладить свою вину, то вамъ не остается ничего иного, какъ разсказать намъ, какимъ образомъ вы удостоились чести познакомиться съ королевой Ѳульской. Признаюсь, я сгораю отъ нетерпѣнія услышать вашъ разсказъ.

— Вы безжалостны, графиня,—возразилъ Гунтеръ.—Послѣ ослѣпительнаго фейерверка ума и остроумія, при которомъ мы только-что присутствовали, разсказъ мой врядъ-ли можетъ разсчитывать на снисходительный пріемъ.

— Теперь вы постыдно отступаете, — воскликнула съ торжествомъ графиня.—Но я этого не допущу. Достаточно уже вы насъ сердили своими парадоксами, къ которымъ и придраться нельзя было; пора имѣть и намъ хоть разъ удовольствіе видѣть васъ прижатымъ къ стѣнѣ. Не правда ли, милая Регина, мы его такъ не отпустимъ, онъ долженъ разсказать намъ? Употребите вы свое вліяніе.

Прекрасная хозяйка принуждено разсмѣялась.—Раскажите-же, г-нъ Штормекъ,—произнесла она настойчиво.

— Если такъ, то я повинуюсь. Infandum, regina, jubes renovare dolorem. Но васъ, графиня, я долженъ предупредить, что вы будете сильно разочарованы. То, что я разскажу, не больше, какъ сказка, самая обыкновенная и не блестящая. Даръ «faire de l'esprit»,—мнѣ, къ сожалѣнію, совершенно чуждъ.

— Ахъ, сказка,—воскликнула живая, красивая римлянка, усаживаясь удобнѣе въ своемъ креслѣ.—Это восхитительно. Я такъ охотно слушаю сказки.

Гунтеръ Штормекъ выступилъ изъ своего угла и оперся на каминъ. Это былъ уже не совсѣмъ молодой человѣкъ, худощавый, съ утомленнымъ видомъ.—Это только сказка,—повторилъ онъ снова, какъ бы извиняясь. Затѣмъ онъ началъ:

— «Тысячу лѣтъ тому назадъ все было иначе, чѣмъ теперь; чернаго фрака еще не знали, и желѣзныхъ дорогъ еще не существовало. И вотъ я однажды, въ одеждѣ рыцаря, подъѣхалъ на конѣ къ замку. Замокъ этотъ высоко возвышался надъ моремъ, окруженный цвѣтущимъ садомъ; онъ былъ высѣченъ изъ бѣлаго мрамора и имѣлъ множество башенъ и зубцовъ. Подъемная рѣшетка была опущена, львы у воротъ лежали въ грозной, застывшей позѣ, какъ будто ихъ объялъ сонъ въ ту минуту, какъ они собирались прыгнуть. Люди того времени незнакомы были съ визитными карточками и посѣщали другъ друга рѣдко,—подумайте только, графиня, какъ это ужасно,—и мнѣ такимъ образомъ не оставалось ничего другого, какъ взяться за арфу и спѣть пѣсню. Звуки пѣсни, подобно ласточкамъ, пронеслись надъ острыми, бѣлыми коньками крыши, и, словно по мановенію волшебнаго жезла, поднялась рѣшетка. Я поскакалъ по мосту съ серебряными перилами, проѣхалъ черезъ два-три двора, въ которыхъ журчали фонтаны, и остановился передъ большой лѣстницей, опустивъ поводья и высоко приподнявъ забрало.

«Тутъ увидѣлъ я королеву Ѳульскую, стоявшую на террасѣ среди окружавшихъ ее дамъ. На ней было бѣлое платье, ярко сверкавшее на солнцѣ; въ темныхъ волосахъ красовался вѣнокъ бѣлыхъ весеннихъ цвѣтовъ. По обѣ стороны лѣстницы тѣснились рыцари и слуги,—гигантскія фигуры въ блестящемъ вооруженіи; два араба принесли бархатную подушку и положили ее къ ногамъ королевы. Я преклонилъ колѣни на подушку и произнесъ рыцарское привѣтствіе; она ласково протянула мнѣ руку и попросила подняться; ея привѣтъ звучалъ кротко и ласково, и все-же я былъ смущенъ и потупилъ взоръ.

«Съ четырехъ башенъ раздались громкіе призывные звуки рога, и королева подала мнѣ руку, приглашая вести ее къ пиршеству. Мы вошли въ высокій, ярко освѣщенный солнцемъ, залъ; рядъ столовъ ломился подъ тяжестью великолѣпной серебряной утвари; на одномъ изъ столовъ, согласно старому обычаю, стояла желѣзная чаша съ бычачьей головой, плававшей въ крови и украшенной буковымъ вѣнкомъ; высокіе кувшины съ ручками наполнены были живительной влагой, манившей запекшіяся отъ жажды уста героевъ. Королева разломила бѣлый хлѣбъ и надѣлила имъ меня и другихъ сотрапезниковъ; отъ времени до времени она брала кубокъ съ золотистымъ виномъ, столь тяжелый, что рука

ея дрожала. Она отпивала глотокъ изъ него и затѣмъ передавала его мнѣ; я-же искалъ мѣсто, къ которому прикасались ея уста, и осушалъ кубокъ до дна. Это былъ сладкій напитокъ, глаза мои заволокло розовымъ свѣтомъ, и, словно сквозь дымку, я видѣлъ, какъ нѣсколько старыхъ рыцарей привѣтливо улыбнулись, а королева въ смущеніи поникла взоромъ.

— «Спойте намъ пѣсню,—произнесла она неожиданно,—мы охотно прослушаемъ вѣсти о далекихъ странахъ».

«Все смолкло, и я поднялся. На меня обратились взоры смѣлыхъ героевъ и прекрасныхъ дамъ; пажъ принесъ мою арфу. Вѣтка бѣлыхъ весеннихъ цвѣтовъ обвивала ея золотыя струны... Это пробудило бурю въ моей груди, я откинулъ назадъ голову и ударилъ перстами по струнамъ, полный отчаянія и вмѣстѣ съ тѣмъ торжества. Я пѣлъ о всемъ, что бушевало и волновалось въ моемъ сердцѣ, о любви, о рыцарскомъ духѣ, о женской красотѣ, и я, блаженный пѣвецъ, видѣлъ, какъ мужчины схватывались за рукоятку меча, какъ женщины опускали руки на колѣна и, съ вздымавшейся отъ волненія грудью, обращали ко мнѣ свой взоръ, какъ сама королева словно замерла, вся блѣдная подъ обаяніемъ пѣсни, какъ ея большіе глаза становились все темнѣе и темнѣе, какъ уста ея трепетали отъ гордости и страданія...

«Я оборвалъ свою пѣсню короткимъ, далеко прозвучавшимъ аккордомъ. Дикіе лебеди, тянувшіеся бѣлой линіей по морю, отвѣтили на него громкимъ крикомъ. Раздалось шумное одобреніе, зазвучали привѣтные кубки, затѣмъ всѣ поднялись со стола и спустились на террасу. Глубоко подъ нами катило свои волны море, освѣщенное лучами заходящаго солнца. По бѣлому небу неслись розовыя облака. Рыцари спустились внизъ посмотрѣть своихъ коней, женщины усѣлись въ кругъ и занялись своей пряжей подъ звуки одной изъ чудныхъ старыхъ хоровыхъ пѣсенъ.

— «Пойдемте,—сказала неожиданно королева,—протягивая мнѣ руку.

«Мы медленно спустились по бѣлымъ ступенямъ въ садъ. Далеко раскинулся онъ, озаренный послѣдними лучами заходящаго солнца, изъ лѣса доносился ароматъ распускающихся почекъ. Мы оба не находили словъ—любовь быстро расцвѣтаетъ въ Ѳулѣ. Мы шли молча, рука объ руку, погруженные въ мечты и грезы, на небо взошелъ мѣсяцъ, подулъ легкій вѣтерокъ, подъ дуновеніемъ котораго розы склонили свои яркокрасныя чашечки, благоухавшія въ серебристомъ свѣтѣ луны. Она обвила руками мою шею и подняла на меня свои темныя, сіявшія блаженствомъ, очи.

«Изъ лѣса раздался звукъ рога; вначалѣ чуть слышный, онъ становился все громче и громче и затѣмъ также постепенно замиралъ. То былъ странный звукъ, въ одно и то-же время гнѣвный и скорбный, грозный и утѣшающій. Дрожь пробѣжала по стройному тѣлу моей спут-

ницы; она то оборачивалась въ направленіи звука, то вновь обращалась въ мою сторону; меня-же охватило дикое отчаяніе, я выпрямился и судорожно сжалъ рукоятку своего меча.

«Звукъ рога раздался снова, казалось, ближе, затѣмъ опять вдали. Такъ трубилъ Нильзенъ, датчанинъ, когда онъ призывалъ Метту къ смерти.

«Она быстро вырвалась изъ моихъ объятій. — Пусти меня, сказала она, пожалуйста, пусти меня. Этого не должно быть—прощай!

«Она протянула руки ко мнѣ и скрылась во мракѣ ночи. Въ то-же мгновеніе поднялся холодный вѣтеръ и по верхушкамъ деревьевъ пронесся, словно стонъ. Лѣсъ замкнулся за мною, какъ стѣна, мѣсяцъ скрылся въ облакахъ... Я схватился за рогъ, чтобы протрубить сигналъ о помощи, но рогъ мой не издавалъ никакого звука... Я бросилъ его на землю и ринулся въ ночную тьму. Я искалъ слѣды королевы, я искалъ садъ, гордый замокъ, съ его безчисленными зубцами. Тщетно,—когда наступило утро, сѣрое, ужасное утро, я увидѣлъ себя стоящимъ на берегу болота. Одни жирныя широколистыя растенія обрамляли его, и только мѣстами плакучая ива склоняла свою главу надъ мутною, грязною водой. Вдали мужикъ съ двумя захудалыми клячами бороздилъ свой плугъ по тощей землѣ.

«Гдѣ замокъ?—спросилъ я его. Гдѣ дорога въ Ѳулу?

«Онъ взглянулъ на меня и скрестилъ руки на груди.—Избави насъ Богъ отъ лукаваго,—пробормоталъ онъ своимъ беззубымъ ртомъ. Послѣ этого онъ сразу вытащилъ соху изъ борозды и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня своими ясными сѣрыми глазами.

— «Гдѣ Ѳула?—повторилъ я свой вопросъ въ дикомъ страхѣ. Я сбился съ пути, скажи мнѣ, гдѣ Ѳула?

«Взоръ его сдѣлался печальнымъ и серьезнымъ.—Ѳула, сказалъ онъ, какъ-бы призывая на помощь всю свою память,—когда-то я зналъ дорогу туда, но забылъ ее давнымъ—давно. Не прогнѣвайтесь, сударь, но возьмите лучше плугъ и пройдитесь съ нимъ по увядшей землѣ, дѣлайте какъ я, работайте. Это путь, который я могу вамъ указать, единственный путь, ведущій къ цѣли.

«И я сдѣлалъ такъ, какъ онъ сказалъ. Изъ струнъ своей арфы я сплелъ веревки и впрягъ въ нихъ моего коня, мечъ-же я сломалъ и превратилъ въ соху и принялся за работу. Въ началѣ она мнѣ давалась съ трудомъ, но все-же дѣло спорилось, и вотъ такимъ-то путемъ я продолжаю бороздить ниву по настоящій день».

. . . .

Гунтеръ умолкъ. Баронесса сидѣла откинувшись на креслѣ, лицо ея скрывалось въ тѣни. На лицахъ мужчинъ замѣчалось серьезное, вдумчивое выраженіе, и только графиня имѣла удивленный, недоумѣвающій

видъ, и глаза вопросительно смотрѣли то на одного, то на другого изъ слушателей.

— Я ровно ничего не поняла,—произнесла она, наконецъ, съ досадой.— Такъ это была сказка? Нѣмецкая сказка? Странно... И это ужъ конецъ ея?

На губахъ Гунтера показалась легкая усмѣшка.—Вы истинное enfant terrible, графиня,—сказалъ онъ,—и потому я сообщу вамъ мораль моей сказки. Ѳула, священная исчезнувшая страна,—моя юность, а чудная, рано утраченная женщина, это именно и была королева Ѳульская.

Новый музыкантъ—художникъ.

I.

Когда въ маѣ минувшаго лѣта, присутствуя на музыкальныхъ празднествахъ въ Маннгеймѣ, я услышалъ впервые великолѣпную симфоническую поэму «Die Gefilde der Seligen» Вейнгартнера подъ его личнымъ дирижерствомъ, а послѣ того столь-же новые для меня, чудные его романсы и, наконецъ «Генезіуса»,—я почувствовалъ и понялъ, что предо мною находится новый музыкантъ-художникъ, еще молодой, полный свѣжести и могучихъ силъ. До тѣхъ поръ о Вейнгартнерѣ-композиторѣ и вообще музыкантѣ я не зналъ, какъ не знаютъ о немъ вообще въ Россіи (нѣсколько извѣстенъ онъ только какъ писатель: его книга «О дирижированіи» переведена недавно на русскій языкъ»). А не знаютъ его просто потому, что до насъ еще не дошли новыя вѣянія въ музыкѣ германскаго и французскаго Запада. Вся «музыкальная эпоха» послѣ Листа и Вагнера и ихъ современника Брамса у насъ въ расчетъ не принималась. А между тѣмъ современная музыка Запада богата разнородными школами и теченіями заслуживающими самаго внимательнаго изученія. Изученіе ихъ довольно сложно, потому что композиторы, идущіе, повидимому, въ одномъ направленіи, всегда представляютъ множество различныхъ видоизмѣненій одного направленія,—современемъ, легко могутъ зайти за предѣлы этого направленія и выразить нѣчто новое. Легко можетъ случиться, что современемъ разрушатся даже признаки школы. Вообще, я долженъ сказать, что *школы* въ свободномъ искусствѣ я не понимаю и не признаю: такія школы въ исторіи искусства возможны или во времена разработки техническаго стиля (старо-французская школа XII—XIV вв., или вскорѣ затѣмъ наслѣдовавшая за нею школа нидерландскихъ контрапунктистовъ XV—XVI вв. и др.), или въ такое переходное время, когда свободное, живительное

13*

творчество замѣнилось въ народѣ, у котораго изсякла творческая производительность, quasi-художественной предпріимчивостью, общей бѣшенной погоней за звуками, ради цѣлей, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющихъ. (Примѣръ послѣднему можно усмотрѣть въ современной «школѣ» *веристовъ* — музыкальной кухнѣ Масканьи, Леонковалло и комп.). Но «направленія» въ искусствѣ всегда должны существовать, такъ какъ иначе самое искусство можетъ превратиться въ скучный наборъ музыкальныхъ фразъ и звуковъ, или перейти въ отвратительную манерность. Другое дѣло—хорошо или дурно направленіе, понимаютъ ли его современники такъ или иначе, какую роль это направленіе будетъ играть въ *будущемъ*.

Два главныхъ неправленія ознаменовали начало XIX вѣка въ исторіи музыки: *романтизмъ*, геніальнѣйшимъ творцомъ котораго явился Веберъ, и одновременно съ нимъ царствовавшее итальянское сладкогласное пѣніе, наслѣдіе прошлаго вѣка, вѣрнѣе *россинизмъ*, задачей котораго (если только въ немъ можно усмотрѣть какую бы то ни было задачу) явилось преобладаніе изящнаго, неосмысленнаго, колоратурнаго пѣнія въ оперѣ, въ ущербъ драмѣ и тексту. (Бетховена я исключаю;—этотъ великій Прометей не создалъ школы и направленія, такъ какъ никто не могъ достигнуть силы его генія и быть продолжателемъ его стиля. Позднѣйшіе великіе мастера питались творчествомъ Бетховена, но ни одинъ изъ нихъ не сравнился по силѣ генія).—Въ то время, какъ «россинизмъ» все развивался въ итальянскихъ оперныхъ композиціяхъ 30-хъ, 40-хъ и даже 50-хъ годовъ, а потомъ еще долгое время влачилъ жалкое существованіе, — новое направленіе стало моднымъ, захвативъ какъ музыкальный міръ, такъ и большую публику — это была фестивальная *«большая»* опера, начавшаяся со Спонтини, и пожалуй Гретри, поощрявшаяся Наполеономъ I и породившая болѣе позднiй «мейерберизмъ» (къ нему не могъ не присосѣдиться и Россини подъ конецъ своей дѣятельности). Это новое направленіе взросло, первоначально, на почвѣ вѣяній новой французской имперіи. Мейерберъ сразу поглотилъ и Гретри, съ его красивыми наполеоновскими декораціями, и Спонтини, съ его торжественными хорами и шествіями, и сладкозвучнаго Россини, придавъ ему болѣе интересный нарядъ тенора di forza, и Вебера, благо романтизмъ послѣдняго предоставлялъ ему возможность пользоваться и національной окраской, и волшебствомъ, давалъ оркестру своеобразный колоритъ (отсюда Робертъ Діаволъ, отсюда пестрая смѣсь въ Гугенотахъ, Пророкѣ и т. д.). Новыя вѣянія и бурныя движенія въ жизни и литературѣ средины нашего столѣтія въ Европѣ не могли пройти безслѣдно и въ жизни музыкальнаго искусства, давъ ему новыя направленія, новыя теченія. Наиболѣе сильнымъ и яркимъ явилась музыкальная драма Вагнера и почти рядомъ съ ней новые музыкаль-

ные пророки — Берліозъ, Шуманъ и Листъ. Здѣсь музыка оставляетъ внѣшній міръ и опирается, какъ и у Вагнера, на психологію, на душевное настроеніе, впечатлѣніе (Шуманъ); она ищетъ новыхъ формъ (Берліозъ), черпаетъ источники вдохновенія въ католицизмѣ (Листъ). Наконецъ, нѣсколько позже начинаетъ блистать *національная* школа[1]), сильнѣе всего она сказывается въ Россіи, затѣмъ, постепенно, начинаетъ затрагивать и другія европейскія государства, до тѣхъ поръ не заявлявшія о своей музыкѣ (Норвегія, Швеція и Данія), или надолго прекратившія свою дѣятельность въ этой области (Англія, Испанія и Бельгія). Съ одной стороны, въ искусства проникли новыя философскія броженія съ другой стороны, въ немъ развивается реализмъ—сильно замѣтный и въ русской національной школѣ, хотя далеко не исключительный въ ней. Среди-же молодыхъ музыкантовъ итальянскаго юга, распространилось особое экстравагантно-реалистическое направленіе.

Такимъ образомъ, въ настоящее время мы имѣемъ самую пеструю смѣсь всевозможныхъ направленій, и всякому ловкому композитору, не обдѣленнному творческою смѣтливостью, представляется широкое поле для опытовъ во всѣхъ направленіяхъ, но наиболѣе яркій путь былъ проложенъ новымъ ученіемъ Рих. Вагнера о *музыкальной драмѣ*. Этотъ путь еще далеко не опредѣлившійся. Среди другихъ направленій, онъ выдѣляется съ особенною яркостью, и если въ сосѣднихъ съ Германіей государствахъ музыкальная драмаразвивается лишь постепенно (болѣе во Франціи и Англіи, менѣе—въ Россіи и Италіи; Австро-Венгрію въ музыкальномъ отношеніи я отъ Германіи не отдѣляю), то на родинѣ своей она теперь чрезвычайно прогрессируетъ. Молодая нѣмецкая музыкальная школа воспиталась на Вагнерѣ. Она восприняла въ себя его теоріи и, опираясь на нихъ, продолжаетъ свое творческое развитіе. Однимъ изъ наиболѣе характерныхъ и значительныхъ представителей этой именно талантливой музыкальной молодежи и является Феликсъ Вейнгартнеръ, которому я посвятилъ настоящій этюдъ.

II.

Феликсъ Вейнгартнеръ не является исключительно композиторомъ; онъ въ тоже время изумительный дирижеръ, прекрасный писатель-памфлетистъ [2]) наконецъ онъ музыкантъ — философъ. Дирижерскій талантъ позволяетъ ему свободнѣе оперировать въ музыкальномъ мірѣ;

---

[1]) Говорю «школа», ибо здѣсь приходилось создавать и устраивать новый музыкальный языкъ и новыя формы.

[2]) Упомяну здѣсь о его двухъ брошюрахъ: Ueber das Dirigiren, 1896 (въ русскомъ переводѣ напечатано въ «Русской Музыкальной Газетѣ» за 1896 г.) и Bayreuth (1876 — 1896) 1897 — Изд. Sizisches'а въ Берлинѣ.

талантъ писателя необходимъ ему для передачи и распространенія, посредствомъ печатнаго слова, всего того, что выработалось его спекулятивнымъ мышленіемъ. И то, что имъ философски продумано, онъ проводитъ въ собственное творчество.

Вагнеръ далъ музыкантамъ примѣръ великій и необычайный: его теорія построена на *исторіи* музыки, на исторіи культуры вообще и въ тоже время краеугольнымъ камнемъ ея Вагнеръ поставилъ философію Шопенгауэра.

Часть современныхъ нѣмецкихъ музыкантовъ относится къ творчеству и своему искусству вообще съ той же философской точки зрѣнія; въ этомъ ихъ сила и значеніе, но въ этомъ же кроются многія печальныя ошибки ихъ молодого, незрѣлаго творчества. Оставляю ихъ на этотъ разъ въ сторонѣ, чтобы не заходить черезчуръ далеко. Философское воззрѣніе Шопенгауэра *на музыку*, смѣло можно сказать, почти оставляется музыкантами въ сторонѣ. Это воззрѣніе, построенное на искреннемъ поклоненіи творчеству Россини, кажется черезчуръ диллетантскимъ. Но и въ разсужденіяхъ о музыкѣ у Шопенгауэра попадаются мысли, поразительныя по своей справедливости и, подчасъ, остроумію. Вагнеръ взялъ отъ этого мыслителя другое—онъ взялъ всего философа, вѣрнѣе—основу его философской системы, явившейся фактическимъ продолженіемъ ученія Канта.

Всеобъемлющая воля къ жизни заключается въ существѣ самого человѣка, для котораго міръ является лишь представленіемъ. Вѣнцомъ воли является искупленіе, которое проходитъ всѣ степени мытарства, начинаясь съ ничтожества, рабства, и кончаясь свободнымъ индивидуальнымъ бытіемъ. *Искупленіе* дается лишь великими страданіями и требуетъ постепеннаго повышенія и очищенія индивида. Эта философія ведетъ свое начало изъ глубокой древности. Ея первоисточникъ *буддизмъ*, основы котораго (правда съ значительными отклоненіями) перешли и въ ученіе философовъ значительнѣйшаго изъ народовъ классической древности—Пиѳагора, за которымъ по той же стезѣ пошелъ и Эмпедоклъ. Тотъ же завѣтъ «возрожденія» и «искупленія», въ позднѣйшую эпоху греческой философіи, мы находимъ въ ученіи Платона. Христіанство не могло, конечно, отбросить его, а 200 лѣтъ спустя ученіе объ искупленіи ярко выразилось въ системахъ величайшихъ философовъ новаго времени.

Это міровоззрѣніе, съ извѣстными видоизмѣненіями, вошло въ основу творчества Рих. Вагнера, чему нагляднымъ доказательствомъ служатъ его музыкальныя драмы. Вникнувъ въ этотъ рядъ превосходныхъ твореній, начиная съ «Летучаго Голландца» и кончая «Парсифалемъ», невольно придешь къ заключенію, что ихъ философской идеей является «искупленіе» и «перерожденіе». Внизу стоитъ несчастный Голландецъ—дѣйствительно рабъ своего рока—его исторія не только таинственна,

но мрачна, даже грязна (причина его проклятія—фактъ перевозки первыхъ невольниковъ); на верху стоитъ облитый солнцемъ — чистый, божественный Торъ. И если мы вспомнимъ всѣ среднія звенья этой цѣпи—Тангейзера, Лоэнгрина, Тристана и Изольду и, наконецъ, пышную тетралогію «Нибелунговъ»—развѣ это не составитъ именно послѣдовательнаго ряда образовъ, воплощающихъ идею постепеннаго искупленія?

Я не буду касаться вопроса, *какъ* Вагнеръ постарался охарактеризовать въ своихъ музыкальныхъ драмахъ эту идею, насколько она твердо обозначилась въ его индивидуальномъ творчествѣ и къ какимъ результатамъ, благодаря этому, онъ пришелъ. Здѣсь я перейду непосредственно къ Вейнгартнеру, который воспринялъ въ свое міровоззрѣніе эту цѣпь философскаго мышленія и поставилъ себѣ цѣлью—привести ее также въ своей творческой дѣятельности.

III.

Почти все только что изложенное мною Вейнгартнеръ высказалъ печатно въ своей книгѣ «Ученіе о возрожденіи и музыкальной драмы» (Die Lehre von der Wiedergeburt und das musikalische Drama, nebst dem Entwurf eines Mysteriums «Die Erlösung» von Felix Weingartner. Kiel Leipzig. Verlag von Lipsius Fischer. 1895). Это сочиненіе можетъ служить показателемъ его художественнаго направленія и указываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на его сознательно-критическое отношеніе къ своему творчеству. Онъ не только приводитъ теорію Канта—Шопенгауэра, онъ примѣняетъ ее къ музыкальному искусству, преимущественно къ музыкальной драмѣ, приходя къ ней отъ открытія первобытнымъ человѣкомъ *звука* и сознательнаго *тѣлодвиженія* до произведеній великаго Вагнера историко-философскимъ путемъ. И этотъ путь, по мнѣнію Вейнгартнера, долженъ быть путемъ преображенія и возрожденія. Но не только этимъ важна для насъ книга этого музыкальнаго художника, она даетъ намъ кое что еще большее для пониманія склада его творчества; она какъ бы поднимаетъ завѣсы будущей дѣятельности этого новаго музыканта: къ ней прибавленъ краткій, но достаточно полный и точный абрисъ трилогіи—мистеріи «Искупленіе» (die Erlösung), въ которой авторъ вполнѣ художественно сконцентрировалъ всѣ свои философскія понятія относительно искусства. Къ этой мистеріи я впослѣдствіи еще вернусь. Наконецъ, не менѣе любопытной стороной этой его книжки является разъясненіе значенія музыкальной драмы, а также точное опредѣленіе сюжетовъ, которые онъ признаетъ возможными и невозможными въ обширной области музыкальной драмы. Несмотря на нѣкоторые несостоятельные взгляды на музыкальное искусство, Шопенгауэръ высказалъ и для него

великую истину [1]), которая ясно показываетъ цѣль и назначеніе всякой музыки, сопровождаемой словомъ (текстомъ), будь оно выражено въ формѣ романса (пѣсни) или опернаго представленія. Свою мощь и высшую способность по отношенію къ тексту музыка показываетъ въ томъ, что выраженнымъ въ словахъ ощущеніямъ она даетъ *глубочайшія*, *послѣднія* (letzte), *таинственнѣйшія откровенія*, *высказываетъ ихъ истинную сущность и передаетъ намъ внутренній смыслъ* (душу) *происходящихъ передъ нами событій*, *простымъ покровомъ и*, *такъ сказать*, *тѣломъ которыхъ является сцена*. Гдѣ кончается власть слова, вступаетъ въ свои права откровеніе въ звукахъ. Такимъ образомъ, музыкальная драма прежде всего должна служить выраженіемъ, какъ бы *отпечаткомъ*, *душевнаго настроенія*. Она должна рисовать такія событія и характеры, которые не могутъ быть достаточно обрисованы одними словами, и, наоборотъ, все то, что въ литературной драмѣ совершенно понятно, что одной силой языка (человѣческой рѣчи) можетъ быть вполнѣ передано слушателю, того, по справедливому мнѣнію Вейнгартнера, музыкальная драма не должна касаться. Поэтому, онъ исключаетъ для оперныхъ текстовъ всякіе исключительно историческіе и политическіе сюжеты, а также тенденціозные сюжеты, какія бы цѣли они ни преслѣдовали—религіозныя или общественныя. Своеобразно и, на мой взглядъ, также вполнѣ справедливо относится Вейнгартнеръ къ спеціально *народнымъ* и бытовымъ пьесамъ, исключая ихъ изъ круга дѣятельности музыкальной драмы. «Когда на сценѣ предо мною проходятъ крестьяне, мѣщане или простой народъ, я хотѣлъ бы ихъ слушать во всей ихъ наивной простотѣ, лучше всего на ихъ нарѣчіи (wie ihnen der Schnabel gewachsen ist, am liebsten im Dialekt).

IV.

Я нарочно коснулся такъ подробно взглядовъ Вейнгартнера на музыку вообще и на музыкальную драму въ особенности. Только выяснивъ его художественное міровоззрѣніе, можно отнестись къ нему справедливо и безпристрастно.

Въ «количественномъ» отношеніи творчество Вейнгартнера не особенно значительно [2]); у него всего нѣсколько талантливыхъ фортепіан-

---

[1]) См. 2-й томъ его соч. «Міръ какъ воля и представленіе». Гл 39.

[2]) Вотъ вкратцѣ его біографическій очеркъ.—Феликсъ Вейнгартнеръ родился 2 іюня 1863 г. въ Зарѣ (Далмація). Общее образованіе онъ получилъ въ гимназіи г. Граца, гдѣ онъ также въ ранней молодости сталъ заниматься музыкой. Въ 1881 году онъ пріѣхалъ въ Лейпцигъ, уже хорошо подготовленный къ избранной имъ спеціальности, и поступилъ въ консерваторію. Въ Германіи, которой онъ посвящалъ до сихъ поръ свою дѣятельность, онъ познакомился съ Листомъ, который принялъ

ныхъ произведеній (напр. Lose Blätter» и «Phantasiebilder») и также немного пьесъ инструментальной музыки. Въ настоящее время Вейнгартнеръ замкнулся въ области романса и оперы. Онъ какъ бы жаждетъ имѣть дѣло со словомъ, желая именно въ немъ отыскать его сокровенныя движенія и въ этихъ движеніяхъ живую душу. Такимъ образомъ, мы находимъ у него почти 50 романсовъ и пѣсенъ и 3 оперы:—«Сакунтала», поставленную въ Веймарѣ въ 1884 г.) «Малавика», исп. въ 1-й разъ въ Мюнхенѣ въ 1886 г., и «Генезіусъ», поставленную въ Берлинѣ въ 1892 г. и нынѣ въ Маннгеймѣ. Изъ оркестровыхъ произведеній его упомяну о прелестной «Серенадѣ» для струнныхъ инструментовъ, объ иллюстраціи балладъ поэмы Лёве, симфонической поэмѣ «Лиръ», имѣвшей крупный успѣхъ на выдающихся германскихъ концертныхъ эстрадахъ, и, наконецъ, о его послѣднемъ превосходномъ твореніи «Die Gefilde der Seligen», симфон. поэмѣ, сюжетомъ которой послужила извѣстная картина Бёклина. Послѣднее произведеніе было исполнено впервые прошлымъ лѣтомъ въ Маннгеймѣ (на музыкальномъ празднествѣ «Всеобщаго нѣмецкаго музыкальнаго союза»), и оно-то и послужило для меня первымъ толчкомъ къ внимательному ознакомленію съ творчествомъ этого талантливаго современнаго художника.

Не задаваясь цѣлью дать подробную характеристику музыкальной дѣятельности Вейнгартнера, что будетъ имѣть смыслъ лишь тогда, когда наши музыканты и наша публика узнаетъ его ближе, я ограничусь лишь нѣкоторыми изъ его созданій, тѣмъ болѣе, что въ творчествѣ этого композитора не замѣтно порывистыхъ скачковъ. Спокойно, но увѣренно идетъ Вейнгартнеръ къ своимъ цѣлямъ, будто не заботясь о томъ, что скажетъ публика, что скажутъ его друзья, поддержатъ-ли, поймутъ-ли его или нѣтъ.

Отношеніе Вейнгартнера къ слову высказалась уже въ первыхъ его романсахъ—«Eifersücht'ge, habet Acht» и «Vöglein im Birkenkenbaum singen hell» (на тексты Вейсселя и Кастроппа). Внутренній характеръ этихъ романсовъ свѣтлый, въ первомъ—даже слегка ироничный. Въ нихъ

близкое участіе въ молодомъ талантливомъ композиторѣ и помогъ ему (въ 1883—84 гг.) въ постановкѣ его юношеской оперы, «Сакунтала», на сценѣ Веймарскаго театра. Въ 1884 г. В. выступаетъ на музыкальномъ поприщѣ уже самостоятельно, именно дирижеромъ въ Кенигсбергѣ (1884 г.) и далѣе въ Данцигѣ, Гамбургѣ, Франкфуртѣ на Майнѣ, и придворнымъ капельмейстеромъ въ Мангеймѣ. Въ 1891 году—уже прославленнымъ дирижеромъ—В. получаетъ мѣсто перваго капельмейстера въ корол. оперѣ въ Берлинѣ и выступаетъ руководителемъ симфоническихъ концертовъ берлинской придворной капеллы. Въ этой должности онъ состоитъ и понынѣ. Въ жизни В. не было никакихъ особенныхъ тріумфовъ, хотя подчасъ энтузіазмъ публики (какъ было въ 1895 г. послѣ исполненной имъ въ лейпцигской Alberthalle увертюры къ «Фрейшютцу») прорывался внезапно въ самыхъ горячихъ оваціяхъ по адресу молодого художника.

вполнѣ выразился его взглядъ на обращеніе со словомъ: акомпаниментъ идетъ параллельно съ голосомъ, ни тому, ни другому не дается первенства, оба—равноправные члены въ художежественномъ цѣломъ. Оба романса далеки отъ назначенія служить только красивыми и благодарными (въ смыслѣ эффекта) пьесами для исполненія въ концертахъ. Способность къ музыкальной декламаціи и фразировкѣ у Вейнгартнера—врожденно-художественная. Отмѣчу еще маленькую деталь, рисующую отношеніе Вейнгартнера къ исполненію музыки. Несмотря на то, что оба романса довольно оживленны, они совершенно различны по своему настроенію; поэтому, композиторъ прямо предписываетъ не исполнять ихъ въ концертахъ вмѣстѣ, непосредственно другъ за другомъ. Очевидно, что композиторъ заботился при этомъ о чисто-художественномъ впечатлѣніи публики, о томъ, чтобы одно настроеніе не было слишкомъ дисгармонично нарушено другимъ. Далеко не всѣ композиторы такъ понимаютъ этотъ вопросъ; у лучшихъ изъ нихъ мы зачастую видимъ даже въ однихъ и тѣхъ-же сочиненіяхъ такую пеструю смѣсь настроеній, что пропадаетъ всякое чувство художественнаго цѣлаго. Въ этомъ отношеніи Вейнгартнеръ вполнѣ идетъ по стопамъ славнѣйшихъ нѣмецкихъ романсистовъ—Шуберта, Шумана и Брамса. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ лишь перелистать хотя-бы его ор. ор. 18 («Severa») и ор. 19 (озагл. «Hillaria») [1]).

Все, что я сказалъ о первыхъ двухъ романсахъ Вейнгартнера, подтверждается остальными произведеніями его въ области пѣсни (Lied). Конечно, они не одинаковы по настроенію, большей или меньшей художественности, красотѣ и силѣ впечатлѣнія, но слабыхъ романсовъ у него, можно сказать, нѣтъ вовсе. Просмотримъ нѣкоторыя тетради его романсовъ. Ор. 11-й—девять пѣсенъ подъ общимъ титуломъ «Гарольдъ» — на поэтическій текстъ лирической рапсодіи Густава Кастроппа «Пѣсни короля Эльфа». Всѣ пѣсни должны исполняться въ послѣдовательномъ порядкѣ (такъ предписываетъ композиторъ), иначе гармонія цѣлаго будетъ нарушена. Онѣ полны нѣжности и какой-то свѣтлой, наивной прелести (особенно № 1-й—милованье Эльзы съ Гарольдомъ, произведеніе простое и свѣжее, какъ тотъ зеленый лѣсъ, какъ та золотая весна, о которой идетъ здѣсь рѣчь), а дальше проникнуты безъисходной грустью. Кто любитъ Гейне, тому хорошо извѣстно его «Паломничество въ Кевлааръ». Оно неоднократно служило текстомъ для музыкальныхъ композицій (въ послѣднее время его иллюстрировалъ, между прочимъ, авторъ «Гензель и Гретель»—Гумпердинкъ) и послужило также текстомъ Вейнгартнеру, который въ своемъ ор. 12-мъ далъ цѣлую маленькую поэму—

[1]) Насколько заботливо Вейнгартнеръ относится къ художественному впечатлѣнію, показалъ мнѣ его тщательный выборъ романсовъ для исполненія въ одномъ изъ упомянутыхъ маннгеймскихъ концертовъ.

простую и сердечно-поэтичную. Опускаю цѣлый рядъ романсовъ Вейнгартнера, чтобы остановиться лишь на нѣкоторыхъ. Наиболѣе выдающимися изъ нихъ я считаю: «An die Entfernte», «Welke Rosen» и «Trias harmonica» (на слова Ленау, изъ op. 16); «Der Traumgott» и «Liebe im Schnee» (на слова Роб. Гамерлинга, изъ op. 17); «Auf einem alten judischen Kirchof», на слова Ады Кристель и «Allerseelentag», на слова Хамерлинга (изъ op. 18); «Post im Walde», на слова О. Ф. Группе и «Frühlingsgespenster», на слова Юл. Штурма (изъ сборника «Hilaria», op. 19). Среди другихъ романсовъ Вейнгартнера нельзя не отмѣтить столь прекрасныхъ, какъ «Zweifelnder Wunsch» (Ленау) и «An Emma» (Шиллера)—изъ op. 13; «Verspätetes Hochzeitslied» и др. изъ op. 15; «Liebeseifer» (op. 16), «Reue» (op. 18), «Zwei Gänse» и «Im Walde». (op.19). Въ большинствѣ текстовъ замѣтно преобладаніе нѣжнаго, спокойно-созерцательнаго, слегка грустнаго настроенія, или не сбывшейся надежды, грусти объ увядшей жизни, объ увядшей любви. Наконецъ, третій родъ— это болѣе легкія, слегка ироничныя пѣсенки, какъ весь прекрасный сборникъ романсовъ подъ общимъ титуломъ «Hillaria». Но и въ немъ «Post im Walde» далеко не описательная пьеска, хотя въ аккомпаниментѣ удивительно выдержанъ эффектъ приближающейся и удаляющейся фанфарки рожка деревенскаго почтальона. Но что́ сдѣлалъ изъ этого рожка Вейнгартнеръ! Въ техническомъ отношеніи—это милый и затѣйливый фокусъ построить фанфару (играющую все время въ F-dur) въ разрѣзъ къ основной тональности (Des-dur), а въ музыкальномъ—это сама поэзія, особенно, въ томъ мѣстѣ пьесы, гдѣ почтарь, восхищенный чудной лунной ночью въ лѣсу, напѣваетъ на рожкѣ свою пѣсенку, посылая привѣтъ своей возлюбленной, пассажиры спятъ, и сонныя вѣтви деревъ купаются въ лунномъ свѣтѣ. Почтарь въ восхищеньи... но мимо, мимо— вотъ его рожокъ уже едва слышенъ въ отдаленіи. Также очаровательно сдѣлалъ Вейнгартнеръ свой романсъ «Весенній призракъ»: музыка пикантна, насмѣшлива, отчасти програмна. «Двѣ гусыни» простенькая пьеска, премило передающая неуклюжее переваливаніе двухъ гусынь. Аккомпаниментъ въ видѣ синкопирующихъ актовъ и надутая (plump) тема, все какъ нельзя болѣе подходитъ къ характеру этой юмористичной картинки, показывающей, насколько гибокъ талантъ композитора. Спокойно звучитъ послѣдній романсъ сборника «Въ лѣсу», въ которомъ широкіе ходы въ басу напоминаютъ до нѣкоторой степени геніальную «Пѣсню темнаго лѣса», Бородина.

Совершенно другое настроеніе царитъ въ большинствѣ остальныхъ романсовъ Вейнгартнера. Любопытна общая черта многихъ изъ нихъ— мысль о смерти. Спокойно, величаво, я сказалъ-бы даже съ задушевной, примирительной грустью смотритъ онъ въ лицо смерти. И эти романсы, безъ сомнѣнія, лучшіе у Вейнгартнера. Они прямо геніальны.

Это романсы: «Поблекшія розы», «На старомъ еврейскомъ кладбищѣ», «День всѣхъ усопшихъ» (Allerseelentag). Въ нихъ, также какъ и въ поэтичнѣйшемъ, полномъ нѣжности, прелести и любви романсѣ «Любовь въ снѣгу», Вейнгартнеръ достигъ выраженія того что можетъ быть скрыто въ словѣ, но не можетъ быть выражено никакой человѣческою рѣчью, никакой декламаціей. Во всѣхъ этихъ романсахъ аккомпаниментъ композитора — идеальнѣйшее отраженіе настроенія; въ немъ именно — весь драматизмъ происходящаго. Такое сочетаніе голоса съ инструментальнымъ аккомпаниментомъ, не отстающимъ ни на іоту отъ движенія «слова», но раскрывающимъ его внутреннія стороны, мы найдемъ въ большинствѣ романсовъ Вейнгартнера, въ этихъ очаровательныхъ поэмахъ, въ этихъ нѣжныхъ, сердечныхъ или серьезныхъ драмахъ, заключенныхъ въ какіе-нибудь нѣсколько десятковъ тактовъ!

Остается еще прибавить, что бо́льшая часть романсовъ и пѣсенъ Вейнгартнера требуютъ особаго исполненія, пѣвцовъ съ чуткой душой, способныхъ постигнуть смыслъ этихъ маленькихъ драмъ и передать ихъ слушателю.

V.

Если и въ романсахъ своихъ Вейнгартнеръ проводилъ шопенгауэровскій принципъ «музыкальной драмы»—передачу сокровенныхъ душевныхъ движеній, то тѣмъ болѣе ярко онъ долженъ былъ выразить его въ оперѣ. Возьму его послѣднее и замѣчательнѣйшее созданіе—«Генезіусъ». Авторъ не назвалъ свое произведеніе ни оперой, ни музыкальной драмой; на титулѣ просто стоитъ—Dichtung und Musik. Нужно полагать, что онъ смотрѣлъ на «Генезіуса» съ своей художественно-философской точки зрѣнія, а потому, несмотря на присутствіе въ немъ различныхъ оперныхъ реквизитовъ, произведеніе это явилось, съ одной стороны, чистѣйшей драмой души (психологической драмой), а съ другой—пробнымъ камнемъ въ той области, которая очерчена имъ въ эскизѣ его мистеріи «Искупленіе».

Развитіе своего «Искупленія» Вейнгартнеръ построилъ на буддійскомъ вѣроученіи о переселеніи душъ и новѣйшемъ христіанскомъ догматѣ объ искупленіи. Авторъ беретъ въ основу древнееврейскую легенду (воспринятую и христіанствомъ) о созданіи перваго человѣка, въ которомъ страсти жили въ простомъ, такъ сказать, обнаженномъ и дикомъ видѣ. Далѣе, пускаясь черезъ множество вѣковъ, авторъ развиваетъ дѣйствіе во время великой назаретской драмы. Послѣдняя часть трилогіи—наступившее искупленіе—приводитъ насъ къ окончаніямъ странствованій вѣчнаго жида, къ полному умерщвленію порочныхъ страстей и полному очищенію человѣчества. Согласно этому, 3 части мистеріи но-

сятъ названія: «Каинъ», «Іисусъ Назарейскій» и «Агасферъ». Проклятіе Каинова племени изъ-за совершившагося братоубійства—первая ступень драмы; рожденіе, страданіе и смерть Христа во имя искупленія и новое проклятіе, павшее на главу предателя Іуды — вторая. Послѣдняя часть искупленіе человѣчества въ основныхъ типахъ зла. Эти типы помѣчены въ мистеріи Вейнгартнера въ высшей степени удачно, интересно и художественно правдоподобно.

Искупленіе совершается въ главнѣйшей части мистеріи—«Іисусъ Назарейскій», къ которой «Каинъ» и «Агасферъ» являются, въ сущности, прологомъ и эпилогомъ. Превосходна идея *единства*—въ этой мистеріи мѣсто дѣйствія древняя Индія—между Тибромъ и Эфратомъ, гдѣ впервые обозначились страсти человѣчества и гдѣ, въ концѣ концовъ (по предварительному плану композитора), музыка даетъ чувствовать наступленіе блаженной Нирваны.

Созданіе этой мистеріи Вейнгартнеръ поставилъ себѣ такой же задачей, какою въ творчествѣ Рих. Вагнера явилась его тетралогія «Нибелунговъ перстень». На всѣ остальныя работы свои молодой нѣмецкій художникъ смотритъ, какъ на промежуточныя стадіи. Во всякомъ случаѣ, «Генезіусъ» является крупнымъ шагомъ на пути къ осуществленію мистеріи. Это произведеніе доказываетъ, что идея художника исполнима, что его музыкальное творчество сильно и богато.

Драма «*Генезіуса*»—драма чисто психологическая, какъ я уже сказалъ. Основной мотивъ ея—перерожденіе и очищеніе души язычника въ братскомъ ученіи Христа. Фабула драмы слѣдующая. Во времена гоненій христіанъ, съ такой жестокостью обозначившихся въ царствованіе императора Діоклетіана, послѣдній для поддержанія престижа тиранніи объявляетъ себя богомъ и приказываетъ воздавать себѣ божескія почести. Любимымъ мимомъ этого тирана былъ Генезіусъ, въ душѣ котораго уже начала подниматься какая-то тревога. Онъ видѣлъ христіанъ, встрѣчавшихъ смерть съ блаженнымъ словословіемъ и мужествомъ. Онъ полюбилъ христіанку; не зная завѣта братской любви, онъ требуетъ плотской взаимности. Молодая христіанка прибѣгаетъ къ старцу (общины), и послѣдній, указывая римлянину на завѣтъ Христа, оберегаетъ дѣвушку. Въ припадкѣ слѣпой злобы, Генезіусъ указываетъ императору на проходящаго случайно старца (во время всеобщаго жертвоприношенія тирану), который отказывается поклоняться кому бы то ни было, кромѣ Творца и Его Единороднаго Сына. Къ нему бросается христіанка, возбуждающая своей красотой плотскій аппетитъ Діоклетіана, Тогда только Генезіусъ постигаетъ всю низость своего доноса; не смотря на жертвоприношеніе, совершаемое имъ по требованію тирана, душа его уже объята великимъ смятеньемъ: въ его крикѣ—«Kaiser, ich opfre dir»—уже слышенъ будущій христіанинъ, будущій мученикъ.—Вожделѣнія ти-

рана наталкиваются на стойкость дѣвушки, которая въ экстазѣ прибѣгаетъ къ Спасителю. Нисходящій на ея чело свѣтъ повергаетъ Діоклетіана въ ужасъ,—онъ велитъ убрать христіанку и для успокоенія совѣсти назначаетъ спектакль. Во время этого-то спектакля совершается окончательное душевное просвѣтлѣніе Генезіуса. Онъ является по пьесѣ Аполлономъ, и въ этомъ лучезарномъ идольскомъ одѣяніи, среди масокъ и мимовъ, передъ трономъ императора-тирана, окруженнаго придворными, онъ открываетъ свою душу. Постепенно усиливается его душевный разладъ, подготовливающій полный душевный переворотъ; онъ путаетъ свою роль, сперва запинаясь, потомъ все говоря и говоря о Распятомъ; онъ чувствуетъ всю низость своего существованія, онъ жаждетъ очиститься, пріобщиться этой крови,—онъ объявляетъ себя, наконецъ, христіаниномъ! Его исповѣдь кротка, спокойна, несмотря на душевную тоску, на полнѣйшее одиночество въ данную минуту. Ночью христіане, въ ихъ числѣ Генезіусъ, ложатся спать въ темницѣ. Генезіусъ самъ отказывается теперь отъ освобожденія, несмотря на мольбу молодой христіанки, которая вдругъ почувствовала страстный призывъ къ жизни Теперь—его чередъ просвѣтить ее союзомъ во Христѣ, и принятый радостно новыми братьями его, онъ обнимаетъ старца и молодую христіанку и удаляется принять смерть, успокоенный и очищенный!

Въ «Генезіусѣ» ярко воплотилась эта идея искупленія, и все музыкально-философское вѣроисповѣданіе Вейнгартнера.

Если молодой художникъ успѣлъ столь удачно создать канву для новой музыкальной драмы, то не менѣе превосходно онъ выразилъ ее и въ музыкѣ. Все гармонируетъ въ этой счастливой партитурѣ; для характеристики христіанъ и римлянъ (особенно въ отлично задуманной и выполненной суетѣ спектакля во дворцѣ), какъ и для отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ, композиторъ нашелъ богатыя и колоритныя краски. Какъ въ своихъ романсахъ, такъ и въ оперѣ онъ *не выдѣляетъ* ни вокальную, ни инструментальную части партитуры. Надъ множествомъ отдѣльныхъ лицъ, надъ языческою и христіанскою толпою, проходитъ возвышенный трагическій образъ Генезіуса. Все его смятеніе, сознаніе духовной нищеты и тщеты происходящаго, его переломъ и просвѣтлѣніе геніально переданы въ тѣхъ сценахъ, въ которыхъ Генезіусъ является дѣйствующимъ лицомъ. Само собою разумѣется, что при построеніи своей музыкальной драмы Вейнгартнеръ не обратился къ старымъ формамъ,—его драма течетъ плавно, музыка не разграничена отдѣльными №№, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не довольствовался и безжизненнымъ въ основѣ своей тематизмомъ (т. е. построеніемъ музыкальной стороны драмы исключительно на *руководящихъ мотивахъ*—а прибѣгъ къ болѣе цѣльнымъ общимъ муызкальнымъ характеристикамъ, вплетая по надобности въ свою музыкальную канву постороннія звуковыя краски и рисунки. Сцениче-

ское впечатлѣніе «Генезіуса», неотразимо: это произведеніе захватываетъ душу и говоритъ сердцу.

Такимъ гармонически цѣльнымъ, глубоко талантливымъ художникомъ, у котораго душа произведенія стоитъ на первомъ планѣ и которому необычайное мастерство позволяетъ постигнуть и представить ее въ *художественно-прекрасномъ цѣломъ*, Вейнгартнеръ является въ большинствѣ своихъ музыкальныхъ созданій. Вотъ почему я считаю его однимъ изъ крупнѣйшихъ, серьезнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ музыкантовъ-художниковъ современнаго Запада. Въ его жилахъ течетъ свѣжая, здоровая и благородная кровь. Это художникъ съ ногъ до головы, не замкнувшійся въ какой-либо узкой спеціальности, равномѣрно дѣйствующій въ самыхъ различныхъ областяхъ музыкальнаго искусства.

Ник. Финдейзенъ.

---

*
* *

Въ минуты тоски и раздумья нѣмого
Какъ много гнетущей тревоги въ груди,
Какъ смотритъ грядущее въ очи сурово,
Какъ мало отрады сулитъ впереди:

Кругомъ оглянуться и больно и жутко.
Во всемъ покоряясь обычной судьбѣ,
Застыли желанья въ оковахъ разсудка,
И плѣнная мысль изнурилась въ борьбѣ.

И страшно подумать, на прошлое глядя,
Что юности годы такъ быстро прошли,
Что первыхъ сѣдинъ серебристыя пряди
На темени снѣжнымъ налетомъ легли.

В. Грибовскій.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

Изъ лѣтописей одесскаго городского управленія.

Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ Одесса оставалась безъ головы. Плохой каламбуръ этотъ давалъ пищу одесскимъ газетамъ, служилъ неистощимой темой разговоровъ для скучающихъ обывателей, якобы интересующихся общественными дѣлами. Приходится заговорить о немъ и намъ, ибо какъ бы онъ ни былъ плохъ, но онъ характеренъ для нашей общественной жизни.

«Искать» одного человѣка въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ,—это, съ одной стороны, доказываетъ, какъ мало извѣстный общественный слой, который пока только и призванъ къ такъ называемому у насъ самоуправленію, выдѣляетъ людей дѣйствительно интересующихся общественными дѣлами, хотя собственные интересы защищаются иногда до самозабвенія, съ другой—показываетъ, какъ щекотливо для порядочнаго человѣка положеніе, въ которомъ ему приходится служить нѣсколькимъ богамъ.

Но «поиски» эти въ концѣ концовъ усложнились до того, что появилось опасеніе, какъ бы изъ-за думскихъ несогласій, намъ не дали по назначенію даже голову, какъ даютъ гласныхъ. И подъ давленіемъ этихъ соображеній городскіе представители остановились, наконецъ—довольно неожиданно—на извѣстномъ дѣятелѣ херсонскаго земства П. А. Зеленомъ. Неожиданность его выбора, однако, еще болѣе подтверждаетъ наше общее правило, что у насъ дѣйствительно нѣтъ въ командующемъ классѣ охоты заниматься общественными дѣлами, хотя этотъ самый классъ рисуется уже очень ярко. Людей, пригодныхъ для общественной дѣятельности приходится искать на сторонѣ—иногда даже внѣ Одессы. Когда уходилъ Маразли, одесситы даже въ Николаевъ обращались, соображая, не взять-ли себѣ въ городскіе головы оттуда нѣкоего г. Даценко.—«Приходите и владѣйте нами. Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ». Если затѣмъ и остановились на г. Лигинѣ, то и онъ былъ все же чужой.

Старый профессоръ-предсѣдатель техническаго общества, но «не нашъ». Нѣтъ ничего мудренаго, что онъ не просидѣлъ въ головахъ и трехъ лѣтъ, какъ его двинули дальше, и Одессѣ снова забота. Изъ университета она отправилась въ судъ. Тамъ былъ товарищемъ предсѣдателя нѣкій П. А. Крыжановскій, и «народъ» адресовался къ нему съ тѣмъ же: приходите и владѣйте нами! Крыжановскій, дѣйствительно было, пришелъ, но не прошло и восьми мѣсяцевъ, какъ онъ самъ повернулся и ушелъ.

Послѣ его ухода дума окончательно растерялась. Попробовала пригласить предсѣдателя коммерческаго суда — безрезультатно. Попробовала адресоваться въ одну изъ мѣстныхъ палатъ—тоже самое. Что касается П. А. Зеленаго, то сначала онъ даже не поминался или, по крайней мѣрѣ, не былъ серьезнымъ кандидатомъ. Быть можетъ, именно поэтому и подали за него свой голосъ, какъ за человѣка внѣ думскихъ партій и въ то-же время дѣйствительно настолько порядочнаго, что подобнаго ему другого въ думскомъ составѣ и не найти. И по счастливой случайности такимъ образомъ создалось для Зеленаго сначала относительное, а потомъ и абсолютное большинство голосовъ въ составѣ думы.

Какъ извѣстно, въ Одессѣ на 400 т. жителей избирателей приходится меньше 2000. Такое поразительно ничтожное число ихъ, даже по сравненію съ другими городами, объясняется тѣмъ, что въ Одессѣ главная масса населенія евреи. Стоитъ пройтись по улицамъ Одессы въ еврейскіе праздники—особенно въ іомъ-кипуръ,—увидѣть эти сплошь закрытые магазины, проникнутыя жуткой тишиной и безлюдьемъ или, наоборотъ, въ «шабесъ» запутаться въ шумной говорливой толпѣ на Дерибасовской, чтобы понять, какую роль играетъ здѣсь еврейство И вотъ эта-то масса и оставлена совсѣмъ безъ избирателей.

Разбивая избирателей на двѣ группы такъ, чтобы въ одной были доктора, судьи, дворяне, инженеры и т. п. лица, а въ другой—фабриканты. промышленники, купцы, мѣщане и т. д., мы получимъ въ первой, «интеллигентно-чиновничьей» группѣ 650 чел., а во второй, «торгово-промышленной»—1200 чел. Но на выборахъ 1897 г. декораціи уже сразу мѣняются. Кандидатовъ въ думу изъ первой группы оказывается 317 чел., тогда какъ изъ второй, вдвое большей,—312 чел. А затѣмъ, происходитъ уже совсѣмъ непонятное, повидимому, избіеніе младенцевъ. Изъ торгово-промышленной группы избирается въ думу всего 18 чел., т. е. 5,7%, а забаллотировывается 294, т. е. 94,3%. А изъ интеллигентно-чиновничьей среды избирается 40 чел., т. е. 12,6%, при 277 забаллотировкахъ, составляющихъ всего 87,4%. За нѣкоторыми измѣненіями въ настоящее время въ думѣ 38 «интеллигентовъ», и лишь 24 чел. торговцевъ и промышленниковъ. Да и это лишь потому, что изъ 5 евреевъ, назначенныхъ въ думу присутствіемъ по городскимъ дѣламъ, 4 принадлежатъ къ промышленно-коммерческому классу.

Такимъ образомъ, одесская дума одна изъ наиболѣе интеллигентныхъ нашихъ думъ. Въ ней 5 присяжныхъ повѣренныхъ, 6 врачей, 5 инже-

неровъ, 3 профессора, 3 мировыхъ судьи, 1 директоръ гимназіи, 2 тайныхъ совѣтника, 8 дѣйств. статскихъ, 4 статскихъ, 1 контръ-адмиралъ, 3 титулованныхъ особы. Тѣмъ болѣе блестящій, повидимому, составъ управы. Тамъ и мировые судьи, и инженеры, и товарищъ прокурора, и товарищъ предсѣдателя суда, и присяжный повѣренный.

Чѣмъ же объясняется такой, повидимому, странный пассажъ?

Очень просто. Внѣ-партійная интеллигенція становится теперь архивнымъ понятіемъ. Дѣйствительная интеллигенція это — культурно-образованные люди того или другого класса. Съ появленіемъ у насъ буржуазіи стала выдвигаться именно интеллигенція буржуазная. Такъ называемые разночинцы оказались вполнѣ родственными ей. А вслѣдъ затѣмъ и интеллигенція нашего перваго сословія по духу времени взяла чисто *практическій* «курсъ». Всѣ эти юристы, присяжные повѣренные, инженеры, засѣдающіе въ одесской думѣ, прежде всего дѣльцы. И вотъ почему всѣ они оказались излюбленными людьми. Высшее образованье на службѣ капиталу, это гораздо лучше, чѣмъ полуобразованіе торгово-промышленной группы. При такомъ подсчетѣ уже только незначительная группа будетъ не на сторонѣ буржуазіи. И это не только въ Одессѣ, но и вездѣ Самимъ крупнымъ промышленникамъ нѣтъ времени являться даже въ думу, — ну они и посылаютъ туда присную по духу «интеллигенцію».

Но и послѣдняя не всегда можетъ посвящать все время городскому хозяйству. Тѣмъ болѣе противна дѣльцамъ канцелярская формалистика, которой, однако, въ управѣ они не умѣютъ замѣнить ничѣмъ другимъ. Даже гонорары не всегда обольщаютъ ихъ. И чтобы помочь дѣлу, думцы уже сами идутъ на встрѣчу бюрократіи и на отвѣтственныхъ мѣстахъ водворяютъ опытныхъ людей. Пока это выгодно, но что будетъ дальше—увидимъ. Выгодно, понятно, для крупной буржуазіи. Что получается при этомъ изъ городского хозяйства, показываетъ хоть-бы наша Одесса.

При описаніи его затрудняешься, съ чего начать. Смѣты городскихъ доходовъ и расходовъ за послѣднія 5 лѣтъ колеблются приблизительно между 3 м. 578 т. р. для доходовъ и 3 м. 570 т. р. для расходовъ. Повидимому, здѣсь имѣется даже остатокъ доходовъ. Но что оказывается на самомъ дѣлѣ?! Оказывается, что въ продолженіи года послѣдовательныя дополнительныя ассигновки вносятъ намъ дефициты, которыхъ за 5 лѣтъ набралось 772 т. р., да за послѣдній годъ прибавилось свыше 100 т. р. Весь одесскій дефицитъ дошелъ почти до 900 т. р. Въ то-же время долги города простираются до 13 м. р., требуя на одни проценты съ погашеніемъ 650 т. р. Покрывая прорѣхи бюджета, управа расходуетъ спеціальные фонды—страховой, пенсіонный, запасной и пр. Въ результатѣ вмѣсто 540 т. р. отъ нихъ въ итогѣ имѣлось еще въ прошломъ году всего 112 т. р.

По подсчету гласнаго Якунина израсходовано даже 475 т. р. Гдѣ

они, неизвѣстно. Между тѣмъ въ настоящее время стоимость всего городского имущества равняется лишь $10^{1}/_{2}$ м. р., т. е. не обезпечиваетъ уже долговъ. Правда, есть еще у насъ какой-то инвентарь. Стоитъ онъ, говорятъ, до 5 м. р. Но когда дума поинтересовалась его описью, то оказалось... что ея не оказалось. Кто говорилъ, что ее съѣли мыши, какъ это разъ случилось съ нѣкоторыми планами, кто, — что ея совсѣмъ не было. И пока снова не приведутъ инвентарь въ извѣстность, его оцѣнка будетъ гадательной.

Такая удивительная манера хозяйничать проявляется во всемъ. Начала дума строить крытые рынки. При этомъ о пріемахъ постройки справились лишь тогда, когда на половину уже вывели стѣны. Спохватившись, начали передѣлывать, но, все-таки, получили какіе-то казематы по внѣшности, безъ всякой вентиляціи внутри. Поправки безуспѣшны. Мѣстъ тамъ иногда не берутъ; дохода рынки пока не даютъ, и часть ихъ до сихъ поръ даже не покрыта.

Психіатрическую лечебницу—покрыли. Но поднялся вѣтеръ, поднялась и крыша. Поднялась и улетѣла. Съ тѣхъ поръ эта крыша—притча во языцѣхъ. Но хозяйственные думцы сдѣлали еще лучше. Постройку они сдали подрядчику. И затѣмъ, не осматривая ея, перевели туда больныхъ. Только въ концѣ 1896 г. была произведена пріемка. И оказалось, что изъ оконъ дуетъ, изъ-подъ половъ дуетъ, балки нѣкоторыя подгнили и т. д. Дума подумала, но потомъ махнула рукой и успокоилась.

Само собой, внутренніе порядки въ такихъ городскихъ учрежденіяхъ совершенно подъ стать этому отношенію къ нимъ думы. Подвиги въ психіатрической лечебницѣ и въ городской больницѣ ихъ врачей Шпаковскаго и Сѣнькевича-Корчака прославили ихъ на всю Россію. Въ виду слабости надзора и неразобщенности отдѣленій бывало, что по вечерамъ мужчины врывались къ женщинамъ и происходило нѣчто въ родѣ «похищенія сабинянокъ». Даже сестры милосердія не были гарантированы отъ этого. У администраціи не хватало соображенія даже на то, чтобы хоть чѣмъ-нибудь занять этихъ больныхъ, и въ заразномъ отдѣленіи паціентки отъ скуки устраивали безобразные бенефисы самимъ докторамъ. Какъ расходовались деньги, показываетъ тотъ фактъ, что не такъ еще давно, при одной ревизіи, не досчитались бѣлья на сумму до 25 т. р.

Вполнѣ понятно. Никто изъ думцевъ, да и изъ избирателей, навѣрное, не попадетъ въ эту больницу. И дума довольно хладнокровно отнеслась ко всей больничной эпопеѣ. Нѣсколько маленькихъ воришекъ — «для удовольствія большихъ»—полетѣло съ мѣстъ, и тѣмъ дѣло кончилось.

A priori можно уже поэтому было бы сказать, какъ отнесутся думцы къ народному образованію. Несмотря на голову изъ профессоровъ, несмотря на сравнительно приличнаго члена управы, завѣдывавшаго этимъ отдѣломъ, изъ контингента дѣтей школьнаго возраста нигдѣ не учится

почти половина (46%)—около 11 т. человѣкъ. При этомъ въ народныхъ школахъ, т. е. на средства города, обучалось меньше 6 т. чел. въ 150 классахъ. Для 11 т. чел. дѣтей надо было бы открыть еще 275 классовъ. Этого не только нѣтъ, но число непринятыхъ въ школы дѣтей съ каждымъ годомъ увеличивается. Въ 1892 г. не приняли 896 чел., въ 93 г.—966, въ 94—1,209, въ 95—1,383, въ 96—1,611. Санитарное состояніе большинства школъ ниже всякой критики. Въ екатерининскомъ училищѣ, въ одномъ изъ классовъ свѣтъ загороженъ флигелемъ; отопленіе таково, что даже при 5° на улицѣ температуру классовъ нельзя поднять выше 8°. Училище въ д. Сербулова помѣщается рядомъ съ ночлежнымъ домомъ и притонами проституціи; въ одномъ дворѣ съ нимъ мыловаренный заводъ. Стѣны сырыя, окна низкія. Училище въ домѣ Минчіоки находится рядомъ съ ватерклозетомъ одной изъ квартиръ, откуда идетъ такое зловоніе, что распространяется по всему училищу; на стѣнахъ плѣсень. Училище въ домѣ фонъ-Беннета помѣщается на улицѣ, гдѣ замощеніе плохое, движеніе сильное; пыль не позволяетъ открывать окна; потолки даютъ прогибы, стѣны въ трещинахъ и промерзшія, свѣта мало, отхожія мѣста не чистились 4 года и сгнили. Изъ 82 учащихся такъ или иначе больны—*всѣ*.

Мы брали эти примѣры на удачу, оставивъ въ сторонѣ длинный рядъ ихъ, приведенный однажды городской санитарной коммиссіей. Когда дѣло идетъ о воскресныхъ школахъ, думцы поступаютъ еще хуже. Однажды дума расщедрилась и дала на одну школу 350 р. Въ слѣдующемъ году на эту школу было выдано лишь 100 р., да и то слышались возраженія, что это много—довольно 50 р. Понятно, почему во всей Одессѣ до сихъ поръ всего 2 воскресныхъ школы. И не мудрено, что въ своихъ проектахъ улучшеній г. Крыжановскій, напр., совсѣмъ даже забылъ о народномъ образованіи. Устроивши на неудачномъ для рабочихъ мѣстѣ, да и то по почину славянскаго общества, народную аудиторію и бросая ей несчастныя 7—8 т. р., дума рѣшительно не знаетъ, что ей больше дѣлать съ этой проклятой аудиторіей. Поэтому тамъ больше ставятъ «Коварство и любовь», чѣмъ устраиваютъ народныя чтенія, да и эти чтенія организованы прямо ужасно. Библіотека не годится никуда. У общества-же здѣсь настолько мало иниціативы, что другая аудиторія, построенная Маразли и переданная сначала какому-то братству, стояла безъ дѣйствія до тѣхъ поръ, пока тамъ не водворился комитетъ трезвости. Мы искренне изумляемся, какъ это, наконецъ, дума разщедрилась и дала 3 т. р. лекціонному комитету при обществѣ естествоиспытателей.

За то, если надо пустить въ глаза пыль, нашумѣть, — это намъ совсѣмъ не трудно. Не такъ еще давно дума послала трескучее ходатайство объ учрежденіи въ Одессѣ технологическаго института, обѣщая дать на это и землю, и 200 т. р. (при всѣхъ городскихъ дефицитахъ).

Одесскій театръ—третій или четвертый по роскоши во всей Европѣ. Не мудрено. На него ухлопали до 1½ мил. Поэтому онъ, конечно, не

для бѣдняковъ и профановъ. Тамъ даже на галлереѣ чистая публика. Благодаря кассѣ и барышникамъ, цѣны туда иногда доходятъ до 1 р. И при всемъ томъ театральная коммиссія даже этимъ была недовольна, и выдумала, было, проектъ повышенія цѣнъ на галлерею съ тѣмъ, чтобы понизить ее для «бѣдняковъ» сидящихъ въ бельэтажѣ и партерѣ. Это была не шутка, и только послѣ долгихъ дебатовъ проектъ убрали. Что касается спектаклей, то они отлично характеризуютъ быстро разбогатѣвшаго неотесаннаго буржуа. Это или крикливая итальянщина, или — хохлы (на сценѣ третьяго театра въ Европѣ—это очень пикантно). Собственной драматической труппы въ Одессѣ до сихъ поръ нѣтъ. Пріѣзжія не рѣдко терпятъ убытки.

До какой беззастѣнчивости доходятъ думцы въ отношеніи къ низшей братіи показываетъ не только проектъ театральной коммиссіи. Для водопроводныхъ рабочихъ была проектирована баня.

— Баня!—изумились нѣкоторые гласные.—Для чего рабочимъ баня? Разводить филантропію у насъ не полагается.

И баня проскочила только случайно, благодаря какимъ-то двумъ измѣнническимъ голосамъ.

Тѣмъ болѣе грустно закончился эпизодъ съ петиціей желѣзнодорожныхъ рабочихъ о Больше-Вокзальной площади. Находя, что она особенно удобна для всяческихъ складовъ и товаровъ съ вокзала, крупные торговцы и домовладѣльцы подали петицію объ ея замощеніи. На это рабочіе подали контръ-петицію, прося о разбивкѣ тамъ сквера, необходимаго и для нихъ, и для ихъ дѣтей, не имѣющихъ ни одного уголка со свѣжимъ воздухомъ. Послѣ этого господа домовладѣльцы подали съ своей стороны такое прошеніе, гдѣ фигурировало даже «воздѣйствіе на рабочихъ посторонниxъ злоумышленныхъ лицъ». — И дума взяла и положила подъ сукно петицію рабочихъ. Воскресный же отдыхъ для прикащиковъ прогорѣлъ совсѣмъ. Это относится, резонно разсуждали думцы, къ рабочему вопросу. А рабочій вопросъ такая штука, что только тронь его гдѣ-нибудь въ одномъ мѣстѣ,—придется передѣлывать все. И во избѣжаніе такихъ страховъ оставили все въ прежнемъ видѣ, на усмотрѣніе самихъ купцовъ.

Городской ломбардъ проваливали два раза. Въ третій съ нимъ связалъ свою судьбу товарищъ головы, посуливъ выйти, если его проектъ не примутъ. Необходимость городского ломбарда, при 60% годовыхъ въ частномъ, для одесской бѣдноты была очевидна, но у думцевъ было слишкомъ много связей съ акціями частнаго ломбарда. И поэтому, принявъ проектъ городского ломбарда, они наотрѣзъ отказались устроить заемъ, необходимый для него.

Съ водопроводомъ въ бѣднѣйшихъ кварталахъ устраиваются такія штуки. Чтобы въ благоустроенныхъ кварталахъ, гдѣ живетъ культурная буржуазія, напоръ воды въ кранахъ былъ сильнѣе, въ дешевой столовой и въ ночлежныхъ пріютахъ съ 11 ч. вечера и до 6 ч. утра краны за-

пирались и, уходя изъ ночлежки или приходя туда, не было никакой возможности умываться. Вообще, положеніе нашихъ окраинъ совершенно невозможное. Замощеніе тамъ отсутствуетъ; освѣщенія нѣтъ; о санитарныхъ условіяхъ нечего и говорить.

Когда думцамъ дѣлается нѣсколько совѣстно (все-же цивилизованные люди), они разговариваютъ о томъ, что это не хорошо, что недурно-бы замостить тамъ кое-какія улицы, и готовы даже соорудить проектъ объ электрическомъ освѣщеніи окраинъ (когда даже центръ города освѣщается газомъ). Но потомъ, конечно, думцы соображаютъ, что все это собственно «маниловскіе мосты съ бельведерами», и благополучно проваливаютъ всѣ такія утопіи.

Здѣсь они даже не обращаютъ вниманія на апетиты различныхъ контрагентовъ, которыхъ въ другихъ случаяхъ всегда прикармливаютъ. По эксплоатаціи электричества такую persona grata представляетъ, напр., инженеръ М. Городъ построилъ двѣ электрическія станціи и, не зная, какъ ихъ эксплоатировать, сѣлъ на мель. Подвернулся г. М. и взялъ обѣ станціи въ долгосрочную аренду. Когда думцы сообразили, что продешевили, они, было, и хотѣли взять станціи обратно, но М. запросилъ невѣроятную сумму, и дума спасовала. Третью станцію на окраинахъ потому и не захотѣли, между прочимъ, строить, что съ М. достаточно было аренды двухъ. Какъ устраиваются городскія аренды, показываетъ слѣдующій фактъ. 11 шорниковъ арендовали мѣста на базарѣ. На торгахъ они опять взяли ихъ. Послѣ этого является какой-то Лившицъ и говоритъ: зачѣмъ вамъ безпокоиться! Я дамъ 5 рублей лишнихъ, отдайте мнѣ всѣ эти мѣста сразу. И управа отдаетъ, а Лившицъ уже отъ себя за «умѣренную прибавку» передаетъ тѣмъ-же шорникамъ. Ясно и просто.

Вообще, городскія предпріятія и аренды словно на то и созданы, чтобы ублаготворять контрагентовъ. Здѣсь, собственно, главный пунктъ служенія управы капиталу. Прослѣдить тайныя пружины всяческихъ подрядовъ невозможно, и взаимодѣйствіе капиталистовъ, работающихъ здѣсь, избирателей и управцевъ, понятно, покрыто мракомъ неизвѣстности; но населенію отъ этого не легче. Мостовыя отъ этого влетѣли намъ въ $1^1/_2$ раза дороже нормы; на водопроводъ будетъ, кажется, мало второго займа въ 6 милл. руб. А въ довершеніе всего и здѣсь свой излюбленный человѣкъ. Это бывшій представитель водопроводной компаніи инженеръ Платсъ. Воевала съ нимъ дума сначала ужасно, такъ какъ думцы на себѣ испытывали, какъ это непріятно, когда откроешь кранъ, а онъ только свиститъ. Но при переходѣ водопровода къ городу не оказалось все-же человѣка, болѣе знающаго дѣло, чѣмъ этотъ Платсъ. Городъ впопыхахъ купилъ старые водомѣры за 67 тыс. руб. у компаніи, выразилъ Платсу за проектъ расширенія водопровода особенную «благодарность» и, наконецъ, пригласилъ его съ сыномъ къ себѣ на службу что-то, въ общемъ, за 20 тыс. руб. въ годъ. Особенно усиленно хлопоталъ за

него Крыжановскій. Хлопоталъ искренно и безкорыстно. Но, быть можетъ, поэтому Платсъ и былъ для него камнемъ крушенія. Во всякой управѣ есть теплыя мѣста. У насъ таковыми въ особенности были мѣста въ водопроводной коммиссіи. Почуявъ въ Платсѣ врага, коммиссія разнесла его проектъ въ дребезги. По настоянію головы дума приняла его. Но не желая обижать своихъ «коммиссаровъ», она измѣнила хозяйственную его часть, елико возможно. Коммиссія этимъ, однако, не умиротворилась и съ трескомъ подала въ отставку. Крыжановскій мало безпокоился объ этомъ, но дума увидала, что «нашихъ бьютъ». И вотъ одного коммиссара сдѣлали товарищемъ головы, другого пятымъ членомъ управы, третьяго сунула куда-то еще. Крыжановскій очутился въ оппозиціи со всей управой, затѣмъ и съ думой. Недостатокъ 6-ти-милліоннаго займа грозилъ скандаломъ, съ администраціей вышло какое-то недоразумѣніе, печать начала хватать г. Крыжановскаго за пятки, къ чему онъ въ своемъ бюрократическомъ величіи не привыкъ... И трогательный альянсъ распался.

Крыжановскій былъ безусловно честный человѣкъ. Но какой-либо программы онъ и не могъ выставить, хотя въ своемъ широковѣщательномъ воззваніи къ думѣ и посулилъ «вцѣпиться» въ дѣло. Главнѣйшимъ его памятникомъ останется лишь маленькая сравнительная табличка. По общей регистраціи за 5 мѣсяцевъ поступило входящихъ бумагъ

въ 1896 г. (при Лигинѣ) 7,797
» 1897 » (при Крыжановскомъ). . 8,674 (на $11,_1$% болѣе).

Исходящихъ бумагъ было за это-же время
въ 1896 г. 7,856
» 1897 » . . . . 8,979 (на $14,_5$% болѣе).

По канцеляріи-же головы за 6 мѣс. входящихъ было
въ 1896 г. 741
» 1897 » . . . . 1,431 (на 108% болѣе).

Исходящихъ тамъ было
въ 1896 г. 435
» 1897 » . . . . 546 (на $25,_5$% болѣе [1]).

Стоитъ, конечно, предписать, чтобы было благополучіе, и оно непремѣнно объявится. Это бюрократическое многописаніе не помѣшало, однако, управѣ при обмѣнѣ земельныхъ участковъ съ таможеннымъ вѣдомствомъ пропустить срокъ на обжалованье взысканія съ города за это крѣпостныхъ пошлинъ.

Это не помѣшало и другому инциденту. Дума какъ-то рѣшила купить для нуждъ одесскаго порта пароходъ-ледоколъ. Для этого было рѣшено употребить 350 т. р. изъ суммъ особаго полукопѣечнаго сбора, о чемъ и возбуждено было ходатайство предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Однако, 12 мая 1897 г. вдругъ поступаетъ къ городскому головѣ за подписью градоначальника предложеніе за № 6814:

---

[1]) Южное Обозрѣніе № 375, статья Изгоева.

«...Въ виду соглашенія министровъ внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія и финансовъ, г. министръ внутреннихъ дѣлъ 5 сего мая за № 4063 поручилъ мнѣ предложить одесскому городскому общественному управленію перевести сумму на пароходъ-ледоколъ изъ наличности полукопѣечнаго сбора въ депозитъ министерства путей сообщенія, изъявившаго готовность принять на себя распоряженія по заказу ледокола»... На слѣдующій-же день собирается управа. Крыжановскій, оказывается, занятъ. Управа нашла предложенье градоначальника несогласнымъ ни съ думскимъ постановленіемъ, ни съ закономъ. Случай этотъ категорически предрѣшенъ закономъ (Мнѣн. Гос. Сов. 29 мая 90 г.). Поэтому, рѣшено было жаловаться въ Сенатъ.

Но тутъ и вышла запятая. Крыжановскій положилъ постановленіе управы подъ сукно и занялся перепиской съ градоначальникомъ. А тотъ ему сообщилъ, что, въ случаѣ протеста, ледоколъ будетъ неизвѣстно когда. Это сообщеніе голова и преподнесъ думѣ, заявивъ, что она должна быть лишь благодарна за министерскія заботы. Въ думѣ на это возразили, что заботы эти будутъ стоить всѣхъ процентовъ съ 350,000 за все время до постройки ледокола, что постройка и тутъ будетъ оттянута на неизвѣстное время. Но тутъ гласный Казариновъ, который въ то-же время состоитъ правителемъ канцеляріи градоначальника, высказалъ опасеніе, что тогда ледокола не построятъ совсѣмъ, и дума принуждена была согласиться на ассигновку 350 т. р. министерству.

Былъ еще такой пассажъ. Безобразное отношеніе содержателя одесской конки Камбье къ своимъ служащимъ отражалось на ихъ работѣ (15—18 ч. въ сутки) и на удобствахъ и безопасности публики. Какъ-то нечаянно дума взяла и обмолвилась поэтому ограниченіемъ числа рабочихъ часовъ на конкѣ. Постановленіе это было отъ 30-го апрѣля. Но къ градоначальнику оно поступило только 12 іюня. Тамъ оно опять лежало до 25 октября, и лишь тогда пошло въ присутствіе по городскимъ дѣламъ. Канцелярія градоначальника, между тѣмъ, послала запросъ въ хозяйственный департаментъ министерства внутреннихъ дѣлъ, имѣетъ-ли городская управа право издавать постановленія объ ограниченіи рабочаго времени при договорныхъ отношеніяхъ? Само собой, *такого* права не оказалось, «такъ какъ обязательныя думскія постановленія должны представлять собой правила для мѣстныхъ жителей и для огражденія интересовъ публики, пользующейся усовершенствованными путями сообщенія... напр., объ исправности прислуги».

Управа замолчала. А между тѣмъ, тутъ явное противорѣчіе. Какая «исправность» можетъ быть при 18 часахъ работы въ сутки? Но Камбье торжествовалъ. Вопросъ былъ поставленъ, какъ надо. Кто ставилъ его такъ, неизвѣстно. Объ обжалованіи до сихъ поръ нѣтъ и рѣчи. Думѣ даже не сообщаютъ ничего.

Всѣ эти инциденты вскрываютъ еще одно свойство нашей крупной буржуазіи. Это—ея беспринципность, безсистемность, отсутствіе всякой

програмы. Даже когда думѣ предложили выработать эту програму, она запротестовала. Она способна въ несложномъ вопросѣ, въ родѣ бани для рабочихъ или ломбарда, грубо проявить свое равнодушіе, способна для щегольства ходатайствовать о технологическомъ институтѣ съ 200 т. р. на него, жалѣя 100 р. на воскресную школу. Но въ маломальски сложныхъ дѣлахъ, въ родѣ водопроводнаго, она путается, а въ столкновеніяхъ съ администраціей теряется окончательно.

Что ждетъ при такихъ обстоятельствахъ и отношеніяхъ П. А. Зеленаго,—предсказать очень трудно. Видный земскій дѣятель не только для Херсонской губерніи, но даже въ общей массѣ русскихъ земцевъ,—онъ при всѣхъ своихъ благихъ намѣреніяхъ, искренности, горячности даже, и безусловной порядочности, всетаки болѣе, такъ сказать, теоретикъ, чѣмъ практикъ. Онъ предложитъ въ земствѣ широкій проектъ всеобщаго обученія, онъ внесетъ въ думу предложеніе о выработкѣ програмы дѣятельности и о распредѣленіи городскихъ нуждъ по степени ихъ неотложности и общеполезности; какъ членъ одной банковской ревизіонной коммиссіи, онъ блестяще можетъ критиковать финансовые проекты. И при всемъ томъ, у него для положительной дѣятельности, для осуществленія этихъ проектовъ, пожалуй, окажется слишкомъ мягкая рука. Дѣятельность головы не то, что критика его въ думѣ. Онъ не бюрократъ, какъ Крыжановскій, но онъ болѣе, повидимому, податливъ, чѣмъ даже слѣдуетъ. А окружающая его теперь управа—вся такого рода, что онъ неминуемо долженъ придти съ ней въ столкновеніе, несмотря на всѣ обѣщанія членовъ ея «помогать ему». Они слишкомъ яркіе выразители общихъ своихъ классовыхъ инстинктовъ и интересовъ въ ихъ индивидуальномъ воплощеніи.

Въ этомъ—одно изъ обычныхъ общихъ противорѣчій современнаго порядка вещей. Принужденные пока звать «князей отъ варягъ», представители нарождающейся буржуазіи имѣютъ предъ собой пока лишь двоякаго рода «чужихъ»: бюрократію, или остатки былыхъ дѣятелей идеалистовъ 70-хъ годовъ. Но съ послѣдними они немедленно расходятся сами, первые-же подносятъ имъ реприманды à la Крыжановскій потому что, несмотря на трогательный альянсъ теперь, буржуазія сольется совсѣмъ съ бюрократіей лишь тогда, когда Мымрецовъ Успенскаго проникнется теоріей laissez faire. Но и старый идеализмъ чуждъ буржуазіи. Поэтому, какъ-бы ни былъ хорошъ П. А. Зеленый, не надо забывать, что онъ всетаки «чужой». Онъ былъ и думскимъ гласнымъ и даже банковскимъ дѣльцомъ (NB.—даже онъ!), но до сихъ поръ его главной сферой было земство, интересы земли, крестьянъ и дворянъ, а не интересы города.

П. А. Зеленый будетъ ладить съ думой и даже съ управой, несомнѣнно, лучше своего предшественника. А это великое дѣло. Если слѣдить за выборами, то мы увидимъ, что, инстиктивно сознавая то противорѣчіе, которое мы только что указали, городскіе представители, гораздо болѣе

даже, чѣмъ земскіе, стараются сажать на предсѣдательскія мѣста людей «мирныхъ», и даже при преобладаніи извѣстной однородной партіи, связанной сверхъ классовыхъ еще и другими интересами, она не выдвинетъ особенно рѣзко окрашеннаго субъекта, чтобы избѣжать излишней обостренности отношеній. Однако, въ ежедневной мелкой работѣ распорядителя городского хозяйства такое мирное отношеніе ко всему свободно можетъ перейти въ покладистость, и, оставаясь, конечно, незапятнаннымъ самъ, новый городской голова не справится, пожалуй, съ «новымъ курсомъ». А взять его необходимо, такъ какъ, хотя Крыжановскій, а затѣмъ послѣ Швендеръ, справедливо обрывали нѣкоторыхъ господъ распространявшихъ тревожне слуху о томъ, что Одесса на краю гибели или банкротства, но положеніе дѣлъ не изъ красивыхъ...

Простое—безъ всякихъ фразъ—вступленіе П. А. Зеленаго въ свою должность (это произошло такъ незамѣтно, что многіе и теперь сомнѣваются, есть-ли уже у насъ голова) и затѣмъ немедленное ознакомленіе въ деталяхъ съ городскими учрежденіями показываютъ, что нашъ лордъ-меръ попытается, однако, взять этотъ «курсъ». Qui vivra verra.

Ал. О. Недолинъ.

Тамбовское общество народныхъ чтеній.

(Письмо изъ Тамбова).

I.

Правленіе Тамбовскаго «Общества по устройству народныхъ чтеній» въ экстренномъ засѣданіи общества 12 сентября 1894 г. внесло предложеніе объ учрежденіи книжнаго склада съ цѣлью содѣйствовать устройству въ Тамбовской губерніи народныхъ библіотекъ. Такъ какъ предложеніе это было единодушно одобрено собраніемъ, то правленіе «вмѣстѣ съ тѣмъ обратилось ко всѣмъ членамъ общества съ просьбою оказать ему въ этомъ дѣлѣ свое содѣйствіе, потому что, по мысли правленія, книжный складъ общества не долженъ носить характера обыкновенной книжной лавки, въ немъ должны находиться только книги, разсмотрѣнныя и одобренныя для народнаго чтенія, а такъ какъ опытъ показываетъ, что на чужое мнѣніе, какъ-бы оно ни казалось компетентнымъ, положиться нельзя, то, поэтому, необходимо изъ среды членовъ общества образовать комиссію для разбора брошюръ [1])».

Еще болѣе существенное значеніе для цѣлей настоящей статьи имѣетъ другая мотивировка того-же постановленія: «рѣшеніе вопроса, какія пр-

---

[1]) Отчетъ за 1894—5 г., стр. 34.

обрѣтать книги, *правленіе считало невозможнымъ взять на себя*, въ виду *чрезвычайной сложности и трудности* этого дѣла, почему предлагало избрать изъ членовъ общества т. н. редакціонную комсисію [1])». Скромность и осторожность, обнаруженныя при этомъ правленіемъ, конечно, заслуживаютъ только похвалы. Къ сожалѣнію, черезъ нѣсколько времени оно измѣнило этимъ хорошимъ качествамъ.

Измѣнила имъ и редакціонная комиссія, открывшая свои дѣйствія подъ предсѣдательствомъ члена правленія М. Т. Попова (впослѣдствіи замѣненнаго другимъ членомъ правленія, В. К. Вяжлинскимъ). Прежде всего она приняла странное рѣшеніе—до всего доходить «своимъ умомъ», не пользуясь плодами трудовъ цѣлаго ряда аналогичныхъ и гораздо болѣе компетентныхъ комиссій при харьковскомъ, московскомъ и с.-петербургскомъ. об-вахъ грамотности, комиссіи, работавшей надъ книгой «Что читать народу» и т. п. Малолюдная тамбовская комиссія, состоявшая, къ тому-же, изъ лицъ, почти абсолютно незнакомыхъ съ крестьяниномъ, его вкусами и запросами, вела себя такъ, какъ будто она была первымъ піонеромъ въ пустынѣ народно-литературной критики и библіографіи, или какъ будто она не ставила чужія работы ни въ грошъ, собираясь пролагать какіе-то новые, невѣдомые пути. И вотъ она поставила себѣ огромную задачу, съ которой, естественно, не могла совладать. Она рѣшила «разсмотрѣть всѣ, поступающія въ книжный складъ общества изданія [2])», иными словами—ознакомиться со всею имѣющеюся въ продажѣ народною литературой, путемъ обстоятельнаго рецензированья каждой книжки по меньшей мѣрѣ двумя лицами.

Что-же получилось въ результатѣ? Да то, что и должно было получиться: несоразмѣрныя претензіи и ничтожные результаты. Въ первомъ году своего существованія тамбовская комиссія разсмотрѣла 405 брошюръ, во второмъ—251, въ третьемъ—144, итого 800 названій. Жалкій результатъ и абсолютно, и относительно! Три «ежегодника» московскаго комитета грамотности (1891 — 1894 гг.) содержатъ *печатные отзывы* о 2.854 книгахъ, т.-е. за одинаковый періодъ времени имъ разобрано въ $3^1/_2$ раза больше книгъ, и все-таки его труды не исчерпываютъ всей народной литературы. Въ двухъ томахъ «Что читать народу», въ составленіи которыхъ участвовало всего 14 лицъ, хотя работавшихъ и больше по времени, чѣмъ наша комиссія, разсмотрѣно 2,509 книгъ, т.-е. опять-таки въ три съ лишнимъ раза болѣе, чѣмъ разсмотрѣно нашей комиссіей. Исчерпываетъ-ли народную литературу этотъ сборникъ? Конечно нѣтъ, ибо въ настоящее время особая комиссія работаетъ надъ 3-мъ томомъ того-же труда, слѣдовательно, дастъ намъ еще отзывы болѣе чѣмъ о 1,000 книгахъ. Обратимся къ трудамъ с.-петербургскаго. комитета. Одинъ только «отдѣлъ по родному языку» его «систематическаго обзора русской народно-учебной литературы» содержитъ отзывы о 1,003 книгахъ; со-

[1]) Тотъ-же отчетъ, стр. 7.

[2]) Отчетъ об-ва за 1895—6 г., стр. 49.

отвѣтственный отдѣлъ нашей комиссіи заключаетъ всего лишь 310 названій,—опять почти въ три раза менѣе.

Далѣе: изъ 800 книгъ, разобранныхъ въ три года, лишь 518—приблизительно 65%—значатся въ министерскомъ каталогѣ и, слѣдовательно, подлежатъ разсылкѣ въ библіотеки, тогда какъ министерскій каталогъ содержитъ отъ 3½ до 4 тыс. названій. Такимъ образомъ, изслѣдованнымъ оказывается лишь жалкій уголокъ министерскаго каталога—отъ ⅐ до ⅛ части его... Конечно, изъ этихъ 518 названій не всѣ признаны годными для народныхъ библіотекъ. И вотъ, въ результатѣ трехлѣтней работы всѣхъ одобренныхъ комиссіей книгъ едва-едва набралось столько, чтобы укомплектовать библіотечку въ 50 р., да и то съ грѣхомъ пополамъ [1]); а между тѣмъ въ это время существовали уже библіотеки стоимостью въ 200—360 руб., такъ что средняя стоимость всѣхъ 382, основанныхъ при содѣйствіи общества, библіотекъ равняется 72 р. Поэтому въ значительной степени библіотеки пополнялись книгами безъ разбора, на глазомѣръ, или, какъ болѣе деликатно гласитъ отчетъ, «по усмотрѣнію администраціи книжнаго склада».

Это въ то самое время, когда существуетъ цѣлый рядъ примѣрныхъ каталоговъ: при «Руководствѣ къ устройству народныхъ библіотекъ и читаленъ» харьк. об—ва грам. (отъ 25 р. до 300 р., изд. 1-е 1895 г.); особый «Каталогъ», составленный въ томъ-же году «комитетомъ по устройству сельскихъ библіотекъ и народныхъ читаленъ» при томъ-же об—вѣ (отъ 25 до 400 р.); наконецъ, каталогъ при второмъ изданіи вышеупомянутаго «Руководства», въ 1896 г. (отъ 25 до 800 р.); каталогъ с.-пб. ком. грам. на 290 р. съ *десятью* дополненіями на высшія суммы; каталогъ г-жи Калмыковой на 1 р., 5, 10, 15, 20, 25, 30, 35, 40, 65 и, наконецъ, 325 р.; московскіе «примѣрные списки» книгъ для *школьныхъ* библіотекъ (и все-таки болѣе чѣмъ на 100 р.); каталогъ четырехъ-школьной (передвижной) библіотеки книжнаго склада «Костромичъ» г-жи Антиповой, примѣрные каталоги для библіотекъ на сумму отъ 50 до 200 руб., приложенные къ 1 и 2 томамъ «Что читать народу» и отдѣльный справочникъ въ 700 съ лишнимъ названій, изданный въ 1896 г. подъ заглавіемъ: «Книги, вошедшія въ каталоги М. Н. П., рекомендуемыя книгою «Что читать народу» и комиссіей, работающей надъ III томомъ ея». Всѣ эти каталоги какъ бы не существовали для тамбовскихъ дѣятелей

Мы уже видѣли, что абсолютное число разобранныхъ въ теченіи трехъ лѣтъ комиссіей книгъ очень незначительно (800) и что сравненіе трудовъ комиссіи по годамъ указываетъ на то, что въ количественномъ отношеніи они регрессируютъ.

Въ 1894—5 г. разобрано	 405	книгъ.
» 1895—6 » »	 251	»
» 1896—7 » »	 144	»

[1]) На стр. 24—31 отчета за 1896—97 г. приведенъ списокъ этихъ книгъ, въ который, по недосмотру, попали и неразрѣшенныя министерствомъ.

Еще бо́льшій регрессъ — въ отношеніи интенсивности работы. Въ первомъ изъ разсматриваемыхъ годовъ комиссія состояла изъ 19 членовъ, во-второмъ — изъ 31, въ третьемъ — изъ 37. Слѣдовательно, на одного человѣка приходилось разобранныхъ книгъ:

Въ 1894—5 г.	21,31
» 1895—6 »	8,1
» 1896—7 »	3,89

Продуктивность работы ничтожна до смѣшного. Тутъ уже всякія сравненія съ трудами другихъ комиссій излишни, тѣмъ болѣе, что мы понимаемъ невозможность для нашей комиссіи стать въ одинъ рядъ съ такими, какъ петербургская, харьковская, московская. Да и вообще мы вовсе не хотимъ предъявлять тамбовской комиссіи какихъ-либо широкихъ требованій. Если мы приводимъ цифровыя данныя и сравниваемъ ее съ аналогичными учрежденіями, дѣйствующими въ столицахъ и университетскихъ городахъ, то лишь для подтвержденія той нашей основной мысли, что гораздо лучше было для редакціонной комиссіи тамбовскаго просвѣтительнаго общества задаться болѣе скромною и посильною задачею, не отказываясь отъ духовнаго наслѣдства, оставленнаго ея предшественниками на этомъ поприщѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что «на чужое мнѣніе, какъ-бы оно ни было компетентно, положиться нельзя».

Итакъ, комиссія плелась черепашьимъ шагомъ, усердно продѣлывая то-же самое, что уже раньше — и несравненно лучше — было продѣлано другими. Вполнѣ понятно, что при такихъ условіяхъ ея дѣятельность не могла имѣть значенія ни для составленія народныхъ библіотекъ, ни тѣмъ болѣе—для руководства выпискою книгъ въ книжный складъ. Этотъ послѣдній не только совершенно эмансипировался отъ комиссіи, но даже самъ занялъ относительно нея руководящее положеніе. Комиссія разбирала до самаго послѣдняго времени книги безъ всякой системы, принимаясь за то, что ей пришлютъ изъ книжнаго склада. Получался заколдованный кругъ: книжный складъ выписываетъ тѣ книги которыя одобряетъ редакціонная комиссія (это de jure), а комиссія разбираетъ тѣ книги, которыя присылаетъ складъ (это de facto). А что онъ ей присылаетъ? Да то, что въ данный моментъ оказалось въ складѣ, что попалось подъ руку, что Богъ на душу положитъ. Разрѣшено-ли министерскимъ каталогомъ или нѣтъ, разсмотрѣно-ли хотя-бы даже десятью другими комиссіями — все равно; все сваливалось въ одну кучу, рецензировалось, разбиралось, одобрялось или отклонялось; а тамъ ужъ дѣло «администраціи книжнаго склада» воспользоваться результатами этихъ «трудовъ» или махнуть на нихъ рукой и поступить по «усмотрѣнію» [1]).

[1]) Результаты на лицо, они извѣстны: разсылки въ нар. библіотеки сочиненій Плутарха, Екатерины II, Ломоносова, «Душеньки» Богдановича, Марлинскаго, «Россіады» Хераскова и т. п.

Такимъ образомъ, труды комиссіи сводились къ рецензированью ради рецензированья, безпорядочному, безсистемному, какъ будто цѣлью его было единственно самоуслажденіе [1]). И такъ какъ около конца 1895 г. во многихъ газетахъ и журналахъ прогрессивнаго оттѣнка начали появляться укоризненные отзывы о полномъ застоѣ въ дѣлахъ богатаго тамбовскаго общества, то редакціонная комиссія обрѣла новый смыслъ своего существованія: на зло либеральной прессѣ мудрить надъ народной литературой съ ультра-охранительной точки зрѣнія. Создалось цѣлое теченіе въ этомъ смыслѣ, и теченіе очень сильное. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ постановленій редакціонной комиссіи и заявленій отдѣльныхъ ея членовъ,—эти фактическіе примѣры будутъ ярче и рельефнѣе всякой словесной характеристики.

Прежде всего подверглись цензурѣ разсказы Льва Толстого. Такъ, извѣстный разсказъ «Два старика», иллюстрація на евангельскій текстъ «Милости хочу, а не жертвы», оказался, по словамъ рецензента комиссіи, намѣренно-аляповатымъ и грубымъ, какою-то «мазней» съ цѣлью оскорбить ухо вѣрующаго. Разсказъ *отклоненъ*, т. е., признанъ вреднымъ настолько, что дальнѣйшая выписка его въ книжный складъ совершенно прекращена. Другой разсказъ, «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ»: первая вина этого разсказа состоитъ въ томъ, что главное дѣйствующее лицо, сапожникъ Авдѣичъ, пережившій сильный душевный кризисъ, во время котораго онъ даже пересталъ посѣщать церковь, изображенъ лицомъ симпатичнымъ; а между тѣмъ не упоминается, чтобы онъ по окончаніи этого кризиса и наступленіи вновь прежняго душевнаго равновѣсія, опять исправно началъ посѣщать обѣдни, вечерни и утрени. Это-то вотъ «неупоминаніе» и есть первый грѣхъ автора. Второй состоитъ въ томъ, что Авдѣичъ кому-то на вопросъ: какъ спастись?—отвѣчаетъ «читай евангеліе». Казалось-бы, что̀ въ этомъ совѣтѣ преступнаго? Оказывается, есть: «но чтеніе евангелія съ должнымъ его пониманіемъ требуетъ руководства церкви, иначе произволъ пониманія, расплoжающій у насъ секты». И этотъ разсказъ провалился. Та-же участь постигла и «Юліана милостиваго» Флобера. Между прочимъ, стоитъ припомнить, что на засѣданіи редакціонной комиссіи главный «воротила» тамбовскаго просвѣтительнаго общества, М. Т. Поповъ, даже отрицалъ право свѣтскихъ лицъ «смѣть свое сужденіе имѣть» о такихъ книгахъ, какъ «Два старика» Толстого. Не очень посчастливилось и Златовратскому, но особенно пострадалъ Успенскій. Разсказъ его «Аграфена» былъ отклоненъ; относительно трехъ разсказовъ; «Добрые люди», «На бабьемъ положеніи» и «Развеселилъ господъ» вынесенъ слѣдующій краткій, но сильный приговоръ: «яркими красками рисуется невѣжество, пьянство и

[1]) Такъ, напр., нерѣдки были случаи рецензированья книжекъ по естествознанію и географіи начала 70-хъ годовъ и т. п. завали; рецензировались часто уже вышедшія изъ продажи изданія, какъ напр., выпуски «Чит. Нар. Школы» конца 80 хъ годовъ.

развратъ. По крайне вредной идеѣ, этихъ разсказовъ комиссія рѣшила не допускать».

Пойдемъ далѣе. Разсказъ Піетари Пейверинта «Попутчикъ» подвергается остракизму только за то, что въ немъ выставленъ въ непривлекательномъ видѣ священникъ (хотя и неправославный); но отсюда, по мнѣнію рецензентовъ, недалеко до сопоставленій нежелательнаго характера. «Житейскія невзгоды», сборникъ, изданный подъ редакціей В. П. Вахтерова. Часть комиссіи, съ ея предсѣдателемъ В. К. Вяжлинскимъ во главѣ, соглашаясь, что «сборникъ интересенъ, изложенъ правдиво, художественно и даже увлекательно», тѣмъ не менѣе настаивала, что его «даже и *допустить* (третья, низшая степень положительной оцѣнки) невозможно», ибо содержаніе входящаго въ него разсказа «Хас-Цуши» Раффи *соблазнительное* (буквально): въ немъ «восхваляется народный самосудъ, бывшій въ Персіи во время голода, т. е. то, къ чему (вѣроятно, къ голоду!) и безъ того склоненъ русскій народъ»...

По поводу брошюрки изд. Калмыковой «Жизнь прежде и теперь. Какъ я провелъ вечеръ въ нѣмецкой деревнѣ» раздается заявленіе: «Книжка эта, восхваляя нѣмецкое передъ русскимъ, можетъ оказывать нежелательное вліяніе на читателей». Въ дополненіе къ этому, при разборѣ кн. Ѳ. Миллера «Гр. Разумовскій и его время» предсѣдатель редакціонной комиссіи В. К. Вяжлинскій заявляетъ опасеніе, что безпримѣрно-быстрое возвышеніе Разумовскаго, при отсутствіи съ его стороны соотвѣтственныхъ заслугъ, можетъ естественно привести къ мысли о «фаворитизмѣ русскаго двора», хотя въ самой книжкѣ нѣтъ никакого намека на это явленіе. Да и вообще, по мнѣнію предсѣдателя, не слѣдуетъ знакомить народъ «съ темными страницами русской исторіи». Достаточно, что онѣ извѣстны интеллигенціи.

Еще откровеннѣе поставленъ былъ вопросъ при разборѣ одного изъ разсказовъ Тургенева («Малиновая вода» изъ «Записокъ Охотника»). Этотъ очеркъ рѣшено «лишь допустить, потому что въ этой статьѣ (sic) разсказывается о кутежахъ одного графа-помѣщика и о трудности платить помѣщикамъ оброкъ». Къ этому откровенному аргументу прибавляется еще новый: крѣпостное право—дѣло прошлое, а потому тревожить его не къ чему.

Даже брошюрка «Сердечное слово. Отецъ Алексѣй» А. Н. Смирнова, самаго невиннаго содержанія, не проходитъ безъ того, чтобы не зацѣпиться за усердный надзоръ добровольческой цензуры: и въ этомъ разсказцѣ открыта «ненужная подробность», именно, что въ деревенскую старинную церковь, построенную еще Грознымъ, этимъ послѣднимъ былъ предъявленъ «синодикъ о вѣчномъ поминѣ казненныхъ имъ». Рецензентъ оказался, такимъ образомъ, большимъ сторонникомъ Грознаго, чѣмъ самъ Грозный.

Не нравились редакціонной комиссіи и разсказы, направленные противъ милитаризма. Такъ, напр., извѣстный разсказъ А. Додэ «Пар-

тія на билліардѣ» находитъ критика, который рѣшительно заявляетъ, что идея этого разсказа «смѣшно выражена». Что же такъ насмѣшило этого мичмана Дырку изъ просвѣтительнаго общества? Вотъ отвѣтъ: «что французская армія, благодаря фельдмаршалу, не желавшему, по пристрастію къ игрѣ на билліардѣ, прекратить партію въ то время, когда надо было отдавать приказаніе, была побѣждена». Мичманамъ, конечно, не полагается знать, что въ этомъ разсказѣ Додэ описалъ лишь вполнѣ реальный фактъ изъ франко-прусской войны 1870 года. Еще хуже дѣло обстояло съ очерками Верга «Маленькій разсказъ» и «Клейменый Рыжій» (какъ и предыд., изд. спб. ком. грам.): эту книжечку комиссія рѣшила отклонить, въ виду того, что «идея о вредѣ милитаризма, проведенная въ первомъ разсказѣ, не имѣетъ особеннаго значенія», «ужасы военнаго времени всѣмъ извѣстны», а «войны теперь рѣдки». Какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ разсказѣ тотъ рецензентъ, съ которымъ согласилось большинство редакціонной комиссіи, не видитъ ни интереса, ни смысла, ни даже—причинной связи.

По поводу разсказа Гаршина «Сигналъ» одинъ изъ рецензентовъ укоризненно замѣчаетъ, что авторъ влагаетъ въ уста героя разсказа «ничѣмъ не опровергнутыя нападки на желѣзнодорожное начальство въ недоплачиваніи жалованья служащимъ, въ оштрафованіи ихъ безъ уважительной причины и даже въ оскорбленіи ихъ дѣйствіемъ»; и это-то вотъ обстоятельство «препятствуетъ допущенію брошюры въ сельскую библіотеку». Желѣзнодорожные чины—тоже «краеугольный камень» или «основа», потрясать которую не полагается.

По поводу разсказа «Бартекъ-побѣдитель» Сенкевича одинъ изъ рецензентовъ не упускаетъ случая вознегодовать на поляковъ за то, что этотъ ехидный народъ въ другихъ странахъ, какъ видно изъ разсказа, угнетается, а подъ нашею властью онъ благоденствуетъ, и тѣмъ не менѣе, ненавидитъ все русское и русскихъ. Даже какая-то книжонка о «Герояхъ древней Греціи» не избѣгаетъ подозрѣнія въ преступномъ намѣреніи затмить, заслонить собою истинныхъ, національныхъ героевъ, «борцовъ за вѣру, царя и отечество».

Совсѣмъ удивительные по глубокомыслію приговоры вызываютъ «Смерть Ивана Ильича», Л. Толстого, и брошюрка Коховскаго. Противъ «Смерти Ивана Ильича» кто-то возразилъ, что «не слѣдуетъ утруждать умъ безплодными вопросами». По поводу же брошюры Коховскаго «О трудѣ и отдыхѣ» однимъ изъ рецензентовъ было высказано мнѣніе, что эта книжка «своими совѣтами труженикамъ—мастеровымъ, послѣ усидчивой работы побѣгать, поиграть и изображеніемъ лѣнивой жизни разбогатѣвшаго содержателя постоялаго двора можетъ возбудить въ читателѣ враждебное отношеніе къ печатному слову».

Таковы нѣсколько перловъ, выхваченныхъ за довольно короткій періодъ времени изъ трудовъ того учрежденія, которое носило имя «редакціонной комиссіи тамбовскаго общества народныхъ чтеній». Впро-

чемъ, молва уже давно перекрестила эту комиссію изъ *редакціонной* въ *реакціонную* [1]). Гдѣ нельзя было прицѣпиться къ чему-нибудь «подозрительному», тамъ толковали вкривь и вкось, безуспѣшно стараясь установить хоть сколько-нибудь опредѣленную точку зрѣнія на народныя изданія. То находили, что не нужно знакомить народъ съ мрачными сторонами жизни—онъ и такъ много терпитъ, къ чему же подбавлять тяжелыхъ впечатлѣній; то считали лишнимъ давать разсказы изъ иностранной жизни—она слишкомъ далека и чужда ему; а то, наоборотъ, признавали, что незачѣмъ давать простолюдину описанія его собственной жизни—она вѣдь и безъ того ему слишкомъ хорошо извѣстна... И подобными незамысловатыми силлогизмами исчерпывался весь багажъ критико-литературныхъ воззрѣній многихъ членовъ.

Уже отсюда можно догадаться, чтò за «литературу» представляли собою обязательныя письменныя рецензіи членовъ. Иные, не утруждая себя понапрасну, давали краткія лаконическія изреченія, ничѣмъ не мотивированныя, словно публикуемыя во всеобщее свѣдѣніе декреты властьимущихъ лицъ: «книга хороша и должна быть рекомендована», «вполнѣ подходящее чтеніе»... Что касается до обычныхъ, средняго типа рецензій, то онѣ, конечно, не подходили ни къ первому, ни къ послѣднему типу. Въ нихъ не было ни того смѣлаго размаха, съ которымъ цензора-добровольцы загибали салазки Льву Толстому, Успенскому, Гаршину и давали мимоходомъ «смазь вселенскую» Сервантесу, Додэ и Вергу; не было въ нихъ и того лапидарнаго слога, которымъ коротко и ясно, безъ излишнихъ разсужденій, высказывался окончательный и безапелляціонный приговоръ. Нѣтъ, это были просто безцвѣтныя «пробы пера», иногда, въ сущности, не глупыя, а лишь наивныя, и большею частью не только не удовлетворяющія самымъ скромнымъ литературнымъ требованіямъ, но даже не выполняющія плана, которымъ комиссія рѣшила руководиться при составленіи рецензій [2]). По тону онѣ сильно напоминали сочиненія гимназиста III—IV класса; авторъ непремѣнно ищетъ въ каждомъ разсказѣ нравоученія и отвергаетъ книгу, если добродѣтель въ ней не награждается; если же, чего Боже сохрани, не посрамляется и не наказывается порокъ, то авторъ неукоснительно притягивается къ отвѣту по обвиненію въ сочувствіи описаннымъ у него безобразіямъ. На читателя-крестьянина значительная часть рецензентовъ усвоила себѣ взглядъ, какъ на малаго ребенка, который неспособенъ разобраться въ самыхъ элементарныхъ вопросахъ, которому вездѣ нужно ставить точки надъ і

[1]) Надо сказать, впрочемъ, что за послѣднее время цензурные опыты въ комиссіи почти прекратились. Много содѣйствовало этому, кромѣ роста оппозиціи, еще присутствіе на засѣданіяхъ комиссіи новаго предсѣдателя правленія.

[2]) 1) Названіе, авторъ, изд. фирма, годъ изданія, число страницъ, форматъ и цѣна; 2) краткій пересказъ содержанія или фабулы; 3) основная идея или вообще идейное значеніе произведенія; 4) литературно-художественныя достоинства и недостатки; 5) качества слога и языка; 6) пригодность для того или другого возраста; 7) окончательный выводъ.

и подписывать, что се левъ, а не собака. Самъ предсѣдатель комиссіи В. К. Вяжлинскій неоднократно къ этому добавлялъ, что всякая книжка, посланная въ деревенскую библіотеку, можетъ попасть въ руки грамотнаго школьника-мальчика; съ этимъ нужно считаться, и поэтому книги, въ которыхъ изображаются какія-нибудь грубыя сцены или пороки, не слѣдуетъ пускать въ деревню. Такъ всѣ пути вели въ Римъ—къ отождествленію народной библіотеки съ элементарнѣйшею дѣтскою библіотекой...

Хорошимъ подтвержденіемъ всего сказаннаго мною служитъ «открытое письмо крестьянина къ редакціонной комиссіи общества народныхъ чтеній», присланное еще въ мартѣ 1896 г. въ редакцію «Тамб. Губ. Вѣд.», но ненапечатанное въ этой газетѣ. Авторъ характеризуетъ самъ себя, какъ «крестьянина, возросшаго въ простой крестьянской семьѣ, къ тому же не получившаго никакого образованія и нигдѣ не учившагося, кромѣ своей земской школы». Его письмо звучитъ горькой обидой, чувствомъ возмущенія за поруганіе своего человѣческаго достоинства. «Тяжелое крѣпостное право,—пишетъ онъ,—положило глубокую пропасть между крестьянами и барами, хотя вначалѣ (sic) существенной разницы между тѣми и другими не было, если не считать того, что послѣдніе вели свой родъ не отъ Адама, а отъ какого-нибудь Ивана, сына Захарова, къ концу же эта разница не могла не принять болѣе рѣзкія очертанія. Пятивѣковое систематическое обезличиванье крестьянина, всевозможныя старанія большинства человѣковладѣльцевъ снизвести его на степень животнаго: все это что-нибудь да значитъ въ дѣлѣ какъ нравственнаго, такъ и умственнаго развитія крестьянина, и самымъ естественнымъ образомъ (очевидно, пропущено: *не могло*) не вкорѣнить въ чувствахъ угнетенныхъ недовѣрія къ своимъ угнетателямъ. Въ силу этой многовѣковой привычки мы, крестьяне, къ каждому шагу интеллигенціи по отношенію къ намъ принуждены относиться критически съ чувствомъ недовѣрія. Къ сожалѣнію, это чувство, не смотря на 35-лѣтіе уничтоженія крѣпостного права, еще довольно сильно въ большинствѣ изъ насъ, такъ какъ оно часто поддерживается самою же интеллигенціею, которая никакъ не хочетъ примириться съ мыслью, что крестьянинъ—такой же человѣкъ, съ такимъ же разумомъ, а если этотъ разумъ не развитъ, то вѣдь не крестьянинъ же виноватъ въ этомъ. Она упорно продолжаетъ считать насъ за дѣтей, отъ которыхъ многое необходимо скрывать, отъ многаго оберегать» [1]). Все это приходитъ на умъ автору при чтеніи отчетовъ тамбовской газеты о засѣданіяхъ редакціонной комиссіи.

II.

Три года направленіе, охарактеризованное выше, было господствующимъ въ редакціонной комиссіи тамбовскаго просвѣтительнаго обще-

---

[1]) Сохраняемъ орѳографію и знаки препинанія подлинника.

ства. Каковъ же итогъ этого господства? Что дали въ результатѣ эти трехлѣтніе труды нѣсколькихъ десятковъ лицъ? Почти ничего, — рядъ книгъ, случайно выхваченныхъ, кой-какъ разобранныхъ; рядъ курьезныхъ фактовъ, такъ и просящихся на страницы какого-нибудь юмористическаго изданія; массу нареканій со стороны отдѣльныхъ лицъ и прессы; угрозы земства прекратить субсидированье общества. Подъ давленіемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ нехотя, скрѣпя сердце, общество рѣшилось, наконецъ, немедленно выработать нормальный каталогъ для сельскихъ библіотекъ на разныя суммы и сдало этотъ вопросъ въ редакціонную комиссію. Эта послѣдняя выдѣлила изъ себя для составленія нормальныхъ каталоговъ особую подкомиссію, въ которую члены выбирались по запискамъ. Выборы дали въ результатѣ полное пораженіе старой партіи. Не былъ избранъ даже предсѣдатель редакціонной комиссіи В. К. Вяжлинскій. Новая подкомиссія въ мѣсячный срокъ должна была исполнить то, чего редакціонная комиссія, болѣе многолюдная, не могла сдѣлать за три года существованія.

Такой результатъ былъ достигнутъ не сразу. Только въ 1896 г. завелись въ комиссіи новые свѣжіе элементы, зародышъ будущей оппозиціи. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени засѣданія редакціонной комиссіи были ареной борьбы, продолжительной, часто мелочной, иногда внезапно обострявшейся, иногда затихавшей какъ-то «изморомъ». При отсутствіи серьезнаго значенія за работами редакціонной комиссіи смыслъ жизни ея для старой, господствовавшей партіи сталъ исчерпываться травлей меньшинства, тщетно пытавшагося придать болѣе раціональный характеръ работамъ комиссіи и взять въ ея руки дѣйствительное завѣдываніе разсылкой библіотекъ и выпиской книгъ въ складъ. Все тщетно! Работы комиссіи давно уже стали «сами себѣ довлѣть», безъ всякаго отношенія къ другихъ функціямъ общества.

Это положеніе настолько упрочилось, что первоначальное назначеніе комиссіи было совершенно забыто. Произошелъ даже курьезный эпизодъ, показавшій, что предсѣдатель редакціонной комиссіи, занимающій около трехъ лѣтъ свое настоящее мѣсто, не знаетъ *той оффиціальной цѣли*, для которой она учреждена. Когда оппозиція стала постепенно усиливаться и превращаться изъ меньшинства въ большинство, то она начала открыто проявлять стремленія забрать въ свои руки составленіе библіотекъ и контроль за выпискою книгъ въ складъ. Членъ правленія М. Т. Поповъ—настоящій «некоронованный король общества народныхъ чтеній» — конечно, долженъ былъ крайне возмутиться такимъ вторженіемъ въ область, въ которой онъ давно привыкъ считать себя единственнымъ полноправнымъ властелиномъ. И вотъ его alter ego, предсѣдатель редакціонной комиссіи В. К. Вяжлинскій, началъ настойчиво твердить, что комиссія *не имѣетъ никакого отношенія къ складу и послѣдній отъ нея нисколько не зависитъ.* На этой почвѣ произошелъ цѣлый рядъ стычекъ. Предсѣдателю, упрямо стоявшему на своемъ, нако-

нецъ показали оффиціальные документы—отчетъ общества за тотъ годъ, когда была учреждена редакціонная комиссія (1894-95). Этотъ отчетъ гласилъ: «рѣшеніе вопроса, какія пріобрѣтать книги, правленіе считало невозможнымъ взять на себя, въ виду чрезвычайной сложности и трудности этого дѣла, почему предлагало избрать... редакціонную комиссію» (стр. 7); «книжный складъ общества не долженъ носить характера обыкновенной книжной лавки, въ немъ должны находиться только книги, разсмотрѣнныя и одобренныя для народнаго чтенія» (стр. 34). Эта справка заставила предсѣдателя редакціонной комиссіи со стыдомъ отказаться отъ своего мнѣнія и капитулировать...

Редакціонная комиссія выдѣлила изъ своей среды трехъ членовъ для того, чтобы ознакомиться съ наличностью книжнаго склада и выбрать себѣ наиболѣе интересныя книжки для просмотра. Это не было формальной ревизіей наличности, но косвенно служило до нѣкоторой степени этой цѣли. И вотъ снова происходитъ рѣшительное сраженіе. Трудно повѣрить и, однако же, это дѣйствительный фактъ—предсѣдатель комиссіи на ближайшемъ засѣданіи, какъ будто позабывъ о порученіи, данномъ самою же комиссіей особо избраннымъ членамъ, докладываетъ о жалобѣ служащихъ склада на то, что всякій членъ редакціонной комиссіи считаетъ себя вправѣ являться въ складъ, отрывать служащихъ отъ дѣла и производить тамъ безпорядки. Происходитъ бурное засѣданіе; тремя лицамъ заносится въ протоколъ заявленіе, что они, будучи уполномочены на свою работу комиссіей, считаютъ заявленіе предсѣдателя оскорбленіемъ, направленнымъ противъ нихъ; а наведенныя справки показываютъ, что служащіе склада на нихъ вовсе не жаловались, и, слѣдовательно, недовольна косвенной ревизіей склада оказалась лишь высшая «администрація книжнаго склада», по «усмотрѣнію» которой до сихъ поръ вершились всѣ дѣла. И такъ какъ книжный складъ является больнымъ мѣстомъ нынѣшняго правленія, то понятно, что «администрація» склада стремилась превратить его въ укрѣпленную окопами и бастіонами крѣпость, къ которой членовъ оппозиціи нельзя подпускать даже на выстрѣлъ. Отсюда предложеніе, чтобы комиссія вела всѣ сношенія со складомъ черезъ предсѣдателя; но оно принимается съ поправкой оппозиціи, что ранѣе образованная комиссія изъ трехъ лицъ сохраняетъ свои полномочія. И такъ какъ поправка эта уничтожала тотъ смыслъ, который заключался для представителей стараго направленія въ основномъ ихъ предложеніи (упрочить существованіе склада «при закрытыхъ дверяхъ»), то они черезъ нѣсколько дней сами уступили право непосредственно сноситься со складомъ представителю подкомиссіи для выработки нормальнаго каталога для библіотекъ (А. Н. Слетовой-Черновой).

Та-же коммиссія для выработки нормальныхъ каталоговъ обратилась къ правленію съ просьбой передать ей всѣ отчеты сельскихъ библіотекъ, чтобы извлечь изъ нихъ заключающіяся въ нихъ данныя о читаемости различныхъ книгъ, о запросахъ народа, о довольствѣ или недовольствѣ завѣ-

дующихъ разсылаемыми отъ общества книгами [1]). При отчетахъ общества приложены, правда, извлеченія: въ 189⁵/₆ г. изъ отчетовъ 85 библіотекъ, въ 189⁶/₇—176. Но выводы, сдѣланные изъ этихъ матеріаловъ, поражаютъ своею странностью: мы находимъ мнѣніе, что «произведенія нашихъ новѣйшихъ писателей мало понятны народу» и что ему «будутъ ближе и понятнѣе писатели прошлаго столѣтія»; видно, что весь матеріалъ разсматривался подъ совершенно своеобразнымъ угломъ зрѣнія, а потому его обработка нуждается въ повѣркѣ. Кромѣ того, въ извлеченіяхъ слишкомъ мало отзывовъ о неудовлетворенности тѣми или другими книгами; въ виду жалобъ, раздававшихся нерѣдко даже въ печати на плохой составъ разсылаемыхъ библіотекъ, это представляется нѣсколько страннымъ. Наконецъ, даже при самой идеальной обработкѣ матеріаловъ врядъ-ли возможно всецѣло исчерпать его настолько, что бóльшаго и не остается желать. Повидимому, составитель отчета именно вообразилъ, что его извлеченія представляютъ nec plus ultra въ отношеніи обстоятельности и всесторонности, а потому матеріалы за появленіемъ этихъ извлеченій утратили всякую цѣну. Потому что иначе пришлось-бы предположить, что составителю захотѣлось замести всѣ слѣды, уничтожить всякую возможность повѣрки своихъ выводовъ, ибо нынѣ драгоцѣнный матеріалъ, заключавшійся въ 176 или 261 отчетахъ [2]) сельскихъ библіотекъ, съ отзывами читателей о книгахъ, соображеніями самихъ библіотекарей и т. п. *уничтоженъ*, несмотря на постановленіе редакціонной комиссіи еще въ первые годы ея существованія о передачѣ этихъ отчетовъ ей, и несмотря на просьбы членовъ «справочнаго бюро» общества передать всѣ отчеты для разработки имъ. Только на дняхъ, благодаря настойчивости комиссіи, вырабатывающей нормальные каталоги, былъ полученъ категорическій отвѣтъ на требованіе выдачи отчетовъ; ранѣе-же членъ правленія, неизмѣнный М. Т. Поповъ тянулъ дѣло полуобѣщаніями «поискать» куда-то завалившіеся матеріалы. Любопытно, что уничтожены они самымъ основательнымъ образомъ, до чиста, до послѣдняго листика. Кажется, это достаточно говоритъ противъ случайности и за полную обдуманность этого варварскаго ауто-да-фе драгоцѣннаго въ литературно-педагогическомъ смыслѣ матерьяла.

Въ виду этихъ постоянныхъ препятствій, которыя ставятся всѣмъ «новымъ вѣяніямъ» представителями традицій «единоличнаго усмотрѣнія администраціи склада», врядъ-ли дѣло упорядоченія выписки въ складъ книгъ и разсылки библіотекъ подвинется скоро. Тактика прежняго боль-

[1]) Недавно въ Черняновской волости былъ такой случай: крестьяне, по предложенію земскаго начальника г. Кекина, постановили на 500 р. штрафныхъ денегъ устроить библіотеку и на пробу послали Тамбовскому о-ву 100 р. съ просьбой выслать на нихъ книгъ. Въ числѣ полученныхъ оказалась такая масса произведеній дѣтской и сказочной литературы, что книги были присланы обратно съ требованіемъ возврата высланныхъ денегъ, а для составленія библіотеки крестьяне обратились къ Харьковскому О-ву Грамотности.

[2]) Не оговорено, включаетъ-ли цифра 176 также 85 отчетовъ предыдущаго года.

шинства, теперь превращающагося въ меньшинство, вполнѣ опредѣлилась. Она сводится къ тому, чтобы систематической обструкціей со стороны несмѣняемаго въ теченіи трехъ лѣтъ предсѣдателя [1]) тормозить дѣла редакціонной коммиссіи и этимъ лишать ее возможности активно вмѣшиваться въ судьбу библіотекъ и склада. Надо отдать справедливость почтенному В. К. Вяжлинскому: онъ обладаетъ многочисленными достоинствами, которыя дѣлаютъ его незамѣнимымъ человѣкомъ для выполненія этой обязанности. Его умѣнье наговорить много, не сказавши ничего, растягиванье преній до nec plus ultra по всякому мельчайшему поводу оттягиванье баллотировки вопроса до тѣхъ поръ, пока у членовъ не начнетъ кружиться голова и темнѣть въ глазахъ отъ хаоса и словеснаго истощенія; самый невѣроятный способъ формулировать вопросы для баллотировки, благодаря чему изъ окончанія всякихъ преній рождаются на свѣтъ Божій новыя пренія; полный безпорядокъ въ очередяхъ «ораторовъ», благодаря которому они должны стараться перекричать другъ друга; обращеніе предсѣдателя къ звонку лишь для того, чтобы перебить говорящаго и «дать слово» себѣ самому; выходящая изъ ряду вонъ способность забывать всѣ постановленія комиссіи, ставить сызнова на очередь неоднократно рѣшенные вопросы, открывать давно открытыя Америки или возвращаться къ одному и тому-же по нѣсколько разъ, несмотря на ясно выраженную волю большинства; наконецъ, стремленіе брать на себя всевозможныя обязанности и самымъ аккуратнымъ образомъ не выполнять ихъ, —все это, вмѣстѣ взятое, способно превратить засѣданія редакціонной комиссіи въ какое-то увеселительное мѣсто для свѣжихъ людей, не привыкшихъ къ созерцанію плутающихъ между тремя соснами пошехонцевъ...

Въ виду этого ничего не будетъ страннаго, если въ текущемъ году, несмотря на удвоенное число засѣданій, придется опять что-нибудь вродѣ 2—3 разобранныхъ книгъ въ годъ на каждаго члена комиссіи. И мысли невольно переносятся къ тому времени, когда на каждаго члена приходилось по 20 разобранныхъ книгъ, и, слѣдовательно, — считая 2 рецензіи на книжку—по 40 рецензій на каждаго члена. Такимъ образомъ, жаль только, что отъ этого времени (1894 – 1895 гг.) осталось мало памятниковъ. Рецензіи, поставлявшіяся въ такомъ изобиліи, по собственному сознанію предсѣдателя, у него «порастерялись»... А протоколы... по поводу нихъ было цѣлое засѣданіе. Новые члены заявили, что вновь вступающіе въ составъ комиссіи члены лишены возможности ознакомиться заблаговременно съ порядкомъ и ходомъ работъ комиссіи, потому что протоколы за три первыхъ года находятся въ самомъ невозможномъ видѣ. На нѣкоторыя засѣданія вовсе нѣтъ протоколовъ: очевидно, они или тоже «порастерялись», или ихъ совсѣмъ не было. Иные протоколы написаны на клочкахъ бумаги разнаго формата, иногда карандашемъ,

[1]) Любопытно, что этотъ «тріеннатъ» проведенъ самимъ-же нынѣшнимъ предсѣдателемъ В. К. Вяжлинскимъ тотчасъ послѣ своего избранія на одногодичный срокъ.

такъ что написанное полустерто, на иныхъ не обозначено ни числа, ни мѣсяца, ни года. Немногіе полные протоколы изобилуютъ такими странными формулировками, что приходится только развести руками, напр.: «Сестра Ледащая. Марко Вовчка. Второй разсказъ по содержанію своему устарѣлъ. Первый разсказъ довольно скученъ. Рѣшено одобрить». «Сѣткова. Старикъ Никита и его три дочери. Разсказъ мало естественъ. Рѣшено одобрить». «Страховой. Отъ Бога не скроешься, отъ себя не убѣжишь. Въ виду того, что идея проведена искусственно [1]), постановлено одобрить». Такіе самоуничтожающіе, самоубійственные приговоры встрѣчаются слишкомъ часто для того, чтобы приписать ихъ простой опискѣ. Сплошь и рядомъ то постановлялось книгу, «благодаря серьезности изложенія только допустить», то рѣшалось, что, «къ сожалѣнію, книга написана въ очень минорномъ тонѣ (?!), вслѣдствіе чего книгу одобрить»... и т. п.

Такимъ образомъ, золотой вѣкъ редакціонной комиссіи, на зарѣ ея существованія, когда каждый членъ давалъ по 40 рецензій въ годъ, относится къ области не столько исторіи, сколько миѳологіи редакціонной комиссіи. Малочисленные письменные памятники, сохранившіеся отъ той эпохи, еще ждутъ своихъ комментаторовъ и не извлечены изъ архивовъ, а что касается до устныхъ преданій о золотомъ вѣкѣ, то ихъ судьба будетъ, очевидно, такова, какова судьба всѣхъ подобныхъ преданій: малѣйшаго прикосновенія исторической критики совершенно достаточно, чтобы разрушить ихъ достовѣрность.

Викторъ Черновъ.

---

[1]) Поневолѣ подумаешь, ужъ не думалъ-ли секретарь, что *искусственно* значитъ *искусно?*

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г.

Надѣюсь, что Вы не откажетесь дать мѣсто въ вашемъ уважаемомъ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» настоящей небольшой замѣткѣ, вызванной статьей г. М. Б.: «Одно изъ современныхъ земствъ», напечатанной въ № 4 за 1898 г. Мнѣ, какъ человѣку, близко стоящему къ земскому дѣлу въ Касимовскомъ уѣздѣ, лучше извѣстно его положеніе, чѣмъ Вашему сотруднику, прекрасная статья котораго содержитъ въ себѣ нѣсколько неточностей, весьма извинительныхъ при неполномъ знакомствѣ со всѣми сторонами земскаго дѣла. Кромѣ того, въ этой статьѣ слишкомъ сгущены темныя краски, и поэтому я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ и о положительныхъ заслугахъ Касимовскаго земства.

Я раздѣляю мнѣніе, высказанное г. М. Б. о нашихъ собраніяхъ: дѣйствительно, въ нихъ царитъ апатія, они идутъ «вяло и ординарно», точно гласные сошлись не для своего общественнаго дѣла, а «отбываютъ повинность» Это—явленія, присущія большинству земскихъ собраній, но въ оправданіе земствъ я скажу, что въ странѣ, гдѣ парализована общественная жизнь, общественная самодѣятельность, трудно и ожидать иного отношенія къ общественному дѣлу. Вся провинція живетъ какъ бы урывками, ея увлеченія кратковременны, а обычное ея состояніе есть застой, сонъ, апатія. Провинція живетъ день да ночь—сутки прочь, не зная съ увѣренностью, что полезно, что вредно, что позволено, что не позволено. Такъ какъ общественной жизни въ лучшемъ значеніи этого слова въ Россіи не существуетъ, особенно въ провинціи, то очень естественно, что въ ней преобладаютъ интересы мелочные, личные или, въ лучшемъ случаѣ, интересы отдѣльныхъ группъ, а интересы общественные невольно отодвигаются на задній планъ, тѣмъ болѣе, что провинціи точно неизвѣстно, въ какомъ объемѣ эти общественные интересы подлежатъ ея заботамъ. Мы, жители захолустій нашего обширнаго отечества, способны увлекаться и вѣяніемъ нашихъ знаменъ на стѣнахъ Портъ-Артура и французскими оваціями и другими модными вопросами, но всѣ эти увле-

ченія наши поверхностны, мы не вдумываемся въ сущность событій, и тѣ явленія, къ которымъ мы успѣли приглядѣться у себя дома, нисколько не бросаются намъ въ глаза, какъ бросаются блестящія побѣды нашей дипломатіи и т. п. Не скажу, чтобы мы выработали себѣ философскій взглядъ на вещи,—просто мы еще очень не культурны и не вдумчивы. Тѣ-же свойства проявляются и въ нашей дѣятельности на земской почвѣ: оттого такъ оживленны тѣ собранія, въ которыхъ происходятъ интересные выборы, обсуждаются какіе-либо экстраординарные вопросы, и оттого такъ вяло идетъ жизнь собраній въ обыкновенныя сессіи. Это нисколько не удивительно еще и потому, что сами земскія учрежденія поставлены не нормально: компетенція ихъ съужена, они не имѣютъ достаточной связи съ деревней за отсутствіемъ мелкихъ земскихъ органовъ; дѣятельность ихъ достаточно стѣснена. Прошло то время, когда земскія учрежденія имѣли для провинціи приманку новинки, когда позволительно было увлекаться самой идеей ихъ. Теперь пришла пора обыкновенной земской работы, и вотъ оказывается, что правильная постановка этой работы затруднительна. Большинство гласныхъ относится къ земскому дѣлу равнодушно; другая часть, значительно меньшая—враждебно, имѣя невѣрное представленіе о тяжести земскаго обложенія, еще меньшая старается двигать впередъ это дѣло; но такъ какъ одинъ въ полѣ не воинъ, то это движеніе впередъ идетъ скачками, неравномѣрно, безъ опредѣленной заранѣе системы: вдругъ проскользнетъ постановленіе, имѣющее большую важность для той или другой мѣстности (открытіе школы, врачебнаго пункта) и, совершивъ такой гражданскій подвигъ, земцы, успокоиваются до слѣдующаго скачка. Послѣдствіемъ такого хода дѣла является неравномѣрность въ пользованіи плательщиками результатами земскаго хозяйства, неравномѣрность и недостаточная обоснованность распредѣленія школъ, больницъ и т. д. Думаю, что тоже повторяется въ большей или меньшей степени во всѣхъ земствахъ, и нѣкоторое объясненіе этому явленію я вижу въ томъ, что съ развитіемъ земской дѣятельности не ростетъ, а сокращается компетентность земства. Если прибавить еще вліяніе тѣхъ элементовъ, которые втайнѣ вздыхаютъ о блаженномъ старомъ времени и въ душѣ ненавидятъ земство, то еще понятнѣй станетъ затруднительность правильной постановки дѣла. Не малое значеніе имѣетъ также отсутствіе (почти полное) въ собраніяхъ коренныхъ деревенскихъ элементовъ: гласные отъ крестьянъ въ счетъ идти не могутъ, такъ какъ они являются въ собраніи не избранниками своихъ сходовъ, а ставленниками гг. земскихъ начальниковъ, нерѣдко заинтересованныхъ въ томъ или другомъ направленіи земской дѣятельности и нерѣдко принципіальныхъ его противниковъ. Что крестьяне гласные являются такими ставленниками ясно изъ того, что гг. земскіе начальники не только имѣютъ вліяніе на выборъ сходами того или другого лица, но и непосредственно могутъ участвовать въ утвержденіи этихъ лицъ; такъ какъ число гласныхъ отъ крестьянъ по положенію обыкновенно гораздо меньше числа

волостей уѣзда, то губернаторамъ предоставлено изъ числа выбранныхъ сходами крестьянъ утверждать опредѣленное число гласныхъ. Губернаторы, конечно, поставлены въ затрудненіе кого утвердить, такъ какъ всѣ кандидаты имъ одинаково *неизвѣстны*, и поэтому губернаторамъ приходится собирать свѣдѣнія о нихъ, или просто обращаться къ предводителямъ, которые, по предварительному, *полуоффиціальному совѣщанію* съ земскими начальниками, и указываютъ *желательныхъ* кандидатовъ. Такимъ образомъ, дѣло, несомнѣнно, упрощается, но зато оно уже становится въ зависимость отъ личныхъ симпатій и соображеній [1]).

Чтобы не затягивать своей замѣтки, я перейду къ возраженію на нѣкоторыя неточности въ статьѣ г. М. Б. Разсматривая постановку школьнаго дѣла въ уѣздѣ и ошибочно предполагая, что Касимовское земство *не хочетъ* принимать участія въ постановкѣ и веденіи его, такъ какъ компетенція земства въ этомъ дѣлѣ крайне мизерна и не зависитъ отъ его желанія, г. М. Б. ставитъ въ упрекъ Касимовскому земству то обстоятельство, что оно облагаетъ крестьянскія общества дополнительнымъ 10-ти копѣечнымъ сборомъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ земствомъ открыты школы. Я присоединился бы къ этому упреку, если бы школъ хватало на всѣ селенія уѣзда, но такъ какъ этого нѣтъ (да и скоро-ли еще будетъ?), то требованіе этого дополнительнаго сбора, какъ условія открытія школъ, является справедливымъ, заставляя тѣ общества, которыя пользуются бо́льшими заботами земства, выразившимися въ открытіи школъ, платить за привилегію. Иначе поступать, мнѣ кажется, было бы не справедливо въ отношеніи къ другимъ плательщикамъ. Къ чести Касимовскаго земства я долженъ засвидѣтельствовать, что ни одно ходатайство крестьянскихъ обществъ объ открытіи школы не было отклонено собраніемъ, если только общества соглашались платить этотъ сборъ и устраивали пригодное помѣщеніе для школы. Сборъ этотъ теперь сдѣланъ однообразнымъ—10 коп. съ души, и для постройки школъ земствомъ рекомендуются планы. Недостатокъ земскихъ средствъ съ самаго начала поставилъ дѣло народнаго образованія неправильно въ томъ отношеніи, что заботу объ устройствѣ помѣщеній и о снабженіи школъ классными принадлежностями земство предоставило крестьянамъ. Г. М. Б. совершенно правъ, что помѣщенія земскихъ училищъ прямо невыносимы, но только онъ долженъ былъ бы прибавить слово «нѣкоторыя». Дѣйствительно, въ Касимовскомъ уѣздѣ попадаются помѣщенія плохія и даже очень плохія, но это за послѣднее время исключенія, большинство же хотя, конечно, и оставляетъ желать лучшаго, но достаточно удовлетворяетъ своему назначенію; есть школы прямо прекрасныя. У меня подъ рукой имѣются отзывы самихъ учителей 53 училищъ; (всѣхъ училищъ 60); что касается состоянія помѣщеній, то

---

[1]) Понятно, что дѣйствія такихъ подчиненныхъ гласныхъ крайне стѣснены, и говорить имъ трудно, особенно въ собраніи, въ преданіяхъ котораго хранится фактъ устраненія старшины гласнаго отъ должности за рѣчь, сказанную въ собраніи (см. мою статью «Нежелательные земцы», «С.-Петербургскія Вѣдомости» № 288, 1897 г.).

школъ вполнѣ хорошихъ оказывается 7, вполнѣ удовлетворительныхъ 27, несовсѣмъ удовлетворительныхъ 12 и плохихъ 7. Къ сожалѣнію, земство предоставило снабженіе школъ классными принадлежностями обществамъ—результатомъ являются жалобы на недостатокъ или недоброкачественность этихъ принадлежностей. Чтобы помочь этому горю, земство продаетъ въ школахъ по заготовительнымъ цѣнамъ бумагу, карандаши, перья и т. д., но дѣло это идетъ вяло. Книгами для чтенія, учебниками, и учебными пособіями (картами, глобусами, картинами и т. п.) земство снабжаетъ школы само, и въ послѣдніе три года израсходовано на пріобрѣтеніе учебниковъ 2,991 р. 68 к. (6,566 экзем.), книгъ для чтенія 592 р. 40 к. (5,385 экзем.) и учебныхъ пособій 482 руб. 38 копѣекъ. Для того, чтобы нѣсколько уравнять получаемое учительскимъ персоналомъ жалованье (крайне скудное, въ этомъ я согласенъ), земское собраніе въ 1895 г. приняло на 9 лѣтъ слѣдующее правило. Первоначальное жалованье учителя и учительницы опредѣлено въ 200 руб., за каждые 3 года дѣлается прибавка—учителю 15 руб., учительницѣ 6 руб., помощники получаютъ 150 руб. Не спорю, что эти оклады очень малы, но средства земства, изъ которыхъ значительная часть идетъ на потребности, называемыя *обязательными*, затрудняютъ увеличеніе этихъ окладовъ. Когда побочныя повинности будутъ сняты съ плечъ земства, тогда, конечно, и участь земскихъ труженниковъ будетъ лучше. Жалованье имъ уплачивается, по возможности, аккуратно. За 1897 годъ было очень мало случаевъ несвоевременной выдачи жалованья съ опозданіемъ больше мѣсяца; да и это объясняется плохимъ поступленіемъ земскихъ сборовъ, которые не находятся въ зависимости отъ земства. Учитель П. и учительница Г., о которыхъ говоритъ г. М. Б., не получили своевременно жалованья вслѣдствіе того, что не посылали своевременно за полученіемъ своего жалованья, хотя ассигновки имъ посылались ежемѣсячно (за текущій мѣсяцъ), какъ и вообще всему учительскому персоналу. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что выдача жалованья не производится болѣе земской управой, такъ какъ она передана въ вѣдѣніе казначейства съ 1896 г. (согласно закона 23 февраля 1895 года); управа только выдаетъ ассигновки своимъ служащимъ. Порядокъ этотъ, правда, облегчаетъ управу, но врядъ ли удобенъ для земскихъ служащихъ.

Указаніе г. М. Б. на то, что въ то-же время полиція и судебные слѣдователи получаютъ содержаніе по третямъ впередъ, доказываетъ только, что ему неизвѣстно требованіе закона (ст. 582 уст. о сл.), обязывающаго управу поступать такъ. Пособіе на церковно-приходскія школы также выдается съ недоимками [1]); вообще задержки и неправильности въ дѣлахъ выдачи денегъ достаточно объясняются плохимъ поступленіемъ сборовъ. Расходы земства всегда являются дѣйствительными, тогда какъ поступленія часто гадательны, и почти ежемѣсячно

[1]) Эпархіальное вѣдомство даетъ земству, въ общемъ, отчетъ о своей дѣятельности по губерніи.

получается недоборъ, доходящій къ концу года (1897 г.) до 76,000 руб. При такихъ условіяхъ трудно вести правильно финансовое дѣло.

Переходя къ постановкѣ медицинскаго дѣла въ уѣздѣ, я прежде всего скажу, что г. М. Б. также сгустилъ краски. Совершенно вѣрно, что медицинской помощи, оказываемой земствомъ населенію, недостаточно на громадный Касимовскій уѣздъ, имѣющій свыше 5,000 кв. верстъ пространства [1]). Въ немъ имѣется: 1 больница на 45 коекъ въ городѣ, три больницы въ уѣздѣ (всего на 42 койки), 2 амбулаторныхъ пункта съ врачами и 8 пунктовъ съ фельдшерицами-акушерками и школьными фельдшерами; но, конечно, для правильной постановки дѣла необходимо имѣть еще три, если не больницы, то хотя пріемныхъ покоя съ койками (если считать при этомъ помощь, приносимую фельдшерскими пунктами, цѣлесообразною). Но, опять-таки, здѣсь приходится считаться съ ограниченностью земскихъ средствъ. Тѣмъ не менѣе, можно съ увѣренностью сказать, что всю теперешнюю организацію врачебной помощи Касимовское земство создало изъ ничего; въ 1866 году на весь уѣздъ всего была одна — не лечебница, а Авгіева конюшня приказа общественнаго призрѣнія съ 12-ю койками. Съ 1867 года расходъ на это дѣло возросъ съ 2,150 руб. до 43,000 руб., [2]) и дѣятельность земства не останавливается, хотя и подвигается впередъ скачками. Какъ-бы то ни было, врачебной помощью въ уѣздѣ въ 1897 году пользовалось 52,859 человѣкъ и фельдшерской 34,919 челов. Такую дѣятельность, все-таки, нельзя не назвать почтенной. При этомъ я долженъ сказать, что существующія въ земствѣ лечебницы поставлены хорошо, а одна изъ нихъ, Тумская, прямо-таки роскошно; это цѣлый поселокъ въ сосновомъ лѣсу, состоящій изъ прекрасныхъ зданій со всѣми приспособленіями. Между тѣмъ, она стоила земству не болѣе 17—18 тысячъ рублей. Г. М. Б., тѣмъ не менѣе, правъ, описывая вопіющіе недостатки одной изъ Касимовскихъ лечебницъ—Занинской: она, дѣйствительно, ветха, но не надо забывать, что ей уже свыше 20 лѣтъ, и въ собраніи всякій годъ заходитъ споръ перестроить-ли ее заново, тѣмъ болѣе, что типъ ея неудобенъ и устарѣлъ, или ее ремонтировать. Послѣднее мнѣніе до сихъ поръ одерживаетъ верхъ, и лечебница ремонтируется ежегодно. Это, конечно, убыточно, но какъ-бы то ни было, лечебница функціонируетъ и содержится не хуже другихъ. Та-же неудачная система, заключающаяся въ передачѣ въ вѣдѣніе обществъ устройства школьныхъ зданій, сказывается и въ медицинскомъ дѣлѣ, такъ какъ наемъ и устройство фельдшерскихъ помѣщеній также возложены на общества—въ цѣляхъ того-же уравненія плательщиковъ. Поэтому помѣщенія эти, дѣйствительно, плохи. Собраніе, видимо, надѣялось, что мѣстное начальство приметъ мѣры, и помѣщенія эти, такъ сказать, по щучьему велѣнію

---

[1]) Уѣздъ этотъ больше многихъ государствъ Германіи, почти равенъ герцогству Ольденбургскому и составляетъ около $^2/_3$ цѣлой Черногоріи.

[2]) Около $^1/_3$ бюджета.

сдѣлаются удобными, но эти надежды не осуществились: къ начальству прибавились еще гг. земскіе начальники, а фельдшерскія квартиры по прежнему изъ рукъ вонъ плохи. Прежніе фельдшера мирились съ этимъ, потому что это были не фельдшера, а военные, лазаретные служители, да другихъ и нельзя было привлечь на службу за 15 руб. въ мѣсяцъ; но теперь на пунктахъ вездѣ акушерки-фельдшерицы или ученые фельдшера, получающіе вездѣ значительные оклады (у насъ отъ 360 до 400 руб.), поэтому фельдшерское дѣло улучшилось, и персоналъ уже не мирится съ плохой обстановкою. Это, между прочимъ, указываетъ и на то, что вмѣсто дорогихъ фельдшерскихъ пунктовъ гораздо полезнѣй устраивать врачебные, несомнѣнно гораздо болѣе нужные для населенія во всѣхъ отношеніяхъ. Заканчиваю свою замѣтку. Меня всегда радуетъ появленіе такихъ обстоятельныхъ статей, какъ разбираемая. Чѣмъ болѣе будетъ проливаться свѣта на дѣятельность земствъ, тѣмъ лучше для нихъ; но такія статьи тѣмъ желательнѣй, чѣмъ онѣ объективнѣй. Не надо умалчивать о темныхъ сторонахъ, но изображеніе только однѣхъ этихъ сторонъ—дѣло мелкихъ корреспонденцій, а не талантливыхъ статей, подобныхъ этой. Не слѣдуетъ забывать, что и на солнцѣ есть пятна: наблюденіе ихъ особенно занимаетъ людей науки, но, тѣмъ не менѣе, они не пропускаютъ безъ полнаго изученія и факелы солнца.

Предсѣдатель Касимовской земской управы *Петръ Оленинъ*.

11 мая 1898 г.

P. S. Позволяю себѣ внести также поправку въ статью, помѣщенную въ томъ-же номерѣ: «Наши земскія дѣла». Въ концѣ ея авторъ сообщаетъ, что Рязанское губернское земское собраніе рѣшило возбудить ходатайство объ отмѣнѣ цензуры для земскихъ изданій. На самомъ дѣлѣ собраніе оставило вопросъ открытымъ, поручивъ при этомъ управѣ собрать факты изъ земской жизни губерніи, доказывающіе стѣснительность такой цензуры, и представить собранію подробный докладъ. Это дало поводъ одному изъ гласныхъ тутъ-же замѣтить, что такой докладъ и будетъ первымъ подводнымъ камнемъ для самого вопроса о стѣснительности цензуры.

СЪ ДАЛЕКАГО СѢВЕРА.

Рыбный промыселъ на Мурманѣ.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Въ заключеніе нашего статистическаго обзора приведемъ таблицу улова рыбы на Мурманѣ и количества промышлявшихъ тамъ судовъ, хозяевъ и рабочихъ. Таблица эта, составленная по оффиціальнымъ даннымъ, помѣщена и у г. Маноцкова.

Годы.	Судовъ.	Хозяевъ [1])	Покрученниковъ.	Добыто рыбы и жиру на сумму (въ рубл.).
1892	899	709	2,390	324,952
1893	769	676	2,408	295,755
1894	997	815	3,173	350,959
1895	963	768	3,006	516,415

Данныя этой таблицы говорятъ, что, не смотря на значительныя колебанія въ положеніи промысла въ промежуточные два года, *въ общемъ* увеличилось какъ число промышлявшихъ судовъ, такъ и, главнымъ образомъ, цѣнность добытой рыбы. Въ связи съ предыдущей таблицей эти данныя указываютъ, во всякомъ случаѣ, на ростъ промысла за послѣдніе годы, а не на то, какъ увѣряетъ г. Маноцковъ, что «мурманскіе промыслы, на хорошій конецъ, стоятъ на мертвой точкѣ въ смыслѣ развитія, т. е. скорѣе регрессируютъ» (хорошъ, «хорошій конецъ»!). Ростъ промысла, правда, не особенно быстрый, но тѣмъ не менѣе несомнѣнный, особенно-же въ техническомъ отношеніи, отмѣчается именно за послѣднее время. Архангельскій губернаторъ, г. Энгельгардтъ, въ своемъ описаніи поѣздки на Мурманъ, въ 1895 году, между прочимъ, говоритъ: «Вообще, мы замѣтили необычайный подъемъ духа на Мурманѣ. Кромѣ удачнаго промысла, вѣсть объ устройствѣ телеграфа, объ устройствѣ маяковъ по берегамъ Мурманскаго побережья, о томъ, что въ будущемъ году

---

[1]) «Самостоятельные ловцы» помѣщены, какъ это видно по отношенію числа хозяевъ къ числу судовъ, въ числѣ хозяевъ. Это, конечно, не вполнѣ правильно.

пароходы изъ Архангельска будутъ ходить еженедѣльно, а не въ двѣ недѣли разъ, какъ теперь, и что по западной сторонѣ мурманскаго берега будетъ ходить особый мѣстный пароходъ, въ значительной мѣрѣ возбудили энергію и предпріимчивость какъ промышленниковъ, такъ и торговцевъ». Замѣтимъ, что все ожидавшееся въ 1895 году, въ настоящее время уже имѣется: телеграфъ проведенъ, маяки устроены, пароходные рейсы еженедѣльны и т. д. «Въ Териберкѣ, напр., купецъ Мерзлютинъ строитъ особую пристань, къ которой могутъ приставать пароходы, соляной складъ на 100,000 пудовъ соли, складъ угля и, что особенно важно, казарму для рабочихъ на нѣсколько сотъ человѣкъ. Купецъ Савинъ заводитъ пароходъ для перевозки мойвы [1]), устраиваетъ для нея особые садки и предполагаетъ даже искусственно замораживать мойву, чтобы сохранить и на то время, когда она отходитъ уже отъ береговъ въ океанъ. На Іоканскихъ островахъ, вблизи Св. Носа, устраивается помѣщеніе для рабочихъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы съ весны заняться промысломъ тюленей. Г. Гебель купилъ въ портѣ Владимірѣ находившійся уже много лѣтъ въ бездѣйствіи китобойный заводъ и намѣренъ вновь открыть китовый промыселъ, но, главнымъ образомъ, организовать ловъ и развозку мойвы и ловъ сельдей. Наконецъ, на Мурманъ стремится большое число новыхъ поселенцевъ; я заваленъ ихъ просьбами, израсходовалъ уже всѣ деньги, ассигнованныя въ пособіе на обзаведеніе новымъ поселенцамъ, и все-таки удовлетворилъ далеко еще не всѣхъ» [2]). «Весной нынѣшняго (1897) года нашими поморами, кемскимъ купцомъ Михаиломъ Антоновымъ и крест. Федоромъ Кошкинымъ, былъ произведенъ давно желанный и заслуживающій подражанія опытъ боя морскихъ звѣрей во льдахъ Мурманскаго моря» на двухъ яхтахъ норвежской постройки. Опытъ этотъ «увѣнчался полнымъ успѣхомъ»: яхты нагрузились добычей дополна [3]). Подобныхъ фактовъ «подъема духа» и «возбужденія энергіи и предпріимчивости» мурманскихъ промышленниковъ и торговцевъ послѣднее время даетъ не мало.

Все это, несомнѣно, свидѣтельствуетъ о томъ, что новые капиталы, хлынувшіе на Мурманъ, уже не довольствуются той техникой промысловъ его, которую тамъ застаютъ и которая вполнѣ удовлетворяла ихъ предшественниковъ [4]) и, насколько возможно, стремятся улучшить

---

[1]) Небольшая рыбка, употребляющаяся, какъ наживка при ловлѣ трески; не рѣдко, благодаря недостатку въ мойвѣ, совершенно не удается весь промыселъ.

[2]) «Русск. Сѣверъ» ст. 132.

[3]) «Арх. Губ. Вѣд.», 1887 г. № 48.

[4]) Даже пользующіеся у себя въ Норвегіи всѣми новѣйшими усовершенствованіями норвежцы, промышлявшіе на русскомъ Мурманѣ во время посѣщенія его въ 92 г. Н. Максимовымъ, по его словамъ «не упорядочиваютъ ни экономическихъ отношеній, ни типовъ промысловыхъ судовъ, ни способовъ улова. Они пользуются только случаемъ, эксплоатируютъ безжизненность поморовъ, при недостаткѣ ихъ энергіи, оставляя все по старому, какъ это было заведено русскими стариками» («Рус. М.», 93 г.—№ 1).

ее. Дѣлается это, конечно, не изъ любви новыхъ капиталовладѣльцевъ къ изящному, а вслѣдствіе экономической необходимости. Успѣхъ улова рыбы на Мурманѣ, какъ и на всемъ бѣломорскомъ побережьи, зависитъ, между прочимъ, отъ такихъ обстоятельствъ, предусмотрѣть, а тѣмъ болѣе эксплоатировать которыя при прежнемъ состояніи знаній поморовъ невозможно. Тутъ необходимы услуги науки, купить которыя можетъ, конечно, только капиталъ. Такъ, до сихъ поръ наши поморы не умѣютъ предсказывать появленія въ мѣстахъ лова трески такъ называемой ими «кожи»—тюленей, пожирающихъ треску и нерѣдко сводящихъ результаты промысла чуть не къ нулю. Появляющихся громадными стаями враговъ трески не бьютъ. Наши конкурренты—норвежцы, въ этомъ отношеніи не такъ безпомощны, и неудавшійся ловъ трески быстро замѣняютъ боемъ тюленей. Еще при Великомъ Новгородѣ мурманскіе рыбаки промышляли на плохо приспособленныхъ для морского плаванья «шнякахъ», и теперь еще являющихся преобладающимъ типомъ промысловаго судна, понемногу, однако, вытѣсняемаго несравненно болѣе удобной ёлой — судномъ норвежцевъ, уже давнымъ давно смѣнившихъ шняки и длиннѣйшіе яруса на елы, листерботы (наиболѣе усовершенствованное рыбацкое судно) съ короткими ярусами [1]). «Та погода, говоритъ Н. Максимовъ [2]), которая считается на Мурманѣ бурей и во время которой наши поморы не ходятъ въ океанъ бросать яруса называется въ Норвегіи «хорошей погодой» и выгоняетъ въ море всѣхъ рыбаковъ». Наши поморы не имѣютъ во-время свѣдѣній ни о размѣрахъ прихода рыбы, ни о положеніи рынка. Норвежцы давно уже имѣютъ прекрасно устроенное сообщеніе съ рынками и мѣстами лова рыбы. Немудрено поэтому, что до сихъ поръ пользующіеся этими громадными преимуществами норвежцы жестоко побивали насъ даже на нашемъ внутреннемъ рынкѣ [3]), не говоря уже о внѣшнемъ, куда они насъ совсѣмъ не пускали. Измѣнится положеніе дѣлъ въ лучшую для насъ сторону, очевидно, только съ повышеніемъ техники промысла. Ростъ экономическаго значенія нашего сѣвера — главнаго потребителя продуктовъ

---

[1]) «Въ концѣ концовъ, грустить г. Манопковъ, какъ это ни обидно для нашего національнаго самолюбія, значительнѣйшая часть (иногда $^3/_4$) ввозимой въ Архангельскій портъ и Петербургъ рыбы не мурманскаго происхожденія, а норвежскаго». (id. ст. 142).

[2]) «Нашъ сѣверный флотъ не имѣетъ кредита на западѣ и ни одна страховая контора не рѣшается брать на страхъ поморскія суда». (Н. Максимовъ. «Рус. М.», 93 г.. 3 кн.).

«Допотопныя шняки» и «десятиверстные яруса» г. Таратинъ считаетъ «двумя главнѣйшими тормозами развитія мурманскихъ промысловъ» («Вѣс. Рыб.» 1894 г. № 5). Такъ-же смотрятъ въ данномъ случаѣ г. Книповичъ и др. Но мы можемъ утѣшиться, такъ какъ, если вѣрить одному несомнѣнному «патріоту своего отечества».— «Въ самомъ способѣ производства промысловъ видна широкая натура и смѣлость замысла» («Рус. Сѣв.» 44 ст.) — качества, которыми мы давно кичимся передъ «нѣмцами».

[3]) «Рус. Мыс.», 1893 г., кн. 3.

мурманскихъ промысловъ, усиливающая съ года на годъ конкурренція норвежцевъ и наличность ищущихъ производительнаго помѣщенія капиталовъ въ Россіи,—вотъ тѣ условія, которымъ суждено оказать могущественное вліяніе на технику мурманскихъ промысловъ. Кому принадлежитъ миссія реорганизаціи мурманскаго рыболовства на началахъ удовлетворяющихъ требованіямъ усовершенствованной техники — представителю-ли крупнаго, средняго или мелкаго капитала или же миѳическимъ «подлиннымъ артелямъ», на это достаточно ясно отвѣчаютъ какъ вышеприведенныя данныя о современномъ положеніи промысла, такъ и нѣкоторыя соображенія общаго характера.

По вышеприведеннымъ даннымъ, около 4/5 всѣхъ промышляющихъ на Мурманѣ судовъ принадлежатъ крупнымъ и среднимъ капиталистамъ, организующимъ промыселъ на началахъ покрута — формы организаціи по существу капиталистической, но отсталой и связанной исторически съ извѣстнымъ невысокимъ состояніемъ техники. Повышеніе же ея какъ разъ и является задачей, отъ разрѣшенія которой зависитъ самое существованіе мурманскихъ промысловъ. Несомнѣнно, что покрутъ, какъ организація исторически отживающая, не въ силахъ разрѣшить задачу болѣе поздняго времени; для этого нужны средства, которыми располагаетъ только крупно-капиталистическая организація производства, не укладывающаяся въ рамки предшествовавшихъ, хотя по существу и родственныхъ ей формъ производства, въ родѣ хотя бы того же покрута, Вотъ эта-то «родственность» покрута и крупно-капиталистической формы производства и даетъ возможность покруту, постепенно реорганизовавшись, то-есть принявъ крупно-капиталистическую форму производства, взяться затѣмъ за организацію промысла на началахъ, удовлетворяющихъ требованіямъ высокой техники. О томъ, что въ настоящее время внутри покрута происходятъ измѣненія именно въ этомъ направленіи, имѣются, кромѣ уже приведенныхъ данныхъ, вполнѣ убѣдительныя свидѣтельства нѣкоторыхъ изслѣдователей Мурмана. По словамъ г. Книповича: «покрутъ въ его современной формѣ становится тяжелъ, невыносимъ не только для рабочаго, но въ большинствѣ случаевъ и для хозяина, и обѣ стороны стремятся освободиться отъ этой отживающей формы экономической организаціи» [1]). «Рабочіе почти лишены надежды выбиться изъ зависимаго положенія (надежда эта возникаетъ на почвѣ патріархальности отношеній между хозяиномъ и покрученниками и имѣетъ за собой нѣкоторый историческій прецедентъ), и на этой почвѣ развиваются тяжелыя картины апатіи, лѣни, недобросовѣстнаго отношенія къ принятымъ на себя обязанностямъ и т. п. [2]). Хозяева же, часто оперирующіе всецѣло на занятый у архангельскихъ торговцевъ капиталъ и связанные по рукамъ и ногамъ выданными ими же покрученникамъ, денежными задатками въ нерѣдкихъ за послѣднее время случаяхъ «самовольнаго»

[1]) «Рыб. и звѣр. пром.» ст. 23.

[2]) id. ст. 64.

ухода послѣднихъ разоряются въ конецъ и переходятъ въ разрядъ тѣхъ же самовольничающихъ покрученниковъ. Только тѣ изъ «хозяевъ», капиталъ которыхъ достаточенъ для перехода отъ покрута къ современному найму рабочихъ за опредѣленную денежную плату, достаточно сильны, чтобы выйти побѣдителями изъ этого столкновенія отживающей формы производства промысла съ современными требованіями улучшающейся техники его. Тотъ же Книповичъ говоритъ, что на судахъ нѣкоторыхъ крупныхъ рыбопромышленниковъ, вчерашнихъ «хозяевъ» покрута, имѣются только рабочіе на жалованьи. Слѣдовательно, въ подобныхъ случаяхъ покрутъ окончательно уступаетъ мѣсто возникающей *изъ него же* крупно-капиталистической формѣ организаціи промысла, которая только одна въ состояніи разрѣшить ту задачу, которую оставляетъ ей въ наслѣдіе погибающій покрутъ, задачу повышенія техники промысла по крайней мѣрѣ до уровня, на которомъ она стоитъ у нашихъ счастливыхъ конкуррентовъ—норвежцевъ.

Въ Норвегіи рыбные промыслы въ настоящее время организованы на крупно-капиталистическихъ началахъ, и въ формахъ, подобныхъ покруту, Норвегія уже давно разсталась. «Въ Норвегіи», говоритъ Н. Максимовъ, есть промышленники и купцы-скупщики рыбы, а «хозяевъ» нѣтъ» [1]). Вотъ описаніе одного изъ норвежскихъ становищъ, Вардэ, сдѣланное тѣмъ-же Н. В. Максимовымъ. «Становище это обставлено всѣми аттрибутами культуры: я видѣлъ маленькую, но прекрасную гавань, переполненную рыбопромышленными ёлами, плавающими подъ косыми парусами, способными къ лавировкѣ и къ выдержкѣ штормовъ. Гавань защищена каменной стѣнкой и обставлена бочками на мертвыхъ якоряхъ, рымами на берегу, маячными огнями. Городъ соединенъ телеграфомъ съ городами всего свѣта. Купцы провели телефоны. Граждане открыли школы, завели общественныя собранія. Купцы устроили паровыя саловарки. Скупщики прислали въ Вардэ паровыя и парусныя суда въ такомъ количествѣ, что въ гавани не было гдѣ яблоку упасть» [2]). И все это сдѣлалъ капиталъ и капиталъ крупный, которому только одному нужны и подъ силу всѣ эти телеграфы, телефоны, паровыя саловарки; при такой обстановкѣ мелкій капиталъ ютится гдѣ нибудь на задворкахъ, внѣ сферы вліянія крупнаго капитала; для него все это знаменуетъ приближеніе смерти, отъ которой не спасутъ его никакія «самыя подлинныя артели», открытыя и взятыя подъ свою просвѣщенную опеку г. Маноцковымъ.

---

[1]) «Рус. М.», 1893 г., кн. 3.

[2]) Id. ст. 26. Поскольку г. Н. В. Максимовъ ограничивается сообщеніемъ своихъ наблюденій его описаніе Мурмана представляетъ значительную цѣнность, но разъ онъ вдается въ освѣщеніе констатируемыхъ имъ фактовъ — въ немъ сказывается крайне плохой и недалекій теоретикъ. Такъ описаніе норвежскихъ промысловъ онъ заканчиваетъ такимъ поражающимъ своей наивностью заключеніемъ: «Тамъ нѣтъ хозяевъ, покрута и покрученниковъ. Богатые люди помогаютъ бѣднякамъ и не безкорыстно, а съ выгодою для себя-же».

Функціи различныхъ видовъ капитала въ Норвегіи болѣе разъединены, чѣмъ у насъ, и торговый капиталъ не имѣетъ того главенствующаго значенія, которое обычно для него на болѣе низкихъ ступеняхъ экономическаго развитія общества. У насъ въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ иначе. Торговый и ростовщическій капиталы до самаго послѣдняго времени полновластно царили надъ мурманскимъ рыболовствомъ. Мурманскій житель г. Таратинъ говоритъ: «архангельскіе торговцы играютъ громаднѣйшую роль въ торговыхъ оборотахъ помора. Товаръ выдается имъ за жидовскіе проценты подъ векселя. Когда-же настаетъ время уплаты за товаръ рыбой, торговцы не даютъ помору пикнуть» [1]). Такая непосредственная зависимость среднихъ и мелкихъ промышленниковъ отъ торговаго капитала и придаетъ всему промыслу тотъ своеобразный характеръ, который только и возможенъ при низкомъ состояніи техники. Берущіе «жидовскіе проценты» архангельскіе торговцы ни мало не заинтересованы въ повышеніи техники промысла, который эксплоатируется ими не непосредственно, а на почвѣ кредитныхъ сдѣлокъ. Что такая ростовщическая эксплоатація промысла является болѣе выгодной для крупныхъ капитало-владѣльцевъ, чѣмъ непосредственная промысловая дѣятельность, видно изъ того, отмѣчаемаго всѣми изслѣдователями послѣдняго времени, факта, что «самые богатые просто скупаютъ рыбу и солятъ ее въ свои суда. Это богатые фактуристы изъ тѣхъ-же поморовъ, которые бросили дѣло съ покрученниками, какъ невыгодное, и собственныхъ промысловыхъ судовъ,—шнякъ не имѣютъ» (id.). «Крупные промышленники,—констатируетъ тотъ-же фактъ г. Книповичъ,—не находятъ для себя выгоднымъ продолжать веденіе промысла по системѣ покрута и по большей части становятся скупщиками рыбы, предоставляя покрутъ менѣе мелкимъ, менѣе состоятельнымъ предпринимателямъ». Итакъ, на данной ступени развитія промысла торговыя операціи являются особенно выгодными для капиталовладѣльцевъ, и на нихъ-то нѣкоторые и специализируются, не оставляя, однако, и ростовщической эксплоатаціи непосредственно занимающихся промысломъ среднихъ и мелкихъ хозяевъ, и ссужаемыхъ ими всѣмъ необходимымъ для веденія дѣла и находящихся въ неменьшей фактической зависимости отъ нихъ, чѣмъ покрученники отъ хозяевъ. Но настаетъ моментъ въ развитіи промысла, вызванный необходимостью повышенія техники его, когда эти «хозяева»—представители средняго и мелкаго капитала—уже не въ силахъ выполнить выпадающей на ихъ долю задачи, возможной только для крупныхъ капиталистовъ, которые постепенно и завладѣваютъ уже самымъ производствомъ промысла, экспропріируя капиталы «менѣе состоятельныхъ предпринимателей» и низводя ихъ самихъ до положенія, въ лучшемъ случаѣ, прикащиковъ, мелкихъ довѣренныхъ и т. п. Начало такого процесса въ развитіи мурманскихъ промысловъ уже на-

[1]) В. Рыб., 1894 г.—№ 5.

ступило, но, въ общемъ, промыселъ находится въ томъ промежуточномъ состояніи, которое характеризуется совмѣстнымъ приложеніемъ торгово-ростовщическаго капитала, довольствующагося отсталой формой организаціи промысла на началахъ покрута, и капитала промышленнаго, несущаго съ собою гибель покрута и замѣну его высшей крупно-капиталистической организацiей.

Что-же это за «самостоятельные ловцы», значительное увеличеніе числа которыхъ, наблюдаемое за послѣднее время, такъ радуетъ гг. Книповича и Маноцкова? Не они-ли, — носители «народно-артельной формы» организаціи промысла, — спасутъ Мурманъ отъ яко-бы грозящей ему погибели? Какъ мы уже видѣли, большинство «самостоятельныхъ ловцовъ» организовано на началахъ мелкаго покрута и только этимъ мелкимъ размѣромъ покрута и разнится отъ тѣхъ, которые отнесены г. Книповичемъ къ первымъ двумъ категоріямъ судовладѣльцевъ. Ничтожное-же меньшинство этой третьей категоріи промышленниковъ — временно организуются въ мелкія артели (3 — 4 чел.). Рыбаки одиночки промышляютъ почти исключительно на карбасахъ, представляющихъ изъ себя, по словамъ Н. В. Максимова, «до такой степени жалкую коробку, что совѣстно и страшно становится за помора, выѣзжающаго на немъ. Видно, что карбасъ, сшитый веревкой изъ древесной коры, достался промышленнику за мѣдный грошъ» [1]). Нѣтъ, не этому жалкому владѣльцу «мѣднаго гроша» рѣшить судьбу Мурмана! Да и много-ли изъ этихъ немногихъ «самыхъ подлинныхъ артелей» не въ кабалѣ у торговцевъ или крупныхъ рыбопромышленниковъ. Полнѣйшая техническая и экономическая несостоятельность этой формы организаціи промысла заставляетъ предполагать, что такихъ «чистыхъ артелей» очень немного, а использованный нами матеріалъ и свидѣтельства нѣкоторыхъ лицъ вполнѣ подтверждаютъ это предположеніе. «Новый разрядъ промышленниковъ карбасниковъ,— говоритъ выше цитированный нами г. Таратинъ,—началъ развиваться только съ недавнихъ годовъ. Собственно свободныхъ изъ нихъ, ведущихъ дѣло самостоятельно, очень немного; обыкновенно же они и карбасъ и снасть завели въ домѣ у тѣхъ же богачей судовладѣльцевъ, у нихъ же зимой и лѣтомъ забираются, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ выручки отъ мурманскихъ промысловъ не хватаетъ на зимнее время, и стало быть и свой мурманскій уловъ они, такъ сказать, обязаны сдавать своему кредитору, что, конечно, выговаривается при заборѣ... Такимъ образомъ, всѣ промышленники-рабочіе находятся въ постоянной зависимости отъ хозяевъ» [2]). Эта экономическая зависимость «самыхъ подлинныхъ артелей» отъ владѣльцевъ крупнаго торговаго, ростовщическаго и промышленнаго капитала есть необходимое условіе самаго существо-

[1]) «Р. Мыс.» 93—4.

[2]) «Вѣст. Рыб. 1894 г. № 5.

ванія категоріи «самостоятельныхъ ловцовъ» [1]), и на отмѣчаемое за последнее время увеличеніе числа ихъ слѣдуетъ смотрѣть просто какъ на расширеніе сферы дѣятельности разныхъ видовъ крупнаго капитала, пока что предпочитающаго эксплоатацію производителя при системѣ домашней формы крупнаго производства [2]) другимъ болѣе «европейскимъ» формамъ.

Н. В. Максимовъ, самъ промышлявшій на Мурманѣ, заявляетъ, что «въ результатѣ развитія мурманскихъ промысловъ получилась полная капитуляція предъ кредитодателемъ. Прежніе артельные распорядки почти исчезли и уступили свое мѣсто капиталистическимъ, предпринимательскимъ. Появились и вполнѣ созрѣли уже рѣзко очерченные типы хозяина и рабочаго» [3]). Тотъ же авторъ, пытавшійся устроить карбасную [4]) артель среди поморовъ, пришелъ къ такому печальному для себя выводу: «подводя итоги дѣятельности за мѣсяцъ, я пришелъ къ заключенію, что карбасная артель не имѣетъ никакой будущности. Артельныхъ идеаловъ въ народѣ нѣтъ» [5]).

Но, можетъ быть, дѣло не проиграно окончательно, и «народно-артельная форма» еще восторжествуетъ? Вѣдь мы забыли одинъ «факторъ»—государственное вмѣшательство. На «бѣдственное положеніе» народно-артельной формы могутъ обратить свое просвѣщенное вниманіе «интеллигентные правители» (г. Гофштеттера), снизойти, одѣлить «самостоятельныхъ ловцовъ» деньгами и дѣло будетъ въ шляпѣ!.. На это, очевидно, и возлагаетъ надежды Н. В. Максимовъ, ставящій правительству такую простую задачу: «правительственное вмѣшательство,—говоритъ онъ,—«должно быть направлено къ тому, чтобы вырвать покрученниковъ изъ экономической зависимости и сдѣлать ихъ самостоятельными промышленниками» [6]). Коротко и ясно. И какъ это начальство до сихъ поръ допускаетъ такой безпорядокъ, какъ «экономическая зависимость покрученниковъ»? Уничтожить ее, да и только! Правда, что начальство въ 1886 году пыталось придти на помощь нуждающимся поморамъ, «разрѣшило безденежный отпускъ лѣса въ теченіе 15 лѣтъ и отпустило 30 тыс. руб. на

[1]) «Самостоятельность» въ данномъ случаѣ имѣетъ тотъ же сокровенный смыслъ, какой придавался ей въ народнической экономической литературѣ, когда говорилось о «самостоятельномъ» пахарѣ, «самостоятельномъ кустарѣ,—явленіяхъ одного экономическаго порядка съ «самостоятельными ловцами».

[2]) Понимаемой въ данномъ случаѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ, какъ системы, при которой экономически подчиненный капиталу производитель въ самомъ процессѣ производства находится внѣ непосредственнаго контроля капиталовладѣльца (сохраняетъ свою «самостоятельность»), ограничивающаго ролью взыскателя своихъ долговъ продуктами труда этого производителя или ролью единственнаго заказчика, служащаго производителя обыкновенно всѣмъ необходимымъ для веденія дѣла.

[3]) Р. М. 1893 г. 4 кн.

[4]) Надо замѣтить, что карбасъ былъ имъ значительно усовершенствованъ и былъ много лучше той «жалкой коробки», о которой онъ говорилъ выше.

[5]) id.

[6]) id 3 кн.

организацію самостоятельныхъ артелей» (Книп. с. 91). Но дѣло это не имѣло успѣха, и «артели, созданныя правилами 1886 г., быстро оказались въ долгу у кулаковъ и распались, а члены ихъ по большей части превратились въ покрученниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ силу особенно благопріятныхъ условій, превратились въ хозяевъ покрута, и правительственная ссуда, въ противоположность ея назначенію, помогла лишь созданію новаго мелкаго кулака» (id. с. 95), и ни къ чему иному эта помощь и привести не могла. По мнѣнію-же гг. Манοцкова, Книповича и другихъ, причина неудачи кроется въ нѣкоторыхъ частностяхъ «правилъ о выдачѣ ссудъ», устранить которыя при желаніи будто бы легко. Препираться съ г. Маноцковымъ и другими въ этомъ пунктѣ мы не намѣрены, а ограничимся краткимъ замѣчаніемъ, что замыслы измѣнить *сущность* соціально-экономическихъ отношеній посредствомъ кредитной операціи—одна изъ утопій, благополучно сданная въ архивъ «благихъ пожеланій» европейской экономической литературой позднѣйшаго времени.

«Именно теперь,—взываетъ онъ,—весьма важно подать руку помощи мелкому самостоятельному ловцу-артельщику, именно теперь надо помочь колонизаціи берега, именно теперь нужно правильно поставить техническую сторону дѣла, иначе въ ожиданіи солнца роса сдѣлаетъ свое дѣло. Пока на лицо имѣются только угрожающіе признаки, не оставляющіе мѣста оптимистрическимъ надеждамъ (страницей ранѣе у автора еще было «мѣсто оптимистическимъ надеждамъ», и онъ утверждалъ, что «побѣда явно склоняется на сторону народно-артельной формы»), и потому нужно, т. е. теперь-же, безотлагательно придти на помощь тѣмъ элементамъ, которые въ будущемъ непремѣнно должны составить здоровое ядро. Подробности необходимыхъ реформъ, полный планъ ихъ осуществленія должно выяснить будущее изслѣдованіе Мурмана,—въ настоящее-же время нужно спѣшить съ необходимѣйшими изъ нихъ, ибо, повторяемъ, роса («крупный капиталъ») выѣстъ очи («подлинныя артели») въ ожиданіи солнца («начальство») [1])».

Подайте-же руку помощи бѣдному «самостоятельному ловцу»! Не откажите, господа «интеллигентные правители», въ вашемъ просвѣщенномъ содѣйствіи «народно-артельной формѣ»!—Не оставьте....

Уже по окончаніи настоящаго очерка нами былъ полученъ только что вышедшій отчетъ г. Книповича по командировкѣ его для изслѣдованія бѣломорскихъ промысловъ въ 1895 г. [2]). Вводить данныя этого отчета въ текстъ очерка мы не считаемъ нужнымъ, такъ какъ, во-первыхъ, тѣ изъ нихъ, которыя не имѣются въ использованномъ нами первомъ изслѣдованіи г. Книповича, относятся только къ одному 1895 году, такъ что по нимъ мы не можемъ сдѣлать самаго цѣннаго вывода о томъ направленіи, въ какомъ развивается промыселъ за послѣдніе годы, и при

[1]) Очерки кр. сѣвера с. 191.

[2]) Н. М. Книповичъ. О рыбныхъ и морскихъ звѣрин. промыслахъ Архангел. губ. Спб. 1897 г.

томъ они негодны для сравненія съ данными перваго отчета, потому что составлены по другой системѣ; во вторыхъ, эти данныя не только не колеблютъ сдѣланныхъ нами выводовъ, но совпадая, въ общемъ, даже съ цифровыми итогами очерка, какъ нельзя сильнѣе подчеркиваютъ правильность даннаго нами освѣщенія фактической стороны современнаго положенія мурманскаго рыболовства. Такъ, во всемъ мурманскомъ промыслѣ участвовало въ 1895 году, кромѣ жителей Мурманско-Колонистской волости, г. Кеми и Сумскаго посада, около 3.000 человѣкъ, въ томъ числѣ— 1464 чел. (48,8%) покрученниковъ и зуевъ [1]) (послѣднихъ отдѣльно около 350 чел.—11,6%) + 523 (17%) «пайщиковъ» (самостоятельныхъ ловцовъ) + 689 чел. (23%) наемныхъ рабочихъ. То-есть, болѣе трети всѣхъ участвующихъ въ промыслѣ (689 наем. рабочихъ + 350 зуевъ = = 1.039 чел.—34%) получаютъ въ немъ опредѣленную денежную плату; также болѣе трети получаютъ неопредѣленную плату натурой изъ доли— тѣхъ и другихъ около 71%, остальные 29% составляются изъ 17% «пайщиковъ»—частью мелкихъ хозяевъ покрута, частью покрученниковъ, и изъ 12% хозяевъ покрута и крупныхъ капиталистовъ. Такъ что указанный нами выше фактъ появленія въ мурманскихъ промыслахъ, съ одной стороны, наемнаго рабочаго, лишеннаго орудій и средствъ производства, а съ другой—его антипода—владѣльца орудій и средствъ производства, по даннымъ 1895 года выступаетъ съ особенной рельефностью и придаетъ развитію промысла отмѣченный нами характеръ. И г. Книповичъ не обходитъ этого явленія молчаніемъ онъ заявляетъ, что «рядомъ съ покрученниками и пайщиками въ промыслѣ участвуетъ третья категорія ловцевъ—наемные рабочіе, служащіе за жалованіе» (стр. 2). Съ «самостоятельными ловцами», для удобства должно быть, теперь переименованными въ «пайщиковъ», г. Книповичъ по прежнему продолжаетъ носиться, но это не мѣшаетъ ему, однако, замѣтить, что «самостоятельность артелей пайщиковъ по большей части очень и очень условная» (стр. 2), — условная въ двоякомъ отношеніи, добавимъ мы,—съ одной стороны часть пайщиковъ ихъ—покрученники—лишены этой «самостоятельности», а съ другой—другая часть ихъ—мелкіе хозяева покрута—лишаютъ ея наемныхъ рабочихъ... Да, у «самостоятельныхъ ловцовъ» не мало, оказывается, наемныхъ рабочихъ: напр., изъ Шуерѣцкой и Сороцкой волостей Кемскаго уѣзда работало на мурманскихъ промыслахъ 261 человѣкъ наемныхъ рабочихъ и изъ нихъ 154 человѣка (59%) рабочихъ работали на судахъ «самостоятельныхъ ловцовъ».

А. Скляренко.

---

[1]) Зуй—мальчикъ 7—13 лѣтъ. По словамъ автора книги «Нашъ Сѣверъ» г. Nemo «эти дѣти берутся на Мурманъ промышленниками для одной изъ тяжелѣйшихъ работъ. Ихъ занятіе состоитъ въ насаживаніи на удочку яруса соленой и замороженной наживки; десятки, сотни, тысячи крючковъ уснащиваютъ дѣтскія руки, красныя, больныя, обвѣтренныя, вспухшія отъ холода и соленой морской воды! Трудится такъ ребенокъ до поздняго вечера и возвращается въ свою лачугу для того, чтобы, съѣвши краюху хлѣба, схорониться подъ своею «рванью»—благо, если не побитый». Плата этимъ мальчуганамъ денежная.

Нѣсколько словъ о борьбѣ съ проказой.

Въ послѣднее время не мало было говорено о проказѣ вообще и въ Россіи въ особенности. И дѣйствительно, есть о чемъ писать, о чемъ заботиться: безпрестанно мы встрѣчаемъ въ газетахъ сообщенія о нахожденіи прокаженныхъ больныхъ въ губерніяхъ, гдѣ прежде и рѣчи о нихъ не было.

Прежде большинство врачей отрицало заразительность проказы, допуская только наслѣдственную передачу ея и приписывая проявленіе ея мѣстнымъ условіямъ, почвѣ, рыбной пищѣ и т. п. Но число подобныхъ невѣрующихъ все болѣе уменьшается: большинство дерматологовъ уже прямо высказываются за заразительность проказы. Въ томъ-же смыслѣ высказалось и большинство врачей на прошлогоднемъ съѣздѣ въ Берлинѣ, собравшемся для выработки мѣръ борьбы съ проказой: бацилла, открытая Амауеромъ, Гансеномъ и Нейссеромъ, признана была возбудительницей болѣзни, а сама проказа отнесена къ числу болѣзней несомнѣнно заразительныхъ. Даже врачи не вполнѣ убѣжденные въ заразительности болѣзни (какъ, напр., профессоръ Тарновскій на послѣднемъ врачебномъ съѣздѣ въ Кіевѣ) считаютъ изоляцію больныхъ и устройство лепрозорій, ради предосторожности, крайне желательными. Итакъ, слѣдуетъ серьезно подумать о борьбѣ съ проказой, нужны энергичныя мѣры (преимущественно законодательныя, требуется самое серьезное изученіе болѣзни со стороны врачей и ученыхъ.

Къ сожалѣнію, всѣ попытки излѣченія проказы до сихъ поръ не имѣли успѣха, и болѣзнь должна считаться неизлѣчимою. Не слѣдуетъ, конечно, терять надежды: можетъ быть, со временемъ и удастся найти цѣлебную противопроказную сывоортку, но до сихъ поръ всѣ попытки добыть ее были недостаточно научно обоснованы, а потому и добытые результаты совсѣмъ не соотвѣтствовали высказаннымъ ожиданіямъ.

Проказа представляетъ собою своеобразную болѣзнь, поражающую весь организмъ и выражающуюся характеристическими накожными сыпями и пятнами съ измѣненіемъ чувствительности; явленія эти обуслов-

ливаются зараженіемъ бациллой. Проказа проявляется въ двухъ формахъ: бугристой и пятнистой. Бугристая форма проявляется въ видѣ бугровъ и подкожныхъ инфильтратовъ на общихъ покровахъ всего тѣла; сначала они не изъязвлены и не очень обширны, а потомъ разростаются и изъ красноватыхъ дѣлаются коричневато-красными, подчасъ съ сѣроватымъ оттѣнкомъ. Большею частью бугры впослѣдствіи изъязвляются; язвы заживаютъ медленно и оставляютъ послѣ себя рубцы. Кромѣ общихъ покрововъ тѣла проказа поражаетъ нерѣдко и ротовую полость и носоглоточное пространство. Всѣ эти явленія сопровождаются приступами лихорадки и ревматическими болями, которыя обусловливаются, вѣроятно токсиномъ,—продуктомъ проказныхъ бациллъ.

Пятнистая форма проказы характеризуется появленіемъ на общихъ покровахъ всего тѣла сначала красныхъ или красновато-бурыхъ, а подъ конецъ совершенно бѣлыхъ пятенъ, причемъ на самихъ пятнахъ, а равно и на другихъ частяхъ тѣла чувствительность оказывается измѣненной: сначала она большею частью повышена, а впослѣдствіи понижается или совсѣмъ утрачивается. Существуютъ также формы смѣшанныя, представляющія собою соединеніе того другого типа.

Сдѣланное нами краткое описаніе болѣзни даетъ, конечно, о ней только самое поверхностное представленіе, тѣмъ болѣе, что проказа болѣзнь крайне многоформная, поражаетъ почти всѣ органы, начиная съ глазъ (приводя нерѣдко къ полной слѣпотѣ), и кончая разрушеніемъ конечностей и носового хряща, сопровождающимся проваломъ носа. Затрагиваются также умственныя способности, и душевныя болѣзни приписываются въ такихъ случаяхъ также вліянію лепрознаго яда. Длится болѣзнь иногда до двадцати лѣтъ, но очень часто больные погибаютъ отъ случайно пріобрѣтенныхъ болѣзней, легочной чахотки, воспаленія легкихъ и т. д., тѣмъ болѣе, что организмъ больныхъ уже истощенъ лихорадкой и другими болѣзненными явленіями. Можно сказать съ полнымъ основаніемъ, что это самый счастливый исходъ; несчастные больные, лишенные пальцевъ рукъ и ногъ, а нерѣдко и самыхъ конечностей, влачатъ жалкое существованіе, будучи въ тягость себѣ и другимъ. Я ужъ не говорю о нравственномъ состояніи больныхъ, объ ихъ озлобленіи и недовольствѣ всѣмъ окружающимъ.

Гдѣ впервые проявилась проказа, опредѣлить едва-ли возможно;— говорятъ, что она зародилась въ Египтѣ, но почти съ такимъ-же правомъ можно считать за родину ея Китай или Индію. Предполагаютъ, что болѣзнь изъ Египта перешла въ Грецію, оттуда войсками Помпея занесена была въ Италію и мало-по-малу разошлась изъ Рима и его провинцій по всей Европѣ. Какъ велико было число больныхъ, видно изъ того, что въ 13-мъ столѣтіи число лепрозорій достигло громадной цифры 19,000 (въ одной Франціи 2,200); были пріюты для дворянъ и простого народа, существовалъ орденъ прокаженныхъ, магистръ котораго долженъ былъ быть прокаженнымъ. Такъ продолжалось до 15-го столѣтія, когда болѣзнь начала

ослабѣвать; совпало это, страннымъ образомъ, съ быстрымъ и внезапнымъ проникновеніемъ въ Европу новаго страшнаго бича—сифилиса, происхожденіе котораго столь-же загадочно, какъ и происхожденіе проказы. Въ 16-мъ столѣтіи число лепрозныхъ уже сильно уменьшилось, и съ тѣхъ поръ болѣзнь, очевидно, продолжала идти на убыль. Почему проказа въ нынѣшнемъ столѣтіи проявилась съ новой силой, сказать трудно; скорѣе всего отъ того, что врачи и общество стали пренебрегать болѣзнью, разучились распознавать ее, и она вновь окрѣпла и развивалась постепенно, пока не образовались въ нѣкоторыхъ странахъ новыя, внушительныхъ размѣровъ, очаги проказы.

Исторія проказы въ Россіи ждетъ еще своего лѣтописца. Въ настоящее время мы встрѣчаемъ прокаженныхъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, въ Финляндіи, въ Астрахани, Области Войска Донского, въ Бессарабіи, въ Терской и Кубанской областяхъ, на Кавказѣ, въ Среднеазіатскихъ владѣніяхъ Россіи и, наконецъ, въ Якутской области, гдѣ проявила энергичную дѣятельность извѣстная Кэтъ Мерсденъ. Кромѣ того, благодаря установленной медицинскимъ департаментомъ обязательной записи больныхъ по установленной формѣ, стали извѣстны еще многочисленные спорадическіе случаи проказы во всевозможныхъ губерніяхъ, случаи, могущіе сдѣлаться, при недостаточной изоляціи, новыми разсадниками болѣзни. Къ сожалѣнію, точно опредѣлить число прокаженныхъ въ Россіи трудно, такъ какъ свѣдѣнія, несмотря на всѣ предписанія и требованія, доставляются врачами и врачебными учрежденіями какъ-то неправильно и неравномѣрно. По мнѣнію вполнѣ компетентнаго спеціалиста, общее число прокаженныхъ въ Россіи не менѣе 5,000.

Перейдемъ теперь къ организаціи борьбы съ проказой у насъ въ Россіи. Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ для борьбы съ проказой сдѣлано очень много, и не мѣшало-бы намъ у нихъ поучиться. Тамъ существуютъ три общества и одно филіальное отдѣленіе, а именно: 1) общество для борьбы съ проказой въ Лифляндіи и Эстляндіи съ четырьмя лепрозоріями на 240 кроватей; скоро откроется пятая лепрозорія на 80 кроватей. 2) Общество для борьбы съ проказой въ Курляндіи, въ городѣ Тальзенѣ съ двумя лепрозоріями на 36 кроватей; 3) общество также въ Курляндіи съ центромъ въ городѣ Баускѣ съ лепрозоріей на 14 кроватей, и 4) общество въ Эрваленѣ Курляндской губерніи съ лепрозоріей на 32 кровати. Городъ Рига также открылъ лепрозорію на 80 кроватей. Всѣ эти пріюты содержатся хорошо, но, къ сожалѣнію, расходы по содержанію такъ значительны, что, несмотря на безпрестанныя крупныя пожертвованія со стороны мѣстныхъ обществъ, помѣщиковъ и городскихъ управленій, дальнѣйшее существованіе этихъ пріютовъ, положительно необходимыхъ для огражденія мѣстнаго населенія отъ заразы, далеко не обезпечено. Ощущается все болѣе настоятельная потребность въ правительственной субсидіи. Также мало обезпечено въ финансовомъ отношеніи общество для борьбы съ проказой въ Петербургской губерніи

(лепрозорія на 30 кроватей) въ Ямбургскомъ уѣздѣ, въ 30 верстахъ отъ ст. Молосковицы, Балтійской ж. д. Въ № 7793 «Новаго Времени» (6-го ноября 1897) появилась замѣтка, гласившая, что дѣло призрѣнія прокаженныхъ вполнѣ упрочено. Врядъ-ли это такъ. Дѣйствительно поступило за четыре года около восьмидесяти тысячъ рублей, но сколько изъ этихъ денегъ, послѣ возведенія построекъ въ колоніи и пріобрѣтенія инвентаря, теперь на лицо? Кажется, около 25,000. Между тѣмъ, членскихъ взносовъ поступаетъ немного, плата за содержаніе больныхъ мала и не окупаетъ стоимости ихъ содержанія, а между тѣмъ ежегодный расходъ по колоніи превышаетъ 10.000 рублей. На долго-ли хватитъ капитала, и не слѣдуетъ-ли и тутъ подумать о передачѣ дѣлъ общества въ болѣе надежныя въ финансовомъ отношеніи руки? Говорятъ, что Красный Крестъ пожелалъ взять на себя завѣдываніе колоніей общества, но получилъ отказъ. Очень это прискорбно! Красный крестъ имѣетъ, во всякомъ случаѣ, значительный капиталъ для обезпеченія дѣла; для него установленъ денежный кружечный сборъ по всей Россіи, и если дѣло призрѣнія прокаженныхъ будетъ въ его рукахъ, то и пожертвованія на этотъ предметъ не замедлятъ поступить въ избыткѣ. Кромѣ финансоваго обезпеченія, Красный Крестъ имѣетъ еще и то громадное преимущество, что располагаетъ хорошо обученнымъ больничнымъ персоналомъ, а это дѣло громадной важности для лепрозоріи: встрѣчаются сплошь да рядомъ совершенно безпомощные больные, требующіе весьма тщательнаго и притомъ постояннаго ухода, а гдѣ взять частнымъ обществамъ постоянныхъ и хорошихъ сидѣлокъ, хотя-бы и за весьма значительную плату? Мы не можемъ поэтому согласиться съ г. Геллатомъ (№ 7808 отъ 21 ноября «Новаго Времени») возражающимъ г. Бозяновскому, который стоитъ за передачу дѣла борьбы съ проказой въ руки краснаго креста, хотя и не сомнѣваемся, что можетъ возникнуть еще нѣсколько обществъ для борьбы съ проказой въ Россіи, что поступятъ щедрыя пожертвованія, но къ сожалѣнію, у насъ обыкновенно этимъ дѣло и кончается. Члены разныхъ обществъ, уплачивая ежегодный взносъ, считаютъ свои обязанности исполненными, а о живомъ, личномъ участіи въ дѣлѣ и рѣчи обыкновенно не бываетъ. Получаютъ они годовые отчеты, выслушиваютъ хвалебныя рѣчи членовъ совѣта правленія, если только, конечно, присутствуютъ на общихъ собраніяхъ Но какъ часто общія собранія не могутъ состояться за недостаткомъ необходимаго числа членовъ, какъ часто члены совѣта правленія вовсе не посѣщаютъ засѣданій, о положеніи дѣлъ ничего не знаютъ и въ нихъ ничего не смыслятъ?

Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣло борьбы съ проказой пойдетъ всего успѣшнѣе только въ рукахъ такого обезпеченнаго и хорошо организованнаго учрежденіи, какъ красный крестъ. Но обезпеченіемъ средствъ и открытіемъ лепрозорій дѣло борьбы съ проказой еще далеко не исчерпывается. Вѣдь самое главное, что требуется, это изоляція больныхъ; но исполнима-ли она при существующемъ законодательствѣ и насколько дости-

гается въ нашихъ лепрозоріяхъ? Закона, предписывающаго изоляцію прокаженныхъ, не существуетъ; все должно ограничиваться полицейскими мѣропріятіями: если больной бѣжитъ изъ пріюта, полиція получаетъ объ этомъ увѣдомленіе и распоряжается водвореніемъ его обратно; но и это возможно только благодаря невѣжеству большинства больныхъ: дойди дѣло до суда, и больной, не желающій оставаться въ лепрозоріи, будетъ правъ. Говорить о добровольномъ согласіи больныхъ на прожитіе въ лепрозоріи едва-ли возможно; въ большинствѣ случаевъ больные посылаются туда издали, не знаютъ въ точности жизни, ихъ ожидающей, часто желаютъ возвратиться на родину, но за неимѣніемъ средствъ не могутъ выполнить своего намѣренія. Отсюда озлобленность больныхъ, недовольство своимъ положеніемъ — явленія, крайне нежелательныя въ пріютѣ. Въ ожиданіи изданія закона, предписывающаго водвореніе больныхъ въ пріютахъ, приходится ограничиваться палліативными мѣрами. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ всѣ лепрозоріи окружены заборомъ; стало быть, побѣги не такъ легки, но больныхъ, иногда съ провожатыми, а иногда и однихъ, отпускаютъ, съ разрѣшенія завѣдующаго лепрозоріей, въ городъ или къ роднымъ.

Неоднократно раздавались по этому поводу въ печати нареканія на управленіе лепрозоріями. Отпускали больныхъ изъ колоній и пріютовъ, основываясь на томъ, что неизъязвленная бугристая, а также пятнистая и анэстетическая форма проказы не заразительны; врядъ-ли положеніе это въ настоящее время можетъ считаться неоспоримымъ. Многіе изслѣдователи не находили специфическихъ проказныхъ бациллъ на поверхности пятенъ и неизъязвленныхъ бугровъ прокаженныхъ больныхъ (напр. докторъ Рейснеръ, въ рижскомъ пріютѣ). Есть, впрочемъ, и другіе врачи, напримѣръ, итальянскіе, которые утверждаютъ противное. Весьма важно въ этомъ отношеніи заявленіе доктора Безнье (Besnier), который находилъ бациллъ проказы въ носовой слизи больныхъ уже въ то время, когда на другихъ частяхъ тѣла проявленія болѣзни были ничтожны, а объ язвахъ и рѣчи не было. Очевидно, что слѣдуетъ заботиться объ изоляціи рѣшительно всѣхъ больныхъ проказой, конечно, насколько это возможно, преимущественно-же объ изоляціи наиболѣе заразительныхъ больныхъ съ изъявленными буграми и пятнами. Въ Балтійскихъ губерніяхъ лепрозоріи не только окружены заборами, но тамъ имѣется достаточное число прислуги для надзора за больными, а также есть ночные сторожа. Въ колоніи общества С.-Петербургской губ. дѣло обстоитъ не такъ; забора или хотя-бы ограждающаго рва не существуетъ, большая дорога пролегаетъ по самой землѣ колоніи (земля эта, въ количествѣ 280 десятинъ, предоставлена въ пользованіе обществу департаментомъ удѣловъ) въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ея жилыхъ построекъ, такъ что больные безпрепятственно могутъ сообщаться съ проѣзжающими, а также съ жителями окрестныхъ деревень, ближайшая изъ которыхъ всего въ разстояніи одной версты отъ колоніи. Нерѣдко случалось, что живущіе

въ полной праздности больные являлись въ деревни за пивомъ, водкой и другими покупками.

Ночныхъ сторожей нѣтъ, да и прислуги недостаточно, вслѣдствіе чего побѣги больныхъ весьма незатруднительны. Но въ колоніи С.-Петербургскаго общества есть еще и другіе недочеты: не позаботились о раздѣленіи половъ; мужчины и женщины живутъ въ одномъ зданіи и свободно между собой сообщаются. Можно себѣ представить, что дѣлается въ пріютѣ; одинъ больной уже женился на прокаженной-же, и имъ отведенъ особый домикъ, но что-же дальше? Дѣторождаемость у прокаженныхъ, дѣйствительно, уменьшена, но если все-же пойдутъ дѣти, то какъ съ ними быть? Можетъ быть, общество желаетъ убѣдиться на опытѣ, возможна-ли наслѣдственная передача проказы? Да, наконецъ, не всегда возможно съиграть свадьбу: между больными много женатыхъ и замужнихъ. Но самое ужасное то, что живутъ тутъ и малолѣтніе (три мальчика отъ 10—16 лѣтъ), на глазахъ которыхъ все это происходитъ. Между тѣмъ, родители ихъ, довѣрившіе своихъ дѣтей обществу, и не подозрѣваютъ, что они научаются въ колоніи разврату. Еще одинъ фактъ: въ общей палатѣ, вмѣстѣ съ прокаженными, живетъ и несчастная, страшно обезображенная сифилитичка, незаразительная для другихъ, но, благодаря обнаженнымъ слизистымъ оболочкамъ, весьма доступная заразѣ. Какъ она сюда попала? Не желаетъ-ли общество или врачебные его руководители изучить комбинацію сифилиса съ проказой?

При открытіи лепрозоріи весьма существенымъ является вопросъ о прислугѣ. Я уже указывалъ на то, какъ трудно найти подходящій персоналъ; весьма важно также принятіе мѣръ для обезпеченія его отъ опасности зараженія страшной болѣзнью. До сихъ поръ о зараженіи служебнаго персонала въ пріютахъ и колоніяхъ мало было слышно, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что скрытый періодъ болѣзни можетъ продолжаться, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, до десяти лѣтъ. Требуется также весьма тщательное обеззараживаніе больничнаго бѣлья, мокроты и изверженій больныхъ; повсюду должна соблюдаться величайшая чистота; безъ нужды не слѣдуетъ сообщаться съ больными не только прислугѣ, но и посторонннимъ посѣтителямъ. Къ сожалѣнію, въ колоніи эти условія далеко не выполнены: больные свободно входятъ въ помѣщенія здоровой прислуги и постоянно приходятъ въ соприкосновеніе съ пріѣзжающими по дѣламъ въ колонію крестьянами, часто не отдающими себѣ отчета въ возможности зараженія проказой.

Весьма важенъ также вопросъ объ исполненіи сельскихъ работъ въ колоніи. Какъ уже сказано, колонія имѣетъ въ своемъ распоряженіи участокъ земли и основана была съ цѣлью дать больнымъ, изъ которыхъ многіе вполнѣ способны къ работѣ, возможность вести правильную дѣятельную жизнь на чистомъ воздухѣ. Между тѣмъ при поступленіи больныхъ въ колонію имъ не ставится условіемъ обязательная работа, вслѣдствіе чего больные считаютъ себя въ правѣ отказываться отъ всякаго

труда и даже враждебно относятся къ тѣмъ изъ товарищей, которые соглашаются работать. Результатомъ этого является, во-первыхъ, увеличеніе расходовъ по колоніи, и, что самое главное, полная праздность больныхъ влечетъ за собой угнетенное состояніе духа, озлобленіе, страсть къ пересудамъ и ссорамъ. Въ этомъ случаѣ желательно было-бы даже давать больнымъ небольшое вознагражденіе за работу, лишь-бы искоренить пагубную праздность и заставить ихъ вести болѣе правильный образъ жизни.

Лепрозоріи должны выполнять, кромѣ изоляціи больныхъ и созданія для нихъ снюснаго существованія, еще другую весьма важную задачу, это—основательное изученіе болѣзни, а современемъ, можетъ быть, и лѣченіе ея. Въ этомъ отношеніи Рижская лепрозорія обставлена прекрасно: тамъ существуетъ прекрасная бактеріологическая лабораторія, секціонныя и операціонныя комнаты, микроскопъ, библіотека и пр. Къ сожалѣнію, все это стоитъ весьма дорого и не всѣмъ лепрозоріямъ доступно. Кромѣ того, нуженъ вполнѣ подготовленный врачъ, всецѣло посвятившій себя научнымъ занятіямъ и наблюденію больныхъ, не вынужденный входить въ мелочныя заботы о хозяйствѣ пріюта.

Врачъ **Ю. Людевичъ.**

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ.—Положеніе 1886 г.—Проектъ г. Кривскаго.—Оцѣнка его въ экстренной сессіи сельско-хозяйственнаго совѣта.—Отзывы «Гражданина» и «Московскихъ Вѣдомостей».—Охранительная логика.—Дворянскій вопросъ.—Мнѣнія г. Иванюшенкова.—„Народники“. — Свѣдѣнія о состояніи посѣвовъ.

Въ то время, какъ развитіе капиталистической промышленности выдвигаетъ все болѣе и болѣе вопросъ, объ улучшеніи быта рабочихъ и объ охранѣ ихъ соціальныхъ интересовъ, сельское хозяйство, какъ у насъ, такъ и на Западѣ, знаетъ лишь вопросъ объ организаціи земледѣльческаго труда о созданіи специфическаго рабочаго класса, необходимаго для обработки частно-владѣльческихъ земель, о сообразованіи условій этого труда съ техническими и экономическими требованіями землевладѣльца. Что-же служитъ причиной подобнаго различія? Конечно, не то, что положеніе сельско-хозяйственнаго рабочаго лучше; будь это такъ, въ деревню направился-бы усиленный потокъ людей (какъ это и было, напр., до недавняго времени въ С. Америкѣ, гдѣ земледѣльческіе рабочіе комплектовались изъ числа наиболѣе сильныхъ и пригодныхъ къ дѣлу людей), и въ этомъ случаѣ вопросъ о рабочихъ разрѣшился-бы самъ собой. Наоборотъ, самое существованіе вопроса о рабочихъ указываетъ, какъ будто, на то, что положеніе сельско-хозяйственныхъ рабочихъ даже хуже положенія рабочихъ промышленныхъ. Но въ такомъ случаѣ чѣмъ-же объяснить, въ свою очередь, то, что тогда какъ промышленные предприниматели заботятся лишь о сохраненіи statu quo и противятся всякимъ попыткамъ къ урегулированію ихъ отношеній къ рабочимъ, землевладѣльцы сами сочиняютъ всевозможные проекты регламентаціи земледѣльческаго труда и настаиваютъ всѣми силами на ихъ осуществленіи?

Было время, когда промышленность находилась въ такомъ-же положеніи. Это было въ періодъ ея младенчества. Стоитъ вспомнить хотя-бы драконовскіе законы Эдуарда III объ уклоняющихся отъ работы или мѣропріятія Петра I, направленныя къ насажденію промышленности, чтобы согласиться, что чаянія нашихъ аграріевъ никакимъ образомъ не могутъ претендовать на особенную новизну и оригинальность. Извѣстно, впро-

чемъ, что ничто не ново подъ луной... Ненужно никакой проницательности, чтобы понять, что и капиталисту, и землевладѣльцу одинаково нужны рабочія руки, и разъ этихъ «рукъ» нѣтъ, то ихъ нужно изобрѣсти. Мало того, онѣ должны помнить свою роль и довольствоваться ею, т.-е. вступивши въ соглашеніе съ нанимателемъ, рабочій долженъ выполнить все, чего отъ него ожидаютъ. Только при этомъ условіи и возможно благосостояніе землевладѣльца и правильное теченіе хозяйственной дѣятельности.

Если мы слышимъ постоянно ссылки на особыя требованія и условія сельскаго хозяйства, побуждающія землевладѣльца возлагать больше ожиданій на своихъ рабочихъ, то это не должно закрывать намъ глаза на истинное положеніе дѣла. Суть его заключается всетаки въ невозможности или затруднительности добыть надлежащее количество рабочихъ и поставить ихъ въ желательное отношеніе къ себѣ и своему хозяйству. Безспорно, техническія условія земледѣлія имѣютъ свое значеніе. Они-то и дѣлаютъ для землевладѣльца невозможнымъ поставить своихъ рабочихъ въ такія-же условія, въ какихъ находятся рабочіе фабричные. Въ земледѣліи употребляется сравнительно мало машинъ. Работа, по крайней мѣрѣ, въ наибольшей своей части, не имѣетъ попостояннаго характера. Количество необходимыхъ рабочихъ зависитъ отъ массы случайныхъ условій, вродѣ урожая, погоды. Все это уничтожаетъ всякую устойчивость въ отношеніи землевладѣльца къ рабочимъ.

Недостатокъ рабочихъ — это такое явленіе, устранить которое, не нарушая личной свободы, нельзя. Но зато очень многое можно сдѣлать для того, чтобы придать отношеніямъ землевладѣльца къ рабочимъ большую устойчивость. Этого, собственно, только и ожидаютъ землевладѣльцы отъ государства, на это только и разсчитаны серьезно ихъ проекты. Они хотятъ, чтобы государство простерло въ ихъ защиту свою властную руку, чтобы оно признало ихъ интересы своими и приняло бы всѣ мѣры, которымъ оно располагаетъ, для обезпеченія этихъ интересовъ. Государство—говорятъ они—заинтересовано въ правильномъ развитіи земледѣлія, оно можетъ придти на помощь землевладѣльцу въ его борьбѣ съ неблагопріятными условіями и должно сдѣлать это.

Можетъ быть, не будетъ лишнимъ напомнить, что вопросъ о сельскохозяйственныхъ рабочихъ у насъ возникъ вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ. Отмѣна принудительнаго труда, къ тому-же не связанная съ обезземеленіемъ крестьянъ, оказала разрушительное дѣйствіе на помѣщичье хозяйство. И вотъ уже съ 60-хъ годовъ начинаются попытки государственной регламентаціи земледѣльческаго труда. Въ 1863 г. появляются временныя правила для найма на сельскія работы, которыми была установлена отвѣтственность за невыполненіе принятыхъ на себя обязательствъ и введена такъ называемая «рабочая книжка». Но все это осталось мертвой буквой. Въ 70-хъ годахъ возникъ, было, проектъ общаго положенія о наймѣ рабочихъ, но онъ оказался слишкомъ ран-

нимъ растеніемъ для русской дѣйствительности и погибъ, не успѣвши расцвѣсть, вслѣдствіе затруднительности выработать общій законъ, «которымъ опредѣлялась-бы совокупность отношеній, существующихъ по столь разнообразнымъ видамъ личнаго найма». Проектъ этотъ, въ дѣйствительности, только задержалъ регламентацію земледѣльческаго труда и задержалъ на долгое время. Новымъ шагомъ въ этомъ направленіи явилось положеніе о наймѣ на сельско-хозяйственныя работы 1886 г., возникшее по инциціативѣ гр. Толстого. Положеніе это по своей полнотѣ и опредѣленности оставляетъ далеко за собой временныя правила. Мы встрѣчаемъ въ немъ вполнѣ сознательную и рѣшительную попытку искусственно привить отношеніямъ между нанимателемъ и сельскимъ рабочимъ желательную для землевладѣльца устойчивость и ненарушимость. Для этой цѣли положеніе стремилось съ особенной точностью установить отвѣтственность нанимателей и рабочихъ за неисполненіе договоровъ, не выходя все-таки изъ рамокъ дѣйствующей правовой системы и не создавая для нанимателя исключительныхъ способовъ реализаціи своихъ правъ. Пользованіе преимуществами, предоставляемымы землевладѣльцу положеніемъ, было обусловлено заключеніемъ письменнаго договора объ обязанностяхъ рабочаго и размѣрѣ его вознагражденія. Въ случаѣ неявки или самовольнаго ухода рабочаго, нанимателю предоставлялось взыскивать съ него вознагражденіе въ размѣрѣ трехмѣсячнаго жалованья. Если рабочій нанятъ по договорному листу, то наниматель можетъ сообщить объ его неявкѣ или уходѣ полиціи, которая предлагаетъ рабочему вернуться къ нанимателю. Въ случаѣ-же нежеланія рабочаго выполнить это требованіе, онъ подвергается уголовной отвѣтственности за неисполненіе законнаго требованія полиціи (по ст. 51^2 ул. о нак.). Уголовная отвѣтственность устанавливается положеніемъ 1886 г. и для нанимателя, но, конечно, не за нарушеніе договора съ рабочимъ, а за *переманиваніе* рабочихъ отъ другого нанимателя, при чемъ къ нанимателю, принявшему рабочаго, связаннаго другимъ договоромъ, можетъ быть предъявленъ искъ и о возмѣщеніи убытковъ.

Изъ журналовъ соединенныхъ департаментовъ государственнаго совѣта мы узнаемъ, что уже при своемъ обсужденіи положеніе 1886 г. встрѣтило весьма существенное возраженіе, вполнѣ подтвержденное последующимъ ходомъ событій. Возраженіе это заключалось въ слѣдующемъ: «безъ преобразованія мѣстныхъ учрежденій и упрощенія судебной процедуры для безспорныхъ дѣлъ, нельзя надѣяться на то, что законодательная регламентація окажется дѣйствительной, и всякія правила внесутъ въ отношенія между рабочимъ и нанимателемъ «лишь ограниченія и стѣсненія». И дѣйствительно, жизнь оправдала это возраженіе. Несмотря на всю широту предоставленныхъ положеніемъ 1886 г. нанимателямъ правъ, на практикѣ оно оказалось почти неприложимымъ. Землевладѣльцы продолжали жаловаться на неисполненіе рабочими договоровъ, на ихъ самовольные уходы, на то, что многіе заключали по нѣскольку догово-

ровъ съ различными лицами заразъ и затѣмъ уже были совершенно не въ состояніи выполнить принятыя на себя обязательства и т. д., Вопросъ о сельскихъ рабочихъ все время дебатировался и въ сельско-хозяйственныхъ обществахъ, и на сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ, и въ губернскихъ совѣщаніяхъ и, наконецъ, въ особой коммиссіи для пересмотра положенія о наймѣ на сельскія работы. При этомъ обнаружилось любопытное явленіе: хотя вопросъ почти всегда разсматривался лишь съ точки зрѣнія нанимателей, при обсужденіи его пришлось натолкнуться на подавляющее различіе мнѣній. Очевидно было, что и сами представители землевладѣльческихъ интересовъ еще не сговорились относительно того, что имъ нужно. Въ этой бѣдѣ на помощь землевладѣнію пришелъ саратовскій предводитель дворянства П. А. Кривскій, взявшійся разрубить гордіевъ узелъ вопроса объ организаціи земледѣльческаго труда. Онъ выступилъ съ проектомъ, опиравшемся на введеніе *обязательной* рабочей книжки, на уголовную отвѣтственность рабочаго за нарушеніе договора и такую-же отвѣтственность нанимателя за пріемъ рабочаго, договорившагося съ другимъ. Другими словами, г. Кривскій рѣшился создать прочное и устойчивое отношеніе между сельско-хозяйственнымъ рабочимъ и нанимателемъ принудительнымъ способомъ. На началѣ принужденія построенъ весь его проектъ.

Въ концѣ мая проектъ этотъ поступилъ на разсмотрѣніе сельско-хозяйственнаго совѣта и тутъ, хотя большинство высказалось въ смыслѣ желательности общаго урегулированія земледѣльческаго труда, съ самагоже начала онъ встрѣтилъ сильную оппозицію. Введеніе общеобязательной рабочей книжки было отвергнуто огромнымъ большинствомъ голосовъ на томъ основаніи, что по отношенію ко многимъ видамъ найма оно окажется стѣснительнымъ для самихъ землевладѣльцевъ. Къ этому прибавляли, что выдача договорныхъ книжекъ можетъ лечь непосильнымъ бременемъ на деревенскую администрацію. Въ то-же время сельско-хозяйственный совѣтъ призналъ нежелательнымъ и частичное введеніе договорныхъ книжекъ для нѣкоторыхъ видовъ найма, въ виду того, что при этомъ не устранялась-бы возможность одновременнаго заключенія договора съ нѣсколькими нанимателями. Но, отвергнувъ обязательную договорную книжку, сельско-хозяйственный совѣтъ призналъ желательнымъ введеніе уголовной отвѣтственности за неисполненіе договора какъ для рабочаго, такъ и второго нанимателя. А для того, чтобы эта отвѣтственность не сдѣлалась фиктивной, признано желательнымъ, чтобы разсмотрѣніе соотвѣтствующихъ дѣлъ совершалось въ ускоренномъ порядкѣ съ сокращеніемъ сроковъ обжалованія и чтобы дѣла о неявкѣ и самовольномъ уходѣ рабочихъ была сдѣланы подсудными не только волостному суду, но и другимъ учрежденіямъ.

Казалось бы, что землевладѣльческіе интересы этимъ достаточно обезпечиваются, что нанимателю предоставляются всѣ средства къ возбужденію преслѣдованія противъ нарушившаго договоръ рабочаго и къ

осуществленію своихъ правъ на него. Какъ мы видѣли, введеніе обязательной договорной книжки было отвергнуто совѣтомъ не потому, чтобы онъ желалъ лишить землевладѣльцевъ одого изъ способовъ къ защитѣ своихъ интересовъ, а вслѣдствіе опасеній, что рабочая книжка не оправдаетъ возлагаемыхъ на нее надеждъ и крайне стѣснитъ рабочаго *безъ особенной пользы* для нанимателя. Несмотря на то, едва успѣли закончиться засѣданія сельско-хозяйственнаго совѣта, какъ реакціонная печать, все время поддерживавшая группу иниціаторовъ новаго законопроекта, подняла тревогу, заявляя, что отечество, вслѣдствіе непатріотическаго образа дѣйствій сельско-хозяйственнаго совѣта, находится въ опасности. «Гражданинъ» со свойственнымъ ему азартомъ такъ прямо и заявилъ, что «проектъ положенія о сельскихъ рабочихъ есть государственный вопросъ о нуждѣ для сельскаго хозяйства, столь-же большой, какъ воздухъ для дыханія» и что относиться къ нему, «какъ къ сочиненію г. Кривскаго», и странно, и нехорошо. По его мнѣнію, «положеніе о наймѣ рабочихъ невыгодно только для мошенниковъ изъ рабочихъ и изъ нанимателей («Гражданинъ», № 47). Не менѣе рѣшительно высказались и «Московскія Вѣдомости». Онѣ высказываютъ убѣжденіе въ томъ, что «для правительства не можетъ имѣть значенія это рѣшеніе совѣта, какъ идущее въ разрѣзъ съ самыми насущными потребностями нашего сельскаго хозяйства и общаго народнаго благосостоянія. Самовольное безнаказанное (при уголовной-то отвѣтственности!) нарушеніе договоровъ сельскими рабочими, раззоряя помѣщика, причинило бы еще большій вредъ народу, пріучая его къ самоуправству, къ циническому пренебреженію *чужимъ правомъ*, пробуждая въ народѣ стремленіе къ даровой и безчестной наживѣ, при полной неустойчивости его собственнаго труда».

Вотъ какія страшныя вещи грезятся иногда «Московскимъ Вѣдомостямъ»! И это еще далеко не всѣ ужасы, которые сулятъ онѣ въ случаѣ невведенія рабочихъ книжекъ. Съ обычною увѣренностью и быстротой—верхнимъ чутьемъ», какъ сказалъ бы охотникъ,—онѣ улавливаютъ въ отрицательномъ отношеніи сельско-хозяйственнаго совѣта къ рабочимъ книжкамъ признаки либерализма, и не одного только его, но точно также и бюрократизма. Словомъ, такъ и кажется, что въ непродолжительномъ будущемъ намъ придется услышать—объ эпидемичеекомъ появленіи въ районѣ Страстного бульвара своеобразной формы, а именно маніи преслѣдованія—mania persecutionis activa.

Въ дѣйствительности рѣчь идетъ, конечно, не о «нуждѣ, столь-же большой, какъ воздухъ для дыханія», какъ утверждаетъ «Гражданинъ», и не объ «основныхъ устояхъ», какъ стараются внушить «Моск. Вѣд.» въ цитированной нами статьѣ, а просто объ *интересахъ группы крупныхъ землевладѣльцевъ*, стремящихся навязать свои заботы всей Россіи. Что касается среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, то врядъ-ли законодательная регламентація отношеній между нанимателемъ и рабочимъ пред-

ставляется имъ особенно желательной. По всей вѣроятности, они предпочли бы сохраненіе прежней «патріархальности». О рабочихъ, конечно, нечего и говорить: новый законопроектъ не сулитъ имъ рѣшительно ничего такого, чѣмъ они могли бы интересоваться, онъ только связываетъ рабочихъ и стремится подчинить ихъ требованіямъ нанимателя, но не дѣлаетъ ничего для урегулированія ихъ отношенія къ землевладѣльцу, такъ что они предоставляются всецѣло во власть нанимателя.

Думать, что какое-либо положеніе о наймѣ на сельскія работы можетъ разрѣшить вопросъ о сельскихъ рабочихъ, было-бы наивно. Недостатокъ въ рабочихъ будетъ чувствоваться послѣ изданія новаго закона не менѣе, чѣмъ теперь. Но это не значитъ, чтобы подобный законъ былъ лишенъ всякаго значенія: наоборотъ, онъ можетъ оказаться весьма дѣйствительнымъ, но только въ другомъ направленіи. Если будутъ дѣйствительно созданы достаточныя гарантіи его примѣненія, то онъ, несомнѣнно, усилитъ нанимателей на счетъ рабочихъ. Опираясь на уголовную отвѣтственность рабочаго, помѣщикъ перестанетъ церемониться съ нимъ и будетъ стараться извлечь изъ него всю возможную пользу. Землевладѣльцу нечего будетъ бояться, что рабочій уйдетъ, ибо наказаніе за самовольный уходъ слишкомъ сурово. Ему нечего также особенно опасаться того, что рабочій при заключеніи договора не приметъ его условій: рабочій идетъ по нуждѣ и приметъ всякія условія, которыя диктуетъ ему конкурренція. Судя по проникшимъ въ печать свѣдѣніямъ, въ проектѣ новаго положенія нѣтъ ничего о такъ называемыхъ «отработкахъ», т. е. о системѣ ростовщичества, при которой уплата по кредитнымъ сдѣлкамъ производится трудомъ. Между тѣмъ, извѣстно, что отработочная система свила себѣ у насъ прочное гнѣздо. Не обсуждался совершенно и вопросъ объ отвѣтственности нанимателей за несчастія съ рабочими, дѣйствующее-же положеніе довольствуется предоставленіемъ пострадавшему или его семьѣ права требовать вознагражденія, размѣръ котораго не опредѣленъ. Далѣе, законными поводами къ нарушенію договора для рабочаго, повидимому, попрежнему остаются лишь неплатежъ жалованья, *оскорбленіе дѣйствіемъ* (а не словами), неспособность къ данному виду труда и т. п. Тутъ дѣйствительно предоставляется широкій просторъ для «воспитанія рабочаго», о которомъ мечтаютъ «Московскія Вѣдомости».

Всего тяжеле новыя условія, которыми обставленъ земледѣльческій трудъ въ проектѣ новаго положенія, лягутъ, конечно, не на пришлаго рабочаго, которому нѣтъ особенной надобности нарушать свои обязательства, а на крестьянина, вступающаго въ сложные договоры съ окрестными землевладѣльцами. Тутъ неизбѣжно долженъ сказаться антагонизмъ интересовъ мелкаго и крупнаго землевладѣнія. Крестьянскій трудъ будетъ особенно дорогъ помѣщику тогда, когда онъ всего дороже и самому крестьянину: при необходимости спѣшныхъ работъ, при урожаѣ и т. д. Наоборотъ, когда крестьянинъ располагаетъ излишнимъ трудомъ, въ трудъ нѣтъ надобности и помѣщику. При такихъ обстоятельствахъ вве-

деніе уголовной отвѣтственности за невыполненіе обязательствъ, принятыхъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ крайней нужды, должно неблагопріятно отразиться на крестьянскомъ хозяйствѣ. Во всякомъ случаѣ, новое положеніе можетъ быть проведено въ жизнь только съ величайшими пожертвованіями.

Вообще, вопросъ объ организаціи сельскохозяйственнаго труда имѣетъ гораздо болѣе глубокіе корни и болѣе глубокое значеніе, чѣмъ предполагаютъ чающіе государственной поддержки земледѣльческихъ интересовъ. Можно сказать, что это вопросъ о всемъ поземельномъ строѣ страны, и невозможность привлечь къ землѣ необходимое количество труда свидѣтельствуетъ именно объ его неудовлетворительности, о томъ, что онъ нуждается въ измѣненіяхъ и дополненіяхъ. Этого, конечно, никогда не поймутъ представители землевладѣльческихъ интересовъ, которымъ кажется, что ими весь міръ держится, точно такъ же, какъ не поймутъ этого «Гражданинъ» и «Московскія Вѣдомости». Они неизмѣнно будутъ приписывать свои неудачи «либеральной логикѣ», вопіять о поддержкѣ свыше и требовать перевоспитанія народа. Но несомнѣнно, что уже и въ настоящее время земледѣльческая Россія находится въ состояніи хозяйственнаго броженія. Внѣнадѣльныя крестьянскія аренды все болѣе съуживаютъ сферу крупнаго землепользованія, крупнаго земледѣльческаго хозяйства, въ то-же время крестьянство все болѣе перерастаетъ общину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ извѣстно, падаетъ и дворянское землевладѣніе. Достаточно бѣглаго взгляда на цифры, чтобы убѣдиться, что на мѣсто его возникаетъ преимущественно среднее единоличное и товарищеское крестьянское землевладѣніе [1]). Вотъ кому придется считаться, повидимому, съ рабочимъ вопросомъ и взять на себя реорганизацію сельско-хозяйственнаго производства.

Въ pendant къ «либеральной логикѣ», на которую негодуютъ «Московскія Вѣдомости», поговоримъ о логикѣ Срастного бульвара. Она, во всякомъ случаѣ, представляетъ гораздо болѣе интереснаго матеріала для наблюденія, чѣмъ логика либеральная. О послѣдней еще весьма недавно кн. Мещерскій заявилъ, что это есть логика почти всѣхъ талантливыхъ и просвѣщенныхъ людей въ Россіи. Но что-же такое консервативная логика? Логика людей неумныхъ и необразованныхъ? Князь Мещерскій увѣряетъ, что это логика воспитанныхъ людей. Если это такъ, то идеалъ воспитанія высказанъ въ формулѣ, насчитывающей изрядное количество вѣковъ за собою: «credo quia absurdum!», Вся оригинальность охранительнаго міросозерцанія въ томъ именно и состоитъ, что оно примѣнило эту формулу къ политикѣ и развиваетъ ее съ неуклонною послѣдовательностью. Если угодно, это—своеобразное логическое мужество, заключающееся въ отсутствіи страха передъ внутренними противорѣчіями

[1]) А. Рейнботъ, Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. стр. 2—7. 1896.

и несообразностями. Такое мужество, между прочимъ, въ высокой степени свойственно нынѣшнимъ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Онѣ знаютъ, что, приводя взаимно-исключающіе другъ друга доводы, онѣ нисколько не рискуютъ утратить свою позицію. Ибо кто-же ожидаетъ разумнаго довода отъ «Московскихъ Вѣдомостей?» Онѣ стремятся только высказать, во чтобы то ни стало, свои заботы, помыслы, надежды и требованія и и добиться желаемаго, а все остальное для нихъ вопросъ второстепенный. Credo quia absurdum! На практикѣ это правило приводитъ къ другому: цѣль оправдываетъ средства.

Возьмемъ хотя-бы дворянскій вопросъ, за послѣднее время усиленно дебатируемый «Московскими Вѣдомостями». Въ сущности, дѣло обстоитъ крайне просто, и эту простую сущность дворянскаго вопроса ясно и откровенно еще недавно высказалъ кн. Цертелевъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Онъ говоритъ, что каково-бы ни было государственное значеніе дворянства, въ данную минуту на очереди стоитъ вопросъ объ его экономическомъ положеніи, который и нужно «разрѣшить». Мы не думаемъ, что вопросъ этотъ изъ тѣхъ, которые поддаются «разрѣшенію». Но дѣло не въ этомъ. Насъ интересуетъ теперь лишь отношеніе къ нему «Московскихъ Вѣдомостей». Онѣ никогда не скрывали того, что стоятъ на чисто дворянской точкѣ зрѣнія и никогда не покидали ея. Слѣдовательно, мы не можемъ ожидать отъ нихъ ни безпристрастія, ни уступчивости и совершенно не разсчитываемъ на это. Но при всемъ томъ, хотя-бы мы и были вполнѣ подготовлены видѣть въ нихъ лишь адвокатовъ дворянскаго сословія à tout prix, нельзя конечно не изумиться, читая хотя бы слѣдующую тираду: «Самый фактъ, что Россія завершаетъ реформу 1861 г. постановкой *дворянскаго вопроса*, глубоко знаменателенъ. Нигдѣ въ Европѣ ничего подобнаго не было. Наше «интеллигентное» разночинство охотно готово было-бы пожертвовать, какъ было и во Франціи (Nota bene, «Московскія Вѣдомости», хотя и ссылаются постоянно на историческіе устои, но въ исторіи, какъ извѣстно, не сильны), нѣсколькими сотнями милліоновъ рублей на невинныя «воспособленія», «на дожитье», на то, чтобы потомки бывшаго дворянства безъ особенныхъ жалобъ могли перейти къ разночинско-демократическому строю. Но у насъ возникъ вопросъ не филантропическій, а государственный; вопросъ о поддержаніи *дворянства* именно какъ государственнаго сословія, необходимаго орудія правильнаго развитія страны.

Вамъ жутко, читатель? «Завершеніе реформы 1861 г.», «государственное сословіе», «орудіе правильнаго развитія»?.. Вѣдь это что-то грандіозное? Прибавьте сюда еще высокомѣрное пренебреженіе къ «воспособленіямъ», и вамъ представится, что «Московскія Вѣдомости» говорятъ по крайней мѣрѣ о государственномъ переворотѣ. Такое предположеніе какъ будто еще болѣе подтверждаетъ слѣдующая фраза:

«Для всего интеллигентнаго разночинства, къ которому съ 1861 г. постепенно примкнула значительная часть самого дворянства, такой

исходъ нашей исторической эволюціи представляется и неожиданнымъ, и непонятнымъ и совершенно, конечно, нежелательнымъ, ибо онъ навсегда закрываетъ для нашихъ «либераловъ» заманчивую политическую карьеру (?) парламентарнаго строя».

Перспектива широкая! Очевидно, что въ рѣшеніи дворянскаго вопроса «Московскія Вѣдомости» видятъ «исходъ нашей исторической эволюціи». Непосвященному въ глубину реакціонной премудрости читателю все это, дѣйствительно, должно показаться «и неожиданнымъ, и непонятнымъ». Однако, послушаемъ, какіе тому слѣдуютъ пункты, благо «Московскія Вѣдомости» сами перечисляютъ ихъ.

«На первомъ мѣстѣ выясняется неотчуждаемость дворянскихъ земель, признанныхъ родовымъ владѣніемъ... Второй пунктъ, принципіально болѣе важный, но практически идущій вслѣдъ за первымъ, состоитъ въ такихъ улучшеніяхъ дворянской организаціи, при которыхъ сословіе могло-бы болѣе сильно вліять на своихъ членовъ, болѣе успѣшно привлекая въ свои ряды все достойное и освобождаясь отъ элементовъ, болѣе пригодныхъ для служенія въ какомъ-либо другомъ сословіи. Четвертымъ пунктомъ является коренная реорганизація дворянскаго кредита, не въ смыслѣ какихъ-нибудь мимолетныхъ «льготъ» и «воспособленій», а въ смыслѣ болѣе цѣлесообразнаго устройства дворянскагобанка, созданнаго не для разоренія, а для сохраненія дворянскаго «землевладѣнія».

И это *«исходные пункты* дворянской реформы»! Они, конечно, едва-ли многихъ удивятъ, такъ какъ не заключаютъ въ себѣ ничего особенно реформаторскаго. Развѣ только «реорганизація» дворянскаго банка можетъ навести на нѣкоторыя сомнѣнія; но въ крайнемъ случаѣ это свидѣтельствуетъ только о величинѣ аппетитовъ той группы дворянства, интересы которой отстаиваютъ «Моск. Вѣд.» (газета, впрочемъ, выдала свой секретъ, обмолвившись словомъ «милліардъ»). Какъ все это вытекаетъ изъ предыдущаго и зачѣмъ понадобилось газетѣ огородъ городить, можетъ понять только тотъ, кто вполнѣ освоился съ ея діалектическими пріемами и съ ея обычной логикой. Цѣль «Московскихъ Вѣдомостей» состояла, повидимому, просто въ сочетаніи и нагроможденіи внушительныхъ словъ, и вся ихъ аргументація изумительно напоминаетъ классическую рѣчь ученаго доктора изъ «Гаргантюа»: Omnis clocha clochabilis in clocheribus clochando, clochens clochativo, clochare facit clochabiliter clochantes... ergo, вы должны намъ выдать наши колокола.

Пойдемъ, однако, дальше. Въ № 157 «Московскихъ Вѣдомостей» мы встрѣчаемъ письмо «недворянина» Иванюшенкова по дворянскому вопросу. Редакція встрѣтила это письмо съ распростертыми объятіями и тутъ-же выдала автору аттестацію, что хотя онъ по рожденію и мѣщанинъ, но по образу мыслей болѣе дворянинъ, чѣмъ многіе дворяне и даже — horrible dictu — предводители дворянства. Намъ кажется, что газета нѣсколько ошиблась въ квалификаціи, такъ какъ г. Иванюшенковъ въ дѣйствительности не болѣе, какъ мѣщанинъ въ дворянствѣ.

Съ «Московскими Вѣдомостями» его сближаетъ то, что онъ одинаково мало считается съ собственной аргументаціей, но по своимъ взглядамъ на современное положеніе вопроса онъ совершенно расходится съ московской газетой и можно только удивляться, какъ почтенная редакція не замѣтила этого. Г. Иванюшенковъ начинаетъ съ того, что «такъ называемый дворянскій вопросъ нужно разсматривать съ общегосударственной точки зрѣнія», и вотъ съ этой-то «государственной» точки зрѣнія ему представляется, что «выдѣлять какое-либо одно сословіе въ смыслѣ преданности царю и родинѣ было-бы у насъ и абсурдно, и обидно, и несправедливо по отношенію къ чести и достоинству остальныхъ сословій». Но возможно-ли выдѣлять его въ какомъ-либо другомъ смыслѣ? И да и нѣтъ. Съ одной стороны, мы узнаемъ, что «безъ ущерба для высшихъ государственныхъ интересовъ страны одно изъ сословій не можетъ быть у насъ выдѣляемо въ *какую-либо* особую единицу», съ другой—что «умалять и унижать значеніе дворянскаго сословія нельзя: это былъ и есть лучшій служилый элементъ государю и родинѣ..., дворяне должны быть лучшими слугами государю, *а потому* (здѣсь «потому», очевидно, равносильно по своему значенію раздѣлительному «но») и не есть у насъ какое либо кастовое, замкнутое сословіе, а сословіе, постоянно пополняемое лучшими силами страны, ибо только лучшіе слуги царя и родины получаютъ державною волей права дворянства». И такъ, изъ сказаннаго мы можемъ только заключить, что съ «общегосударственной точки зрѣнія» специфически дворянскаго вопроса даже не существуетъ, и для того, чтобы устранить на этотъ счетъ всякія сомнѣнія, г. Иванюшенковъ прибавляетъ: «подраздѣлять дворянство на помѣстное и непомѣстное не только трудно, но и невозможно. Феодальнаго начала у насъ въ Россіи нѣтъ».

«По части воспособленія дворянскому землевладѣнію,—читаемъ мы не безъ нѣкотораго изумленія дальше,—вопросъ, въ общемъ, съ государственной точки зрѣнія разсматриваться не можетъ». «Одно дѣло—мѣры улучшенія общихъ сельско-хозяйственныхъ условій, а мѣры воспособленія должны стоять и разсматриваться совершенно особо».—Съ этимъ нельзя не согласиться. Но не значитъ-ли это, что г. Иванюшенковъ совершенно покидаетъ точку зрѣнія «Моск. Вѣд.»? Онъ признаетъ во всякомъ случаѣ, что «помощь дворянскому землевладѣнію не можетъ быть огульною и общею, а лишь частичною, сообразно видамъ и требованіямъ государственной пользы», а такое воззрѣніе чрезвычайно трудно согласить съ предположеніями газеты относительно «дворянской реформы».

Такимъ образомъ, поскольку г. Иванюшенковъ разсматриваетъ дворянскій вопросъ съ общегосударственной точки зрѣнія, онъ не касается его экономической стороны, а поскольку онъ касается экономической стороны дворянскаго вопроса, онъ признаетъ, что общегосударственная точка зрѣнія тутъ не примѣнима. «Московскія же Вѣдомости доказываютъ какъ разъ обратное.

Но значитъ-ли это, что мнѣнія г. Иванюшенкова и приведенные нами тезисы другой статьи «Московск. Вѣд.» взаимно исключаютъ другъ друга? Сами «Московск. Вѣд.» отрицаютъ это, и имъ, конечно, всего лучше знать, чего онѣ хотятъ и чего добиваются. И пожалуй, съ ними можно согласиться въ этомъ. Дѣло просто въ томъ, что онѣ придерживаются совершенно особой логики. Г. Иванюшенковъ бросилъ нѣсколько словъ по адресу дворянства, какъ служилаго сословія, призналъ возможность частичнаго «воспособленія», къ тому же онъ не дворянинъ и, слѣдовательно, голосъ его имѣетъ двойную цѣну. «Московскія-же Вѣдомости» придерживаются очевидно того взгляда, что всякое даяніе благо. Только одного онѣ не приняли, какъ намъ кажется, во вниманіе, а именно того, что, признавъ мнѣнія г. Иванюшенкова аргументами въ свою пользу, онѣ обнаружили всю слабость своей позиціи, всю шаткость ихъ діалектики, всю утопичность своихъ чаяній. «Дворянская реформа» оказалась какимъ-то несуразнымъ ископаемымъ гигантомъ, приспособленнымъ одинаково и къ водѣ, и къ сушѣ, и къ воздуху, могущимъ и плавать, и летать, и пресмыкаться, но совершенно нежизнеспособнымъ, даже при тѣхъ далеко неблестящихъ условіяхъ, въ которыхъ живетъ современное русское общество.

Впрочемъ, такая ископаемая логика свойственна не однѣмъ «Московскимъ Вѣдомостямъ». Довольно любопытное упражненіе въ томъ же родѣ мы встрѣчаемъ въ статьѣ г. Фаресова «Народники», появившейся въ одномъ изъ недавнихъ нумеровъ «Новаго Времени». Вся статья написана въ чрезвычайно гиперболическомъ тонѣ. Начать съ того, что, вопреки заглавію, рѣчь идетъ въ ней не о народникахъ, а о народникѣ, и какомъ народникѣ! Не о комъ-либо иномъ, какъ о г. Левицкомъ, знаменитомъ иниціаторѣ не менѣе знаменитыхъ херсонскихъ и многихъ другихъ артелей. Г. Фаресовъ взялъ на себя скромную роль интервьюэра и приложилъ всѣ условія къ тому, чтобы въ точности воспроизвести слова маэстро. Мы должны быть благодарны ему за это, ибо иначе вполнѣ ясное представленіе объ этомъ общественномъ дѣятелѣ имѣли бы только тѣ, кто присутствовалъ на засѣданіяхъ вольно-экономическаго общества, въ которыхъ онъ докладывалъ о своихъ артеляхъ, заражая публику гомерическимъ хохотомъ.

— «Меня занимаетъ идея, а не количество моихъ артелей,—говорилъ Левицкій Фаресову.—Пусть всѣ онѣ полопаются, останется идея о томъ: нужно ли кооперативное дѣло прививать русскому народу или нѣтъ; нужно ли, не смотря на неудачи и ошибки, поправлять дѣло, вновь его налаживать и пріучать народъ къ самоуправленію, или все это надо изругать и оставить? Идея о союзной силѣ въ русскомъ народѣ меня исключительно занимаетъ, а не то, какъ ведутъ артели свое хозяйство: какъ онѣ распадаются и какъ охотно берутъ ссуды, чтобы иногда растащить деньги не въ артельный домъ, а въ свои хибарки. Всюду тѣни, гдѣ большой свѣтъ».

Въ этой краснорѣчивой тирадѣ поражаетъ прежде всего то, что г. Левицкій, если только можно положиться на точную передачу его словъ г. Фаресовымъ, имѣетъ совершенно своеобразное представленіе о значеніи слова идея. Г. Левицкій, очевидно, не представляетъ себѣ, что если его артели «полопаются», никакой идеи не останется, кромѣ убѣжденія, что артели народу не нужны и нежизнеспособны. Въ дѣйствительности, судя по его словамъ, его занимаетъ вовсе не «идея», а вопросъ о томъ, нужны ли артели русскому народу или нѣтъ и, конечно, если артели полопаются самопроизвольно и безвозвратно, то не останется и никакого вопроса, такъ какъ это будетъ служить доказательствомъ, что артели не нужны. Но для Левицкаго, какъ мы узнаемъ дальше, не существуетъ никакихъ вопросовъ. Онъ убѣжденъ, что «1) прежде всего артель создаетъ условія для прочнаго, устойчиваго крестьянскаго хозяйства, способнаго къ прогресу. 2) Артель имѣетъ важное нравственное значеніе. Этотъ нравственный элементъ выдвигается, независимо отъ лица, способствующаго возникновенію артели,—самою жизнью. На почвѣ артельнаго единенія, между членами ея развивается дружелюбіе. 3) Артель представляетъ наилучшую гарантію кредита. 4) Распространеніе артельной организаціи окажетъ противодѣйствіе развитію сельскаго и городского пролетаріата. 5) Вызоветъ пониженіе преступности. 6) Окажетъ содѣйствіе въ дѣлѣ обезпеченія народнаго продовольствія. 7) Соединеніе въ артель нейтрализуетъ вредъ, происходящій отъ семейныхъ раздѣловъ. 8) Артель представитъ большія удобства въ административномъ отношеніи, дѣлая возможнымъ сношенія съ сплоченной группой лицъ, входящихъ въ ея составъ. 9) Артельная форма можетъ имѣть огромное практическое значеніе при крестьянскихъ переселеніяхъ. 10) Артель упрочиваетъ, наконецъ, положеніе мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ».

Дальше этого идти трудно. Г. Левицкій, очевидно, убѣжденъ, что распространеніе артелей это лучшее и вѣрнѣйшее средство разрѣшить соціальный вопросъ во всемъ объемѣ. Что онъ проводитъ столь рѣзкую черту между идеей и дѣйствительностью, удивляться, собственно говоря, не приходится; въ его головѣ онѣ, по всей вѣроятности, всегда шли врозь. Ибо онъ не сталъ-бы иначе съ такой увѣренностью и апломбомъ говорить о благотворномъ вліяніи артелей. Въ особенности бросаются въ глаза пункты 4—6, гдѣ г. Левицкій превращается въ пророка и начинаетъ употреблять будущее время. Смѣлый полетъ мысли г. Левицкаго сдѣлалъ бы честь Роберту Оуэну. И какъ это только господа марксисты осмѣлились отнестись къ г. Левицкому скептически? Жаль только, что г. Левицкій не дополнилъ своей оцѣнки артелей сентенціями въ прошедшемъ времени. Иначе мы поняли бы, почему г. Левицкій началъ свой разговоръ прямо съ «идеи», а не съ дѣйствительности, и почему онъ: «прибѣгъ къ блестящей ораторской гопотезѣ: «Пусть всѣ онѣ полопаются!». Мы не видимъ ничего невѣроятнаго въ такомъ исходѣ стараній г. Левиц-

каго, но не думаемъ, чтобы для «идеи» г. Левицкаго было все равно, будутъ ли его артели существовать или нѣтъ. Въ этомъ вѣдь, собственно, весь вопросъ и состоитъ. Допустимъ даже, что еслибы артели существовали, онѣ дѣйствительно разрѣшили бы соціальный вопросъ, но вѣдь должны же онѣ всетаки существовать. Воображаемый рубль не можетъ замѣнить дѣйствительнаго рубля и воображаемая артель никоимъ образомъ не въ состояніи выполнить назначеніе реальной артели. Между тѣмъ, г. Левицкій говоритъ исключительно о воображаемыхъ артеляхъ, которымъ можно, конечно, приписывать всевозможныя достоинства, но которыя имѣютъ тотъ недостатокъ, что онѣ существуютъ лишь въ пылкомъ воображеніи г. Левицкаго. Что-же касается его херсонскихъ опытовъ, то печальная исторія ихъ слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы ее стоило повторять здѣсь, и даже самый яркій защитникъ ихъ не станетъ, конечно, утверждать, чтобы онѣ осуществили хотя бы тысячную долю надеждъ г. Левицкаго.

Нѣтъ надобности прибавлять, что марксистовъ, разсѣявшихъ его иллюзіи, г. Левицкій очень не долюбливаетъ.

«Марксисты,—говорилъ онъ,—ищутъ счастья въ несчастьи... Это имъ нравится, когда крестьянское хозяйство распадается и гудятъ фабричныя трубы... Труба! Труба!—вотъ ихъ лозунгъ. Безсмысленно это... Вѣдь на такую обширную страну, какъ Россія, трубъ не хватитъ, а марксисты все-таки кричатъ: труба! труба! Ничего не стоятъ эти возгласы, но отбиваться трудно отъ нихъ, какъ отъ мухъ за обѣдомъ...

Не правда-ли, какой утонченный юморъ? И какъ это, въ самомъ дѣлѣ, марксисты не обратили вниманіе на столь щекотливое обстоятельство: что если и вправду трубъ не хватитъ? Неужели придется тогда пойти на поклонъ къ г. Левицкому и попросить его осчастливить Россію своими артелями? Пока марксисты, однако, не расположены къ этому. Вотъ какъ повѣтствовалъ г. Левицкій о своихъ препирательствахъ съ ними въ вольно-экономическомъ обществѣ.

«Я говорилъ, что мужикъ не только нуждается, но и любитъ землю: поэтому и стремится въ землевладѣльческія артели. А «марксисты» смѣются надъ этимъ «субъективизмомъ», считая любовь крестьянъ къ землѣ «неопредѣленнымъ положеніемъ» и воображая, что только одна «крайность» ихъ держитъ на землѣ. Я говорю, что и для тяжелыхъ работъ мужикъ всегда соединялся въ артель, а мнѣ говорятъ, что это «артельная миѳологія»; я говорю, что артель спасаетъ ихъ отъ кулака, а мнѣ говорятъ, что кулачество въ Россіи не общественно-экономическое явленіе, а мѣстное и чисто «персональное»; я говорю, что соединеніе хозяевъ при дешевомъ и доступномъ кредитѣ упрочиваетъ хозяйства, а мнѣ указываютъ на Западъ, гдѣ хозяйства упрочивались не «союзами», а техническими усовершенствованіями, продажами сельско-хозяйственныхъ орудій по удешевленной цѣнѣ, развитіемъ кустарныхъ промысловъ и фабрикъ... Я говорю о братскомъ элементѣ въ артели, а мнѣ говорятъ, что это

братство душитъ нравственную свободу личности; я говорю о ростовщическомъ въ деревняхъ кредитѣ, низводящемъ населеніе до полной нищеты, а мнѣ говорятъ, что мелкій и дешевый подъ трудъ кредитъ оказываетъ на населеніе «разлагающее и диференцирующее дѣйствіе»... Ну, такъ чортъ возьми,—съ бѣшенствомъ воскликнулъ Ник. Вас. по адресу своихъ противниковъ—все у меня плохо; но что же у васъ хорошаго-то? Что вы дѣлаете полезнаго въ народномъ сознаніи и жизни? Неужели всѣхъ хотите разорить, а потомъ весь народъ размѣстить и просвѣтить по фабрикамъ? Умно»!..

Отдавая должное неподражаемому пафосу г. Левицкаго и его непоколебимой вѣрѣ въ правоту своего дѣла, мы однако позволимъ себѣ замѣтить, что онъ почему-то упустилъ очень вѣское возраженіе противъ марксизма, какъ послѣдній рисуется г. Левицкому. До сихъ поръ люди еще не выучились производить хлѣбъ на фабрикахъ, слѣдовательно—не могутъ обойтись безъ хлѣбопашества, такъ что марксисты, пропагандируя фабрику, ничего не могутъ имѣть и противъ земледѣльческихъ артелей, такъ какъ съ фабрикой онѣ не конкуррируютъ. Но, конечно, гг. марксисты несговорчивый народъ, и, пожалуй, заявятъ, что и независимо отъ фабрики артель все-таки жизнеспособстью не обладаетъ и, ни въ какомъ случаѣ не можетъ освободить Россію ни отъ сельскаго, ни отъ городского пролетаріата. Они скажутъ просто, что это утопія, что земледѣльческія артели недостаточно могущественное средство для преобразованія аграрныхъ отношеній, что въ области промышленности артели совершенно не въ силахъ стать на высоту современной техники и способствовать ея дальнѣйшему развитію А техническій прогрессъ, по ихъ мнѣнію,—необходимое условіе соціальнаго. Вотъ почему они настаиваютъ на необходимости промышленнаго развитія, и вотъ почему они противъ всякихъ стѣсненій производительной дѣятельности.

Истекающій неурожайный годъ оставитъ, несомнѣнно, глубокіе слѣды въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и загладить ихъ можно будетъ только въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, да и то лишь при томъ условіи, если подобныхъ несчастій не повторится. Съ понятной тревогой прислушиваемся мы къ извѣстіямъ о томъ, что и нынѣшнее состояніе посѣвовъ мѣстами вызываетъ опасенія, хотя, въ общемъ, оно представляется пока, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, удовлетворительнымъ, а иногда и благопріятнымъ.

«Обширный районъ плохого состоянія озимыхъ хлѣбовъ,—по словамъ Извѣстій министерства земледѣлія,—обнимаетъ губерніи: Самарскую, Оренбургскую, Уфимскую, Казанскую и южные уѣзды губерній Вятской и Пермской. Въ этомъ большомъ районѣ вскрывшіяся рано на высокихъ мѣстахъ озими пострадали отъ апрѣльскихъ холодовъ, а по стаяніи снѣга всѣ посѣвы, вслѣдствіе засухи, стоявшей въ теченіе всего мая, не могли тронуться въ ростъ и кое-гдѣ въ Самарской губерніи были такъ рѣдки и низкорослы, что ихъ скашивали на сѣно». Отдѣлъ сельской экономіи

указываетъ еще и на другой районъ, пострадавшій отъ засухи: это— уѣзды Новосильскій, Ефремовскій, Богородицкій и Чернскій Тульской губерніи, и Мценскій, Кромской, отчасти Ливенскій и Малоархангельскій Орловской губерніи. Къ означенному сроку озими были плохи тоже и въ Бессарабской губерніи. Состояніе яровыхъ посѣвовъ, по даннымъ отдѣла сельской экономіи, лучше, чѣмъ состояніе озимыхъ хлѣбовъ, и только въ Самарской губерніи (кромѣ уѣздовъ Николаевскаго, Новоузенскаго и Бузулукскаго) яровые хлѣба были плохи.

Въ началѣ іюля, по свѣдѣніямъ «Торгово-Промышленной Газеты», состояніе хлѣбовъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ:

«Мѣстами погода за недѣлю измѣнилась: послѣ продолжительной засухи въ нѣкоторыхъ губерніяхъ прошли дожди, благотворно отразившіеся на состояніи яровыхъ полей. Осадки выпали, однако, далеко не вездѣ, гдѣ въ нихъ была настоятельная надобность и при томъ довольно неравномѣрно, вслѣдствіе чего во многихъ уѣздахъ центральнаго земледѣльческаго раіона слѣдуетъ ожидать опять очень пестраго урожая. Такая именно характеристика его дается уже теперь въ Курской, Тамбовской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ. Южная часть Поволожья, а также камскій бассейнъ опять остались почти безъ дождей, и тамъ наблюдается значительное ухудшеніе полей. На югѣ приступили къ уборкѣ озимыхъ хлѣбовъ, объ урожаѣ которыхъ слышатся хорошіе отзывы, за исключеніемъ Донской области и Сѣвернаго Кавказа».

Но, конечно, въ этой картинѣ многое можетъ еще измѣниться.

Письма о современной Англіи.

V.

Вильямъ Гладстонъ.

Въ мартѣ этого года Англіи, а съ нею вмѣстѣ и всему образованному міру, пришлось оплакивать смерть Гладстона. Смерть эта не была неожиданной: въ прошломъ декабрѣ «Великому Старику» пошелъ 90-й годъ, и онъ давно болѣлъ. За послѣдніе мѣсяцы, вся нація слѣдила съ напряженнымъ вниманіемъ за бюллетенями о его здоровьи; пожалуй, за исключеніемъ одного Линкольна, ни одинъ государственный дѣятель нашего времени въ свои послѣднія минуты не былъ окруженъ такою искреннею любовью и такимъ уваженіемъ цѣлаго народа. Дѣйствительно, со смертью Гладстона, Англія не только теряла одного изъ своихъ величайшихъ государственныхъ дѣятелей, но смерть эта, повидимому, заканчивала цѣлый историческій періодъ, захватившій два поколѣнія, и отмѣчала собою начало новой эры. Въ лицѣ Гладстона воплощается цѣлая эпоха реформъ, пересоздавшихъ старую Англію. Даровая народная школа, удешевленіе продуктовъ первой необходимости, общедоступная газета и книга, упорядоченіе городского и мѣстнаго самоуправленія, широкое участіе народа въ выборахъ его парламентскихъ представителей,—всѣ эти обыденныя явленія современной жизни каждаго англичанина неразрывно связаны съ именемъ Гладстона. Пробѣгая какую-либо изъ его біографій, мы видимъ, что подвигъ этой великой жизни включаетъ почти всѣ главныя политическія задачи нашего вѣка. Финансы, таможенные тарифы, урегулированіе первыхъ желѣзныхъ дорогъ, отношенія между церковью и государствомъ, народное образованіе и представительство, тайная подача голосовъ на выборахъ, землевладѣніе, международный третейскій судъ, военная реформа, гомруль, права національностей,—его громадный умъ обнималъ всѣ эти первостепенныя важности вопросовъ и множество другихъ, и онъ трудился надъ каждымъ изъ нихъ, съ поразительнымъ знаніемъ дѣла, съ свойственными ему одному энергіей и энтузіазмомъ, подобныхъ которымъ мы почти не встрѣчаемъ въ англійской исторіи.

Въ глазахъ итальянцевъ, грековъ, болгаръ, черногорцевъ и бельгійцевъ онъ всегда являлся первымъ защитникомъ болѣе слабыхъ народностей противъ покушеній могущественныхъ военныхъ имперій Европы. Онъ былъ первымъ обличителемъ ужасовъ творимыхъ неаполитанскимъ королемъ «Бомбою», и, по словамъ самого Гарибальди, «первый проложилъ путь къ освобожденію Италіи». Въ послѣдніе два года его жизни, его могучій голосъ раздавался на всю Европу, по поводу избіенія армянъ и въ защиту маленькой Греціи, отданной, съ соизволенія великихъ державъ, на растерзаніе дикой Турціи. Въ немъ была какая-то врожденная любовь къ мелкимъ народностямъ; можетъ быть, онъ помнилъ при этомъ, что двѣ изъ такихъ маленькихъ странъ, Греція и Палестина, были источниками тѣхъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ началъ, которыя составляли главный интересъ въ его жизни.

Жизнь Вильяма Гладстона, тѣсно связанная съ исторіею прогрессивнаго движенія Англіи за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ, представляетъ еще тотъ своеобразный интересъ, что въ ней мы можемъ прослѣдить постепенное развитіе, *или эволюцію* человѣческой личности, въ ея стремленіи къ идеалу общественной справедливости. Исторія такой жизни въ высшей степени *поучительна*. Но достойной Гладстона біографіи, надлежащимъ образомъ освѣщающей именно эту сторону его жизни, еще не написано. Прирожденное чувство совѣсти и справедливости спасло его отъ подчиненія вліянію его среды; начавъ свою карьеру представителемъ узкихъ, классовыхъ интересовъ и клерикальныхъ идей, онъ въ концѣ концовъ сталъ во главѣ великаго демократическаго движенія, преслѣдующаго совсѣмъ противуположныя цѣли. Карьера другого крупнаго государственнаго человѣка Англіи, Дизраэли, соперника и политическаго врага Гладстона до самаго конца своихъ дней представляетъ совсѣмъ другую картину. Не обладая почти никакими устойчивыми нравственными основами, этотъ величайшій изъ политическихъ авантюристовъ нашего времени началъ свою карьеру крайнимъ либераломъ; но, замѣтивъ, что это вовсе невыгодно, бывшій радикалъ, нисколько не задумываясь, перешелъ при первомъ удобномъ случаѣ въ ряды крайнихъ консерваторовъ и протекціонистовъ и, въ концѣ концовъ, сдѣлался предводителемъ развращенной имъ торійской партіи, ловкимъ царедворцемъ и творцомъ *джингоизма*.

Родившись въ богатой, буржуазной семьѣ (хотя онъ и былъ аристократомъ по происхожденію), Гладстонъ выросъ и воспитался среди такихъ вліяній и обстановки, которыя первоначально сдѣлали изъ него дореформеннаго *тори* начала этого столѣтія, считавшаго крупное наслѣдственное землевладѣніе и государственную церковь краеугольными камнями англійскаго общественнаго строя. Аристократическая школа и столь же аристократическая коллегія Оксфордскаго университета еще далѣе развили въ немъ направленіе, привитое въ семьѣ, хотя послѣдняя отличалась нравственною строгостью при высокой образованности. Еще въ университетѣ онъ прославился своею рѣчью въ студенческомъ полити-

ческомъ клубѣ противъ обсуждавшагося тогда перваго билля о парламентской реформѣ. Вступивъ двадцати четырехъ лѣтъ въ парламентъ представителемъ земельной аристократіи, онъ занимаетъ мѣсто въ рядахъ торіевъ и выступаетъ защитникомъ обскурантизма и клерикальныхъ идей. Его знаменитая книга «*Государство въ его отношеніяхъ къ церкви*» является опорою самаго крайняго англиканизма. Онъ оппонируетъ биллямъ о дарованіи политической правоспособности евреямъ, о реформѣ университетовъ, объ ограниченіи правъ англиканской церкви въ Ирландіи. Про всемъ томъ онъ проявляетъ самую щепетильную совѣстливость и своимъ талантомъ и душевнымъ благородствомъ возбуждаетъ удивленіе даже своихъ противниковъ. Между тѣмъ въ немъ все время идетъ усиленная умственная работа и внутренняя борьба, и ближайшее столкновеніе съ жизнью заставляетъ его задумываться надъ тѣми самыми вопросами, которые прежде казались ему безповоротно рѣшенными. Замѣченный Пилемъ, онъ уже двадцати шести лѣтъ входитъ въ составъ его кабинета и съ тѣхъ поръ, раздѣляя побѣды и пораженія своего перваго политическаго учителя, дѣлается его ближайшимъ помощникомъ въ проведеніи тѣхъ финансовыхъ реформъ, которыя составляютъ славу этого государственнаго человѣка. Первой крупной финансовой работой Гладстона является законопроектъ объ измѣненіи тарифа, по которому снимались пошлины съ 750 изъ 1200 предметовъ, включавшихъ многіе продукты первой необходимости. Кромѣ того онъ проводитъ законъ о желѣзныхъ дорогахъ, значительно удешевлявшій проѣздъ, который досихъ поръ во многомъ регулируетъ желѣзно-дорожное дѣло въ Англіи. Наконецъ, въ 1846 г. проходитъ великій государственный актъ объ отмѣнѣ хлѣбныхъ законовъ, составляющій эпоху въ англійской исторіи, и Пиль, вмѣстѣ съ Гладстономъ, навсегда порываютъ съ торійской партіей. Въ палатѣ составляется особая промежуточная партія, хотя и отдѣлившаяся по финансовымъ вопросамъ отъ торіевъ, но еще не приставшая къ либераламъ, членовъ которой называли по имени ея вождя—*пилитами*. Въ числѣ ихъ находились самые талантливые люди, и эта партія пользовалась большимъ значеніемъ въ палатѣ, хотя держалась въ сторонѣ. Сэръ Робертъ Пиль умеръ въ 1850 г., и Гладстонъ остается не у дѣлъ до 1853 г., когда, въ должности министра финансовъ, онъ входитъ въ коалиціонное министерство лорда Эбердина. Въ этотъ промежутокъ въ немъ происходитъ полный переворотъ не только въ политическихъ, но и въ церковныхъ вопросахъ. Въ то-же время поѣздка въ Неаполь (въ 1850 г.), гдѣ тогда царилъ знаменитый король «*Бомба*», засадившій въ тюрьмы цвѣтъ населенія своего государства, обнаруживаетъ передъ нимъ всѣ ужасы безправнаго общественнаго строя и правительственной дезорганизаціи; съ тѣхъ поръ онъ становится первымъ защитникомъ угнетенныхъ національностей и поборникомъ свободы. Своимъ знаменитымъ бюджетомъ 1853 г., составлявшимъ его первый финансовый тріумфъ, онъ открываетъ новую эру финансовой политики,

въ основаніи которой лежитъ погашеніе національнаго долга, рядомъ съ освобожденіемъ отъ налоговъ предметовъ народнаго потребленія. Докладъ этого бюджета является и небывалымъ тріумфомъ его ораторскаго искусства; въ продолженіе пяти часовъ вся палата слушаетъ, какъ очарованная, не проронивъ ни одного слова, рядъ сухихъ цифръ и фактовъ, оживавшихъ въ его мастерскомъ изложеніи. Послѣ паденія коалиціоннаго министерства, вызваннаго неудачами крымской войны, и краткой администраціи лорда Дерби, мы видимъ Гладстона опять министромъ финансовъ, въ кабинетѣ Пальмерстона. Его переходный періодъ, въ общемъ продолжавшійся не менѣе тринадцати лѣтъ, теперь кончился, и онъ выступаетъ уже либеральнымъ министромъ и первымъ финансистомъ своего времени. Блестящая финансовая политика за время съ 1859 по 1865 г. окончательно утверждаетъ его популярность въ странѣ. Несмотря на громадные расходы крымской войны, Англія не только не увеличила свой національный долгъ, но постоянно его уменьшала. За десять лѣтъ, съ 1850 г., онъ сократился на 700 мил., а процентъ по займамъ сократился на 60 мил. Благодаря этому, за послѣдніе три года, къ 1864 г., налоги уменьшились на 65 мил., и самые яростные политическіе враги Гладстона должны были умолкнуть, въ виду такого небывалаго результата его дѣятельности. Въ 1861 г. онъ приходитъ въ первое столкновеніе съ аристократіей и, не смотря на сопротивленіе лордовъ, заставляетъ ихъ, посредствомъ особаго пріема парламентской тактики, утвердить ненавистный имъ законопроектъ объ отмѣнѣ пошлины съ печатной бумаги, т. е.—налога на распространеніе знанія среди трудящихся массъ.

Наконецъ, Гладстонъ достигаетъ апогея своей политической карьеры и, послѣ выборовъ 1868 г., давшихъ значительное либеральное большинство, дѣлается первымъ министромъ и становится во главѣ управленія страною. Слѣдовавшій за тѣмъ шестилѣтній періодъ, ознаменовавшійся цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ реформъ, устранявшихъ вѣковыя злоупотребленія, часто называютъ *«золотымъ вѣкомъ»* англійскаго либерализма. И дѣйствительно, по массѣ осуществленной законодательной работы самаго прогрессивнаго характера онъ не имѣетъ себѣ равнаго въ англійской исторіи. Гладстонъ находился теперь въ полномъ разцвѣтѣ своихъ умственныхъ силъ и ораторскаго таланта. Онъ чувствовалъ теперь твердую почву подъ собою; за нимъ стоялъ рядъ даровитыхъ сотрудниковъ, и онъ опирался на сплоченную партію, обладавшею большинствомъ и такъ-же, какъ и онъ самъ, настроенную для широкой реформаторской дѣятельности. Всякая внутренняя борьба и колебанія теперь въ немъ кончились, онъ ясно видѣлъ передъ собой то, чего требовала общественная справедливость и, по основному свойству своей натуры, разъ убѣдившись въ правотѣ какого-либо дѣла, тотчасъ же принимался за его осуществленіе, съ свойственною ему энергіею и отвагою, не взирая на козни враговъ и на всѣ окружающія его труд-

ности. Однимъ изъ такихъ вопіющихъ дѣлъ, требовавшихъ, по его убѣжденію, неотложнаго вниманія, былъ церковный вопросъ въ Ирландіи, гдѣ, чуждая большинству, англиканская церковь содержалась на счетъ ея католическаго населенія, и безъ того уже разореннаго и падающаго подъ бременемъ налоговъ. Билль, упразднявшій государственную церковь въ Ирландіи, сдѣлался закономъ въ первую же парламентскую сессію при министерствѣ Гладстона, несмотря на сопротивленіе лордовъ и яростные вопли ирландскихъ протестантовъ и англійскихъ клерикаловъ, называвшихъ Гладстона вѣроотступникомъ и грабителемъ церкви. Послѣ того слѣдовалъ другой законъ, также касавшійся Ирландіи,—по урегулированію земельныхъ отношеній, при чемъ до нѣкоторой степени ограждались права ирландскихъ безземельныхъ крестьянъ, арендовавшихъ всю воздѣлываемую ими землю у ланддордовъ и находившихся въ полной зависимости отъ ихъ произвола. Въ 1870 г. былъ изданъ законъ о начальныхъ народныхъ школахъ,—даровыхъ и обязательныхъ,—который въ настоящее время составляетъ основаніе всей системы народнаго образованія въ Англіи. Затѣмъ, вниманіе Гладстона было обращено на вопіющія злоупотребленія, царившія въ арміи, благодаря системѣ покупки офицерскихъ чиновъ, сдѣлавшихся монополіею аристократіи и богатыхъ классовъ. Законъ, упразднявшій такіе порядки, былъ встрѣченъ безусловнымъ сопротивленіемъ палаты лордовъ, и Гладстонъ обошелъ его, заручившись личнымъ приказомъ королевы объ упраздненіи этой системы, такъ какъ она не была утверждена конституціоннымъ порядкомъ и практиковалась только на основаніи королевской санкціи. Послѣднее обстоятельство не только вызвало противъ Гладстона негодованіе аристократіи и богатыхъ классовъ, но даже вооружило противъ него нѣкоторыхъ изъ его сторонниковъ, радикаловъ, видѣвшихъ въ такомъ образѣ дѣйствій чуть не посягательство на диктатуру.

Эти главнѣйшія изъ его реформъ, не говоря уже о другихъ менѣе важныхъ, осуществленныхъ преимущественно въ 1870 г., возстановили противъ Гладстона множество людей разныхъ партій, потому что каждая изъ нихъ затрогиваетъ чьи-нибудь интересы. Противъ него, кромѣ аристократіи и клерикаловъ, возстали также диссентеры и радикалы. Реформаторы всегда наживаютъ себѣ много враговъ, и популярность Гладстона стала быстро клониться къ упадку. Не мало повліяло въ этомъ направленіи и рѣшеніе международнаго третейскаго суда по дѣлу «Алабамы», приговорившаго Англію къ уплатѣ громадной суммы Соединеннымъ Штатамъ за убытки, нанесенные сѣверянамъ этимъ крейсеромъ во время междоусобной войны. Общее возбужденіе противъ Гладстона достигло своего высшаго предѣла, когда онъ внесъ въ парламентъ свой третій освободительный законопроектъ, касавшійся Ирландіи,—о реформѣ Дублинскаго университета. Тутъ противъ него разразилась общая буря; онъ подвергся нападенію всѣхъ партій, вооруживъ противъ себя не только католиковъ, но и протестантовъ, и этотъ зло-

счастный билль былъ отвергнутъ значительнымъ большинствомъ палаты. Страна, видимо, была утомлена этой, почти судорожной, реформаторской дѣятельностью Гладстона. Въ 1874 г. онъ распустилъ парламентъ, и новые выборы дали большинство консерваторамъ, послѣ чего онъ вышелъ въ отставку.

Въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ Гладстонъ мало принимаетъ участія въ дѣлахъ, проживая среди любимыхъ литературныхъ занятій въ своемъ Валлійскомъ имѣньи, Гаварденѣ, и даже говоритъ объ окончательномъ удаленіи изъ парламента. Но его политическая карьера еще далеко не кончилась. Въ 1876 г. въ Англію стали доходить извѣстія объ ужасахъ, творимыхъ турками въ Болгаріи, и онъ опять устремляется въ борьбу за правое дѣло, являясь, какъ всегда, пламеннымъ защитникомъ угнетаемыхъ. Онъ становится во главѣ парламентской либеральной оппозиціи, издаетъ свою знаменитую брошюру «*Болгарскія жестокости и восточный вопросъ*», возбудившую противъ турокъ негодованіе всего образованнаго міра, произноситъ рѣчи на множествѣ публичныхъ митинговъ, пишетъ массу писемъ въ газеты и къ частнымъ лицамъ и всѣми способами старается возбудить общественное вниманіе. Слѣдующіе затѣмъ четыре года представляютъ одну непрерывную борьбу противъ *джингоизма* и агрессивной политики Дизраэли, чуть не вовлекшаго Англію въ войну съ Россіей. Эта дѣятельность достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта во время знаменитой выборной кампаніи въ Мидлотіанѣ, въ Шотландіи, когда Гладстонъ произноситъ свои пламенныя рѣчи передъ восторженными толпами своихъ избирателей. Выборы завершаются побѣдою либераловъ, получившихъ громадное большинство, и Гладстонъ во второй разъ дѣлается первымъ министромъ. Это была самая неудачная изъ его администрацій. Непреодолимыя трудности осаждали его со всѣхъ сторонъ. Извнѣ онъ наслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ всѣ затрудненія египетскаго вопроса и былъ втянутъ въ гибельную войну; внутри страны ему пришлось бороться съ обострившимся до послѣдней крайности положеніемъ дѣлъ въ Ирландіи, гдѣ происходило, небывалое въ этомъ столѣтіи, національное движеніе, и прибѣгнуть къ тѣмъ репрессивнымъ мѣрамъ, которыя были совершенно противны его взглядамъ. Единственною свѣтлою точкою во всей этой долгой администраціи былъ новый законъ о парламентской реформѣ, расширившій права сельскихъ избирателей, въ результатѣ чего демократія въ первый разъ пріобрѣтала численный перевѣсъ. Египетскія затрудненія и неудачная война въ Южн. Африкѣ съ боерами, а также раздоры въ самомъ кабинетѣ, по поводу возобновленія репрессивнаго акта въ Ирландіи, привели къ отставкѣ министерства въ 1885 г. Но черезъ годъ послѣ того Гладстонъ опять стоялъ во главѣ управленія. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что *гомъ-руль*, т. е. самоуправленіе Ирландіи, составляетъ главную его задачу, то предводитель ирландской народной партіи, Парнелль до тѣхъ поръ державшійся системы обструкціи въ парламентѣ, пере-

шелъ на его сторону. За послѣдніе годы своей политической дѣятельности Гладстону пришлось убѣдиться, что никакіе освободительные законы не достигнутъ своей цѣли въ Ирландіи, пока они не будутъ дѣломъ ея собственнаго законодательнаго собранія. Не говоря уже о большинствѣ партіи, самые радикальные изъ его послѣдователей не были подготовлены къ такой реформѣ: даже его сотоварищи по кабинету, Брайтъ и Чемберленъ, видя въ ней раздробленіе парламента, отказались слѣдовать за нимъ, и среди либераловъ произошелъ расколъ. Но, въ неопреодолимомъ стремленіи осуществить послѣднее великое дѣло своей жизни, въ какомъ-то ослѣпленіи, заставившемъ его позабыть свою обычную осторожность, Гладстонъ шелъ на проломъ. «Подумайте», восклицаетъ онъ съ потрясающимъ пафосомъ, при третьемъ голосованіи законопроекта *гомъ-руля* въ парламентѣ,—«я умоляю васъ, подумайте хорошо, разумно, не подъ вліяніемъ момента, а помня, что впереди предстоятъ многіе годы прежде, чѣмъ вы отвергнете этотъ билль!» Но онъ былъ отвергнутъ. Тогда Гладстонъ распустилъ парламентъ и обратился къ народу: «Вѣрьте мнѣ»,—говоритъ онъ въ Эдинбургѣ,—«что, поступая по справедливости, вы опираетесь на большую силу». Потомъ, опять онъ взываетъ на громадномъ митингѣ въ Ливерпулѣ:—«Рѣшимся покончить разъ навсегда съ этой второй Польшею». Но англійскій народъ не любитъ въ такихъ случаяхъ торопиться, и даже геніальный человѣкъ долженъ дѣйствовать съ медленною постепенностью въ англійской политикѣ. Въ результатѣ, народъ выразился при выборахъ противъ *гомъ-руля*, и Сольсбюри получилъ громадное большинство. Но это пораженіе нисколько не подорвало энергію и энтузіазмъ семидесяти-лѣтняго старика. Онъ становится во главѣ оппозиціи и продолжаетъ борьбу за *гомъ-руль* и противъ репрессалій въ Ирландіи. Энергія его представляетъ собою что-то почти невѣроятное. Въ 1892 г. онъ даже проводитъ этотъ билль въ палатѣ общинъ, но билль разбивается о неподвижную инерцію палаты лордовъ. Гладстонъ видѣлъ теперь, что работа его жизни окончена, но онъ остается еще до поздней осени 1893 г., поддерживая въ нижней палатѣ своихъ товарищей, пока не утверждается билль о городскихъ и провинціальныхъ совѣтахъ, на которомъ теперь основана вся система мѣстнаго самоуправленія Англіи. Гладстонъ удаляется теперь отъ всякой политики, но и среди тишины его любимаго Гаварденa онъ сохраняетъ интересъ къ общественному дѣлу и въ немъ не угасаетъ тотъ огонь *«праведнаго негодованія* (righteous indignation), о которомъ говоритъ Свифтъ, когда въ 1896 и 1897 гг. онъ поднимаетъ свой голосъ въ защиту избиваемыхъ армянъ и ограбленной Греціи.

Гладстона называли оппортунистомъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, отчасти справедливо: онъ не былъ человѣкомъ доктрины; при томъ-же, какъ политическій вождь и какъ государственный человѣкъ онъ долженъ былъ сообразоваться съ обстоятельствами времени. Но Гладстонъ никогда не былъ оппортунистомъ въ обыкновенномъ французскомъ смыслѣ этого слова,

т. е.—колеблющимся, безхарактернымъ человѣкомъ, старающимся обойти трудности вопроса и не рѣшающимся прямо подойти къ рѣшенію поставленной задачи. Боязнь была не знакома этой могучей натурѣ, съ ея *гранитною* волей и безстрашнымъ сердцемъ. Такъ, онъ видѣлъ, что, добиваясь освобожденія Ирландіи, онъ расколетъ сверху до низу всю свою партію, но не побоялся этого, и продолжалъ до конца свое дѣло.

Здѣсь будетъ кстати коснуться того контраста, который мы видимъ между Гладстономъ и другимъ государственнымъ человѣкомъ, нашего вѣка, съ не менѣе громкимъ именемъ,—человѣкомъ «крови и желѣза», какъ его прозвалъ народный голосъ. Въ то время, какъ Гладстонъ, по общему признанію, является единственнымъ государственнымъ дѣятелемъ, вносившемъ въ политику этическій элементъ, борцемъ за свободу и гуманные принципы и истиннымъ патріотомъ, умѣвшимъ «соединять любовь къ своей родинѣ съ уваженіемъ къ человѣческой личности» и свободѣ другихъ государствъ, — Бисмаркъ представляется намъ воплощеніемъ макіавелевскаго типа. Обладая громаднымъ практическимъ умомъ и необычайною прозорливостью, онъ умѣлъ пользоваться для достиженія своихъ цѣлей, какъ грубою силой, такъ и тою утонченною формою обмана, которая извѣстна подъ именемъ дипломатической ловкости, и тѣ великіе результаты, которыхъ онъ достигъ для своего отечества, были куплены дорогою цѣною ненависти униженныхъ и ограбленныхъ имъ національностей и насажденія того *милитаризма*, который составляетъ проклятіе нашего времени. Вотъ что говоритъ Ломброзо по этому-же поводу:« По моему мнѣнію, Гладстонъ былъ послѣднимъ и величайшимъ изъ государственныхъ людей нашего времени, потому что онъ умѣлъ примирять уваженіе къ личности и человѣческой свободѣ съ сохраненіемъ величія своей родины и потому что онъ являлъ міру единственный примѣръ человѣка, могущаго приносить свои личныя выгоды въ жертву интересамъ своей страны... Легко управлять людьми при помощи штыка и крови. Но управлять ими, не прибѣгая къ обману и насилію, и отстаивать величіе своей страны, стремясь въ то-же время поднять человѣчество въ его цѣломъ до уровня новаго идеала,—вотъ въ чемъ заключается истинное величіе современнаго или скорѣе будущаго государственнаго человѣка, потому что въ настоящее время я не вижу никого, кто бы приближался къ такому образцу.» Самое вѣрное опредѣленіе значенія Гладстона было, пожалуй, сдѣлано однимъ американскимъ журналистомъ, сказавшимъ, что «міръ потерялъ въ немъ одного изъ своихъ величайшихъ гражданъ».

Въ одномъ изъ предыдущихъ писемъ было сказано, что великій вождь либеральной партіи, удалившись съ политической сцены, не оставилъ послѣ себя преемника. До послѣдняго времени эта партія составляла главную прогрессивную силу въ жизни націи. Но пути и задачи ея должны измѣниться вмѣстѣ съ требованіями этой жизни. Ту потенціальную энергію, изъ которой она почерпала свою силу, довольно трудно

опредѣлить съ кокою-нибудь логическою точностью, какъ и многія другія явленія англійской жизни. Самъ Гладстонъ подходилъ довольно близко къ такому опредѣленію въ своемъ знаменитомъ изрѣченіи, что духъ либерализма есть вѣра въ народъ, умѣряемая благоразуміемъ; торизмъ-же—недовѣріе къ народу, съ примѣсью страха. Первоначальною руководящею идеею либераловъ, подъ предводительствомъ Гладстона, было достиженіе полной политической свободы и права самоуправленія, уничтоженіе разныхъ классовыхъ привилегій и расширеніе демократическихъ основъ правящей власти. Эти идеалы, во многомъ-уже достигнутые, остаются въ своей прежней силѣ, и послѣднимъ славнымъ дѣломъ Гладстона, которымъ онъ завершилъ свою многолѣтнюю политическую карьеру, какъ извѣстно, была попытка къ осуществленію одного изъ нихъ, въ видѣ билля объ ирландскомъ самоуправленіи (Homerule). Но ближайшія задачи настоящаго времени отличаются болѣе соціальнымъ, чѣмъ политическимъ характеромъ, и самые дѣятельные представители новѣйшаго либерализма стремятся, повидимому, болѣе къ улучшенію матеріальныхъ условій народныхъ массъ даже путемъ внѣшняго вмѣшательства, чѣмъ къ охранѣ права отдѣльной личности—располагать по своему усмотрѣнію своею собственною судьбою. Но это только кажущееся противорѣчіе съ первоначальными руководящими идеями, такъ какъ прежде чѣмъ достигнуть полнаго осуществленія идеала самоуправляющагося общества, т. е., «народнаго правительства изъ среды народа и для народа, «необходимо внести свѣтъ прогресса въ разные темные углы и вывести изъ ихъ настоящаго униженія и отчаянія тѣ обездоленныя массы, которыя остаются теперь рабами при самыхъ свободныхъ демократическихъ учрежденіяхъ.

По желанію націи, прахъ Вильяма Гладстона былъ погребенъ въ усыпальницѣ великихъ людей Англіи, Вестминстерскомъ аббатствѣ. Впродолженіе двухъ дней до похоронъ, его тѣло стояло въ исторической вестминстерской залѣ, видѣвшей столько событій, гдѣ когда-то пуритане судили Карла I и недавно судили Парнелля. Теперь эта древняя готическая зала съ ея высокими сводами представляла внушительное зрѣлище. Посрединѣ ея стоялъ простой дубовый гробъ, съ четырьмя свѣчами по сторонамъ его и крестомъ въ изголовьи. По всей длинѣ залы, отъ дверей до дверей, около гроба были отгорожены проходы, по которымъ съ утра до вечера двигалась непрерывная струя людей всѣхъ классовъ и состояній; въ общемъ, здѣсь прошло болѣе трехсотъ тысячъ. Здѣсь были и высшіе сановники, и члены обѣихъ палатъ, и рабочіе съ заводовъ и фабрикъ, и магнаты *сити*, и матросы съ судовъ, и клерки, и курсистки, и студенты, аристократическія дамы и бѣдныя швейки, молодые и старые, и древніе старики, поднимавшіе на плечахъ своихъ внуковъ. Всякіе мундиры, знаки отличія и богатые костюмы отсутствовали; вездѣ преобладала одна простота; тѣмъ не менѣе, сцена эта производила величественное впечатлѣніе. Англійскій народъ, въ лицѣ своихъ

представителей всѣхъ классовъ, прощался съ однимъ изъ своихъ великихъ людей.

Вильямъ Гладстонъ честно послужилъ государству на многихъ поприщахъ; но ни его громадный талантъ, ни его знаніе, ни высокія, преслѣдуемыя имъ цѣли не вызвали-бы того всеобщаго уваженія, которымъ онъ пользовался даже среди его враговъ. На массу дѣйствовала, прежде всего, та необъяснимая сила высокой человѣческой личности и величіе души, которыя подняли его на такую высоту въ глазахъ его согражданъ. Народъ, въ его цѣломъ, часто впадаетъ въ большія заблужденія и иногда отвѣтственъ за великія преступленія; но здѣсь онъ никогда ни ошибется и всегда признаетъ *человѣка*. Когда-то мелкая клерикальная клика оксфордскаго университета отвергла одного изъ славнѣйшихъ его сыновъ. Но великій народъ принялъ его къ своему сердцу и причислилъ къ своимъ героямъ.

Астонъ.

ПИСЬМО ИЗЪ РИМА.

Злой рокъ преслѣдуетъ эту прекрасную, но нечастную Италію! Безпорядки изъ-за дороговизны хлѣба въ концѣ апрѣля и первыхъ числахъ мая приняли необычайные размѣры, и значеніе ихъ чрезчуръ велико, чтобъ можно было такъ легко забыть ихъ. Тѣмъ не менѣе, правящіе классы Италіи, съ сенатомъ и камерой депутатовъ во главѣ, показываютъ, что они не только потеряли всякіе нравственные устои, но и простое благоразуміе является для нихъ вещью излишней. Разскажемъ по порядку ходъ событій за эти тревожныя недѣли, когда Рудини разсылалъ циркуляры къ префектамъ (губернаторамъ): «у меня ужъ нѣтъ солдатъ, помогайте себѣ сами!», когда всѣхъ охватила такая паника, что ожидали возобновленія ужасовъ французской революціи. Теперь спокойно повсюду, и депутаты, поручивъ судьбы отечества въ сильныя руки Пеллу, давъ ему еще въ придачу нѣсколько репрессивныхъ законовъ, уѣхали на дачи и курорты, чтобы вознаградить себя за тяжкій трудъ законодательства. Каникулы начались 13-го іюля и будутъ продолжаться до ноября.

Послѣ сицилійскихъ бунтовъ или, вѣрнѣе, шумныхъ демонстрацій, безпорядки въ концѣ апрѣля начались въ Бари, Minervino Murge (оба города въ Апуліи) и другихъ городахъ, сдѣлали скачекъ черезъ нѣкоторыя центральныя провинціи, отозвались во Флоренціи, Болоньѣ и нѣкоторыхъ окрестныхъ городкахъ, пока, наконецъ, не закончились въ Миланѣ, гдѣ они приняли совершенно особенный характеръ чисто политической революціи. Теперь оказывается, что миланскій мятежъ, продолжавшійся 4 дня, отъ 6-го вечеромъ до 10 мая, въ дѣйствительности не былъ такъ страшенъ, какъ расписала фантазія южанъ; тѣмъ не менѣе онъ особенно поучителенъ потому, что многое, оставшееся скрытымъ, заставляетъ предполагать о сепаратистистскомъ движеніи въ Ломбардіи. Энергичныя мѣры правительства Рудини положили предѣлъ бунтамъ. Эти мѣры заключаются въ слѣдующемъ.

Тѣ города, гдѣ особенно сильно разыгрались бунты, Миланъ, Флоренція, Неаполь, Бари, были объявлены на осадномъ положеніи, и отъ

префектовъ правленіе провинціями приняли генералы. Исключеніе было сдѣлано для Апуліи, гдѣ нынѣшній министръ-президентъ Пеллу убѣдилъ Рудини, что и безъ объявленія военнаго положенія онъ обѣщаетъ сохранить тишину и порядокъ, и сдержалъ обѣщаніе. Были установлены военные суды. Всѣ желѣзнодорожные служащіе до 40 лѣтняго возраста, какъ ратники ополченія, были созваны подъ ружье, но оставлены на службѣ. Въ теченіи нѣскольких дней были созваны 3 разряда ополченцевъ. Начались безчисленные аресты, обыски, конфискаціи и запрещенія газетъ и журналовъ, закрытія разныхъ обществъ.

Миланскій мятежъ, какъ заявляли оффиціозы, вызванъ агитаторами республиканцами, соціалистами, анархистами и клерикалами. Войска сначала силой хотѣли разогнать толпы демонстрантовъ, но это не удавалось. Съ крышъ бросали черепицами въ солдатъ, а въ нѣкорыхъ мѣстахъ были сдѣланы баррикады. Несмотря на это, фотографы-любители бѣгали повсюду съ своими аппаратами. Такимъ образомъ, мы имѣемъ изображенія баррикадъ, составленныхъ гдѣ изъ вагоновъ трамвая, гдѣ изъ столовъ, стульевъ и школьныхъ досокъ, и на одной изъ иллюстрацій мы видимъ всю толпу революціонеровъ, которые стали «въ позу» и приняли «пріятное выраженіе», чтобъ лучше выйти на фотографіи. И вотъ эти страшные революціонеры, хотѣвшіе защищать игрушечные баррикады, поплатились жизнью за свои затѣи. Войска стрѣляли въ толпу, такъ-что, по оффиціальнымъ даннымъ, въ концѣ-концовъ, было убито 82 человѣка, среди которыхъ много дѣтей и женщинъ, раненыхъ-же счета нельзя знать, потому-что многіе скрыли свои раны и лѣчились дома, чтобы не быть арестованными.

Военный судъ, несмотря на мнѣніе обвинителя, что безпорядки шли по опредѣленной линіи, съ юга на сѣверъ, говорящей о планѣ, заранѣе обдуманномъ, пришелъ къ заключенію, что заговоровъ не было, такъ какъ ни у кого изъ арестованныхъ не было оружія, и ни особенной цѣли, ни опредѣленнаго плана не видно въ миланскомъ мятежѣ. Все-же остается невыясненной психологическая загадка, какъ могла безоружная толпа на цѣлыхъ 4 дня продолжать борьбу съ войсками и полиціей. Нѣкоторую аналогію мы имѣемъ въ уличныхъ возстаніяхъ національныхъ революцій того-же Милана, Палермо, Турина и друг., когда надо было вытѣснить австрійскихъ и бурбонскихъ солдатъ. И тогда толпа была скверно вооружена, въ особенности въ Палермо, и не боялась смерти. Въ настоящемъ случаѣ не видно руководителей, зато видно руководящее чувство — ненависть къ представителямъ власти. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кричали: «хлѣба и работы!» крайне бѣдственное положеніе населенія, которое не въ состояніи было перенести даже ничтожнаго поднятія цѣны на хлѣбъ, единственную пищу массъ, было поводомъ безпорядковъ, въ чемъ всѣ согласны. Но Миланъ, спрашиваютъ многіе, благодаря, своей большой торговлѣ и промышленности, вѣдь не чувствуетъ экономическаго гнета? И если Миланъ, тѣмъ не менѣе, устраи-

ваетъ бунты, то, слѣдовательно, виноваты политическіе агитаторы, которые хотятъ перевернуть соціальный и государственный строй, отъ чего клерикальная партія выиграла-бы то, что Римъ опять попалъ бы въ руки папы, соціалистическая и республиканская осуществили-бы свои идеалы. Но очевидная ошибка—считать дороговизну хлѣба единственной причиной безпорядковъ. Это только поводъ. Причины есть поважнѣе. Когда населеніе отличалось большимъ достаткомъ, дороговизна хлѣба вызвала ропотъ, но не бунты. Для бунтовъ нужно сильное неудовольствіе, накопляющееся въ теченіи очень долгаго времени, взрывъ-же можетъ произойти по самому незначительному поводу. Кромѣ того, неправда, что экономическое положеніе Милана такое блестящее. Оно лучше положенія южныхъ городовъ, гдѣ нищета и голодъ дошли до самыхъ крайнихъ предѣловъ, тѣмъ не менѣе и въ Миланѣ было безчисленное количество безработныхъ, для которыхъ и какой-бы ни былъ дешевый хлѣбъ—дорогъ, такъ какъ нѣтъ денегъ для покупки его. Къ мѣстнымъ безработнымъ прибавлялись рабочіе изъ другихъ городовъ, которые со всѣхъ сторонъ съѣзжались въ чаяніи большихъ благъ отъ такого города, гдѣ промышленность достигла самой высокой степени развитія въ Италіи. Но, кромѣ всего этого, политическое воспитаніе рабочаго класса Милана даетъ прекрасную почву для попытки къ революціи, и игрушечныя баррикады являются какъ-бы репетиціей къ настоящей революціи, которой рабочій классъ ждетъ съ нетерпѣніемъ—несмотря на завѣренія соціалистическихъ и республиканскихъ депутатовъ въ парламентѣ, что кровавыя революціи дѣлаетъ буржуазія, а не соціалисты, для которыхъ революція значитъ только эконономическій переворотъ, осуществимый только послѣ болѣе или менѣе продолжительной эволюціи какъ самаго капиталистическаго строя, такъ и идей класса пролетаріевъ-рабочихъ.

Миланъ называютъ нравственной столицей Испаніи. Общественная жизнь его достигла самой высокой степени развитія. Энергичный, дѣятельный характеръ населенія сильно напоминаетъ характеръ англичанъ или нѣмцевъ. Въ этомъ также виновато то, что и антропологически сѣверные итальянцы—полугерманцы. Блондиновъ съ свѣтлыми и голубыми глазами можно встрѣтить въ Миланѣ и Туринѣ на каждомъ шагу. Вся Ломбардія прорѣзана каналами для орошенія полей, такъ-что неурожая почти не бываетъ. Шелководство особенно подняло благосостояніе этой провинціи. Свыше 200 торговыхъ домовъ занимается шелковой торговлей въ Миланѣ. Кромѣ того, сильно развита индустрія бумагопрядильная и шерстяная, производство перчатокъ, экипажей, машинъ всякихъ, мебели, не уступающей вѣнской, фарфоровыхъ и стеклянныхъ вещей и проч. Кромѣ того, и сельскохозяйственные продукты вывозятся въ большомъ количествѣ за-границу, а Миланъ является центромъ этой торговли. Банковое дѣло развито сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Италіи. Внѣшній видъ города говоритъ о необыкновенномъ богатствѣ жителей. Рабочій классъ пользуется также благосостояніемъ, и цѣны на рабочій трудъ

наивысшія въ Миланѣ. Миланъ и въ искусствѣ занимаетъ первое мѣсто въ Италіи. Всѣ новѣйшія движенія культурной жизни находятъ прежде всего откликъ въ миланскомъ обществѣ, потомъ въ туринскомъ, и потомъ только распространяется все шире на югъ, который идетъ совершенно въ хвостѣ цивилизаціи, а благодаря преступной политикѣ послѣднихъ 10 лѣтъ совершенно остановился или даже регрессируетъ.

Немудрено, что во всѣхъ классахъ миланскаго населенія укоренилось убѣжденіе, что южная Италія мѣшаетъ развитію сѣверной, что послѣдняя гораздо больше проигрываетъ отъ совмѣстной жизни подъ однимъ скипетромъ, чѣмъ выигрываетъ. Южане, наоборотъ, жалуются, что все дѣлается для пользы сѣверной, напр., орошеніе, порты, желѣзныя дороги и, наконецъ, даютъ статистическія вычисленія, изъ которыхъ видно, что южная Италія, которая вдвое бѣднѣе, тѣмъ не менѣе даетъ большій процентъ на общегосударственныя нужды. Это, пожалуй, вѣрно, но говорить о большей энергіи депутатовъ сѣверянъ, которые, группируясь вокругъ Цанарделли и Джіолитти, гораздо больше вліяютъ на ходъ дѣлъ въ парламентѣ, чѣмъ южане. Министры сѣверяне тоже больше заботятся о своихъ провинціяхъ, чѣмъ министры-южане о своихъ.

Такъ какъ общее благосостояніе миланцевъ довольно высоко, то и образованіе ихъ выше, чѣмъ у южанъ, а вмѣстѣ съ образованіемъ усиливается и политическое развитіе населенія. Въ то время, какъ, напримѣръ, въ Сициліи въ 1894 году насчитывалось что-то до 200,000 соціалистовъ, а теперь ихъ со свѣчей надо искать, въ Миланѣ ростъ соціализма продолжается безпрерывно, какъ и ростъ клерикализма, анархизма и республиканизма. Правда, и на сѣверѣ при выборахъ подкупъ и застращиванія играютъ главную роль, тѣмъ не менѣе, сознаніе избирателей настолько развито, что очень часто посылается въ парламентъ и администраціи оппозиціонные депутаты, не поддерживаемые правительствомъ.

Республиканцы были много лѣтъ тому назадъ, въ началѣ основанія королевства, очень сильны. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше становится число ихъ. Только въ послѣдніе 2—3 года опять замѣчается нѣкоторое движеніе въ ихъ лагерѣ. Въ парламентѣ только въ прошломъ году изъ группы радикаловъ выдѣлилось нѣсколько человѣкъ въ республиканскую группу, выражающую свою программу. Но одно изъ двухъ: или у нихъ двѣ программы, одна оффиціальная, а другая скрытая отъ публики, или-же это республиканцы безъ республики, потому что о республикѣ даже не упоминается въ программѣ. Колайани выразился въ парламентѣ, что въ Англіи онъ былъ-бы монархистомъ, а въ своемъ еженедѣльномъ журналѣ онъ поясняетъ въ пространной статьѣ, почему въ Англіи исчезли республиканцы, хотя въ началѣ царствованіи Викторіи ихъ было очень много. «Въ Италіи, если-бы въ ней было столько-же свободы, сколько въ Англіи, тоже не надо было-бы быть республиканцемъ», говоритъ онъ.

Центральнымъ органомъ республиканской партіи была Italia del po-

polo», издавшаяся въ Миланѣ до безпорядковъ. Вся редакція была арестована, бумаги конфиссованы, по приказанію генерала Bava, а директоръ газеты Gustavo Chiesi, извѣстный своими беллетристическими произведеніями, такъ-же, какъ своей республиканской агитаціонной дѣятельностью, былъ приговоренъ вмѣстѣ съ другими журналистами къ 6 годамъ тюрьмы и большому штрафу. Военный судъ призналъ его виновнымъ въ государственномъ преступленіи, хотя въ безпорядкахъ онъ не участвовалъ. Chiesi и остальные журналисты подали кассаціонную жалобу на неправильность суда.

Близко къ республиканцамъ стоятъ радикалы. Опять-таки Миланъ служитъ центромъ радикальной пропаганды. «Secolo», радикальная миланская газета,—одинъ изъ самыхъ распространенныхъ органовъ въ Италіи, послѣ «Tribuna». Издательская фирма Sonzongno издавала эту газету. Газета со всѣми другими изданіями и приложеніями воспрещена, а ея редакторъ приговоренъ къ 4 годамъ тюрьмы. Программа радикаловъ не особенно опредѣленная, сходная, пожалуй, съ программой нѣмецкихъ Freisinnige: отказъ отъ завоевательныхъ затѣй, экономическія реформы и больше честности,—вотъ что проповѣдовалось Secolo. Когда Кавалотти жилъ, онъ выражалъ свое мнѣніе черезъ посредство этой газеты. Республиканской вѣры поэтъ и народный трибунъ не принималъ. Онъ внесъ особую программу—мораль и боролся за нее до конца, до своей трагической смерти отъ сабли противника. Каваллоти былъ однимъ изъ славныхъ виновниковъ паденія Криспи. Редакторъ «Secolo» былъ арестованъ по обвиненію, что «Secolo» своими статьями способствовалъ безпорядкамъ. «Secolo» очень часто писалъ о федераціи и ея преимуществахъ предъ централизаціей. То-же самое пишетъ и Колайяни. Централизація нашла даже въ оффиціозномъ органѣ «Italie» сильнаго противника, но, конечно, децентрализація «Italie» сильно не походитъ на федеративную децентрализацію республиканцевъ и радикаловъ. Радикалы, хотя стояли въ опозиціи долго, тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ при выборахъ пользовались поддержкой министерства. Между прочимъ, для характеристики дѣятельности партій, интересна слѣдующая исторія. Въ одномъ изъ городковъ южной Италіи, Мольфеттѣ, существуетъ одно среднее учебное заведеніе, семинарія, пользующееся субсидіями коммуны. Представителемъ этого округа является радикалъ, чуть-ли не республиканецъ. Большинство членовъ коммунальнаго совѣта радикалы, которые, какъ извѣстно, къ духовенству относятся недоброжелательно. Тѣмъ не менѣе учителя семинаріи при выборахъ агитируютъ въ пользу радикальныхъ кандидатовъ. Сами патеры-учителя голоса не подаютъ, зато вліяютъ на своихъ родныхъ и знакомыхъ, составляющихъ крупную силу въ маленькомъ городкѣ. Все это для того, чтобы коммуна не открывала другого учебнаго заведенія, а давала-бы субсидію семинаріи, которая принимаетъ въ ученики не только готовящихся къ духовной карьерѣ. Такимъ образомъ, клерикалы съ свободомыслящими идутъ рука объ руку, гдѣ это выгодно обѣимъ сторонамъ.

Анархисты имѣются въ порядочномъ количествѣ въ Италіи, хотя о количествѣ ихъ и силахъ, конечно трудно узнать точно. Газеты анархистическихъ направленій, —направленій не одно, а много—до миланскихъ безпорядковъ продавались въ кіоскахъ открыто. Было нѣсколько процессовъ анархистовъ. Такъ, въ Массѣ Каррарѣ нѣсколько десятковъ молодыхъ людей были привлечены нынѣшней зимой къ суду. Обвиненіе гласило, что они составили тайное общество съ цѣлью совершать преступленія. Послѣ долгаго разбора, всѣ до единаго были оправданы, и городъ устроилъ имъ самую радостную встрѣчу съ музыкой, иллюминаціей, рѣчами. Это доказываетъ, съ какой легкостью строятся обвиненія въ Италіи. Другой процессъ былъ въ Анконѣ. Обвинялся Малатеста, редакторъ анархистскаго органа «Agitazione», заявившій на судѣ, что онъ анархистъ, но противникъ покушеній, какъ и его товарищи. Они приговорены къ тюремному заключенію, потомъ ихъ сошлютъ на маленькіе острова на Средиземномъ морѣ. Въ этой ссылкѣ политическіе преступники встрѣчаются съ самыми обыкновенными ворами, убійцами и всякаго рода другими преступниками и, конечно, продолжаютъ тамъ свою пропаганду. Когда на послѣднихъ засѣданіяхъ этой сессіи разбирался проектъ о «domicilio coatto», о вынужденномъ жительствѣ, которое легально перестало существовать еще въ 1895 г., такъ какъ введенный Криспи законъ на срокъ одного года приблизительно, не былъ возобновленъ, хотя фактически остается въ силѣ до настоящаго момента,—Ферри сказалъ, что эта ссылка есть только разсадникъ революціонныхъ идей. Ферри вмѣсто ссылки предполагаетъ позволить уѣхать за-границу тѣмъ лицамъ, которыя не довольны соціальнымъ строемъ и образомъ правленія, но большинство приняло проектъ министерства. Эта ссылка касается клерикаловъ, соціалистовъ, республиканцевъ и анархистовъ, Каждая администрація имѣетъ право сослать въ «domicilio coatto» не больше, какъ на 3 года. Кандидатуры анархистовъ ставятся часто въ видѣ протеста, и вся крайняя подаетъ голоса за нихъ. Таковы неоднократныя избранія Чипріани для того, чтобы ему были возвращены всѣ права и разрѣшено жить въ Италіи. Потомъ Чипріани-бы отказался отъ депутатскаго званія, такъ-какъ парламентской дѣятельности анархисты не признаютъ.

Клерикалы въ Миланѣ необыкновенно сильны. Главный органъ «Osservatore Cattolico» одинъ изъ самыхъ ярыхъ intrasigenti, не желающій вступить ни въ какіе компромиссы съ либералами. Газета конфискована, а редакторъ ея Донъ-Альбертаріо приговоренъ къ 3 годамъ тюрьмы. Туринскіе клерикалы, которые принадлежатъ къ крайнему лагерю и соединились въ партію «христіанскихъ демократовъ», хотѣли выставить его кандидатуру въ видѣ протеста, но въ Ватиканѣ non expedit не отмѣняется. Открыли пока подписку въ пользу донъ Альбертаріо, который остался самъ и оставилъ мать безъ всякихъ средствъ къ существованію, несмотря на то, что газета его сильно расходилась. Репрессаліи министерства Рудини по отношенію къ клерикальнымъ обществамъ,

какъ и къ республиканскимъ и соціалистическимъ, заставили клерикальную прессу умѣрить свой боевой пылъ. Одинъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей клерикальной партій, адвокатъ Пагануцци изъ Милана, послалъ Рудини письмо, въ которомъ онъ объясняетъ истинный смыслъ и цѣль католическихъ обществъ. Конгрессы начали свою дѣятельность съ 1871 года и имѣютъ цѣлью защищать вѣру и мораль, как частную, такъ и общественную, помогать нуждающимся въ матеріальной помощи, сдѣлать менѣе тягостнымъ положеніе папы, оказывая ему почетъ и преданность. На основаніи свободы совѣсти, выраженной въ конституціи 4 марта 1848 года, католики пользуются словомъ и ассоціаціей для достиженія намѣченныхъ ими себѣ цѣлей. Ихъ девизъ: «Богъ, отечество, право!» Воспитаніе характера противъ безвѣрія и безнравственности нельзя вѣдь считать преступленіемъ. Что папство не противъ національной идеи, доказательство Пій IX. Очевидно, говоритъ авторъ, что враги католиковъ наклеветали предъ министромъ на нихъ. Видя, какъ партія все усиливается и все болѣе пользуется успѣхомъ въ массахъ, враги ея позавидовали и наговорили на нее. Въ концѣ письма Рагануцци предлагаетъ Рудини познакомиться со всей литературой католиковъ, найдетъ-ли онъ тамъ проповѣдь революціи. Эффекта это письмо пока не имѣло.

До сихъ поръ хозяйничала въ Миланѣ партія либераловъ консервативнаго характера, такъ называемые умѣренные. Ядро этой партій, состоящее изъ крупныхъ капиталистовъ, крупныхъ промышленниковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ, прямо требуетъ висѣлицы для бунтовщиковъ. Она видитъ близкій конецъ своего господства, потому-что при административныхъ выборахъ число голосовъ, получаемыхъ демократическими кандидами, съ каждымъ годомъ растетъ. Будь теперь выборы, умѣренные были-бы побиты. Но въ парламентѣ прекрасно понимаютъ, что выборы дадутъ лишь возможность крайнимъ элементамъ усилиться, и Пеллу вноситъ проектъ объ отложеніи административныхъ выборовъ, которые должны возобновить половину состава коммунальныхъ и провинціальныхъ совѣтовъ на одинъ годъ, а камера,. какъ и слѣдуетъ ожидать, принимаетъ этотъ проектъ. Господство умѣренныхъ и въ парламентѣ выражается въ протекціонныхъ пошлинахъ на хлѣбъ и съѣстные припасы, выгодныхъ аграріямъ Ломбардіи, и несмотря на то, что объявленныхъ аграріевъ всего человѣкъ 50, которые только теперь намѣреваются собраться въ партію, парламентъ пляшетъ только по ея дудкѣ. Въ Миланѣ умѣренные хозяйничали и хозяйничаютъ въ полное свое удовольствіе и, конечно, и теперь не захотятъ уступить своего привилегированнаго положенія. Вскорѣ послѣ миланскихъ безпорядковъ «конституціонное общество», въ которомъ членами состоятъ самые крупные дѣятели Милана, какъ бывшій министръ финансовъ Коломбо, бывшій министръ общественныхъ работъ Принетти, сенаторъ Негри и другіе, имѣло собраніе для разбора положенія дѣлъ въ отечествѣ и обсужденія вопроса, какъ поступить. Прежде всего была выражена благодарность войску за его умѣлое по-

давленіе безпорядковъ, угрожавшихъ цѣлости націи. Потомъ Коломбо сказалъ рѣчь, что необходимо поднять экономическое положеніе населенія, что надо проводить политику труда и внутреннихъ реформъ для лѣченія тѣхъ язвъ, отъ которыхъ Италія страдаетъ, что, наконецъ, необходимо поднять и авторитетъ власти. Когда-же въ парламентѣ зашла рѣчь о хлѣбной пошлинѣ, нашъ Коломбо молчалъ, тоже самое, когда рѣчь шла о нѣкоторыхъ другихъ экономическихъ вопросахъ. Ясно, что всѣ эти красивые разговоры сознательная ложь, ибо не прошло и мѣсяца отъ собранія «конституціоннаго общества» до парламентскихъ засѣданій. Значеніе и картину безпорядковъ умѣренные умышленно раздули до невѣроятныхъ размѣровъ, въ чемъ ихъ обвиняютъ даже такіе органы, какъ «Tribuna» и «Don Chisciotte». Имъ выгодно, чтобъ организація ихъ противниковъ была разрушена, чтобъ право голоса и коалиціи было сильно ограничено.

Криспинская политика имѣла въ умѣренныхъ своихъ горячихъ приверженцевъ, потому-что собственная колонія улыбалась для нихъ новымъ рынкомъ. На всемірномъ рынкѣ итальянцевъ побиваютъ другіе болѣе цивилизованные народы. Криспи обѣщалъ дать новое поле для обогащенія, колонію въ Африкѣ, гдѣ итальянскіе экспортеры были-бы единственными хозяевами. Правда, что никто не зналъ, насколько богаты и выгодны Эритрея и прилегающія земли. Криспи удалось увлечь за собой камеру. Южанъ, пожалуй, увлекла и призрачная идея военной славы, но сѣверянъ это, безъ сомнѣнія, не могло тронуть, а только надежда на матеріальную выгоду. Однако, массы народныя, мало проникнутыя духомъ милитаризма, возмутились. Это былъ уже не обыкновенный политическій вопросъ, оставляющій безучастными $^{3}/_{4}$ населенія Италія. Дѣло касалось близко каждаго, потому-что не было семьи, у которой не былъ-бы взятъ сынъ или родственникъ для того, чтобы погибнуть гдѣ-то въ проклятой черной землѣ.

Тутъ, кстати, и буржуазія вспомнила святой идеалъ національной самостоятельности, и миръ былъ заключенъ вопреки протестамъ Криспи и его приближенныхъ. Онъ сошелъ со сцены, но не навсегда. Его преемникъ Рудини, въ концѣ-концовъ, силой вещей былъ брошенъ на тотъ-же самый путь внутренней политики, что и Криспи считалъ единственно вѣрнымъ; въ новое министерство Пеллу вошли друзья Криспи и Джіолитти, а послѣдній вѣдь былъ въ министерствѣ Криспи. Криспи вернется еще. Умѣренные и либералы видятъ единственное спасеніе въ поднятіи авторитета власти, а Криспи болѣе всѣхъ другихъ способенъ на это.

Миланское населеніе ненавидитъ Криспи и его политику. Популярность Каваллотти, конечно, совмѣстима только съ ненавистью къ Криспи, для котораго мораль точно и не писана. Не только онъ самъ имѣетъ очень слабое понятіе о чужой собственности, но и вся его семья. Исторія съ 240,000 франковъ кончилась выговоромъ депутату Криспи со

стороны назначенной парламентомъ коммиссіи, которая выразила сожалѣніе, что нѣтъ закона, наказывающаго министра за трату денегъ безъ разрѣшенія парламента. Дѣло въ томъ, что Криспи оправдывался тѣмъ, что деньги нужны были на государственныя нужды. Если Бисмаркъ могъ тратить государственныя деньги на несовсѣмъ чистыя дѣла, введя такъ-называемый Reptilienfond, то тѣмъ болѣе Криспи разрѣшается. Надо поддерживать извѣстную прессу, надо затыкать рты нѣкоторымъ особенно ѣдкимъ оппозиціоннымъ органамъ, надо при выборахъ проводить депутатовъ министерской партіи, и все это требуетъ денегъ. Обсуждать-же этотъ вопросъ открыто въ парламентѣ нѣтъ возможности. Предать суду человѣка за такое дѣло, которое вошло въ традицію и повторяется всѣми министерствами, значитъ предать суду всю систему. Коммиссія, поэтому, ограничилась выговоромъ, чтобы не вызвать ужъ черезчуръ большого возмущенія той небольшой дозы чувства справедливости, которая еще сохранилась въ итальянскомъ обществѣ, и Криспи могъ патетически воскликнуть въ Монтечиторіо: «Ни одного пятнышка нѣтъ на моемъ прошломъ! Меня будетъ судить исторія!» Но болонскій судья (какая-то рѣдкая птица по своей неугомонности среди итальянскихъ жрецовъ Ѳемиды) пригласилъ донну Лину Криспи, жену ех-премьера, явиться на судъ для дачи показаній, какъ соучастницу одного изъ безчисленныхъ мошенничествъ знаменитаго Фавиллы. А такъ какъ жена Криспи не могла брать денегъ на государственныя нужды, то, слѣдовательно, деньги брались для домашнихъ расходовъ. Но судья ее оправдалъ. Теперь о себѣ заставляетъ говорить Луиджи Криспи, сынъ предыдущихъ Франческо и донны Лины. Въ концѣ декабря прошлаго года Луиджи долженъ былъ быть преданнымъ уголовному суду, какъ замѣшанный въ кражѣ драгоцѣнностей у графини Селлеръ, извѣстной придворной дамы. Рѣшеніе суда продолжаетъ лежать подъ сукномъ, а Луиджи пока убрался въ Америку. Семья Криспи представляетъ, по истинѣ, рѣдкій матеріалъ для научныхъ изслѣдованій Чезаре Ломброзо.

Это отклоненіе въ сторону необходимо для объясненія ненависти сѣверянъ и въ особенности миланцевъ, у которыхъ понятія о собственности уже перешли изъ феодально-средневѣковаго состоянія и приняли буржуазный характеръ, такъ какъ вся культура сѣвера Италіи носитъ болѣе современный капиталистически-буржуазный характеръ, чѣмъ культура юга, гдѣ Криспи является чуть-ли не героемъ. И вотъ сѣверяне обвиняютъ весь югъ въ томъ, что онъ поддерживаетъ Криспи или криспинскую политику, которая осталась и при Рудини, а именно эту безпорядочность, произволъ и воровство во всѣхъ правительственныхъ и государственныхъ дѣлахъ. «Мы сами, думаютъ сѣверяне, лучше-бы зажили, если-бы не были связаны съ югомъ». Эти сепаратистскія чувства, очевидно, естественно нарождаются въ массѣ и отчасти въ верхнихъ слояхъ.

Соціалисты въ Миланѣ въ послѣдніе годы особенно усилились. Движеніе соціалистическое, собственно, и началось въ Миланѣ. Тутъ былъ

основанъ первый соціалъ-демократическій органъ «La critica sociale», двухнедѣльный органъ органъ чисто теоретическаго характера. Въ 1892 годы впервые основалась въ Миланѣ соціалистическая рабочая партія. Республиканская «Italia del popolo» служила вначалѣ ежедневнымъ органомъ и соціалистовъ. Когда рабочая партія рѣшила совершенно отдѣлиться отъ родственныхъ партій и идти своей дорогой, былъ основанъ ежедневный органъ «La lotta di classe», который служилъ центральнымъ органомъ партіи до 1897 года, когда на одномъ изъ конгрессовъ, которые имѣютъ мѣсто каждый годъ въ другомъ мѣстѣ (въ этомъ году Пеллу, какъ слышно, не разрѣшитъ его, поэтому онъ будетъ въ Швейцаріи), было рѣшено перенести дѣятельность изъ интеллектуальной столицы въ политическую столицу. «Борьба классовъ» осталась газетой мѣстной, а «Avanti» сдѣлался центральнымъ органомъ. Редакторъ «Соціальной критики» депутатъ Филиппъ Турати былъ арестованъ одновременно съ другими журналистами и судимъ. И онъ былъ приговоренъ къ 4 годамъ тюрьмы и большому штрафу. Вмѣстѣ съ нимъ была арестована докторъ Анна Кулишева, приговоренная къ 2 годамъ тюрьмы. Директоръ «Avanti», депутатъ Биссолати, былъ арестованъ въ Римѣ и отосланъ въ Миланъ, вмѣстѣ съ двумя товарищами. Всего было арестовано 3 депутата въ Миланѣ и 3 въ Римѣ, одинъ бѣжалъ въ Швейцарію изъ Милана, а другой прибѣгъ къ курьезному средству избѣгнуть ареста: онъ пробрался во дворецъ Монтечиторіо и 4 дня не выходилъ оттуда. Полицейскіе день и ночь стояли у всѣхъ выходовъ парламента, но во внутрь не рѣшались зайти. Несмотря на то, что закона о правѣ убѣжища въ парламентѣ нѣтъ, президентъ камеры Біанчери является единственнымъ господиномъ въ Монтечиторіо, и безъ его разрѣшенія ни одно постороннее лицо не можетъ зайти туда. Рудини-же не дѣлалъ никакихъ оффиціальныхъ запросовъ у Біанчери, что доказываетъ незаконность приказа объ арестѣ флорентійскаго депутата-соціалиста Пескетти, который во время уличныхъ демонстрацій во Флоренціи былъ въ Римѣ. По закону, депутатъ, только пойманный на мѣстѣ преступленія съ поличнымъ, можетъ быть арестованъ полиціей, во всѣхъ-же другихъ случаяхъ, парламентъ долженъ рѣшить вопросъ о подсудности своего члена. Пескетти такимъ образомъ спасся отъ преслѣдованій полиціи, что не вышелъ изъ своего убѣжища, пока не получилъ формальнаго обѣщанія, что его не тронутъ, а послѣ двухъ-трехъ дней, когда увидѣлъ, что тайные полицейскіе все-таки ходятъ за нимъ, зашелъ вечеркомъ въ Монтечиторіо, пробрался въ типографію парламента, а оттуда шмыгнулъ въ заранѣе приготовленную закрытую карету, которая его отвезла къ Тибру. Лодкой онъ проѣхалъ до моря, гдѣ сѣлъ на судно, идущее къ Корсику, съ Корсики-же онъ отправился въ Парижъ. Это романтическое бѣгство разсказано корреспондентомъ «Corriere della Sera». Камера депутатовъ, разбирая вопросъ о преданіи суду 7 депутатовъ, которые будто-бы замѣшаны въ безпорядкахъ, рѣшила, что трое изъ нихъ чисты отъ всякихъ

возводимыхъ на нихъ обвиненій и поэтому должны быть сейчасъ-же выпущены на свободу, если арестованы, другіе-же четверо должны доказать свое alibi на военномъ судѣ въ Миланѣ. Судъ ихъ будетъ скоро.

Миланскіе безпорядки особенно интересны и поучительны тѣмъ, что общественныя и политическія теченія рѣзче выражаются въ Миланѣ, чѣмъ гдѣ-либо вь другомъ городѣ Италіи, что высокая культура населенія, его энергичный и сознательный характеръ можетъ служить намъ указателемъ совсѣмъ недалекаго будущаго итальянскаго королевства. Если никакихъ заговоровъ, никакихъ руководящихъ плановъ и нельзя было открыть, въ чемъ даже военный судъ, особенно склонный, по самому своему существу, къ строгимъ слѣдствіямъ и рѣшеніямъ, долженъ былъ признаться, то тѣмъ не менѣе, слухи о провозглашеніи «амброзіанской республики» имѣли очень серьезное основаніе. Ни въ одномъ городѣ нѣтъ такой дружной арміи отрицательныхъ силъ и ни въ одномъ городѣ «друзья порядка» не испугались такъ сильно и не требовали такихъ сильныхъ репрессалій, какъ въ Миланѣ. Если репрессаліи Криспи могли успокоить Сицилію чуть-ли не на 4 года и совершенно почти прогнать оттуда соціализмъ, то при культурномъ развитіи миланцевъ и вообще сѣверянъ эффектъ репрессалій будетъ гораздо слабѣй и менѣе продолжителенъ. Приходится только удивляться близорукости этой партіи, исключительно думающей о сегодняшнемъ днѣ и не желающей ни однимъ волоскомъ пожертвовать изъ своихъ привилегій для избѣжанія страшной бѣды, въ существованіи которой всѣ убѣждены вѣдь.

Чѣмъ объяснить то обстоятельство, что камера заставила Рудини обратиться въ бѣгство, т. е. подать въ отставку послѣ рѣчей нѣсколькихъ главарей группъ, какъ Соннино, Цанарделли и другіе, прежде чѣмъ предложенные имъ проекты законовъ стали обсуждаться и прежде чѣмъ имѣло мѣсто хоть одно голосованіе, хотя палата совершенно одобряла, какъ мѣры Рудини для возстановленія тишины и порядка, такъ и новые въ высшей степени реакціонные законопроекты, которые бросаютъ Италію больше, чѣмъ на 50 лѣтъ назадъ? Часть этихъ законовъ уже принята камерой, и только около 40 голосовъ оказалось противоположнаго мнѣнія. Пеллу, заступившій мѣсто Рудини, собравшій вокругъ себя лицъ, изъ которыхъ только двое, какъ Baccelli, министръ народнаго просвѣщенія, и Fortis, министръ агрикультуры, извѣстны и считаются достойными министерскаго поста, хотя оба криспинцы, а остальные не только неизвѣстны въ странѣ, но даже въ парламентѣ не пользуются никакимъ уваженіемъ, — не тратя попусту словъ, попросилъ одобрить провозглашеніе осаднаго положенія, военный судъ, аресты депутатовъ, конфискацію газетъ и закрытіе обществъ даже чисто экономическаго характера, и камера одобрила. Внесъ онъ немного измѣненные проекты Рудини о «domicilio coatto», объ отложеніи административныхъ выборовъ на годъ, милитаризаціи служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, почтѣ и телеграфѣ, причемъ они теряютъ право избирательное, какъ всѣ

военные, а если провинились въ чемъ, то подвергаются военному суду и военной дисциплинѣ,—и камера съ удовольствіемъ приняла. Стыдъ былъ сохраненъ тѣмъ, что эти законы, по заявленію генерала Пеллу и другихъ министровъ, имѣютъ только временное значеніе, пока министерство не соберется съ мыслями и не внесетъ такихъ законопроектовъ, которые имѣютъ цѣлью поднятіе экономическаго положенія населенія, которое, по признанію всѣхъ, слишкомъ ужъ низко упало. Поднять экономическое положеніе страны — это на всѣ лады повторяютъ всѣ министры съ 1876 года, когда «лѣвая» очутилась у власти въ лицѣ Депретиса, до настоящаго момента, когда все изъ той-же лѣвой вышелъ генералъ Пеллу. И кто теперь настолько наивенъ, чтобъ повѣрить Пеллу. Депретисъ, Кайроли, Криспи, Джіолитти, Рудини 6 разъ повторяли тоже самое при вступленіи во власть, а кончали только новыми налогами, новыми неудачами въ иностранной политикѣ и новыми несчастіями для народа. 5 іюля въ парламентѣ кричали Рудини: «австріяки! Радецкій!» а на это вся остальная масса депутатовъ кричала: «да здравствуетъ армія!» Когда-же одинъ закричалъ: «Да здравствуетъ конституція!», то былъ моментъ недоумѣнія, не противенъ этотъ крикъ патріотизму, но рукоплесканія все-таки раздались. Одинъ единственный ораторъ не изъ крайней лѣвой раскритиковалъ «энергичныя» мѣры Рудини, доказывая, что осадное положеніе во Флоренціи, въ Неаполѣ, напр., гдѣ ничего другого не было, какъ обычный шумъ со стороны бабъ и подростковъ, кричавшихъ: «хлѣба и работы!», представляется просто излишествомъ репрессалій, подрывающимъ всякое уваженіе и любовь къ власти и къ государственнымъ учрежденіямъ, но всѣ остальные кричали браво энергіи генераловъ.

Въ сенатѣ, который гораздо болѣе склоненъ къ реакціи, чѣмъ камера, нашелся все-таки одинъ, который повелъ такую еретическую рѣчь: раньше онъ особенно симпатизировалъ военнымъ трибуналамъ за ихъ быстроту и старательность, теперь-же онъ противъ нихъ, потому что защита, поручаемая офицерамъ низшаго ранга, не имѣющимъ судебной практики, не можетъ не быть недостаточной, а обвиненіе доходитъ до крайностей, стараясь не освѣщать предметъ для судей, а добиться приговора всѣми средствами. Это особенно видно на дѣйствіяхъ военнаго трибунала Неаполя. Приговоры его прямо жестоки, хотя не было никакого возстанія въ истинномъ смыслѣ слова. Сообщаютъ факты просто чудовищные: одна женщина приговорена къ 12 годамъ тюрьмы и 2 годамъ одиночнаго заключенія за то, что 3 дня послѣ безпорядковъ изъ того дома, гдѣ она живетъ, былъ данъ выстрѣлъ на улицу, а она не хотѣла сказать, кто стрѣлялъ, такъ что судъ призналъ ее соучастницей неудавшагося убійства. Одинъ калѣка, бѣдняга-писецъ, приговоренъ къ 2 годамъ тюрьмы, несмотря на благопріятныя показанія его товарищей, за то, что въ одномъ кафе была драка, въ которой участвовалъ подсудимый, а на другой день кто-то изъ дравшихся донесъ на

него, будто онъ сказалъ, что нечего теперь ходить за пенсіей, разъ соціализмъ водворится черезъ мѣсяцъ. На основаніи этого доноса его обвиняютъ въ подстрекательствѣ къ гражданской войнѣ. Ораторъ, сенаторъ Siacci, отставной генералъ, разсказавъ объ этихъ случаяхъ, не единственныхъ въ послѣднее время, проситъ въ заключеніе, чтобы министръ юстиціи какъ можно скорѣй ревизовалъ эти процессы, и чтобъ министръ-президентъ поскорѣй снялъ осадное положеніе съ гор. Неаполя и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ оно еще есть.

Пеллу отвѣтилъ, что этихъ случаевъ онъ не можетъ разбирать, такъ какъ онъ не компетентенъ въ данномъ вопросѣ. Относительно-же осаднаго положенія онъ можетъ сказать, что просилъ отъ камеры одобренія и получилъ его, что онъ не можетъ позволить порицанія военныхъ трибуналовъ и ихъ дѣйствій. Когда всѣ процессы кончатся (а ихъ, пожалуй, на все лѣто хватитъ), тогда осадное положеніе будетъ снято.

Дебаты о хлѣбныхъ пошлинахъ въ сенатѣ были необыкновенно любопытны. Одинъ сенаторъ позволилъ себѣ выразить нѣкоторое сомнѣніе, дѣйствительно-ли только агитаторы вызываютъ безпорядки и не тяжела-ли въ самомъ дѣлѣ для народа хлѣбная пошлина, и проситъ правительство изучить этотъ важный вопросъ. Гдѣ тамъ?—отвѣчаетъ другой сенаторъ: хлѣбныя пошлины нужны для покровительства отечественной агрикультуры, а вѣдь агрикультура основа всякаго благоустроеннаго государства, и всѣ цивилизованныя страны это дѣлаютъ, т. е. вводятъ покровительственныя пошлины, а если шумятъ, то надо немножко поднять авторитетъ власти, и не будутъ шумѣть. Въ такомъ-же духѣ отвѣчаетъ представитель министерства, и первый сомнѣвающійся спѣшитъ благодарить за объясненіе. Весь сенатъ единогласно принимаетъ предложеніе министерства, чтобъ пошлина съ 15 іюля снова поднялась на ту высоту, на которой она была до королевскихъ декретовъ. Это предложеніе, какъ и слѣдовало ожидать, принято и камерой.

Сенатъ и камера необыкновенно дружны между собой въ вопросахъ, которые касаются покровительства труда и облегченія неимущихъ классовъ отъ невозможныхъ налоговъ и повинностей. Тутъ на сцену выступаютъ принципы свободы труда, величіе отечества и наши «свободныя учрежденія». И выходитъ всегда такъ, что если какой-нибудь соціально-политическаго характера законъ прошелъ въ камерѣ, сенатъ постарается его провалить, придравшись къ какой-нибудь пустой формальности. Такъ было съ закономъ о работѣ малолѣтнихъ, о рабочемъ инспекторантѣ, объ обязательномъ страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Правда, что даже если эти законы уже и приняты, то до приведенія ихъ на практикѣ очень далеко, тѣмъ не менѣе, разъ законъ уже существуетъ, не такъ легко будетъ всегда и вездѣ нарушать его, и придетъ моментъ, когда найдутся исполнители законовъ, а не только исполнители произвола министровъ. На послѣднихъ засѣданіяхъ камеры депутатовъ былъ принятъ проектъ закона искусственнаго орошенія и оздоровленія

нѣкоторыхъ болотистыхъ мѣстностей. Готовность камеры принять подобный законъ кажется даже странной. 40 лѣтъ Италія живетъ самостоятельной жизнью, и до сихъ поръ очень мало сдѣлано въ этомъ отношеніи. Свыше 2 милліоновъ гектаровъ земли покрыты стоячими гніющими болотами, порождающими маларію. Свыше двухъ тысячъ коммунъ, съ населеніемъ въ 11 милліоновъ, т. е. больше трети всего населенія Италіи, служатъ постояннымъ пребываніемъ маларіи. Нѣтъ ни одного города или деревни въ Италіи, гдѣ-бы маларія не встрѣчалась. Законъ, принятый камерой, устанавливаетъ сумму въ 223 милліона на 25 лѣтъ для необходимыхъ работъ. Сенатъ-же такъ и закончилъ засѣданія, не разобравши этого проекта, а пока онъ не будетъ одобренъ и сенатомъ, его еще нельзя считать закономъ.

Соціалисты внесли вставку въ законъ, заключавшуюся въ томъ, чтобъ при работахъ было обращено особенное вниманіе на здоровье рабочихъ, но вставка эта отвергнута чуть-ли не съ негодованіемъ. Какое имъ дѣло, если рабочіе будутъ страдать отъ маларіи, когда владѣльцы этихъ земель обогатятся въ очень сильной степени? Особенно цинично и откровенно выразилъ чувства и мнѣнія большинства одинъ венеціанскій депутатъ, психіатръ Verturi. Онъ отрицаетъ, что искусственное орошеніе, отведеніе стоячихъ водъ въ сторону и осушка болотъ, уменьшитъ количество больныхъ маларіей. Спринцовка Baccelli (нынѣшняго министра просвѣщенія, знаменитаго клиника, археолога и ученаго) и хининъ — единственныя средства противъ маларіи, а не дренажъ и осушка болотъ, требующія столько денегъ. Нужны законы, ограничивающіе свободу слова и печати, чтобъ соціалисты не могли вести пропаганду, нужно усилить войско и полицію и больше ничего. Камера все-таки приняла проектъ, вѣроятно, полагая, что до приведенія его въ исполненіе пройдетъ не мало времени, а, главное, потому, что интересы буржуазіи ничуть не могутъ пострадать отъ этого. А если даже она вдругъ проникласъ особой жалостью къ несчастнымъ, страдающимъ маларіей, принужденнымъ жить вблизи этихъ болотъ и не имѣющимъ средствъ для лѣченія, то это былъ одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ капризовъ, которыми такъ отличается это нервное, неустойчивое учрежденіе Не даромъ Криспи могъ воскликнуть въ отвѣтъ Ферри, упомянувшаго въ своей рѣчи противъ репрессалій Рудини о беззаконности объявленія осаднаго положенія, совершенной впервые Криспи въ Сициліи въ 1894 г., «Вы ошибаетесь! Беззаконія не было, потому что это было сдѣлано съ согласія камеры».

Ясно, что всякій чудовищный поступокъ министерства приходится приписать и камерѣ. Въ Италіи парламентъ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, является чисто классовымъ учрежденіемъ феодально-буржуазкаго характера. Феодализмъ съ одной стороны крупная, буржуазія съ другой хозяйничаютъ въ государствѣ, Демократической партіи нѣтъ почти. Соціалисты въ Италіи ничто иное, какъ нѣмецкіе демократы. Крайняя лѣ-

вая, которая является представительницей демократіи, мелкой буржуазіи, рабочаго и крестьянскаго классовъ насчитываетъ съ полсотни членовъ Всѣ остальные всегда стоятъ за интересы феодальной аристократіи юга и крупной буржуазіи сѣвера. Пока это отношеніе между представителями разныхъ классовъ не улучшится, нечего ожидать другихъ результатовъ отъ народнаго представительства. Вступленіе клерикальной партіи, которая носитъ ярко демократическій характеръ, въ политическую борьбу можетъ только послужить въ пользу итальянскаго народа. Правящіе-же классы настолько слѣпы, что возстановляютъ противъ себя и клерикаловъ, съ которыми имъ бы слѣдовало соединиться противъ соціализма, если они хотятъ спасти свое господствующее положеніе. Нынѣшній папа все чаще и чаще сталъ побаливать, такъ-что катастрофы можно ожидать въ очень скоромъ времени. Все зависитъ отъ будущаго папы, отъ того, какую онъ поведетъ политику. Если буржуазія не одумается во время, то дни ея несомнѣнно сочтены. Ей, дѣйствительно, придется пристать или къ католикамъ, или къ соціалистамъ, единственнымъ двумъ теченіямъ, которымъ принадлежитъ будущее. Своими руками либералы приготовляютъ соціалистовъ. Въ Туринѣ въ прошлое воскресенье соціалисты выставили кандидатуру Эдмонда де Амичиса, извѣстнаго романиста, можно сказать самаго любимаго писателя въ Италіи, который изъ горячаго націоналиста, любившаго войско, превратился нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ убѣжденнаго анти-милитариста и вступилъ въ соціалистическую партію, Онъ получилъ столько голосовъ, что назначена была перебаллотировка его съ однимъ конституціоннымъ кандидатомъ. Въ слѣдующее воскресенье онъ былъ избранъ. Избраніе его было-бы несомнѣнно и въ первый-же день, если-бы желѣзнодорожники могли подавать голосъ, но милитаризація лишила ихъ этого права. Вообще соціалисты надѣются много выиграть для своего дѣла отъ жестокихъ и слѣпыхъ преслѣдованій «умѣренныхъ». Послѣдніе производятъ впечатлѣніе собаки на сѣнѣ: сами настолько безсильны и лишены всякой иниціативы во всемъ, въ торговлѣ промышленности, агрикультурѣ, что иностранцы, нѣмцы, швейцарцы, являются главными двигателями прогресса даже въ сѣверной Италіи, но и другимъ партіямъ не даютъ ничего дѣлать. Поэтому однимъ ударомъ стараются разрушить все сдѣланное соціалистами и клерикалами въ области экономической самопомощи, напр. кооперативныя общества, сельскія заемныя кассы, рабочія камеры, цѣль которыхъ служить посредниками между работодателями и рабочими и тому подобныя учрежденія, о которыхъ бывшій министръ Луццатти отзывался съ такимъ лиризмомъ и теплотой, «для общественнаго спокойствія» министерствомъ закрыты, а главные руководители привлечены къ суду. Приговаривать къ страшно жестокимъ наказаніямъ беременныхъ женщинъ за то, что послѣ долгой голодовки онѣ украли два хлѣба для своихъ истощенныхъ дѣтей, держа по мѣсяцамъ женщинъ съ грудными дѣтьми въ тюрьмахъ до суда, приговаривая малолѣтнихъ за крики, которыхъ смысла они, конечно, не

7*

могли понимать, къ годамъ заключенія, какъ государственныхъ преступниковъ, или считая уликой статью, которая написана годы тому назадъ, безъ того, чтобы власти нашли въ ней что-либо предосудительное и на основаніи этого сыпать приговорами на десятки журналистовъ или выдумывать новыя не имѣющія въ столь богатомъ законами жестокомъ римскомъ кодексѣ названія преступленія, какъ нравственная попытка къ насилію»—не доказываютъ-ли эти попытки старческое безсильно-злобное вырожденіе цѣлаго класса, полагающаго, что терроромъ можно будетъ остановить ростъ молодыхъ жизнеспособныхъ организмовъ?

Енрико Ферри разобралъ вопросъ вырожденія всей латинской расы, напрашивающійся самъ самой даже наиболѣе поверхностному наблюдателю именно теперь, когда Испанія лишается своихъ колоній при столкновеніи съ молодой, совершенно не знающей милитаризма расой, когда Франція разъѣдается то панамизмомъ, то буланжизмомъ, то антисемитизмомъ, а когда Италія бьется тоже въ какихъ-то странныхъ предсмертныхъ судорогахъ. Особенно видна общность судьбы этихъ трехъ латинскихъ народовъ на нервности и полнѣйшей коррупціи парламентовъ, потерявшихъ въ глазахъ массъ всякое значеніе, подвергающихся кризисамъ неизвѣстно почему и зачѣмъ и проводящихъ время въ пустой болтовнѣ и личныхъ мелочныхъ дрязгахъ. Изъ трехъ этническихъ группъ между которыми раздѣлена Европа, латинская раса представляетъ прошедшее, германская и англо-саксонская настоящее, а славянская, *можетъ быть* (курсивъ Ферри), будущее.

Вотъ что говоритъ намъ Ферри: латинская раса и физически вырождается. Каждый итальянецъ носитъ въ себѣ признаки вырожденія, Немудрено, если парламентъ, состоящій изъ нервныхъ членовъ, у которыхъ темпераментъ отличается импульсивностью и безпокойствомъ и очень слабой волей, и въ суммѣ имѣетъ тѣ-же дефекты, что отдѣльныя члены въ отдѣльности. Итальянскій народъ считаетъ 3000 лѣтъ цивилизаціи, т. е. три тысячи лѣтъ возбужденія и потребленія нервной силы, германцы-же всего 800 лѣтъ тому назадъ зажили жизнью цивилизаціи, за то до этого жили въ лѣсахъ и кланахъ, что, конечно, гораздо здоровѣе. Запасъ силъ у германскихъ народовъ больше; поэтому они одерживаютъ побѣды надъ латинскими народами. Цивилизація на землѣ идетъ подобно фонарю, который зажигается въ одномъ мѣстѣ и потухаетъ, чтобъ зажечься въ слѣдующемъ, съ юго-востока на сѣверъ-западъ. Великіе центры цивилизаціи изъ Ассиріи и Персіи перешли въ Египетъ и потомъ въ Грецію, затѣмъ въ Великую Грецію (южную Италію), затѣмъ въ Римъ, Венецію, Геную, Парижъ, Берлинъ. Нынѣ центрами цивилизаціи надо считать Врюссель и Лондонъ. Италія Испанія теперь находятся внѣ освященной цивилизаціей дороги, онѣ отжили свое время, онѣ состарѣлись. Это фатально, но таковъ законъ исторіи. И если возможно надѣяться на возрожденіе, то никакъ не на національное, а на космополитическое и интернаціональное. Можно предположить, что цивилизація сдѣлается все болѣе и болѣе

экстенсивной, разольется на широкое пространство, между тѣмъ какъ до настоящаго времени цивилизація, уходя въ новое мѣсто, оставляла старое. До настоящаго времени цивилизація была усиленной до крайности тратой нервной системы личности и, слѣдовательно, и коллективной энергіи для борьбы за существованіе между индивидуумами и народами Вотъ почему цивилизація локализировалась въ прошломъ у народовъ и классовъ, оставшихся побѣдителями въ этой борьбѣ, и потухала, когда она растрачивала всѣ жизненныя силы этихъ классовъ и народовъ.

Когда-же цивилизація будетъ вызывать не чрезмѣрное расходованіе, а полное и надежное проявленіе индивидуальныхъ и соціальныхъ энергій для человѣческой солидарности, которая все болѣе и болѣе будетъ одерживать верхъ надъ братоубійственной борьбой экономической конкурренціи и войнъ, тогда исчезновеніе той или другой локализированной цивилизаціи совпадетъ съ ея распространеніемъ во всемъ человѣчествѣ.

Мы будемъ имѣть тогда меньше поверхностной цивилизаціи, зато больше истинной и глубокой цивилизаціи для всѣхъ людей, какое-бы мѣсто они на занимали въ соціальномъ организмѣ.

Тогда и латинская раса оживетъ и обновится среди весны человѣчества, а нынѣшнее безсиліе и кризисъ латинскихъ народовъ будетъ воспоминаніемъ прошлаго.

А. З.

Одинъ изъ новѣйшихъ пшеничныхъ районовъ.

(Письмо изъ Америки).

Если текущее столѣтіе можетъ по всей справедливости претендовать на названіе эры пара, то XX вѣкъ, несомнѣнно, будетъ эрой электричества. И на востокѣ, и въ центрѣ союза это послѣднее все больше и больше входитъ во всеобщее употребленіе. Но тамъ все еще развиваютъ электричество, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, посредствомъ того-же пара. Онъ не теряетъ, такимъ образомъ, своего значенія, только развиваемая имъ сила увеличивается во много разъ благодаря примѣненію электричества. Получается огромное сбереженіе, но первоначальный источникъ остается, въ сущности, тотъ-же. Только въ самое послѣднее время сдѣлано было нѣсколько удачныхъ попытокъ вырабатывать электричество непосредственно изъ естественныхъ силъ, каковы: вѣтеръ, вода, и т. д. Съ годъ тому назадъ, запрягли съ успѣхомъ рѣку Ніагару подлѣ знаменитаго водопада, и развиваемая ея паденіемъ сила передается и въ Буффало, и во многіе другіе города, и дѣлаются опыты передавать ее даже въ Нью-Іоркъ, за пятьсотъ англійскихъ миль. Тѣмъ не менѣе, все это находится тамъ, такъ сказать, еще въ зачаточномъ состояніи; у всѣхъ старыхъ заводовъ уже имѣются паровые механизмы, и они не особенно охотно мѣняютъ этотъ старый надежный путь на не вполнѣ установившіеся и неиспытанные новые. Такіе эксперименты иногда стоятъ большихъ денегъ. Совсѣмъ другія условія господствуютъ на тихоокеанскомъ побережьи. У насъ все новое — страна быстро растетъ, новыя предпріятія являются ежедневно, и очевидное превосходство электрическаго двигателя не можетъ не соблазнять многихъ, особенно если его несомнѣнный успѣхъ демонстрируется каждый день ближайшимъ сосѣдомъ, а употребленіе пара за своей дороговизной неизбѣжно должно поставить предпріятіе въ невыгодныя условія. Горы вездѣ близко, вездѣ есть горные ручьи и рѣчки съ большимъ паденіемъ, и постановка турбинъ не представляетъ никакихъ особыхъ затрудненій. Поэтому, по всему тихоокеанскому побережью добывающихъ этимъ путемъ электричество

заводовъ очень много. Они продаютъ его потребителямъ на далекихъ, сравнительно, разстояніяхъ, и, напримѣръ, слишкомъ сто миль уличныхъ желѣзныхъ дорогъ города Лосъ Анжелеса эксплоатируются съ успѣхомъ силой, проведенной за 80 миль, съ завода въ горахъ Санъ-Бернардино. Громадныя мукомольныя мельницы городовъ Портлэнда и Орегонъ-Сити, въ штатѣ Орегонѣ, всѣ безъ исключенія, работаютъ такой-же силой, добываемой изъ паденія рѣки Вилламетъ; эксплоатируется до 20.000 лошадиныхъ силъ, и число это, благодаря улучшеніямъ, еще въ текущемъ году разсчитываютъ довести до 125.000. Но самымъ разительнымъ примѣромъ развитія работы электричества является городъ Споканъ—Spokane—одно изъ самыхъ молодыхъ и самыхъ бойкихъ поселеній американскаго сѣверо-запада. Онъ расположенъ въ центрѣ сообщеній сѣверной части долины, на востокъ отъ Каскадныхъ горъ, насчитываетъ теперь около сорока пяти тысячъ жителей, и въ немъ совсѣмъ нѣтъ пара. 50 миль уличныхъ желѣзныхъ дорогъ, нѣсколько громадныхъ мукомольныхъ мельницъ и всѣ рѣшительно фабрики и заводы города работаютъ электричествомъ, добываемымъ изъ паденія водъ рѣки Споканъ, почти въ самомъ городѣ. Нѣтъ въ немъ высокихъ фабричныхъ трубъ, нѣтъ копоти и дыма, столь нераздѣльныхъ со всякимъ мануфактурнымъ городомъ. Споканъ—дѣйствительно послѣднее слово американскаго развитія, fin de siècle роста тихоокеанскаго побережья. Чистенькій, новенькій, съ великолѣпными зданіями, и такъ и бьющей на каждомъ шагу кипучей дѣятельностью. Онъ — центръ, новѣйшаго пшеничнаго района штата Вашингтона и Сѣверной Америки, который мнѣ только что удалось объѣхать и изслѣдовать. Здѣсь слѣдуетъ изучать новѣйшіе пріемы культуры пшеницы и обращенія ея въ муку. Цѣны на пшеницу—одинъ изъ самыхъ жгучихъ вопросовъ дня во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Съ паденіемъ этихъ цѣнъ старые пшеничные районы перестаютъ мало по-малу быть способными съ успѣхомъ конкурировать съ новыми—эти новые районы давятъ и разоряютъ ихъ, и потому исторія и современное положеніе пшеничнаго оазиса штата Вашингтона, какъ одного изъ новѣйшихъ и обширнѣйшихъ, успѣвшаго въ прошломъ году экспортировать за границу больше пяти милліоновъ бушелей пшеницы въ зернѣ и почти столько-же мукой, является особенно интересной и поучительной.

Голландскіе капиталисты, затратившіе здѣсь до восьми милліоновъ долларовъ капитала, вызвали къ жизни эту пустыню, еще только 20 лѣтъ тому назадъ считавшуюся ни къ чему не пригодною. Они основали городъ, они привлекли сюда желѣзныя дороги, изъ которыхъ первая достигла города въ 1884 году, на пути къ Тихому океану (теперь ихъ цѣлыхъ восемь, расходящихся отъ Спокана, какъ отъ узла во всѣхъ направленіяхъ); они привезли эмигрантовъ и устроили ихъ здѣсь, они запрудили рѣку, взялись за электричество и дали заводской промышленности необходимую для успѣха дешевую силу. Голландцы, помѣщая свои

деньги въ Америкѣ, дѣйствують всегда крайне осторожно, и управленіе ихъ предпріятіями на мѣстѣ всегда находится въ рукахъ кровныхъ американцевъ. Я познакомился съ главноуправляющимъ этой компаніи, типичнымъ энергическимъ янки, и онъ сообщилъ мнѣ, что почти весь капиталъ компаніи уже выплаченъ обратно окціонерамъ, и что того, что фермеры уплатили въ текущемъ году по своимъ закладнымъ, будетъ больше чѣмъ достаточно, чтобы окончательно снести со счетовъ весь основной капиталъ. Несмотря на то, что каждый годъ, съ основанія компаніи, исключая первыхъ двухъ, акціи приносили прекрасные дивиденты, и основной капиталъ уплаченъ обратно, стоимость ея настоящаго имущества по самой консервативной оцѣнкѣ всетаки превышаетъ этотъ послѣдній въ нѣсколько разъ. Земля компаніи продавалась поселенцамъ на долгіе сроки, при чемъ нерѣдко, кромѣ того, имъ выдавались значительныя ссуды наличными на первоначальное обзаведеніе. Первыя закладныя всѣ давно оплачены сполна; остаются только новѣйшія, самыхъ послѣднихъ годовъ, и главноуправляющій этотъ, уже 12 лѣтъ сидящій на своемъ мѣстѣ и, несомнѣнно, хорошо знающій свое дѣло, знаетъ не мало отдѣльныхъ случаевъ, когда одинъ урожай сполна оплачивалъ и закладную, и компанейскую ссуду поселенца. Онъ говорилъ мнѣ, что въ распоряженіи компаніи, за сведеніемъ счетовъ за текущій годъ, не останется ни одной закладной старше двухъ лѣтъ—и тѣ только какъ результатъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, почему либо особенно неблагопріятныхъ обстоятельствъ, въ родѣ смерти хозяина, пожара и т. д. Онъ лично знаетъ десятки фермеровъ, которые, прибывъ на мѣсто и кое какъ устроившись въ долгъ всего десять лѣтъ тому назадъ, теперь имѣютъ отъ пятидесяти до ста тысячъ долларовъ каждый, и кромѣ того владѣютъ великолѣпными фермами, стоющими 50 долларовъ за тотъ-же самый акръ, который десять лѣтъ тому назадъ они покупали за полтора и два съ половиною. И все это несмотря на то, что за послѣднія семь лѣтъ пшеница постоянно спускалась въ цѣнѣ и по временамъ не стоила больше 35 центовъ за бушель! Въ нынѣшнемъ году, когда за нее платили въ Споканѣ по 75 центовъ наличными за бушель, фермеры эти не знаютъ куда дѣвать деньги. Все это, само собой разумѣется, показалось мнѣ такъ необычнымъ, такъ непохожимъ на тотъ скрежетъ зубовный, который несется изъ всѣхъ старыхъ пшеничныхъ районовъ, а въ томъ числѣ и изъ Россіи, по поводу паденія этихъ цѣнъ, что я особенно заинтересовался и крайне тщательно изслѣдовалъ все дѣло. Въ результатѣ оказалось, что фермеры этого новаго района могутъ жить съ успѣхомъ даже, если ихъ пшеница не принесетъ имъ больше 30 центовъ за бушель. Они считаютъ, что ея производство стоитъ имъ не больше 25, и что при фермѣ въ 500 акровъ—этотъ размѣръ считается здѣсь среднимъ—барышъ при этой цѣнѣ достаточенъ, чтобы содержать ихъ семейства вполнѣ комфортабельно. При цѣнѣ въ 75 центовъ за бушель хорошая ферма въ 500 акровъ должна дать хозяину десять тысячъ долларовъ чистаго барыша въ годъ, помимо

его среднихъ личныхъ расходовъ. Это что-то баснословное, не правда-ли, читатель? Въ американскомъ бушелѣ 600 англійскихъ фунтовъ пшеницы, т. е. около 66 русскихъ; въ центѣ, по теперешнему, довольно твердо установившемуся курсу, около двухъ русскихъ копѣекъ. Значитъ, споканскій пшеничный фермеръ процвѣтаетъ при цѣнѣ на пшеницу въ сорокъ копѣекъ за пудъ и не знаетъ, куда дѣвать деньги, когда она поднимается до рубля, какъ въ нынѣшнемъ году. Что это послѣднее выраженіе совершенно соотвѣтствуетъ дѣйствительности, я имѣлъ много доказательствъ. Одинъ торговецъ фермерскими чугунными печами, употребляемыми только для комфорта въ «парадныхъ» комнатахъ, передалъ мнѣ, что въ текущемъ году онъ продалъ 18 вагоновъ такихъ печей, тогда какъ среднее за предшествовавшія шесть лѣтъ было всего 3 вагона въ годъ. Пять здѣшнихъ банковъ не знаютъ, что дѣлать съ депозитами,—они увеличились въ пять разъ въ теченіе осени, тогда какъ никто не беретъ денегъ въ займы. Общее мнѣніе таково, что такое поднятіе пшеничныхъ цѣнъ дѣло ненормальное, временное, нѣчто свалившееся съ неба вопреки всяческимъ вѣроятностямъ. Здѣшніе пшеничные фермеры посойдутъ съ ума, если такое положеніе дѣлъ останется и на будущій годъ. Они уже приспособились къ низкимъ цѣнамъ, нашли пути сдѣлать и ихъ выгодными и такъ измѣнили свое хозяйство, что не боятся ихъ. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ они съумѣли понизить издержки производства на цѣлую половину. (У меня подъ руками серьезное изслѣдованіе пшеничнаго дѣла на Сѣверо Западѣ Союза, вышедшее въ 1887 г. и вычисляющее среднюю стоимость производства бушеля пшеницы въ крупныхъ хозяйствахъ въ полъ-доллара).

Никогда въ жизни не приходилось мнѣ встрѣчать сельскаго хозяина, россійскаго-ли помѣщика, американскаго-ли фермера, не ворчащимъ, не ропщущимъ и на небеса, и на погоду, и на пути сообщенія, и на всю свою горькую участь. Его удѣлъ—быть, такъ или иначе, вѣчно недовольнымъ. Въ Америкѣ онъ ропщетъ и на бюро погоды, не предсказывающее именно того, что ему нужно, и на долгіе рабочіе часы въ страдную пору, и на недостаточность представительства земледѣльческаго класса сообразно его численности въ правительствѣ, и на недостаточность, крайности протекціонизма. Споканскіе фермеры—мнѣ удалось побесѣдовать со многими—явились первымъ блистательнымъ исключеніемъ. Они благоденствуютъ въ нынѣшнемъ году превыше всякихъ ожиданій—и вполнѣ довольны. Въ текущемъ году въ споканскомъ пшеничномъ районѣ было засѣяно свыше восьмисотъ тысячъ акровъ. Судя по всему тому, что я видѣлъ и слышалъ тамъ, въ будущемъ году это пространство будетъ безъ малаго удвоено. Районъ этотъ, конечно, составляетъ и нѣкоторое время и въ будущемъ году будетъ составлять только очень незначительную каплю въ общемъ пшеничномъ дѣлѣ міра—бѣда для русскаго земледѣльца, конечно, не въ немъ, а въ томъ, что такихъ именно районовъ разводится на бѣломъ свѣтѣ съ каждымъ годомъ все больше и

больше. Если-бъ кто нибудь только двадцать лѣтъ тому назадъ вздумалъ предсказать, что штатъ Вашингтонъ—тогда совершенно незначительная территорія съ тридцатью тысячами жителей рыбаковъ и рудокоповъ—въ 1897 году произведетъ больше двадцати пяти милліоновъ бушелей пшеницы, надъ нимъ-бы даже не посмѣялись—такъ неправдоподобнымъ, такъ просто немыслимымъ показалось-бы подобное предсказаніе. А между тѣмъ сегодня это фактъ, а распахана въ этомъ штатѣ едва-ли одна двадцатая, и, всего вѣроятнѣе, не болѣе одной пятидесятой всей способной къ производству пшеницы земли. Въ немъ не мало графствъ, въ которыхъ свыше милліона акровъ въ каждомъ, принадлежащихъ федеральному и штатному правительствамъ земель, подлежащихъ праву homestead — въ общемъ, около тридцати милліоновъ, ожидающихъ заселенія даромъ, помимо столь-же многочисленныхъ милліоновъ акровъ пустырей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и желѣзнымъ дорогамъ. Слѣдующія десять лѣтъ могутъ съ успѣхомъ сдѣлать изъ одного этого штата самаго серьезнаго, самаго неумолимаго конкурента на всемірномъ пшеничномъ рынкѣ. Черезъ десять лѣтъ здѣшній фермеръ поставитъ въ сарай и паровой плугъ, и паровую молотилку; онъ будетъ работать электричествомъ, преспокойно сидя на верандѣ своего дома, и, чего добраго, еще разъ успѣетъ понизить издержки производства опять на цѣлую половину.

Я давно живу въ Америкѣ и давно привыкъ къ американской технической ловкости и изобрѣтательности, а и меня, признаюсь, городъ Спокан повергъ въ изумленіе и перенесъ цѣликомъ въ далекое, казалось мнѣ до сихъ поръ, будущее, въ XX-ое столѣтіе. Земледѣльцу, очевидно, меньше, чѣмъ кому либо, можно нынче спокойно сидѣть и ждать у моря погоды.

Въ Спокан семь большихъ мукомольныхъ мельницъ, производящихъ ежедневно до 2,200 бочекъ пшеничной муки. Весь излишекъ отъ мѣстнаго употребленія сбывается въ Японію и Китай. Стоимость производства доведена до возможнаго minimum'а, и паровымъ заводамъ очень трудно конкурировать съ этими новыми электрическими. Обратить 5 бушелей пшеницы, 300 англійскихъ фунтовъ зерна, въ бочку муки, вѣсящую 196 фунтовъ netto, стоитъ всего 27 центовъ, включая положительно всѣ расходы. По всей Америкѣ пшеничная мука обращается въ деревянныхъ, очень легкихъ, но крѣпкихъ бочкахъ — весь экспортъ съ востока тоже производится въ бочкахъ—и только здѣсь, на тихоокеанскомъ побережьи, для восточно-азіатскаго рынка мука упаковывается въ джутовые мѣшки, три на бочку, но всѣ разсчеты производятся на бочку.

Въ суткахъ ѣзды на востокъ отъ Спокана начинается пшеничный районъ штата Монтаны, въ главныхъ чертахъ совершенно одинаковый съ спокансклмъ, только здѣсь больше въ употребленіи искусственная ирригація. Урожаи пшеницы, въ среднемъ, еще выше, и качество ея лучше — бушель вѣситъ до 66 фунтовъ, а здѣшній ячмень считается наилучшимъ на всемъ континентѣ для солода и скупается цѣликомъ

пивоваренными заводчиками востока и центра. Пустой удобной земли также милліоны акровъ, и также едва самая незначительная ея часть распахана. Нельзя себѣ представить ничего безнадежнѣе и унылѣе тѣхъ пустынь, которыя какъ-бы чудомъ превращаются въ цвѣтущіе, производительные пшеничные районы. На горизонтѣ вездѣ угрюмыя, безлѣсныя, совершенно нагія горы — безцвѣтная, сухая, желтовато-сѣрая безжизненная, самая грустная картина природы, какую можно гдѣ-либо встрѣтить. Просто диву даешься, какъ могъ человѣкъ рѣшиться выбрать такія «отверженныя» мѣста для своего постояннаго жилища. А въ заселенныхъ уже оазисахъ, вырванныхъ у этой пустыни, богатые, кипящіе дѣятельностью, новенькіе съ иголочки города, съ десятками тысячъ жителей, прекрасно устроенныя фермы съ большими красивыми крашенными постройками, фруктовыми садами, и всѣми доказательствами обилія и благосостоянія. Въ каждомъ поселкѣ отличныя, часто прямо роскошныя школы, каменныя, съ превосходной мебелью и всевозможными дорогими учебными пособіями. Климатъ конечно нисколько не лучше, если не хуже климата черноземной полосы Россіи. Въ Монтанѣ термометръ стоитъ по недѣлямъ на 40° морозу по Реомюру — зима начинается въ октябрѣ и продолжается до мая. Въ одну сторону до Тихаго океана свыше 1,000 миль, т. е. 1,500 верстъ, въ другую свыше тысячи-же до великихъ озеръ и свыше двухъ до Атлантическаго океана. Удаленнѣе, захолустнѣе, глуше здѣшнихъ мѣстъ ничего, кажется, и выдумать нельзя. Въ сущности, та-же Сибирь.

За послѣднія пять лѣтъ русская печать постоянно, настойчиво говоритъ о земледѣльческомъ кризисѣ, о безнадежномъ положеніи сельскаго хозяйства, о повсемѣстномъ разореніи земледѣльца, вслѣдствіе паденія хлѣбныхъ цѣнъ. Правда, мудреный вопросъ о томъ, что выгоднѣе мужику—высокія или низкія цѣны на хлѣбъ, по всей видимости, и до сихъ поръ не рѣшенъ хоть сколько нибудь удовлетворительно, но не подлежитъ сомнѣнію, что низкія цѣны почти окончательно уходили крупнаго хозяина, преимущественно барина. Государство, пытаясь помочь ему, выдало ему свыше милліарда рублей ссудъ, а кризисъ все продолжается, всеобщія жалобы все ростутъ, и матушкѣ Россіи нерѣдко приходится возиться съ «недородами», «недостатками неурожая», а подъ часъ и съ настоящими, вполнѣ форменными «голодовками». «Засуха» является единственнымъ оффиціальнымъ объясненіемъ такого порядка вещей. А вотъ монтанскій пшеничный фермеръ вообще, а споканскій отчасти, совсѣмъ ея не боятся, хотя выпаденіе дождя у нихъ гораздо меньше и еще ненадежнѣе. Они просто не хотятъ быть въ зависимости отъ погоды и обезпечили себя отъ засухъ ирригаціей, которая не позволяетъ этимъ засухамъ обижать ихъ по своему усмотрѣнію и дѣлаетъ ихъ безусловно увѣренными въ урожаяхъ. У монтанскаго фермера тѣ-же грубыя, огромныя, закорузлыя руки, тѣже неуклюжіе, большущіе сапоги,

что и у черноземнаго русскаго мужика, и тотъ-же врагъ «засуха», но первый справился съ нею, тогда какъ второй все еще сидитъ и ждетъ чего-то, что имѣетъ свалиться съ неба и «вдругъ» избавить его отъ этого супостата, а покуда служитъ молебны, голодаетъ и уповаетъ неизвѣстно на что. «Начальство», правда, давно уже старается, но толку покуда выходитъ мало, и безконечная выносливость русскаго человѣка все еще является единственнымъ спасеніемъ. Такъ, «начальство» нерѣдко присылаетъ и къ намъ ученыхъ людей для изслѣдованія то ирригаціи, то лѣсного дѣла, то земледѣльческихъ машинъ и методовъ. Мнѣ приходилось встрѣчаться и бесѣдовать съ нѣкоторыми изъ нихъ. Отмѣнно благонамѣренные, знающіе и усердные люди. Но ни одинъ изъ тѣхъ, кого я встрѣчалъ, не могъ сказать хоть-бы одно слово по англійски. У всѣхъ было многое множество самоучителей и лексиконовъ—но, въ теченіи одной и той-же, сравнительно кратковременной командировки, научиться и языку и изучить такіе сложные предметы, какъ ирригація или лѣсное дѣло, конечно, тоже, что гнаться за разъ за двумя зайцами—не поймаешь ни того, ни другого. Когда я останавливалъ ихъ вниманіе на этомъ существенномъ препятствіи, казавшемся мнѣ совершенно непреодолимымъ, они обыкновенно отвѣчали, что учились когда-то въ гимназіи по-французски и по-нѣмецки, хотя, конечно, позабыли и то немногое, что знали, но что во всякомъ случаѣ надѣются успѣть, какъ нибудь, разсчитывали на случайности, удачу, и т. д., т. е., въ концѣ концовъ, на излюбленный русскій авось, и на то, что не боги-же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигаютъ. Кромѣ того, всѣ эти «изслѣдователи» чистѣйшіе теоретики, можетъ быть, отлично знающіе свою спеціальность по книгамъ, но только въ лучшемъ случаѣ очень мало знакомые съ практикой дѣла. А у насъ это первое. Не слѣдуетъ никогда упускать изъ виду, что у насъ всякое новшество, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, такъ и во всѣхъ другихъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности, всегда идетъ снизу, а не сверху, благодаря самодѣятельности самого народа вообще, или фермеровъ въ частности, а не установленныхъ для ихъ блага спеціальныхъ учрежденій. Возьмемъ, для примѣра, ирригацію. Я самъ владѣлъ и владѣю нѣсколькими ранчами въ Калифорніи. На каждой изъ нихъ своя система, свои приспособленія, свои детали, дѣлающія ирригацію успѣшною въ каждомъ данномъ случаѣ. Ничего общаго нѣтъ, кромѣ, конечно, того, что распредѣляется по участку вода. Я лично знаю десятки ранчей, въ которыхъ разница въ почвѣ, въ топографіи, въ источникѣ воды, въ ея относительномъ количествѣ, не говоря уже, конечно, о свойствахъ орошаемыхъ растеній, самымъ существеннымъ образомъ измѣняютъ всю систему ирригаціи. Необходимъ опытный глазъ хозяина практика, чтобы оцѣнить и опредѣлить, что именно нужно. Тоже самое утверждали и пшеничные фермеры Спокана и Монтаны. То, что хорошо въ одномъ случаѣ, совершенно не годится совсѣмъ ря-

домъ, и «нѣмому» изслѣдователю-теоретику не только не обнять всѣхъ этихъ особенностей, но и очень легко перепутать ихъ и обобщить въ совершеннѣйшій вздоръ. Такъ, по крайней мѣрѣ, всегда сдавалось мнѣ, когда я слушалъ ихъ увѣренныя рѣчи, и я былъ-бы очень радъ, еслибъ, какимъ нибудь чудомъ, эти мои предположенія оказались-бы несправедливыми.

П. А. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Испанско-американская война.—Парламентскіе выборы во Франціи.—Паденіе министерства Мелина.—Радикальное министерство Бриссона.—Дѣло Золя.—Германскіе выборы.

Испанско-американская война, хотя и не особенно быстро, но, тѣмъ не менѣе, съ неуклонной правильностью идетъ своимъ естественнымъ ходомъ. Начавшись въ архипелагѣ Филиппинскихъ острововъ, она затѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, перекинулась въ Вестъ-Индію, и мы только что были свидѣтелями событій, явившихся точнымъ повтореніемъ битвы при Кавитэ. Событія эти сконцентрировались вокругъ Сантъ-Яго, захолустнаго, но обширнаго и сильно укрѣпленнаго залива на южномъ берегу Кубы. Эта часть острова изрѣзана горами и покрыта лѣсомъ. Вслѣдствіе этого, она какъ-бы отрѣзана отъ болѣе населенной и доступной низменной части Кубы. Американцы едвали-бы обратили особое вниманіе на этотъ портъ, но имъ помогли сами испанцы. Дѣло произошло слѣдующимъ образомъ.

Когда изъ Испаніи направилась въ вестъ-индскія воды сильная эскадра адмирала Серверы, то американцы рѣшили дать ей сраженіе. Къ этому побуждала ихъ, какъ беззащитность восточнаго американскаго побережья, такъ и то обстоятельство, что присутствіе внушительной испанской эскадры чрезвычайно затруднило-бы американскія операціи на Кубѣ. Но для того, чтобы вступить въ сраженіе съ испанцами, американскія суда должны были встрѣтиться съ ними, а это было вовсе не такъ легко. Не надѣясь на свои силы въ открытой борьбѣ, испанскій адмиралъ предпочелъ уклониться отъ сраженія. Благодаря быстроходности своихъ судовъ и искуснымъ маневрамъ, онъ достигъ того, что американцы дѣйствительно потеряли его изъ виду. Летучая эскадра Шлея, высланная для наблюденія за испанскими судами, не могла разыскать ихъ. Телеграфъ лаконически сообщилъ: «испанскій флотъ исчезъ неизвѣстно куда». Но, конечно, эта игра въ прятки не могла продолжаться долго. Американцы узнали, что враждебная эскадра незамѣтно прошла

въ бухту Сантъ-Яго. И вотъ туда направляются лучшія американскія суда. Прибрежные холмы, отдѣляющіе бухту Сантъ-Яго отъ открытаго моря, не позволяли удостовѣриться, насколько было справедливо это извѣстіе. Но командовавшій американской эскадрой Шлей прибѣгъ для этого къ слѣдующему средству: онъ приказалъ бомбардировать Сантъ-Яго. И тогда, вмѣстѣ съ артиллеріей испанскихъ фортовъ, загремѣли въ отвѣтъ и орудія пріютившейся въ заливѣ Сантъ-Яго эскадры. Этого только и нужно было американцамъ. Они узнали, что эскадра адмирала Серверы заперта въ заливѣ и рѣшили не выпускать ее оттуда.

Испанская эскадра состояла изъ шести судовъ: четырехъ броненосцевъ (Кристобаль-Колонъ, Альмиранте-Оквендо, Бискайя и Инфанто Марія Тереза) и изъ двухъ контръ-миноносцевъ (Фуроръ и Плутонъ). Суда эти совершенно не были похожи на тѣ, которыя уничтожилъ Дьюи при Кавитэ. Это были сильныя боевыя единицы новѣйшей конструкціи, вооруженныя дальнобойной артиллеріей, такъ что съ ними, во всякомъ случаѣ, приходилось считаться. Входъ въ заливъ былъ снабженъ минными загражденіями и защищался сильными береговыми фортами. Поэтому, американцы ни въ какомъ случаѣ не могли расчитывать на легкую побѣду. Тѣмъ не менѣе, они твердо рѣшились сдѣлать эскадру Серверы безвредной. Мало-по-малу, они стянули къ Сантъ-Яго почти всѣ свои свободныя суда. Въ концѣ-концовъ, ихъ набралось около двадцати. Высшее командованіе было поручено контръ-адмиралу Сэмпсону. Одновременно производились дѣятельныя приготовленія къ отправкѣ на Кубу десантныхъ войскъ. Американскій флотъ то и дѣло открывалъ противъ Сантъ-Яго и береговыхъ укрѣпленій канонаду. Сильная артиллерія американскихъ судовъ производила опустошительныя дѣйствія. Но не довольствуясь этимъ, американскій адмиралъ рѣшилъ окончательно запереть испанскія суда въ бухтѣ. По плану одного молодого инженера Гобсона, онъ отправляетъ въ узкую часть пролива, соединяющаго море съ бухтой, старое угольное судно «Мерримакъ», съ тѣмъ, чтобы потопить его тамъ. По разсчету американцевъ, этого было достаточно для того, чтобы загородить совершенно проходъ. На Мерримакѣ находилось всего-на-всего семь человѣкъ. Движеніемъ судна руководилъ самъ Гобсонъ. Въ назначенномъ мѣстѣ подведенныя подъ корпусъ судна мины были взорваны, и оно немедленно погрузилось въ воду. Экипажъ весь былъ взятъ въ плѣнъ испанцами, которые не сразу поняли значеніе американскаго маневра и приписали честь потопленія «Мерримака» себѣ. Однако, вскорѣ обнаружилось, что затопленное судно вовсе не заграждаетъ входа въ заливъ. Такимъ образомъ, попытка Гобсона оказалась безрезультатной. Тѣмъ не менѣе, она была полезна американцамъ уже тѣмъ, что она вызвала въ Америкѣ всеобщій подъемъ духа. Приготовленія къ отправленію войскъ на Кубу, до тѣхъ поръ довольно медленныя, приняли ускоренный темпъ. И вскорѣ къ Сантъ-Яго направились транспортныя суда съ войсками.

Но прежде чѣмъ продолжать наше повѣствованіе, мы должны сказать нѣсколько словъ о сформированіи и организаціи американскихъ войскъ.

Соединенныя Штаты имѣютъ около 30,000 солдатъ регулярныхъ войскъ. Сверхъ того, каждый штатъ имѣетъ милицію Законъ, однако, не разрѣшаетъ пользоваться ею для внѣшней войны. Отдѣльные штаты могутъ лишь разрѣшить своимъ милиціонерамъ перейти въ случаѣ войны въ союзную армію. Такъ и сдѣлали нѣкоторые штаты, но это лишь немного облегчило созданіе арміи, необходимой для войны съ Испаніей. Главные же ея кадры составляются изъ волонтеровъ. До сихъ поръ было празвано конгресомъ около 200,000 человѣкъ. Недостатка въ волонтерахъ не чувствуется, но ихъ все же нужно обучить, организовать и экипировать. А на это нужно время, и потому Соединенные Штаты ни въ какомъ случаѣ не могли разсчитывать на возможность быстрыхъ и энергичныхъ дѣйствій и скорую побѣду.

Адмиралъ Сэмпсонъ позаботился о томъ, чтобы подготовить почву для высадки. Съ этой цѣлью онъ бомбардировалъ нѣсколько слабыхъ фортовъ, расположенныхъ вокругъ бухты Гвантанама, находящейся въ 40 миляхъ отъ Сантъ-Яго, и произвелъ довольно значительный дессантъ. Скоро подошли и транспортныя суда съ войсками. Ихъ было прислано 14,564 человѣка съ 773 офицерами. Этотъ экспедиціонный отрядъ состоялъ главнымъ образомъ изъ регулярныхъ войскъ. 11-го іюня началась общая высадка. Для того, чтобы отвлечь вниманіе испанцевъ, флотъ одновременно бомбардировалъ фортъ Кабанасъ и нѣкоторые другіе. Высадка произошла безо всякихъ затрудненій. Американцы тотчасъ-же пріобрѣли прочную позицію, и затѣмъ началось наступательное движеніе къ Сантъ-Яго, представлявшееся, въ виду неудобной мѣстности и отсутствія проѣзжихъ дорогъ, весьма не легкимъ. Къ берегу подошли и инсургенты, съ которыми американскіе военачальники вступили въ переговоры. 13 іюня произошло уже первое крупное столкновеніе у Харагвы, расположенной на востокъ отъ Сантъ-Яго. Дѣло произошло такъ: американскіе иррегулярные кавалеристы, «буйные всадники», на которыхъ возлагали большія надежды въ С. Штатахъ и которые, за невозможностью высадить лошадей, превратились въ пѣхоту, весело и беззаботно шли впередъ, какъ вдругъ они напали на испанскую засаду. Застигнутые врасплохъ, буйные всадники сначала отступили, но скоро оправились и выбили испанцевъ изъ позиціи. Послѣ этого американцы уже не встрѣчали серьезныхъ препятствій, пока не достигли укрѣпленныхъ пунктовъ Санъ-Хуанъ и Эль-Каней, находящихся уже у самаго Сантъ-Яго. Тутъ завязалось первое серьезное сраженіе, показавшее чего слѣдуетъ ожидать отъ сухопутной войны между испанскими и американскими войсками. Оба укрѣпленія послѣ ожесточенной борьбы были взяты американцами, но потери и съ той, и съ другой стороны были несоразмѣрно велики. У испанцевъ, по сообщенію испанскаго генерала, выбыло изъ строя болѣе половины, американцы же потеряли не менѣе 1,800 че-

ловѣкъ. Сантъ-Яго наполнился ранеными, превратившись почти въ сплошной лазаретъ. Ретраншементы и дороги покрылись трупами и умирающими. Вдобавокъ, какъ среди американцевъ, такъ и въ испанскомъ гарнизонѣ свирѣпствовала желтая лихорадка. Американскія войска не имѣли ни съѣстныхъ припасовъ, ни даже палатокъ и принуждены были двигаться и сражаться то подъ тропическими ливнями, то подъ зноемъ немилосердно палящаго солнца. Дѣйствія сухопутныхъ армій все время сопровождались огнемъ обѣихъ эскадръ. Испанскій адмиралъ даже выгрузилъ часть своихъ тяжелыхъ орудій, высадивъ вмѣстѣ съ ними и значительное количество моряковъ.

Дѣло близилось къ развязкѣ. Несмотря на всѣ затрудненія, съ которыми пришлось считаться американцамъ, они все тѣснѣе и тѣснѣе охватывали осажденный городъ. Постоянныя бомбардировки и недостатокъ съѣстныхъ припасовъ дѣлали его положеніе тяжелымъ. Мирное населеніе скоро покинуло Сантъ-Яго. Даже гражданскія власти перебрались подъ покровительство американцевъ. Окончательный штурмъ укрѣпленій задерживался только вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія войскъ и отсутствія свѣжихъ подкрѣпленій, которыя, впрочемъ, ожидались въ весьма непродолжительномъ времени.

Но тутъ совершилось событіе, значительно ускорившее ходъ дѣла. Адмиралъ Сервера, къ которому испанское правительство уже не разъ обращалось съ требованіемъ во что бы то ни стало выйти изъ бухты Сантъ-Яго и пробиться черезъ линію американскихъ броненосцевъ, наконецъ, рѣшился выполнить это приказаніе, хотя и былъ увѣренъ, что идетъ на вѣрную гибель. Въ воскресенье, 3-го іюля, испанская эскадра вышла на зарѣ изъ залива и была тотчасъ-же замѣчена американскими моряками. Сервера возложилъ всѣ свои надежды на быстроходность своихъ судовъ, съ которыми американская эскадра не могла въ этомъ отношеніи соперничать. На всѣхъ парахъ онъ двинулся къ западу; въ томъ-же направленіи понеслись и американскія суда, обстрѣливая уходившіе броненосцы. Испанская артиллерія дѣятельно отстрѣливалась, но силы сражающихся были крайне неравны, и тогда какъ американскіе снаряды то и дѣло попадали въ испанскія суда, выстрѣлы испанскихъ пушекъ не производили никакого дѣйствія. Черезъ 25 минутъ испанской эскадры уже не существовало. Отъ нея остался только «Кристобаль Колонъ», все еще несшійся впередъ, да застрявшая вслѣдствіе поломки своей машины въ заливѣ «Рейна Мерседесъ», остальныя-же суда или горѣли, или выбросились на прибрежныя скалы. Еще черезъ 20 минутъ та же судьба постигла и «Кристобаля Колона». Это было лучшее и быстроходнѣйшее судно эскадры. На немъ находился и самъ адмиралъ, который былъ взятъ въ плѣнъ.

Когда американцы перестали быть преслѣдователями, имъ пришлось превратится въ спасителей. Большинство испанскихъ судовъ было въ огнѣ. Пробитыя десятками американскихъ снарядовъ, они находились

въ самомъ плачевномъ состояніи. Палубы испанскихъ судовъ были покрыты убитыми и тяжело ранеными. Послѣ битвы сосѣдніе берега покрылись трупами и обломками судовъ. Всего оказалось 300 убитыхъ и утонувшихъ, 160 раненыхъ и 1400 взятыхъ въ плѣнъ. Вскорѣ послѣ этого сдался и Сантъ-Яго. Испанскій военачальникъ, генералъ Тораль, передалъ укрѣпленія, оружіе, боевые припасы и уступилъ всю восточную Кубу съ условіемъ, чтобы испанскія войска были въ возможно кратчайшій срокъ перевезены въ Испанію. Сдавшихся на такихъ условіяхъ оказалось 22,700 человѣкъ.

Въ настоящее время во всей переданной американцамъ области уже введенъ прокламаціей президента Соединенныхъ Штатовъ новый режимъ. Торговля объявлена свободной для всѣхъ націй; обитателямъ гарантирована полная безопасность личности и имущества; администрація остается, по мѣрѣ возможности, старая. Понижены ввозныя пошлины и т. д. Такая прокламація является первою въ своемъ родѣ и, можетъ быть, послужитъ даже—въ случаѣ, если Соединенные Штаты подъ обаяніемъ своихъ побѣдъ вступятъ на путь завоевательной политики,—прототипомъ для послѣдующихъ.

Вмѣстѣ съ утвержденіемъ американскихъ войскъ на южномъ берегу Кубы заканчивается первый періодъ испанско-американской войны, ознаменовавшійся полной гибелью испанскаго флота, отъ котораго остается теперь лишь эскадра, находящаяся въ настоящее время въ Средиземномъ морѣ и плавающая подъ флагомъ адмирала Камары. Эскадра эта направилась, было, черезъ Суэцкій каналъ къ Филиппинамъ, но гибель эскадры Серверы заставила ее вернуться обратно. Теперь эта эскадра лишена всякаго боевого значенія и можетъ лишь служить для нѣкоторой защиты испанскаго побережья отъ предполагаемаго нападенія американской эскадры. Гибель испанскаго флота носитъ характеръ истинной катастрофы. Испанія теперь лишена всякой возможности поддерживать и охранять свои колоніи; эти послѣднія какъ-бы отрѣзаны отъ нея. При такихъ обстоятельствахъ не только трудно, но даже прямо невозможно разсчитывать на благопріятный исходъ войны. Война теряетъ рѣшительно всякій смыслъ.

Невольно удивляешься, когда узнаешь, какъ мало Испанія была подготовлена къ войнѣ и какъ мало могла она сдѣлать для того, чтобы оказать Соединеннымъ Штатамъ сколько-нибудь значительное опротивленіе. Неподготовленность Испаніи всего лучше характеризуетъ слѣдующей эпизодъ, имѣвшій мѣсто на Маріанскихъ островахъ. Въ концѣ іюня, т. е. черезъ два мѣсяца послѣ объявленія войны, къ острову Гвама подошелъ американскій броненосецъ Чарльстоунъ и началъ стрѣлять по форту Санта Круцъ. Испанцы не отвѣчали. Спустя нѣсколько времени, на судно явились испанскіе офицеры, желавшіе узнать, что послужило причиной бомбардировки. Оказалось, что они не знали объ объявленіи войны! Фортъ немедленно сдался, причемъ оказалось, что у испанцевъ

было всего 54 маузеровскихъ ружья и столько-же ремингтоновъ. Руководители испанской политики очевидно не знали, на что они идутъ, вступая въ борьбу съ могущественной заатлантической республикой. Въ испанской политикѣ вы найдете и point d'honneur, и мужество, и настойчивость, нѣтъ только того, что называется здравымъ смысломъ. Потому-то столкновеніе морскихъ силъ и имѣло столь роковой для Испаніи характеръ. Какъ въ сраженіи при Кавитэ, такъ и въ послѣдующемъ столкновеніи у Сантъ-Яго, люди и суда были принесены въ жертву молоху войны рѣшительно безо всякой надобности. При Кавитэ испанцы отстаивали лишь свою честь, не имѣя ни малѣйшей надежды на успѣхъ, а изъ бухты Сантъ-Яго Сервера вышелъ только вслѣдствіе многократныхъ приказаній изъ Мадрида пробиться сквозь непріятельскую линію. Точно такую-же бойню испанское правительство хотѣло устроить и у Сантъ-Яго. Но генералъ Торраль не счелъ возможнымъ продолжать сопротивленіе и сдался, за что ему теперь грозятъ судомъ и наказаніемъ.

Можно подумать, что Испанія ищетъ подвиговъ, а не успѣховъ, и до извѣстной степени это дѣйствительно такъ. Дѣло въ томъ, что, въ силу своеобразныхъ условій, въ которыхъ находится въ настоящее время Испанія, ея внѣшняя политика соединяется въ одно неразрывное цѣлое съ внутренней. Нынѣшнее испанское правительство совершенно чуждо народу. Оно поддерживаетъ лишь интересы царствующей династіи, которой мирныя уступки оказались бы опаснѣе ожесточенной, хотя и безцѣльной войны. Вотъ почему Испанія не проявляетъ готовности прекратить войну даже и теперь. А на народныя волненія и укоризненные запросы въ кортесахъ правительство предпочло отвѣтить закрытіемъ парламентской сессіи и провозглашеніемъ осаднаго положенія. Но эти мѣры безсильны предотвратить пораженіе. Министерству Сагасты, на долю котораго выпала обязанность расплачиваться за старыя испанскія прегрѣшенія, приходится рѣшать вопросъ, что лучше: заключить-ли миръ теперь, когда у Испаніи остаются еще значительныя сухопутныя силы, или же сдѣлать это лишь послѣ окончательнаго разгрома? Несомнѣнно, что послѣ упорной и побѣдоносной войны американскія требованія еще болѣе повысятся. Между тѣмъ министерство не имѣетъ, повидимому, ни мужества, ни нравственныхъ силъ прекратить войну. Испанія лѣзетъ въ львиную пасть и, конечно, не выйдетъ оттуда невредимой. Единственнымъ благопріятнымъ послѣдствіемъ, котораго еще можно ожидать отъ этой войны, будетъ развѣ внутреннее перерожденіе, подобное тому, какое испытала Россія послѣ севастопольской катастрофы, Въ этомъ смыслѣ можно еще, пожалуй, сказать «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше». Но и такіе разсчеты, разумѣется, крайне ненадежны.

Вообще настоящая война, несомнѣнно, чревата послѣдствіями. Ближайшимъ предпріятіемъ американской арміи будетъ, по всей вѣроятности, завоеваніе Порторико, который Соединенные Штаты рѣшили, во всякомъ случаѣ, оставить въ своемъ владѣніи и сдѣлать операціонной базой. А

разъ въ ихъ рукахъ очутится этотъ островъ, вся Вестъ-Индія будетъ чувствовать ихъ власть надъ собою. Еще большія послѣдствія будетъ имѣть завладѣніе Филиппинскимъ островамъ, если только оно состоится. Всѣ эти событія очень легко могутъ привести Соединенные Штаты на путь милитаризма и сдѣлать изъ нихъ опаснаго соперника европейскихъ державъ.

Въ то время, какъ въ Новомъ Свѣтѣ разыгрывались событія испанско-американской борьбы въ двухъ государствахъ континентальной Европы въ Германіи и во Франціи шла другая борьба болѣе культурнаго и идейнаго рода, борьба избирательная. Французскіе выборы на этотъ разъ прошли совершенно незамѣтно и не произвели никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ группировкѣ партій. Большее значеніе имѣли они для личнаго состава палаты, такъ какъ многіе выдающіеся депутаты не прошли. Оказались забаллотированными даже нѣкоторые вожди парламентскихъ фракцій. Такъ, напр., не былъ избранъ Жоресъ, глава коллективистовъ, несмотря на то, что въ палатѣ онъ завоевалъ себѣ всеобщее уваженіе. Но это не значитъ, чтобы его партія потерпѣла на выборахъ пораженіе: въ новой палатѣ она получила даже большее число мѣстъ, чѣмъ въ старой. Точно такъ-же, какъ и въ старой палатѣ, абсолютнаго большинства не получила ни одна партія. Всѣхъ депутатовъ 581, для полученія абсолютнаго большинства нужно, слѣдовательно, 281 голосъ. Дѣйствительныя же силы партій выразились въ слѣдующихъ соотношеніяхъ: республиканцы безъ дальнѣйшаго обозначенія (оппортюнисты) насчитываютъ 225 представителей, радикалы и радикалы-соціалисты—182, соціалисты — 54, правая—49, присоединившіеся—45; къ другимъ партіямъ принадлежатъ, въ общемъ, 26 человѣкъ. Такимъ образомъ, правительственная оппортюнистская партія, для того чтобы бороться съ другими, должна была привлечь на свою сторону еще какую-нибудь фракцію. Министерство Мелина намѣревалось воспользоваться, какъ и прежде, поддержкой правой. Но съ самаго открытія сессіи въ радикальныхъ кругахъ возникла идея «концентраціи» т.-е. объединенія всѣхъ республиканскихъ партій съ исключеніемъ всякаго содѣйствія со стороны консервативныхъ элементовъ. Осуществленіе этого замысла наталкивалось, однако, на то затрудненіе, что какъ радикалы, такъ и республиканцы должны были сдѣлать для этого довольно существенныя уступки. Такъ, радикалы должны были положить подъ сукно проекты реформъ, вродѣ введенія подоходнаго налога, сближавшіе ихъ съ соціалистами, а республиканцамъ-оппортюнистамъ приходилось отречься отъ чуждаго радикализму министерства Мелина и согласиться на замѣну его другимъ.

Первыя засѣданія палаты, посвященныя выбору президента, повидимому, были неблагопріятны для такого объединенія. Радикальный президентъ прежней палаты Бриссонъ былъ забаллотированъ, а на

его мѣсто избранъ «умѣренный» Дешанель. Однако, это еще не могло имѣть особеннаго значенія, такъ какъ, тутъ кромѣ принципіальныхъ соображеній играютъ роль и чисто личныя. А Дешанель именно такой человѣкъ, который умѣетъ заручиться поддержкой и симпатіями другихъ. Какъ политическій дѣятель, онъ, конечно, не можетъ быть поставленъ на одну доску съ заслуженнымъ радикальнымъ бойцомъ Бриссономъ. Его политическое прошлое ознаменовано лишь безпринципной полемикой съ соціалистическими воззрѣніями преимущественно на почвѣ фактовъ аграрной эволюціи современной Франціи.

Но это свѣтскій человѣкъ съ изысканными манерами, щеголяющій элегантными костюмами и модными шляпами, красивый и ловкій и къ тому же краснорѣчивый. «Умѣренные» вовсе не считали его своимъ избранникомъ, но разъ его кандидатура была поставлена, онъ прошелъ, хотя и крайне незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Что избраніе Дешанеля совершенно не было разрывомъ умѣренныхъ съ радикалами, показали послѣдующія событія. Какъ только новая палата приступила къ дебатамъ объ общей политикѣ министерства, радикалы тотчасъ-же попытались реализовать свой планъ концентраціи». Они аттаковали министерство Мелина, указывая на то, что пользоваться услугами монархистовъ и клерикаловъ, услугами, которыя оказываются, разумѣется, не безкорыстно, республиканское правительство не должно. Мелинъ принялъ этотъ вопросъ близко въ сердцу, такъ какъ онъ лично ни въ какомъ случаѣ не могъ бы ужиться въ мирѣ съ радикалами. Этому мѣшало его прошлое. Онъ отказался порвать свою связь съ правой, и это было для него причиной паденія. Палата, хотя и небольшимъ большинствомъ голосовъ, высказалась противъ него.

Такимъ образомъ, это оппортюнистское министерство, втеченіи двухъ лѣтъ тяготѣвшее какимъ-то кошмаромъ надъ Франціей и безо всякаго стѣсненія отстаивавшее лишь интересы буржуазнаго благополучія, пало потому, что оно отказалось связать свои судьбы съ судьбами республики, которую оно взялось охранять и которую оно, въ дѣйствительности, защищало лишь слѣва, отказавшая даже отъ поддержки радикаловъ. Но какъ-бы то ни было, проектированное министерство концентраціи оказалось не такъ легко осуществить: между оппортюнистами и радикалами возникли споры изъ за числа портфелей, приходящихся на долю каждой партіи, и первыя попытки согласовать эти противоложныя притязанія, предпринятыя Рибо, Саррьеномъ и Пейтралемъ, закончились неудачей. Тогда сформированіе кабинета было поручено Бриссону, и онъ, отказавшись отъ мысли создать концентраціонное министерство, собралъ вокругъ себя одних только радикаловъ. Но при этомъ, въ своей вступительной декларація, министерство поставило на очередь лишь очень немногія и не имѣющія особаго значенія реформы вродѣ преобразованія фиска или уничтоженія налога на окна и двери, являющагося въ наше время какимъ-то нелѣпымъ анахронизмомъ и совершенно не соотвѣтствующаго со-

временнымъ понятіямъ о справедливомъ и цѣлесообразномъ налогѣ. Далѣе, министерство высказалось въ пользу введенія подоходнаго налога, но не настаивало на этомъ. Въ общемъ-же, его программа не имѣла существенныхъ отличій отъ программы Мелина. Даже дѣло Дрейфуса и Золя, легшее позорнымъ пятномъ на старое министерство, осталось точно въ такомъ-же безнадежномъ состояніи, какъ было раньше. Въ лицѣ новаго военнаго министра Каваньяка политика Мелина и его сподвижника генерала Бильо нашла себѣ вѣрнаго продолжателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, радикальному министерству, для сохраненія большинства на своей сторонѣ, пришлось рѣшительно порвать съ еще болѣе радикальной соціалистической партіей, стремящейся къ ниспроверженію существующаго строя. Однимъ словомъ, радикалы стали на стражу республики противъ покушеній какъ слѣва, такъ и справа. Пригодны-ли они для этой цѣли и долго-ли они удержатся у власти, покажетъ время. Пока-же мы видимъ лишь нерѣшительныя попытки и робкія стремленія. Въ настоящее время, какъ кажется, даже и въ самомъ министерствѣ возникли несогласія и раздоры, о которыхъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Причиной ихъ послужило все то-же злополучное дѣло Дрейфуса, о которомъ намъ не разъ уже приходилось говорить и которое порождаетъ все новыя и новыя осложненія. Мы сказали уже, что нынѣшній глава военнаго министерства усвоилъ себѣ на это дѣло взглядъ своего предшественника. И если онъ сказалъ нѣсколькими словами больше, то это всетаки нисколько не содѣйствовало уясненію сущности дѣла. Онъ заявилъ, что правительство имѣетъ въ своихъ рукахъ собственное сознаніе Дрейфуса, записанное капитаномъ Лебренъ-Рено, и что въ этомъ документѣ есть фраза: «*если* я выдавалъ документы, то это дѣлалось съ вѣдома военнаго министра». Справедливо-ли это показаніе или нѣтъ, но разъ мы вѣримъ первой его части, то volens nolens приходится отнестись серьезно и ко второй. Но Каваньякъ объ этомъ не обмолвился ни единымъ словомъ. И сверхъ того, противовѣсомъ показанію капитана Лебренъ Рено служитъ собственноручное письмо Дрейфуса къ министру, написанное уже послѣ осужденія и опубликованное его защитникомъ, въ которомъ Дрейфусъ проситъ продолжать разслѣдованіе дѣла и рѣшительно отрицаетъ свою вину. Въ незаконности приговора теперь уже едвали могутъ быть сомнѣнія, и даже самъ Каваньякъ не рѣшился защищать его съ этой точки зрѣнія.

Въ промежуткѣ времени въ Версали уже два раза разбирался процессъ Золя и оба раза безо всякаго результата. Золя и его защитникъ не пожелали принять сраженіе на тѣхъ условіяхъ, которыми хотѣла обставить процессъ Золя администрація. *Они* хотѣли, чтобы имъ дали возможность по существу доказать публично ложность обвиненія Дрейфуса. Но вслѣдствіе невозможности такой постановки дѣла они рѣшили до поры до времени уклониться отъ обсужденія, которое лишило-бы Золя всякой возможности продолжать свою борьбу. Сначала онъ просто сослался на неправильность

привлеченія его къ суду въ Версали, тогда какъ онъ живетъ и работаетъ въ Парижѣ, но кассаціонный судъ отвергъ это основаніе кассаціи. Когда-же это не помогло и Золя снова былъ привлеченъ къ отвѣтственности, то послѣ короткаго обмѣна словъ онъ удалился съ своимъ защитникомъ изъ залы суда, который долженъ былъ постановить обвинительный приговоръ заочно. А чтобы не быть вынужденнымъ подчиниться этому приговору немедленно, чтобы выгадать необходимый срокъ для болѣе правильной постановки дѣла и устранить мозможность новаго судебнаго разбирательства въ теченіе парламентскихъ каникулъ, Золя прибѣгнулъ къ слѣдующему пріему: онъ выѣхалъ изъ Парижа въ Норвегію, и такъ какъ по французскому закону, чѣмъ дальше находится обвиняемый отъ мѣста суда, тѣмъ болѣе продолжительный срокъ дается для явки, въ третій разъ дѣло можетъ разбираться приблизительно только по прошествіи двухъ мѣсяцевъ.

Тѣмъ временемъ совершаются знаменательныя событія. На другой день послѣ запроса Кастлена по дѣлу Дрейфуса, Пикаръ письмомъ къ президенту палаты заявилъ, что документы, упомянутые Кавеньякомъ и доказывающіе, будто-бы, виновность Дрейфуса, или не имѣютъ отношенія послѣднему, или-же поддѣланы. Послѣдствіемъ было то, что у Пикара былъ произведенъ новый обыскъ и притомъ произведенъ незаконно, въ его отсутствіе, а самъ Пикаръ — арестованъ. Почти одновременно былъ, однако, арестованъ и Эстергази, какъ говорятъ, вопреки желанію военнаго министра. Но въ положеніи ихъ есть существенная разница: тогда какъ Пикаръ привлеченъ къ отвѣтственности за раскрытіе военной тайны предъ постороннимъ лицомъ (Леблуа), то-есть за то, что онъ былъ *уже* судимъ дисциплинарнымъ судомъ, Эстергази только теперь попадаетъ въ руки правосудія за совершенные имъ подлоги (телеграммы Пикару за подписью Speranza и др.), о которыхъ прежнее министерство упорно молчало. Вмѣстѣ съ Эстергази называютъ, въ качествѣ его сообщника, и дю-Пати де-Клама.

Въ общемъ, все дѣло Дрейфуса продолжаетъ оставаться столь-же темнымъ, какъ и раньше. Мы, попрежнему, не знаемъ ни того, въ чемъ виновенъ Дрейфусъ, ни того, за что онъ осужденъ, ни того, наконецъ, насколько можно раздѣлять увѣренность французскаго главнаго штаба въ его виновности.

Германскіе выборы тоже не отличались оживленіемъ. Это объясняется тѣмъ, что въ настоящее время не стоитъ на очереди никакихъ особенно острыхъ вопросовъ и избирательная борьба велась исключительно на почвѣ партійныхъ разногласій. Тѣмъ болѣе значительнымъ явленіемъ представляется поразительный успѣхъ соціалъ-демократовъ, обнаружившійся при этомъ. Первоначальные выборы дали слѣдующіе результаты: изъ 211 окончательно избранныхъ депутатовъ 86 принадлежали къ центру,

39 были консерваторы, 34—соціалъ-демократы, поляковъ оказалось 14, 9 выставлено имперской партіей, 9 націоналъ-либераловъ, 2 свободомыслящихъ; представителей народной партіи, союза сельскихъ хозяевъ, «датчанъ» и членовъ баварскаго Bauernbund'a избрано по одному. При этомъ нужно замѣтить, что для окончательнаго избранія на первыхъ выборахъ кандидатъ долженъ получить абсолютное большинство, избранные-же относительнымъ большинствомъ подвергаются перебаллотировкамъ, при чемъ выборъ производится лишь между двумя депутатами, получившими наибольшее количество голосовъ. Когда оказалось, что на остающіеся еще 186 депутатскихъ мѣстъ заявляютъ претензію еще 101 соціалъ-демократовъ, само правительство забило тревогу и черезъ посредство оффиціально «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» заявило, что лозунгомъ всѣхъ партій порядка должно быть объединеніе, Sammlungspolitik, такъ какъ соціалъ-демократія является непримиримымъ врагомъ существующаго государственнаго и общественнаго строя. И дѣйствительно, къ такой тактикѣ прибѣгло большинство партій. Съ своей стороны, и соціалъ-демократы въ тѣхъ случаяхъ, когда у нихъ не было надежды провести собственнаго кандидата, голосовали за свободомыслящихъ, чтобы этимъ воспрепятствовать успѣху партій, стоящихъ правѣе. Въ результатѣ получалось сравнительно ничтожное усиленіе соціалъ-демократовъ на 22 человѣка, свободомыслящіе-же получили на перебаллотировкахъ 38 мѣстъ. При всемъ томъ, соціалъ-демократы провели въ рейхстагъ 56 человѣкъ, что представляетъ, по сравненію съ предыдущей сессіей, увеличеніе на 12 человѣкъ. Большинство остальныхъ партій уменьшилось въ численности представителей, и только центръ усилился 7-ю представителями.

Съ полной опредѣленностью о составѣ и политическомъ настроеніи новаго рейхстага можно будетъ судить лишь по открытіи сессіи. Но уже и теперь можно видѣть, насколько мало отражаетъ группировка парламентскихъ партій дѣйствительныя стремленія и взгляды народа. Если о чемъ-нибудь и даютъ еще сколько-нибудь ясное представленіе результаты послѣднихъ выборовъ, такъ это о соотношеніи правительственнаго и оппозиціоннаго теченія. Въ Германіи, вслѣдствіе независимости министерства отъ парламента, теченія эти носятъ гораздо болѣе постоянный характеръ, чѣмъ въ странахъ, гдѣ министерство создается парламентскимъ большинствомъ. Германское правительство привыкло уже смотрѣть на рейхстагъ, какъ на источникъ оппозиціи. Бисмаркъ превосходно умѣлъ справляться съ парламентскими затрудненіями. Рейхстагъ служилъ въ его рукахъ даже средствомъ къ подавленію оппозиціи въ странѣ. Но при его преемникахъ дѣло оказалось уже въ иномъ положеніи. Рейхстагъ мало по малу забралъ къ себѣ руководительство политикой. А такъ какъ нынѣшній германскій императоръ хочетъ не только царствовать, но и управлять, то ни онъ, ни групирующіеся вокругъ него слои общества не могутъ примириться съ такимъ capitis deminutio. Вотъ откуда идетъ призывъ къ объединенію партій порядка, и вотъ почему правительство

такъ встревожено новымъ усиленіемъ соціалъ-демократовъ. Хотя оффиціозная пресса и отрицаетъ, что въ правительственныхъ сферахъ возбуждался вопросъ объ ограниченіи всеобщаго избирательнаго права, но подобныя тенденціи, повидимому, носятся въ воздухѣ; нельзя думать, чтобы партіи, дорожащія имъ, стали безпричинно волноваться и выдвигать этотъ вопросъ на выборахъ. Во всякомъ случаѣ, это едва-ли не единственное средство, которымъ правительство могло-бы ослабить оппозиціонные элементы рейхстага и избавиться отъ давленія соціалъ-демократовъ.

Наше обозрѣніе было уже закончено, когда телеграфъ извѣстилъ о двухъ крупныхъ событіяхъ: о смерти Бисмарка и достиженія мирнаго соглашенія между Испаніей и С. Штатами. Что касается послѣдняго событія, то, послѣ всего сказаннаго, достаточно просто отмѣтить его. О политической-же дѣятельности Бисмарка и его значеніи въ исторіи современной Европы мы поговоримъ въ слѣдующей книжкѣ.

Санитарныя условія промышленнаго труда въ Смоленской губерніи.

Жбанковъ. Санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Смоленской губ. В. I и II. Изд. смол. губ. земства. 1894 и 1896 гг.

Смоленское губернское земское собраніе въ 1893 г. постановило произвести общее санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ Смоленской губерніи для того, чтобы на основаніи выводовъ изъ этого изслѣдованія выработать обязательныя постановленіи для фабричныхъ заведеній и организовать санитарный надзоръ за ними [1]). Въ уставѣ о промышленности фабричной и заводской (изд. 1893 г.) нѣтъ прямыхъ постановленій о санитарныхъ мѣрахъ для охраненія здоровья рабочихъ, обязательныхъ для предпринимателей. Въ этомъ уставѣ изданіе такихъ постановленій предоставляется губернскимъ земскимъ собраніямъ [2]) и возлагается на губернскія по фабричнымъ дѣламъ присутствія [3]). Дѣятельность этихъ учрежденій оказалась случайною и далеко недостаточною для защиты жизни и здоровья рабочихъ. Даже для такого промышленнаго района, какъ Петербургская губернія, петербурскимъ фабричнымъ присутствіемъ до 1895 г. не было выработано обязательнаго постановленія о мѣрахъ охраненія здоровья и жизни рабочихъ на заводахъ и фабрикахъ, и въ 1895 г. только еще разсматривался проектъ такого постановленія [4]). Въ Смоленской губерніи санитарное изслѣдованіе фабрикъ и заводовъ производилось съ апрѣля 1894 г. по ноябрь 1895 г. человѣкомъ, на котораго были возложены и другія обязанности по медико-статистическому отдѣленію [5]). Послѣ этого изслѣдованія должны быть выработаны и изданы обязательныя постановленія, а до сихъ поръ

---

[1]) Предисловіе къ «Санитарному изслѣдованію».

[2]) Ст. 75, примѣч.

[3]) Ст. 52,1.

[4]) «Русскія Вѣдомости», 1895 г., № 309.

[5]) Выводы къ «Санитарному изслѣдованію».

смоленскій рабочій долженъ безпрепятственно подвергаться тѣмъ вреднымъ условіямъ производства, съ которыми знакомитъ насъ изслѣдованіе.

Фабрично-заводская промышленность въ Смоленской губерніи развита мало. Изъ довольно значительнаго числа промышленныхъ заведеній, находящихся въ ней, громадное большинство имѣетъ кустарный характеръ съ очень небольшимъ числомъ рабочихъ (1—4 на каждомъ) [1]. Мелкія заведенія очень похожи другъ на друга и, поэтому, изслѣдовались не всѣ [2]. Наиболѣе крупными являются бумагопрядильныя и ткацкія фабрики (въ губерніи ихъ 4, изъ этихъ фабрикъ на одной—Ярцевской мануфактурѣ около 3 тысячъ рабоихъ и на другихъ по 15—25), хрустальные и стеклянные заводы (7, рабочихъ около 1.400) и спичечныя фабрики (4, рабочихъ около 500) [3]. Всѣ большія и среднія заведенія и тѣ малыя, которыя особенно вредны въ санитарномъ отношеніи, описаны по программѣ московскаго земства [4].

Посмотримъ, сколько рабочихъ и въ какихъ условіяхъ работаютъ на фабрикахъ и заводахъ въ Смоленской губерніи.

По санитарному изслѣдованію оказывается [5], что на большинствѣ фабрикъ и заводовъ Смоленской губерніи рабочіе работаютъ около 12 часовъ (по 11—13½) въ день. Число рабочихъ часовъ надо признать очень значительнымъ на спичечныхъ (по 12½ ч. и на одной 14¾) [6] и табачныхъ (отъ 11½ до 13 ч.) [7] фабрикахъ, въ виду особенно вредныхъ условій этихъ производствъ. На винокуренныхъ заводахъ рабочій день въ среднемъ 14—15 часовъ [8], а на сыроваренныхъ заведеніяхъ 16—17 час. [9]. Меньше 11 часовъ рабочіе работаютъ въ очень немногихъ заведеніяхъ (на хрустальныхъ и стеклянныхъ заводахъ, въ типографіяхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отдѣльныхъ заведеніяхъ). Женщины и подростки (отъ 15 до 17 лѣтъ) работаютъ наравнѣ съ мужчинами; на ярцевской фабрикѣ подростки и нѣкоторыя женщины работаютъ по 9 часовъ, тогда какъ мужчины и другія женщины по 12 час. [10]. Малолѣтніе (отъ 12 до 15 лѣтъ) работаютъ по 7½ и 8 часовъ; на ярцевской фабрикѣ они, кромѣ 8-ми-часовой работы, должны еще проводить 2¾ час. въ школѣ, гдѣ въ результатѣ ученики засыпаютъ [11]. Это представляетъ

[1]) «Санитарное изслѣдованіе». Фабрично-заводская промышленность въ Смоленской губерніи.

[2]) Предисловіе къ «Санитарному изслѣдованію».

[3]) «Санитарное изслѣдованіе». Фабрично-заводская промышленность въ Смоленской губерніи.

[4]) Предисловіе и выводы къ «Санитарному изслѣдованію».

[5]) Свѣдѣнія о рабочихъ, правила внутренняго распорядка и выводы.

[6]) В. II, стр. 412.

[7]) II. 429.

[8]) II. 426.

[9]) II. 434.

[10]) II. 360.

[11]) II. 401.

результатъ исполненія статьи 114 устава о промышленности, требующей отъ предпринимателей предоставленія малолѣтнимъ возможности посѣщать школы не менѣе 3 часовъ ежедневно или 18 час. въ недѣлю. Малолѣтніе по закону не могутъ быть занимаемы работою болѣе 8 часовъ въ сутки [1]). Возможно, что въ виду этого и не было показано болѣе 8 часовъ работы малолѣтнихъ ни при опросахъ, ни въ правилахъ внутренняго распорядка. Въ другихъ мѣстахъ бываютъ случаи, что малолѣтніе работаютъ и гораздо болѣе. На спичечной фабрикѣ (одно изъ наиболѣе вредныхъ производствъ) Зелихмана, мальчики лѣтъ 8—10 работаютъ за 10 копѣекъ по 12 часовъ безъ перерыва [2]) (ст. 109 устава о промышл. къ требованію 8-ми-часовой работы для малолѣтнихъ прибавляетъ, что работа не должна продолжаться болѣе 4 час. сряду). Ночныя работы имѣютъ мѣсто во многихъ заведеніяхъ (хрустальныхъ, стеклянныхъ, винокуренныхъ, маслобойныхъ и лѣсопильныхъ заводахъ, сыроваренныхъ заведеніяхъ и на ярцевской фабрикѣ; иногда на кожевенныхъ заводахъ, въ типографіяхъ и на мукомольныхъ мельницахъ). На одномъ стеклянномъ заводѣ въ гутѣ по ночамъ работаютъ и малолѣтніе [3]). Вообще малолѣтніе, по 110 ст. устава о промышл., не могутъ быть занимаемы работою между 9 ч. веч. и 5 ч. утра, но, по 1 примѣч. къ этой статьѣ, въ стеклянномъ производствѣ допускается занятіе малолѣтнихъ ночными работами. Работа въ этомъ производствѣ очень тяжела, изнурительна и особенно вредна для развивающихся молодыхъ организмовъ. «На стеклянныхъ заводахъ Смоленской губерніи, по показаніямъ наѣзжающихъ врачей, фабричныхъ фельдшеровъ и самаго населенія, очень развиты грудныя заболѣванія и чахотка» [4]). Нарушенія закона относительно ночныхъ работъ малолѣтнихъ, могли быть легко скрыты, но они возможны; такъ у Зелихмана къ ночнымъ работамъ допускаются и дѣти [5]).

Рабочій день оказывается очень длиннымъ, особенно если еще принять во вниманіе необходимые перерывы на обѣдъ и завтракъ и время, употребляемое на проходъ на работу и обратно домой. Утомленіе рабочаго отъ продолжительной работы до того сильно, что онъ «спитъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, не смотря на всю строгость наблюденія фабричной администраціи, не смотря на штрафы за это спанье, даже «сидя въ сортирѣ», какъ нерѣдко гласятъ правила, встрѣчающіяся на нѣкоторыхъ фабрикахъ» [6]). Чрезмѣрное утомленіе оказываетъ вредное вліяніе не только на общее состояніе здоровья, но и на количество несчастныхъ случаевъ отъ машинъ: ихъ больше бываетъ во вторую половину

---

[1]) Уставъ о промышл., ст. 109.
[2]) «Самарскій Вѣстникъ», 1897 г., № 43.
[3]) I, 83.
[4]) II, 460.
[5]) «Самарскій Вѣстникъ», 1897 г., № 33.
[6]) Дементьевъ. Фабрика, что она даетъ населенію и что она у него беретъ.

работы, въ особенности ночной, и больше ночью, чѣмъ днемъ [1]). Между тѣмъ, отъ сокращенія чрезмѣрно длиннаго рабочаго дня, производительность труда не падаетъ; напротивъ, даже увеличивается количество вырабатываемаго продукта и улучшается качество работы, такъ какъ увеличиваются силы рабочаго и онъ не такъ скоро утомляется [2]). Тогда какъ въ западной Европѣ рабочіе давно уже небезуспѣшно добиваются 8-ми-часового рабочаго дня, русскіе предприниматели изобрѣтаютъ своеобразный 8-ми-часовой день. На фабрикѣ Зелихмана «вмѣсто двухъ смѣнъ — три смѣны, каждая по 8 часовъ; пока одна смѣна отдыхаетъ — двѣ другія работаютъ. Это выходитъ на простой языкъ, что въ сутки каждая смѣна работаетъ вмѣсто 12 час. (прежній рабочій день на фабрикѣ Зелихмана) два раза по 8 час.» [3]). Подъ Рязанью на заводѣ Таусcона и Масленникова осенью 1896 года была попытка ввести 8-ми-часовую работу (8-ми-часовой день?) вмѣсто рабочаго дня въ 10½ час. Рабочіе были раздѣлены на 2 смѣны, и каждая, по очереди, должна была работать по 8 час. черезъ каждые 8 час., такъ что одинъ день однимъ приходилось работать дѣйствительно 8 час., а другимъ 16 час. другой же день наоборотъ; въ среднемъ получилось по 12 час. работы на день, вмѣсто 10½ час. Рабочіе черезъ 2 недѣли отказались отъ такой работы, и прежній рабочій день въ 10½ час. былъ возстановленъ.

Санитарная обстановка такого длиннаго рабочаго дня, по изслѣдованію смоленскаго земства, оказалась ужасной и гибельной для здоровья рабочихъ [4]), какъ то-же самое оказывалось и по отчетамъ фабричныхъ инспекторовъ, и по санитарному изслѣдованію московскаго земства, и по другимъ отдѣльнымъ изслѣдованіямъ. Особенно вредными производствами являются хрустальные и стеклянные заводы, а также спичечныя и табачныя фабрики. Относительно хрустальныхъ и стеклянныхъ заводовъ Жбанковъ говоритъ, что рабочіе на нихъ выглядятъ много хуже, чѣмъ на многихъ другихъ заводахъ. По его описанію, самой тяжелой и изнурительной является работа гутейщиковъ и шлифовщиковъ. «Гутейщики подвергаются, съ одной стороны, сильному дѣйствію лучистой теплоты и жары раскаленной печи, а съ другой—холода изъ растворенныхъ дверей и щелей ветхаго зданія; поэтому у нихъ нерѣдко являются болѣзни дыхательныхъ путей... Постоянное чрезмѣрное напряженіе легкихъ при выдуваніи посуды и дыханіе въ пыльной и дымной атмосферѣ, вѣроятно, является однимъ изъ важныхъ мотивовъ, способствующихъ развитію легочныхъ страданій у рабочихъ... Сильный жаръ и обильное питье холодной воды съ одной стороны причиняетъ раздраженіе желудочно-кишечнаго канала, а съ другой—усиленную потливость, и потъ вмѣстѣ съ садящейся на тѣло пылью раздражаетъ кожу, вызываетъ зудъ и заболѣванія кожи.

---

1) Янжулъ и др.

2) Брентано и др.

3) «Самарскій Вѣстникъ», 1897 г., № 33.

4) Вредныя условія производства и выводы.

При выдуванiи посуды, особенно зимой, когда желѣзная трубка холодная, у рабочихъ получается сильное раздраженiе губъ, эпителiй шелушится, образуются на губахъ трудно проходимыя и кровоточивыя трещины.... [1]) Всѣ шлифовщики все время сидятъ передъ колесомъ согнувшись, что мѣшаетъ правильному развитiю грудной клѣтки у молодыхъ людей и дѣтей, каковые бываютъ подмастерьями. Руки, одежда, нерѣдко и все тѣло шлифовщиковъ, покрыты грязной водой, стекающей съ колесъ и станковъ, что ведетъ къ развитiю различныхъ пораженiй кожи... У шлифовщиковъ развиваются еще спецiальныя пораженiя рукъ; локти и внутреннiя поверхности предплечiй у нихъ постоянно съ значительной силой надавливаются на сырыя подушки, а ладонями крѣпко сжимается шлифуемая посуда подъ колесомъ, почему они, особенно молодые, непривычные, чувствуютъ боль въ локтяхъ и ладоняхъ. Кромѣ того, на мѣстахъ давленiя нерѣдко образуются нарывы» [2]). Среди гутейщиковъ и шлифовщиковъ, по изслѣдованiю, оказались и малолѣтнiе—дѣвочки и мальчики отъ 12 лѣтъ [3]) (на одномъ заводѣ гутейщики работали и ночью) [4]). По закону безусловно воспрещается работа малолѣтнихъ «при выработкѣ стекла (выдуванiи издѣлiй), за исключенiемъ набора на трубки и раскатыванiи массы» [5]). На спичечныхъ фабрикахъ Смоленской губернiи, по описанiю изслѣдованiя, рабочiе и особенно дѣти представляютъ очень печальный видъ своей худобой, вялостью, цвѣтомъ лица и болѣзненностью. «Изо-рта почти у всѣхъ сильный запахъ фосфорными и сѣрными парами, десны сѣроватаго цвѣта... Болѣе чѣмъ у половины всѣхъ рабочихъ по нѣскольку зубовъ карiозныхъ и вовсе разрушившихся и выпавшихъ... У большинства рабочихъ зубы очень грязные, покрыты желтоватымъ или сѣрнымъ налетомъ, изъ-за котораго трудно разобрать начинающуюся порчу зубовъ» [6]). Такое состоянiе здоровья неудивительно въ виду полнаго отсутствiя предохранительныхъ мѣръ и антисанитарнаго устройства мастерскихъ. «Мастерскiя устроены очень неправильно въ санитарномъ отношенiи: макальня и сушильня спичекъ, гдѣ особенно много развивается фосфорныхъ, сѣрныхъ и парафиновыхъ паровъ, непосредственно сообщаются со всѣми остальными мастерскими; мало того, на одной фабрикѣ даже варка спичечной массы происходитъ въ общемъ зданiи, въ полутемномъ помѣщенiи, сообщающемся посредствомъ окна съ другими мастерскими; почти всѣ мастерскiя, особенно вредныя—макальни, сушильни и съемочныя, имѣютъ поразительно малое количество воздуха... надъ котломъ, въ которомъ фосфоръ смѣши-

---

[1]) I, 30.
[2]) I, 31.
[3]) I. Приложенiя. Результаты измѣренiя рабочихъ.
[4]) II, 405.
[5]) Кобеляцкiй. Справочная книга для членовъ фабричной инспекцiи. 1895 г. Стр. 91.
[6]) I, 220 и 221.

ваютъ съ спичечной массой, причемъ развиваются ужасные пары, нѣтъ ни прикрытій, ни вытяжныхъ трубъ... Температура въ нѣкоторыхъ мастерскихъ высока, а въ другихъ очень неравномѣрна... Во всѣхъ мастерскихъ, благодаря малымъ размѣрамъ ихъ по числу рабочихъ и плохой вентиляціи, вредные пары такъ сильно наполняютъ ихъ, что рабочимъ становится трудно дышать, и они отворяютъ наружныя двери даже въ холодное время... Постоянное согнутое, сидячее положеніе у съемщицъ, бандерольщиковъ, а главнымъ образомъ отвратительный, отравленный воздухъ въ мастерскихъ особенно вредно вліяютъ на развивающійся дѣтскій и юношескій организмы, а между тѣмъ рабочіе въ этомъ возрастѣ составляютъ громадное большинство на спичечныхъ фабрикахъ» [1]). По закону безусловно воспрещается работа малолѣтнихъ «на фосфорно-спичечныхъ фабрикахъ—въ помѣщеніи, гдѣ производится плавленіе массы; въ макальномъ отдѣленіи и сушильнѣ, а также для укладки спичекъ въ коробки» [2]). Малолѣтніе могутъ быть допускаемы къ работамъ на спичечныхъ фабрикахъ, изготовляющихъ шведскія спички, въ качествѣ выборщиковъ шведскихъ безопасныхъ спичекъ, въ помѣщеніяхъ, вполнѣ защищенныхъ отъ вредныхъ испареній... [3]). Антисанитарное устройство спичечныхъ фабрикъ имѣетъ мѣсто и въ другихъ губерніяхъ. Въ одной замѣткѣ объ изслѣдованіи Козинцева сѣрно-спичечнаго производства читаемъ: «искалѣченный ротъ, омертвѣвшія челюсти, впалая грудь, подозрительный кашель, дрожаніе рукъ, притупленный взглядъ— эмблема рабочаго изъ сѣрно-спичечной фабрики» [4]). Фабричный инспекторъ Рязанской губерніи указываетъ на полное антисанитарное устройство спичечныхъ фабрикъ: «въ зимніе дни, когда окна бываютъ закрыты, и въ особенности во время операціи «маканія», на фабрикѣ нельзя дышать отъ фосфорныхъ паровъ; неудивительно, поэтому, въ каждой фабрикѣ встрѣтить хоть одного рабочаго съ атрофированными фосфоромъ челюстями» [5]). Между тѣмъ, предохранительныя средства для здоровья рабочихъ на спичечныхъ фабрикахъ возможны [6]). Санитарныя условія табачнаго производства въ Смоленской губерніи Жбанковъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Вообще воздухъ на всѣхъ табачныхъ фабрикахъ содержитъ такую массу табачной пыли, что вдыханіе его должно оказывать сильное и двоякое вредное вліяніе: механическое раздраженіе дыхательныхъ путей пылью и ядовитое дѣйствіе всасывающагося никотина... [7]). Нѣкоторые даже изъ привычныхъ рабочихъ жаловались на постоянный ка-

[1]) II. 409 и 410.

[2]) Кобеляцкій. Справочная книга для чиновъ фабричной инспекціи. 1895 г. Стр. 92.

[3]) «Русск. Вѣдом.» 1896 г., № 98.

[4]) «Міръ Божій» 1897 г., № 1.

[5]) Мартыновъ. Статистическій обзоръ фабрично-заводской промышленности Рязанской губерніи за 1894 г., стр. IX.

[6]) Прессъ. Защита жизни и здоровья рабочихъ. В. II. 1892 г., стр. 159 и слѣд.

[7]) I. 136.

шель, боль въ груди, головную боль, горловыя и носовыя кровотеченія... [1]). Температура во время сушки бываетъ такъ велика, что иногда затлѣвается табакъ... [2]). Воздухъ въ сушилкахъ пропитанъ пылью и ѣдкими, захватывающими дыханіе, табачными парами... Рабочимъ приходится входить туда нѣсколько разъ въ день на 10—15 минутъ для перемѣшиванія табаку, причемъ почти у всѣхъ къ концу пребыванія въ сушилкѣ дѣлается головокруженіе и состояніе, близкое къ обмороку, хотя въ это время въ сушилкахъ отворяются наружныя двери. Иначе рабочіе не могли-бы пробыть тамъ и 10 минутъ; разъ одному рабочему пришлось пробыть въ сушилкѣ около 1/4 часа при затворенной двери, и его вынесли оттуда въ такомъ глубокомъ обморокѣ, что едва вернули къ жизни... [3]). Разработныя или машинныя мастерскія вовсе не отапливаются, и для вентиляціи въ нихъ даже зимой отворяются наружныя двери и окна, почему температура въ нихъ зимой падаетъ ниже нуля... [4]). Вентиляція на всѣхъ табачныхъ фабрикахъ почти совершенно отсутствуетъ; машины, изъ которыхъ особенно много вылетаетъ пыли, едва или вовсе не прикрыты, тогда какъ это прикрытіе устроить легко безъ большихъ расходовъ. До чего доходитъ небрежность въ этомъ отношеніи, достаточно указать на два примѣра: просѣиваніе табаку производится на обыкновенныхъ ситахъ, раскачиваемыхъ руками рабочихъ, слѣдовательно, вся пыль летитъ прямо въ лицо рабочимъ; на одной фабрикѣ къ ковшамъ дробилки мѣшки, въ которые падаетъ крошеный табакъ, привѣшены небрежно и съ такими дырами, что черезъ нихъ пыль клубами разносится по мастерской» [5]). Надо думать, что, въ общемъ, санитарныя условія труда на табачныхъ фабрикахъ Смоленской губерніи мало чѣмъ отличаются отъ условій, имѣющихъ мѣсто на тѣхъ же фабрикахъ въ другихъ губерніяхъ. Хотя, при изслѣдованіи, на табачныхъ фабрикахъ и не оказалось малолѣтнихъ, трудъ дѣтей въ этомъ производствѣ очень распространенъ. На всѣхъ табачныхъ фабрикахъ Россійской имперіи въ 1894 г. работало 32.894 рабочихъ, въ томъ числѣ взрослыхъ мужчинъ 10.845 и женщинъ 19.682; малолѣтнихъ до 10 лѣтъ: мужскаго пола 1.145 и женскаго 1.226 [6]). Очевидно, что табачныя фабрики пользуются относительно дѣтскаго труда исключеніями изъ общихъ законодательныхъ нормъ, какъ и стеклянные заводы относительно допущенія ночного труда малолѣтнихъ. Ст. 108 устава о промышл., запрещающая работу дѣтямъ моложе 12 лѣтъ, не защищаетъ болѣе 2-хъ тысячъ дѣтей моложе 10 лѣтъ отъ одной изъ самыхъ вредныхъ работъ. Отъ работъ на всѣхъ трехъ описанныхъ производствахъ малолѣтнимъ

[1]) II. 427.
[2]) I. 136.
[3]) II. 428.
[4]) II. 429.
[5]) II. 437.
[6]) Производительныя силы Россіи. Изд. министерства финансовъ. 1896.

не спасаетъ и ст. 111 устава о промышл., воспрещающая допущеніе малолѣтнихъ къ вреднымъ для здоровья и изнурительнымъ работамъ, которыя указываются по соглашенію министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ въ особыхъ спискахъ. Въ остальныхъ производствахъ Смоленской губерніи санитарныя условія работы почти всюду крайне неудовлетворительны. Вентиляція очень недостаточна или вовсе отсутствуетъ (маслобойные заводы, типо-литографіи, веревочныя заведенія и др.) [1]. Въ результатѣ въ мастерскихъ масса пыли [2]). На изразцовомъ заводѣ очень много неорганической пыли. На кожевенныхъ заводахъ воздухъ пропитанъ амміакомъ и другими зловонными газами и пылью отъ корья. На лѣсопильныхъ заводахъ большое количество мелкой и крупной древесной пыли. Въ наборныхъ (небольшихъ размѣровъ) типо-литографій скопляется очень много свинцовой пыли. На мукомольныхъ мельницахъ масса мучной и другой растительной пыли, отчего, кромѣ вреднаго вліянія на здоровье, представляется опасность пожаровъ и взрывовъ; послѣдніе «своей разрушительной силой могутъ быть поставлены на ряду со взрывами пороховыхъ заводовъ... Изслѣдованія Вебера показали, что когда въ кубическомъ метрѣ воздуха находится не менѣе 20—30 граммовъ мучной пыли, то такая смѣсь способна быстро воспламеняться отъ искры или отъ непосредственнаго соприкосновенія съ пламенемъ» [3]). Во многихъ другихъ заведеніяхъ тоже масса мелкой пыли (маслобойные и фарфоровые заводы, веревочныя заведенія и др.) [4]). Температура мастерскихъ неравномѣрная, холодная (до 2° R и ниже 0) [5]), часто сильный сквозной вѣтеръ (кирпичные, кожевенные, лѣсопильные, пивоваренные, винокуренные и паточные заводы, табачныя мукомольныя мельницы, веревочныя заведенія и др. [6]). Во многихъ мастерскихъ темнота, грязь и сырость (кирпичные кожевенные, пивоваренные и винокуренные заводы, типо-литографіи, сыроваренныя заведенія и др.) [7]). «Ярцевская фабрика единственная въ губерніи въ томъ отношеніи, что на ней примѣняются нѣкоторыя санитарныя мѣры, но въ то-же время она такъ велика,что эти мѣры далеко недостаточны, и всѣ антисанитарныя стороны выступаютъ болѣе рѣзко, чѣмъ на остальныхъ мелкихъ заводахъ и фабрикахъ» [8]). На ней оказалось: неудовлетворительное дневное освѣщеніе въ нѣкоторыхъ мастерскихъ; очень высокая температура, повышающаяся еще больше ночью; масса пыли; испорченный воздухъ, особенно ночью при газовомъ освѣщеніи; вентиляція недостаточна; «въ ткацкихъ такой ужасный стукъ стан-

---

[1]) П. 415, 424 и 431.
[2]) П. 413, 419, 421, 424 и 430.
[3]) Прессъ. Защита жизни и здоровья рабочихъ. В. II. 1892 г. Стр. 209.
[4]) П. 415, 432 и 431.
[5]) П. 422 и 429.
[6]) П. 413, 419, 421, 422, 425, 429, 430, 431 и 432.
[7]) П. 413, 419, 422, 424, 425 и 434.
[8]) П. 399.

ковъ, что у ткачей развивается головокруженіе, головная боль и тугость слуха» [1]). Въ Англіи еще въ 1878 г. былъ изданъ актъ о фабрикахъ и мастерскихъ, требующій въ § 3, чтобъ фабрики и мастерскія содержались въ чистотѣ, и воздухъ въ нихъ былъ свободенъ отъ всякихъ испареній, міазмовъ, происходящихъ отъ стоковъ для нечистотъ, ретирадъ и т. п. мѣстъ. Фабрика или мастерская во время производства работъ не должна быть переполнена народомъ настолько, чтобы это могло вредно повліять на здоровье лицъ, тамъ занятыхъ. Она должна быть вентилируема такимъ образомъ, чтобы, по возможности, сдѣлать безвредными всѣ порождаемые во время фабричнаго или ремесленнаго производства газы, пары, пыль и прочія выдѣленія, которые могутъ наносить вредъ здоровью» [2]). При работѣ смоленскимъ рабочимъ приходится пользоваться во многихъ случаяхъ сильно загрязненной пылью и иногда даже отравленной водой [3]). На хрустальныхъ и стеклянныхъ заводахъ вода стоитъ «въ открытыхъ сосудахъ и очень грязнится и пылится» (отъ жара сильная жажда). На спичечныхъ фабрикахъ «особыхъ резервуаровъ для держанія питьевой воды не имѣется» (вредные фосфорные, сѣрные и парафиновые пары). На многихъ кирпичныхъ заводахъ воду берутъ изъ заброшенныхъ ямъ, изъ которыхъ ранѣе бралась глина, и держатъ въ грязныхъ открытыхъ ведрахъ. На нѣкоторыхъ кожевенныхъ заводахъ «вода стоитъ въ совершенно открытыхъ ведрахъ въ мастерскихъ, загрязняется всякой пылью и пропитывается вонючими газами». На лѣсопильныхъ заводахъ «вода стоитъ въ открытыхъ ведрахъ и очень загрязняется пылью (мелкая древесная пыль). Въ типо-литографіяхъ «отсутствіе правильно устроенныхъ резервуаровъ для держанія питьевой воды» (вредная свинцовая пыль). На табачныхъ фабрикахъ «рабочіе отравляются табакомъ и посредствомъ питьевой воды; она стоитъ въ едва прикрытыхъ или совершенно открытыхъ ведрахъ и кадкахъ въ различныхъ мастерскихъ и сильно засаривается табачной пылью». Въ веревочныхъ и нѣкоторыхъ другихъ заведеніяхъ «нигдѣ нѣтъ правильно устроенныхъ резервуаровъ для воды» (масса мелкой пыли). Даже на ярцевской фабрикѣ «нигдѣ въ мастерскихъ не устроено цѣлесообразныхъ закрытыхъ резервуаровъ для воды; она стоитъ въ полузакрытыхъ или совершенно открытыхъ ведрахъ на окнахъ мастерскихъ и сильно загрязняется хлопчато-бумажной и другой пылью». Такой водой рабочимъ приходится пользоваться и въ другихъ мѣстахъ. Рабочіе на шерстомойкахъ, расположенныхъ по Дону вблизи Ростова, по необходимости утоляютъ жажду водой изъ Дона, испорченной грязью отъ промывки шерсти, сѣрочной водой, а въ нѣкоторыхъ шерстомойкахъ и нечистотами отъ отхожихъ мѣстъ [4]). Вокругъ мастерскихъ тоже грязь и зараженный

---

[1]) II. 400 и 401.

[2]) Труды коммиссіи для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ. В. I. 1880 г.

[3]) II. 402, 406, 410, 413, 419, 424, 429 и 431.

[4]) «Русскія Вѣдомости». 1896 г. № 278:

воздухъ [1]). На хрустальныхъ и стеклянныхъ заводахъ, кромѣ трехъ, вовсе нѣтъ отхожихъ мѣстъ для рабочихъ. На спичечныхъ фабрикахъ «очистка отхожихъ мѣстъ ведется очень неудовлетворительно, выгребныя ямы были переполнены и нечистоты выливались на дворъ». На маслобойныхъ заводахъ «подойти къ нѣкоторымъ отхожимъ мѣстамъ очень трудно изъ-за грязи и массы нечистотъ». На табачныхъ фабрикахъ табачная пыль при открытыхъ дверяхъ разносится вокругъ зданій на нѣсколько саженъ. На спичечныхъ фабрикахъ пары сѣры и фосфора разносятся на далекое разстояніе. «У рабочихъ нѣтъ никакихъ защищающихъ покрышекъ, верхнее платье ихъ виситъ въ мастерскихъ, почему вся одежда и платье ихъ перепачканы сѣрой и фосфоромъ и пропитаны парами; при отсутствіи умывальниковъ, они уходятъ домой съ сильно перепачканными руками». На кожевенныхъ заводахъ «воздухъ портится всевозможными твердыми отбросами, которые разбросаны и гніютъ на многихъ заводахъ по всему двору, разлагающимися лужами крови и различныхъ зловонныхъ жидкостей и пр. Тѣми же отбросами загрязняются почва и вода. Воздухъ, почва и вода загрязняются и заражаются различными отбросами и вслѣдствіе неудовлетворительнаго состоянія отхожихъ мѣстъ и въ нѣкоторыхъ другихъ производствахъ Смоленской губерніи.

Кромѣ вреднаго вліянія на здоровье антисанитарныхъ условій работы, смоленскіе рабочіе подвергаются постоянной опасности отъ неогражденныхъ машинъ [2]). На хрустальныхъ и стеклянныхъ заводахъ «машины, приводы, пролеты въ помостахъ нигдѣ не огорожены, а на одномъ заводѣ приводы образуютъ фигуру ∞, и рабочіе, мужчины и женщины, должны постоянно пролѣзать въ пространство между ремнями (другого хода по мастерской нѣтъ») [3]). Всѣ части приводовъ даютъ наибольшій процентъ несчастныхъ случаевъ [4]). На одномъ хрустальномъ заводѣ мастеръ сидитъ передъ станкомъ въ разстояніи не болѣе $1^1/_2$ арш. отъ неогороженнаго махового колеса [5]). «Маховыя колеса всего чаще служатъ причиною тяжкихъ увѣчій, такъ какъ они своими массивными ручками и ободомъ калѣчатъ и раздробляютъ члены рабочихъ, которымъ случается поскользнуться вблизи этихъ колесъ“ [6]).

На табачныхъ фабрикахъ «машины и приводы вовсе не огорожены, что представляетъ извѣстную опасность при тѣсномъ размѣщеніи машинъ и особенно при недостаточномъ вечернемъ освѣщеніи въ разработныхъ мастерскихъ: 2—3 висячихъ лампы или 3 фонаря со свѣчами». [7]) На одной табачной фабрикѣ „ремни и движу-

[1]) II. 407, 411, 416; I, 135, 143; II. 411, 417 и 418.

[2]) Свѣдѣнія о производствѣ и выводы.

[3]) II. 405.

[4]) Прессъ. Защита жизни и здоробья рабочихъ. В. I. 1891 г. стр. 51.

[5]) I. 8.

[6]) Прессъ. Защита жизни и здоровья рабочихъ. В. I. 1891 г. Стр. 51.

[7]) II. 429.

щіяся части машинъ вовсе неприкрыты и неогорожены, причемъ ремни проходятъ очень низко, одни около полу, другіе ниже уровня средняго человѣческаго роста. Проходы между машинами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень узки, около $^3/_4$ арш.». На другой „между двумя рѣзальными станками разстояніе только $^3/_4$ арш.» [1]). На винокуренныхъ заводахъ «различные пролеты, лѣстницы, помосты, приводы отъ машинъ совершенно неогорожены и при постоянной бѣготнѣ рабочихъ въ полутемныхъ помѣщеніяхъ угрожаютъ травмами; на одномъ заводѣ рабочимъ постоянно приходится подлѣзать и перешагивать черезъ приводные ремни во время дѣйствія машины» [2]). На маслобойныхъ заводахъ «машины, приводы отъ нихъ, люки закроповъ недостаточно огорожены, полы чердачныхъ помѣщеній, не смотря на то, что тамъ стоятъ дѣйствующія машины, представляютъ рѣдко сколоченныя доски съ большими пролетами. Все это, при ночныхъ работахъ, при недостаточномъ вечернемъ освѣщеніи и темныхъ закоулкахъ за машинами, при скользкомъ полѣ въ масляныхъ отдѣленіяхъ, представляетъ извѣстную опасность» [3]). Недостаточныя огражденія или полное отсутствіе ихъ замѣчается и на спичечныхъ фабрикахъ, на пивоваренныхъ и лѣсопильныхъ заводахъ, и на мукомольныхъ мельницахъ [4]). На кожевенныхъ заводахъ «качающіяся мокрыя и скользкія доски, перекинутыя черезъ мочильные пруды и сажалки, при плохомъ дневномъ и еще болѣе скудномъ вечернемъ (сальными свѣчами) освѣщеніи, угрожаютъ рабочимъ паденіями и ушибами, а въ глубокихъ прудахъ нетрудно и утонуть» [5]). На ярцевской фабрикѣ, «хотя всѣ наиболѣе опасныя части машинъ и приводовъ ограждены, но наименѣе опасныя движущіяся части не защищены, что при ночной работѣ, тѣсномъ расположеніи машинъ, недостаточномъ освѣщеніи въ глубинѣ мастерскихъ, дѣтскомъ трудѣ и неровныхъ полахъ представляетъ извѣстную опасность для рабочихъ). По больничнымъ книгамъ ежегодно бываетъ по 40 случаевъ поврежденій; при осмотрѣ рабочихъ нашли 78 съ послѣдствіями значительныхъ поврежденій рукъ, 96 съ порѣзами и свѣжими рубцами и 105 съ множественными ссадинами и царапинами. При этомъ нужно замѣтить, что малолѣтніе подвергаются поврежденіямъ вдвое чаще взрослыхъ» [6]). Данныя о несчастныхъ случаяхъ на ярцевской фабрикѣ болѣе 10 лѣтъ тому назадъ тоже показываютъ, что несчастій съ дѣтьми и подростками значительно больше, чѣмъ со взрослыми [7]). Вообще, для дѣтей работа на фабрикахъ гораздо опаснѣе для жизни и здоровья. «Малолѣтніе болѣе чѣмъ втрое, а подростки почти вдвое чаще

---

[1]) I. 135 и 147.
[2]) II. 426.
[3]) II. 415.
[4]) II. 410, 421, 423 и 430.
[5]) II. 419.
[6]) II. 401.
[7]) Земство 1882 г. № 20.

подвергаются несчастнымъ случаямъ, нежели взрослые рабочіе» [1]). Еще 30 лѣтъ тому назадъ въ объяснительной запискѣ къ проекту устава о промышленности было обращено вниманіе на то, что несчастія съ рабочими повторяются очень часто и особенно съ малолѣтними [2]). Уставомъ о промышленности не обращено должнаго вниманія на большую опасность отъ машинъ для дѣтей, также и для женщинъ; послѣднія легче могутъ быть захватываемы частями машинъ вслѣдствіе ихъ развѣвающагося платья. Въ Англіи еще въ 1878 г. былъ изданъ актъ о фабрикахъ и мастерскихъ, въ которомъ говорится, что ни дѣтямъ моложе 14 лѣтъ, ни подросткамъ, ни женщинамъ не должно быть поручаема работа между неподвижной и движущейся частями самодѣйствующей машины, когда онѣ находятся въ движеніи, и т. п. (§ 9 и др.) [3]). Въ санитарномъ изслѣдованіи Смоленской губерніи въ таблицѣ IX, представляющей различныя заболѣванія рабочихъ, въ десятую группу Жбанковымъ отнесены всѣ поврежденія, крупныя и мелкія, полученныя на работѣ (различныя травмы отъ работъ): въ эту группу занесены 174 мужскаго пола и 94 женскаго изъ 1.501 (муж. 1.299 и женщ. 202) случая заболѣваній, приведенныхъ въ таблицѣ [4]). Относительно значительныхъ травмъ Жбанковъ говоритъ, что на многихъ заводахъ съ паровыми машинами онъ встрѣчалъ отдѣльныхъ рабочихъ съ оторванными пальцами, кистями рукъ и даже цѣлыми предплечьями [5]). Въ газетахъ постоянно появляются краткія сообщенія о нѣкоторыхъ несчастныхъ случаяхъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ и заставляютъ обращать на себя вниманіе, хотя это только незначительная часть всѣхъ несчастныхъ случаевъ. Огромная часть тѣлесныхъ поврежденій, причиняемыхъ машинами, неизвѣстна никому, кромѣ пострадавшихъ, и не всегда извѣстна даже фабричной администраціи [6]). «Одинъ крупный московскій фабрикантъ ситца откровенно сознался г. Янжулу, что на его фабрикѣ доводится до свѣдѣнія полиціи только о такихъ несчастіяхъ, которыя скрыть невозможно, т. е. которыя грозятъ опасностью для жизни рабочаго. На распросы г. Янжула о количествѣ несчастій на одной крупной фабрикѣ, фабричный врачъ указалъ ему всего на шесть или семь случаевъ за цѣлый годъ, и на справедливое недовѣріе, выраженное имъ по этому поводу, врачъ сознался, что это только тѣ случаи, въ которыхъ пострадавшіе рабочіе обратились съ жалобой и просьбой о вознагражденіи. Только послѣ долгихъ со стороны московскаго фабричнаго инспектора убѣжденій врачъ согласился сообщить ему, что больныхъ съ травматическими поврежденіями отъ машинъ было за 1881 г. въ больницѣ 159 человѣкъ и амбулаторныхъ 268

---

[1]) Погожевъ, Фабричный бытъ въ Германіи и Россіи.

[2]) Труды коммиссіи для составленія проекта устава о промышленности 1862 г.

[3]) Труды коммиссіи для осмотра фабрикъ и заводовъ въ Москвѣ. В. I. 1870 г.

[4]) П. 474.

[5]) П. 460.

[6]) Иванюковъ. Политическая экономія.

человѣкъ. На другой крупной московской фабрикѣ молодой фабричный врачъ задумалъ, было, заняться болѣе основательно статистикой болѣзненности на своей фабрикѣ и для этого началъ вести записи больныхъ по новой, раціонально составленной программѣ, обративъ серьезное вниманіе также на количество и свойство травматическихъ поврежденій; но черезъ нѣкоторое время онъ получилъ отъ администраціи фабрики приказаніе оставить свою затѣю и отнюдь не оглашать получаемыхъ данныхъ» [1]). Несчастія съ рабочими сплошь и рядомъ случаются по винѣ предпринимателей, какъ объ этомъ можно заключить изъ только что описаннаго отношенія послѣднихъ къ предохранительнымъ мѣрамъ, изъ другихъ изслѣдованій и изъ отдѣльныхъ газетныхъ замѣтокъ. Рядъ характерныхъ выписокъ, указывающихъ на отсутствіе огражденій и тѣсноту въ размѣщеніи машинъ, дѣлаетъ Иванюковъ въ «Политической экономіи» изъ отчета московскаго фабричнаго инспектора Янжула, напр., «въ мануфактурѣ № 31, въ опальнѣ или палильнѣ, между двумя машинами со множествомъ зубчатыхъ колесъ, вращающихся въ разныхъ направленіяхъ, существуетъ проходъ всего, примѣрно, въ ³/₄ арш., черезъ который въ теченіе сутокъ проходятъ сотни рабочихъ и въ этомъ числѣ малолѣтніе... при господствующемъ шумѣ и жарѣ въ этомъ отдѣленіи. Мы знаемъ два слѣдующихъ случая: въ прошломъ году въ Рязани, на заводѣ рязанскаго товарищества по производству пахотныхъ орудій, вслѣдствіе неправильнаго устройства приспособленій при точилѣ у одного рабочаго оторвало одинъ палецъ на рукѣ и помяло другіе пальцы; черезъ недѣлю послѣ этого случая тоже самое повторилось съ другимъ рабочимъ. Очевидно, что неправильное устройство приспособленій при точилѣ ведетъ къ довольно правильному повторенію несчастныхъ случаевъ. «Статистика несчастныхъ случаевъ прямо показываетъ, что значительная часть увѣчій происходитъ отъ причинъ, которыя легко можно было бы устранить... Осторожность, опытность со стороны рабочихъ безъ устройства соотвѣтствующихъ огражденій и предохранительныхъ аппаратовъ, мало значатъ въ вопросѣ защиты жизни и здоровья рабочихъ» [2]). Между тѣмъ, всѣ необходимыя огражденія могли бы быть введены безъ вреда для промышленности, точно такъ-же, какъ сокращеніе рабочаго дня и увеличеніе заработной платы. Производительность труда не понижается отъ принятія предохранительныхъ мѣръ, а, напротивъ, получается даже нѣкоторое увеличеніе производительности, такъ какъ рабочіе, чувствуя себя въ безопасности, могутъ быть болѣе внимательными къ самой работѣ [3]). Въ уставѣ о промышленности нѣтъ прямыхъ постановленій закона объ обязательности тѣхъ или иныхъ огражденій, что, въ свою очередь, затрудняетъ гражданскій искъ и часто ведетъ къ отказу въ искѣ потерпѣвшему, вслѣдствіе трудности доказать

[1]) Иванюковъ. „Полит. экономія“.
[2]) Прессъ. Защита жизни и здоровья рабочихъ. В. I. 1891 г. Стр. 2 и 3.
[3]) Тамъ же. Стр. 4 и 5.

вину предпринимателя. Такія постановленія были еще 35 лѣтъ тому назадъ въ проектѣ устава о промышленности въ рядѣ статей, требующихъ огражденія паровыхъ машинъ, всѣхъ двигателей, приводовъ ихъ, отверстій и люковъ, устраиваемыхъ вровень съ полами котловъ и чановъ, шестерней, зубчатыхъ колесъ и проч. [1]). Отсутствіе постановленій и безнаказанность предпринимателей ведетъ къ полному игнорированію предохранительныхъ мѣръ. Яроцкій сообщаетъ интересный примѣръ, разсказанный Янжуломъ. На одной ткацкой фабрикѣ Янжулъ увидалъ машины извѣстной англійской фирмы, не дѣлающей этихъ машинъ безъ предохранительныхъ сѣтокъ. Хотя эти сѣтки и были присланы, машины оказались безъ нихъ, потому что выскакивающіе челноки, отъ которыхъ сѣтки должны предохранять рабочихъ, отлетая назадъ отъ сѣтокъ, могутъ разрывать матерію (дешевый миткаль); подъ лампами же эти сѣтки оказались для предохраненія стеколъ отъ тѣхъ же челноковъ [2]). Неудивительно, что при такихъ условіяхъ несчастія съ рабочими должны быть очень многочисленны. Погожевъ приводитъ параллельно нѣсколько цифръ несчастныхъ случаевъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ и убитыхъ и раненыхъ во время нѣкоторыхъ войнъ и сраженій и говоритъ, что впечатлѣнія его, какъ лазаретнаго врача, блѣднѣютъ передъ впечатлѣніемъ отъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ [3]). Конечно, эти сравненія случайны, и его заявленіе о болѣе тяжеломъ впечатлѣніи отъ несчастныхъ случаевъ на фабрикахъ и заводахъ можетъ казаться преувеличеннымъ. Но пока не существуетъ правильной статистики несчастныхъ случаевъ, нельзя разсѣять сомнѣнія, что это дѣйствительно такъ; тѣмъ болѣе, что въ его словахъ много правдоподобнаго. Если же съ перваго взгляда это и кажется страннымъ, то надо имѣть въ виду, что во время войнъ у насъ бываетъ сосредоточено вниманіе на потеряхъ арміи, и что наибольшій уронъ приходится на одно или нѣсколько сраженій, такъ что сразу получаются крупныя цифры; на фабрикахъ же несчастные случаи происходятъ исподволь въ теченіе цѣлаго года и въ различныхъ производствахъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ.

Въ такія условія работы въ Смоленской губерніи поставлены молодые организмы и женщины, какъ это показываютъ выводы санитарнаго изслѣдованія. «Женщины составляютъ около $^1/_4$ всѣхъ заводскихъ и фабричныхъ рабочихъ... На дѣтскій и юношескій возрасъ отъ 12 до 25 лѣтъ приходится болѣе половины всѣхъ рабочихъ—55,1%» [4]). Изъ осмотрѣнныхъ рабочихъ (5 тысячъ) малолѣтнихъ оказалось 8,8%, подростковъ 12,6% [5]). «Распредѣленіе рабочихъ-женщинъ по возрасту гораздо болѣе

---

[1]) Труды коммиссіи для составленія проекта устава о промышленности 1862 г.

[2]) Яроцкій. Страхованіе рабочихъ въ связи съ отвѣтственностью предпринимателей. 1895 г.

[3]) Погожевъ. Фабричный бытъ въ Германіи и Россіи.

[4]) II. 435.

[5]) Тамъ же.

неблагопріятно, чѣмъ у мужчинъ» [1]). Между тѣмъ, женщины, кромѣ общихъ вредныхъ вліяній на ихъ болѣе слабый организмъ, въ нѣкоторыхъ производствахъ должны еще переносить особенно вредное для нихъ вліяніе работы при помощи ногъ и стоянія во время работы. На одномъ сыроваренномъ заводѣ ножная сила женщинъ была употребляема для приведенія въ дѣйствіе топчака; «отъ этой оригинальной работы у нѣкоторыхъ женщинъ дѣлается головокруженіе и рвота» [2]).

Обратимъ вниманіе еще на то, что, при такой опасности для жизни и здоровья рабочихъ, на громадномъ большинствѣ заводовъ и фабрикъ Смоленской губерніи отсутствуетъ врачебная помощь [3]).

Изъ изслѣдованія можно также видѣть, какую ничтожную плату получаютъ рабочіе за свой трудъ, съ прямыми нарушеніями закона въ нѣкоторыхъ случаяхъ [4]), и въ какихъ крайне неудовлетворительныхъ жилищахъ они живутъ [5]).

П.

---

[1]) II. 436.

[2]) II. 434.

[3]) II. 398.

[4]) Свѣдѣнія о рабочихъ.

[5]) Зданія и мастерскія и выводы.

ПИСЬМО ИЗЪ ВѢНЫ.

Парламентскій кризисъ въ Австріи продолжается, и никто пока не можетъ знать, когда и какъ онъ окончится. Нынѣшній предсѣдатель рейхсрата, д-ръ Фуксъ, въ противоположность своему предшественнику г. Абрагамовичу, строго соблюдалъ парламентскій уставъ и предоставлялъ нѣмецкимъ оппозиціонерамъ полную свободу слова. Послѣдствіемъ этой предупредительности было уменьшеніе парламентскихъ скандаловъ, которые въ теченіи послѣдней сессіи происходили рѣже и въ которыхъ участвовали одни шенереровскіе депутаты, но о нормальной парламентской работѣ не было и рѣчи. Рейхсратъ всецѣло былъ занятъ преніями о привлеченіи бывшаго министра-президента графа Бадени къ судебной отвѣтственности и о назначеніи парламентской коммиссіи съ цѣлью обсужденія вопроса о равноправности языковъ. Пренія оказались безплодными и только разжигали національныя страсти, а сдѣланныя фракціями правой попытки добиться назначенія особыхъ засѣданій для разсмотрѣнія неотложнаго правительственнаго законопроекта о бюджетѣ, не увѣнчались успѣхомъ. Даже популярный законопроектъ объ отмѣнѣ налога на газеты, внесенный министромъ финансовъ Кайцломъ, не могъ быть поставленъ на очередь, хоть нѣмецкая опозиція, подобно другимъ партіямъ, признаетъ газетный налогъ, введенный въ Австріи еще въ концѣ прошлаго столѣтія, позорнымъ обремененіемъ современной печати.

На каждомъ экземплярѣ выходящей въ Австріи газеты можно видѣть казенную печать съ надписью «K. K. Zeitungs-Stempel» (императорско-королевскій газетный штемпель). Продаетъ-ли редакція всѣ свои экземпляры или нѣтъ, она, во всякомъ случаѣ, обязана платить за каждый экземпляръ всѣхъ своихъ изданій, утреннихъ или вечернихъ, одинъ крейцеръ налога, вызывающаго, какъ легко понять, вздорожаніе отдѣльныхъ нумеровъ и годовой подписной цѣны. Подписчикъ же на иностранныя газеты платитъ за каждый получаемый ими нумеръ *два* крейцера налога, который нерѣдко обходится дороже всей подписной цѣны. Тяжесть налога чувствуютъ по преимуществу народныя изданія, которыя

еле сводятъ концы съ концами. Изъ соціалъ-демократическихъ газетъ наибольшею распространенностью пользуется вѣнская «Arbeiter-Zeitung», отдѣльные нумера которой продаются по 5 крейц., т. е. по цѣнѣ безспорно высокой для рабочихъ. Распространенность этой бойко редактируемой газеты объясняется тѣмъ, что ее покупаютъ не одни рабочіе, а и многіе «бюргеры».

Соціалъ-демократическіе депутаты обрадовались предложенію министра финансовъ Кайцля отмѣнить газетный налогъ и предложили немедленно разсмотрѣть въ рейхсратѣ правительственный законопроектъ. Принятіе законопроекта могло бы послѣдовать по истеченіи одного часа. Тѣмъ не менѣе, нѣмецкіе оппозиціонеры признали разсмотрѣніе «неочередного» законопроекта покушеніемъ на принципы обструкціонизма, а члены шенерeровской и христіанско-соціалистской фракцій публично обвиняли соціалъ-демократическихъ депутатовъ въ поддержаніи тайныхъ сношеній съ правительствомъ и прозвали ихъ «императорско-королевскими» соціалъ-демократами. Эти обвиненія лишены, конечно, всякаго основанія. Профессоръ Кайцль еще въ бытность свою депутатомъ рейхсрата неоднократно порицалъ газетный налогъ и, ставъ министромъ финансовъ, немедленно рѣшилъ отмѣнить его.

Правительство попыталось поставить на очередь нѣкоторые другіе популярные законопроекты, какъ, напримѣръ, законоположеніе о повышеніи жалованья государственнымъ чиновникамъ, положеніе которыхъ, вслѣдствіе общей дороговизны, чрезвычайно плачевно. Такъ называемые христіанскіе соціалисты обязаны своими избирательными успѣхами въ Австріи, главнымъ образомъ, государственнымъ чиновникамъ, которымъ избирательные агитаторы обѣщали во время выборовъ золотыя горы. Христіанскіе соціалисты идутъ, однако, теперь рука объ руку съ другими нѣмецкими оппозиціонерами, и законопроектъ не былъ поставленъ на очередь.

Зато рейхсратъ въ теченіе цѣлыхъ недѣль занимался переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, и обструкціоннымъ рѣчамъ не было конца. Когда министръ-президентъ Тунъ, по отклоненіи предложенія о разсмотрѣніи бюджета, закрылъ рейхсратъ, больше шестидесяти нѣмецко-оппозиціонныхъ депутатовъ числились въ спискѣ отмѣченныхъ ораторовъ, а такъ какъ рѣчь каждаго оратора продолжалась бы, по крайней мѣрѣ, нѣсколько часовъ, то нетрудно высчитать, сколько засѣданій было бы «посвящено» безплоднымъ рѣчамъ объ угнетеніи нѣмецкой національности, еслибы закрытіе рейхсрата не послѣдовало и всѣ ораторы получили-бы слово.

Характеристикою послѣдней парламентской сессіи служило провозглашеніе нѣмецкими оппозиціонерами такъ называемой обще-нѣмецкой Gemeinbürgschaft. Въ то время, какъ подъ режимомъ графа Бадени христіанскіе соціалисты, въ знакъ благодарности за утвержденіе д-ра Люгера въ должности вѣнскаго городского головы, пассивно поддерживали пра-

вительство и порою даже выступали въ рейхсратѣ противъ обструкціонистовъ, сторонники Люгера по назначеніи кабинета Туна открыто перешли въ ряды нѣмецкихъ оппозиціонеровъ, вожди которыхъ заявили себя солидарными въ отпорѣ славянству и образовали съ этою цѣлью нѣчто въ родѣ исполнительнаго комитета. Комитетъ еще понынѣ существуетъ, и въ составъ его входятъ предсѣдатели клубовъ нѣмецкихъ прогрессистовъ, нѣмецкихъ народниковъ, нѣмецкаго вольнаго союза и христіанскихъ соціалистовъ. Въ комитетѣ отсутствуютъ только предсѣдатели шенерерровской фракціи и католической народной партіи. Георгъ Шенереръ не хотѣлъ засѣдать въ одномъ комитетѣ съ д-ромъ Люгеромъ и княземъ А. Лихтенштейномъ, которыхъ шенерерровцы считаютъ фиглярами и несерьезными борцами за нѣмецкое дѣло, а нѣмецкіе прогрессисты, въ свою очередь, нашли, по тактическимъ соображеніямъ, присутствіе революціонера Шенерера неудобнымъ. Отсутствіе шенерерровцевъ нисколько, однако, не умаляетъ вліянія этой фракціи на всю нѣмецкую оппозицію. Нѣмецкіе прогрессисты и народники состоятъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ депутатомъ Вольфомъ, который, подобно своему патрону Шенереру, развиваетъ оживленную агитаціонную дѣятельность. Подъ вліяніемъ этой нѣмецко-національной пропаганды христіанскіе соціалисты перешли въ ряды нѣмецкой оппозиціи, а нѣмецкіе клерикалы, несмотря на коалицію со славянами, опасаются противодѣйствовать обструкціонистамъ.

Лозунгомъ нѣмецкой оппозиціи все еще служитъ отмѣна распоряженій объ языкахъ, хотя распоряженія, изданныя въ апрѣлѣ 1897 г. графомъ Бадени, давно уже отмѣнены барономъ Гаучемъ и замѣнены болѣе благопріятными для нѣмцевъ. Эти новыя распоряженія изданы наканунѣ назначенія кабинета Туна, который ожидалъ смягченія нѣмецкой оппозиціи и возстановленія нормальныхъ парламентскихъ условій. Ожиданія не оправдались, и графъ Тунъ вынужденъ былъ закрыть рейхсратъ. Закрытіе не разочаровало, однако, графа Туна, который, подобно графу Бадени, надѣялся уладить споръ о равноправности языковъ на частной нѣмецко-чешской конференціи. Съ этою цѣлью правительство выработало основы законопроекта о равноправности языковъ въ Богеміи и Моравіи и пригласило вождей чеховъ и нѣмцевъ на частныя предварительныя совѣщанія въ Вѣну. Приглашенные чешскіе делегаты не замедлили пріѣхать въ Вѣну и согласились обсудить, сообща съ нѣмцами, правительственное предложеніе. Нѣмцы сначала не хотѣли слышать о частныхъ совѣщаніяхъ и требовали предварительной отмѣны распоряженій барона Гауча о языкахъ. Затѣмъ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, приглашенные нѣмецкіе делегаты представили вопросъ о принятіи или отклоненіи приглашеній министра-президента на разсмотрѣніе упомянутаго выше нѣмецко-оппозиціоннаго исполнительнаго комитета, члены котораго, прежде всего, потребовали текста выработанныхъ правительствомъ основъ законопроекта о языкахъ.

Надо замѣтить, что графъ Тунъ обѣщалъ нѣмцамъ немедленно отмѣ-

нить распоряженіе о языкахъ, если проектированная конференція въ принципѣ согласится выработать законопроектъ объ языкахъ. Министръ-президентъ имѣлъ въ виду, въ случаѣ такого соглашенія, созвать въ августѣ текущаго года рейхсратъ и внести законопроектъ объ языкахъ, одобренный конференціею.

Нѣмецко-оппозиціонный комитетъ, т. е. предсѣдатели нѣмецко-оппозиціонныхъ клубовъ, разсмотрѣвъ доставленные графомъ Туномъ основы законопроекта о языкахъ, рѣшилъ, что законопроектъ этотъ невыгоденъ для нѣмцевъ и что приглашенные нѣмецкіе делегаты не должны участвовать въ совѣщаніяхъ, на которыхъ выработанныя основы послужатъ предметомъ обсужденія. Конференція, такимъ образомъ, не состоялась, и графъ Тунъ, подобно графу Бадени, проектировавшему въ августѣ прошлаго года созваніе нѣмецко-чешской конференціи, потерпѣлъ фіаско. Графъ Тунъ отказался отъ созванія рейхсрата и закрылъ четырнадцатую парламентскую сессію. Закрытіе сессіи по австрійскимъ законамъ не обусловлено распущеніемъ рейхсрата и назначеніемъ новыхъ парламентскихъ выборовъ. Закрытіе ведетъ лишь къ тому, что нынѣшній рейхсратъ, по новомъ открытіи, обязанъ выбрать вновь предсѣдателя и вице-предсѣдателей, что всѣ законопроекты, предложенія и запросы, внесенные въ теченіе прошлой сессіи, лишаются силы и что депутаты рейхсрата до открытія новой сессіи не пользуются правомъ неприкосновенности и могутъ, подобно другимъ смертнымъ, подвергаться судебной отвѣтственности за совершаемые политическіе проступки.

Закрытіе сессіи послѣдовало, главнымъ образомъ, въ расчетѣ на пресловутый четырнадцатый параграфъ, съ содержаніемъ котораго мы познакомили читателей въ одномъ изъ прошлыхъ писемъ. Въ виду пріостановленія законодательной дѣятельности парламента, правительство проводитъ разные такъ называемые неотложные законопроекты административнымъ порядкомъ на основаніи § 14-го конституціоннаго устава. Со времени закрытія въ іюнѣ текущаго года рейхсрата уже послѣдовалъ цѣлый рядъ такихъ административныхъ распоряженій, въ томъ числѣ и распоряженіе о временномъ государственномъ бюджетѣ, хотя разсмотрѣніе бюджета считается въ каждомъ конституціонномъ государствѣ одною изъ главныхъ задачъ парламента, который во время бюджетныхъ преній имѣетъ возможность контролировать государственные доходы и расходы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, всю систему правленія. Въ Австріи бюджетныя пренія раньше продолжались цѣлыя недѣли, въ теченіе которыхъ вожди разныхъ партій и фракцій обстоятельно разбирали не только финансы страны, но также и общую политику даннаго кабинета. Проведеніе бюджета административнымъ порядкомъ подрываетъ основы конституціоннаго режима, а между тѣмъ этотъ способъ примѣняется со времени открытія нынѣшняго, избраннаго въ мартѣ 1897 г., рейхсрата уже во второй разъ и, никто, за исключеніемъ соціалъ-демократовъ, даже не протестуетъ противъ такой аномаліи! Какое-нибудь распоряженіе объ язы-

кахъ поглощаетъ все вниманіе національныхъ подстрекателей, которые въ своемъ національномъ фанатизмѣ забываютъ о томъ, что споръ изъ за этого распоряженія ведетъ къ пріостановленію всей парламентской жизни и къ неограниченному господству администраціи во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ.

Корень зла заключается въ австрійской набирательной системѣ, которая, несмотря на введенную въ прошломъ году пятую избирательную курію, все-еще оставляетъ желать многаго. Нынѣшній вѣнскій рейхсратъ насчитываетъ 425 депутатовъ, изъ которыхъ на долю пятой куріи, обусловленной общимъ избирательнымъ правомъ, приходится всего 70 депутатовъ, составляющихъ такимъ образомъ только *шестую* часть всѣхъ членовъ. Пять шестыхъ депутатовъ рейхсрата состоятъ изъ представителей *привилегированныхъ* сословій, изъ крупныхъ землевладѣльцевъ и другихъ имущихъ классовъ. Одни изъ этихъ привилегированныхъ депутатовъ, изъ которыхъ иные въ силу избирательнаго ценза выбраны полдюжиною голосовъ, не знаютъ другихъ нуждъ кромѣ узко-національныхъ и имѣютъ своимъ идеаламъ гегемонію и порабощеніе другихъ національностей, а другіе злоупотребляютъ національными дрязгами для ловли рыбы въ мутной водѣ или же для отвода глазъ отъ другихъ важныхъ соціально-политическихъ вопросовъ, рѣшенія которыхъ одинаково требуютъ интересы всѣхъ австрійскихъ народностей.

Говоря объ австрійскихъ народностяхъ, нельзя не замѣтить, что огромнѣйшее большинство австрійскаго населенія теперь, какъ и прежде, отвергаетъ національную травлю и признаетъ національную нетерпимость великимъ бѣдствіемъ для всей Австріи. Уже первый опытъ введенія пятой куріи обнаружилъ истинное настроеніе народныхъ массъ, преимущественно организованныхъ рабочихъ. Большинство послѣднихъ на послѣднихъ парламентскихъ выборахъ выбирало соціалъ-демократическихъ кандидатовъ, а основными пунктами австрійской соціало-демократической партіи служитъ примиреніе національностей. Въ рядахъ этой партіи находятся члены всѣхъ австрійскихъ народностей. Среди соціалъ-демократическихъ депутатовъ рейхсрата имѣются нѣмцы, поляки и чехи. Публицистическіе органы этой партіи издаются на нѣмецкомъ и славянскихъ языкахъ, и на народныхъ сходкахъ и съѣздахъ соціалъ-демократовъ никогда не обнаруживалось національныхъ недоразумѣній; рабочіе дружно живутъ между собою, и каждый изъ нихъ говоритъ на собраніяхъ на своемъ родномъ языкѣ. Организованные рабочіе, стало быть, практически уже разрѣшили вопросъ о языкахъ, между тѣмъ какъ господа интеллигенты ведутъ изъ за этого вопроса отчаянную борьбу и никакъ не могутъ или, вѣрнѣе, не хотятъ сговориться, хотя политическіе и экономическіе интересы интеллигенціи не менѣе страдаютъ въ этомъ національномъ хаосѣ, чѣмъ интересы рабочаго сословія.

Главное вниманіе австрійскаго правительства обращено въ настоящій моментъ на продленіе австро-венгерскаго экономическаго договора.

Для Австріи продленіе не представляетъ особыхъ затрудненій, потому что однажды уже продлили договоръ на одинъ годъ въ силу § 14-го, а такъ какъ кабинетъ Туна по части примѣненія этого эластичнаго параграфа еще менѣе церемонится, чѣмъ предшествовавшіе кабинеты Бадени и Гауча, то австрійское правительство можетъ хоть бы сейчасъ вновь продлить упомянутый договоръ административнымъ порядкомъ. Единственною помѣхою является Венгрія, конституція которой лишена подобнаго параграфа и которая вообще съ давнихъ поръ привыкла строже относиться къ исполненію конституціонныхъ обязанностей.

По смыслу венгерскаго конституціоннаго устава, австро-венгерскій экономическій договоръ имѣетъ быть представленъ на разсмотрѣніе парламентовъ *обѣихъ* половинъ имперіи и возобновляется лишь тогда, когда венгерскій *и австрійскій* парламенты принимаютъ законопроектъ о договорѣ большинствомъ голосовъ. Еще въ прошломъ году, когда рѣчь шла о продленіи договора на одинъ годъ, въ венгерскомъ сеймѣ произнесены были рѣзкія рѣчи противъ продленія въ Австріи договора административнымъ порядкомъ. Не только оппозиція, но также и многіе члены венгерской правительственной и либеральной партіи высказывались противъ такого извращенія конституціоннаго устава, а венгерскіе кошутіане, стремящіеся къ провозглашенію экономической самостоятельности Венгріи, настаивали на томъ, чтобы венгерское правительство воспользовалось австрійскимъ парламентскимъ кризисомъ и невозможностью провести экономическій договоръ легальнымъ, т. е. парламентскимъ, путемъ для учрежденія самостоятельной венгерской таможенной области. Венгерскій министръ-президентъ изъ уваженія къ коронѣ, настаивающей еще понынѣ на продленіи договора, принялъ всѣ мѣры для успокоенія венгерской оппозиціи и послѣ долгихъ трудовъ и усилій успѣлъ заручиться согласіемъ сейма. Баронъ Банффи сослался тогда на временный характеръ продленія и обѣщалъ принять мѣры къ охраненію экономической независимости Венгріи въ томъ случаѣ, если экономическій договоръ не будетъ въ текущемъ году возобновленъ со стороны Австріи парламентскимъ путемъ.

Венгерское правительство, дѣйствительно, выработало недавно автономный тарифъ, который предоставленъ былъ на разсмотрѣніе коммиссіи, созванной въ Будапештѣ для обсужденія вопроса объ австро-венгерскихъ экономическихъ отношеніяхъ. Автономный тарифъ, къ общему изумленію, содержитъ боевые пошлины не только на промышленныя произведенія, ввозимыя изъ Австріи въ Венгрію, но также на хлѣбъ и сырые продукты, равно какъ на скотъ. Вывозъ хлѣба изъ Венгріи превышаетъ ввозъ въ пятнадцать разъ, такъ что интересы этой по преимуществу земледѣльческой страны прямо требуютъ отмѣны всякихъ хлѣбныхъ пошлинъ. Не менѣе своеобразно проектируемое введеніе боевыхъ пошлинъ на сырье и на вспомогательные продукты, необходимые для развитія венгерской промышленности. Многіе члены коммиссіи вы-

сказались противъ автономнаго тарифа. Тѣмъ не менѣе, венгерское правительство достигло цѣли и доказало крайней лѣвой, что оно серьезно готовится къ экономическому разрыву съ Австріею и къ провозглашенію, въ случаѣ надобности, экономической независимости Венгріи.

Нынѣ же австрійское правительство вторично требуетъ отъ барона Банффи допущенія административнаго продленія Австріею договора! Венгерскій министръ-президентъ на первыхъ порахъ отклонилъ это требованіе и, какъ говорятъ, пригрозилъ даже отставкою; но графъ Тунъ выбралъ посредникомъ имперскаго министра финансовъ фонъ-Каллая, который пользуется въ рядахъ венгерской либеральной партіи большою популярностью и которому, быть можетъ, и удастся склонить венгерское правительство на новую уступку. Венгрія, во всякомъ случаѣ, можетъ только выиграть отъ вторичнаго продленія договора, потому что существующій договоръ настолько же выгоденъ для Венгріи, насколько неблагопріятенъ для Австріи. Продленіе означаетъ оставленіе существующаго договора безъ всякихъ измѣненій, такъ что Венгрія можетъ и впредъ вносить всего 30°/₀ общеимперскихъ расходовъ.

Закрытіемъ четырнадцатой сессіи графъ Тунъ пріобрѣлъ, какъ выражаются оффиціозныя газеты, свободу дѣйствій. Дѣло въ томъ, что во время прошлой сессіи австрійскій и венгерскіе парламенты выбрали такъ называемыя Quoten-Deputationen, депутаціи съ цѣлью установленія долей Австріи и Венгріи въ обще-имперскихъ расходахъ. Хотя въ засѣданіяхъ депутацій обнаружились разногласія, однако, венгерскіе депутаты уже примирились, было, съ нѣкоторымъ повышеніемъ доли Венгріи. По закрытіи же сессіи труды этихъ депутацій оказываются безпредметными; корона можетъ оставить распредѣленіе расходовъ между обѣими половинами имперіи безъ измѣненій и этимъ оказать Венгріи услугу въ ущербъ Австріи.

Австрійскіе интересы, какъ политическіе, такъ и экономическіе, могутъ только пострадать отъ административнаго продленія экономическаго договора съ Венгріею. Виною же всему этому—національная распря, лишающая рейхсратъ возможности заниматься обсужденіемъ серьезныхъ государственныхъ вопросовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Австріи не трудно было-бы возобновить договоръ съ Венгріею на болѣе выгодныхъ для австрійской торговли и промышленности началахъ, еслибы въ вѣнскомъ рейхсратѣ существовало, подобно тому, какъ въ венгерскомъ сеймѣ, прочное большинство. Такое большинство при нормальныхъ условіяхъ легко было бы образовать, потому что среди нѣмецкихъ, польскихъ и чешскихъ депутатовъ рейсхрата имѣются многіе политическіе единомышленники, связанные сверхъ того обще-экономическими интересами своихъ народностей. Въ нынѣшнемъ кабинетѣ Туна портфели министровъ финансовъ и торговли находятся въ рукахъ д-ровъ Кайцля и Бернрейтера. Д-ръ Кайцль раньше былъ однимъ изъ вождей младо-чешськой партіи, а д-ръ Бернрейтеръ состоялъ предсѣдателемъ клуба нѣмецко-конституціон-

ныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. И вотъ, эти національные антиподы, ставъ министрами, идутъ въ экономическихъ вопросахъ рука объ руку— они оба принадлежатъ къ новой соціально-политической школѣ и поддерживаютъ другъ друга по части соціальныхъ преобразованій. Не показываетъ ли этотъ фактъ, что нѣмецкіе и чешскіе патріоты, разъ они оставляютъ сферу узко-національной и круговой дѣятельности, могутъ дружно работать на благо всѣхъ австрійскихъ народностей?

Нѣмцы, между прочимъ, возмущены были тѣмъ, что поляки и чехи проявили свою солидарность на юбилеяхъ Палацкаго и Мицкевича въ Прагѣ и Краковѣ, хотя эта солидарность является логическимъ послѣдствіемъ провозглашенной нѣмцами же Gemeinbügschaft. Нѣмецкіе оппозиціонеры издѣваются по преимуществу надъ *поляками*, идущими рука объ руку съ младо-чехами, и, главнымъ образомъ, потому, что младо-чехи тяготѣютъ къ Россіи. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что австрійскіе поляки, подобно русскимъ полякамъ, успѣли многому научиться и стали, прежде всего, реальными политиками, чуждыми иллюзій. Было время, когда руссофобство стояло въ Галиціи на очереди и галицко-польская печать являлась какъ-бы гнѣздомъ для распространенія разныхъ утокъ про Россію. Время это прошло. Современные галицкіе поляки не только не руссофобствуютъ, но даже искренно желаютъ упроченія дружественныхъ отношеній между русскими поляками и русскимъ народомъ и увѣрены въ обоюдной полезности такихъ отношеній. Галицкіе поляки привѣтствуютъ также установленіе дружественныхъ отношеній между Россіею и Австро-Венгріей, и ихъ радуетъ фактъ, что какъ разъ графъ Голуховскій стоитъ нынѣ во главѣ австро-венгерскаго министерства иностранныхъ дѣлъ и поощряетъ лояльное отношеніе Австро-Венгріи къ Россіи.

«Руссофильство» младо-чеховъ нисколько, стало быть, не мѣшаетъ полякамъ быть солидарными съ чехами, причемъ эта солидарность ничего, конечно, общаго не имѣетъ съ такъ-называемымъ панславизмомъ. Австрійскіе поляки и теперь, какъ прежде, пользуются большимъ довѣріемъ въ высшихъ австрійскихъ сферахъ, въ которыхъ вотъ уже цѣлые десятки лѣтъ признаютъ вѣрность, лойяльность и даровитость польскихъ политиковъ. Поляки раньше поддерживали дружественныя сношенія съ австрійскими нѣмцами, которые, къ счастію, со времени возникновенія шенереровской агитаціи стали клеймить всѣхъ поляковъ. Графъ Бадени безспорно надѣлалъ много промаховъ и ошибокъ, но можно-ли обвинять цѣлый народъ въ промахахъ, совершенныхъ одною личностью, тѣмъ болѣе, что самъ графъ Бадени, какъ всѣмъ хорошо извѣстно, никогда не былъ врагомъ нѣмцевъ и неоднократно даже публично признавалъ великія культурныя заслуги нѣмецкаго народа? Славянская солидарность вызвана исключительно нѣмецко-національною травлею противъ всего славянства. Нѣмцы не имѣютъ основанія подтрунивать надъ этою солидарностью, потому что и въ рядахъ нѣмецкой оппозиціи находятся по-

литическіе антиподы, какъ, напримѣръ, нѣмецкіе прогрессисты и люгеріане. Въ интересахъ всѣхъ австрійскихъ народностей слѣдуетъ желать, чтобы ожесточенная нѣмецко-славянская борьба прекратилась и чтобы лозунги о нѣмецкой Gemeinbürsgchaft и славянской солидарности замѣнились девизомъ солидарности искреннихъ друзей всѣхъ австрійскихъ народностей. Въ такой странѣ, какъ Австрія, гегемонія одной народности немыслима, потому что національное самосознаніе другихъ народностей слишкомъ развито.

З—дъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

А. Критика.

Шекспиръ въ переводѣ и объясненіи А. Л. Соколовскаго. 8 томовъ. С.-Петербургъ, 1894—1898 гг.

Въ современной русской литературѣ рѣдко можно встрѣтить талантливаго человѣка, который бы съ такой настойчивостью, такъ добросовѣстно и такъ неутомимо, изучилъ одного изъ величайшихъ европейскихъ поэтовъ, какъ это дѣлаетъ А. Л. Соколовскій. Талантливый поэтъ, извѣстный и раньше своими многочисленными переводами лучшихъ образцовъ европейской поэзіи, г. Соколовскій тридцать пять лѣтъ тому назадъ задумалъ подарить русской публикѣ полный стихотворный переводъ Шекспира. Въ то время такое предпріятіе казалось настолько значительнымъ и трудно выполнимымъ, что оно едва-ли бы когда-либо пришло къ осуществленію, еслибы не счастливая случайность. Еще до закрытія «Современника» (въ 1866 г.) Некрасовъ задумалъ дать полный стихотворный переводъ англійскаго поэта, при участіи лучшихъ русскихъ поэтовъ, а также Н. В. Гербеля, П. Н. Полевого и В. П. Боткина Для этого изданія г. Соколовскій перевелъ тринадцать пьесъ Шекспира («Зимняя сказка», «Король Ричардъ II», двѣ части «Короля Генриха IV», три части «Короля Генриха VI», «Король Генрихъ V», «Троилъ и Крессида», «Ромео и Джульета», «Антоній и Клеопатра», «Периклъ» и поэма «Венера и Адонисъ»). Съ тѣхъ поръ г. Соколовскій не переставалъ трудиться надъ Шекспиромъ, изучалъ его въ лучшихъ изданіяхъ, знакомился съ обширной шекспировской литературой, посѣтилъ родину поэта въ Страдфордѣ на Эвонѣ и въ 1894 году приступилъ къ изданію Шекспира въ полномъ своемъ переводѣ. Это изданіе въ настоящую минуту закончено и составляетъ восемь большихъ томовъ. Оно обогащено большой вступительной статьей о Шекспирѣ и его значеніи въ литературѣ, историко-литературными этюдами каждой пьесы и многочисленными объяснительными примѣчаніями.

Еще въ 1865 году, при первомъ изданіи Шекспира на русскомъ языкѣ, Некрасовъ и Гербель предпослали небольшое предисловіе, въ которомъ, между прочимъ, писали: «издавна у насъ слышатся жалобы на то, что нѣтъ полнаго русскаго перевода, по которому русскій читатель могъ бы удовлетворительно познакомиться съ великимъ англійскимъ поэтомъ. Болѣе всѣхъ сдѣлалъ для устраненія этого недостатка Н. Х. Кетчеръ, который издалъ въ своемъ переводѣ двадцать пьесъ, т. е. большую половину драмъ Шекспира. Вмѣстѣ съ публикой мы отдаемъ должную справедливость его труду, но думаемъ, что, при всей своей добросовѣстности, трудъ г. Кетчера не только теперь, но даже и тогда, когда будетъ оконченъ, не будетъ уменьшать надобности въ другомъ переводѣ, который бы не только передавалъ смыслъ, но и воспроизводилъ форму твореній Шекспира. Переводъ г. Кетчера сдѣланъ прозой, а всѣ драмы Шекспира написаны стихами, и только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются отдѣльныя сцены, написанныя прозой. Никто на будетъ спорить, что только стихотворный переводъ можетъ служить нѣкоторою замѣной стихотворнаго подлинника для публики, желающей наслаждаться на своемъ языкѣ изученіемъ твореній иностраннаго поэта. Въ литературахъ болѣе богатыхъ, чѣмъ наша, находились поэты, посвящавшіе значительную часть своей жизни исключительно переводу драмъ Шекспира. У насъ, гдѣ силы каждаго дѣятеля развлечены такимъ множествомъ еще не тронутыхъ задачъ, не скоро можно дождаться, чтобы появился замѣчательный поэтъ, который могъ бы на много лѣтъ оторваться отъ всѣхъ другихъ трудовъ, исключительно посвятивъ свои силы исполненію столь обширнаго дѣла. Поэтому, единственное средство дать нашей публикѣ полный стихотворный переводъ Шекспира состоитъ въ томъ, чтобы соединить для разрѣшенія этой задачи силы многихъ людей. Конечно, было бы лучше, еслибы одинъ человѣкъ исполнилъ весь трудъ, но когда мы дождемся этого, если до сихъ поръ не дождались еще нѣмцы, литература которыхъ богаче всѣхъ другихъ европейскихъ литературъ поэтическими переводами? Два главныхъ изданія на нѣмецкомъ языкѣ — оба представляются сборниками трудовъ разныхъ лицъ. Надъ однимъ переводомъ, который извѣстенъ подъ именемъ Фоссова, кромѣ самого Фосса, трудились его сыновья. Другое изданіе, которое считается лучшимъ, въ самомъ заглавіи своемъ называетъ двухъ переводчиковъ: Шлегеля и Тика; но кромѣ этихъ двухъ поэтовъ, въ немъ участвовали многіе другіе. Намъ кажется, что русская литература тѣмъ скорѣе удовлетворится, при нынѣшней степени своего развитія, такимъ изданіемъ, какое мы предприняли теперь».

Въ этихъ словахъ, несомнѣнно, просвѣчиваетъ сомнѣніе: можетъ ли въ самомъ дѣлѣ появиться у насъ русскій поэтъ, который бы взялъ на себя огромный трудъ перевести всего Шекспира стихами? А между тѣмъ, такой поэтъ явился и при томъ, изъ числа тѣхъ лицъ, которымъ Некрасовъ поручилъ отдѣльные переводы пьесъ англійскаго поэта, и вотъ, въ на-

стоящее время, мы можемъ похвастаться, что имѣемъ полный стихотворный переводъ Шекспира, сдѣланный однимъ лицомъ, г. Соколовскимъ (за исключеніемъ, впрочемъ, поэмъ и сонетовъ, которыя въ это изданіе почему-то не вошли). Уже одно это заслуживаетъ величайшей признательности со стороны русской критики; но и кромѣ этого, переводъ г. Соколовскаго, въ цѣломъ, представляется настолько талантливымъ, что на него слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе нашей публики. Я лично не принадлежу къ числу поклонниковъ стихотворныхъ переводовъ; такіе переводы передаютъ подлинникъ, даже въ лучшемъ случаѣ, только à peu près, что главнымъ образомъ зависитъ отъ чрезвычайной трудности воспроизвести въ удовлетворительной стихотворной формѣ яркость мысли, образность и звучность подлинника. Въ другомъ мѣстѣ я писалъ по этому поводу: «всякій великій поэтъ имѣетъ рѣзко опредѣленную, иногда эксцентрично-выдающуюся индивидуальность, свои умственныя особенности, свой особенный, исключительно ему принадлежащій складъ чувства и воображенія. Все это отражается, какъ въ зеркалѣ, въ его поэтическомъ произведеніи, и чѣмъ ярче это просвѣчиваетъ, тѣмъ поэтическое произведеніе выше и значительнѣе. Очевидно, что стихотворный переводъ только тогда будетъ отвѣчать своему назначенію, когда онъ возможно ближе воспроизведетъ эту субъективность подлинника. Воспроизвести же все это на другомъ языкѣ, имѣющемъ свои законы, свой духъ, свои условныя формы, возможно только тогда, когда переводчикъ обладаетъ тѣми же самыми особенностями, какъ и оригинальный поэтъ. Такое совпаденіе чрезвычайно рѣдко, не только потому, что очень трудно встрѣтить двухъ поэтовъ совершенно похожихъ другъ на друга, но также и потому, что каждая національность имѣетъ ей лишь свойственныя черты психическаго организма. Какъ бы ни были родственны между собой таланты иностраннаго поэта и русскаго, но принадлежа къ двумъ различнымъ національностямъ, отличнымъ другъ отъ друга по темпераменту, привычкамъ, воспитанію и характеру, они будутъ имѣть каждый свое, лично ему присущее и въ этомъ-то именно *своемъ* они и будутъ другъ отъ друга рѣзко отличаться. Теперь представьте себѣ, что одинъ изъ этихъ поэтовъ вздумаетъ переводить другого. Само собой разумѣется, что какъ бы поэтъ-переводчикъ ни былъ добросовѣстенъ, съ какимъ бы уваженіемъ онъ ни относился къ подлиннику, онъ, во всякомъ случаѣ, внесетъ въ свой переводъ, даже безсознательно для самого себя, особенности своего таланта и индивидуальности. Что же совершится съ оригиналомъ, переодѣтымъ, такимъ образомъ, въ чужую ему національность? Своеобразная субъективность подлинника поблѣднѣетъ, краски полиняютъ, форма исчезнетъ, отъ музыки и тона останется лишь отдаленный откликъ, и все произведеніе потеряетъ характеръ своеобразности и превратится въ блѣдное общее мѣсто (если переводчикъ не особенно талантливъ), или представитъ нѣчто совершенно другое, если переводчикъ своеобразенъ, съ рѣзко опредѣленной индивидуальностью».

Эти общіе апріорные выводы подтверждаются имѣющимися у насъ стихотворными переводами. За весьма малыми и рѣдкими исключеніями эти переводы не отвѣчаютъ требованіямъ критики и было бы, безспорно, гораздо лучше, если бы вмѣсто такого обилія посредственныхъ стихотворныхъ переводовъ, у насъ были добросовѣстные прозаическіе, какъ это водится въ другихъ литературахъ.

Не одолѣлъ всѣхъ трудностей стихотворнаго перевода и г. Соколовскій. Прекрасно владѣя стихомъ, чувствуя красоту подлинника и стремясь къ передачѣ ея, г. Соколовскій, тѣмъ не менѣе, не всегда находится на высотѣ своей задачи. По свойствамъ своего поэтическаго таланта онъ болѣе эпикъ, чѣмъ драматургъ; поэтому всѣ сильныя драматическія и трагическія сцены у него выходятъ значительно блѣднѣе, чѣмъ спокойные діалоги и описанія. Изумительное богатство метафоръ и образовъ, страстный тонъ рѣчи, порывистость, скачки мысли, которая не подчиняется, какъ у другихъ поэтовъ, правильному логическому развитію и теченію, а лишь внутренней потребности психическаго состоянія,— все это составляетъ почти непреодолимую трудность при передачѣ на другой языкъ Шекспира. Въ этихъ случаяхъ даже такой опытный переводчикъ, какъ г-нъ Соколовскій, передаетъ лишь приблизительно и блѣдно подлинникъ. Для примѣра возьмемъ небольшой монологъ Гамлета въ IV сценѣ III дѣйствія. На вопросъ королевы: что она сдѣлала? Гамлетъ отвѣчаетъ: «Такое дѣло, которое уничтожаетъ прелесть и краску стыда скромности; называетъ добродѣтель лицемѣріемъ; срываетъ розу съ прекраснаго чела любви невинной и замѣняетъ ее прыщемъ; дѣлаетъ брачныя клятвы столь же лживыми, какъ и клятвы игрока; о! такое дѣло, которое лишаетъ тѣло брачнаго союза души его и превращаетъ сладостную религію въ пустой наборъ словъ. Рдѣютъ небеса и земля,—твердая и сложная масса,—съ печальнымъ лицомъ, какъ передъ страшнымъ судомъ, скорбитъ, помышляя о такомъ дѣлѣ».—Таковъ буквальный переводъ. Теперь посмотримъ какъ этотъ монологъ передаетъ г. Соколовскій:

Ты сдѣлала проступокъ, предъ которымъ
Мертвѣетъ все, что чисто и свѣжо!
Проступокъ, заставляющій считать
Невинность лицемѣрьемъ! Тотъ проступокъ,
При чьемъ одномъ названьи блекнетъ роза
Стыдливости, смѣняясь рядомъ смрадныхъ
И гнойныхъ язвъ!—Дѣла такія душатъ
Святыя узы брака, превращая
Священныя слова въ наборъ пустыхъ
И громкихъ фразъ! Отъ дѣлъ такихъ браздится
Чело небесъ огнемъ, земля-жъ дрожитъ
Отъ ужаса въ болѣзненномъ припадкѣ,
Какъ будто въ день послѣдняго суда!

Г. Соколовскій внесъ въ свой переводъ много лишнихъ и ненужныхъ словъ, составляющихъ простой балластъ и ослабляющихъ впечатлѣніе: «за-

ставляющій считать», «при чьемъ одномъ названьи», «смѣняясь рядомъ смрадныхъ и гнойныхъ язвъ» (вмѣсто одного слова «прыщъ»), «священныя слова», «громкихъ», «браздится чело небесъ» (вмѣсто «рдѣютъ небеса»), «дрожитъ отъ ужаса въ болѣзненномъ припадкѣ» (земля) и пр. По временамъ, г. Соколовскій, не справившись съ метафорой Шекспира, замѣняетъ ее другой, гораздо менѣе яркой и совершенно банальной. Шекспиръ, напримѣръ, говоритъ: «дѣлаетъ брачныя клятвы столь же лживыми, какъ клятвы игрока», а г. Соколовскій пишетъ: «дѣла такія душатъ свѣтлыя узы брака». Еще хуже то, что г. Соколовскій иногда старается объяснять Шекспира, который кажется ему непонятнымъ или слишкомъ рискованно-метафоричнымъ. У Шекспира сказано «такое дѣло, которое лишаетъ тѣло брачнаго союза души его и превращаетъ сладостную религію въ пустой наборъ словъ», а г. Соколовскій прицѣпляетъ эту мысль къ «святымъ узамъ» и продолжаетъ: «превращая священныя слова въ наборъ пустыхъ и громкихъ фразъ». Такимъ образомъ, метафора, исчезая, превратилась въ банальную фразу.

Совершенно спокойный монологъ описанія битвы (въ первомъ дѣйствіи «Макбета») г. Соколовскій передаетъ такъ: «Противники сошлись, какъ два пловца, когда рѣшились оба топить другъ друга. — Макдональдъ (мятежникъ до костей, затѣмъ, что въ немъ, какъ кажется, слилось что только есть дурного въ людяхъ) встрѣтилъ шайку Керновъ и дикихъ Галлогласcовъ, поспѣшавшихъ къ нему на помощь съ ближнихъ острововъ. И въ первый мигъ подумать было можно, что счастье дало слово стать ему любовницей!—Да, и не такихъ онъ встрѣтилъ себѣ враговъ!—Макбетъ—(вотъ кто зовется по правдѣ храбрецомъ)—схвативши въ руки сверкающій свой мечъ, еще облитый кипящей кровью, бросился стремглавъ, какъ сынъ примѣрной доблести, на встрѣчу измѣннику, конечно ужъ не съ тѣмъ, чтобъ съ нимъ поцѣловаться иль пожать ему любезно руку,—и оставилъ врага лишь въ мигъ, когда своимъ мечомъ разсѣкъ его отъ маковки до шеи и голову злодѣя водрузилъ на верхъ копья». Тутъ г. Соколовскій изъ шестнадцати стиховъ сдѣлалъ двадцать три, испещрилъ ихъ множествомъ ненужныхъ словъ, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ, и банальныхъ выраженій, и совершенно обезцвѣтилъ образность рѣчи, что лучше всего видно, если сравнить переводъ съ подлинникомъ. Вотъ онъ: «Какъ два утомленныхъ пловца, которые, схватившись, мѣшаютъ другъ другу въ движеніяхъ. Безпощадный Макдональдъ (достойный быть мятежникомъ, вслѣдствіе множества естественныхъ пороковъ, кишащихъ въ немъ) получилъ съ западныхъ острововъ подспорье Керновъ и Галлогласcовъ, и фортуна улыбнулась его проклятому бунту, точно наложница бунтовщика. Но все это было слишкомъ безсильно. Храбрый Макбетъ (по истинѣ онъ заслужилъ это имя), презирая фортуну и потрясая мечомъ, дымившимся отъ кровавой работы, какъ истинный любимецъ мужества, проложилъ себѣ дорогу къ измѣннику, и не потрясъ ему руки, не сказалъ прости, пока не разсѣкъ его

голову отъ маковки до челюсти и не водрузилъ ее на стѣнахъ нашихъ». Эпическій складъ описанія, красота отдѣльныхъ выраженій, эпитетовъ и образовъ, оригинальность рѣчи, какъ бы подчеркивающая индивидуальность разсказчика,—все это исчезло въ переводѣ г. Соколовскаго.

Съ цѣлью, повидимому, выдаться оригинальностью изъ среды другихъ переводчиковъ или избѣжать сдѣланныхъ ими ошибокъ, г. Соколовскій иногда очень неудачно вводитъ новыя выраженія. Казалось бы, что такое выраженіе, какъ «быть или не быть» не нужно было замѣнять другимъ. Не говоря уже о томъ, что оно вполнѣ соотвѣтствуетъ тексту и мысли Шекспира (to be, or not to be), оно и на другихъ европейскихъ языкахъ передается такъ же, какъ и по-русски, словомъ «быть» (être ou ne pas être, Sein oder Nichtsein, essere o non essere и пр.); кромѣ того, оно еще со временъ Полевого получило право гражданства въ русской литературѣ и съ тѣхъ поръ повторяется неизмѣнно всѣми переводчиками. Г. Соколовскому, однако, оно показалось неудачнымъ и онъ замѣнилъ его выраженіемъ—«жить иль не жить». Въ пространномъ примѣчаніи г. Соколовскій старается оправдать свое нововведеніе, говоря, что слова: жизнь и бытіе въ русскомъ языкѣ не равнозначущи и что слово «жить» точнѣе выражаетъ основную мысль знаменитаго монолога. Съ этимъ едва-ли можно согласиться. Само собой разумѣется, что слова: «жизнь» и «бытіе» не однозначущи: бытіе—понятіе гораздо болѣе широкое, чѣмъ жизнь, но поэтому-то Шекспиръ и употребилъ его въ монологѣ Гамлета. Дѣло идетъ вовсе не о самоубійствѣ, какъ думаетъ г. Соколовскій (или, по крайней мѣрѣ не только о немъ), а о существованіи въ будущей жизни, слѣдовательно о вѣчномъ бытіи. Проблема вѣчнаго бытія составляетъ существенную черту всего умственнаго склада Гамлета. Это—первая мысль, которую онъ высказываетъ, когда въ первый разъ остается на сценѣ одинъ (первое дѣйствіе, сцена вторая). Умирая, Гамлетъ опять возвращается къ этой мысли, когда говоритъ Гораціо: «если ты когда-нибудь любилъ меня—откажись на время отъ блаженства» (felicity, у г. Соколовскаго: отъ «райскихъ благъ»), подыши еще въ этомъ гадкомъ мірѣ». Къ этой же мысли Гамлетъ съ особенной силой возвращается въ третьемъ дѣйствіи, передъ приходомъ Офеліи. Понятно, поэтому, что онъ въ этомъ монологѣ долженъ былъ употребить слово бытіе, а не жизнь.

Въ подтвержденіе этого положенія, я, кромѣ того, могу сослаться и на русскій авторитетъ, отрицать который г. Соколовскій едва-ли станетъ. Пересказывая «Мѣра за мѣру» — пьесу, которая имѣетъ такъ много общаго съ Гамлетомъ и въ которой разработанъ тотъ-же самый психологическій мотивъ, Пушкинъ въ своемъ «Анжело» употребляетъ слово «бытіе» совершенно въ аналогическомъ смыслѣ.

Старикъ доказывалъ страдальцу молодому,
Что смерть и бытіе равны одно другому...

Стихъ «Thus conscience does make cowards of us all» (совѣсть дѣлаетъ всѣхъ насъ трусами) г. Соколовскій переводитъ: «всѣхъ трусами насъ сдѣлалъ этотъ страхъ». Такое измѣненіе онъ оправдываетъ въ примѣчаніи тѣмъ, что по русски слово «совѣсть» въ религіозномъ смыслѣ употребляется рѣдко, и то болѣе въ серьезныхъ сочиненіяхъ, поэтому онъ и замѣнилъ его выраженіемъ «страхъ». Въ дѣйствительности, однако, нужды въ этомъ не было. Въ англійскомъ языкѣ, какъ и во французскомъ, слово «conscience» означаетъ не только совѣсть (напр. въ смыслѣ «свобода совѣсти»), но также и сознаніе. Это послѣднее слово и слѣдовало употребить въ переводѣ; оно не только передаетъ букву подлинника, но и смыслъ монолога, потому что въ слѣдующемъ-же стихѣ Гамлетъ говоритъ о «тускломъ напорѣ размышленія (pale cast of thought) (у г. Соколовскаго «подъ напоромъ размышленія»).

Въ печати. между прочимъ, упоминалось о томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ г. Соколовскій очень удачно комментируетъ Шекспира, передавая по своему нѣкоторые болѣе или менѣе темные выраженія англійскаго поэта. Я съ удовольствіемъ долженъ присоединиться къ этому мнѣнію. Въ этомъ, безспорно, заключается одна изъ важныхъ заслугъ г. Соколовскаго, и еслибъ я не боялся слишкомъ увеличить размѣры этой замѣтки, я бы привелъ много примѣровъ этихъ удачныхъ комментаріевъ, Но и здѣсь, по временамъ, г. Соколовскій заходитъ слишкомъ далеко и принимается исправлять Шекспира, что всегда очень рискованно. Въ «Бурѣ» Просперо объясняетъ, какъ онъ освободилъ Аріеля: «Мое искуство»,—говоритъ онъ,—когда я прибылъ сюда и услыхалъ тебя, заставило сосну зѣвнуть и выпустить тебя» (made gape the pine). Это зѣваніе сосны показалось г. Соколовскому слишкомъ некрасивымъ и поэтому онъ замѣтилъ его слѣдующей перифразой:

Сосну заставилъ силой
Могучихъ чаръ открыть сомкнутый зѣвъ
И дать тебѣ желанную свободу.

Заставить зѣвнуть сосну — простая метафора, вполнѣ понятная, но что означаетъ «сомкнутый зѣвъ сосны»,—этого и г. Соколовскій, по всей вѣроятности, не объяснитъ намъ. Къ сожалѣнію, такихъ рискованныхъ объясненій и исправленій въ переводѣ г. Соколовскаго слишкомъ много, и они портятъ переводъ, въ общемъ, весьма почтенный.

Обширные историко-литературные этюды, предшествующіе каждой пьесѣ, почти исключительно посвящены выясненію характеровъ дѣйствующихъ лицъ; но въ нихъ мало новаго и оригинальнаго. Было бы, конечно, гораздо лучше, если бы этюды были короче и разработывали вопросы, касающіеся исключительно исторіи каждой пьесы.

Точно также едва-ли можно считать вкладомъ въ русскую шекспировскую литературу обширный очеркъ (105 стр. убористой печати), написанный г. Соколовскимъ для выясненія значенія Шекспира. Авторъ, повидимому, очень много читалъ по этому предмету, но едва-ли мы

ошибемся, если предположимъ, что онъ никогда не изучалъ систематически исторію всемірной литературы. Авторъ много говоритъ и о древней, и о новой литературѣ, старается характеризовать различныя формы, пережитыя этими литературами, но все это выходитъ у него такъ смутно, неопредѣленно, безъ всякихъ фактическихъ указаній, и даже противорѣчиво, что точка зрѣнія автора какъ-то исчезаетъ въ умѣ читателя, не оставляя ничего опредѣленнаго.

В. Чуйко.

Б. Библіографія.

I. ЛИТЕРАТУРА.

Сочиненія Н. С. Тихонравова. Томъ первый: древняя русская литература.—Москва. Изд. Сабашникова.

Только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Тихонравова мы, наконецъ, дождались отдѣльнаго изданія его сочиненій, изъ которыхъ лишь весьма немногія были обнародованы при жизни этого замѣчательнаго ученаго. Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ Н. С. Тихонравовъ предпринялъ изданіе сборника своихъ статей, и первые листы книги были уже отпечатаны, когда дѣло остановилось по случаю несостоятельности книгопродавца—издателя Кожанчикова. Съ тѣхъ поръ Тихонравовъ, котораго постигла такая неудача, не возобновлялъ уже попытки издавать свои сочиненія, которыя, можетъ быть, такъ и не увидѣли свѣта божія, еслибъ не участіе, принятое въ этомъ полезномъ дѣлѣ И. С. Сабашниковымъ.

Первый томъ сочиненій Тихонравова обнимаетъ собою древній періодъ русской литературы, до половины XVII вѣка? Но рядъ этихъ важныхъ изысканій открывается трудомъ общаго и даже отчасти теоретическаго характера, который служитъ какъ бы введеніемъ ко всему собранію его сочиненій: «Задача исторіи литературы и методы ея изученія». Большинство статей, слѣдующихъ за этимъ объемистымъ трудомъ, только теперь впервые появляются въ печати. Къ нимъ принадлежатъ диссертаціи Тихонравова: «Отреченныя книги древней Россіи», «Девгеніево дѣяніе», «Новый отрывокъ изъ путевыхъ записокъ суздальскаго епископа Авраамія», «Первое хожденіе священно-инока Варсонофія къ св. граду Іерусалиму», «Луцидаріусъ», «Шемякинъ судъ», «Слово о вѣрѣ христіанской и жидовской», «Повѣсть объ Аполлонѣ Тирскомъ» и «Калѣки перехожіе».

Въ обширной статьѣ о научной дѣятельности Н. С. Тихонравова, г. Пыпинъ даетъ обстоятельный очеркъ его жизни, его развитія, его преподавательской дѣятельности. Не боясь ошибиться, можно сказать, что вмѣстѣ съ Буслаевымъ Тихонравовъ является во главѣ нашихъ историковъ литературы, какъ по своимъ открытіямъ въ этой области знанія, такъ и своимъ методамъ. То направленіе, какое приняли съ самого начала труды Тихонравова по исторіи литературы, было отраженіемъ цѣлаго научнаго движенія, которое въ основѣ своей было несомнѣнно связано съ движеніемъ такъ называемой эпохи сороковыхъ годовъ, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, повидимому, расходилось съ нимъ, а иногда

вступало даже въ прямое столкновеніе. Въ вопросахъ исторіи литературы,—какъ объясняетъ намъ г. Пыпинъ,—новая точка зрѣнія была дѣйствительно весьма не похожа на ту, какая принята была въ господствовавшей передъ тѣмъ художественно-исторической критикѣ Бѣлинскаго. Въ новомъ направленіи изученіе письменной древности выходило изъ статей внѣшнихъ описаній и старалось проникнуть во внутреннее содержаніе прошлаго. Изученія этнографическія, искавшія разрѣшенія загадки народной жизни, принимали болѣе обширные размѣры и, въ свою очередь, приводили къ народной старинѣ. Изученія славянскія напоминали о цѣломъ племенномъ вопросѣ и снова доставляли историческія, бытовыя и народно-поэтическія параллели. Давно господствовавшая въ Германіи новая школа истолкованія народной древности, въ лицѣ братьевъ Гриммовъ, проникла наконецъ и въ нашу научную среду и нашла въ ней усердныхъ послѣдователей.

Труды Тихонравова, не смотря на свое разнообразіе и внѣшнюю пестроту въ содержаніи, достаточно раскрываютъ пріемы его работы. На первомъ планѣ стояло для него историческое установленіе литературнаго факта: опредѣленіе его эпохи, его составъ,—вопросъ чрезвычайно важный въ древней письменности, гдѣ приходится имѣть дѣло съ памятниками, подвергавшимися въ разное время и въ разныхъ кругахъ весьма значительнымъ измѣненіямъ и получившимъ свою частную исторію; явные или скрытые его источники; отношеніе литературнаго факта къ дѣйствительности; различныя отраженія его въ послѣдующіе періоды; особенности стиля и языка. Съ извѣстными измѣненіями эти критическія требованія Тихонравовъ примѣнялъ и къ древней письменности и къ новѣйшей литературѣ: какъ въ изданіяхъ древнихъ памятниковъ онъ стремился къ абсолютно точной передачѣ стараго написанія, такъ въ послѣдніе годы жизни онъ усиленно заботился о передачѣ всѣхъ минимальныхъ варіантовъ въ сочиненіяхъ Гоголя. Въ томъ и другомъ случаѣ у него были опредѣленныя цѣли; въ разнорѣчіяхъ древняго памятника онъ слѣдилъ за видоизмѣненіемъ понятій, литературной манеры; въ варіантахъ Гоголя онъ хотѣлъ проникнуть въ процессъ литературнаго труда у первостепеннаго писателя. Когда представлялся памятникъ единственный въ своемъ родѣ, какъ «Слово о полку Игоревѣ», онъ подвергалъ его тѣмъ болѣе внимательному изученію и, напримѣръ, ему первому, совершенно въ духѣ его обычныхъ пріемовъ, пришла мысль предпринять палеографическую реставрацію Слова. Древняя русская письменность была небогата самостоятельными произведеніями, многія черты древняго быта не находили выраженія въ условной литературѣ; поэтому пріобрѣтало большую важность ихъ изученіе по косвеннымъ свидѣтельствамъ сторонъ, и въ кругъ литературныхъ изученій должны были быть привлекаемы самые разнообразные памятники,—и Тихонравовъ, дѣйствительно, ставилъ это своей задачей. То-же дѣятельное изученіе онъ примѣнялъ и въ новой литературѣ, и, напримѣръ, особенно любопытными образчиками его работы были изслѣдованія о Карамзинѣ, рѣчь о Пушкинѣ и исторія литературнаго труда Гоголя въ примѣчаніяхъ къ изданію его сочиненій.

Единственнымъ трудомъ, гдѣ Тихонравовъ коснулся цѣлаго вопроса исторіи русской литературы, былъ извѣстный разборъ «Исторіи русской словесности» Галахова, напечатанный въ 1878 году въ отчетѣ объ уваровскихъ преміяхъ, и который Тихонравовъ называлъ полу-шутя своей докторской диссертаціей. По сущности дѣла разборъ не былъ прямымъ догматическимъ изложеніемъ и представлялъ рядъ критическихъ замѣ-

чаній по отдѣльнымъ вопросамъ, проходя, однако, въ пространствѣ русской литературы отъ древнѣйшихъ памятниковъ до начала XIX столѣтія. Здѣсь полнѣе, чѣмъ гдѣ либо, было высказаны взгляды Тихонравова на общую постановку исторіи литературы, на объемъ входящихъ въ нее фактовъ и на способность ихъ истолкованія; вмѣстѣ съ замѣтками по отдѣльнымъ вопросамъ этотъ разборъ представляетъ много поучительнаго.

В. Ч.

II. ПЕДАГОГИКА и ФИЛОСОФІЯ.

Э. Бемэ.—Воспитаніе сына. Педагогическія письма къ молодой матери. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Федоровой.—С. Петербургъ, 1898.

Авторъ этихъ педагогическихъ писемъ, г. Бемэ, въ самомъ началѣ своей брошюры ссылается на слова Жанъ-Поль Рихтера, который сказалъ: «Дайте намъ лучшихъ матерей, и мы будемъ лучшими людьми». Смѣемъ думать, что для того, чтобы знать эту истину, не нужно было искать ее въ сочиненіяхъ Жанъ-Поль Рихтера; это одна изъ тѣхъ истинъ, которыя всѣми одинаково сознаются, хотя, конечно, далеко не всѣ женщины—хорошія матери. Происходитъ это, какъ думаетъ авторъ, оттого, что женщину учатъ всему, за исключеніемъ того, что бы слѣдовало ей знать; о своемъ будущемъ естественномъ назначеніи она услышитъ кое-что развѣ вскользь, но и противъ этихъ случаевъ принимаютъ,—изъ деликатности,—всевозможныя мѣры. Вотъ противъ этого-то вреднаго воспитанія и образованія женщины авторъ и возстаетъ на первый разъ, въ своихъ педагогическихъ письмахъ онъ преподаетъ правила, какъ добросовѣстная мать должна воспитывать своего сына. Переводчица-же писемъ, г-жа Федорова, слѣдующимъ образомъ объясняетъ «смыслъ» этихъ писемъ нѣмецкаго педагога: «Бемэ говоритъ, что главнымъ факторомъ нравственнаго воспитанія является именно та атмосфера, которая господствуетъ въ семьѣ и именно этимъ-то и обусловливается внутренній складъ будущаго человѣка. Не даромъ сложилась у насъ русская пословица: «каковъ въ колыбелькѣ, таковъ и въ могилкѣ». Дурныя привычки, вкоренившіяся съ дѣтства, остаются и въ взросломъ человѣкѣ. Воспитаніе ребенка вполнѣ зависитъ отъ матери. Мать обязана слѣдить за своимъ ребенкомъ съ самаго перваго дня его рожденія. Конечно, это—очень трудная задача, и мать, воспитывая своего ребенка, въ то-же время перевоспитываетъ и себя». Все это, несомнѣнно, справедливо, и мы, конечно, были бы очень благодарны г. Бемэ, если-бы онъ выполнялъ свою программу хоть сколько-нибудь удовлетворительно, но именно этого-то мы и не можемъ сказать. Онъ, какъ говоритъ его переводчица,—врагъ «ненужныхъ разглагольствованій», онъ всегда и вездѣ остается на реальной почвѣ и не входитъ въ общія разсужденія. Благодаря такой точкѣ зрѣнія, получается нѣчто очень странное; отбросивъ всякія разглагольствованія, авторъ выступаетъ съ цѣлымъ рядомъ практическихъ правилъ, по своей истинно-наивной несомнѣнности, едва-ли кому-нибудь нужныхъ. Почти всѣ эти правила, имѣющія къ тому-же форму афоризмовъ, прелестны по своей, такъ сказать, непосредственности. Авторъ, напримѣръ, убѣждаетъ молодую мать, что не слѣдуетъ баловать ребенка, ибо это вредно. Далѣе мы встрѣчаемся съ такою мыслью: когда ребенку минетъ три мѣсяца, слѣдуетъ возбудить его вниманіе, дѣлая ему знаки съ привѣтливыми словами. Затѣмъ слѣдуютъ, на всемъ протяженіи пе-

дагогическихъ писемъ, такіе афоризмы: «если ребенокъ не умѣетъ сидѣть, то пусть себѣ лежитъ», «платье должно быть по возможности простое», «совѣтую покупать ребенку такія игрушки, которыми онъ дѣйствительно могъ бы играть»; «книги съ картинками полезны», «слѣдуетъ развивать въ ребенкѣ послушаніе», «упрямство надо искоренять», «весьма понятно, что если ребенокъ заболѣетъ, то слѣдуетъ пригласить опытнаго врача», «если подъ словами мужчина подразумѣвается человѣкъ нравственно и физически сильный и энергичный, то найдется много личностей, носящихъ это названіе, вовсе не заслуживая его». Мы бы могли привести еще нѣсколько десятковъ такихъ афоризмовъ, но думаемъ, что и этихъ достаточно, чтобы составить себѣ понятіе о педагогической премудрости г. Бемэ.

Н. Ланге. Учебникъ логики. Одесса, 1898.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ учебникъ логики, составленный профессоромъ Новороссійскаго университета, г. Ланге, будетъ прекраснымъ пособіемъ преподаванія логики въ гимназіяхъ. Въ предисловіи почтенный авторъ предупреждаетъ, что этотъ учебникъ—не болѣе, какъ переработка и сокращеніе извѣстнаго сочиненія Зигварта. «Съ точки зрѣнія научной,—совершенно справедливо прибавляетъ авторъ,—выборъ этотъ, для лицъ, знакомыхъ съ современной логической литературой, врядъ-ли нуждается въ какомъ-либо оправданіи. Сочиненіе Зигварта не только представляетъ наиболѣе продуманный компедіумъ нашей науки, но и большинство лучшихъ изъ современныхъ нѣмецкихъ логиковъ, въ сущности, послѣдователи Зигварта». Въ нѣкоторыхъ частяхъ своего учебника г. Ланге, тѣмъ не менѣе, счелъ нужнымъ ввести въ изложеніе Зигварта нѣкоторыя дополненія и измѣненія. Такъ, напримѣръ, въ ученіи о сужденіяхъ введены замѣчанія о сужденіяхъ объ агрегатѣ, согласно указаніямъ проф. Каринскаго; затѣмъ, ученіе о понятіяхъ и ихъ отношеніяхъ къ общимъ представленіямъ переработано согласно «Логикѣ» Вундта, и, наконецъ, въ теорію индукцій внесены нѣкоторыя указанія изъ трактата Джевонса.—Учебникъ г. Ланге написанъ яснымъ и простымъ языкомъ, вполнѣ доступнымъ ученику восьмого класса гимназіи, но едва ли то-же самое можно сказать о содержаніи. Самъ авторъ замѣчаетъ, что его учебникъ значительно труднѣе, чѣмъ соотвѣтственныя руководства Владиславлева, Троицкаго или Рутковскаго. Эта трудность, главнымъ образомъ, зависитъ оттого, что у г. Ланге логика поставлена въ тѣсную связь съ опредѣленной философской теоріей познанія, но онъ думаетъ, что эта трудность его учебника нисколько не превосходитъ умственныхъ силъ средняго ученика восьмого класса. «Логика есть единственная изъ философскихъ наукъ, къ изученію которой особенно способенъ юноша 18—19 лѣтъ, такъ какъ именно въ этомъ возрастѣ формальное развитіе мысли особенно сильно, или, по крайней мѣрѣ, должно быть таковымъ, если гимназическое образованіе достигло своей цѣли. И мы готовы даже думать, что юноша, который въ этомъ возрастѣ не въ состояніи понять основательнаго курса логики, не можетъ быть названъ зрѣлымъ и готовымъ къ университету». Этотъ оптимистическій взглядъ едва-ли оправдывается дѣйствительностью. Какъ-бы ясно и удобопонятно ни было написано руководство къ логикѣ, самый предметъ настолько серьезенъ и сложенъ, что трудно усваивается даже очень способнымъ юношей, который, къ тому-же, въ гимназіи настолько занятъ, что не имѣетъ возможности посвятить много времени и труда изученію этого предмета. Прежніе учебники, какъ-бы они плохи ни были,

все-таки имѣли въ виду это обстоятельство и считались съ нимъ. Никакой пользы такіе учебники, не приносили, но, по крайней мѣрѣ, они были доступны пониманію ученика. Вотъ почему мы съ удовольствіемъ присоединяемся къ другому мнѣнію г. Ланге: «Логика должна быть исключена изъ гимназическаго курса, или излагаема въ связи съ опредѣленной теоріей знанія». Но если «Логика» г. Ланге и мало пригодна, на нашъ взглядъ, для гимназическаго преподаванія, то она, во всякомъ случаѣ, является сочиненіемъ, представляющемъ въ сжатой и очень удобной формѣ изложенія все содержаніе науки въ ея наиболѣе несомнѣнныхъ выводахъ.

III. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

Статистическій обзоръ Калужской губерніи за 1896 годъ. (Годъ первый). Изданіе Статистическаго отдѣленія Калужской губернской Земской Управы. Калуга 1897 г. XVI+141+114+48+52+106 стр.

По способу разработки статистическихъ данныхъ «Статистическій обзоръ Калужской губерніи за 1896 г.» выдѣляется изъ ряда другихъ земскихъ изданій по текущей статистикѣ. Въ немъ указывается не только статика различныхъ явленій экономической жизни сельскаго населенія Калужской губерніи за 1896 годъ, но и динамика ихъ; самыя явленія не только констатируются, но и объясняются, устанавливается ихъ связь съ другими однородными явленіями. Но «Статистическій обзоръ Калужской губерніи за 1896 годъ» представляетъ для насъ интересъ не столько со стороны способовъ разработки статистическаго матеріала, сколько со стороны своего содержанія.

Составители разбираемаго обзора, повидимому, склонны считать земледѣліе главнымъ занятіемъ крестьянскаго населенія Калужской губерніи, а промыслы—занятіемъ второстепеннымъ, подсобнымъ. Если судить по числу лицъ, занятыхъ въ Калужской губерніи земледѣліемъ, то составители «Обзора», конечно, правы; въ Калужской губерніи земледѣліемъ занято 79,3% крестьянскаго населенія, а промыслами только 20,7% (4 стр. II отд.). Но дѣло принимаетъ другой видъ, если обратить вниманіе на ту роль, какую играетъ доходъ отъ земледѣлія въ бюджетѣ калужскаго крестьянина. Изъ второго отдѣла разбираемаго обзора (48 стр.) мы узнаемъ, что, въ среднемъ по губерніи. чистый доходъ отъ мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ былъ равенъ въ 1896 г.—11,1 р. на одну душу наличнаго крестьянскаго населенія обоего пола, а это, при среднемъ составѣ крестьянской семьи Калужской губерніи въ 6,86 человѣкъ (42 стр. I отд.), даетъ на семью 76 руб. 15 коп. Чистый доходъ крестьянъ Калужской губерніи отъ земледѣлія несомнѣнно ниже. Вѣроятно, въ виду трудности исчисленія чистаго дохода крестьянскаго земледѣльческаго хозяйства составители обзора ограничились указаніемъ только валового дохода. Но даже валовой доходъ, получаемый крестьянами Калужской губерніи отъ земледѣлія, ниже ихъ чистаго дохода отъ промысловъ. Валовой доходъ одной десятины посѣвной площади крестьянскаго хозяйства Калужской губерніи за 1896 годъ въ среднемъ равенъ 16,08 руб. (83 стр. I отд.). Въ Калужской губерніи на одну крестьянскую семью въ 1896 году приходилось, въ среднемъ, 4,25 десятины посѣвной площади (42 стр. I отд.). Отсюда валовой доходъ одной крестьянской семьи Калужской губерніи, получаемый ею отъ земледѣлія, за

1896 годъ будетъ—68 руб. 34 коп., т. е. на 7 р. 81 к. меньше чистаго дохода той же семьи отъ промысловъ. Ясно, что въ экономической жизни крестьянскаго населенія Калужской губерніи промыслы должны считаться главнымъ занятіемъ крестьянъ, а земледѣліе подсобнымъ.

Среди крестьянъ Калужской губерніи распространены промыслы мѣстные и отхожіе. Наибольшее значеніе въ экономической жизни имѣютъ промыслы отхожіе. Ими занято 17,9% крестьянскаго населенія Калужской губерніи, тогда какъ мѣстными промыслами только 2,8% (3—4 стр. II отд.). Точно также чистый доходъ отъ отхожихъ промысловъ больше, чѣмъ отъ мѣстныхъ (48 стр. II отд.). Въ сферѣ отхожихъ промысловъ, по изслѣдованію калужскихъ статистиковъ, совершаются важныя измѣненія. Число отхожихъ промышленниковъ въ Калужской губерніи растетъ не только обсолютно, но и относительно числа всего крестьянскаго населенія: въ 1885 году число отхожихъ промышленниковъ составляло 16,7% всего крестьянскаго населенія, въ 1890 году—17,8%, въ 1895 году 18,1% (19 стр. II отд.). Замѣчательно, что продолжительность отлучекъ съ мѣста жительства увеличивается, и что число женщинъ и цѣлыхъ семей въ отхожихъ промыслахъ относительно числа мущинъ стало больше, чѣмъ прежде (10 стр. II отд.). Женщины съ родины уходятъ теперь не по семейнымъ связямъ, какъ это было раньше, а главнымъ образомъ для промысла, какъ самостоятельныя работницы (17 стр. II отд.). «Возрастаніе женскаго и семейнаго отхода, обгоняющее ростъ мужского, является наиболѣе важной тенденціей промысловаго движенія, такъ-какъ за нимъ скрывается усиленіе крестьянскаго абсентеизма. Этотъ же послѣдній служитъ показателемъ дезорганизаціи экономическаго уклада деревни, такъ-какъ въ немъ наиболѣе рельефно выражается ея несостоятельность въ дѣлѣ обезпеченія населенія средствами производства. Вмѣстѣ съ женскимъ и семейнымъ отходомъ ростетъ участіе женскаго и дѣтскаго труда въ промыслахъ и абсолютно и относительно, и не только по отношенію ко всему населенію, но и къ населенію промысловому. Это привлеченіе къ промысловому труду женщинъ и дѣтей является подготовительной стадіей полнаго переселенія въ города». «Семья, которая извлекаетъ средства существованія въ теченіи года или большей ея части изъ заработковъ въ городѣ, съ гораздо большимъ основаніемъ можетъ считать мѣстомъ осѣдлости городъ, обезпечивающій ея существованіе, чѣмъ деревню, съ которой имѣются связи только родственныя и фискальныя». (18 стр. II отд.).

Что касается мѣстныхъ крестьянскихъ промысловъ Калужской губерніи, то они или погибаютъ подъ бременемъ непосильной конкуренціи съ машиннымъ производствомъ (ткачество, выдѣлка конопляннаго масла), или же падаютъ подъ вліяніемъ усиливающейся бѣдности населенія (выдѣлка овчинъ). Интересны въ разбираемомъ обзорѣ перипетіи борьбы домашняго крестьянскаго ткачества и фабричнаго. Бумаготкацкій промыселъ среди крестьянъ Калужской губерніи возникъ въ 40-хъ годахъ. «Въ началѣ этотъ промыселъ подорвалъ начавшее развиваться въ сравнительно крупныхъ фабрикахъ бумаготкацкое дѣло, но затѣмъ въ 60-хъ г.г. введеніе усовершенствованныхъ способовъ производства, во свою очередь, понизило доходность крестьянскихъ фабрикъ и способствовало централизаціи мѣстнаго производства въ рукахъ болѣе зажиточныхъ мастерковъ. Эти мастерки постепенно захватили въ свои руки всѣ торговыя операціи фабрикъ, являясь посредниками по пріобрѣтенію сырого матеріала и по сбыту выработанныхъ тканей, и затѣмъ сами стали раз-

давать пряжу и получать ее въ обработанномъ видѣ за сдѣльную плату.» (37 стр. II отд.). Но и такому порядку въ настоящее время приходитъ конецъ. «Довольно таки сильно развитое ручное ткачество, какъ говорится въ приложеніи къ всеподданнѣйшему отчету калужскаго губернатора за 1894 годъ, за послѣдніе годы, съ развитіемъ самоткацкаго дѣла въ Московской губерніи, быстро падаетъ, и, можно предвидѣть, въ самомъ недалекомъ будущемъ окончательно падетъ, если тоже не перейдетъ на самоткацкое. Въ настоящее время замѣчается сильное паденіе цѣнъ на работу ткачей». (37—38 стр. II отд.). Такимъ образомъ въ экономической жизни калужскаго крестьянина идетъ ломка. Годъ отъ году земледѣліе занимаетъ все меньшее количество рабочихъ. Мѣстные промыслы падаютъ. Населеніе, не видя, къ чему можно съ успѣхомъ приложить руки на мѣстѣ, устремляется въ города, порываетъ связь съ землей. Составители обзора отмѣчаютъ и нѣкоторыя послѣдствія такихъ измѣненій въ экономическомъ укладѣ Калужской деревни. По ихъ словамъ, благодаря развитію отходящихъ промысловъ, увеличивается заработная плата сельскихъ рабочихъ (27 и 41 стр. I отд.), понижается арендная плата на землю, высота которой обыкновенно зависитъ не отъ степени доходности арендуемой земли, а отъ степени нужды въ ней крестьянъ (119 стр. I отд.),—и что важнѣе всего—растутъ культурныя потребности крестьянской массы (38—40 стр. II отд.).

Г. Михайловъ.

Г. Гиббинсъ. Промышленная исторія Англіи. 2-е дополненное изданіе съ примѣчаніями и приложеніями. Перев. съ четвертаго англ. изданія А. Каменскаго Спб. 1898. 212+17 стр.

Заглавіе не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію популярнаго сочиненія Гиббинса; это, въ сущности, не промышленная въ узкомъ смыслѣ слова, а хозяйственная исторія Англіи, хотя наиболѣе выдающейся чертой ея экономической эволюціи является, конечно, безпримѣрное развитіе промышленности. Книга Гиббинса написана чрезвычайно общедоступно и можетъ служить хорошимъ введеніемъ въ изученіи экономической исторіи Англіи. Автору слѣдуетъ поставить въ заслугу, что онъ старался сопоставлять явленія хозяйственной эволюціи съ соціальными и политическими движеніями. Конечно, при обширности предмета и многочисленности спорныхъ вопросовъ, Гиббинсъ не могъ придать всѣмъ отдѣламъ своей книги одинаковую законченность. Напр., если Гиббинсъ объясняетъ промышленные кризисы «ошибками въ расчетѣ», то это объясненіе едва-ли можно считать достаточнымъ, Едва-ли точно также можно признать хоть сколько нибудь исчерпывающей его характеристику «современной капиталистической системы», умѣщающуюся на одной страничкѣ, (стр. 206). Но эти пробѣлы читатель можетъ пополнить, обратившись къ болѣе обширнымъ спеціальнымъ работамъ. Переводъ сдѣланъ очень тщательно. Въ концѣ книги приложено нѣсколько извлеченій изъ большого сочиненія Гиббинса объ англійской промышленности, удачно дополняющихъ систематическое изложеніе.

Христіанство и Римская имперія отъ Нерона до Өеодосія. С.-Петербургъ, 1898 г.

Это сочиненіе есть, собственно говоря, переводъ книги Поля Аллара, который издатели предлагаютъ читающей публикѣ, какъ назидательное чтеніе. Алларъ въ этой небольшой книгѣ излагаетъ исторію отношеній

христіанства къ римской имперіи за четыре вѣка,—отъ Нерона, или, вѣрнѣе, отъ появленія христіанства на западѣ, до кончины императора Ѳеодосія, т. е., въ сущности, почти до паденія Западной имперія. Само собой разумѣется, что исторію отношеній христіанства къ римской имперіи за такой продолжительный періодъ времени нельзя изложить хоть сколько-нибудь подробно и документально въ небольшомъ сочиненіи, вмѣщающемъ въ себѣ 283 страницы обыкновенной печати. Цѣль автора была другая: онъ просто имѣлъ въ виду дать книгу, которая могла-бы служить или какъ подготовка для первоначальнаго изученія вопросовъ, которыми она занимается, или какъ краткое изложеніе всѣхъ предшествовавшихъ работъ, какія были посвящены этимъ вопросамъ. «Не имѣю претензіи,—говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи,—утверждать, что я прочелъ все, такъ какъ литература этого предмета чрезвычайно обширна. Но я надѣюсь, что не преминулъ ознакомиться съ каждымъ изъ источниковъ, которые имѣютъ, дѣйствительно, право считаться источниками. Это — прежде всего — первоначальные источники, которыхъ ничто не можетъ замѣнить: древніе источники, панегиристы, риторы, отцы церкви; жизнеописанія святыхъ, мученическіе акты, постановленія соборовъ. Затѣмъ слѣдуютъ производные источники, т. е. новые писатели, которые разрабатывали, съ знаніемъ дѣла, какія-либо части изслѣдуемаго здѣсь предмета». Сама книга въ достаточной степени свидѣтельствуетъ, что автору, въ этомъ отношеніи, можно повѣрить на слово, и что онъ дѣйствительно изучилъ и пользовался этими источниками. Другое достоинство книги г. Аллара заключается въ ея безпристрастіи. Написанная ясно, безъ фразъ, безъ тенденціознаго освѣщенія фактовъ, книга Аллара читается съ удовольствіемъ и своимъ спокойнымъ тономъ, несомнѣнно, внушаетъ довѣріе къ безпристрастію автора. Повидимому, и самъ авторъ придавалъ этому обстоятельству особенное значеніе. Въ концѣ своего предисловія, онъ, между прочимъ, говоритъ: «Читатель признаетъ также, я надѣюсь, что въ этой книгѣ (написанной христіаниномъ) свѣтъ и тѣни распредѣлены безъ ненависти и снисходительности, и что ни одна страница не удаляется ни въ какую сторону отъ самого строгаго историческаго безпристрастія. Авторъ не старался навязывать или даже окончательно высказывать тѣ выводы, какіе были въ его мысляхъ. Если апологетика имѣетъ право опираться на исторію, гдѣ она иногда находитъ для себя самое твердое основаніе, то исторія не должна быть апологіею. Должно говорить объ однихъ фактахъ; если изъ нихъ слѣдуютъ заключенія—читатель можетъ выводить ихъ самъ». Дѣйствительно, авторъ доказалъ своей книгой, что онъ умѣетъ быть безпристрастнымъ. Это большая заслуга, особенно въ наше время, когда исторіей религіи такъ часто пользуются не въ видахъ исторической истины, а ради разжиганія религіозныхъ страстей.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Статья г. А. В. объ Ибсенѣ. («Русскій Вѣстникъ»).—Г. Коробко объ Аптухинѣ («Русская Мысль»).—«Мелочи для біографіи Шевченко», г. Стороженко («Русская Мысль»).

Что общаго между открытіемъ телескопа и шекспировскою драмою?—такимъ страннымъ вопросомъ начинаетъ свою статью объ Ибсенѣ нѣкто г. А. В., въ «Русскомъ Вѣстникѣ». На нашъ взглядъ его отвѣтъ столь-же неожиданъ и оригиналенъ, какъ и его вопросъ. Общее,—говоритъ онъ, есть и даже больше, чѣмъ могло было бы казаться сначала. Когда съ открытіемъ телескопа явилась возможность наблюдать въ безконечныхъ міровыхъ пространствахъ «хоры стройные свѣтилъ», тогда вѣчно присущая человѣку жажда безконечнаго, безмѣрнаго, великаго пробудилась съ особенной силой. Тогда въ философіи заговорили о міровой душѣ (Джіордано Бруно); тогда въ искуствѣ увидѣли прежде всего одно изъ средствъ отрѣшенія отъ земли съ ея тѣсными пространствами и короткими временами: исполинскіе соборы, крупныя, точно рѣзцомъ титана проведенныя черты изваяній, яркія краски, смѣлые ракурсы въ отдаленныхъ, какъ сводъ небесный, куполахъ,—все это должно было служить именно указанной цѣли—отрѣшенію отъ земли. Тогда-то и Шекспиръ началъ выводить на сцену своихъ героевъ, начертанныхъ съ тою же титаническою силою размаха. На сцену выступили исполинскіе цари и герои. Шуты равнялись царямъ и героямъ по грандіозности своего шутовства. Толпы блестящихъ царедворцевъ, какъ свѣтила малыя, окружили центральныя фигуры, лишь усиливая собою впечатлѣніе ихъ величія. Все выростало до грандіозныхъ размѣровъ, и только мысль о томъ, что все это совершается въ отдаленныхъ пространствахъ и временахъ придаетъ исполинскимъ созданіямъ Шекспира характеръ вѣроятности, подобно тому, какъ исполинскія небесныя свѣтила лишь потому вмѣщаются на орбитѣ нашего глаза, что находятся на безмѣрномъ разстояніи отъ насъ. Шекспировскія драмы разсчитаны на перспективу, какъ фрески Микель Анджело. Онъ смотритъ на своихъ героевъ, какъ

бы въ телескопъ. На его драмѣ ясно отразились стремленія эпохи телескопа, и сама она въ нѣкоторомъ смыслѣ можетъ быть названа драмою телескопа.

Этотъ взглядъ на шекспировскую драму, какъ видитъ читатель, очень заманчивъ. Въ общихъ, совершенно ясныхъ положеніяхъ авторъ характеризуетъ цѣлый литературный переворотъ, совершенный Шекспиромъ, и сама характеристика этого переворота кажется правдивой, потому что она, какъ бы въ фокусѣ, сосредоточиваетъ наиболѣе характерныя черты шекспировскаго творчества. Однимъ словомъ,—«тутъ все есть, коли нѣтъ обмана». Къ сожалѣнію, обманъ есть, или, вѣрнѣе, не то, чтобъ обманъ, а какъ бы оптическое заблужденіе, которыми многіе критики, по преимуществу россійскіе, страдаютъ. вслѣдствіе слишкомъ большого и непомѣрнаго пристрастія къ рискованнымъ обобщеніямъ и теоріямъ. Кажется, и г. А. В. страдаетъ этой болѣзнью, и даже въ довольно значительной степени. Даже самое сопоставленіе шекспировской драмы съ телескопомъ,—заманчивое, какъ парадоксъ,—обнаруживаетъ въ авторѣ почти непростительное легкомысліе. Ужъ если ему пришла въ голову несчастная мысль приравнять Шекспира къ телескопу, то ему слѣдовало, по крайней мѣрѣ, заглянуть въ какой-нибудь энциклопедическій словарь чтобы рѣшать: совпадаютъ-ли эти два событія (т. е. драма Шекспира и изобрѣтеніе телескопа) по времени? Если бы онъ это сдѣлалъ, онъ бы,— я въ этомъ увѣренъ,—не продолжалъ бы дальше своей статьи, ибо увидѣлъ бы, что она построена на песцѣ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ убѣдился бы, что между этими двумя событіями нѣтъ ровно ничего общаго: телескопъ изобрѣтенъ въ 1609 году Янсеномъ или Метцу въ Германіи, а къ этому времени Шекспиръ уже написалъ всѣ свои великія драмы (за исключеніемъ одного «Коріолана», написаннаго въ 1609 г.). Такимъ образомъ, если уже говорить о вліяніи, то приходится заключить, что не телескопъ повліялъ на творчество Шекспира, а наоборотъ,—Шекспиръ повліялъ на изобрѣтеніе телескопа. Благодаря этой скромной исторической справкѣ и вся теорія о «безмѣрности» рушится сама собой, составляя лишь новое свидѣтельство крайняго легкомыслія нѣкоторыхъ критиковъ.

Къ несчастію, это легкомысліе имѣетъ, повидимому, крайне пагубный характеръ, потому что оно упорствуетъ съ настойчивостью, достойной лучшей доли. Не успѣлъ г. А. В. приравнять Шекспира къ телескопу, какъ ему навязалась другая мысль, вызванная, по всей вѣроятности, склонностью автора къ симметріи. Въ періодъ времени,—говоритъ онъ.— отдѣляющій насъ отъ Шекспира совершилось коренное измѣненіе стремленій, вкусовъ. Насъ уже не раздражаютъ или не такъ раздражаютъ отдаленныя міровыя пространства, титаническіе образы, безмѣрно великое и грандіозное. Нашъ взоръ слишкомъ склонился на землѣ. Мы не хотимъ плохо видѣть и понимать далекое, хотя бы и великое. Нѣтъ, мы предпочитаемъ знать то малое и близкое, что повсюду окружаетъ насъ,

но видѣть и знать хорошо—хотимъ разсматривать все это, какъ бы въ микроскопъ. Наше время есть время господства микроскопа, подобно тому, какъ время Шекспира было временемъ господства телескопа. Увлеченіе микроскопическими изслѣдованіями въ области естествознанія невольно передается и въ область литературы. Наша эпоха выдвинула на первый планъ, такъ сказать, художниковъ-микроскопистовъ. Они дѣлаютъ изъ человѣка, средняго, обыденнаго человѣка,—какъ бы анатомическій препаратъ, изучаютъ его точнѣйшимъ образомъ въ микроскопъ, отдѣляютъ въ немъ нервъ отъ нерва, волокно отъ волокна, чтобъ опредѣлить характеръ и структуру ткани, ея свойства, степень стойкости въ борьбѣ съ окружающими условіями, болѣзни наслѣдственныя и пріобрѣтенныя и т. п. Генрихъ Ибсенъ принадлежитъ къ числу именно такихъ художниковъ-микроскопистовъ.

Такъ думаетъ г. А. В., и опять таки, я долженъ прибавить,—думаетъ совершенно неосновательно, ибо микроскопъ былъ изобрѣтенъ въ 1590 г., т. е. за годъ до того времени, когда Шекспиръ выступилъ на литературное поприще и за двѣсти шестьдесятъ лѣтъ до появленія на литературномъ горизонтѣ Ибсена. Такимъ образомъ получается довольно странное обстоятельство: не существовавшій тогда телескопъ повліялъ на Шекспира и возбудилъ въ немъ жажду безмѣрнаго, а существовавшій тогда микроскопъ не только не повліялъ на Шекспира и не внушалъ ему любви къ точному психическому анализу, но, повидимому (если вѣрить автору), не подавалъ признаковъ жизни вплоть до Ибсена, во второй половинѣ XIX вѣка, который оказался первымъ, если можно такъ выразиться, микроскопистомъ въ драматической литературѣ.

Вотъ до какихъ странностей можетъ довести болѣзненная склонность къ рискованнымъ обобщеніямъ. Критикъ, зараженный этимъ недугомъ, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на факты, не изъ фактовъ и дѣйствительности выводитъ теорію, а наоборотъ, факты и дѣйствительность насилуетъ и приноравливаетъ къ теоріи, которая почему-то очень ему понравилась. Въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ столѣтіяхъ ни Вольтеръ, ни Лессингъ, ни Альфіери, ни Гете, ни Шиллеръ, ни Викторъ Гюго, ни Пушкинъ не были микроскопистами (какое противное слово!), а напротивъ того шли по слѣдамъ Шекспира, но все равно, они *должны* быть микроскопистами, потому что такъ говоритъ теорія А. В. И съ какой стати думаетъ авторъ, что Шекспиръ интересовался только безмѣрнымъ и смотрѣлъ на своихъ героевъ, какъ бы сквозь телескопъ. У какого другого драматурга найдется болѣе тонкій, микроскопическій анализъ, какъ не у творца «Гамлета»? Почему его герои и героини такъ привычны намъ, такъ знакомы? Потому, что онъ изслѣдовалъ ихъ съ любовью истиннаго натуралиста, анализируя ихъ душевный складъ и индивидуальность до мельчайшихъ подробностей. Съ другой стороны, г. А. В. думаетъ, что именно тонкимъ анализаторомъ и анатомомъ впервые въ драмѣ явился Ибсенъ, но самая характеристика Ибсена, дан-

ная имъ, противорѣчитъ этому. Я здѣсь не думаю распространяться объ Ибсенѣ, а только хочу указать на то, какъ г. А. В. понимаетъ Ибсена, не рѣшая вопроса о томъ, правильно ли онъ его понимаетъ или нѣтъ? По толкованію г. А. В., весь микроскопическій анализъ, къ которому пришелъ Ибсенъ, заключается въ томъ, что корень всѣхъ общественныхъ и семейныхъ нестроеній и золъ есть—ложь передъ другими и передъ собою, ложь въ великомъ и маломъ, ложь, которая до такой степени въѣлась въ плоть и кровь современнаго человѣка, что безъ нея онъ почти совсѣмъ немыслимъ. Между нравственно больными субъектами, собранными Ибсеномъ—всего болѣе лжецовъ. Лгутъ «столпы общества», лжетъ «надежда будущаго», молодое поколѣніе, которое хочетъ подкопать и свалить «столповъ общества», чтобы занять ихъ мѣсто; лгутъ жены, чтобы ложью обезпечить благополучіе своихъ мужей; лгутъ матери ради благополучія своихъ дѣтей; лгутъ цѣлыя общества во всемъ своемъ составѣ отъ великаго до малаго. Современный человѣкъ не только лжетъ, но лжетъ сознательно и не хочетъ перестать лгать, такъ какъ безъ лжи онъ, по крайней мѣрѣ въ значительномъ большинствѣ, вовсе не способенъ былъ бы жить. По убѣжденію представителей современнаго общества, въ изображеніяхъ Ибсена, ложь необходима, ибо полезна. Но ложь для человѣка не только полезна, какъ «стимулъ жизни», но она неизбѣжна. Два могучіе фактора обусловливаютъ неизбѣжность лжи для современнаго человѣка: среда и наслѣдственность. Подъ вліяніемъ совмѣстнаго дѣйствія этихъ двухъ факторовъ современный человѣкъ сдѣлался лживъ въ самой своей природѣ. Онъ несетъ въ себѣ ложь всѣхъ предъидущихъ поколѣній,—ложь, которая въ концѣ концовъ заложена въ самой его физіологической организаціи.

Таковъ, по мнѣнію автора, результатъ ибсеновской діагностики современнаго общества. Не будемъ спорить съ авторомъ и скажемъ даже, что онъ правъ: всѣ отрицательные типы Ибсена носятъ на своемъ челѣ печать этой лжи, хотя и у Ибсена эта печать осложняется и другими симптомами, имѣющими также свою важность. Все это вѣрно, и въ этомъ, безспорно, заключается литературная особенность норвежскаго драматурга. Но гдѣ-же тутъ тотъ микроскопическій анализъ, который будто-бы свойственъ одному лишь Ибсену и который составляетъ какъ бы отличительную черту всей современной драматургіи, въ отличіе, напримѣръ, отъ драмы Шекспира? Ибсенъ вѣрно схватилъ одинъ общій признакъ, которымъ страдаетъ современное человѣчество и раскрылъ его передъ нами. Но онъ далеко не анализировалъ его такъ тщательно, какъ это сдѣлалъ бы истинный анатомъ, чтобы этимъ путемъ добраться до коренныхъ свойствъ болѣзни; онъ представилъ намъ богатую коллекцію представителей современнаго человѣчества, выдающеюся чертою которыхъ является ложь, какъ характерный признакъ именно современности, но онъ вовсе и не думалъ углубляться въ такія бездны анализа, какъ напримѣръ Бальзакъ, въ своей «Comedie humaine». Не безъ основанія многіе кри-

тики упрекаютъ Ибсена именно за его безсилье въ анализѣ, говоря, что его дѣйствующія лица только намѣчены, но далеко не изучены въ подробностяхъ, что психологія ихъ блѣдна и даже довольно элементарна, что душевный и умственный складъ человѣка интересуетъ его лишь настолько, насколько онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ окружающимъ, и что потому его дѣйствующія лица не живые люди, созданія которыхъ мы вправѣ ожидать отъ художника, а лишь маски, которыми Ибсенъ пользуется для проведенія своихъ идей. Онъ не столько психологъ и анатомъ, какимъ долженъ-бы быть, по мнѣнію г. А. В., настоящій художникъ-микроскопистъ, сколько своебразный мыслитель и публицистъ, для котораго важны не микроскопическія изслѣдованія, а общія выводы.

Это, между прочимъ, подтверждается и второй половиной статьи г. А. В., въ которой онъ старается характеризировать положительную сторону творчества Ибсена, гдѣ Ибсенъ изображаетъ своего «героя», какъ «новаго человѣка», который долженъ быть прежде всего великъ въ своей волѣ. Онъ долженъ отважиться хотѣть и тогда онъ будетъ въ состояніи сдѣлать все и достигнетъ всего, чего хочетъ. Тогда не только съ самого себя онъ сброситъ позорное ярмо прошлаго, но и другихъ освободитъ отъ него и сдѣлается желаннымъ вождемъ человѣчества, за которымъ вслѣдъ пойдутъ толпы. Этотъ типъ «новаго человѣка» является въ большинствѣ позднѣйшихъ произведеній Ибсена. Почти въ каждой изъ драмъ Ибсена, его «человѣкъ воли» все снова и снова выступаетъ передъ нами, только въ новомъ одѣяніи и въ новой обстановкѣ. И если его всякій разъ постигаютъ неудачи; если его мечты остаются всегда недовершенными, то это зависитъ,—думаетъ Ибсенъ,— вовсе не отъ того, что замыслы «новаго человѣка» фальшивы въ самой своей основѣ, въ принципѣ, но отъ того, что зло слишкомъ глубоко пустило корни и не можетъ быть исторгнуто разомъ. Дѣло очищенія современнаго общества отъ зла и неправды не по силамъ одному человѣку, хотя-бы и геніальному, передовому—«сверхчеловѣку». Оно требуетъ совокупнаго усилія цѣлаго ряда такихъ дѣятелей или, лучше сказать, требуетъ, чтобы каждый человѣкъ до нѣкоторой степени сдѣлался сверхчеловѣкомъ, чтобы каждый «пробудилъ въ себѣ дремлющаго льва» Такимъ образомъ, «компактное большинство», не интеллигентная и интеллигентная толпа, унаслѣдовавшая свойства отцовъ, несущая въ себѣ вѣковыя дурныя вліянія среды, обстановки и т. п.—вотъ истинный врагъ прогресса, вотъ въ комъ коренится неправда и ложь, вотъ съ кѣмъ слѣдуетъ «человѣку воли» вступить въ непримиримую борьбу. Если мы возьмемъ драмы Ибсена въ цѣломъ и общемъ и прослѣдимъ въ нихъ развитіе основного ибсеновскаго типа—«человѣка воли», то мы увидимъ, какъ этотъ типъ у него постепенно осложняется и принимаетъ все болѣе и болѣе радикальный характеръ. Выступая сначала противъ односторонностей въ собственно религіозной жизни, «человѣкъ воли» мало по малу

возвышаетъ свой протестъ и въ другихъ сферахъ—семейной, педагогической, экономической, пока наконецъ не находитъ общаго и принципіальнаго врага всякой общественной лжи и неправды.

Такимъ образомъ, по толкованію г. А. В., въ драмѣ Ибсена мы, собственно говоря, находимъ двѣ стороны, — жосткую среду, пропитанную ложью и «человѣка воли», который долженъ восторжествовать надъ этой средой и повести человѣчество по новому пути прогресса, но и въ изображенія этого героя ибсеновскій анализъ также элементаренъ, какъ его анализъ среды: какъ тутъ, такъ и тамъ намѣчены общіе черты, фигуры рисуются блѣдно и неясно и не обнаруживаютъ признаковъ жизненности.

Нѣкоторую аналогію, хотя и отдаленную, находимъ мы въ общихъ соображеніяхъ, которыми дѣлится съ нами другой критикъ, г. Коробко, (въ «Русской Мысли») анализируя Апухтина, какъ поэта. Ибсеновскій «человѣкъ воли» стремится къ борьбѣ съ общественнымъ зломъ, съ косной средой, а апухтинскій герой, по толкованію г. Коробка, есть олицетвореніе «безвольнаго человѣка», неспособнаго ни на какую дѣятельность и погрязшаго въ праздной мечтѣ избалованнаго эгоиста. Такимъ представляется нашему критику Апухтинъ, какъ поэтъ и человѣкъ. Это нѣчто въ родѣ Обломова, но Обломовъ конца XIX вѣка.—У прежняго Обломова были порывы къ дѣятельности,—лежа на своей постелѣ въ покойномъ халатѣ, Обломовъ мечталъ о подвигахъ, — но это возможно было въ сороковыхъ годахъ; жизнь тогдашней Россіи вполнѣ гармонировала съ «обломовщиной», она шла исподволь, не торопясь, безъ толчковъ, безъ лихорадочной поспѣшности, безъ особаго напряженія, но и безъ той легкости, которая порождаетъ быстроту. Такъ тянулся въ пыльномъ рыдванѣ, на холеныхъ, сытенькихъ, «своихъ» лошадкахъ по песчаной дорожкѣ, «въ губернію» или «изъ губерніи» въ доброе старое время помѣщикъ средней руки, сытый, довольный, беззаботный хлѣбосолъ, не знающій ни «кризисовъ», ни «вопросовъ», ничего такого, что портило-бы его сонъ и аппетитъ. Новый Обломовъ воспитался при условіяхъ совершенно иныхъ. За послѣднія тридцать лѣтъ общественный бытъ Россіи измѣнился сильнѣе, чѣмъ за предъидущія полтораста. Обломовы были совершенно выбиты изъ колеи; новая жизнь была для нихъ совершенно непонятна и антипатична, но благодаря своей «обломовщинѣ» они не вступили сначала въ борьбу даже съ ней, они пассивно отдались волнѣ событій, стараясь даже, по временамъ казаться адептами новыхъ вѣяній, быть можетъ иногда, безсознательно конечно, и служить имъ, но новыя условія жизни, новые взгляды, идеи не могли не удручать его. Какъ бы безсознательно не относились Обломовы къ общественной жизни, они не могли не чувствовать, что начинаютъ господствовать начала имъ враждебныя, ихъ упраздняющія. Обломовы чувствовали, что волны новыхъ теченій грозитъ унести ихъ, смыть съ лица

земли то, что они привыкли боготворить. Могли-ли при такихъ условіяхъ Обломовы предаваться мечтамъ? Они должны были понять, что ихъ пѣсня спѣта. При такихъ условіяхъ становится понятнымъ, что Обломовы, добрѣйшіе Обломовы, прямые потомки милаго Ильи Ильича, составили ядро реакціи, что въ ихъ средѣ возникли тѣ тлетворныя вѣянія, которыя грозятъ разложеніемъ идейнаго содержанія жизни нашего общества. Обломовы старые были мечтатели, не умѣвшіе взяться за дѣло, найти его; Обломовы новые — брюзги, ненавидящіе всякое новое дѣло; но вмѣстѣ съ тѣмъ новые Обломовы гораздо несчастнѣе старыхъ, ихъ жизнь еще безсодержательнѣе, еще пустѣе. Вотъ на этой-то почвѣ возникаетъ настроеніе, которое, по мнѣнію г. Коробко, находимъ у Апухтина. Баловень счастья, одаренный всѣмъ, чтобы не прожить незамѣтно, чтобы работать на пользу человѣчества, чтобы быть счастливымъ, онъ проводитъ свою жизнь диллетантомъ, клянетъ эту безцѣльную жизнь, мучится, терзается ея пустотой и сходитъ въ могилу неудовлетвореннымъ, несчастнымъ.

Надо отдать справедливость г. Коробко: анализируя стихотворенія Апухтина и въ особенности его повѣсти, онъ довольно ярко возстановляетъ этотъ типъ Обломова новѣйшей формаціи. Какъ для прежняго Обломова, такъ и для новаго—цѣль жизни сосредоточивается въ наслажденіи. Жизнь для наслажденія, незнакомство съ трудомъ, непривычка къ нему также характерны для Обломова, какъ и преувеличенное значеніе любви. Апухтинъ не ушелъ отъ этой общей участи, любовь рано стала играть доминирующую роль въ его жизни и играла чуть ли не до конца его дней. Любви посвящены лучшія поэтическія произведенія Апухтина. Казалось бы, что это чувство, взятое въ его полнотѣ, съ мечтами и разочарованіями, должно было наполнить жизнь поэта, но въ дѣйствительности оказалось иначе. Она была пуста и томительна. Но почему? На этотъ вопросъ нашъ критикъ находитъ отвѣтъ въ повѣстяхъ Апухтина, гдѣ изображается безпомощность обломовца, «безъ руля и вѣтрилъ» мечущагося на жизненномъ пути, безъ пользы для другихъ, безъ радости для себя. Это — признаніе въ душевной несостоятельности человѣка, который даже самъ видитъ выходъ изъ своего положенія въ жизни, полной «здороваго, бодраго труда», но который не имѣетъ смѣлости пойти по этому пути. «Случаи, когда праздный человѣкъ рѣшался на такой шагъ—не рѣдки; у насъ даже создалось особое выраженіе для такого человѣка: это — выраженіе «кающійся дворянинъ», къ тому-же разряду праздныхъ людей, добровольно избравшихъ путь «работника здороваго и бодраго труда», принадлежитъ цѣлая серія нашихъ культурныхъ работниковъ изъ празднаго человѣчества, но для такого здороваго труда нужно имѣть и здоровую натуру, нужно, чтобы во время явилось въ сердцѣ «исканіе правды», исканіе «сердечной святыни», а для этого условія жизни празднаго человѣчества, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше представляютъ благопріятнаго. Правда все дальше и дальше ухо-

дить отъ празднаго человѣчества, замыкающагося въ отстаиваніи своей праздности, и шагъ къ правдѣ становится все труднѣе для празднаго человѣка, самоотреченіе его при этомъ шагѣ становится все большимъ и большимъ. Современный праздный человѣкъ часто видитъ правду, но пойти ей навстрѣчу не въ силахъ. Точно также современный праздный человѣкъ часто видитъ горе истинное, не призрачное горе, пойметъ его, даже глубоко пойметъ, но не поспѣшитъ ему на помощь, а съ тоской отвернется и поспѣшитъ найти утѣшеніе въ «грезахъ не ясныхъ», «за предѣлами».

Разбирая произведенія Апухтина съ этой единственной и исключительной точки зрѣнія, нашъ критикъ очень послѣдовательно и мѣстами рельефно развиваетъ эти мысли, видя при этомъ въ Апухтинѣ какъ бы предтечу новѣйшихъ теченій въ русской литературѣ, хотя въ то же время находитъ, что Апухтинъ былъ послѣднимъ «чистымъ» представителемъ блестящей литературной школы, которую онъ называетъ дворянской школой. При этомъ въ своемъ анализѣ нашъ критикъ пользуется прозаическими произведеніями Апухтина, выписывая оттуда цѣлыя страницы и только кое-гдѣ сопровождая ихъ легкимъ комментаріемъ. Все это возбуждаетъ въ читателѣ нѣкоторое недоумѣніе. Г. Коробко принимаетъ за чистую монету все то, что Апухтинъ говоритъ о своихъ герояхъ, и не задумывается перенести эту характеристику на самого автора, даже не задавая себѣ вопроса, дѣйствительно-ли Апухтинъ имѣлъ въ виду самого себя, или же онъ старался возможно ярче набросать типъ человѣка, котораго онъ встрѣчалъ въ живой дѣйствительности и который могъ совершенно не походить на самого поэта. Съ другой стороны, почему онъ считалъ Апухтина предтечей новѣйшихъ литературныхъ теченій? На это у нашего критика нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ указаній, тѣмъ болѣе, что и новыя теченія онъ никакъ не характеризуетъ, такъ что не знаешь, что собственно означаетъ у него это выраженіе. Странна также квалификація Апухтина, какъ послѣдняго «чистаго» представителя дворянской школы. О такой школѣ мы до сихъ поръ не слыхали; во всякомъ случаѣ, странно, чтобы не сказать болѣе, подраздѣлять литературу на школы, въ основѣ которыхъ лежитъ понятіе сословія: если есть школа дворянская, то почему бы не быть школѣ мѣщанской, или крестьянской, школѣ солдатской или юнкерской, или еще какой-нибудь? Впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ нельзя обвинять одного лишь г. Коробко; очевидно, онъ воспользовался только терминологіей, которую съ такимъ успѣхомъ ввелъ въ русскую критику г. Скабичевскій. Вѣдь и г. Скабичевскій называетъ всю русскую литературу до шестидесятыхъ годовъ дворянской, а затѣмъ ужъ, по его мнѣнію, начинается періодъ школы разночинцевъ.

Кромѣ того, и самый анализъ, совершенный нашимъ критикомъ, узокъ и одностороненъ. Направленіе его поэтической дѣятельности Аптухина онъ объясняетъ лишь положеніемъ его въ обществѣ, какъ члена этого обще-

ства, полагая довольно наивно, что однимъ этимъ обстоятельствомъ раскрывается и самая его творческая дѣятельность. Но такойвзглядъ явно ошибоченъ, потому что изъ него устранены важнѣйшіе вопросы психологіи творчества и индивидуальной жизни. Поэтъ—не только членъ общества и гражданинъ, онъ также—самодовлѣющая себѣ индивидуальность, развивающаяся и живущая своимъ собственнымъ духовнымъ содержаніемъ. Онъ не только подчиняется вліянію среды, но часто и самъ на нее вліяетъ, создавая новыя «теченія», открывая новые умственные горизонты, и изъ этого взаимодѣйствія двухъ силъ объясняется жизнь и эволюція въ данномъ обществѣ. Ни эпохой, ни средой нельзя вполнѣ опредѣлить творчество ни поэта, ни художника. Въ исторіи всемірной литературы сплошь и рядомъ встрѣчаются поэты, живущіе, такъ сказать, бокъ-о-бокъ, въ одномъ обществѣ, въ одно и то же время, подчиняющіеся однимъ и тѣмъ же общественнымъ и культурнымъ условіямъ и тѣмъ не менѣе расходящіеся нетолько въ характерѣ своего творчества, но и въ направленіи его. Поэтому и Апухтина нельзя объяснить тѣмъ, что онъ принадлежалъ къ свѣтскому обществу, былъ богатъ, слѣдовательно не нуждался въ заработкѣ. Тѣмъ нелѣпѣе объяснять его такой условной схемой, какъ «обломовщина».

Въ небольшой замѣткѣ, помѣщенной въ «Русской Мысли», г. Стороженко даетъ новые, до сихъ поръ совершенно неизвѣстные матеріалы для біографіи Шевченко. Матеріалы эти въ высшей степени любопытны. Еще до ссылки, въ 1847 году, странствуя по Черниговской губерніи, Шевченко мечталъ о второмъ изданіи своего «Кобзаря» и, въ бытность свою у Лизогуба, набросалъ любопытное предисловіе къ изданію, въ которомъ горячо отстаивалъ право существованія малорусской литературы. Это предисловіе никогда не появлялось въ печати; текстъ его г. Стороженко даетъ въ русскомъ переводѣ съ нѣкоторыми, какъ онъ говорится «необходимыми сокращеніями». Вотъ оно: «Выпускаю въ свѣтъ второе изданіе моего *Кобзаря* и чтобъ ему не ходить съ пустымъ мѣшкомъ, надѣляю его предисловіемъ. Къ вамъ мое слово, о братія моя украинская возлюбленная! Великая печаль овладѣла душою моею. Слышу, а иногда читаю, что поляки, чехи, сербы, болгары и русскіе издаютъ много на своихъ языкахъ, а мы ни слова. Что съ вами, братія моя? Не испугались-ли вы нашествія иноплеменныхъ журналистовъ? Не бойтесь ихъ! Собака лаетъ,—вѣтеръ носитъ. Они кричатъ, почему мы не пишемъ по русски? А я спрашиваю ихъ, почему сами русскіе не пишутъ по русски, и только переводятъ, да и то плохо? Уснастятъ свою рѣчь какими-то индивидуализмами и такими словами, что и не выговоришь, кричатъ о братствѣ, а грызутся какъ собаки. Толкуютъ объ единой славянской литературѣ, а не хотятъ знать того, что дѣлается у славянъ. Развѣ они прочли хоть одну книжку польскую, чешскую, или хоть нашу? Нѣтъ, не прочли, потому что не понимаютъ. Если же имъ попадется въ руки наша книжка,

то они хвалятъ въ ней то, что никуда не годится, разсказы о жидахъ, шинкахъ и пьяныхъ бабахъ, а наши патріоты-хуторяне только повторяютъ ихъ слова. Правда, что мы сами тутъ не безъ грѣха, ибо мы не знаемъ нашего народа такимъ, какимъ сотворилъ его Господь; ибо въ шинкѣ и наши, и русскіе, и даже нѣмцы—всѣ похожи на свиней, а наши, пожалуй, еще больше всѣхъ. Прочтутъ себѣ по складамъ *Энеиду* Котляревскаго, да послоняются возлѣ шинка и думаютъ, что знаютъ нашъ народъ. Нѣтъ, господа, прочтите наши думы и пѣсни, послушайте, какъ наши крестьяне говорятъ между собою, не снимая шапокъ, какъ они сидятъ на пирушкахъ и вспоминаютъ про старину, какъ они плачутъ, вспоминаютъ про турецкую неволю или про тѣ оковы, въ которыя ихъ заковали польскіе магнаты, тогда вы скажете, что хотя *Энеида* и хорошая вещь, но все-таки смѣхотворная и при томъ на московскій ладъ. Вотъ тутъ-то, братія моя возлюбленная, чтобы знать людей, нужно пожить съ нами, а чтобы ихъ описывать, нужно прежде самому стать человѣкомъ. О, тогда пишите и печатайте, и тогда вашъ трудъ будетъ трудомъ честнымъ! А на русскихъ не обращайте вниманія: пусть они пишутъ по-своему, а мы по-своему,—у нихъ народъ и слово, и у насъ народъ и слово, а чье слово лучше—объ этомъ пусть судятъ другіе. Они ссылаются на Гоголя, который пишетъ по русски, а не по украински, и на Вальтеръ-Скотта, который писалъ по-англійски, а не по-шотландски. Гоголь выросъ въ Нѣжинѣ и своего родного языка не знаетъ, а Вальтеръ-Скоттъ въ Эдинбургѣ, а не въ Шотландіи, но у шотландцевъ есть за то свой великій и народный поэтъ Бэрнсъ. Нашъ Сковорода могъ бы быть такимъ, если бы его не сбили съ толку сперва латынь, а потомъ русское вліяніе. Правда, покойный Основьяненко добросовѣстно изучалъ народъ, но недостаточно прислушался къ его языку, можетъ быть даже и не слышалъ его въ колыбели отъ родной матери, а Артемовскій, хоть и слышалъ, да позабылъ, потому что постригся въ паны. Почему-же Караджичъ и Шафарикъ не сдѣлались нѣмцами (что имъ было весьма сподручно), а остались славянами, и искренними сынами своей родины и тѣмъ стяжали себѣ добрую славу. Горе намъ! Но, братья, не входите въ уныніе, а молитесь Богу и работайте разумно во имя матери нашей—безталанной Украйны. Аминь».

Извѣстно, что вскорѣ послѣ этого, Шевченко, заподозрѣнный въ принадлежности къ кирило-меѳодіевскому обществу, былъ арестованъ и отправленъ въ Петербургъ, а отсюда, разжалованный въ рядовые, былъ сосланъ въ Оренбургскій линейный батальонъ. Къ 1857 году онъ былъ помилованъ; сначала ему дозволено было жить въ Нижнемъ, а вскорѣ послѣ этого и въ Петербургѣ. Устроившись въ академіи художествъ (ему была дана мастерская), Шевченко принялся за хлопоты по второму изданію «Кобзаря», которое десять лѣтъ тому назадъ не удалось вслѣдствіе его ареста и ссылки. Къ этому его побуждали, главнымъ образомъ, матеріальныя обстоятельства. Средствъ у него не было никакихъ, а худо-

жественные заказы стоили ему большого труда, потому что онъ успѣлъ сильно отвыкнуть отъ техники рисунка и гравюры. Нужно было хлопотать о разрѣшеніи изданія. Шевченко обратился съ прошеніемъ на имя министра народнаго просвѣщенія, въ вѣденіи котораго находилась тогда цензура. Въ прошеніи этомъ онъ объяснялся, что нуждаясь въ дневномъ пропитаніи, онъ проситъ дозволить ему второе изданіе *Кобзаря* и *Гайдамакъ*. Въ виду того, что Шевченко находился подъ надзоромъ полиціи, министръ не могъ своею властью разрѣшить изданіе и потребовалъ прежде всего разрѣшенія III-го отдѣленія. По этому поводу поэтъ написалъ письмо къ тогдашнему шефу жандармовъ. Это письмо приводитъ цѣликомъ г. Стороженко. Мы не приводимъ этого письма, хотя какъ документъ оно несомнѣнно имѣетъ важное значеніе въ исторіи малорусской литературы. Достаточно будетъ сказать, что въ этомъ письмѣ Шевченко сознается въ своихъ заблужденіяхъ и высказываетъ желаніе, «чтобъ преступные стихи покрылись вѣчнымъ забвеніемъ». Затѣмъ онъ прибавляетъ: «Десять лѣтъ прошло съ того времени. Въ такой продолжительный періодъ времени и дѣти становятся людьми, мыслящими основательно. Поэтому, надобно предположить, что и въ моей бѣдной головѣ больше установилось порядка, если не прибавилось ума. На основаніи этого естественнаго предположенія, покорно прошу в. с., какъ представителя верховной власти въ извѣстной сферѣ дѣлъ, смотрѣть на меня, какъ на человѣка новаго и не смѣшивать меня съ тѣмъ Шевченкомъ, который имѣлъ несчастіе навлечь на себя своими рукописями праведный гнѣвъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора». Ссылаясь затѣмъ на своихъ земляковъ Н. И. Костомарова и П. Л. Кулиша, дѣйствовавшихъ тогда на литературномъ поприщѣ, хотя и имъ въ 1847 году было запрещено печатать свои сочиненія, и на «сочиненія эмигранта Мицкевича», которыя по высочайшей благодѣтельной волѣ было позволено печатать въ предѣлахъ имперіи»,—Шевченко проситъ, чтобъ и ему было дозволено печатать свои сочиненія.

Въ концѣ концовъ, послѣ многихъ мытарствъ, разрѣшеніе на новое изданіе «Кобзаря» было дано.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Образецъ научной безграмотности.

Въ наше время, когда появляется такъ много книгъ и статей, посвященныхъ соціальнымъ и экономическимъ вопросамъ, какъ-то даже странно видѣть со стороны того или другого автора полную некомпетентность въ вопросѣ, за который онъ взялся. И нужно признаться, что такіе случаи встрѣчаются далеко не часто: для этого, какъ ни какъ, нужна изъ ряда вонъ выходящая смѣлость и увѣренность въ себѣ. Тѣмъ болѣе странно, конечно, встрѣтить подобную работу въ распространенномъ журналѣ, вліяющемъ на тысячи, если не на десятки тысячъ читателей. Въ этомъ случаѣ за научныя погрѣшности работы отвѣчаетъ не только авторъ, но точно также и редакція журнала. Такая двойная отвѣтственность, казалось-бы, должна была устранять возможность особенно крупныхъ недосмотровъ. Но въ дѣйствительности мы видимъ нѣчто иное.

Передъ нами майская «Книжка Недѣли». Въ ея періодическомъ отдѣлѣ мы встрѣчаемъ статью «Профессоръ Масарыкъ о марксизмѣ», представляющую собою, въ сущности, пересказъ лекціи профессора Масарыка на означенную тему. Но что сдѣлалъ русскій компиляторъ съ этой статьей? Трудно себѣ даже представить, какимъ образомъ его безграмотная передѣлка могла найти себѣ мѣсто на страницахъ журнала. Почти каждая строчка его изложенія краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что онъ не разбирается ни въ научной терминологіи, ни въ существѣ вопроса. Читатель, желающій ознакомиться на основаніи этой компиляціи съ взглядами чешскаго профессора на сущность и значеніе марксизма, вынесетъ какъ объ этомъ ученіи, такъ и о почтенномъ профессорѣ весьма странное представленіе.

Вотъ какъ формулируетъ русскій компиляторъ, со словъ профессора Масарыка, сущность марксовской теоріи прибавочной цѣнности: «Въ докапиталистическую эпоху каждый работалъ для себя и вырабатывалъ столько, сколько ему было необходимо. Въ періодъ капитализма работникъ становится уже несамостоятельнымъ; его работа дѣлается товаромъ, продающимся капиталисту, и этотъ имѣетъ прибыль съ рабочаго. Работникъ также, ежедневно работая за извѣстную плату, вырабатываетъ не столько, сколько ему необходимо для содержанія семейства, но гораздо больше и этой своей лишней работой въ лишнюю часть дня вырабатываетъ капиталисту добавочную цѣнность, т. е. прибыль».

И эта-то безсмыслица преподносится намъ въ качествѣ квинтъ-эссенціи марксовской теоріи!

Пойдемъ дальше. Отношеніе третьяго тома капитала къ первому характеризуется слѣдующими словами: «по ученію, изложенному въ первомъ томѣ, добавочная цѣнность возникаетъ только изъ капитала, обращеннаго въ рабочую силу («измѣнчивый» капиталъ), тогда какъ третій томъ придерживается опыта, который учитъ, что прибыль не опредѣляется добавочной цѣнностью: стоимость издѣлія и постоянная прибыль зависятъ отъ колеблемости капитала». Интересно знать, что думалъ при этомъ референтъ? Какъ представлялъ онъ себѣ «колеблемость капитала» и зависимость между нею и цѣнностью издѣлія? Съ выраженіемъ «измѣнчивый» капиталъ, пожалуй, еще можно было-бы примириться, если бъ у насъ не установился прочно терминъ «перемѣнный капиталъ».

«Разладъ между I и III томами,—читаемъ нѣсколько ниже,—старался растолковать проф. Сомбартъ (Зомбартъ), говоря, что марксовская добавочная цѣнность есть только вспомогательное средство національно-экономической теоріи. Сомбартовское философическое толкованіе въ значительной мѣрѣ увлекло самого Энгельса. Энгельсъ уже на склонѣ своихъ дней написалъ статью съ цѣлью уладить это дѣло, но ничего другого не могъ сказать, кромѣ того, что законъ цѣнности началъ примѣняться съ возникновенія мѣновой торговли вплоть (хорошо начало!) до XV вѣка».—Нужно очень близкое знакомство съ предметомъ, чтобы догадаться, о чемъ тутъ идетъ рѣчь.

«Все это очень незначительно объясняетъ полувѣковую (!) капиталистическую дѣятельность, какъ справедливо говоритъ французскій соціологъ Сорель». Это, конечно, клевета: Сорель слишкомъ свѣдующій человѣкъ, чтобы говорить, о *полувѣковомъ* существованіи капитализма.

А вотъ вамъ еще образчикъ: «Передовые соціалистическіе теоретики мало-по-малу начинаютъ уже оспаривать марксовскую теорію цѣнности, а нѣкоторые ее совершенно оставили, особенно англичане, принявшіе теорію Джевонса («крайняго пользованія») и вѣнскія школы (Shaw, Smart)». Допустивъ даже, что вѣнская школа превратилась въ вѣнскія школы вслѣдствіе опечатки, (опечатки, къ слову сказать, крайне неинтеллигентной; благодаря ей англичане Shaw и Smart превращаются въ представителей двухъ *вѣнскихъ* школъ), остается еще новоизобрѣтенный терминъ «крайнее пользованіе», которымъ референтъ «Книжекъ Недѣли» призналъ за лучшее замѣнить традиціонное выраженіе «предѣльная полезность». И такъ изложена вся статья!

Мы не имѣемъ въ виду входить въ разсмотрѣніе лекціи проф. Масарыка по существу, которая, сама по себѣ, не представляетъ никакого особеннаго интереса. Приведенныхъ-же нами примѣровъ, думается намъ, достаточно, чтобы показать, насколько точно передаетъ взгляды автора рефератъ «Книжекъ Недѣли» и насколько лекція проф. Масарыка можетъ быть поучительна для русскихъ читателей въ подобномъ пересказѣ.

---

27 апрѣля 1897 года состоялось открытіе «Учено-Литературнаго Общества» при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ. Уставъ Общества утвержденъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 4 марта 1897 года.

Общество имѣетъ цѣлію содѣйствовать разработкѣ и распространенію знаній въ области археологіи, исторіи, литературы и права и взаимному обмѣну мыслей по вопросамъ, относящимся къ упомянутымъ наукамъ, а равно по тѣмъ отдѣламъ біологіи, которые имѣютъ соприкосновеніе съ науками гуманитарными и общественными (§ 1 Устава).

По мѣрѣ потребности, Общество имѣетъ въ виду открыть слѣдующія отдѣленія: 1) историко-филологическихъ наукъ, 2) юридическихъ и общественныхъ наукъ, 3) педагогическое (§ 3).

Общество состоитъ изъ членовъ почетныхъ, дѣйствительныхъ, членовъ-соревнователей и членовъ-сотрудниковъ. Дѣйствительными членами могутъ быть лица какъ состоящія на учебной службѣ въ Университетѣ. такъ и прочія лица (обоихъ половъ), занимающіяся входящими въ кругъ занятій Общества науками. Въ члены-соревнователи избираются лица, оказавшія Обществу значительныя матеріальныя услуги; въ члены-сотрудники—лица, принимающія участіе въ дѣятельности Общества своими научными работами. Ежегодный взносъ для дѣйствительныхъ членовъ опредѣленъ общимъ собраніемъ на первое пятилѣтіе въ размѣрѣ *трехъ рублей*; этотъ взносъ можетъ быть замѣненъ единовременнымъ въ размѣрѣ *пятидесяти рублей*, освобождающимъ отъ ежегоднаго денежнаго взноса навсегда. Члены-соревнователи и члены-сотрудники освобождаются отъ обязательныхъ членскихъ взносовъ (§§ 4, 6, 7, 8 и 9).

Засѣданія Общества и отдѣленій имѣютъ быть закрытыя и открытыя. Въ закрытыхъ присутствуютъ одни члены Общества; въ открытыхъ, кромѣ членовъ, могутъ присутствовать и гости, вводимые членами по заявленіи о томъ предсѣдателю. Въ открытыхъ засѣданіяхъ выслушиваются и обсуждаются научные рефераты и сообщенія членовъ Общества или постороннихъ лицъ (§§ 23 и 24).

Средства Общества составляются: изъ членскихъ взносовъ; изъ субсидій Университета, если послѣдній признаетъ возможнымъ разрѣшить таковыя; изъ добровольныхъ пожертвованій; изъ суммъ, выручаемыхъ отъ продажи изданій Общества; изъ сбора за публичныя лекціи, читаемыя въ его пользу (§ 33).

Должностныя лица Общества на 1897—1898 годъ, по избранію Общаго Собранія: Предсѣдатель—проф. А. С. Будиловичъ, Товарищъ предсѣдателя—проф. Е. В. Пѣтуховъ, Секретарь—проф. М. Е. Красноженъ, Казначей—проф. проф. С. К. Богушевскій, Члены Совѣта: проф. В. Г. Алексѣевъ, проф. А. В. Никитскій и лекторъ С. И. Роше, Библіотекарь—проф. А. Ф. Зачинскій.

СТРАН.

Редакторъ-издательница **Л. Я. Гуревичъ.**